

RARA ORIENTALIA

*Ж 300-летию
основания библиотеки
Российской академии наук*

*Посвящается 10-й годовщине со дня подписания
Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между
Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой*

Вид Кяхты. Из «Живописного путешествия от Москвы до Китайской границы
Андрея Мартынова», СПб, 1819 г.

РОССИЯ И КИТАЙ

Научные и культурные связи
(по материалам архивных, рукописных, книжных
и музейных фондов)

Вып. 2

Санкт-Петербург
2012

ББК 63.3(2/5)

Р 74

Научный руководитель д.п.н. *В.П. Леонов*
Ответственный редактор к.п.н. *Н.В. Колпакова*
Составитель к.ф.н. *Г.З. Пумпян*

Рецензенты:

Кандидат исторических наук *Н.А. Самойлов*
Кандидат исторических наук *Т.И. Виноградова*

Россия и Китай : научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2 / Б-ка РАН; науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; сост. Г.З. Пумпян; ред. О.Г. Юдахина. – СПб.: БАН; Альфарет, 2012. – 308 с. : ил.

Сборник включает публикации по истории российско-китайских отношений в разных областях (наука, культура, дипломатические отношения России с Китаем и другими странами АТР, история китаеведения, научные экспедиции в Китай). Публикации подготовлены на основе материалов архивов, рукописных и книжных собраний, а также музейных коллекций Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Сибири, Дальнего Востока и Китая. Сборник рассчитан на китаеведов, специалистов по отечественной истории, филологов, искусствоведов, библиографов и библиотекарей, аспирантов и студентов ВУЗов, а также широкий круг читателей, интересующихся историей русско-китайских отношений, отечественной науки и культуры.

Revised by:

Ph.D. N.A. Samoylov (associated professor of the Asian and African studies Faculty, Saint-Petersburg University)
Ph.D. T.I. Vinogradova (head of the Asia and Africa publications Department, Russian Academy of Sciences Library)

Russia and China : Scientific and cultural relations (archives, manuscripts, book and museum collections). Issue 2 / Russian Academy of Sciences Library; sc. head V.P. Leonov; ed. N.V. Kolpakova; comp. by G.Z. Poupian. – S.-Petersburg: BAN; Alfaret, 2012. – 308 p.: il.

The collection of works includes articles on the history of the relations between Russia and China in various fields of human activity (science and humanities, culture, diplomatic relations, the history of sinology in Russia, Russian research expeditions to China). The publications are based on the exploration of the archives, manuscripts, book and museum collections of Moscow, Saint-Petersburg, Siberia, Far East and China. The collection of works is intended for sinologists, specialists on the Russian history, philologists, art critics, bibliographers and librarians, students and post-graduate students and all those interested in the history of the Russian-Chinese relations, history of our science and humanities, diplomacy and culture.

ISBN 978-5-336-00142-6

© Библиотека Российской академии наук, 2012
© ООО «Издательство Альфарет», 2012

Содержание

Предисловие	7
Российские экспедиции и путешествия в Китай и русское присутствие в Китае . . .	12
<i>Филиппова Т.Ф.</i> Георг Иоганн Унферцагт и его описание путешествия в Китай в составе русского посольства Л.В. Измайлова 1719–1722 гг. (по материалам фондов Отдела редкой книги БАН)	12
<i>Андреев А.И.</i> Русские экспедиции в Центральную Азию: организация и снаряжение (1870–1920-е гг.)	19
<i>Андреев А.И.</i> Зоологические коллекции Н. М. Пржевальского в фондах Зоологического музея РАН.	36
<i>Малевинская М.Е.</i> Китай второй половины XIX– начала XX в. глазами русских моряков (по материалам РГАВМФ)	59
<i>Дацышен В.Г.</i> Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX в. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая)	67
Из истории российского и западноевропейского китаеведения	81
<i>Кычанов Е.И.</i> Из истории международного сотрудничества в изучении фонда П.К. Козлова из мертвого города Харо-Хото в рукописном собрании Института восточных рукописей РАН	81
<i>Пумпян Г.З.</i> О китаеведении в Библиотеке Российской академии наук и в Отделе литературы стран Азии и Африки БАН	94
<i>Красникова О.А.</i> Установление российско-китайской границы в XVII–XVIII в. и карта Китая, присланная Петру I императором Кан-си (Kangxi) (по картографическим фондам БАН и СПб филиала Архива РАН)	119
<i>Русинова Э.С.</i> Старопечатные издания по Китаю в Азиатском музее	129
<i>Дмитриев С.В.</i> Из истории российского китаеведения и маньчжуроведения: командировка А.О. Ивановского в Китай (по материалам Российского государственного исторического архива)	133
<i>Горелов Н.С.</i> «Серы, неведомые обликом»: известия о шелке и китайцах в средневековой западноевропейской литературе	158
<i>Пумпян Г. З.</i> К 75-летию Нажины Костюченко – Нажингова Фу (из истории российско-китайских связей ОЛСАА)	171
Политические связи России с Китаем и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и изучение политических систем Китая и России в китаеведении и россиеведении этих стран	177
<i>Хохлов А.Н.</i> Движение ихэтуаней в Китае (1898–1901) и контакты Ли Хунчжана с россиянами (по материалам архивных фондов и периодических изданий)	177
<i>Хохлов А.Н.</i> Синьхайская революция в зеркале русской периодической печати 1911–1913 гг. (к 100-летию революции 1911 г. в Китае)	203
<i>Рыбаков В.М.</i> Взятничество по уголовному праву китайской династии Тан : неустаревающие уроки (по материалам китайского уголовного Кодекса VII в. из фондов ИВР РАН)	225
<i>Бородич В. Ф.</i> Об изучении российских политических концепций в Китае	248
<i>Пылева А.И.</i> Россия и Королевство Сиама (Таиланд) в XIX – нач. XX в.: очерк истории двусторонних отношений	253
Художественные представления о Китае в России : коллекции и музеи	272
<i>Дмитриев С.В.</i> Чаепромышленник К.С. Попов и его коллекция китайских редкостей (по материалам РГИА и Архива РЭМ)	272
<i>Мясищев С. Е.</i> Китайское холодное оружие конца XIX – начала XX в. в фондах ВИМАИВиВС	282
Именной указатель	289
Авторы	302
Список сокращений	302
Список иллюстраций	304

Contents

Preface	7
Russian travels and expeditions to China and Russian presence in China	12
<i>Philippova T.Th.</i> Georg Johann Unverzagt and his papers on the travel to China with Russian diplomatic mission of L.V. Izmailov in 1719–1722 (on the materials of the Department of rare books at the RASL)	12
<i>Andreyev A.I.</i> Russian expeditions to the Central Asia in 1870–1920 : organization and equipment (on the materials of the archives and libraries of Saint-Petersburg)	19
<i>Andreyev A.I.</i> Zoological collections of Przevalsky expeditions to the Central Asia at the Zoology Museum of the Russian Academy of Sciences (Petersburg)	36
<i>Malevinskaya M.Ye.</i> China in the reports of the Russian seamen (on the materials of the Main Archive of the Russian Navy)	59
<i>Dazishen V.G.</i> Russians in Hankou : From the history of the Russian-Chinese relations of the second half of the XIXc. – first half of the XXc. (on the materials of the Archives and Libraries of Moscow, Siberia, Far East and China)	67
From the history of the Russian and West-European sinology	81
<i>Kychanov Ye.I.</i> Russian-Chinese cooperation in tangut studies of P.K. Kozlov collection from the dead town of Khoro-Khoto (the Institute of the Oriental manuscripts, Russian Academy of Sciences)	81
<i>Poumpian G.Z.</i> Sinology at the Russian Academy of Sciences Library and at the Asia and Africa publications department of RASL	94
<i>Krasnikova O.A.</i> The determination of Russian-Chinese borders in the XVII–XVIII c. and the map of China presented to Peter the Great by the Emperor of China Kangxi (the materials of the Russian Academy of Sciences Library cartographic collection and Saint-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)	119
<i>Roussinova A.S.</i> Rare books on China at the Asiatic Museum	129
<i>Dmitriyev S.V.</i> From the history of Chinese and Manchurian studies in Russia : the study travel of A. Ivanovsky to China in 1889 (on the materials of the Russian State Archive of the History)	133
<i>Gorelov N.S.</i> The “sers” invisible: On silk and China in the medieval European literature 158	
<i>Poumpian G.Z.</i> 75 to Nazhina Kostyuchenko – Nazhinggova Fu (from the history of Russian – Chinese relations at the Asia and Africa publications department of RASL) 171	
Political relations between Russia and China and other countries of the Pacific Asian region. The study of political system of China in Russian sinology and those of Russia in Chinese Russian studies	177
<i>Khokhlov A.N.</i> Boxers insurrection in China (1898–1901) and Li Hongzhang contacts with Russians (from archives and periodical editions)	177
<i>Khokhlov A.N.</i> Singhai revolution in China in Russian periodical editions (100 years anniversary of the the Chinese revolution of 1911)	203
<i>Rybakov V.M.</i> Taking of bribes in criminal law of Chinese dynasty of Tang : the materials of the Criminal Code of the VII–VIII centuries (at the depository of the Institute of the Oriental manuscripts)	225
<i>Borodich V. F.</i> The studies of the Russian political concepts in China (sovereign democracy) ..	248
<i>Pylyova A.I.</i> Russia and the Kingdom of Siam (Thailand) at the eve of XXc. (on materials of the Archive and Library stocks of Moscow and Petersburg)	253
The artistic relations and influences between Russia and China (museum collections)	272
<i>Dmitriyev S.V.</i> From the history of private collections on China in Russia : tea businessman and collector C.S. Popov, his activity in China and Chinese collection (on the materials of the Russian State Historic Archive)	272
<i>Myasishev S.Ye.</i> From the experience of the composing the typology of the Chinese weapon (the end of the XIX – beginning of the XX c., collection of the Artillery museum).	282
Pame index	289
Authors	302
Abbreviations	302
List of illustrations	304

ПРЕДИСЛОВИЕ

16 июля 2011 г. исполнилось 10 лет со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. История же отношений между нашими странами насчитывает уже почти 400 лет. Интенсивность и широта исследований российско-китайских связей чрезвычайно велики и поучительны. Они составляют одно из важнейших направлений синологии и отечественной истории в нашей стране и охватывают разные стороны политической, экономической и культурной жизни. Сборник «Россия и Китай» (вып. № 2), подготовленный в Отделе литературы стран Азии и Африки Библиотеки РАН, посвящен изучению российско-китайских отношений в разных областях, прежде всего, в науке, культуре, также освещаются некоторые вопросы истории российско-китайских дипломатических отношений, история китаеведения в России. Настоящий сборник продолжает традицию наших публикаций по раскрытию историко-культурных фондов библиотек, архивов и музеев, связанных с изучением Востока, и разнообразных контактов России со странами Востока¹. Эта тема тем более актуальна в преддверии 300-летия основания Библиотеки Российской академии наук. Вводятся в научный обиход ценные источники по истории и культуре Китая. В сборник включено всего 18 статей, авторы которых широко привлекали для своих исследований материалы рукописных и книжных собраний библиотек, архивов, а также музейных коллекций Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Сибири, Дальнего Востока и Китая. В частности, представлены материалы 17-ти архивов Москвы, Петербурга, Иркутска, Читы, Владивостока, Красногорска (Московская об.), г. Ухань (Учанский район КНР), фондов картографии, редких и рукописных фондов, книжных коллекций БАН, ИВР РАН, РНБ, ряда музеев – Артиллерийского, Красноярского краевого краеведческого музея, Российского этнографического музея. Тематика статей разнообразна и затрагивает такие направления, как история китаеведения, русские путешествия и экспедиции в Китай, благодаря которым были сделаны открытия мирового уровня, русское присутствие в Китае и дипломатические отношения между Россией и Китаем и другими странами АТР, исследование по китайскому россиеведению в области политологии, а также изучение китайских средневековых источников и европейских источников по Китаю в фондах наших библиотек, китайские коллекции в России и взаимовлияния и контакты в художественной и научной сферах.

Сборник открывает подборка материалов о русских путешествиях

---

¹ В частности, в 2009 г. был опубликован сборник научных статей «Россия и Китай / рук. проекта Н.В. Колпакова; отв. ред. В.П. Леонов; сост. Т.Н. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарет, 2009. 214 с. : ил.

в Китай разных периодов и знакомит читателя с записками российских путешественников, внесших огромный вклад в китаеведение и значительно расширивших представления об этой стране. Так, именно благодаря ранним дипломатическим поездкам в Китай в XVII–XVIII вв. произошло знакомство России с Китаем, и у нас стали накапливаться первые сведения об этой стране. Статья Т. Ф. Филипповой посвящена запискам о путешествии из России в Китай в первой четверти XVIII в. печатника и резчика литер и гравера при Петербургской АН Георга-Иоганна (Георгия Ивановича) Унферцагта (Unverzagt, 1701–1767), ездившего в Цинскую империю в 1719–1720 гг. с посольством Л.В. Измайлова. Эти записки были опубликованы на немецком языке в Любеке в 1725 г. с иллюстрациями автора (единственными для описания Китая того времени) и имеются в двух экземплярах в БАН, в том числе – в личной библиотеке знаменитого сподвижника Петра Великого – Якова Брюса. Взгляд на эту работу историка и специалиста по редкой книге в России и Западной Европе позволил выявить новые штрихи и добавления к существующим исследованиям и переводам о русских путешествиях XVIII в. и личности Унферцагта. В обеих публикациях А.И. Андреева речь идет о российских экспедициях в Центральную (Внутреннюю) Азию. Впервые рассматриваются такие аспекты, как организация и снаряжение экспедиций прославленных путешественников-географов Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.М. Роборовского, Г.Н. Потанина, Г.Е. Грум-Гржимайло, П.К. Козлова и др., внесших огромный вклад в изучение этнографии, флоры и фауны территории Западного Китая, картографирование региона. Характеризуются также привезенные из экспедиции Пржевальского зоологические коллекции, находящиеся в настоящее время в Зоологическом музее при Зоологическом институте РАН. Научные интересы одного из авторов сборника, М.Е. Малевинской, во многом связаны с изучением темы «Военно-морские рапорты как источник по истории стран Азии во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Российского государственного архива военно-морского флота)». Помимо профессионально-технических вопросов, они содержали важные наблюдения историко-политического характера. В рапортах рубежа XIX–XX вв. имеются описания буддийских монастырей и чайных плантаций, ряда городов в начале XX в. (в т.ч. порт Инкоу в 1902 г., вскоре после восстания ихэтуаней), зафиксировано начало революционного движения в Учанской провинции в 1911 г., которое впоследствии вылилось в буржуазную Синьхайскую революцию, закончившуюся падением Цинской династии и переходом Китая на путь буржуазного развития.

В статье В.Г. Дацьшена рассказывается о русском присутствии в Китае второй половины XIX – первой половины XX вв. в г. Ханькоу, центре русской торговли и чаепромышленности. В научный обиход вводится значительное количество архивных документов из отечественных и китайских архивохранилищ о развитии русской колонии в Учанской провинции на Севере Китая (организация концессий, дипломатическая (консульская) служба, посещение Ханькоу наследником престола Николаем Александровичем во время его ознакомительной поездки).

Сборник также содержит ряд статей по истории российского и западноевропейского китаеведения. Статья Е.И. Кычанова посвящена одному из важных направлений мирового китаеведения, возникновение и развитие которого во многом было обязано российской науке – исследованию тангутских коллекций из фонда П.К. Козлова в ИВР РАН. Фонд Козлова был создан благодаря открытию российскими исследователями и путешественниками мертвого города Харо-Хото в пустыне Гоби (современный Синьцзян-Уйгурский район КНР).

Большая часть открытых к настоящему времени тангутских памятников хранится в Петербурге в ИВР РАН, и именно усилиями отечественных ученых было впервые создано целое научное направление – тангутика. В статье рассматриваются история открытия и изучения фонда и сотрудничество в этой области российских, китайских, японских и английских ученых, возможные перспективы дальнейших исследований в этой области. Подчеркивается их важность в контактах с народами Востока, а также политическое значение для интересов нашего государства. Ряд статей посвящен вкладу в китаеведение крупнейшей библиотеки-фондодержателя – Библиотеки РАН (БАН) и раскрытию ее фондов. Как известно, в России первые книги и рукописи на китайском, монгольском и тибетском языках поступали именно в академическую библиотеку. В статье Г.З. Пумпян «О китаеведении в Библиотеке Российской академии наук и в Отделе литературы стран Азии и Африки БАН» уделено внимание некоторым фактам из истории формирования и раскрытия китайских фондов и китаеведческих материалов в БАН на раннем этапе отечественного китаеведения – в XVIII в. и современному состоянию китаеведческой работы в отделе, в том числе – подготовке библиографического пособия по истории русско-китайских отношений в разных областях. В статье О.А. Красниковой говорится об истории картографирования русско-китайских границ в XVII–XVIII вв. по материалам картографических фондов БАН и документам С.-Петербургского Архива РАН. Впервые установлено, как выглядела карта Китая, присланная императором Канси Петру I, благодаря сохранившимся в Научно-исследовательском отделе рукописей БАН карте Камчатки И.К. Кирилова² и экземпляру китайской карты, переведенной на русский язык Л.(И.) К.Рассохиным. Удалось показать, что рукопись “Начало маппы хинской...”, хранящаяся в ПФА РАН, авторство которой приписывается Рассохину, является росписью этой, переведенной на русский язык, китайской карты. В статье Э.С. Русиновой «Старопечатные издания по Китаю в Азиатском музее» характеризуются ранние и наименее известные публикации и издания в фондах БАН и библиотеке ИВР РАН, прежде всего, первые издания (XVIII – начала XIX вв.) на западноевропейских и русском языках «росписей», записок и дневников русских дипломатов и членов российских дипломатических миссий и торговых караванов в Китай в XVII–XVIII вв., а также издания трудов и переводов первых российских китаеведов Алексея Леонтьева, Алексея Агафонова, первого в России академика-синолога Т.З. Байера. Статья С.В. Дмитриева посвящена истории университетского китаеведения и маньчжуроведения. В ней речь идет о сохранившихся в РГИА материалах о постуниверситетской командировке в Китай молодого преподавателя (впоследствии профессора) Факультета восточных языков Петербургского университета А.О. Ивановского, автора работ по истории, нумизматике, этнографии и литературе, исследователя национальных меньшинств Китая, человека необычайно одаренного, с очень драматичной судьбой. В статье Н.С. Горелова приводятся и анализируются первые сообщения о Китае в Европе, а именно, известия о шелке и китайцах в средневековой европейской литературе. По отношению к жителям стран, производящих шелк, использовался термин «серы», истолкование которого как «китайцы» было предложено еще в XVIII в. во Франции.³ Рассматриваются описания серов и шелка в поэтической традиции, а также сообщения о шелке и китайцах в работах историков и путешественников (в том числе, миссионера-францисканца Гильома Рубрука (путешествие в Карокурм

² Сохранена орфография подлинника

³ Эта проблема не решена однозначно.

в 1253–55 гг.), побывавшего в Китае Марко Поло («Книга о разнообразии мира») и пр.

Вопросы истории русской дипломатии и русско-китайских политических отношений рубежа XIX – XX вв. находятся в центре внимания в статье А.Н. Хохлова, базирующейся на обширном архивном материале и публикациях русской прессы начала XX в. Сюжет о контактах Ли Хунчжана с россиянами рассматривается в контексте весьма трудного периода китайской истории (антииностранное движение ихэтуаней, или боксерское восстание), причины которого продолжают вызывать споры среди исследователей разных стран. Еще одна статья А.Н. Хохлова анализирует освещение Синьхайской революции в период революционных событий в Китае в изданиях русской периодической печати разного толка, подготовленных современниками – опытными журналистами и востоковедами, отклики на нее известных политических деятелей. 10 октября 2011 г. в КНР было торжественно отмечено столетие начала Синьхайской революции, результатом которой стало отречение императора Пу И 12 февраля 1912 г. и установление республиканского строя правления. Эта статья в какой-то степени перекликается с сюжетами статьи М. Е. Малевинской.

К области изучения политических систем Китая в России и России в Китае относятся публикации В.М. Рыбакова (на основе изучения средневековых источников) и В.Ф. Бородича (на современных материалах). Исследование В.М. Рыбакова посвящено особенностям законодательства Китая Танской эпохи, а именно, анализу взяточничества и антикоррупционной активности высших властных институтов Китая. Оно основано, главным образом, на материале уголовного Кодекса династии Тан (618–907 гг.) «Тан люй шу и», или «Танских уголовных установлений с разъяснениями» (653 г.). Работа с Кодексом проводилась по китайскому изданию «Цуншу цзичэн» («Библиотека-серия»), опубликованному в Шанхае в 1936–1939 гг. и находящемуся в книжных фондах библиотеки ИВР РАН. Тематика работы весьма актуальна и для нынешней политической реальности многих стран, демонстрируя нестареющие уроки борьбы с коррупцией. В настоящее время важным направлением китайской науки является россиеведение, и в работах наших ученых его состоянию и подходам китайских коллег уделяется пристальное внимание. Статья В.Ф. Бородича содержит анализ китайских публикаций в периодических изданиях КНР в период 2006–2008 гг., рассматривающих разные аспекты политических институтов современной России. К основной тематике этого раздела сборника примыкает статья А.И. Пылевой, в которой рассматривается история отношений России с Сиамом (современный Таиланд) на рубеже XIX–XX вв., который так же, как и Китай, входит в число стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Она базируется на материалах из фондов РГАКФД (г. Красногорск), российской прессы конца XIX–начала XX вв. («Санкт-Петербургские ведомости»), а также на ряде архивных материалов, опубликованных в совместных изданиях документов России и Таиланда.⁴ В ряде статей затрагиваются вопросы российско-китайских контактов и взаимовлияний в художественной сфере, дается описание коллекций. В статье С.В. Дмитриева говорится о формировании и судьбе частной коллекции китайских редкостей русского предпринимателя-чаепромышленника в Китае К.С. Попова и о его деятельности в Китае, усилиях по внедрению на российскую

⁴ при участии МИД Российской Федерации, МИД Таиланда, Федеральной архивной службы России, Национального архива Таиланда, Института Востоковедения Российской академии наук и Таммасатского университета Королевства Таиланд) «Россия-Сиам. 1863–1917: документы и материалы» (1997).

почву чайного производства. Также с формированием и научным изучением китайских коллекций в России связана тема статьи Мясищева С. Е. – «Китайское холодное оружие конца XIX – начала XX вв. в фондах Артиллерийского музея в СПб и опыт создания его типологии». В сборнике также помещена статья, посвященная юбилею сотрудницы ОЛСАА, уроженке Китая Нажине Костюченко (Нажингова Фу). Нажина и ее сверстники, китаеведы научных библиотек, снижали заслуженное уважение коллег. Но, кроме того, в биографиях этого поколения ярко проявились многие характерные черты еще недавнего прошлого, многое было связано с крупными событиями, происходившими в нашей стране и в Китае. Все эти мелочи, как нам кажется, добавляют небольшие, но интересные штрихи в картину ушедшей эпохи, как она проявляется в жизни отдельного человека.

В сборнике помещены иллюстрации по темам публикаций.

При подготовке и составлении издания многие полезные рекомендации и замечания были высказаны коллегами – сотрудниками ОЛСАА БАН и китаеведами других научных учреждений, заслуживающими самой искренней благодарности. Большая и очень важная работа при подготовке этого издания была проделана редактором сборника – зав. Редакционно-издательским отделом БАН Ольгой Георгиевной Юдахиной, за что ей особая благодарность.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю признательность рецензентам сборника – доц. Восточного факультета СПбГУ к.и.н. Николаю Анатольевичу Самойлову и зав. ОЛСАА БАН к.и.н. Татьяне Игоревне Виноградовой, взявшим на себя трудоемкую работу по прочтению и рецензированию сборника и высказавшим в связи с этим полезные и ценные замечания и соображения.

Можно надеяться, что выход в свет 2-го выпуска сборника статей «Россия и Китай», подготовленного Библиотекой РАН и приуроченного к 10-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ и в преддверии 300-летия Библиотеки РАН, внесет свой вклад в изучение многовековых отношений России и Китая, а также других стран АТР и послужит дальнейшему развитию научных и культурных контактов между ними.

Г.З. Пумпян

Российские экспедиции и путешествия в Китай и русское присутствие в Китае

Т.Ф. Филиппова

Георг Иоганн Унферцагт и его описание путешествия в Китай в составе русского посольства Л.В. Измайлова 1719–1722 гг. (по материалам фондов Отдела редкой книги БАН)

Первая четверть XVIII в. для России была весьма непростой и сопровождалась многочисленными войнами. Так, в результате победы в Северной войне, длившейся 21 год, было «прорублено окно в Европу», благодаря которому началось интенсивное развитие политических, торгово-экономических и культурных связей со многими странами мира. Утвердившись в Европе, Россия получила выход к Балтийскому морю на побережье от Выборга до Риги и возможность оживления торговых отношений не только со странами Западной Европы. Высвободившиеся ресурсы позволили России уделить максимум внимания исследованиям северо-восточной и южной Азии. Но еще до окончания Северной войны, до подписания Ништадского мирного договора в 1710–1720 гг. Петром I предпринимаются попытки урегулировать русско-китайские отношения и активизировать караванную торговлю, которая способствовала бы развитию Сибири и Дальнего Востока, а также открыть в 1715 г. Русскую духовную миссию в Китае. Вольтер в своей «Истории России при Петре Великом» напишет: «Торговля с Китаем была тогда очень выгодна для России: они вывозили оттуда золото, серебро и драгоценные камни»¹. Русским торговым караванам, курсировавшим между Россией и Китаем с конца XVII в., начали постепенно чиниться всяческие препятствия, а когда в 1718 г. китайцы не пропустили караван Федора Истопникова², было решено отправить в Пекин посольство во главе с Львом Васильевичем Измайловым³, который до этого по приказу Петра I исполнял поручения различного характера: сначала служил в войсках датского короля капитаном; затем в 1707 г. ему было приказано оставить службу и вернуться в Россию в Преображенский полк в том же чине; в апреле 1710 г. его вторично отправляют в Данию с целью вручения Датскому королю Фредерику IV грамоты с выражением сожаления в связи с поражением датчан в одном из сражений в Северной войне; далее, вплоть до решения Петра отправить посольство в Пекин, путешествовал по Европе. Основной целью так называемой «Измайловой миссии» было на основании Нерчинского договора 1689 года добиться возобновления караванной торговли, а также произвести обмен консулами и получить разрешение на строительство православной церкви в Пекине.

Несколько слов надо сказать о подготовке посольства и его составе. Судя по документам, опубликованным в сборнике «Русско-китайские отношения в 18 веке» т. 1⁴, приготовления к поездке заняли несколько месяцев.

Была составлена «Грамота от царского величества верующая к хану китайскому о капитане Льве Измайлове», датированная 30 марта 1719 г., издан указ Петра I в Коллегию иностранных дел о выдаче денег на снаряжение посольства и подарки императору, а также составлена инструкция посланнику Льву Измайлову, первый пункт которой гласил: «...Чтоб подданные царского величества люди, которые в Китае ездят и торгуют, невозбранно свой закон и веру содержать могли и для того б имели христианскую церковь, при которой бы для службы священник и при нем служители были всегда во всякой вольности».⁵

По разным сведениям в состав посольства входило от 90 до 160 человек. «Выписка, составленная в Коллегии иностранных дел, о составе и содержании русского посольства в Цинскую империю», определяет основные должности миссии следующим образом: «...в чине чрезвычайного посланника лейб-гвардии Преображенского полку капитана Льва Измайлова. А при нем, посланнике, назначено быть: Секретарем из иноземцев Лоренсу⁶. Посольской канцелярии переводчику Ивану Кременовскому (умер по дороге в Китай 3 мая 1720 г.). Подъячему Андрею Грязеву. Да лекарю, который был при посланнике Артемье Волынском в Персии, Ягану Белю»⁷. По просьбе Измайлова в состав посольства необходимо было включить геометров и «для посылок... гвардии унтер – офицеру да салдатом трем человеком.» В «статейном списке», полученном Измайловым 4 июня 1719 г., содержалась подробная инструкция поведения его при китайском дворе. Кроме того, в ней указывались пофамильно лица, отправляющиеся в составе миссии и среди прочих второй секретарь посольства Иван Глазунов, «дворянин посольства Николай Павлов⁸, Василий Грушетцкий, ... ундер-офицер от гвардии князь Александр Засекин, два геометрика Федор Балугев и Михайло Игнатъев, три человека салдат Преображенского полку – Яков Зубарев, Лукьян Нестеров, Алексей Дивов».⁹

Среди участников посольства был еще один человек, о котором нет никаких данных ни в одном из просмотренных исследователями документах, касающихся «Измайловой миссии»: Георг Иоганн Унферцагт. Неизвестно, была ли это его настоящая фамилия или псевдоним, напоминавший броско звучащую кличку средневекового немецкого шпильмана – менестреля (*unverzagt* – неустрашимый, не падая духом, не робей). Его загадочная судьба остается таковой до сих пор. По сведениям, предоставленным им впоследствии при поступлении на службу в Гравировальную палату при Академии наук, он родился в Копенгагене в 1701 г. В Россию, по воспоминаниям академика Герарда Фридриха Миллера¹⁰, был привезен Львом Измайловым в качестве «*hausofficiant*» – домашнего секретаря. Он обладал каллиграфическим почерком, умением рисовать и знанием, кроме немецкого языка, который, скорее всего, был для него родным, еще латыни и французского. В этом же качестве он, очевидно, и отправился в Китай. Для молодого Унферцагта, которому к началу путешествия было 18 лет, возможность на казенный счет проехать через всю Россию и посетить загадочную и труднодоступную для европейца Цинскую империю, была настоящим подарком судьбы. На протяжении всего путешествия он вел записи и зарисовки, местонахождение которых до сих пор не установлено. Делал их он по собственной воле или по поручению Измайлова – неизвестно. Но совершенно очевидно, что именно они легли в основу книги, которая была напечатана в Любеке у Иоганна Христиана Шмидта в 1725 г. на немецком языке, спустя три года после возвращения из Китая и называлась *Die Gesandschafft Ihro Kayserl.*

Majest. von Gross Russland an den sinesischen Kayser, wie solche Anno 1719 aus St.Petersburg nach der Sinesischen Haupt-und Residenz-Stadt Peking abgefertiget; Bey dessen Erzählung die Sitten und Gebrauche der Shineser, Mongalen und anderer Tartarischer Volcker zugleich beschrieben, und mit einigen Kupffer-Stucken vorgestellt werden, Von Georg Johann Unverzagt. Lübeck, Bey Johann Christian Schmidt. 1725. (Посольство Их Императорского Величества Великой России к Китайскому Императору, которое было отправлено из Санкт-Петербурга в столичный и престольный город Пекин;...)¹¹

В оформлении книги были использованы гравированный фронтиспис (заглавие на фронтисписе: *Aller neueste Reischreibung der Gesandtschaft von St.Petersburg nach China*), две заставки: из наборного орнамента и с девизом: «UT PROSIT», три инициала, девять тематических гравюр, выполненными Унферцагтом по собственным рисункам в технике офорта с применением резца. В предисловии автор, определяя цель своего труда, замечает: «Описание нравов и обычаев чужеземных наций по большей части следует относить к такому роду дел, которые приятным и невинным образом услаждают ум и приносят людям немалую пользу. Мы имеем об этом очень много неоспоримых свидетельств в виде книг о путешествиях искусных людей; и страны, в старину неизвестные, так часто посещались любопытными европейцами и обстоятельно описывались, что мы с ними знакомы так же, как со своим отечеством». (Здесь и далее цитируется по переводу Т.К. Шафрановской.)¹² К таким странам автор относит и Китайскую империю, государство, о котором «получено точное и избыточное знание». Но, несмотря на это, считает, что «у одного автора не встретишь при всех обстоятельствах того, чему другой посвятил много труда». Его записки – не только «путевой журнал посольства...», но и нравы и обычаи китайцев, монголов и других татарских народов, чьи земли... с посольством проезжал, описанные вкратце, но аккуратнейшим образом». В заключение небольшого вступления он просит всецело доверять ему, «так как находился в свите посольства и все видел собственными глазами». Записки Унферцагта имели четкие хронологические и географические рамки. Начав повествование с перечисления подарков для китайского Богдыхана, среди которых было изображение «Полтавского сражения, вырезанное на кости рукой их Царского Величества», он называет дату начала путешествия: «...15 июля 1719 г. мы со свитой отправились из Санкт-Петербурга»¹³ водным путем по реке Волхов, минуя Великий Новгород, 1 августа прибыли в Москву, откуда через месяц на 5 стругах взяли курс на Казань». И далее следуют подробные путевые заметки, избыточные статистическими данными о расстояниях между пунктами остановок, которые приводятся как в верстах, так и в немецких милях, перечислением названий населенных пунктов, монастырей, дворянских усадеб и т.д. О большинстве из них он пишет очень сжато, но некоторые из них описаны довольно подробно. Это Муром, Нижний Новгород, Казань, Иркутск, Тобольск, Удинск (Уланудэ), Селенгинск, и не просто описаны, а три последних даже проиллюстрированы.

Незнание русского языка породило массу неверно транскрибированных географических названий. Так, Вышгород записан как Виш городок, деревня Починок – Потзински, город Муром – Музум, Чебоксары – Сабакцар (почувшски Шупашкар), а город Свияжск получил два названия – Сутаски и Свиаски.

С немецкой скрупулезностью фиксируя все события и происшествия пребывания миссии в Китае, Унферцагт в силу своей неопытности не особенно вдается в дипломатические тонкости, ограничиваясь фиксацией чисто внешних деталей. Описывая первый увиденный им город внутри Великой Китайской Стены – Чжанчжико (см. офорт, подписанный «Grosse Mauer nebst der

Pforte Tzschantschiko»), он очень подробно рассказывает о приготовлениях к церемонии въезда в него и о встрече посольства «в губернаторском дворце», о торжественном обеде, о представлении актеров, которые запечатлены на офорте, подписанном «Chinesische Comedianten».¹⁴ Далее следует подробнейшее, весьма красочное описание вхождения посольства в Пекин (изображен на одноименном офорте) – в «Черный город, или большой трон вместе с дворцом императора», въезда в Посольский двор, обмена приветствиями господина Измайлова с министром двора, у которого «на головном уборе было двойное павлинье перо». Оказавшись впервые на переговорах столь высокого уровня, он довольно подробно повествует о самом протоколе представления императору и вручении верительных грамот, угощениях – «столы ломились от яств, на каждом столе стояло по всей вероятности до 50 блюд, одно на другом по 10 блюд», не упустив из виду, что «блюда и сосуды... были все из золота и стояли под очень большим шатром из желтого атласа, расшитого золотом»¹⁵, о фейерверках, о вручении подарков, о царской охоте. Но даже малосведущему в дипломатическом протоколе Унферцагту было понятно, что, несмотря на радушный прием китайского двора (Измайлов был принят 13 раз), переговоры, длившиеся третий месяц, проходили мучительно и, в конце концов, зашли в тупик. И одной из причин этого было нежелание России выдавать покинувших монгольский участок Китая «700 семей монгольской нации вместе со своими семью тайшами, из которых каждый имел под своим началом 100 семей, живших неподалеку от русского пограничного города Нерчинска».¹⁶ В конце февраля 1721 г. переговоры были прерваны. Измайлову предписывалось возвращаться в Россию, а резиденту Лоренсу Лангу разрешалось остаться в Китае, «чтобы присматривать за русскими купцами». Караван Измайлова, нагруженный подарками от китайского императора, среди которых находились «две фарфоровых изразцовых печи, которые были специально изготовлены для того, чтобы посланник мог их доставить в качестве подарка Его Императорскому Величеству Великой России». 17 марта 1721 г. по свидетельству Унферцагта Измайлов покинул Пекин.

Кроме дипломатических переговоров посланник Петра I должен был выполнить еще одно поручение: «заказать 18 кусков обоев по европейскому образцу» для строящейся резиденции. Китайцы согласились выполнить эту работу, запросив за нее 10000 ланей (мера веса у китайцев, один лан равнялся 37,3 грамма, кусок серебра такого веса использовался в качестве монеты) и материалы для работы: шелк, золото и серебро. Но богдыхан Канси приказал сделать обои за счет императорской казны в качестве подарка русскому императору, а поскольку посольство должно было выехать из Китая раньше исполнения заказа, решено было оставить Унферцагта до окончания работы. Сам он так пишет об этом: «Когда... резидента Ланга уведомили, что обои готовы, и он должен пойти в Монгольскую канцелярию, получить их и назначить кого-нибудь достаточно ловкого, чтобы доставить их в полном порядке их императорскому величеству Великой России... Резидент Ланг указал на меня, так как просили, чтобы с обоями был послан человек разумный, чтобы эти ценные вещи не промокли или не испортились еще каким-либо другим образом»¹⁷. Груз был тщательно упакован, и 21 октября 1721 года Унферцагт, в сопровождении «двух русских, знавших монгольский язык» был отправлен в Россию. Через 7 месяцев 17 мая 1722 г. после очень непростой дороги он прибыл в Казань, где предполагалась его встреча с Петром I. Лишь 26 мая в Муроме Унферцагт передал Петру I лично письмо, адресованное «тайному Секретарю Макарову»¹⁸, по поводу заказа и ответил на некоторые вопросы императора, касающиеся поездки в Китай. Продемонстрировать подарки он смог только в Нижнем Новгороде,

после чего, получив паспорт, в сопровождении сержанта, одного капрала с 12 солдатами отправился в Москву в надежде сдать там свой непростой груз Павлу Ивановичу Ягужинскому, генерал-прокурору Сената. Но только в Петербурге ценный заказ был передан казначею, и, по словам Унферцагта, «закончилось, слава богу, благополучно это длинное путешествие»¹⁹. Но его записки на этом не заканчиваются. В конце книги он поместил маленькие зарисовки «О китайском народе, образе жизни, земледелии, торговле и промыслах». Они хаотичны, бессистемны, иногда примитивны, но не лишены тонко подмеченных деталей, о чем свидетельствуют гравюры, на которых изображены китайцы у своего жилища и комедианты, увиденные Унферцагтом во время приемов у китайского императора.

Свои заметки об участии в посольстве Измайлова в Китай оставили также доктор Джон Белл и секретарь Лоренц Ланг, которые, в отличие от записок Унферцагта, были переведены на русский язык и изданы в России во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.

По-видимому, записки Унферцагта вызвали большой интерес у читателей, тираж книги быстро разошелся, и в 1727 г. выходит второе издание, в котором были исправлены опечатки, имевшие место в первом издании и внесены незначительные изменения. Издателем по-прежнему был Иоганн Христиан Шмидт, но напечатана книга была в Рацбурге в типографии Андреаса Хартца. Русский перевод впервые был сделан Т.К. Шафрановской с первого издания 1725 г. без учета исправлений в издании 1727 г. и помещен в I томе сборника «Русско-китайские отношения в XVIII веке». Переводов книги на другие языки не обнаружено.

В Библиотеке АН хранятся оба издания записок Георга Унферцагта. Издание 1725 г. имеет штамп Камерного каталога с указанием отдела, в котором она помещена: *Historia Exotica*, но в самом каталоге она отсутствует. Второе издание попало в Библиотеку вместе с книгами Якова Вилимовича Брюса²⁰, о чем свидетельствует запись «№ 925 Унферцагт. Описание езды в Китай, на немецком языке в Рацбурге. 1727» в описи библиотеки его московского дома.²¹ Этот же номер стоит и на книге, хотя экслибрис библиотеки Брюса отсутствует, так как клеился он, обычно, на оборотной стороне верхней крышки переплета, утраченной во время пожара 1988 г. В обоих изданиях сохранились все иллюстрации. Выполненные Унферцагтом по собственным рисункам в технике офорта с применением резца, кроме фронтисписа, который является резцовой гравюрой, они обладают определенной художественной ценностью, представляя собой некую общность содержания с высоким уровнем изобразительной информативности. Так, три гравюры, озаглавленные «Tobolsky», «Udinskoi» и «Selenginski» являются одними из первых графических изображений этих сибирских городов. Известные до настоящего времени гравюры, на которых изображены Удинск и Селенгинск, датируются 1770 годом. На гравюре с изображением города Тобольска присутствует Знаменский монастырь, один из самых первых в Сибири. Находясь в прямой зависимости от сюжета и обладая теми же стилевыми качествами, что и сами записки, иллюстрации являются довольно точным их отражением.

По возвращению из Китая Унферцагт свою дальнейшую судьбу связал с Петербургом и с учрежденной в 1724 г. Академией наук. «По указу Е. И. В. велено при академии наук Юрию Иогану Унферцагту быть грядоровальщиком и определить ему жалованья сто двадцать рублей на год, квартиру, дрова и свечи и выдать ему на нынешний 1726 год, с 15-го июня сентября по первое число жалованья 15 рублей, с распискою, и на счет академический поставить»²². Указ подписал Лаврентий Блюментрост – президент Академии наук в 1725–

1733 г. Проработав в Гравировальной палате до конца 1745 г. вплоть до своего окончательного «отрешения» от должности, Унферцагт исполнил множество работ, среди которых математические фигуры для I тома «Commentarii...», вышедшего в 1725 г., подписи к портретам в коронационном альбоме Елизаветы Петровны 1744 г., Генеральную карту России для атласа И.К.Кирилова²³ 1734 г. Им награвированы «План столичного города С. Петербурга, соч. в 1737 году» и «План Императорского Столичного города Москвы, сочиненного под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году».²⁴ Как и все граверы Академии, он не гнушался никакой, даже мелкой работы. Типографские ярлыки, корабельные паспорта, дипломы различных видов, пропуска, штемпели для клеймения товаров, маскарадные билеты и т.д. – вот неполный перечень видов работ Унферцагта. К заложению фундамента каменной Троицкой церкви в Александро-Невской лавре в 1745 г. им была исполнена оловянная доска; аналогичная, но медная – для вновь построенной церкви лейб-гвардии конного полка. Кроме того, «он со многих его, доктора Мессершмидта, плантов и курioзных вещей рисованных копии снимал»²⁵⁻²⁶. Унферцагт занимался и педагогической деятельностью. Среди его учеников – Михаил Махаев (1717–1770), в полном объеме постигший науку ландкартно-гравировального дела, но прославившийся как рисовальщик петербургских и московских видов.

Уволенный окончательно из Академии в 1745 г., Унферцагт еще год продолжал выполнять единичные договорные работы для Академии, а затем в 1746 г. был принят на службу в Морской Шляхетный кадетский корпус, откуда в 1762 г. был уволен по старости.

Жилье Унферцагту, как и всем приглашенным иностранцам, было предоставлено в одном из домов, использованных для нужд Академии с 1725 г., а затем в доме генерала Германа Бона²⁷ (20), половина деревянного дома которого на 2-ой линии Васильевского острова между Средним и Малым проспектами арендовалась за 150 рублей в год с 1 марта 1735 г. Соседями его были академические граверы Альбрехт Христиан Вортман и Оттомар Эллигер. В этом же доме с июня 1741 г. по сентябрь 1757 г. проживал великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов, в бумагах которого был найден рисованный план этого дома. Как долго Унферцагт прожил в этом доме – неизвестно.

О личной жизни Унферцагта сведений практически нет. Известно, что два его сына Юлиус Христоф (1728 г. р.) и Иоганн Густав (1742 г. р.) обучались в академической гимназии, а его духовником был пастор Христиан Меллер – староста лютеранского прихода.

Скончался Георг Иоганн Унферцагт 30 января 1767 г. в Петербурге и был погребен на погосте лютеранской деревянной церкви, которая располагалась между 1-ой и 2-ой линией у Большого проспекта Васильевского острова, где в 1771 г. была освящена церковь Св. Екатерины, возведенная по проекту Ю.М. Фельтена. Здесь закончился земной путь одного из самых загадочных иностранцев, приглашенного на службу по велению Петра I и отдавшего все свое умение служению России.

¹ *Вольтер Ф.М.* История Российской империи в царствование Петра Великого. 1809. Т. 2. Ч. 2. С. 64.

² Истоппников Федор Степанович занимался торговлей с Китаем и водил торговые караваны в начале 18 века.

³ Измайлов Лев Васильевич, 1685–1738 – принадлежал к известной дворянской фамилии, начал службу при Петре I, совмещал дипломатическую и военную службу, дослужился до чина генерал-лейтенанта, награжден орденом Св. Александра Невского.

⁴ Русско-китайские отношения в XVIII веке : материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. (далее: Русско-китайские отношения...).

⁵ Там же. № 142. С. 183.

⁶ Ланг, Лоренц (Лаврентий) (1690–1752) – швед, попал в плен под Полтавой, перешел на русскую службу инженер-лейтенантом, затем – на дипломатической службе, 6 раз представлял торговые интересы России в Китае, секретарь посольства Льва Измайлова, оставил записки о своих поездках в Китай, с 1739 года – вице-губернатор Иркутска.

Именно Ланг, по свидетельству Бакмейстера, привез в Библиотеку АН из Пекина первые китайские книги.

⁷ Белл, Джон Антермони (1691–1780) – шотландский врач и путешественник, автор путевых заметок в Персию, Китай и Турцию, которые были напечатаны в 1763 году в Эдинбурге, а в 1776 – переведены на русский язык и вышли в Санкт-Петербурге.

⁸ Павлов, Николай (Николо Христизин), Крисниц – итальянец на русской дипломатической службе.

⁹ Русско-китайские отношения... с. 195.

¹⁰ Миллер, Герард Фридрих, (1705–1783) – немец на русской службе, академик, один из основоположников русской исторической науки, просветитель, путешественник.

¹¹ Сохранена орфография титульного листа XVIIIв., возможны издательские ошибки (слова Die Gesandtschaft, Kayserl, Erzehlung).

¹² Русско-китайские отношения... Т. 1, С. 555–584.

¹³ Там же. С. 556.

¹⁴ Подпись на гравюре приведена в орфографии подлинника.

¹⁵ Там же. С. 568.

¹⁶ Там же. С. 573.

¹⁷ Там же. С. 577.

¹⁸ Макаров, Алексей Васильевич – кабинет-секретарь Петра I.

¹⁹ Русско-китайские отношения..., С. 580.

²⁰ Брюс, Яков Вилимович, (1669–1735), сподвижник Петра I.

²¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 5. С. 201.

²² Материалы... Т. 1. № 409.

²³ Кириллов Иван Кириллович (? –1737), обер-секретарь Сената, составитель географического атласа Российской империи.

²⁴ Мичурин Иван Федорович (1700–1763) московский архитектор, руководил работами по составлению плана Москвы 1739 года

²⁵ Материалы... Т. 1. С. 382.

²⁶ Мессершмидт Давид Готлиб (1685–1735), немецкий естествоиспытатель, исследователь Сибири

²⁷ Бон, Герман Иванович (1672–1744), сын купца с острова Борнхольм, служил в русской армии, генерал-лейтенант, один из первых кавалеров ордена С.В. Александра Невского.

**Русские экспедиции в Центральную Азию:
организация и снаряжение
(1870–1920-е гг.)**

Центральная (или Внутренняя) Азия (Монголия, Западный Китай, Тибет)¹ стала объектом пристального внимания со стороны российской географической науки в последнюю треть XIX столетия. Это было обусловлено рядом причин научного, торгово-экономического и военно-политического характера. Для учёных Центральная Азия (далее ЦА) представляла интерес, прежде всего, с географической и природоведческой точек зрения, поскольку этот обширный регион являлся практически неизученным и потому основные черты его рельефа не получили адекватного отображения на картах того времени. С другой стороны, к изучению ЦА Россию подталкивала необходимость расширения торговли с сопредельными странами – Китаем и Монголией (последняя находилась в составе Цинской империи), для чего требовалось знание а) сухопутно-водных коммуникаций и б) потребностей местного рынка. Наконец, ЦА в XIX веке стала местом столкновения геополитических интересов двух крупнейших мировых держав – России и Великобритании, превратившего регион на многие десятилетия в арену острейшего военно-политического противостояния, так называемой «Большой игры» (Great game). Русские путешественники (точно также, как и английские) невольно становились участниками этой интригующей, но весьма опасной «игры», в которой они выступали, прежде всего, в роли разведчиков-первопроходцев и пропагандистов России, её культуры, образа жизни и научно-технических достижений, что, в конечном счёте, способствовало распространению русского влияния в ЦА.

В чисто научном плане перед российскими исследователями стояли две основные задачи:

подробное картографирование региона (по существу, территории Западного Китая), с целью создания достоверной карты ЦА;

сбор максимально полных и точных сведений о регионе, включая данные природо- и страноведческого характера (изучение флоры и фауны, а также народонаселения – его материальной культуры и, особо, военного потенциала).

Эти задачи определили характер и содержание основных работ, проводившихся путешественниками-исследователями ЦА, для выполнения которых требовались разнообразные технические средства (измерительные приборы и инструменты) и вспомогательные материалы. К таким работам относились:

- 1) топографическая (маршрутно-глазомерная) съёмка;
- 2) астрономические наблюдения (определение астрономически географических координат), определение элементов земного магнетизма;
- 3) барометрические определения высот;
- 4) метеорологические наблюдения;
- 5) соби́рание различных естественно-исторических коллекций (флористических, фаунистических, геологических, этнографических).

С конца 1870-х гг. путешественники впервые начали использовать прикладную фотографию, что способствовало повышению точности и качества визуальных наблюдений посредством фотофиксирования тех или иных объектов (природные ландшафты, животный мир, исторические и археологические памятники, этнические типы и т. д.)². Картина ЦА постепенно прояснялась и детализировалась. Одно за другим с неё исчезали «белые пятна» и на их

месте появлялись неизвестные ранее горные системы, реки и озёра, населённые пункты, оазисы, дорожная сеть, различные природные и исторические достопримечательности. Представление о «срединной Азии» стало более полным и достоверным, и к концу века в целом завершилась работа по созданию географической карты ЦА.

Основная заслуга в организации и снаряжении экспедиций в ЦА принадлежала Императорскому Русскому географическому обществу (далее ИРГО) и Главному штабу (высший орган военного управления России, далее ГШ), что стало возможным только во 2-ой половине XIX века после заключения между Россией и Китаем Тяньцзиньского и Пекинского договоров (1858 и 1860 гг.). Сами путешественники-исследователи являлись в большинстве своём военнослужащими – кадровыми офицерами российской армии, которые рассматривали свои путешествия преимущественно как «научные рекогносцировки» (термин Н.М. Пржевальского). Фактически это было разведывание неизвестных или малоизученных земель, лежавших между владениями Российской и Британской империй, от Алтая до Гималаев. Именно этим первопроходцам ЦА мы обязаны появлением новой географической дисциплины – *страноведения* с его акцентом на комплексном изучении стран и их отдельных регионов.

В то же время необходимо отметить, что произведённые путешественниками инструментальные наблюдения и собранные коллекции (образцы фауны, флоры, горных пород и т. д.) представляли, по сути, «сырой материал», который затем подвергался тщательной научной обработке специалистами – картографами, геодезистами, метеорологами и учёными-естественниками (зоологами, ботаниками, геологами, этнографами). Таким образом, можно говорить о тесном взаимодействии и сотрудничестве ИРГО и ГШ в лице Военно-учёного комитета и Военно-топографического отдела (ВУК и ВТО), с одной стороны, и ИРГО и ряда крупнейших академических учреждений С.-Петербурга (Главная Физическая обсерватория, Зоологический институт, Ботанический сад, Музей антропологии и этнографии), с другой. Это научно-организационное сотрудничество дало блестящие результаты – в течение только трёх десятилетий (1870–1900), благодаря деятельности небольшой группы путешественников-энтузиастов, России удалось научно освоить огромнейшую территорию, равную по размерам Западной Европе и стать во главе стран-исследователей Центральной Азии.

В этой статье мы рассмотрим, каким образом организовывались и снаряжались большие (2-х – 3-х летние) экспедиции в ЦА рекогносцировочного типа, руководителями которых являлись прославленные путешественники-географы, такие как Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, В.ИМ. Роборовский, Г.Н. Потанин, Г.Е. Грум-Гржимайло, П.К. Козлов и др.

Как уже говорилось, организатором научных экспедиций в ЦА являлось Императорское Русское географическое общество, при активном содействии военного министерства в лице Главного Штаба. Процедура утверждения экспедиционных проектов состояла из нескольких этапов. Сперва проект, содержащий программу намеченных исследований, подробный маршрут и смету, обсуждался и утверждался членами Совета ИРГО. Затем его рассматривало военное руководство. В случае одобрения начальником ГШ и военным министром проект согласовывался с министром финансов и докладывался императору и только после «высочайшего соизволения» получал необходимую – государственную – поддержку и финансирование. Кроме Совета ИРГО, ГШ, Министерство финансов и императора своё отношение к проектируемым экспедициям высказывала также ещё одна высокая инстанция – Министерство иностранных дел. При

этом мнение главы дипломатического ведомства нередко играло решающую роль, как это, например, имело место в 1905 и 1911 гг., когда МИД заблокировал по политическим соображениям проекты тибетских экспедиций П.К. Козлова, ранее одобренные ИРГО, ГШ и самим царём.

Схема утверждения экспедиционных проектов, впрочем, не была неизменной и нередко варьировалась в зависимости от обстоятельств. Так, проект 3-й экспедиции Пржевальского Совет ИРГО в начале представил на утверждение своего председателя, великого князя Константина Николаевича. После чего, заручившись поддержкой «императорского высочества», министр финансов С.А. Грейг сделал доклад императору Александру II, который и утвердил окончательно организацию и финансирование этого путешествия.

Другой пример. Проект 4-й экспедиции того же Пржевальского был сперва (5 апреля 1883 г.) высочайше утверждён по докладу военного министра генерала П.С. Ванновского. А затем министр внутренних дел гр. Д.А. Толстой внёс представление об этой экспедиции в Государственный Совет, который месяц спустя (18 мая) санкционировал отпуск необходимых сумм³.

Основные задачи и цели проектируемых экспедиций формулировались в их программах. Здесь же указывалась общая продолжительность путешествия и количество его участников, детализировались вопросы организации и снаряжения. В состав экспедиционного отряда входили: его начальник, помощники начальника (1–2 человека), переводчик и члены военного конвоя. Для продвижения по незнакомой территории требовались также опытные проводники. Большие экспедиции планировались на срок от 1 года до 3 лет, и их научный персонал состоял обычно из 2–6 человек. Конвой составлялся из нижних военных чинов или казаков (10–13 человек) и имел своего непосредственного начальника, как правило, в звании старшего унтер-офицера (фельдфебеля). В состав научного персонала включались, прежде всего, топографы и специалисты-естественники (зоологи, ботаники, геологи и др.). О необходимости иметь в экспедициях подобных специалистов В.А. Обручев говорит следующее:

«В малоизученных странах для путешественника работы так много, что он один справиться с нею не может. Для составления хорошей карты необходимо вести всё время маршрутную съёмку местности, периодически определять географические координаты, то есть широту и долготу некоторых пунктов (городов, селений, скрещений дорог, вершин гор, переправ через реки, перевалов и пр.), чтобы составляемая карта могла быть присоединена к существующим картам соседних стран и правильно нанесена на сетку меридианов и параллелей. Затем необходимо изучать фауну и флору страны, то есть её животных и растения, а для этого составлять коллекции, охотиться за животными, снимать шкурки, препарировать скелеты, искать насекомых, моллюсков, собирать и сушить растения. Эти зоологические и ботанические сборы и наблюдения требуют столько времени и внимания, что один человек выполнить те и другие полностью не может. Столько же времени и сил нужно уделить на геологические наблюдения – составление коллекций горных пород, слагающих местность, изучение условий их залегания и отношения друг к другу, чтобы составить геологическую карту и выяснить строение исследованной страны. Население последней также требует внимания и изучения; его быт, жилище, одежда, язык, предания, народный эпос, весь строй его жизни и экономические сношения и условия должны быть обследованы и записаны. Если в стране имеются могилы, памятники, вообще какие-нибудь признаки более древнего населения, они, в свою очередь, требуют специального изучения, часто связанного с раскопками. Такого же специально-

го изучения требуют пути сообщения, гидрографическая сеть, то есть реки и озёра, климат данной страны и т. д.

Вот почему в состав экспедиций в большинстве случаев входит несколько человек, между которыми и распределяется работа; от их подготовленности и усердия зависит общий итог научных достижений путешествия»⁴.

Характерная особенность больших экспедиций в ЦА, как уже отмечалось, состояла в том, что их инициаторами и руководителями являлись в основном офицеры русской армии (Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, Б.Л. Громбчевский, П.К. Козлов). Это были лица, получившие необходимую подготовку для производства полевых (инструментальных) наблюдений и собирания различных коллекций и находившиеся в постоянном тесном контакте как с ИРГО, так и с Главным штабом. Подробные путевые отчёты о продвижении по маршруту, попутных наблюдениях и исследованиях («бивуачные донесения») они регулярно направляли в Петербург, в оба учреждения, а также нередко и самому императору. Экспедиции в ЦА постоянно находились в центре общественного внимания – сообщения о них появлялись на страницах повременной прессы, наряду с сообщениями о важнейших российских и мировых событиях.

Начало планомерному изучению Центральной Азии с помощью экспедиций общегеографического характера, методом *маршрутных рекогносцировок*, было положено, как известно, в 1870 г. Н.М. Пржевальским. Проект первой центральноазиатской экспедиции Пржевальского получил одобрение руководства ИРГО и лично председателя отделения физической географии, знаменитого исследователя Тянь-Шаня П.П. Семёнова⁵. И в дальнейшем П.П. Семёнов (с 1873 г. вице-председатель ИРГО) принимал самое непосредственное участие в организации и снаряжении всех экспедиций в этот отдалённый регион и оказывал всяческую помощь путешественникам. Живой интерес к ЦА проявляли и российские императоры – «августейшие покровители» ИРГО (особенно Александр III и Николай II), а также возглавлявшие Географическое общество великие князья Константин Николаевич (в 1845–1892 гг.) и Николай Михайлович (с 1892 г.). Известно, например, что в 1881 г. Пржевальский был приглашён императрицей Марией Фёдоровной (супругой Александра III) прочитать несколько лекций о своих путешествиях цесаревичу Николаю Александровичу (будущему наследнику российского престола)⁶.

Поскольку ИРГО не имело возможности самостоятельно снаряжать большие экспедиции в ЦА, оно прибегало к помощи других заинтересованных учреждений (ГШ, Зоологический музей и др.) и частных спонсоров. Объём финансирования зависел от продолжительности путешествия и количества путешественников. Так, 1-я Монгольская экспедиция Н.М. Пржевальского (1870–1873) была рассчитана на 3 года и состояла из 4-х человек (Пржевальский, подпоручик А.М. Пыльцов и двое казаков). Средства, выделенные на неё, были довольно скромными – 1000 р. в год от военного министерства⁷, 1000 р. (ассигнациями) от ИРГО и 300 руб. от Ботанического сада. Часть расходов Пржевальский взял на себя из расчёта 1000 р. в год. Ассигнованные суммы, однако, не были выплачены заблаговременно и целиком, что поставило путешественника в очень трудные условия. В результате, прибыв в Пекин, он был вынужден обратиться за помощью к русскому посланнику в Китае А.Е. Влангали и взять у него займы на оснащение экспедиции 1900 р. до поступления сумм из Петербурга⁸. Недостаток средств естественным образом отразился на ходе экспедиции и качестве исследований. «Не говоря уже про различные лишения, которые мы испытывали в пути, – писал

Пржевальский, – мы не могли даже запастись в достаточной мере хорошими инструментами для производства наблюдений. Так, например, имея всего один гипсотермометр, который вскоре разбился, я принуждён был употреблять при определении абсолютных высот точкою кипения воды обыкновенный термометр Reamur'a, что, конечно, давало результаты менее точные»⁹. Путешественник также отмечал, что «платя каждому из своих казаков по 200 рублей в год звонкой монетой, на готовом содержании, я не мог взять с собой более двух человек, и через то должен был, вместе с своим товарищем, выучить верблюдов, пасти их, собирать на топливо аргал и так далее, словом – исполнять все чёрные работы экспедиции; при лучших условиях это время могло быть посвящено научным исследованиям»¹⁰. Поднявшись на Тибетское плато, Пржевальский должен был отказаться от продвижения вглубь страны и повернуть назад, поскольку имевшиеся у него денежные средства подошли к концу.

Планируя свои новые путешествия, Пржевальский предусмотрительно просил руководство ИРГО и ГШ выделять необходимые ему денежные средства заблаговременно и в полном объёме, включая транспортные расходы от Петербурга до начального пункта и обратно (двойные «прогонные») и жалование офицерам и низшим чинам.

Подробно расписанные в смете основные расходные статьи делились на две группы – средства необходимые на снаряжение экспедиции и на её содержание. В частности, руководитель экспедиции запрашивал определённые суммы на приобретение продовольствия, одежды, научных инструментов и вспомогательных материалов, походной аптеки, оружия, караванного транспорта (вьючных и верховых животных), палаток и т. д. Кроме того, в отдельной статье запрашивались средства на представительские расходы (подарки, приём и угощение гостей) и непредвиденные издержки. О важности этой статьи говорит запись Н.М. Пржевальского в отчёте о 3-й экспедиции (1879–1880):

«Для подарков туземцам, без чего невозможно обойтись в Азии, закуплено было в Петербурге на 1400 р.: несколько охотничьих ружей, револьверов, игральных машинок, карманных часов, складных [мельхиоровых] зеркала, ножей, ножниц, бритв, бус, ожерелий и гармоний; сверх того иголки, магний, сусальное золото, несколько магнитов, кусок плису, стереоскоп, калейдоскоп, две маленькие электрические батареи и, наконец, телефон. Последний, впрочем, не производил впечатления, так как требовал для своей оценки достаточно умственного развития. Зато электрическая батарея и раскрашенные карточки актрис везде производили чарующее впечатление на туземцев Монголии и Тибета»¹¹.

Стрелковое оружие (берданки, драгунские винтовки, револьверы) предоставлялось Главным артиллерийским управлением (ГАУ) с санкции руководства военного ведомства. Подобное вооружение было необходимо путешественникам главным образом в целях самообороны в случае возможных вооружённых столкновений с враждебно настроенным местным населением или грабителями. Его количество определялось числом участников экспедиции. Так, например, 4-я Центральноазиатская экспедиция Н.М. Пржевальского (1883–1885) состояла из 23 человек: шестеро составляли научный персонал (начальник, два помощника, препаратор, зоолог и переводчик), остальные 17 – конвой (забайкальские солдаты и казаки и четверо гренадёров из Москвы). В качестве военного снаряжения эта экспедиция имела 15 ружей системы Бердана, 5 драгунских винтовок, 40 револьверов, 16 000 патронов, 4 пуда пороха¹².

Любопытно отметить в этой связи, что, снаряжая в 1888 г. свою пятую экспедицию, одной из целей которой было посещение запретной для европейцев Лхасы, Н.М. Пржевальский ходатайствовал перед военным руководством о предоставлении ему, помимо обычного оружия, одного лёгкого пулемёта – так называемой *митральезы* системы Максима, проходившей в то время полигонные испытания. Мотивировал он свою просьбу тем, что его экспедиционный караван может подвергнуться в Тибете нападению большого отряда воинственно настроенных туземцев: «Возможно, что наученные горькими относительно нас опытами разбойники соберутся в большом числе, чтобы массою раздавить наш маленький отряд (всего 27 человек, из которых 8–10 человек должны оставаться для охраны складов)». Вместе с тем, как отмечал Пржевальский, «представляется возможность практически подробно изучить выгоды и недостатки этого оружия при многообразных условиях обстановки путешествия». В результате, по распоряжению военного министра П.С. Ванновского, один из опытных пулемётов облегчённой конструкции был специально переделан для нужд экспедиции на заводе Нобеля, «испытан стрельбой» и выслан затем Пржевальскому в Каракол¹³.

Для сравнения: последняя большая экспедиция П.К. Козлова, организованная в 1923 г. советским правительством и также нацеленная на Лхасу, имела следующее вооружение: 25 трёхлинейных винтовок кавалерийского типа (заменивших в конце XIX века устаревшие берданки), 50 револьверов Нагана, три лёгких пулемёта и значительное количество боеприпасов (30 тысяч патронов ружейных и 11 тысяч револьверных)¹⁴.

Снаряжались экспедиции частично в Петербурге и Москве, частично в пунктах формирования экспедиционного каравана вблизи русско-монгольской и русско-китайской границы – в Кяхте, Караколе, Зайсане, Бийске. Связь с Россией путешественники поддерживали обычно через российскую миссию в Пекине и консульство в Урге (совр. Улан-Батор). Китайские дорожные паспорта запрашивались для них МИДом в Цзунли-ямыне (Управление внешних сношений) в Пекине. В этих документах, между прочим, прямо говорилось, что русским путешественникам разрешается производить топографическую съёмку, собирать научные коллекции и описывать страну. По свидетельству Г.Н. Потанина, участник его экспедиции топограф А.И. Скасси производил маршрутную съёмку совершенно открыто и не встречал никаких препятствий со стороны китайских властей. «Мандарины» не только видели планшетку Скасси, но и близко рассматривали его рисунки¹⁵.

Здесь надо сказать, что производство маршрутной съёмки и сбор разнообразной информации путём расспроса местных жителей – первейшая задача любого исследователя-рекогносцировщика. В то же время нельзя не признать, что с помощью рекогносцировочных экспедиций российское правительство добывало необходимые ему сведения политического, экономического и военно-стратегического характера о своём великом соседе – Срединной империи. Проведение подобной разведки было в большой степени обусловлено стремлением Петербурга с одной стороны к расширению торгово-экономических связей с Китаем, а с другой, к обеспечению безопасности своих азиатских границ. К рекогносцировке некоторых территорий, таких как Синьцзян и Тибет Петербург побуждало также и заметно обострившееся в конце XIX века англо-русское соперничество. Всё это ставило перед путешественниками дополнительные задачи, для решения которых им приходилось нередко прокладывать новые маршруты.

Так, отправляясь в свою 1-ю экспедицию по ЦА, Пржевальский получил задание собрать сведения о «дунганской инсurreкции» – уйгурско-дунганском

народном восстании, охватившем провинции Западного Китая, вблизи российских границ в Восточном Туркестане. Аналогичное поручение в 1874 г. было возложено и на капитана Генштаба Ю.А. Сосновского, чью экспедицию целиком снарядил Азиатский департамент военного министерства, без всякого участия и содействия ИРГО. Сосновский, в частности, должен был исследовать в топографическом отношении дорогу, ведущую из Зайсана через Чжунгарию в провинцию Сычуань, чтобы выяснить, «при каких способах она может быть применена для торговли»¹⁶. В 1888 г., планируя своё 5-е путешествие, Пржевальский намечал в качестве одной из его побочных целей сбор сведений о действиях англичан в Сиккиме и о настроениях тибетцев¹⁷. Но более всего российское правительство интересовало сведения торгово-экономического характера. Например, Потанин (одновременно со 2-й экспедицией Пржевальского) занимался исследованием торговли и торговых рынков в северо-западной Монголии, для чего министерство финансов ассигновало ему 3000 рублей. В.Ф. Ладыгин во время Монголо-Камской экспедиции П.К. Козлова 1899–1901 гг. собирал сведения о состоянии торговли в китайской провинции Ганьсу, в Тибете и Монголии. По окончании путешествия он опубликовал отчёт, в котором содержались ценные статистические и иные данные и давались рекомендации правительству¹⁸. В то же время сам начальник экспедиции по заданию Генштаба провёл тщательную рекогносцировку всего маршрута от Кяхты до Цайдама¹⁹, т. е. между Россией и Тибетом.

Предварительное снаряжение планируемых экспедиций (в Петербурге и Москве) занимало около трёх месяцев. Основной научный инструментарий для них предоставляли Географическое общество, Военно-топографический отдел Главного штаба, Главная Физическая обсерватория и Зоологический Музей Академии наук. В то же время некоторые отсутствовавшие в этих учреждениях инструменты приобретались самими путешественниками в специальных магазинах, например в магазине Э.О. Рихтера в Петербурге, торговавшем оптико-физическими приборами. По прибытии отряда в отправной пункт, требовалось ещё около месяца для завершения подготовки, в том числе на снаряжение экспедиционного каравана.

Отправляясь на весьма продолжительный срок за пределы России, необходимо было также позаботиться о денежном обеспечении экспедиции за рубежом – ещё один очень важный момент подготовительного этапа. Поскольку вся торговля в Китайской империи велась на вес серебра, который отливался в виде брусков («ямбов»²⁰), заменявших серебряную монету, путешественники брали с собой в дорогу несколько пудов китайских ямбов (больших, средних и нарубленных мелкими кусочками) и европейское плиточное серебро (так называемое «гамбургское») для последующего обмена в Китае. Ямбами они рассчитывались не только с китайскими торговцами при покупке тех или иных товаров, но и с проводниками и другими «туземцами», нанятыми в экспедицию. Для путешествия же по Тибету ямбы приходилось обменивать на серебряные индийские и непальские рупии, имевшие хождение в этой стране в XIX – начале XX века, нередко с потерей в стоимости серебра в процессе обмена. Так, снаряжая в 1899 г. Монголо-Камскую экспедицию, П.К. Козлов приобрёл 10 пудов (160 кг) китайского ямбового серебра и 8 пудов (128 кг) гамбургского в виде серебряных плиток высокой пробы²¹.

Успех первой экспедиции Пржевальского, сделавший его имя всемирно известным, способствовал улучшению финансирования новых исследовательских проектов – его собственных и других путешественников. Так, на свою 2-ю (Лобнорскую) экспедицию (1876–1877) он получил 24 740 р., при этом все рас-

ходы на содержание её персонала, за два года вперёд, и двойные прогонные были отнесены на смету военного министерства. На 3-ю экспедицию Пржевальского (1878) было выделено уже 29 000 р. из расчёта 17-ти участников (3 офицера, 12 низших чинов, переводчик и проводник). Самая же масштабная экспедиция Пржевальского, 4-я Центральноазиатская (2-я Тибетская, 1883–1885), состоявшая из 21 человека, потребовала выделения ещё более крупных средств – 43 580 р. (10 000 из этой суммы было выплачено золотом). Наконец, на последнюю 5-ю экспедицию, начатую в 1888 г., но прервавшуюся из-за его смерти, была ассигнована беспрецедентная сумма в 70 000 р. Участие в ней приняли 27 человек (3 офицера, 2 проводника и 22 члена конвоя)²².

Согласно докладу военного министра П.С. Ванновского по проекту 4-ой экспедиции, Пржевальскому и его помощникам сохранялось денежное содержание на срок путешествия, с выдачей такового золотом на два года вперёд; то же самое и нижним чинам (конвойным), при этом время нахождения последних в экспедиции зачитывалось им за действительную службу. Все необходимые инструменты – для производства глазомерных съёмок, астрономических определений и метеорологических наблюдений – были выданы Пржевальскому из Главного штаба²³.

О том, как организовывались, финансировались и снаряжались его экспедиции, и с какими трудностями и проблемами обычно сталкиваются путешественники, Пржевальский подробно рассказал в своей последней книге, содержащей описание его 4-ой экспедиции («От Кяхты на истоки Жёлтой реки», 1888), в отдельной главе: «Как путешествовать по Центральной Азии»²⁴. Эта глава являлась, по сути, ценнейшим руководством для начинающего путешественника и в то же время завещанием Пржевальского своим ученикам. В ней сконцентрирован его богатейший многолетний опыт – исчерпывающим образом отражены основные этапы экспедиционной подготовки и дана общая характеристика самого путешествия в двух главных аспектах – бытовом и научном. Приведём только названия рубрик этой интереснейшей главы – то, на что сам Пржевальский обращал первостепенное внимание: личность путешественника, факторы успеха, состав экспедиции, материальные средства, план путешествия, снаряжение (дома и на границе), укладка багажа, экспедиционные животные, порядок выючения и хождения с верблюдами, обыденная жизнь в пути, продовольствие, гигиена, отношение к туземцам, проводники и переводчики, система научных работ, задачи будущих исследований.

В 1880-е – 1890-е гг. ИРГО совместно с военным министерством организовало ещё несколько крупных экспедиций в ЦА, которыми руководили ближайшие сподвижники Пржевальского (М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов) и другие путешественники (Г.Н. Потанин, В.А. Обручев, братья Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, Б.Л. Громбчевский). Возросший интерес России к центральноазиатскому региону, имевший явно выраженный геополитический характер, способствовал существенному улучшению организации, технического оснащения и финансирования этих экспедиций. При этом часть необходимых средств нередко поступала в виде благотворительных пожертвований. Так, например, трёхлетняя экспедиция Г.Н. Потанина (1883–1885), занимавшаяся изучением Восточного Тибета (Амдо), кроме ассигнованных ИРГО 12 500 р., получила 17 000 р. от городского головы Иркутска и одновременно председателя ВСО ИРГО М.П. Сукачёва. Из них 2000 р. были выделены на дополнительное годичное пребывание в Китае натуралиста-зоолога М.М. Березовского²⁵.

Средства на организованную в 1889–1890 гг. братьями Грумм-Гржимайло экспедицию в Западный Китай были предоставлены ИРГО (2000 р.), а также

председателем Общества великим князем Николаем Михайловичем (6000 р.) и бывшим степным генерал-губернатором Г.А. Колпаковским (1000 р.). Небольшую сумму (600 р.) выделил Зоологический музей. Помимо этого музей обеспечил путешественников некоторыми предметами экспедиционного снаряжения (порох, дробь, спирт, набор инструментов для препарирования птиц и т. д.). Пароходным обществом «Кавказ и Меркурий» и железнодорожными обществами был предоставлен бесплатный проезд экспедиции из Петербурга в начальный пункт и обратно²⁶.

Ассигнованные средства выплачивались путешественникам не одновременно, а по частям. Так, например, В.А. Обручев выделенную ему ИРГО на экспедицию 1892–1894 гг. сумму в 9750 р. получил тремя частями: на снаряжение и первый год работ 4000 р., а также на приобретение инструментов и их пересылку 750 р.; в 1893 г. – 2250 р. (переведены через Пекин в Су-чжоу); в 1894 г. – 1500 р. (переведены через Пекин в Лань-чжоу) и 500 р. (отправлены в Кульджу). Кроме того, семье Обручева было выплачено 750 р. во время его нахождения в экспедиции²⁷.

Таким образом, источники финансирования центральноазиатских экспедиций были разнообразными. Средства на них выделялись не только государством (по сметам ИРГО, заинтересованных министерств – военного и финансов – и других учреждений), но и частными благотворителями. П.П. Семёнов-Тян-Шанский в своём большом труде, посвящённом 50-летию ИРГО, особо отмечал добровольные пожертвования членов-соревнователей Общества – И.М. Сибирякова, А.Д. Протопопова, С.Н. фон Дервиза и американца Чарльза Крена²⁸, а также представителей царской династии. Августейшие покровители ИРГО – императоры Александр II, Александр III, Николай II и великие князья – охотно жертвовали средства на снаряжение экспедиций, на обработку добытых ими материалов и публикацию их результатов²⁹. Императорская фамилия оказывала помощь многим путешественникам – Пржевальскому, Потанину, Певцову, Роборовскому, Громбчевскому, Козлову, но наибольшим покровительством с её стороны пользовался Пржевальский. Известно, что перед отъездом путешественника в 4-ю экспедицию в 1883 г. наследник во время высочайшей аудиенции подарил ему алюминиевую оптическую трубу прекрасной работы, которой Пржевальский постоянно пользовался во время путешествия.

Финансирование экспедиции П.К. Козлова в Монголию и Кам в 1899–1901 г. составило 42 000 р., не считая жалования её участникам и транспортных расходов внутри России. Немалое содействие ей оказал Николай II, желавший, чтобы русская экспедиция «непреренно прошла в Лхасу»³⁰. («Большая игра» с англичанами в Азии к этому моменту достигла своего апогея.) Некоторые расходы, как-то содержание офицеров и нижних чинов, снабжение инструментами, оружием и боеприпасами, а также затраты на переезд экспедиции к отправному пункту и обратно в Петербург, по примеру прежних экспедиций взяли на себя Военное министерство и Министерство финансов.

Следующая Монголо-Сычуаньская экспедиция (1907–1908) П.К. Козлова (в составе: руководитель, 3 помощника и 10 человек конвоя) также не имела недостатка в средствах. На неё ИРГО ассигновало 30 000 р.³¹ Как писал в своём отчёте Козлов, «много пришлось похлопотать со всякого рода снаряжениями и в Петербурге, и в Москве, и на границе, кладя в основу уроки незабвенного учителя Н.М. Пржевальского и внося свои личные дополнения. В общем, и на этот раз мы были снаряжены во всех отношениях почти также обстоятельно, как и в предыдущую тибетскую экспедицию. Выражение «почти» исключает экстраординарные подарки, которыми мы теперь не располагали, но которые служили украшением внешней стороны моего предыдущего путешествия

в Тибет»³². («Экстраординарные подарки», упомянутые Козловым, это заготовленные ИРГО многочисленные дары Далай-ламе и тибетским сановникам³³).

Ещё одна большая (трёхлетняя) экспедиция П.К. Козлова в Монголию и Тибет была снаряжена ИРГО в 1914 г. В число её участников вошли 25 человек – начальник, 5 старших помощников (специалисты в области географии, геологии, археологии, зоологии и ботаники), 5 младших помощников и 10 человек «добровольцев». К последним Козлов предъявлял особые требования. Это должны были быть «сильные, выносливые, с прекрасным характером люди, умеющие великолепно владеть ружьём», с тем, чтобы их можно было использовать, во-первых, в качестве «стрелков-охотников», во-вторых, для погрузки и разгрузки караванов, и, в-третьих, для несения караульной службы «в местах, населённых разбойничьими племенами»³⁴. Проект путешественника был одобрен Советом ИРГО и затем утверждён правительством. На его реализацию ассигновали 100 000 р. из расчёта 50 000 на снаряжение и исследовательские работы и ещё 50 000 р. на содержание отряда. Козлов, однако, не смог отправиться в путешествие из-за начавшейся мировой войны.

Экспедиционная деятельность ИРГО прервалась в 1914 г. и возобновилась уже только в 1920-е гг., после окончания гражданской войны в России.

Октябрьская революция произвела существенные перемены в системе организации науки и научных учреждений в стране. Двумя главными центрами научной деятельности в Советской России становятся: Наркомат просвещения РСФСР (Наркомпрос, НКП), в ведении которого находились все научные общества, в том числе и РГО, переименованное в ГРГО (Государственное русское географическое общество), и Академия наук (АН). В то же время в 1922 г. при правительстве (СНК) был создан Особый временный комитет науки (ОВКН). Одной из задач комитета являлось «выяснение неотложных потребностей научных экспедиций и командировок, как в России, так и за границей, и содействие их осуществлению»³⁵. Все вновь организуемые экспедиции должны были быть институционально «привязаны» к тем или иным научным учреждениям, на которые таким образом возлагалась ответственность за проведение экспедиционных исследований. Сметы на экспедиции рассматривались в Госплане при участии заинтересованных наркоматов, члена ОВКН, заведующих Главнаукой и Главпрофобром³⁶ и представителя от Академии наук.

Как отмечает Н. Кременцов, советская наука в ранний период (1920-е) была организована в соответствии с принципом «личного патронажа». Правда, патронами учёных теперь выступали уже не император и великие князья, а руководители тех или иных высших органов государственного управления – *наркоматов*. Когда учёные, находившиеся в подчинении, скажем, Наркомздрава или Наркомпроса, испытывали какие-либо трудности, они обращались за помощью к руководителю своего ведомства-патрона³⁷. Географические экспедиции курировались Наркомпросом, во главе которого стоял А.В. Луначарский.

В 1922 г., при поддержке РГО, П.К. Козлову удалось возобновить проект своей несостоявшейся Монголо-Тибетской экспедиции. Несмотря на разруху в стране и отсутствие средств на финансирование больших исследовательских проектов, Совнарком СССР, руководствуясь политическими соображениями, счёл возможным выделить путешественнику на трёхлетнюю Тибетскую экспедицию (как она называлась поначалу) около 100 000 рублей в золотом исчислении. Из этой суммы 30 000 р. предназначалось на валютные расходы вне пределов РСФСР (по смете Наркомпроса), 30 000 р. на снаряжение экспедиции и 28 476 р. на вознаграждение её участников³⁸. Кроме того, Козлов получил дополнительно 4000 р. золотом на подарки Далай-ламе и его свите. На эти деньги, в основном, была закуплена добротная парча известной московской

фирмы Сапожникова, особо ценившаяся в Тибете³⁹. Утверждение самого проекта прошло длинную цепочку согласований в различных инстанциях: Совет РГО – Наркоминдел – Госплан – Наркомфин – правительство (Малый и Большой Совнарком). При этом до утверждения в Большом Совнаркоме вопрос об экспедиции обсуждался на заседании Оргбюро конференции производительных сил России (под эгидой АН), давшим заключение о научной целесообразности подобного проекта.

Снаряжение Монголо-Тибетской экспедиции, по отзыву Козлова, было «прекрасным во всех отношениях». Поскольку многие из заготовленных ещё в 1914 г. предметов, хранившихся в помещении РГО, были утрачены в годы революции⁴⁰, их пришлось заказывать заново у прежних «поставщиков». Основную часть походного снаряжения изготовила петроградская фабрика парусиновых изделий «Красный парус» (в прошлом фабрика И.Г. Кебке⁴¹). Это палатки, ящики, сумы-вьюки, брезенты, верёвки, спальные мешки, плащи, охотничья одежда, а также разборная брезентово-пробковая лодка (аналогичная сконструированной в 1898 г. для Монголо-Камской экспедиции). Чугунно-литейный завод «Кооператор» (бывш. «Сан-Галли») изготовил небольшую переносную печь. Различные кооперативные организации снабдили бельём, обувью и походными принадлежностями⁴². Физические инструменты и приборы для ведения различного рода наблюдений предоставила Главная физическая обсерватория; препараты для сбора и препарирования животных и растительных организмов – Зоологический музей. Экспедиция также получила в своё распоряжение три фотографических аппарата. Кроме этого, Козлову было отпущено со склада Реввоенсовета оружие «лучшего качества» – 25 трёхлинейных винтовок со штыками кавалерийского типа (по числу участников экспедиции) и 30 000 патронов к ним, 3 пулемёта, 50 револьверов «Наган», 3 пуда охотничьего чёрного пороха, 30 шт. сигнальных ракет и т. д.⁴³.

Экспедиция Козлова, однако, оказалась на грани срыва, накануне отъезда из Петрограда (в июне 1923), в результате доноса в ОГПУ на её руководителя и некоторых участников, обвинённых в политической неблагонадёжности⁴⁴. В истории экспедиционной деятельности РГО такое произошло впервые. В дело пришлось срочно вмешаться Политбюро ЦК и создать «особую комиссию» для рассмотрения вопроса «об экспедиции П.К. Козлова»⁴⁵. В состав комиссии вошли 4 человека – Л.Б. Каменев (зампред СНК), Г.В. Чичерин (нарком по иностранным делам), Ф.Э. Дзержинский (председатель ОГПУ) и М.Н. Покровский (зам. наркома просвещения). В результате было принято постановление – о прикомандировании к научной экспедиции политкомиссара. Позднее та же комиссия произвела «чистку» экспедиционного отряда, удалив из него «неблагонадёжных» членов, и затем (в ноябре 1923 г.) окончательно «закрывает» экспедицию, мотивировав своё решение «осложнением международных отношений». Парадоксальным образом, спас фактически уже «ликвидированную» экспедицию высокий покровитель П.К. Козлова – управляющий делами СНК Н.П. Горбунов, с самого начала выступавший в роли «правительственного куратора» его проекта. Козлову разрешили заниматься полевыми исследованиями, но только на территории дружественной СССР Монгольской республики. Позднее (в начале 1925 г.) научная программа и маршрут экспедиции были существенно изменены – переориентированы с Тибета на Монголию и Западный Китай, при этом Козлову пришлось вновь координировать свои планы не только с РГО и АН, но и с Наркоминделом и ОГПУ.

Эта экспедиция П.К. Козлова стала последней в длинной череде центральноазиатских путешествий, обозначив рубеж между двумя эпохами. В новых условиях прежний метод экстенсивно-рекогносцировочных исследований был

признан малоэффективным и неактуальным; требовались специализированные и комплексные исследования на стационарной основе с привлечением «узких» специалистов в той или иной области знаний. Так, по инициативе Академии наук СССР, в помощь Козлову в Монголию летом 1924 г. была направлена группа из четырёх специалистов: два археолога (Г.И. Боровко и С.А. Теплоухов), почвовед (Б.Б. Полюнов) и минералог (В.И. Крыжановский)⁴⁶. Здесь, правда, необходимо отметить, что стационарные исследования велись и в прежних (дореволюционных) экспедициях – это были в основном метеорологические наблюдения на временных метеостанциях. Сам Козлов также планировал устройство подобной станции в Цайдаме (на подступах к Тибету), но не смог отправиться в Цайдам из-за отсутствия китайских экспедиционных паспортов. (Такие паспорта были получены только в середине 1925 г., когда отпущенные экспедиции средства уже были на исходе).

В 1927 г. П.К. Козлов пытался организовать ещё одну большую экспедицию в Тибет, для изучения истоков реки Янцзы – последнего «белого пятна» на картах ЦА. Её сметная стоимость составила 175 000 р. Эта экспедиция формировалась уже на новых принципах – в её состав из 21 человека были включены (по предложению акад. П.П. Сушкина) несколько специалистов – геолог, орнитолог и два палеонтолога. Козлов также собирался модернизировать научное снаряжение экспедиции, закупив его частично в Западной Европе⁴⁷. Планы Козлова, однако, не увенчались успехом. К этому времени ряд районов ЦА, включая Тибет, стал практически недоступным для советских исследователей, главным образом по политическим причинам, вследствие ухудшения англо-советских отношений, по сути нового обострения англо-русского соперничества в Азии⁴⁸.

Как и в случае с его предыдущим проектом, Козлов встретил сильное противодействие со стороны Наркоминдела и ОГПУ. Возражения руководства НКВД сводились к трём пунктам. Во-первых, интересующий Козлова район (Тибетское нагорье) находился в зоне английского влияния, к тому же проникновение его отряда в эту область могло спровоцировать вооружённый конфликт с тибетцами (как это имело место в прошлом, во время Монголо-Камской экспедиции). Во-вторых, имелись определённые трудности с получением в Пекине китайских паспортов, по причине гражданской войны в Китае. И, в-третьих, неактуальность самого исследования. «Для обследования этих территорий экспедиция проектируемого типа, т. е. с заданиями сбора сырых материалов по геологии и зоологии и транспортировки их в СССР для обработки нашими научными учреждениями ... уже является анахронизмом, – говорилось в отзыве главы отдела Дальнего Востока Наркоминдела. – Наличие нашего влияния в Монгольской республике делает ненужной посылку туда громоздких и дорогостоящих экспедиций устаревшего военно-разведочного типа с вооружённым конвоем, с соответствующим образом приспособленной программой работы и пр.»⁴⁹. Со своей стороны ОГПУ заявило об «одиозности» личности Козлова для монголов и «вообще буддийского населения».

Таким образом, в конце 1920-х большая часть ЦА, включая Тибет и Западный Китай (провинции Синьцзян, Ганьсу, Цинхай, Сычуань), стала недоступной для советских исследователей главным образом по причинам политического характера. Единственным реально доступным районом оставалась только территория сопредельной Монголии (МНР) и Танну-Тувы, и именно там в 1920-е – 1930-е годы развернулись интенсивные полевые исследования, осуществлявшиеся специализированными экспедиционными отрядами и отдельными специалистами. К таким исследованиям СССР отчасти подталкивал

и геополитический фактор – стремление удержать МНР и Танна-Туву в сфере своего влияния.

Деятельность советских экспедиций в этих двух республиках, сателлитах СССР, координировалась Комиссией по исследованию Монголии и Танну-Туву, образованной в 1925 г. при СНК СССР под председательством Н.П. Горбунова и позднее перешедшей в ведение Академии наук СССР⁵⁰. В первый же год своего существования Монгольская комиссия направила в МНР пять отрядов: археологический, этнолого-лингвистический, почвенно-географический, геохимический и геологический, под руководством соответственно Г.И. Боровки, Б.Я. Владимирцова, Б.Б. Польшова, Б.М. Куплетского и З.А. Лебедевой. Эти исследования были с успехом продолжены в последующие годы. Намечались основные направления полевых исследований, как-то: зоологическое (А.Н. Формозов, А.Я. Тугаринов, Е.В. Козлова), почвенно-ботаническое (Б.Б. Польшов, В.И. Лесовский, Н.В. Павлов), почвенно-географическое (Н.Н. Лебедев, Ю.С. Неустроев), геологическое (Б.С. Домбровский, И.П. Рачковский, М.Ф. Нейбург, Н.А. Кулик, Б.М. Куплетский)⁵¹. Их финансирование осуществлялось советским правительством. Так, например, на 1927 г. СНК ассигновал Монгольской комиссии 60 000 р. в инвалюте и 40 000 р. в червонном исчислении (т. е. золотом). Эти средства были распределены следующим образом: почвенные и геологические исследования – соответственно 15 000 р. и 22 000 р.; этнолого-лингвистические – 10 000 р.; антропологические и этнографические (обработка материалов Танну-Тувинской научной экспедиции 1926 г.) – 10 000 р.; организация метеорологических наблюдений – 5000 р.; составление карт Монголии и Танну-Туву – 5000 р.⁵² Как можно видеть из приведённых данных, наибольшую финансовую поддержку получали работы, имевшие первостепенное значение для народного хозяйства в этих республиках.

Организатором исследовательских работ на территории Монголии, наряду с Академией наук СССР, являлся также Учёный Комитет МНР (Монучком), руководимый О. Жамьяном и Ц. Жамцарано⁵³. В качестве исследователей выступали в основном поступившие на работу в Учком советские специалисты (С.А. Кондратьев, М.И. Кондратьева, В.И. Лисовский, А.Д. Симук и др.), а также приезжавшие в Монголию на практику студенты Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ). Ограниченность в средствах не позволяла Монучкому снаряжать большие экспедиции. Вместо них в наименее исследованные районы Монголии направлялись небольшие партии, состоявшие из 3–5 человек, включая одного-двух рабочих. Монучком предоставлял исследователям средства передвижения, необходимое научное оборудование (последнее закупалось в СССР), а также помещение в Улан-Баторе. Кроме этого, на время работы в МНР советские специалисты ежемесячно получали денежное пособие. Весь собранный ими материал поступал в распоряжение Монучкома. Его дальнейшая экспертная оценка производилась обычно в соответствующих научных учреждениях СССР (Зоологический институт, Ботанический сад, Государственная академия истории материальной культуры). Этим учреждениям, согласно договору между Монучкомом и АН СССР, передавалась и некоторая часть коллекций. Другая часть поступала в Монгольский национальный музей в Улан-Баторе.

---

¹ Центральная Азия, которую изучали русские экспедиции в XIX – начале XX века, это, строго говоря, Китайская Центральная Азия – Монголия, Западный Китай (Синьцзян), Амдо (Цинхай), Сычуань и Тибет, входившие тогда в состав Китайской (Цинской) империи. Это при-

родная страна, ограниченная на западе и севере горными хребтами Восточного Казахстана, Алтая, Западного и Восточного Саяна, Тянь-Шаня и Памира, на востоке – южной частью Большого Хингана и хребта Тайханшань, а на юге – продольной тектонической впадиной верхнего Инда и Брахмапутры. См.: *Пржевальский М.Н.*: Современное положение Центральной Азии. М., 1887. С. 3. Этот регион в англоязычной литературе также нередко называют Внутренней или Нагорной Азией (Inner Asia, High Asia). В современное понятие Центральной Азии, укоренившееся в западной географической литературе благодаря А. Гумбольдту, впервые выделенному и описанному этот регион, включаются также территории северо-восточного Ирана, Афганистана, Пакистана, северной Индии, а также бывших среднеазиатских республик СССР. См. L.I. Miroshnikov. A note on the meaning of the term “Central Asia” as used in this book // *History of civilizations of Central Asia*. Vol. I. Paris: UNESCO Publishing, 1992.

² Об этом см.: *Андреев А.И.* Фотографии в русских экспедициях по Центр. Азии XIX – начала XX века. Г. Цыбиков и О. Норзунов – первые фотографы Тибета // *Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство* : Вторые Доржиевские чтения. : материалы конференции. С.-Петербург, 9-11 ноября 2006. СПб., 2008. С. 189–199.

³ См.: *Семёнов П.П.* История полувековой деятельности ИРГО, 1845–1895. Ч. II. СПб., 1896. С. 534–35, 538.

⁴ *Обручев В.А.* Путешествие Потанина. С. 172–173.

⁵ *Семёнов Тянь-Шанский П.П.* (до 1906 Семёнов) (1827–1914) занимал эту должность в 1860–1873 гг. Затем – вплоть до конца жизни – исполнял обязанности вице-председателя ИРГО.

⁶ *Дубровин Ф.* Николай Михайлович Пржевальский : биограф. очерк. СПб., 1890. С. 361. Письмо Г.Г. Даниловича Н.М. Пржевальскому от 25 апреля 1881 г.

⁷ Чтобы изыскать средства для обеспечения новой экспедиции, ГШ был вынужден прервать путешествие по Китаю и Японии М.И. Венюкова, начатое в 1869 г., и передать остаток отпущенных последнему сумм в размере 2 393 р. 10 к. Н.М. Пржевальскому. См.: *Есаков В.А.* М.И. Венюков (1832–1901). М., 2002. С. 50–58.

⁸ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 96–97.

⁹ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трёхлетнее путешествие в восточной Нагорной Азии. СПб., 1875. С. VI. То же. 2-е изд. М., 1946. С. 42.

¹⁰ Там же. 67. То же. 2-е изд. С. 89–90.

¹¹ *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. СПб., 1883. С. 6. 2-е изд. М., 1948. С. 23.

¹² См.: РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 36 (1883). Л. 12.

¹³ Эти сведения, извлечённые из архива РГВИА (ф. 401), были любезно предоставлены авторам М.К. Басхановым.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 224.

¹⁵ *Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950. С. 288.

¹⁶ Известия ИРГО. Т. XII. Вып. 3. 1876. С. 87.

¹⁷ Архив ИРГО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 5. Л. 70б. Письмо Н.М. Пржевальского Ванновскому. Черновик, б/д.

¹⁸ *Ладыгин В.Ф.* Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902, снаряжённой ИРГО в Центральную Азию. СПб., 1902. См. также: *Андреев А.И.* Монголо-Камская экспедиция П.К. Козлова // *Наука и техника: вопросы истории и теории*. СПб., 2003. Вып. XIX. С. 125, 126.

¹⁹ См.: Архив ИРГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 86. Л. 12, 12 об.

²⁰ Ямбы – ступкообразные слитки серебра весом в 50 лан (11 лан весят 1 фунт – 409, 5 г.). На слитках ставилось казённое клеймо или клеймо фирмы, отлившей ямб.

²¹ *Козлов П.К.* Труды экспедиции ИРГО 1899–1901 гг. Монголия и Кам. Т. I. Ч. 1. СПб., 1905. С. 6. То же. 2-е изд. М., 1948. С. 36.

²² Более подробно об организации и финансировании этих экспедиций см.: *Семёнов П.П.* Указ. соч. С. 514 и далее.

²³ См. там же. С. 539.

²⁴ *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. Глава I: «Как путешествовать по Центральной Азии» (С. 1–66). В советском переиздании 1948 г. (под редакцией и с комментариями Э.М. Мурзаева) эта глава существенно сокращена.

²⁵ *Потанин Г.Н.* Указ. соч. С. 14.

²⁶ *Грум-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. Т. 1. Вдоль Восточного Тянь-Шаня. СПб., 1896. С. VIII. Примеч. 1.

²⁷ *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань : отчёт о путешествии 1892–94 гг. СПб., 1900. С. XXV.

²⁸ *Семёнов П.П.* Указ. соч. С. 35.

²⁹ Более подробно об этом см. в книге П.П. Семёнова.

³⁰ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 265. Л. 20. Письмо А.Н. Казнакова П.К. Козлову (б/д).

³¹ Большую часть этой суммы (25 000 р.) составили средства, ассигнованные ранее на Месопотамскую экспедицию штабс-капитана П.А. Риттиха (экспедиция эта не состоялась); 5000 рублей даровал путешественнику император. Кроме этого дополнительно военным министерством было выделено 12 894 р. и Государственным казначейством 10 657 р. 62 к. АРГО. Ф. 1–1903. Оп. 1. Д. 1., Ф. 1–1907. Оп. 1. Д. 5. Лл. 12, 35. См.: Юсупова Т.И. Монголо-Сычуаньская экспедиция 1907–1909 гг. П.К. Козлова и открытие Хара-Хото // Русские экспедиции в Центральной Азии в конце XIX – нач. XX века / под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008. Примеч. 15.

³² *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото. М., 1948. С. 22.

³³ Перечень этих подарков приводится в письме вице-председателя ИРГО П.П. Семёнова-Тянь-Шанского П.К. Козлову от 1 июня 1899 г. См.: Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 622. Л. 1–4.

³⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 303 об.

³⁵ Архив СПб Ф АН РАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 35.

³⁶ Там же. Л. 50. Протокол № 3 заседания ОВКН от 23 августа 1922. Главнаука – Главное управление научных музейных и научно-художественных учреждений Академического центра НКП РСФСР, образована 13 декабря 1922 г. Осуществляла руководство и наблюдение над деятельностью и внутренней работой научных, научно-художественных, музейных и природоохранных учреждений, обществ, организаций, разрабатывала планы и проводила научные экспедиции, конференции и съезды. Главпрофобр – Главное управление отделов профессионального образования (также в структуре НКП).

³⁷ См.: Krementsov Nikolai. *Stalinist Science*. Princeton, 1997. P. 21–22.

³⁸ ГАРФ. Ф. А 2307. Оп. 2. Д. 79. Л. 39.

³⁹ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 739. Л. 21. Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину от 18 августа 1923. В экспедиционном дневнике, однако, Козлов пишет, что «правительство отпустило 5000 золотом на приобретение сапожниковской парчи». См.: Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. Научное наследие. Т. 30. СПб. 2003. С. 24.

⁴⁰ В докладной записке в Совет РГО от 22 августа 1922 г. П.К. Козлов отмечал: «... в 1914 г. всё снаряжение экспедиции было образцово закончено. От этого снаряжения в настоящее время остались одни счета, которые красноречиво свидетельствуют о том, чего оно стоило. Самое же снаряжение, несмотря на то, что оно хранилось в здании Географического Общества, было в 1918 г. грубо реквизировано, до самых малейших, по-видимому, никому не нужных предметов включительно (не пощажены были и реликвии незабвенного Пржевальского)» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 303). «Реликвии» Пржевальского – это 4 охотничьих ружья, реквизированные во время обыска на квартире П.К. Козлова в ночь с 5 на 6 июня 1919. См.: ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 134. Л. 16 и 16 об. В письме Ю.М. Шокальского наркому просвещения А.В. Луначарскому от 19 марта 1918 г., однако, говорится, что значительная часть снаряжения, закупленного для экспедиции П.К. Козлова 1914 г., стоимостью в 21750 р., была передана в распоряжение штаба Красной Армии (Архив РГО. Ф. 1 (1917). Оп. 1. Д. 5). Бесследно исчезло и заготовленное Козловым в Урге плиточное серебро. Правда, во время пребывания в Пекине в мае 1925 г., Козлову, при содействии советских властей, удалось получить в Русско-Азиатском банке 8500 р. в мексиканских серебряных долларах в качестве компенсации за понесённую потерю (Архив РГО. Ф. 1 (1917). Оп. 1. Д. 11. Л. 47. Открытка П.К. Козлова В.Л. Комарову из Пекина, 20 мая 1925).

⁴¹ Иоганн Генрихович Кебке, потомственный почётный гражданин, купец, поставщик Его Императорского Величества; владел магазином и небольшой фабрикой по изготовлению корабельных принадлежностей и походного снаряжения. На его фабрике впервые в России стали печатать флаги набивными (нелиняющими) красками.

⁴² *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. Научное наследие. Т. 30. СПб., 2003. С. 23–34. См.: также: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 303–303об.

⁴³ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 224.

⁴⁴ Более подробно об этом см.: Андреев А.И. История одного не совсем обычного путешествия. Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926) / А.И. Андреев А.И., Т.И. Юсупова // Вопр. истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 58–60.

⁴⁵ *Андреев А.И.* История одного не совсем обычного путешествия. Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926) А. И. Козлов, Т. И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 59.

⁴⁶ Там же с. 66–69.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 38. Лл. 9об-10. Письмо Ю. Шокальского в Управление делами СНК СССР от 2 декабря 1927 г. (л. 10 об).

⁴⁸ См.: *Юсупова Т.И.* Неосуществлённая мечта П.К. Козлова // Природа. 2003. № 9. С. 52–56.

⁴⁹ Там же. С. 54. Оригинал документа см.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 38.

⁵⁰ См.: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности, 1925–1953. СПб., 2006.

⁵¹ Более подробно об этих исследованиях см.: Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М., 1948. С. 134 и далее; см. также: Юсупова Т.И. Указ. соч. С. 75 и далее.

⁵² *Юсупова Т.И.* Указ. соч. С. 93, примеч. 281.

⁵³ Учёный комитет (Учком) Монголии (МНР) был учреждён правительством автономной Монголии в 1921 г. при министерстве просвещения как первое в стране научно-исследовательское учреждение. В 1924 г. Учком перешёл в правительство подчинение и позднее (в 1930) реорганизован и переименован в Комитет наук. В 1961 г. преобразован в Академию наук Монголии. См.: Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. С. 43 и далее.

Список источников и использованной литературы.

Архивные материалы.

1. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 739. Л. 21. Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину от 18 августа 1923
2. Архив РГО. Ф. 1 (1917). Оп. 1. Д. 5
3. Архив РГО. Ф. 1 (1917). Оп. 1. Д. 11. Л. 47
4. Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 86. Л. 12, 12 об.
5. Архив РГО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 5. Л. 7об. Письмо Н.М. Пржевальского Ванновскому. Черновик, б/д.
6. Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 265. Л. 20. Письмо А.Н. Казнакова П.К. Козлову (б/д).
7. Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 622. Л. 1–4.
8. Архив СПб Ф АН РАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 35.
9. ГАРФ. Ф. А 2307. Оп. 2. Д. 79. Л. 39.
10. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 224.
11. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 303 об.
12. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 303
13. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 303–303об
14. ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 38. Лл. 9об–10.
15. ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 38.
16. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 36 (1883). Л. 12.
17. ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 134. Л. 16 и 16 об.

Монографии и статьи.

18. *Андреев А.И.* История одного не совсем обычного путешествия : Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926) / А.И. Андреев, Т.И. Юсупова // *Вопр. истории естествознания и техники.* 2001. № 2. С. 58–60.

19. *Андреев А.И.* Монголо-Камская экспедиция П.К. Козлова // *Наука и техника: вопр. истории и теории.* СПб., 2003. Вып. XIX.

20. *Андреев А.И.* Фотографии в русских экспедициях по Центральной Азии XIX – начала XX века. Г. Цыбиков и О. Норзунов – первые фотографы Тибета // *Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство : Вторые Доржиевские чтения : материалы конференции.* С.-Петербург 9–11 ноября 2006. СПб., 2008. С. 189–199.

21. *Г.Е. Грум-Гржимайло.* Описание путешествия в Западный Китай. Т. 1. Вдоль Восточного Тянь-Шаня. СПб., 1896. С. VIII (прим. 1).

22. *Дубровин Н.Ф.* Николай Михайлович Пржевальский : биограф. очерк. СПб., 1890.

23. *Есаков В.А.* М.И. Венюков (1832–1901). М., 2002.
24. Известия ИРГО. 1876. Т. XII. Вып. 3.
25. *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции, 1923–1926 // Научное наследство. СПб., 2003. Т. 30. С. 23–34.
26. *Козлов П.К.* Труды экспедиции ИРГО 1899–1901 гг. Монголия и Кам. Т. I. Ч. 1. СПб., 1905. С. 6. (2-е изд.: М., 1948. С. 36).
27. *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото. М., 1948.
28. *Ладыгин В.Ф.* Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902, снаряжённой ИРГО в Центральную Азию. СПб., 1902.
29. *Мурзаев Э.М.* Географические исследования Монгольской Народной Республики. М., 1948.
30. *Обручев В.А.* Путешествие Потанина. М.: Молод. гвардия, 1953. 189 с.
34. *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань : отчёт о путешествии 1892–94 гг. СПб., 1900.
35. *Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950
36. *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. СПб., 1883.
37. *Пржевальский Н.М.* То же. 2-е изд. М., 1948.
38. *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трёхлетнее путешествие в восточной Нагорной Азии. СПб., 1875.
39. *Пржевальский Н.М.* То же. 2-е изд. М., 1946.
40. *Пржевальский Н.М.* Гл. I: «Как путешествовать по Центральной Азии» // Н.М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 1–66. – В советском переиздании 1948 г. (под редакцией и с комментариями Э.М. Мурзаева) эта глава существенно сокращена.
41. *Семёнов П.П.* История полувековой деятельности ИРГО, 1845–1895. Ч. II. СПб., 1896. С. 534 – 538.
42. *Юсупова Т.И.* Монголо-Сычуаньская экспедиция 1907–1909 гг. П.К. Козлова и открытие Хара-Хото. // Русские экспедиции в Центральной Азии в конце XIX – нач. XX века / под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008. Примеч. 15.
43. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук : история создания и деятельности, 1925–1953. СПб., 2006.
44. *Юсупова Т.И.* Неосуществлённая мечта П.К. Козлова // Природа. 2003. № 9. С. 52–56.
45. *Krementsov Nikolai.* Stalinist Science. Princeton, 1997.

Зоологические коллекции Н.М. Пржевальского в фондах Зоологического музея РАН

Одна из наиболее крупных и ценных коллекций центральноазиатской фауны принадлежит знаменитому путешественнику Н.М. Пржевальскому (1839–1888). Эта коллекция, как и фаунистические сборы других путешественников – М.В. Певцова, В.И. Роборовского, братьев Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло, Г.Н. Потанина и П.К. Козлова, хранится ныне в фондах Зоологического института РАН и частично выставлена в постоянной экспозиции Зоологического музея.

Русские экспедиции в Центральную Азию последней трети XIX – начала XX века носили многоплановый – не специализированный – характер. Путешественники исследовали все основные компоненты природного комплекса – рельеф, климат, почвы, растительность и животный мир, но на первом месте для них как географов-природоведов все же были зоолого-ботанические исследования. Как отмечает Э.М. Мурзаев, «Пржевальский так и понимал задачу географа – дать картину природы посещенных районов в тесной взаимосвязи всех ее звеньев»¹.

Собранные этими путешественниками многочисленные коллекции, прежде всего фаунистические и флористические, а также геологические и этнографические, дали богатейший материал для изучения природы и населения обширного и практически неисследованного региона в центре азиатского материка. Если говорить только о зоологических и ботанических коллекциях, то открытие новых видов и подвидов животных и растений Центральной Азии существенно обогатило науку, расширив наше представление как о видовом разнообразии в системе живых организмов, так и об их отношениях между собой и адаптации к крайне суровым условиям окружающей среды.

В этой связи необходимо отметить, что собирание тех или иных коллекций не являлось самоцелью для путешественников, но было теснейшим образом связано с их разнообразными экспедиционно-маршрутными наблюдениями над природой и человеком. Проходя по той или иной местности, путешественники, прежде всего, наблюдали и скрупулёзно фиксировали в своих записных книжках всё, что попадало в поле их зрения, привлекало их внимание, и лишь затем приступали к сбору, добыванию образцов местной флоры, фауны, горных пород, почв и т.д. В этом смысле можно говорить о том, что коллекционные сборы существенно дополняли первичные чисто визуальные (или даже аудио-визуальные в случае птиц) наблюдения совершенно конкретным материалом, правда, материалом «сырым», требовавшим последующей научной обработки – тщательного изучения специалистами.

После окончания, а нередко и в процессе путешествия, собранные коллекции доставлялись в С.-Петербург, где поступали в распоряжение заинтересованных научных учреждений (Зоологический музей, Ботанический сад, геологический кабинет С.-Петербургского университета). Здесь происходила их окончательная обработка (описание и систематизация) соответствующими специалистами, а это были в основном выдающиеся в своей области ученые, такие как акад. В.В. Заленский, Я.В. Бедряга, Ф.Д. Плеске, Е.А. Бюхнер, С.М. Герценштейн, В.Л. Бианки, А.П. Семенов, А.М. Никольский, В.Ф. Руссов, И.С. Поляков (зоологи), акад. К.И. Максимович, В.Л. Комаров, А.Ф. Баталин (ботаники), А.А. Иностранцев, И.В. Мушкетов (геологи и минералоги).

По словам акад. А.А. Штрауха, зоологические коллекции, собранные Пржевальским в ходе четырёх больших экспедиций, «составили тот колоссаль-

ный, несравненный материал по позвоночным животным Центральной Азии, который Николай Михайлович пожертвовал Академии наук и который, по всей справедливости, составляет гордость академического музея. Действительно, материал этот не имеет себе равного, да, наверное, и долго еще не будет иметь»².

Любовь Н.М. Пржевальского к зоологии выросла из его страсти к охоте, проявившейся в нем довольно рано³. Родившийся и выросший в селе Кимборово, среди диких лесов и болот Смоленщины, Пржевальский с детства любил природу. Любил наблюдать жизнь лесных зверей и птиц и охотиться за ними. В своей автобиографии он рассказывал об этом времени так: «Рос я в деревне дикарем. Воспитание было самое спартанское. Я мог выходить из дома во всякую погоду и рано пристрастился к охоте. Сначала я стрелял из игрушечного ружья желудями, потом из лука, а лет с двенадцати я получил настоящее ружьё. Руководителем в охоте был мой дядя Павел Алексеевич Каретников, брат моей матери...»⁴.

Впоследствии эти навыки охотника пригодятся Пржевальскому-путешественнику, ибо охота давала не только средства пропитания, но и служила основным способом собирания коллекции позвоночных животных (млекопитающих).

Повзрослев, Пржевальский начал самостоятельно изучать естественные науки, прежде всего, зоологию и ботанику, с увлечением читал книги о путешествиях, мечтая стать географом-путешественником, исследователем неизведанных земель, следуя примеру открывателя истоков Белого Нила Сэмюэла Бейкера. Военная служба отчасти способствовала осуществлению его планов, она дисциплинировала его и закалила. Служа в полку в Кременце (Волынская губ.) Пржевальский все свободное время проводил на природе – собирал гербарий, наблюдал сезонные явления природы. Особенно плодотворными оказались три года, проведенные им в Варшаве (1864–1867) после окончания Николаевской Академии генерального штаба. Здесь молодой офицер, преподаватель в юнкерском училище, усиленно и целенаправленно занимался самоподготовкой – штудировал книги по зоологии, ботанике, физической географии и истории, посещал Ботанический сад. По его собственному признанию, Варшава окончательно сформировала его как будущего путешественника.

Первая самостоятельная экспедиция Пржевальского в Уссурийский край, осуществленная им в 1867–1869 гг. (вскоре после прикомандирования к Генеральному штабу) по поручению Сибирского отдела Русского Географического общества, раскрыла его блестящие способности полевого исследователя. В ходе этого путешествия Пржевальским была собрана первая зоологическая коллекция, которую он в дальнейшем обрабатывал в Петербурге под руководством известного зоолога и путешественника Н.А. Северцова.

А затем в течение восемнадцати лет (с 1870 по 1888 г.) путешественник целиком отдает свои силы исследованию давно манившей его Центральной Азии, куда он совершает четыре большие экспедиции. Уже первая из них по Монголии и Восточному Тибету (1870–1873), самая большая по длительности и протяженности, принесла Пржевальскому всемирную славу. Из этого путешествия он привез огромную зоологическую коллекцию, включавшую в себя около 1000 экземпляров птиц (289 видов), 130 шкур млекопитающих (42 вида), 84 экземпляра пресмыкающихся и земноводных, около сотни рыб (17 видов) и более 3000 экземпляров насекомых⁵. В этой коллекции оказалось немало совершенно новых видов животных, впоследствии получивших имя Пржевальского. Но не менее ценным, чем сборы коллекций являются систематические записи путешественником своих наблюдений над животными, образом их

жизни, повадками, условиями обитания тех или иных видов, содержащиеся в его дневниках и специальных «записных книгах», некоторые из которых хранятся ныне в Петербурге в архиве Академии наук.

Отправляясь в путешествие, Пржевальский имел с собой все необходимое для коллекторской работы. Впоследствии, в книге-отчете о четвертом путешествии, он дал подробное описание своего походного зоологического инструментария. Это, во-первых, инструменты для препарирования чучел птиц и млекопитающих, хранившиеся в отдельном ящичке: небольшие складные ножички, пинцеты, кисточки, бруски, плоскогубцы, подпилки, иголки, нитки и т.д. Затем мыльняковое мыло (15 фунтов), гипс (10 фунтов) и квасцы (1 пуд). Наконец, запасы ваты и пакли. (Квасцы, вату и паклю путешественник нередко приобретал на границе или же во время путешествия. В качестве пакли он также использовал старые веревки.)

Для собирания спиртовых коллекций рептилий и рыб требовались банки с плотно притертыми пробками и гуттаперчевыми крышками, объемом в 2, 4 и 6 фунтов. Эти банки заполнялись спиртом, которым опять-таки запасались на границы, и упаковывались в ящики с гнездами, обитыми изнутри войлоком. В случае необходимости в дороге русский спирт заменялся китайской водкой. Для сбора гербария покупались в среднем 5–6 пачек (по 100 листов в каждой) «пропускной» бумаги.

Для рыбной ловли в дорогу брали небольшие неводы (12 и 20 сажень в длину), сачки и удочки. Для ловли волков, лисиц и других животных – капканы, «непременно большие», рекомендует Пржевальский.

Для охоты на зверей использовались в основном берданки (однорядные пехотные винтовки системы Бердана), находившиеся в то время на вооружении российской армии.

Вскоре после окончания путешествия (21 марта 1874 г.) Н.М. Пржевальский был удостоен высочайшей аудиенции, во время которой он представил императору Александру II свои картографические работы и коллекции. Их демонстрация произвела на царя столь сильное впечатление, что он тут же произвел Пржевальского в подполковники, пожаловал ему пожизненную пенсию, а также заявил о необходимости приобретения его зоологической коллекции для музея Императорской Академии наук⁶. В результате в том же году эта коллекция была куплена Зоологическим музеем у Пржевальского за 10 тысяч рублей на средства Государственного казначейства⁷.

По заключению академиков-зоологов Ф.Ф. Брандта, Л.И. Шренка и А.А. Штрауха, производивших оценку коллекции, её истинная ценность намного превышает запрошенную Пржевальским сумму, поскольку содержит в себе большое число весьма редких и новых видов, обработка которых должна обогатить науку⁸. В обращении этих академиков к президенту Академии наук графу Ф.П. Литке, в частности, говорилось: «Коллекция г. Пржевальского представляет в научном отношении огромную важность, ибо впервые знакомит нас с фауной обширного края, вовсе еще не исследованного и до сих пор считавшегося почти недоступным. В особенности же велик представляемый ею интерес для России, так как означенные страны отчасти пограничны с обширными владениями ее в северной и средней Азии, составляющей естественное и преимущественное поле трудов и следований русских учёных»⁹.

Работы первой экспедиции Н.М. Пржевальского по Центральной Азии получили высокую оценку научной общественностью России и Географическим обществом, удостоившим путешественника своей высшей награды – Константиновской золотой медали.

3 мая 1874 г. Совет РГО принял решение об издании результатов трех-летних исследований Н.М. Пржевальского в восточной Нагорной Азии в трех томах под общим названием «Монголия и страна тангутов»¹⁰. Это издание было осуществлено в 1875–1876 годах, однако не в трех, а только в двух томах. Первый том содержал подробное описание путешествия Пржевальским, второй – данные о климате и обработку части собранных коллекций. Так, сам Пржевальский, ставший к тому времени вполне профессиональным орнитологом, обработал свои орнитологические сборы, А.А. Штраух – герпетологические, а К.Ф. Кесслер – образцы ихтиологической фауны. (Помимо этих лиц зоологические коллекции Пржевальского обрабатывали также Н.А. Северцов, В.К. Тачановский и А.Ф. Моравиц.) Планировавшийся издателями третий том с обработками ботанических коллекций К.И. Максимовичем не был опубликован.

Наиболее ценная из привезенных коллекций – коллекция птиц, содержащая 289 видов, распределялась по 7 отрядам: Accipitres (24), Passers (158), Scansores (4), Columbae (5), Gallinae (16), Grallac (45), Natatores (37). Из этого общего числа новыми оказались 20 видов, два из которых принадлежали к новым родам. Основные сборы были сделаны на обширнейшей территории, охватившей юго-восточную окраину Монголии, Ордос (долина северного изгиба Хуанхэ), Алашань, Ганьсу и частично Куку-нор. В гораздо меньшей степени были исследованы Халха (Внешняя Монголия) и северный Тибет. В приведенной Пржевальским в конце своей работы таблице было показано приблизительное географическое распространение птиц в посещенных им местностях. При этом путешественник отмечал, что гористая область Ганьсу, резко отличающаяся от соседних пустынь Монголии и Тибета, представляет «отличную орнитологическую фауну, характеризуемую присутствием многих гималайских видов, большею частью достигающих здесь северной границы своего географического распространения». Всего в Ганьсуйских горах им был найден 131 вид птиц, 42 из которых имеют здесь свою северную границу.

А.А. Штраух в своем разделе, посвященном пресмыкающимся и земноводным, отмечал малую изученность этого рода фауны Центральной Азии, являющейся для нас в границах северной и внутренней части Китая «совершенной terra incognita». «При таких обстоятельствах – писал ученый – каждое, даже самое ничтожное обогащение наших познаний касательно герпетологической фауны северного Китая имеет свое значение, и потому Н.М. Пржевальский заслуживает особенной благодарности, собравши, при самом малом числе находящихся приборов для хранения животных в спирту, довольно значительную коллекцию встречающихся в посещенных им странах пресмыкающихся и земноводных; эта коллекция, содержащая, вероятно, далеко не всех водящихся там представителей этих двух классов, вполне достаточна, однако, для того, чтобы дать понятие об общем характере герпетологической фауны тамошнего края»¹¹.

Из своего путешествия Пржевальский привез 53 экземпляра пресмыкающихся и 31 экземпляр земноводных, в том числе: 7 черепах, 36 ящериц, 10 змей и 31 экземпляр бесхвостых земноводных (Anura). Эти образцы принадлежали к 23 видам, 12 из которых, по меньшей мере, являлись новыми. Самую же интересную часть в герпетологическом материале Пржевальского, по мнению Штрауха, составляли ящерицы, «не только потому, что они заключают в себе наибольшее число видов, именно 13, но и потому, что из этого числа 11 видов новых».

Общий вывод, который делает Штраух на основе изученной им коллекции:

«... в герпетологическом отношении местности, посещенные г. Пржевальским, принадлежат к палеарктической области и составляют часть японско-китайского фаунистического региона, хотя ящерицы принадлежат к родам, не имеющим представителей ни в Японии, ни в Амурском крае, а водящимся в пустынях средней и западной Азии. Таким образом, мы, благодаря коллекции Н.М. Пржевальского, можем заключить, что японско-китайский район весьма обширен, причем, однако, мы не имеем в настоящее время возможности определить его границы к югу и западу; со временем западную границу, несомненно, придется поставить там, где арало-каспийские представители рода *Phrynoscephalus* и подрода *Eremias* сталкиваются с китайскими; касательно же южной границы японско-китайского района следует предполагать, что она лежит далеко южнее тех мест, где пришлось быть г. Пржевальскому, так как в его коллекции нет ни одной из тропических форм, свойственных китайско-индийскому району¹²».

К.Ф. Кесслер, обработавший ихтиологическую коллекцию, дал определения и описания рыб, добытых Пржевальским преимущественно в северном Китае. При этом им были описаны «более или менее обстоятельно» только мало известные или совершенно новые виды. В целом ученый-ихтиолог отмечал необычайную скудость наших знаний китайской ихтиофауны: «Пресноводные рыбы Китая, можно сказать, только от начала нынешнего столетия стали постепенно делаться известными, а до того времени почти исключительно только знали знаменитую золотую рыбку (*Carassius auratus* L.), издавна привезенную в Европу и искусственно везде разводимую». На момент экспедиции Пржевальского ученые уже описали около 200 видов китайских рыб, из которых не менее половины приходится на семейство карповых (*Cyprinidae*), «которое является преобладающим над всеми другими семействами как в Европе, так и в западной Азии»¹³.

Общее число видов рыб, привезенных Пржевальским, составило 17. Добыты они были частично в р. Хуанхэ и ее северных притоках, частично из соленых озер Далай-нора и Куку-нора. Далай-нор является самым восточным из соленых озер Китая и находится на границе Маньчжурии на высоте 42 000 футов. Куку-нор же напротив находится на границе Тибета на огромной высоте в 105 000 футов. Из рыб Пржевальского, по определению, Кесслера, 8 видов принадлежат Хуанхэ.

Давая общую оценку ихтиологической коллекции Пржевальского, К.Ф. Кесслер указал, что она, с одной стороны, знакомит нас с новыми видами рыб, а с другой стороны, «значительно пополняет наши сведения о рыбах обитающих в водах высокой центральной Азии».

Что касается коллекции млекопитающих, то специальное их описание не было включено во второй том, поскольку основные сведения о них содержались в отчете Пржевальского в первом томе. Более подробные данные о млекопитающих автор предполагал опубликовать после возвращения из уже намеченной новой экспедиции на Лобнор и в Тибет. Обработка же обширной энтомологической коллекции, которой занимался энтомолог А.Ф. Моравиц, не была завершена на момент издания второго тома.

Книга Пржевальского «Монголия и страна тангутов», увидевшая свет в 1875 г., получила весьма высокую оценку специалистов-географов, как российских, так и зарубежных. Достаточно сказать, что уже через год она была переведена на английский, немецкий и французский языки¹⁴. По мнению большого знатока Азии М.И. Венюкова, «не только русская, но и западноевропейская литература имеют мало книг, написанных так увлекательно и в то же время с соблюдением научной строгости содержания»¹⁵. И столетие спустя

в предисловии ко второму изданию этой книги известный советский географ Э.М. Мурзаев будет утверждать: «“Монголия и страна тангутов” – книга необыкновенная; она написана энциклопедистом-путешественником, ее темы разнообразны, материал оригинален, язык своеобразен и свеж, а в целом – это документ, на который ссылались и будут ссылаться не одно поколение ученых»¹⁶.

Главное достоинство «Монголии и страны тангутов» – это умелое соединение автором популярного рассказа о своем путешествии и приключениях со страницами, содержащими обсуждение сугубо научных вопросов и тем. Описание однообразного движения экспедиционного отряда от одного пункта к другому то и дело перемежается попутными наблюдениями путешественника над природой и местным, «туземным», населением – длинными сухими перечнями представителей животного и растительного мира, по-русски и на латыни, и яркими и живыми этнографическими зарисовками. Пржевальский дает достаточно подробное описание встреченных им новых видов животных: аргали или горного барана (*Ovis argali*); хара-сульта – чернохвостой антилопы (*Antilope subgutturosa*); кулана (по-монгольски хулана) – дикого осла (*Equus kiang*) и др. Влюбленный с детства в птиц, он проявляет особо пристальное внимание к жизни пернатых. И, конечно же, с увлечением, а порою и страстью, рассказывает о своих охотничьих экскурсиях. Например, об охоте на аргали, «самое замечательное животное высокогорной Средней Азии». При этом он описывает особый способ приманки животного, о котором узнал от монголов:

«Монголы говорили нам, что если повесить какой-нибудь предмет (например, одежду), который обратит на себя внимание аргали, то звери долго будут стоять на одном месте, рассматривая диковинку, а охотник тем временем может подкрасться к ним с удобной стороны. Сам я только однажды испытал подобный способ, повесив на воткнутый в землю шомпол свою красную рубашку и привлекая этим на четверть часа внимание убежавшего стада»¹⁷.

А вот, что Пржевальский пишет об охоте на хара-сульт:

«На реке Хурай-хунды (в Ордосе. – А.А.) мы пробыли три дня, посвятив все это время охоте за чернохвостыми антилопами, которые встретились нам здесь. <...> Много потратили мы с товарищем (А.М. Пыльцовым. – А.А.) времени и труда, чтобы убить первую хара-сульту. Целых два дня проходили мы даром, и только на третье утро мне удалось удить великолепного самца, подкравшись к нему довольно близко. По-настоящему одиночную хара-сульту, равно как и дзерена, следует стрелять на расстоянии более 200 шагов – можно, наверное, сказать, что из десяти выстрелов девять пропадут даром»¹⁸.

Необычайно интересна глава, посвящённая посещению северной окраины Тибета, неприступной горной страны, где до Пржевальского не был ни один русский или европейский исследователь. Поднявшись со своим маленьким караваном на самое высокое в мире плато, путешественник обнаружил там необыкновенное богатство животного мира. «Не видавши собственными глазами, невозможно поверить, чтобы в этих обиженных природой местностях могло существовать такое громадное количество зверей, скопляющихся иногда в тысячные стада. Только бродя с места на место, эти сборища могут находить достаточно для себя корма на скудных пастбищах пустыни. Зато звери не знают здесь своего главного врага – человека и вдали от его кровожадных преследований живут свободно и привольно»¹⁹. Далее он приводит список наиболее характерных и многочисленных млекопитающих тибетских пустынь: дикий як (*Capreolus grunniens*), белогрудый аргали (*Ovis polii* [*O. ammon*]), куку-яман (*Ovis sp.*), антилопы оронго (*Antilope hodgsonii* [*Pantholops h.*]) и ада

(*Antilope* sp.), хулан (*Equus kiang* [E. *Hemionus kiang*]), желтовато-белый волк (*Canis* sp.). Часть этих животных уже встречались Пржевальскому в Ганьсу и на Куку-норе, поэтому он описывает подробно только эндемические, собственно тибетские виды – дикого яка, белогрудого аргали и антилоп оронго и ада (ада-дзеренов²⁰). Эти описания он неизменно дополняет увлекательными рассказами об охоте на этих животных.

В пустынях северного Тибета отряд Пржевальского провел два с половиной месяца (с 23 ноября 1872 по 22 февраля 1873) в практически экстремальных условиях. «Жизнь наша была в полном смысле “борьбой за существование”, – записал он в дневнике, – и только сознание научной важности предпринятого дела давало нам энергию и силы для успешного выполнения своей задачи»²¹. За этот период его зоологическая коллекция пополнилась многими образцами представителей животного мира Тибетского нагорья, среди которых были и новые виды. В общей сложности Пржевальский вместе с Пыльцовым застрелили 76 крупных млекопитающих, в их числе 32 яка. Что касается орнитофауны, то она оказалась довольно бедной. Пржевальский обнаружил на северной окраине Тибета 29 видов птиц и из них только один (оляпка, *Cinclus* sp.) не был замечен им где-либо ранее. Остальные же наблюдались им ранее в Ганьсуйских горах и на Куку-норе.

На обратном пути в Россию Пржевальский вновь посетил Ганьсу и Куку-нор, на этот раз в период весеннего оживления природы. Это позволило ему сделать новые наблюдения и пополнить свои коллекции. Так, в лесистых горах Ганьсу удалось добыть несколько редких видов пернатых, в их числе ушастого фазана (*Crossoptilon auritum*).

Вторая экспедиция Пржевальского – Лобнорская (1876–1877) была не менее успешной, хотя путешественнику пришлось прервать свои исследования из-за внезапной болезни (кожный зуд) и вернуться в Петербург. По этой причине сам Пржевальский считал свое Лобнорское путешествие мало удачным. Его основными помощниками во второй экспедиции являлись юный Федор Эклон (сын одного из служащих Зоологического музея) и испытанные спутники по первому путешествию, забайкальские казаки Дондок Иринчинов и Панфил Чебаев. Именно они и помогали Пржевальскому в сборе коллекционного материала – участвовали в охотничьих экскурсиях и занимались препарированием животных.

Во время путешествия были собраны следующие коллекции: 1) млекопитающих – 45 видов, из них шкур животных крупных и средней величины – 34; мелких – 85; черепов – около 25 штук; 2) птиц – 206 видов в числе 606 экземпляров; птичьих яиц 41 из 17 гнезд; 3) пресмыкающихся – 18 видов в числе 120 экземпляров; 4) рыб – 17 видов в числе около 80 экземпляров²².

В своем отчете о путешествии, представленном в РГО, и в путевых дневниках²³ Пржевальский дает довольно подробные характеристики региональных фаун. Например, приводит полный список маммологической фауны впервые посещенных им областей – бассейна нижнего Тарима и Лобнора (16 групп млекопитающих), а также список орнитофауны Таримской долины (48 видов)²⁴. Два вида пернатых из названных 48-ми, как отмечает сам исследователь, оказались новыми. Это горихвостка (*Rhopophilus deserti*) и саксаульная сойка (*Podoces tarimensis* n. sp.).

Пржевальский был первым из европейских географов-путешественников, кто исследовал фауну таримско-лобнорской области, и его пионерные исследования сразу же привлекли к себе внимание западных ученых. Так, авторитетный немецкий журнал *Pettermanns Mitteilungen* (Петтермановские известия) опубликовал отчет о его посещении Лобнора и Алтын-тага (географической

северной границы Тибета) – наиболее значительных достижениях второй центральноазиатской экспедиции Пржевальского²⁵.

В горах Алтын-тага Пржевальский впервые встретил одно из наиболее редких местных животных, которое также водится в таримско-лобнорских пустынях, – дикого верблюда (*Camelus bactrianus, ferus*). Эта первая встреча, происшедшая в памятный день – десятилетие своей экспедиционной деятельности («страннической жизни»), однако, оказалась неудачной. Пржевальскому не удалось убить дикого верблюда. Лишь два месяца спустя охотники-лобнорцы добыли для него три экземпляра этого животного: самца, самку и находившегося в утробе самки верблюженка. «Шкуры всех трех экземпляров были превосходные; сняты и препарированы как следует, – сообщает в своем отчете Пржевальский. – «Этому искусству мы сами обучили посланных охотников. Черепа также были доставлены в исправности. – Через несколько дней я получил еще шкуру дикого верблюда (самца), убитого на нижнем Тариме. Этот экземпляр был немного хуже первых, так как, живя в более теплой местности, уже начал линять; притом его и обдирали неумеючи. Нечего и говорить, насколько я был рад приобрести, наконец, шкуры того животного, о котором сообщал ещё Марко-Поло, но которого до сих пор не видал ни один европеец»²⁶.

Далее в своем отчете Пржевальский называет зоологические признаки, отличающие дикого верблюда от домашнего, как то: отсутствие мозолей на коленях передних ног, маленький горб, небольшой или полностью отсутствующий чуб у самца, красновато-песчаный цвет шерсти (одинаковый у всех диких верблюдов), более короткая морда и уши. Что касается происхождения этих животных, то, по мнению Пржевальского, нынешние дикие верблюды являются прямыми потомками своих «диких родичей», но по временам, к ним, вероятно, примешивались и домашние особи, «ушедшие в степь, одичавшие и размножившиеся на воле». Впрочем, вопрос о генезисе дикого верблюда до сих пор не решен «категорически и окончательно», как отмечает в своем комментарии 70 лет спустя Э.М. Мурзаев. Помимо Лоб-нора и Алтын-тага, дикий верблюд водится также в Хамийской пустыне и в Заалтайской Гоби, «самых страшных бесплодных пустынях Центральной Азии». «Более нигде в мире нельзя встретить этого редкого зверя, ареал распространения которого, видимо все более и более сужается»²⁷.

20 августа 1877 г., накануне выступления из Кульджи в Тибет, являвшийся конечной целью путешествия, Пржевальский обратился к руководству Зоологического музея с просьбой принять на хранение собранную им коллекцию центральноазиатской фауны. В ее составе находились 35 шкур млекопитающих больших и средней величины и около полусотни мелких, 180 видов птиц в числе 500 экземпляров, около 50 экземпляров видов рыб, около 150 экземпляров пресмыкающихся и более 2000 экземпляров насекомых. «Величайшая редкость зоологической коллекции – отмечал он – это три взрослых экземпляра дикого верблюда и один молодой». Вся эта коллекция, «надлежащим образом укупоренная», была передана Пржевальским на временное хранение градоначальнику Кульджи (город в это время находился под русским контролем²⁸) и частично (пресмыкающиеся и рыбы) одному его местному знакомому. В то же время он просил Главный Штаб сделать распоряжение о перевозке его коллекции в Петербург и передаче в музей Академии наук, где она должна была храниться до его возвращения²⁹.

Находясь в Кульдже, Пржевальский также написал письмо А.А. Штрауху (24 августа), в котором изложил свои соображения относительно транспортировки и будущей обработки своих коллекций:

«Все мои рыбы и пресмыкающиеся укупорены в два ящика и сданы в Кульдже доктору Л.И. Мациевскому (моему хорошему знакомому) с тем, чтобы он отправил их вам по почте, но не ранее ноября, т.е. зимы. Иначе летом на жаре экземпляры могут испортиться. Всех этих пресмыкающихся я преподношу Вам, рыб – Кесслеру, но с условием описать и тех и других в будущем издании моего путешествия. Вообще на будущее время я решил передавать различные отделы (насекомых, рыб и пр.) своей коллекции тому лицу или учреждению, которое возьмет на себя специальную обработку данного отдела»³⁰.

В этом же письме Пржевальский сообщал, что из птиц найден был только один новый вид, названный им *Podoces Tarimensis*. «Хотел было сначала – добавляет он – назвать *Podoces Ekloni*, но думаю, что еще рано величать Эклон, который, кстати сказать, почти один собрал всю коллекцию пресмыкающихся и насекомых. Притом Эклон помогает мне и во всем остальном, усерден, энергичен и вынослив к трудам»³¹.

Несколько позднее, после переезда из Кульджи в Зайсанский пост на лечение (начало 1878 г.), Пржевальский уведомил Штрауха об отправке коллекционных материалов в Россию. В этом втором письме он вновь затрагивает вопрос об обработке зоологической коллекции, подчеркивая, что не считает ее своей собственностью и готов передать частным лицам или учреждениям, которые смогут обработать «различные классы млекопитающих». «Трудно мне будет справиться с мелкими грызунами и летучими мышами, – признавался он Штрауху. – Так что если найдется специалист, который возьмет на себя описание моих млекопитающих, то я с удовольствием передам ему эту работу. Сам же напишу только статью о их географическом распространении». В то же время Пржевальский собирался, по примеру первого путешествия, полностью описать свои орнитологические сборы («Описание птиц хочу сохранить за собой».)

В этом же письме Штрауху Пржевальский сообщает о своей замечательной научной «добыче» – экземпляре дикой лошади: «Недавно я добыл от Зайсанского пристава прекрасную шкуру (с черепом) тарпана, убитого киргизами в Чжунгарской пустыне. Шкуру эту пошлю вам в музей вместе с птицами, которые собраны прошлой осенью»³². Это крайне любопытное – почти сенсационное – сообщение свидетельствует о том, что шкура дикой лошади – знаменитого джунгарского скакуна – была добыта Пржевальским во время второй экспедиции, а не в третьей, как это принято считать, исходя из того факта, что описание дикой лошади приведено в книге о его третьем путешествии³³. Надо сказать, что в этой книге, опубликованной в 1883 г., рассказывая о характерной фауне Джунгарии, Пржевальский упоминает дикую лошадь (наравне с диким верблюдом) и сообщает читателю об обстоятельствах её добычи в коротком примечании: «Экземпляр дикой лошади, доставленный мною в музей Академии наук, убит охотниками киргизами в песках южной Чжунгарии и подарен мне бывшим начальником Зайсанского поста А.К. Тихоновым»³⁴. Когда именно Тихонов подарил ему этот экземпляр, Пржевальский не сообщает, но об этом мы узнаём из процитированного выше его письма к А.А. Штрауху.

На основании этого единственного экземпляра сотрудник Зоологического музея И.С. Поляков впоследствии дал научное описание дикой лошади, присвоив ей имя *Equus Przewalskii*³⁵. Явно ошибочные сведения об открытии Пржевальским дикой лошади в ходе третьего путешествия (т. е. в 1879–80 гг.) и добычи ее экземпляра для Зоологического музея перекочевали (как кажется, с легкой руки Э.М. Мурзаева) в современную биографическую литературу о путешественнике. Так, в книге М.В. Гавриленко мы читаем, о том, как во

время этого путешествия Пржевальский, не сумев убить дикую лошадь во время охоты, приобрел ее шкуру у киргизов» (!?)³⁶.

Зоологическая коллекция Лобнорской экспедиции Пржевальского была благополучно доставлена из Китайского Туркестана в Петербург в 1878 г. и тогда же передана безвозмездно путешественником Зоологическому музею. В своем письме конференции Императорской Академии наук Пржевальский писал: «Признавая, что академический музей составляет наилучшее хранилище для отечественных коллекций, которые, будучи в частных руках, легко могут подвергнуться порче или даже совсем погибнуть, я предлагаю Академии наук принять бесплатно в собственность музея всю привезенную мною зоологическую коллекцию. За собою же желаю сохранить право обработки ее орнитологического отдела»³⁷.

Что касается млекопитающих, как собранных в этой экспедиции, так и привезенных из Монгольского путешествия и все еще не обработанных, то Пржевальский предложил, ввиду его отправления в новое двухлетнее путешествие по Тибету, поручить их обработку кому-либо из авторитетных ученых зоологов. Сам же он изъявил желание приложить к этому труду «все, что касается до географического распространения и образа жизни животных, мною наблюдавшихся».

Следующая третья экспедиция Пржевальского в Центральную Азию, официально названная Первой Тибетской, состоялась в 1879-1880 гг. Участие в ней приняли 13 человек – два помощника, Ф.Л. Эклон и В.И. Роборовский, опытный препаратор Андрей Коломийцев, участвовавший прежде в экспедициях Н.А. Северцова и Г.Н. Потанина, трое солдат, пятеро казаков и один переводчик. Основной целью этой экспедиции было географическое описание Тибета, то, чего Пржевальский не смог сделать в предыдущем путешествии. Намеченная Пржевальским программа исследований включала в себя, помимо маршрутно-глазомерной съемки и различных инструментальных наблюдений, специальные зоологические и ботанические исследования, а также «составление» коллекций: зоологической, ботанической и частично минералогической³⁸. Эти последние работы Пржевальский возложил на двух своих помощников: Эклону он поручил препарировать млекопитающих и птиц и заведовать в целом зоологической коллекцией, а Роборовскому – рисовать образцы флоры и фауны и собирать гербарий.

Маршрут экспедиции проходил через Джунгарию, Тянь-Шань и Нань-Шань, Цайдам, северный Тибет, вплоть до горы Бумза, где путешественники были остановлены тибетским кордоном и вынуждены повернуть назад. На обратном пути Пржевальский занимался исследованием верховьев Желтой реки, вновь посетил Куку-нор, вторично обследовал Восточный Нань-Шань (горы Ганьсу) и пересёк Алашаньскую пустыню и среднюю Гоби.

Сбор зоологической и ботанической коллекций проводился по всему маршруту. Выйдя из Зайсанского поста, экспедиционный отряд в течение трех недель двигался вверх по реке Урунгу, что позволило его участникам активно заняться рыболовством. В самой реке, а также в близлежащих озерах и заливах были обнаружены пять видов рыб: голавли (*Squalius* sp.) – в «невероятном обилии», а также караси (*Carassius vulgaris*), лини (*Tinca vulgaris*), пескари (*Gobio* sp.) и окуни (*Perca fluviatilis*). «Небольшой сетью, всего в пять сажень длины, – писал Пржевальский в отчете, – мы нередко вытаскивали из реки за одну тоню 5–6 пудов голавлей, все как один, около фута длиною. В меньшем количестве попадались и другие рыбы из числа поименованных пяти видов... Несколько десятков экземпляров положены были в спирт для коллекций. Рыбы эти должны были пропутешествовать с нами всю экспедицию, а затем уже

попасть в музей С.-Петербургской Академии наук. В этом-то и великое затруднение собирания коллекций, да и снаряжения научной экспедиции в азиатские пустыни вообще, что каждая вещица, даже самая ничтожная, но часто необходимая, должна возиться тысячи верст на выюке, прежде чем пригодиться для дела»³⁹.

Наряду с рыбной ловлей, ежедневно производились и другие работы по добыванию коллекционного материала, в том числе устраивались небольшие охотничьи экскурсии, не зависимо от погодных условий. «Дорогою мы также собирали для коллекции растения, ловили ящериц, а иногда и змей, стреляли попадающихся зверей и птиц»⁴⁰. Пржевальский стрелял обычно из своего любимого охотничьего ружья, которое у него всегда было за плечом, – двуствольного штуцера Ланкастера, подаренного ему товарищами, офицерами Генерального штаба в 1875 г. после возвращения из Монгольской экспедиции⁴¹. (В первом путешествии он пользовался штуцером Снайдера.) Казаки же обычно охотились с берданками, которые, несмотря на меткость, были «малобойны». «Рана, причиняемая зверю такой пулей, – объясняет Пржевальский – в большинстве случаев не бывает тотчас смертельна, но если только снаряд не попадет в голову, сердце или в позвоночный столб. С простреленным же насквозь животом или грудью не только кабан, но и всякий другой зверь уходят иногда очень далеко. Даже заяц, пронизанный пулей берданки, нередко убегает; дикий гусь, с выбитыми той же пулей внутренностями, улетает за несколько сот шагов; пробитый орел делает то же самое. Для устранения, хотя отчасти, подобного недостатка, мы делали бердановские пули разрывными, просверливая цилиндрическое гнездо в передней половине пули и наполняя его смесью бертолетовой соли с серой. Меткость стрельбы, по крайней мере шагов до пятисот, для подобного снаряда почти не уменьшалась, зато действие пули было лучше»⁴².

В этой связи уместно отметить, что охотничьи принадлежности Пржевальского в этом путешествии были весьма внушительными по объему и включали в себя, помимо стрелкового оружия, 2½ пуда патронов (12000 штук), 3 пуда пороха и 12 пудов дроби.

Охотились обычно после обеденной трапезы, при этом если вблизи стоянки водились звери, то на охоту отпускались также и казаки. По возвращении сразу же производили первичную обработку добытых образцов фауны – «клали в спирт пойманных ящериц или змей и наскоро обдирали убитых птиц, если случилось добыть более редкие экземпляры»⁴³. Основные – большие – охоты на зверей устраивали, как правило, во время дневок или более или менее продолжительных остановок в пути. Тогда с рассветом сам Пржевальский, его помощники и казаки отправлялись на экскурсии или на охоту и проводили там время до обеда.

Изданная Пржевальским по окончании путешествия книга «Из Зайсана через Хами в Тибет» (СПб., 1883) изобилует заметками о его маршрутно-путевых фаунистических наблюдениях и рассказами об охотах, которые далеко не всегда были удачными. Здесь надо отметить, что кроме самого Пржевальского прекрасным охотником оказался и один из казаков (Калмынин), который собственноручно добыл несколько довольно ценных экземпляров животных. Например, в Нань-Шане он убил двух маралов, оказавшихся новым видом (*Cervus albirostris* – марал беломордый). «Находка была прекрасная, – сообщает Пржевальский. – Но так как маралы эти были убиты перед вечером и далеко от нашего стойбища, то их пришлось оставить на месте до следующего дня. Ночью волки испортили шкуру молодого экземпляра. Другой же, взрослый самец уцелел и красуется ныне в музее нашей Академии наук»⁴⁴.

Принадлежащие Пржевальскому описания различных фаун посещенных им и практически неисследованных местностей – это удивительно живые и выразительные зарисовки жизни животных в естественной среде обитания, в «дикой природе», до сих пор не утратившие своего научного значения. Среди наиболее интересных его орнитологических находок следует назвать новый вид фазана, добытого в оазисе Са-чжоу и названного «сачжоусским фазаном» (*Phasianus satscheuensis*). До этого Пржевальским были найдены еще три новых вида фазана – в Ганьсу (*Ph. strauchi*), на Тариме (*Ph. tarimensis*) и в Цайдаме (*Phasianus vlangali*). При этом цайдамского фазана он считал, возможно, единственным эндемиком – «собственным представителем» птиц Цайдама⁴⁵. По мнению Пржевальского, с установлением сачжоусского фазана новым видом мы получаем «полный список центральноазиатских фазанов, всего семи или восьми видов»⁴⁶.

На верховьях Желтой реки (Хуанхэ) в ущелье Бага-горги Пржевальскому удалось добыть редкий образец ушастого фазана – птицы, впервые описанной знаменитым Паласом под названием *Crossoptilon auritum* и называемой тибетцами шярама. Этот вид имеет довольно широкий ареал распространения и наблюдался путешественником также в Алашанском хребте и в Восточном Нань-Шане. Обитает он обычно в лиственных и хвойных лесах преимущественно в густых кустарниковых зарослях, что затрудняет на него охоту. Заметить ушастого фазана в густом кустарнике очень трудно, но еще труднее, отмечает Пржевальский, «подкрасться к нему в меру выстрела». Кроме того, ушастый фазан, благодаря своему густому оперенью, «весьма вынослив на рану и часто пропадает для охотника, не только будучи подстреленным в крыло, но даже смертельно раненым»⁴⁷.

Ещё одна редкая добыча в царстве пернатых – это гималайский улар (*Megaloperdix himalayensis*), добытый Калмыниным в Нань-Шане, в одном из крайних хребтов Саргына.

В северном Тибете Пржевальский, как и в первом путешествии, обнаружил обилие крупных млекопитающих. Среди хищников первое место он отводит новому виду медведя – *Ursus lagomyiarius* (медведь-пищуход)⁴⁸. Однако в видовом отношении животный мир этой «особой зоологической области» не обладал большим разнообразием. «За все время нашего двукратного путешествия по Северно-Тибетскому плато – отмечает Пржевальский – мы нашли здесь только 17 видов дико живущих млекопитающих, 5 видов домашних животных и 51 вид птиц. Что же касается до пресмыкающихся и рыб, то мы почти не могли их наблюдать из-за позднего времени года»⁴⁹.

Прекрасный экземпляр медведя-пищухода (самца) добыл все тот же Калмынин на северном склоне хребта Думбуре и именно он впоследствии был выставлен в экспозиции Зоологического музея вместе с самкой, убитой ранее Коломийцевым в горах Куку-шили. Первоначально Пржевальский предложил назвать новооткрытого медведя *Ursus hypernephes* (медведь заоблачный), так как он обитает на плоскогорьях не ниже 14000 футов абсолютной высоты (более 4600 м), но это название не удержалось в зоологии. Современное латинское название этого животного *Ursus pruinosus*.

Кроме медведя-пищухода Пржевальский упоминает и других хищников северного Тибета, образцы которых дополнили его зоологическую коллекцию, как то: тибетский волк (*Canis chanko*), лисица (*Canis vulpus*) и корсак (кярса), названный им *Canis ekloni* по имени добывшего это животное Ф. Эклонна⁵⁰. Среди однокопытных упоминается хулан (кулан, *Asianus kiang*), пасущийся большими табунами по горным долинам и впервые описанный в книге «Монголия и страна тангутов».

То, что Пржевальский во время своих экспедиций неоднократно посещал одни и те же местности, не должно нас удивлять. Путешественник подчеркивал важность повторных наблюдений, особенно «при путешествиях в диких, малоизвестных странах», позволявших пополнять коллекционный материал, делать новые находки, и в некоторых случаях исправлять допущенные ранее ошибки (последнее замечание, прежде всего, относится к инструментальным измерениям). Так, во время вторичного посещения оз. Куку-нор летом 1880 г. Пржевальский добыл в свою коллекцию большую редкость – яйца черношейного журавля (*Grus nigricollis*), впервые открытого им на том же Куку-норе в 1873 г.

Научные результаты Третьей центральноазиатской (Первой Тибетской) экспедиции Н.М. Пржевальского были весьма внушительными. В опубликованной в 1883 г. книге-отчете об этом путешествии Пржевальский, однако, не приводит количественных данных о своих сборах. Вместо этого он дает список зоологических коллекций, собранных им за все три путешествия. Из него мы узнаем, что в общей сложности им было добыто 408 экземпляров млекопитающих (около 90 видов), 3425 экземпляров птиц (400 видов), 976 экземпляров пресмыкающихся и земноводных (50 видов), 423 экземпляра рыб (53 вида) и наконец около 6000 экземпляров насекомых⁵¹. Путем вычитания из этих цифр уже известных нам данных по первым двум экспедициям, можно установить, что в количественном отношении фаунистические сборы третьей экспедиции Пржевальского намного превосходили аналогичные сборы его первой и наиболее знаменитой Монгольской экспедиции. Все эти новые коллекции были переданы Пржевальским в 1881 г. в Зоологический музей.

По возвращении на родину путешественника ждал подлинный триумф – дань его огромным научным заслугам, прежде всего, в области естествознания – физической географии и зоологии. Московский университет присвоил Пржевальскому звание почетного доктора зоологии, а Петербургский университет, Общество естествоиспытателей, Уральское общество естествознания и ряд крупнейших европейских и азиатских географических обществ (Венское, Итальянское, Дрезденское, Северокитайское и Лондонское) избрали прославленного путешественника своим почетным членом.

В том же году Академия наук, желая выразить публичную признательность Н.М. Пржевальскому за его «многолетние и трудные исследования», устроила в помещении Зоологического музея выставку собранных им коллекций центральноазиатской фауны и издала их каталог⁵². В этом каталоге был помещен перечень «наиболее замечательных животных» по двум отделам – млекопитающих и птиц. Что касается пресмыкающихся, земноводных и рыб, привезенных Пржевальским из первых двух путешествий (Монгольского и Лобнорского), то большая их часть к тому времени уже была описана и надлежащим образом этикетирована специалистами-герпетологами.

На этой выставке были представлены в виде чучел и шкур все наиболее редкие экземпляры животных, добытых Пржевальским в самых различных уголках необъятной Центральной Азии (всего 52 единицы крупных млекопитающих по каталогу) – дикая лошадь, дикий верблюд, домашний и дикий яки, антилопы дзерен и ада, хара-сульта, аргали, куку-яман и др.

В 1883–1885 гг. Пржевальский совершил еще одну большую экспедицию – Четвертую центральноазиатскую, или Вторую Тибетскую. Его основными помощниками в этом путешествии были Р.И. Роборовский и начинающий исследователь-натуралист П.К. Козлов. На должность препаратора Пржевальский взял уже испытанного спутника младшего урядника П. Телешова. В Троицкосавске к его отряду также присоединился местный житель

энтомолог-любитель Михаил Протопопов, которому было поручено собирать насекомых, растения и помогать Роборовскому при фотографических работах. (Новшеством этой экспедиции являлась фотолаборатория, которой заведовал Роборовский.)

Маршруты четвертой экспедиции вновь охватили огромную территорию – Алашаньская пустыня, горы Восточного Тянь-Шаня, оз. Куку-нор, Цайдам, Северный Тибет, Восточная Кашгария, Лобнор. Посещение всех этих местностей ознаменовалось новыми ценными наблюдениями и сбором естественно-исторических коллекций (зоологической, ботанической и минералогической) по уже вполне апробированному методу маршрутно-полевых исследований рекогносцировочного типа. Правда, исходя из накопленного в прошлых путешествиях опыта, Пржевальский несколько усовершенствовал этот метод – по пути следования своего отряда в наиболее удобных для этого местах он стал устраивать «опорные складочные пункты» и из них предпринимать налегке «побочные» экскурсии в тех или иных направлениях. В этих пунктах, а это были в основном места проживания его старых монгольских и китайских друзей (Барун-дзасак, Алаша-ван и Чойбсен-геген), он оставлял часть караванных животных и собранные коллекции, что позволяло предохранить их от возможных повреждений во время транспортировки. В этой связи нельзя не вспомнить, как страшный ливень, внезапно обрушившийся на путешественника в одном из ущелий Алашаньских гор в ходе первой экспедиции, едва не уничтожил все его с таким трудом добытые материалы.

Зоологические и ботанические коллекции, собранные Пржевальским в четвертой центральноазиатской экспедиции, были довольно обширными и обладали большой научной ценностью, хотя сам он считал, что они уступают по значимости его географическим открытиям. «Но если мы приобрели богатую географическую добычу, – писал он Штрауху с Лобнора в начале 1885 г., – то добыча естественно-историческая несколько беднее ее, хотя все-таки весьма и весьма значительна». Пржевальский перечисляет далее некоторые свои сборы: «птицы – имеем в коллекции более 200 экземпляров, но только один новый вид *Leucosticte Roborowskii* (красного цвета)». Сборы млекопитающих оказались «гораздо удачнее» – только одного медведя-пищухоеда (*Ursus legomyiarius*) в коллекцию удалось добыть 33 экземпляра «всевозможных возрастов». Среди других новинок Пржевальский называет по-латыни: *Irbis superbus* n. sp., *Irbis humilis* n. sp., *Lynx aygar* n. sp., *Lynx unicolor* n. sp., *Capra alus magna*, *Ovis Dalai Lami* n. sp., *Antilope Cuvieri* n. sp. и несколько видов – «вероятно, новых» – *Lepus* и *Lagomys*. Пресмыкающихся и рыб было собрано также довольно много⁵³.

В 1888 г. РГО опубликовало отчет Пржевальского о его четвертом путешествии – книгу «От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследования северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима». В этой книге, написанной Пржевальским столь же увлекательно и вместе с тем строго научно, как и все его предыдущие труды, содержалось подробное описание нового фаунистического материала, например аргали Далай-ламы (*Ovis Dalai Lami*) и антилопы Кювье (*Antilope Cuvieri* n. sp.). Эту антилопу, найденную в Чагрынской степи (на оз. Куку-нор) и названную именем французского зоолога-натуралиста Ж. Кювье, Пржевальский описывает мастерски, как охотник и одновременно профессиональный зоолог, указывая скрупулезно ее размеры (длина головы, шеи, туловища, высота у загривка, у задних ног, длина рогов по изгибу и т.д.)⁵⁴. Точно такие же описания млекопитающих и птиц мы находим и в толстых записных книгах путешественника, в которые он заносил все свои самые ценные наблюдения⁵⁵.

Результаты своих фаунистических сборов по всем четырем экспедициям Пржевальский суммировал в следующей таблице:

	Видов	Экземпляров
	крупных и средних мелких	303
Млекопитающие	115	400
Птицы	425	5000
Яйца птичьих	около	400
Пресмыкающиеся и земноводные	50	1200
Рыбы	75	800
Моллюски	20	400
Насекомые		10000 ⁵⁶

После передачи Пржевальским своих новых коллекций в дар Зоологическому музею началась их кропотливая научная обработка силами сотрудников музея. Сам Пржевальский намеревался, по прежнему опыту, описать свои орнитологические сборы, но эта работа, была прервана его внезапной смертью в Караколе в 1888 г. в самом начале его пятой центральноазиатской экспедиции. В результате обработку орнитологических материалов принял на себя ученый хранитель музея Ф.Д. Плеске и позднее В.Л. Бианки. Все, что успел сделать Пржевальский – это опубликовать каталог своей зоологической коллекции и дать описание 10 новых видов птиц, добытых им в четвертом путешествии⁵⁷.

Обработкой других его коллекций занимались Е.А. Бихнер (млекопитающие), В.В. Заленский (копытные), Я.В. Бедряга (земноводные и пресмыкающиеся), С.М. Герценштейн (рыбы), А.Ф. Моравиц (насекомые). Составленные этими учеными систематические описания зоологических сборов Пржевальского по отдельным классам животных (кроме насекомых), охватившие все его четыре путешествия, были изданы Академией наук в 1888–1912 гг. в трех томах большого формата под общим названием «Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии» (Т. I – Млекопитающие; Т. II – Птицы; Т. III – Земноводные, пресмыкающиеся и рыбы)⁵⁸. В этом же издании отдельными томами вышли также описания ботанических коллекций и метеорологических наблюдений Пржевальского⁵⁹.

В начале 1887 г. с большим успехом прошла выставка зоологических коллекций Н.М. Пржевальского, развернутая в двух больших залах в новом здании Академии наук⁶⁰. Выставку эту посетили многие петербуржцы, в том числе и члены царской фамилии, давно уже оказывавшая особое «благоволение» прославленному путешественнику, что, в конечном счёте, решило вопрос о финансировании его новой пятой экспедиции и издания научного описания его коллекций. Средства для издания «Научных результатов» в размере 25 000 рублей пожертвовал девятнадцатилетний наследник престола цесаревич Николай Александрович.

9 ноября 1888 г., вскоре после безвременной кончины Пржевальского, состоялось чрезвычайное собрание членов Географического общества, посвященное его памяти. На этом собрании с речами выступили вице-председатель РГО П.П. Семёнов (Тян-Шанский), А.А. Штраух, К.И. Максимович и другие ученые, близко знавшие путешественника. А.А. Штраух в своей речи дал оценку многолетним зоологическим исследованиям Пржевальского, подробно остановившись на собранных им коллекциях. Главное значение этих материалов, по его словам, заключается в исследовании Центральной Азии, «этой terra

incognita», по отношению ко всем отделам её фауны позвоночных. «Без преувеличения говоря, эта фауна теперь нам лучше известна, чем фауна многих гораздо более доступных и даже культурных стран. Николай Михайлович, заполнив пробел среди исследованных ранее областей, дал нам возможность связать прежде разрозненные сведения»⁶¹. Коллекция млекопитающих, состоящая из 700 шкур и многочисленных остеологических препаратов, даёт нам «чрезвычайно полную картину фауны млекопитающих Центральной Азии». По мнению Штрауха, главные черты этой фауны, свидетельствующие о несомненной ее принадлежности к палеоарктической области, сводятся к следующему: «она однообразна, характеризуется сравнительно небольшим числом видов, но часто весьма значительным количеством особей; она главным образом коренная и лишь в небольшой мере составляется пришельцами из других областей. Многие роды млекопитающих Центральной Азии (сурки, пищухи, лошади, верблюды, некоторые антилопы), очевидно, находятся здесь в своем центре создания».

Говоря об орнитологических коллекциях Пржевальского, Штраух особо отметил блестящие результаты его первой экспедиции в Монголию и Восточный Тибет, из которой он привез 20 новых видов птиц. Все остальные его путешествия можно считать лишь «дополнением и дальнейшим развитием» первого, ибо, несмотря на громадный сбор, они дали ученым лишь 10 новых видов. Штраух также подчеркнул большое значение наблюдений Пржевальского за перелетом птиц – «ему удалось не только проследить пролетные пути птиц в разных частях Нагорной Азии, но и выяснить весьма интересный и до тех пор загадочный вопрос об отношении пролетных птиц к негостеприимной и безводной центральноазиатской пустыне».

В герпетологической коллекции Пржевальского и по числу видов и экземпляров преобладали ящерицы (из 1076 единиц пресмыкающихся не менее 1022 ящериц, змей же всего 47, а черепах 7). Эта часть коллекции, хотя и уступает по своей полноте коллекциям млекопитающих и птиц, тем не менее, по оценке Штрауха, позволяет уже теперь сделать вывод о том, что «герпетологическая фауна Центральной Азии носит вполне палеоарктический характер и не представляет ни одного рода, ей одной свойственного». Большинство ящериц принадлежат к родам *Phrynoscephalus* и *Evenias* и отличаются таким большим разнообразием форм, что вполне можно говорить о том, что именно здесь и находится «центр создания этих родов».

Что касается коллекции рыб, то большая их часть была собрана Пржевальским в высокогорных районах Азии (Тянь-Шань, Памир, Гималаи, Тибет, Цайдам, верховья больших китайских рек Хуанхэ и Янцзы). Здесь на огромной территории, простирающейся с запада на восток, как отмечал Штраух, мы встречаем довольно однообразную и бедную ихтиофауну, включающую всего 4 рода горных усачей и одну группу более или менее родственных между собой видов рода *Nemachilus*. И хотя большинство «нагорно-азиатских» родов рыб было известно ещё ранее, благодаря экспедициям Н.А. Северцова, А.П. Федченко и др. исследователей, Н.М. Пржевальскому принадлежит заслуга в «открытии значительного большинства форм, принадлежащих к названным родам».

Научную оценку огромной энтомологической коллекции Пржевальского, состоящей из 10000 экземпляров насекомых, дал вице-председатель РГО П.П. Семёнов-Тян-Шанский. С самого начала он отметил, что эта коллекция никогда не была «вполне разработана» из-за недостатка «рабочей силы», т.е. ученых-энтомологов, и средств. Тем не менее, консерватор энтомологического отдела Зоологического музея А.Ф. Моравиц частично использовал богатей-

ший материал Пржевальского в своих монографических работах. Научное значение этого материала «чрезвычайно велико» и результаты того, что уже было обработано специалистами, по словам Семёнова, «превзошло все мои ожидания». «Более половины собранных Пржевальским видов оказались новыми и доселе неизвестными видовыми формами. Даже новых родов оказался целый десяток». Таким образом, Пржевальский открыл «целый новый мир новых, неизвестных форм и биологических явлений»⁶². Добавим к этому, что год спустя РГО особо отметило ученых, занимавшихся обработкой энтомологических сборов Пржевальского, наградив их серебряными медалями⁶³.

Столь высокой оценки своих исследований не получал ни один российский путешественник ни до, ни после Пржевальского. И если вспомнить, что это были в основном полевые исследования, проводившиеся по большей части в экстремальных условиях с немалым риском для жизни, то нельзя не согласиться с мнением тех, кто приравнивал совершенное Пржевальским к научному подвигу.

И последнее, о чем хотелось бы сказать, это о методике коллекторской работы Пржевальского, подробно изложенной в его последней книге в водной главе «Как путешествовать по Центральной Азии»⁶⁴. Эта глава является, по сути, научным завещанием великого путешественника, географа и натуралиста своим ученикам и сподвижникам, будущим исследователям центральноазиатского региона. Мы позволим себе процитировать отрывок из этой главы, в котором автор рассказывает о том, как собирались, препарировались, упаковывались и транспортировались его зоологические материалы:

«При всех своих путешествиях мы занимались составлением естественно-исторических коллекций, в особенности зоологической и ботанической. В первую поступали млекопитающие, птицы, гады, рыбы и насекомые (а также моллюски, которые кое-когда удавалось ловить⁶⁵); ботанический же сбор заключал в себе все находимые нами растения. Препарированием птиц занимались как я сам (при 1-м и 2-м путешествиях), так и мои помощники, частью же обученные препараторы из казаков (такowymi были при 3-м путешествии отставной унтер-офицер Коломейцев, а при 4-м – старший урядник Телешов). Зверинные шкуры умели обделывать почти все казаки; рыб и гадов также все ловили при случае; насекомых собирали мои помощники, а при 4-м путешествии вольнонаемный обыватель г. Троицкосавска...

Чучела птиц летом просушивались обыкновенно в заду палатки, частью же (крупные) в больших ящиках, в которых они и возились, завернутые в бумагу и переложенные ватой. Мелкие пташки, до окончательного их высухания, помещались в небольшом деревянном ящичке, откуда почти ежедневно выкладывались на просушку. Зимой препарированные птицы прямо замораживались. Все птичьи чучела, после их высухания, укладывались окончательно (самые крупные под низ) в большие ящики, из которых расходовалась вата для набивки тех же чучел. Вместе с птицами помещались и чучела мелких млекопитающих. Крупные же шкуры, после просушки, свертывались и обшивались, каждая китайскою далембою⁶⁶, или вообще какою-нибудь тряпкою; затем помещались в большие мешки, которые обшивались войлоком и увязывались как вьюк. На каждый экземпляр млекопитающего или птицы привязывалась этикетка, на которой обозначалось: латинское название данного вида (если видовое название не было известно, то ставилось только родовое; следует также записать и местное название, если его можно узнать), время и место его добычи; кроме того, ставился номер, под которым в дневник, в рубрике «коллекции», записывались в отдельной графе для каждого вида опять его номер и название. Затем для птиц помечались цвет глаз, клюва и ног, а также общая длина и раз-

мах крыльев. Для млекопитающих же, в особенности крупных, делались более детальные измерения, а для всех записывались цвет глаз, копыт или когтей. В случае если набиралось много экземпляров одного и того же вида, тогда вышеприведённые записи впоследствии уже не производились. Черепа маленьких млекопитающих оставлялись при шкурах; больших же и средних сохранялись в ящиках.

Яйца птиц, которые удавалось находить, также поступали в коллекцию. Для этого из каждого яйца извлекалось содержимое посредством особой (стеклянной или свинцовой) вытяжной трубочки, вставленной в небольшое, осторожно в скорлупе сделанное отверстие. Затем на всех яйцах одного гнезда ставился одинаковый номер, а в дневнике записывалось время и место нахождения. Сами же яйца укладывались осторожно в вату, в деревянные или жестяные ящички.

Пресмыкающиеся и земноводные, собираемые нами в коллекцию, помещались в спирт в стеклянные с притертыми пробками банки; чаще же в обыкновенные бутылки и бутылочки. У каждого экземпляра, за исключением самых мелких, сбоку прорезывалось отверстие, чтобы спирт скорее мог проникнуть в полость брюха. Этикетки приклеивались на склянки, с общою пометкою времени и места (также абсолютной его высоты) данного сбора. То же самое делалось и для рыб; у них также сбоку надрезывалось брюхо; мелкие экземпляры помещались в склянках; средние же и крупные – в больших стеклянных банках. К большим рыбам иногда на каждый экземпляр клались этикетки под жабры. Рыбу мы ловили бреднем и сачками. Гадов собирали как по пути с караваном, так и во время экскурсий. На птиц и зверей охотились постоянно. Моллюски живые помещались обыкновенно в спирте; раковины же мёртвых укладывались подобно яйцам птиц; затем для каждого вида в дневнике отмечалось время и место нахождения»⁶⁷.

О препарировании насекомых Пржевальский рассказывал так:

«Насекомые укладывались на вату в квадратные картонные коробки по три слоя в каждой; бабочки завертывались в бумажки и также клались в коробки, но без ваты. Для экономии места пустые коробки при перевозке вставлялись по три одна в другую. Пауки и муравьи собирались в спирт в маленькие стеклянные цилиндры с обыкновенными пробками, частью и в небольшие (квадратные) стеклянные баночки (в три унции воды) с притёртыми пробками»⁶⁸.

Пржевальский также довольно подробно рассказывает об обычном способе транспортировки коллекционных материалов в Петербург по завершении путешествия:

«Все коллекции окончательно укупориваются и на почтовых [тройках], всего лучше по зимнему пути, везутся к пределам Европейской России. Взятые отсюда солдаты следуют конвоем при этих коллекциях; едем здесь же и мы. Если груза много, так что потребуется значительное число почтовых троек, то необходимо разделить их по две-три вместе и следовать эшелонами. При содействии местного начальства почтовые лошади должны быть заготовлены везде по пути, иначе проволочки и остановки явятся без конца. В первом же пункте железной дороги коллекции сдаются на товарный поезд по адресу в Петербург, куда, не замедля, является и сам путешественник со своими помощниками. Здесь вскоре начинается разборка привезенных коллекций и делаются публичные сообщения»⁶⁹.

Пржевальский, как известно, был гениальной самоучкой в области естественных наук (зоология и ботаника), но многолетний опыт полевой работы и постоянное общение с крупнейшими учеными своего времени позволила ему

подняться до уровня профессионального зоолога, способного самостоятельно описывать свои сборы, прежде всего орнитологические. Говоря о Пржевальском как исследователе, акад. А.А. Штраух отмечал его «необыкновенную наблюдательность и способность различать формы (птиц)». К тому же он был образцовым коллектором и препаратором (консерватором) – все его коллекции, по словам того же Штрауха, «образцово приготовлены и прекрасно сохранены». Пржевальский, однако, не только умело собирал – коллектировал фауну и флору Центральной Азии, но и прекрасно описывал ее в своих книгах и дневниках. «Николай Михайлович чрезвычайно систематично и с редким пониманием дела относился к своим сборам, – отмечал Штраух. – Как превосходный наблюдатель, он с педантичной обстоятельностью заносил в свои образцовые дневники все наблюдавшиеся им биологические явления и другие сведения. Так, по раз заведенному плану, из года в год дополнялись вместе с коллекциями и данные, часто неоценимой важности, касающиеся жизни центральноазиатских животных; никакое одолжимое человеческими силами препятствие не было в состоянии удержать Николая Михайловича от пополнения пробелов, замеченных им в своих материалах»⁷⁰.

Надо сказать, что во времена Пржевальского еще не существовало специальных инструкций для коллекторов, и потому путешественникам зачастую приходилось овладевать коллекторским искусством на собственном опыте, в ходе экспедиционно-полевой работы. И если собирание гербария – дело относительно простое, то коллектирование и консервация фаунистического материала намного сложнее и требует определенных знаний и навыков. Специальные руководства и инструкции для коллекторов появились лишь после смерти Пржевальского, когда Зоологический музей начал издавать серию «Наставлений для собирания зоологических коллекций». Первой в этой серии в 1888 г. вышла «Инструкция для собирания млекопитающих», составленная ученым хранителем музея Е. Бихнером. Эта небольшая брошюра состояла из трех глав: 1) Приготовление шкур, 2) Приготовление скелетов и 3) Сохранение млекопитающих в спирту. Десять лет спустя (1898) была опубликована «Инструкция для собирания насекомых» Г. Якобсона (переизд. в 1907), за которой последовали «Инструкция для коллектирования пресноводной фауны» А.С. Скорикова (1908, переизд. в 1914), «Инструкция для собирания и пересылки рыб, амфибий и рептилий» Л.С. Берга (1908, 1914) и другие. Можно не сомневаться, что авторы этих пособий использовали при их составлении в той или иной степени богатый коллекторский опыт Пржевальского и других российских путешественников.

¹ Мурзаев Э.М. Великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский : [вступительная статья] / Н.М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов : трёхлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. 2-е изд. М., 1946. С. 23–24.

² Штраух А.А. Памяти Н.М. Пржевальского. СПб., 1890. С. 28. Академическим музеем первоначально назывался Зоологический музей Петербургской Академии наук.

³ См.: Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. СПб., 1890. С. 9; Мурзаев Э.М. Великий русский путешественник Н.М. Пржевальский. С. 18; Гавриленков В.М. Русский путешественник Н.М. Пржевальский. Изд. 2-е. М., 1989. С. 12.

⁴ Пржевальский Н.Ф. Автобиография // Русская старина. СПб., 1888. № 11. С. 529.

⁵ Дубровин в своей биографии Пржевальского приводит неточные данные о его зоологической коллекции. Например он пишет, что путешественником было собрано 238 видов птиц (Ук. соч., с. 176), тогда как сам Пржевальский называет цифру 289. То же самое относится к пресмыкающимся и земноводным (70 экземпляров у Дубровина и 84 у А.А. Штрауха, обработавшего эту коллекцию), а также к рыбам (11 видов рыб у Дубровина против 17, описанных К. Кесслером). См.: Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Т. II. СПб., 1876. Столь

же неточные данные приводит и П.П. Семёнов-Тян-Шанский в книге «История полувековой деятельности ИРГО, 1845–1895» (Ч. 2. СПб., 1896. С. 518).

⁶ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 183.

⁷ Известия РГО. 1888. Т. XXIV. С. 245–246.

⁸ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 184.

⁹ Там же. Приложение № 6. Представление академиков Брандта, Шренка и Штрауха президенту Академии наук гр. Литке, читанное в заседании физико-математического отделения 9 апреля 1874. С. 557.

¹⁰ Изв. РГО. 1874. Т. X. С. 231–233.

¹¹ Там же. Штраух А. Пресмыкающиеся и земноводные. С. 4.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же. Кесслер К. Рыбы. С. 3–4.

¹⁴ Mongolia, the Tangut Country, and the solitudes of northern Tibet, being a narrative of three years travel in eastern High Asia. Vol. 1–2. London, 1876; Die Mongolei und das Land der Tanguten. Mit 1 Karte // Petermanns Mitteilungen. Bd. 22, № 1–5 (1876); Mongolie et le pays de Tangoutes. Paris : Hachette, 1876. Список публикаций на иностранных языках других книг Пржевальского и сообщений о его путешествиях и открытиях, см.: Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. 2-е изд. М., 1946. С. 328–329.

¹⁵ Цит. по: Мурзаев Э.М. От редактора // Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. 2-е изд. М., 1946. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ Там же. С. 139–140.

¹⁹ Там же. С. 255.

²⁰ Там же. С. 255–263.

²¹ Там же. С. 269–270.

²² См.: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Приложение № 15. Письмо Н.М. Пржевальского конференции Императорской академии наук от 6 ноября 1878. С. 587.

²³ Отчет Н.М. Пржевальского о путешествии в Восточный Тянь-Шань и Лобнор был опубликован в Известиях РГО (1878. Т. XIII. Вып. 5. С. 195–329) под названием «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор». Отчет этот, однако, носил предварительный характер, и потому в него не вошли материалы путешествия по Джунгарии. В 1940 г. Географическое общество СССР, в связи со столетним юбилеем Н.М. Пржевальского, издало его личный дневник, который он вел с первых дней путешествия до последних дней пребывания в Джунгарии и Зайсане (Известия Всесоюзного Географического общества. 1940. Т. 72. Вып. 45). Семь лет спустя на основе этого отчета и дневника Государственное издательство географической литературы опубликовало книгу: Пржевальский Н.М. «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор» (М., 1947), которая, таким образом, пополнила историографию путешествий Н.М. Пржевальского.

²⁴ Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань... С. 43–47.

²⁵ Reise an den Lob-Nor und Altyn-Tag, 1876–1877 (Übersetz. aus Russ.) // Petermanns Mitteilungen, Ergänz. Bd. LIII (1878).

²⁶ Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань... С. 67.

²⁷ Там же. С. 145.

²⁸ Илийский (Кульджинский) край с центром в г. Кульджа в 1871–1881 гг. находился под русским контролем; подчинялся военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому.

²⁹ Архив СПб Ф РАН. Ф. 50. Оп. 2. Д. 208. Лл. 6, 6об., 7.

³⁰ Там же. Лл. 3об, 4.

³¹ Там же. Лл. 5.

³² Там же. Лл. 8об. Письмо датировано 4 февраля 1878.

³³ См., например, вступительную статью Э.М. Мурзаева к изданию описания Пржевальским своего третьего путешествия: Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. 2-е изд. М., 1948. С. 7. В этой книге мы находим описание Пржевальским дикой лошади (с. 47–49).

³⁴ Там же. С. 48, прим. 3.

³⁵ См.: Поляков И.С. Лошадь Пржевальского (*Equus Przewalskii* n. sp.) // Изв. ИРГО. 1881. Т. XVIII. Вып. 1. Эта статья была издана РГО также отдельной брошюрой. Согласно исследованию Полякова, дикая лошадь, названная им в честь Пржевальского, очень близка к домашней лошади и составляет переход от последней к диким ослам (куланам).

- ³⁶ Гавриленков В.М. Русский путешественник Н.М. Пржевальский. М., 1989. С. 72.
- ³⁷ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Приложение № 15. С. 587.
- ³⁸ Там же. Приложение № 14. Записка Н.М. Пржевальского о предполагаемой экспедиции в Тибет, 24 августа 1878 г. С. 579.
- ³⁹ Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. 2-е изд. М., 1948. С. 33.
- ⁴⁰ Там же. С. 57.
- ⁴¹ Это ружье было изготовлено в Лондоне и по внешнему виду ничем не отличалось от берданки. Единственное отличие – патроны Ланкастера в полтора раза длиннее, чем у Бердана. См.: Дубровин Н.Ф. Н.М. Пржевальский. С. 194–195.
- ⁴² Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами... С. 35.
- ⁴³ Там же. С. 60.
- ⁴⁴ Там же. С. 111.
- ⁴⁵ Там же. С. 130–131.
- ⁴⁶ Там же. С. 87.
- ⁴⁷ Там же. С. 286–287.
- ⁴⁸ Там же. С. 180–182. Пржевальский вновь встретил медведя-пищухоеда в горах Цаган-обо в Цайдаме и подробно описал охоту на него. См.: с. 234–235.
- ⁴⁹ Там же. С. 159.
- ⁵⁰ Там же. С. 161.
- ⁵¹ Там же. С. 363 (с. 468 в 1-м издании). Юрьев К.Б. в «Историческом очерке», посвященном Зоологическому институту и музею, относит приведённые Пржевальским данные только к одному третьему путешествию, что является ошибкой. См.: «Зоологический институт. 150 лет. Л., 1882. С. 20.
- ⁵² Каталог Зоологической коллекции, собранной полковником Пржевальским в Центральной Азии и поступившей в Зоологический Музей Императорской Академии наук. СПб., 1881.
- ⁵³ Архив СПб Ф РАН. Ф. 50. Оп. 2. Д. 208. Л. 18. Письмо Н.М. Пржевальского А.А. Штрауху от 29 января 1885 г.
- ⁵⁴ Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследования северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. 2-е изд. М., 1948. С. 53.
- ⁵⁵ Хранятся ныне в архиве Санкт-Петербургского филиала РАН в фонде Зоологического музея, см.: например Ф. 55. Оп. 6. Д. 2, 3, 5.
- ⁵⁶ Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Жёлтой реки (1-е изд.). С. 63.
- ⁵⁷ См.: Каталог зоологической коллекции, собранной Н.М. Пржевальским в Центральной Азии и поступившей в Зоологический музей Академии наук. СПб., 1887; Н.М. Пржевальский. Новые виды птиц Центральной Азии // Зап. Императорской Академии наук. 1887. Т. 55. С. 76–95. Рукопись этой статьи хранится в архиве РГО (Ф. 13. Оп. 2. Д. 47. 35 л.).
- ⁵⁸ См.: Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии / изд. Академии наук. Отряд зоологический. Т. I. Млекопитающие. Ч. 1 / обработал Е. Бюхнер. 1888; Ч. 2. Копытные / обработал В. Заленский. СПб., 1902; Т. II. Птицы / обработал Ф.Д. Плеске. Вып. 1–3. 1889–1894; Вып. 4 / обработал В. Бианки. 1905; Т. III. Ч. 1. Земноводные и пресмыкающиеся. Вып. 1–4 / обработал Я.В. Бедряга. 1898–1912; Т. III. Ч. 2. Рыбы. Вып. 1–3 / обработал С.М. Герценштейн. СПб., 1888–1891.
- ⁵⁹ Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел Ботанический. Т. I. Flora Tangutica. Вып. 1 / обработал К. Максимович. СПб., 1889; Т. II. Перечень растений Монголии и прилегающей части Китайского Туркестана. Вып. 1 / обработал К. Максимович. СПб., 1889; Отдел Метеорологический. Маршруты и метеорологические наблюдения / обработал А.И. Воейков. СПб., 1895.
- ⁶⁰ См.: Каталог Зоологической коллекции, собранной Н.М. Пржевальским в Центральной Азии и поступившей в Зоологический музей Императорской Академии наук. СПб., 1887. В каталоге приводились уточненные данные о зоологических сборах Н.М. Пржевальского: 702 экз. млекопитающих (303 крупных и средних и 399 мелких, в числе 115 видов), 5010 экз. птиц (425 видов), 1199 экз. пресмыкающихся и земноводных (ок. 50 видов), 643 экз. рыб (75 видов). На выставке не была представлена огромная коллекция насекомых и яиц разных видов птиц. Составители каталога также отмечали, что «большая часть выставленной коллекции ещё не обработана» и потому «специальное описание экземпляров и пользование данными на этикетках допущены быть не могут» (с. 8).
- ⁶¹ Изв. ИРГО. 1888. Т. XXIV. С. 252.

⁶² Там же. С. 243–245.

⁶³ Список лиц, обрабатывавших энтомологические коллекции Пржевальского и Потанина и их статьи с обработками см.: Изв. РГО. Т. XXV. Вып. 3. 1889. С. 6–7. Журнал заседаний Совета РГО от 10 января 1889.

⁶⁴ См.: *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки... СПб., 1888. Первая гл. С. 1–66. – Глава эта была выпущена из 2-го изд. книги 1948 г. под редакцией Э.М. Мурзаева.

⁶⁵ В скобках примечание самого Пржевальского.

⁶⁶ Далемба хлопчатобумажная ткань, пользовалась большим спросом в Монголии и Китае, где из неё шили верхнюю одежду (халаты). Русские путешественники привозили для московской фабрики Морозовых. Она была более тонкой и шелковистой, чем х/б ткань, ввозимая в Китай «в суровом виде» из Америки и Англии.

⁶⁷ *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки. 1-е изд. С. 60–61.

⁶⁸ *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 13–14.

⁶⁹ Там же. С. 63–64.

⁷⁰ Изв. ИРГО. 1888. Т. XXIV. С. 250–251.

Список источников и использованной литературы

Архивные материалы.

Архив РГО.Ф. 13. Оп. 2. Д. 47. 35 л.

Архив СПб Ф РАН. Ф. 50. Оп. 2. Д. 208. Лл. 6, 6об., 7.

Архив СПб Ф РАН. Ф. 50. Оп. 2. Д. 208. Л. 18. Письмо Н.М. Пржевальского А.А. Штрауху от 29 января 1885 г.

Монографии и статьи.

Гавриленков В.М. Русский путешественник Н.М. Пржевальский. Изд. 2-е. М., 1989.

Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. СПб., 1890.

Изв. РГО. 1874. Т. X. С. 231–233.

Изв. РГО. 1888. Т. XXIV. С. 245–246.

[Список лиц, обрабатывавших энтомологические коллекции Пржевальского и Потанина и их статьи с обработками] // Изв. РГО. 1889. Т. XXV, вып. 3. С. 6–7. Журнал заседаний Совета РГО от 10.01.1889.

Каталог Зоологической коллекции, собранной полковником Пржевальским в Центральной Азии и поступившей в Зоологический Музей Императорской Академии наук. СПб., 1881.

Каталог зоологической коллекции, собранной Н.М. Пржевальским в Центральной Азии и поступившей в Зоологический музей Академии наук. СПб., 1887.

Мурзаев Э.М. Великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский: [вступит. ст.] // Н.М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. Трёхлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. 2-е изд. М., 1946. С. 23–24.

Мурзаев Э.М. От редактора // *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. 2-е изд. М., 1946. С. 6.

Мурзаев Э.М. Вступит. ст. // *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки». 2-е изд. М., 1948. С. 7.

Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии. Отряд зоологический. Т. I. Млекопитающие. Ч. 1/ обработал Е. Бюхнер. 1888; Ч. 2. Копытные / обработал В. Заленский. СПб., 1902; Т. II. Птицы / обработал Ф.Д. Плесске. Вып. 1–3. 1889–1894; Вып. 4 / обработал В. Бианки. 1905; Т. III. Ч. 1. Земноводные и пресмыкающиеся. Вып. 1–4 / обработал Я.В. Бедрага. 1898–1912; Т. III. Ч. 2. Рыбы. Вып. 1–3 / обработал С.М. Герценштейн / ИАН. СПб., 1888–1891.

Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел Ботанический. Т. I. Flora Tangutica. Вып. 1/ обработал К. Максимович. СПб., 1889; Т. II. Перечень растений Монголии и прилегающей части Китайского Туркестана. Вып. 1 / обработал К. Максимович. СПб., 1889; Отдел Метеорологический. Маршруты и метеорологические наблюдения / обработал А.И. Воейков. 1895. СПб., 1889 – 1895.

Пржевальский Н.М. Автобиография // Русская старина. СПб., 1888. № 11.

Пржевальский Н.М. Вступительная статья // *Н.М. Пржевальский.* Монголия и страна тангутов : трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. 2-е изд. М., 1946. С. 23–24.

Пржевальский Н.М. Дневник [о пребывания в Джунгарии и Зайсане] // Изв. ВГО. 1940. Т. 72. Вып. 45.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. 2-е изд. М., 1948. С. 33.

Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. 2-е изд. М., 1946. – Сп. публикаций на иностранных языках книг Н.М. Пржевальского и сообщений о его путешествиях и открытиях : с. 328–329.

Пржевальский Н.М. Новые виды птиц Центральной Азии // Зап. Император. Акад. наук. 1887. Т. 55. С. 76–95.

Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор : [отчет о путешествии в Восточный Тянь-Шань и Лобнор] // Изв. РГО. 1878. Т. XIII, вып. 5. С. 195–329.

Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор. М.: Го. изд-во геогр. лит., 1947.

Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследования северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. 2-е изд. М., 1948.

Приложение № 15. Письмо Н.М. Пржевальского конференции Императорской академии наук от 6 ноября 1878 // *Н.Ф. Дубровин.* Николай Михайлович Пржевальский. СПб., 1890. С. 587.

Приложение № 6. Представление академиков Брандта, Шренка и Штрауха президенту Академии наук гр. Литке, читанное в заседании физико-математического отделения 9 апреля 1874 // *Дубровин Н.Ф.* Николай Михайлович Пржевальский. СПб., 1890. С. 557.

Приложение № 14. Записка Н.М. Пржевальского о предполагаемой экспедиции в Тибет, 24 августа 1878 г. // *Н.Ф. Дубровин.* Николай Михайлович Пржевальский. СПб., 1890. С. 579.

Штраух А.А. Памяти Н.М. Пржевальского. СПб., 1890. С. 28.

Штраух А.А. // Изв. ИРГО. 1888. Т. XXIV. С. 252.

Штраух А.А. Пресмыкающиеся и земноводные. Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. Т. 2. Отд. III. СПб., 1876. С. 1–55.

Mongolia, the Tangut Country, and the solitudes of northern Tibet, being a narrative of three years travel in eastern High Asia. Vol. 1-2. London, 1876.

Die Mongolei und das Land der Tanguten. Mit 1 Karte. // Petermanns Mitteilungen. Bd. 22, № 1–5 (1876); Mongolie et le pays de Tangoutes. Paris, Hachette, 1876.

Reise an den Lob-Nor und Altyn-Tag, 1876–1877 : Übersetz. aus Russ. // Petermanns Mitteilungen, Ergänz. Bd. LIII (1878).

Китай второй половины XIX– начала XX в. глазами русских моряков (по материалам РГАВМФ)¹

До середины XIX в. отправление русских военных судов в кругосветное плавание считалось редким и важным событием, но с 1850 г. дальние походы заметно участились и вскоре стали явлением вполне обыденным. Дальние плавания всегда обуславливались самыми разнообразными причинами и обстоятельствами, русский флаг с честью развевался в разных морях. Российские эскадры плавали, сообразно с политическими видами правительства, как в Средиземноморье, так и в Дальневосточном регионе, выполняя таким образом, различные государственные задачи. Например, относительно плаваний в Тихом океане в Отчете по морскому ведомству за 1884–1889 гг. отмечалось, что суда обязательно посещали Ханькоу и Фучоу (Фучжоу)², места крупной русской торговли чаем.³ В 1897 г. китайское правительство предоставило возможность судам эскадры Тихого океана использовать для зимней стоянки и производства необходимых ремонтных работ все китайские порты, закрытые для иностранцев.

Все плавания подробно фиксировались, в том числе в вахтенных журналах и рапортах начальников эскадр, отрядов и командиров отдельных судов.

Каждый командир, уходя в дальний поход, получал инструкцию, которой должен был руководствоваться: по прибытии в иностранные порты представляться местному начальству и российским представителям; доносить обо всем достойном внимания начальнику Главного морского штаба. При посещении разных, в особенности же не европейских, стран необходимо было собирать сведения о состоянии портов, гаваней и портовых учреждений.

В сентябре 1852 г. Инспекторский департамент Морского министерства объявил, что впредь форма отношений различных чинов устанавливается 3 родов: предписания, отношения и рапорты. При этом в рапорте должен быть заголовок, в котором следовало указывать, кому и от кого он представляется, а содержание предписывалось ограничивать кратким и ясным изложением дела.⁴ Меньше чем через год, в августе 1853 г., было объявлено, что управляющий Морским министерством приказывает командирам всех военных судов, находящихся в России и за границей, периодически доставлять в Морской Ученый Комитет сведения о плавании вверенных им судов, с описанием замечательных обстоятельств, сопровождавших их плавание.⁵ В 1856 г. была утверждена форма рапорта.⁶ Таким образом, сложилась довольно стройная система, которая требовала от каждого командира как можно чаще представлять четкие и полные сведения о месте нахождения корабля, его передвижениях, результатах и последствиях плавания. Необходимо отметить, что иногда рапорты в полном объеме публиковались в журнале «Морской сборник», но в большинстве случаев готовилась специальная версия (убирались сведения, носящие конфиденциальный характер) и с конца 1856 г. практически в каждом номере журнала в разделе официальных статей и известий можно познакомиться с рапортами (фрагментами) командного состава флота, присланными из различных точек Мирового океана.

Рапорты отложились практически во всех фондах архива, но наибольшее их количество сохранилось в фондах Главного морского штаба, Морского Генерального штаба, Инспекторского департамента Морского министерства, Канцелярии Морского министерства, Эскадры Тихого океана, Отряда судов в Китайских водах контр-адмирала И.Ф. Лихачева, некоторых личных фондах

адмиралов. Большинство рапортов – подлинники, написаны на специальных бланках и подписаны составителем документа, часто на них имеются пометы и резолюции лица, которому рапорт представлялся. Во всех рапортах содержится информация согласно утвержденным инструкциям и циркулярам. Довольно часто рапорты имеют приложения. К ним относятся описания портов, островов, карты и планы, выполненные офицерами того или иного корабля. Начиная с 1880-х гг., к некоторым из них прилагаются фотографии, также выполненные офицерами корабля. Первоначально все рапорты писались от руки чернилами, а в первое десятилетие XX века уже встречаются и отпечатанные на пишущей машинке. Помимо подлинников сохранилось довольно большое количество копий рапортов, которые снимались для различных лиц командного состава или отдельных департаментов Морского министерства. Уже тот факт, что рапорты сохранились в столь значительном количестве, а некоторые из них даже в нескольких экземплярах, отложившихся в делопроизводстве различных учреждений морского ведомства, является подтверждением того, сколь большое значение придавалось этому документу.

Донесения командного состава российского военно-морского флота являются чрезвычайно важным носителем информации и предоставляют возможность детально и под новым углом зрения рассмотреть вопросы состояния международных отношений в различных регионах, историю отдельных стран. Одновременно эти документы показывают, насколько хорошо были подготовлены офицеры флота, как досконально они разбирались не только в вопросах, имеющих отношение к флоту, армии, военному образованию и военной промышленности, но и в вопросах внутренней и внешней политики региона, состояния экономики.

В полной мере это нашло свое отражение и в донесениях из Китая.

В фонде вице-адмирала И.Ф. Лихачева сохранилось довольно много подобного рода документов, в том числе и его рапортов генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу. Так, например, в декабре 1861 г. он доносил (будучи командиром отряда судов в Китайских водах) об изменении в лучшую сторону и благоприятном обороте российско-китайских отношений к концу 1860 г.⁷ На этот документ следует обратить внимание, в связи с тем, что тот же Лихачев в январе 1860 г. представил великому князю Константину Николаевичу заметки о российско-китайских отношениях, их довольно критическом состоянии и возможном развитии, имея ввиду расширение прав торговли, личной свободы европейцев и доступности для них страны в целом.⁸

Большинство же рапортов, сохранившихся в фондах архива, принадлежат непосредственно командирам кораблей. Так, командиры клипера «Стрелок» капитан-лейтенант А. Де Ливрон и винтовой лодки «Соболь» лейтенант А. Бойль в своих донесениях командующему отрядом судов контр-адмиралу А.Б. Асланбегову в феврале-марте 1882 г. сообщали о посещении г. Фучао, русских фабриках и русской торговле.⁹ 26 июня 1886 г. командир канонерской лодки «Сивуч» капитан 2 ранга П.Ф. Юрьев представил командующему отрядом вице-адмиралу В.А. Корнилову сведения о нескольких китайских городах, в т.ч. Нанкине и Вусунге.¹⁰ В конце 1889-начале 1890 гг. командир канонерской лодки «Манджур» капитан 2 ранга Г.П. Чухнин сообщал командующему эскадрой вице-адмиралу П.Н. Назимову о посещении ряда китайских городов, занятиях местных жителей, в т.ч. о развитии рыболовства и шелкопрядства, а также о строительстве судов для китайского флота и дал описание некоторых из них.¹¹ В качестве приложения к рапорту командира канонерской лодки «Кореец» начальнику эскадры Дубасову Ф.В. приведены сведения о метеорологических наблюдениях, проведенных зимой 1898–1899 гг. в Ньючанге (Инкоу), а также

дается подробное описание самого порта, водного бассейна, торговом обороте за 10 лет, экспорте и импорте товаров, обслуживании пассажиров и т.п.¹² Сам же командующий эскадрой контр-адмирал Ф.В. Дубасов также регулярно представлял рапорты генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу и можно отметить, что в этих сообщениях затрагивались не только служебные вопросы, но и описание исторических памятников, например, Великой Китайской стены¹³ и мест отдыха европейцев, в частности проживающих в Пекине – это даже не нанесенное на карту местечко Пей-го-хо, модное дачное место.¹⁴ Оба документа относятся к 1898 г.

В этот же период русские специалисты вносят свои предложения по совершенствованию подготовки личного состава для китайского флота, о чем свидетельствует рапорт флагманского минного офицера Тихоокеанской эскадры, в котором речь идет о проекте создания Минной и Минно-машинной школ под руководством русских инструкторов.¹⁵

Несомненный интерес представляют и рапорты 1902 г.: апрельский командующего эскадрой вице-адмирала Н.И. Скрыдлова великому князю Алексею Александровичу о посещении Пекина, аудиенции в императорском дворце, дано описание самого приема, а также внешнего вида императора и императрицы¹⁶; командира лодки «Бобр» капитана 2 ранга Н. Кроуна Командующему морскими силами Тихого океана вице-адмиралу Е.И. Алексееву от 05 сентября, в котором весьма подробно описывается жизнь уже в упомянутом выше городе Инкоу¹⁷: «В начале августа начались небольшие дожди, сильно поправившие посевы, которым позднее в этом году наступление дождливого сезона угрожало уже засухой. С увеличением атмосферных осадков поднялась и вода в верховьях реки и масса джонок, остановленных мелководьем, ринулась вниз в Инкоу, привозя в город громадное количество бобов со всей Манджурии. [...] Наступила самая рабочая пора в городе, в джоночной (русской) и морской (китайской) таможнях началась усиленная деятельность, а на набережной реки началась кипучая работа по перегрузке товара с джонок на пароходы, работа привлекающая ежегодно в Инкоу около 50 тыс. китайцев». Здесь же речь идет об отношении местного населения к русской администрации, при этом особо отмечается, что «Одно из самых доказательных явлений, свидетельствующее о степени доверия с которым китайцы относятся к русским начинаниям – это бегство жителей окружающей местности от холеры в город Инкоу, в то время как обыкновенно жители городов уходят от эпидемий в деревню»; командира канонерской лодки «Гиляк» капитана 2 ранга Шумова начальнику эскадры Тихого океана контр-адмиралу О.В. Старку от 16 ноября, где он докладывает о визите исправляющему должность Нанкинского вице-короля мандарину 2 класса Ли-ю-фану, при этом он не только описывает сам город Нанкин, но дает даже краткий экскурс в прошлое города: «Нанкин считался в прежнее время второй столицей Китая, в нем жило около 3-х миллионов, но в шестидесятых годах после взятия императорскими войсками этого города, где засели остатки тайпингов, город был разрушен, большинство жителей перебито и с тех пор Нанкин не может оправиться; теперь в нем 134 тысячи обывателей и он имеет значение только как правительственный центр и резиденция вице-короля. Настоящий король Лиу-кунь-и недавно помер, на его место назначен Джан-джа-дун из Вушонга; управляет провинциями Ли-ю-фанг [...]. Прием Ли-ю-фанга был очень радушный, он интересовался состоянием нашего флота, армии, высказывал сожаление, что русские военные суда не заходят в Нанкин, где они встретили бы всегда самое полное гостеприимство и радушие». В документе отмечается, что Нанкин является открытым портом, часто посещается иностранцами, что потребовало

от Пекинского правительства назначить сюда специального чиновника в качестве высшего чиновника для ведения международных сношений с европейцами, им стал мандарин 3-го класса Уанг-ча-тан, при этом было подчеркнуто, что «Выбор такого чиновника делается с большим разбором; его прошлое показывает, что он опытен в дипломатии. За завтраком он очень лестно отзывался о наших войсках и неоднократно упоминал, что искреннее желание правящих сфер Китая быть всегда в самых дружественных отношениях с Россией»¹⁸; и последний рапорт за этот год, на котором также хочется остановиться, представлен в декабре командиром канонерской лодки «Манджур» начальнику эскадры и затрагивает деятельность в различных провинциях Центрального Китая разного рода секретных обществ, имеющих общую цель по организации беспорядков и изгнание европейцев из Китая.¹⁹

Даже из столь краткого обзора рапортов видно, что российские корабли довольно часто посещали порты Тихоокеанского бассейна, в том числе и китайские. Согласно полученным инструкциям командиры собирали всестороннюю информацию об этом регионе, благодаря чему в сохранившихся рапортах, как мы смогли убедиться на приведенных примерах, имеются очень разноплановые сведения, характеризующие все стороны жизни Китая.

На протяжении 1902–1904 гг. во многих провинциях Китая происходили стихийные выступления, направленные против произвола властей и распродажи национальных богатств иностранцам. В течение 1910–1911 гг. по территории Китая прокатилась волна народных выступлений, об одном из них, Учанском, произошедшем осенью 1911 г., подробно докладывал в своих рапортах командир канонерской лодки «Манджур» капитан 2 ранга Н.Н. Сергеев.²⁰

14 октября лодка подошла к Ханькоу, где и стала на якорь против Русской концессии. Как сообщал командир «Манджура»: «По постановке на якорь съехал на берег к Русскому консулу. Из переговоров с ним выяснилось положение дел, отношение сражающихся сторон к иностранным концессиям и необходимость немедленной посылки десанта для охранения Русской концессии.

Как революционеры, так и империалисты заявили, что иностранные концессии для них неприкосновенны. Тем не менее, охрана их, безусловно, необходима, т. к. неоднократно толпы китайцев пытались проникнуть в пределы концессий, частью желая укрыться, частью с целью грабежа».

Далее дается подробное описание боевых действий, свидетелями которых стал экипаж лодки. Приведены данные о количестве войск, вооружении и результатах сражений. «Считаю, что революционеры потеряли около 1000 человек убитыми».²¹

Сергеев докладывал, что «Раненые обеих сторон допускались в госпитали, расположенные на территории концессий, но у сопровождающих отбиралось оружие, которое, однако, возвращалось им при выходе из концессий».²² Этот факт свидетельствует о том, что иностранцы оказывали некоторую помощь противоборствующим сторонам, но все же предпочитали быть лишь сторонними наблюдателями, а не активными участниками событий.

Лодка нуждалась в пополнении запасов продовольствия, поэтому Сергеев был в курсе ценовой политики в городе, о чем и информировал свое начальство: «Цены на продукты для продовольствия команды поднялись весьма высоко и колеблются незначительно в зависимости от положения дел воюющих сторон. Мясо стоит до 50 центов за фунт, картофель 10 центов за фунт, хлеб – 15 центов. С прекращением больших боев явилась возможность доставать продукты, так как увеличился привоз из близлежащих деревень».²³

Свой рапорт командир канонерской лодки «Манджур» сопроводил целым рядом приложений: картой плавания и планом русской концессии, а также

фотографиями из жизни войск и положения города и концессий. В начале восстания революционерами были выпущены бумажные денежные знаки, ценностью – один доллар; образец такого доллара также был приложен к рапорту. При этом было отмечено, что «Эти знаки ценились наравне с серебряной монетой и даже в одно время, продолжавшееся несколько дней, имели большую ценность и были в большом обращении, нежели бумажные денежные знаки Китайского Императорского Дайцингского банка. В настоящее время в городе Учан революционерами чеканится серебряная монета, по величине и по стоимости равняется одному мексиканскому доллару, которую революционное правительство намерено выпустить в обращение по всем восставшим провинциям, уничтожив, таким образом, имеющиеся в обращении серебряные доллары различные по ценности в каждой провинции».²⁴

01 декабря 1911 года тот же капитан 2 ранга Н. Сергеев информировал Петербург о дальнейшем развитии событий, из чего следовало, что к 01 ноября* часть иностранных судов ушла из Ханькоу; другая часть спустилась вниз по реке за десантами и вскоре возвратилась обратно. В первых числах ноября, согласно его сообщению, театр военных действий несколько отодвинулся от концессий к р. Хан. Правительственные войска предполагали организовать переправу через р. Хан и взять Ханьян. В ожидании этого все время происходили незначительные схватки пехоты. Артиллерия как одной, так и другой стороны действовала постоянно. Продолжались и отдельные попадания в районе концессий и стоянки судов. Как отмечалось в рапорте: «Эти попадания зависели от места расположения правительственных батарей, но отчасти их можно также объяснить неумением революционеров обращаться с орудиями. Так 3 ноября значительное количество снарядов со стороны революционеров попало в дома на русской концессии и английской. Было тяжело ранено несколько человек китайцев». В тот же день было получено известие о переходе китайских крейсеров на сторону революционеров. Адмирал Са и некоторые офицеры с судов скрылись. Крейсера ожидалось в Ханькоу и их прибытие, по предположению Н. Сергеева, должно было дать значительный перевес силам революционеров.²⁵

«12 ноября было временное затишье [...]. На реке пиратство и много мирных жителей убиты и ограблены разбойничьими шлюпками. Генерал Ли предполагает уничтожить пиратство и возобновить движение по реке. В настоящее время революционные власти, как и правительственные воспретили плавание по реке с 6 часов вечера до 7 часов утра. Суда, нарушающие это правило, обстреливаются. Революционные войска из Хубейской провинции, подкупленные империалистами, внезапно, во время боя, перешли на их сторону, обрезали провода от фугасов, заграждающих путь к Ханьяну и этою изменою решили судьбу Ханьяна, который к 9 часам утра уже был в руках империалистов. Немедленно же, по взятии Ханьяна, империалисты с его высот начали обстреливать Учан, а также, завладев всем левым берегом р. Яндзе, рекою Хан и обоими ее берегами, совершенно прекратили всякое движение по рекам. Шлюпки, появляющиеся на реке, немедленно расстреливались. [...] Между правительственными войсками и революционными идут переговоры. Революционные силы, несмотря на видимые неудачи, мало по малу увеличиваются. В Учане уже имеется 15 полков пехоты, вооруженной современным оружием. Прочего войска, вооруженного как попало, насчитывают несколько десятков тысяч. По слухам от Нанкина, Киу-Кианга и других промежуточных пунктов между Ханькоу и Шанхаем идет до 50000 войска в помощь революционерам.

---

* Все даты даются по документам

О взятии ими Нанкина получают самые разноречивые сведения. Наверное о взятии его стало известным лишь 21–22 ноября. 20 ноября назначено было перемирие на три дня, которое продолжено еще до 8 часов утра 26 ноября.

21 ноября по улицам Ханькоу было расклеено объявление Генерала Ли к народу. Ли призывал всех сочувствующих целям восставших, объясняя задачи, которые он преследует и обещал употребить все усилия для их выполнения. Всякие слухи о колебании революционеров, ввиду нескольких неудач, он категорически отвергал». ²⁶

Капитан 2 ранга Н. Н. Сергеев, будучи старшим из чинов, исполнял в это время обязанности начальника гарнизона г. Ханькоу (русской концессии). Он информировал, что «С 24 ноября начали приходить известия о грабежах и разбоях в окрестностях города. Разбойники и пираты прикрывались именем генерала Ли и вообще революционеров, но на самом деле революционеры не замешаны в этих грабежах и с их стороны принимаются меры к прекращению беспорядков.

В Учан начали съезжаться делегаты от 11 революционных провинций для переговоров с империалистами и обсуждения условий, предлагаемых ими. Ввиду этого перемирие продолжено еще на 15 суток, считая с 8 часов утра 26 ноября. [...] Несмотря на объявленное с этого дня перемирие во всех провинциях, революционные войска, прибывшие из Киу-Канга (Кюкиан, соврем. Цзюцзян) ²⁷ и Нанкина, под защитой шести военных судов, произведя высадку у местечка Гуан-Пи (Хуанпи), ²⁸ в расстоянии около 90 ли (45 верст) от Ханькоу, в ночь с 26 на 27 ноября произвели нападение на имперские войска. Большая численность революционеров и полная неожиданность нападения способствовали полному поражению империалистов, которые в этот день потеряли более 1500 человек убитыми и ранеными. [...]

В этот же день в Ханькоу был получен указ молодого Императора о сложении прав с принца регента и передачи их совету министров. Указ этот революционерами не был встречен сочувственно, так как они желают провести до конца свою программу, и не хотят видеть главой государства представителя Манджурской династии, приверженцы которой ради охранения династии объявили революционерам, что они заменяют имя Императора на китайское. Революционеры, ссылаясь на авторитеты своих ученых, не соглашались на подобный компромисс, говоря, что сороковековое существование Китая показало, что народ менял династии тогда, когда находил это нужным». ²⁹

Два представленных выше рапорта дают наглядную картину событий. Рапорты очень подробные и фактически представляют собой краткую хронику противоборства воюющих сторон. Четко прослеживается, что составитель документа не занимает чью-либо сторону, а пытается во всех комментариях сохранить нейтралитет, хотя из его оценок более часто замечается критическая оценка действий революционеров. Рапорты командира канонерской лодки «Манджур», дополненные фотографиями, картами и планами, являются очень важным источником по изучению событий в Китае осенью 1911 г. Дополняет эти два рапорта и информация о посещении Н. Н. Сергеевым Учана в январе 1912 г., которая была оформлена в качестве приложения уже к одному из последующих рапортов.

Таким образом, рапорты содержали многогранную информацию и имели чрезвычайно большое значение для определения стратегии государственной политики России, в данном случае, в Тихоокеанском регионе, а, учитывая, что в рассматриваемый период времени российские военные корабли совершали плавания в различных точках Мирового океана, то и политики страны в целом.

Помимо рапортов в РГАВМФ имеются и другие виды документов, в которых отражена заявленная нами тематика. Так, несколько отличаются от рапорта по форме, но очень близки по содержанию – доклады и отчеты о плаваниях. Например, доклады командира винтовой лодки «Морж» (29.12.1879 г.–14.04.1880 г.) о плавании по портам Китая от Шанхая до Кантона и обратно³⁰ и отчет командира корвета «Витязь» С.О. Макарова (март 1888 г.) об осмотре китайского берега от Гонконга до Шанхая.³¹ Во время плаваний корабли заходили в различные порты и, сходя на берег, офицеры знакомились с местными условиями жизни, портовыми сооружениями, корабельным составом и затем составляли некие отчеты (заметки) обо всем увиденном. Так офицеры уже упоминавшейся канонерской лодки «Манджур» подготовили заметки (справки) о портах северного Китая (апрель 1894 г.)³² В мае 1894 г. мичман Дукельский написал заметку о судах китайского флота.³³ Лейтенант князь Долгоруков составил отчет о результатах командировки по китайским городам, где он знакомился с постановкой учебного процесса в китайском флоте (март 1899 г.).³⁴

Наряду с текстовыми документами в фондах архива сохранилось небольшое количество фотографий, в т. ч. Альбом фотографий Порт-Артура.³⁵

Необходимо подчеркнуть, что Российский государственный архив Военно-Морского Флота является уникальным хранилищем, в котором сохранился значительный комплекс разного рода документов по истории стран Азии второй половины XIX – начала XX веков, большую часть которого составляют именно рапорты командного состава разного уровня. Можно утверждать, что рапорты командного состава Российского военно-морского флота этого периода являются весьма важным историческим источником и содержат значительное количество информации, которая еще ждет своих исследователей.

---

¹ Имена собственные китайских военных и чиновников, а также названия местностей даются в той форме, в какой они приведены в рапортах. Для названий городов в примечаниях также отмечены их современные названия, принятые в русском языке.

² Современное правильное написание города – Фучжоу, **провинция Фуцзянь**. Далее в тексте мы будем использовать написание Фучоу, употребляющееся в рапортах и принятое в описываемую эпоху.

³ Отчет по Морскому ведомству за 1884–1889 года. С. 63.

⁴ Собрание законов и постановлений до части морского управления относящихся. 1852 год. Книжка III. С. 12.

⁵ Собрание законов... 1853 год. Книжка II. С. 148.

⁶ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1861. Л. 2.

⁷ РГАВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 57. Л. 11. Черновик.

⁸ РГАВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 179. Л. 9–12об. Отпуск.

⁹ РГАВМФ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ 219–220, 275–276об. Подлинники.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 112. Л. 33–37об. Подлинник.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 56. ЛЛ 8–9об., 11об–13об., 20–24об. Подлинники.

¹² РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 271. Л. 139–163. Подлинник.

¹³ РГАВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 19об–20. Черновик.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 20об.–21. Черновик.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Л. 271. ЛЛ 218–230. Подлинник.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2072. Л 316об.–318об. Подлинник.

¹⁷ В период восстания ихэтуаней (1899–1901) ряд событий с участием русских войск происходил в китайском портовом городе Инкоу. Рядом с Инкоу строились русский поселок, станция КВЖД и русский порт. В Инкоу располагалась администрация южной линии КВЖД во главе с инженером Ф. О. Гиршманом. Инкоу стал крупной базой русских войск, по крайней мере до марта 1902 г.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4572. Л. 139–164об.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 542. Л. 111об.–112. Подлинник.

²⁰ Об Учанском восстании и Синьхайской революции см., например: Ефимов Г.В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911–1913 гг.) // Факты и проблемы. М., Наука, 1974. 414 с.; Синьхайская революция 1911–1913 годов // Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1968. 348; Синьхайская революция в Китае // Сб. статей. М.: Вост. лит., 1962. 324 с.; Белов Е.А. Учанское восстание в Китае (1911 год). М.: Наука, 1971. 250 с.; Крымов А.Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917 гг.). М.: Наука, 1972. 368 с. В ряде работ о Синьхайской революции приводятся рапорты Сергеева. Сергеев Николай Николаевич (03.08.1871–06.12.1956), окончил Морской корпус в 1890 г., командовал кл. «Манджур» в 1911–1912 гг.

²¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3887. Л. 14–17.

²² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3887. Л. 18.

²³ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3887. Л. 24–25.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3887. Л. 26–27.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3887. Л. 32–33.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3887. Л. 37–39.

²⁷ Киу-Кианг ((зап.-евр. Kiu-Kiang), Кю-кианг (у русских чайных торговцев часто упоминается под именем Кюкиан) – город Цзюцзян, в провинции Цзянси на юго-востоке Китая, на правом берегу р. Янцзы, в 225 вер. от Ханькоу, открыт для иностранной торговли по Тяньцзиньскому трактату 1858 г., в 1891 г. в Цзюцзян среди 100 иностранцев проживали двое русских представителей ханькоуских торговых домов; ханкоу'ские русские торговые дома открыли свои отделения в Цзюцзяне, где работали две фабрики (90-е гг. XIX в.); (из ст. Г. Е. Грум-Гржимайло. [Энциклопедический Словарь [Библиотека «Вехи»] vchi.net.

²⁸ Гуан-пи - местечко Хуанпи (Гуан-Пи) Ханькоуского уезда, провинция Хубэй

²⁹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3887. Л.40–42. (орфография документа).

³⁰ РГАВМФ. Ф. 909. Оп. 1. Д. 549. Л. 32–46об. Подлинник

³¹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 435. Л. 14–16об. Подлинник.

³² РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 111. Л. 43–90об. Подлинники и копии.

³³ РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 111. Л. 115–129об. Подлинник.

³⁴ РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 271. Л. 232–240. Подлинник.

³⁵ РГАВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1187.

Список фондов

1. Ф. 9 «ДУБАСОВ Федор Васильевич, адмирал»
2. Ф. 16 «ЛИХАЧЕВ Иван Федорович, вице-адмирал»
3. Ф. 41 «АСЛАНБЕГОВ Авраамий Богданович, вице-адмирал»
4. Ф. 283 «Инспекторский департамент Морского министерства»
5. Ф. 417 «Главный морской штаб»
6. Ф. 418 «Морской Генеральный штаб»
7. Ф. 536 «Отряды судов в Тихом океане»
8. Ф. 650 «Эскадра Тихого океана»
9. Ф. 909 «Управление портов Восточного океана»

**Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений
второй половины XIX – первой половины XX в.
(по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири,
Дальнего Востока и Китая)**

Важнейшей составляющей истории русско-китайских отношений всегда было «русское присутствие» в Китае. Его следы и сегодня можно встретить в самых разных, и подчас неожиданных для современного обывателя районах огромной соседней страны. С особым почтением и как-то по особенному бережно к русскому наследию относятся в городе Учан. Здесь не только можно увидеть построенные более ста лет назад здания русского консульства, банка, православной церкви или полицейского участка. «Русские сюжеты» обязательно присутствуют в произведениях местных краеведов, историков, писателей, а глава этого многомиллионного мегаполиса начинает беседу с гостями из России с вопроса: «А знаете ли Вы, что первое промышленное предприятие в провинции Хубэй построили полтора века назад именно русские?».

Русская колония в городе Ханькоу, который сегодня входит в состав городского мегаполиса Ухань, была первой, не считая Пекина, и одной из самых значительных во всем Китае. Здесь впервые обосновались русские купцы и промышленники, здесь была построена первая (если не считать Пекина и находящейся под русской властью Кульджи) православная церковь, оформился и первый российский сэттльмент (концессия).

Начало истории русской колонии в Ханькоу связано с развитием русско-китайской торговли в условиях Опиумных войн и восстания тайпинов. Цинская империя потерпела военное поражение от англо-французских войск и вынуждена была открыть свои порты, в том числе и Ханькоу для иностранцев. К этому времени, как отмечали современники: «В Россию чай отправляется почти исключительно из Фуцзяньской губернии»¹. Но восстание тайпинов нарушило традиционные пути чайной торговли из провинций Фуцзянь и Чжэцзян к русским границам, заставив торговцев сосредоточить свое внимание на чайных плантациях провинции Хубэй. Пекинский договор 1860-го года окончательно открыл порт Ханькоу для иностранцев, в том числе и для русских. Регламентировали русскую деятельность в этом районе «Правила для торговли по реке Ян-цзы-цзяну 1862 г.», «Дополнительные таможенные постановления о плавании по р. Ян-цзы-цзяну 1895 г.» и другие документы². Уже в 1861 г. порт Ханькоу с торговыми целями посетило два российских судна.

В конце 1861 г. в Ханькоу прибыли первые русские торговые представители из Кяхты. Выяснилось, что в этом районе уже давно и в больших объемах продаются русские ткани, а местный чай идет в Россию. Представитель кяхтинского купечества в Китае Н.А. Иванов в ноябре 1861 г. сообщал в Кяхту: «Ханькоу – довольно значительный торговый город; он вдвое более Тяньцзиня и богаче его во всех отношениях. Главное место в вывозимых из него товаров занимают чай – байховые и кирпичные всех сортов... Городская торговля здесь довольно оживленна и значительна. Во многих китайских лавках мы нашли наши сукна фабрик Алексеева, Бабкина, Котова и Рыбникова»³. Затем Н.А. Иванов сообщил российскому посланнику в Пекине: «Прожив здесь два месяца и наблюдая за ходом торговли, я имел возможность совершенно убедиться, что Ханькоу не только важный пункт для нашей торговли, но и по громадности производимого торга он принадлежит к важнейшим рынкам Китая... В самом Ханькоу –

600 тыс. жителей, и главное место из вывозимых товаров занимают чай... Все эти чай идут в значительном количестве в Кяхту»⁴.

Подобное положение дел заставило русских сделать именно Ханькоу центром своих коммерческих интересов Китая. Сначала в этом городе торговлю организовало Агентство от Кяхтинского купеческого общества, затем сибирские купцы повели дела самостоятельно. В 1863 г. образовался первый торговый дом на правах комиссионерства «Иванов, Окулов, Токмаков и К». В 1865 г. этот торговый дом разделился на две компании, «Иванов, Ободрин и К» и «Окулов, Токмаков и К». В 1869 г. к ним добавилась третья русская компания – «Хаминов, Родионов и К»⁵. Русские обосновались в на территории английской концессии, но некоторые поселились в китайских кварталах. Всего в 1862 г. в Ханькоу постоянно проживало 12 русских, в том числе одна семья. А общее число русских в провинции Хубэй достигало 28 человек.

Появление русских в Ханькоу привело к появлению в этом городе в 1862 г. русского консульского учреждения, которое первоначально возглавил иностранец. Управляющий Министерством иностранных дел Российской империи писал генерал-губернатору Восточной Сибири: «Ныне Министр-Резидент наш в Пекине сообщил представлению консула нашего в Шанхае Г. Герда, в котором он предлагает назначить русским Консульским агентом в Ханькоу лицо, заведывающее в этом порте делами коммерческого дома Aug Heard A. C. Назначение агента не терпит отлагательства... Китайское правительство обратилось к нам с просьбой по этому поводу. Но торговля незначительная, не оправдывает ассигнований для устройства особого консульства»⁶. Первым исполнять должность русского нештатного вице-консула был назначен американец Вильямс.

Вскоре должность русского вице-консула в Ханькоу занял приехавший еще в ноябре 1861 г. в этот город представлять интересы кяхтинских купцов Николай Алексеевич Иванов. Он так же исполнял обязанности агента Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПИТ) в этом порту. Затем, с 1876 по 1882 гг. должность нештатного вице-консула в Ханькоу занимал другой известный местный предприниматель – Павел Андреевич Пономарев. Приехав из Иркутска в Китай работать в фирме «Хаминов, Родионов и К», он несколько лет прожил на чайных плантациях, а в 1871 г. перебрался в город Ханькоу. П.А. Пономарев вскоре открыл собственное дело и наладил производство прессованного чая, войдя в число известных знатоков китайского языка и культуры.

В 1882 г. нештатное вице-консульство в Ханькоу было преобразовано в штатное консульство Российской империи. В середине 1880-х русское консульство возглавил воспитанник Санкт-Петербургского университета и бывший студент дипломатической миссии в Пекине И.П. Протасьев. Но вскоре властям пришлось искать нового дипломата, Русский поверенный в Пекине Н.Ф. Ладыженский доложил в Петербург летом 1886 г.: «Протасьев скоропостижно скончался. Послал ввиду необходимости Ханькоу чиновника на время чайного сезона Керберга временно заведовать консульством»⁷. В 1890-х гг. консульство в Ханькоу возглавляли П.А. Дмитриевский, П.П. Клинген, А.С. Вахович. Работали в консульстве на разных должностях такие известные знатоки Китая, как Н.А. Шуйский, С.Ф. Большаков, Л.Ф. Бродянский и другие.

Русские купцы в Ханькоу быстро получили известность по всей России. В 1863 г. в «Иркутских Епархиальных ведомостях» было напечатано сообщение из Российской духовной миссии в Пекине: «Европейцы и наши Кяхтинцы свободно едут и торгуют по Ян-цзы-цзяну, несмотря на то, что здесь центр инсургенции. Купцы отправляются на чайные плантации, и там сами следят за уборкою и приготовлением чайного листа»⁸. Весной 1869 г. посетил чайные плантации

провинции Хубэй и Ханькоу драгоман дипломатической миссии А.Ф. Попов, оставив одно из первых русское описание этих мест⁹. Он отметил и трудности, которые испытали первые русские жители Ханькоу: «Можно себе представить, сколько затруднений и неприятностей должны испытать первые начинатели здесь дела, при незнании языка китайского и особенно английского, без которого нельзя сделать и шагу, при отсутствии связей и знакомств, которые всегда к услугам других иностранцев, при недостатке капиталов, которые пришли сюда сначала в самых ограниченных размерах, при незнакомстве с торговыми обычаями и приемами, издавна установившимися между другими иностранцами и Китайцами, при отсутствии Консульства из Русских и пр., и пр. Но время, труд и опыт, соединенные с важностью и выгодами положения в Хань-коу, научили всему и сделали свое»¹⁰.

Несмотря на все сложности, русское дело в центре провинции Хубэй развивалось успешно. Правда, русские формы были не очень устойчивыми. В середине 1870-х гг. в Ханькоу торговля производилась пятью фирмами: «Пятков, Молчанов и Ко», «Черепанов, Марьин и Ко», «Токмаков, Шевелев и Ко», «Родионов и Ко» и преемницей ликвидированной «Хаминов, Родионов и Ко» компанией «П.А. Пономарев и Ко». Вскоре, в 1879 г., была ликвидирована фирма «Черепанов, Марьин и Ко». Компания «Токмаков, Шевелев и Ко» после выхода из состава учредителей М.Г. Шевелева в 1883 г. стала называться «Токмаков, Молотков и Ко».

«Освоение» русскими провинции Хубэй было связано с очень сложной и болезненной проблемой, обострившейся к середине XIX в., – дефицитом Кяхтинской торговли. Для того, что бы удешевить поставки чая и сократить дефицит двухсторонней торговли русские предприниматели в 1860-х гг. наладили собственную обработку чайного листа в районе Ханькоу. В числе первых русских заводов были запущенная в 1863 г. фабрика С.В. Литвинова «Шуньфэн» и фабрика компании «Токмаков, Молотков и К» «Синьтай», заработавшая в 1866 г.¹¹ В 1869 г. в провинции Хубэй и соседних с ней районах провинции Хунань работало 15 русских чайных заводов¹². В «Записке о некоторых нуждах чайной торговли в Китае», направленной М.Г. Шевелевым в 1879 г. директору Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Н.А. Ермакову, говорилось: «...на первых же порах [выяснилось], что на всех чайных рынках (в том числе и в Ханькоу) не находилось в потребном для нас количестве одного из продуктов исключительно русской торговли – кирпичного чая... [В связи с этим] пришлось отдавать подряды [китайским торговцам] на поставку [этого] чая. Контракты были заключены, и для контролирования подрядчиков в их действиях [россияне] стали посылать на места самой выделки [чая] своих агентов... Сии [последние] нашли, что гораздо выгоднее заняться непосредственно производством этого продукта для России. Таким образом в 1863 г. возникла первая самостоятельная русская чайная фабрика в Китае, в г. Чуньян провинции Хубэй... Теперь для русских уже не [было] необходимости рассылать своих агентов по всем внутренним чайным рынкам для закупки требуемого продукта, но вместе с тем появились непроизводительные расходы по доставке чая из Ханькоу на фабрики, находившиеся [в лучшем случае] в 100–200 верстах от этого порта... [Тогда] стали подумывать о перенесении фабрик в самый порт, чему и было положено основание, если не ошибаюсь, в 1873 году... В Ханькоу уже можно было страховать товар, как на складах, так и во время обработки его на фабриках»¹³.

Китайские историки отмечают: «С 1863 по 1873 г. в Янлоудуне было построено три фабрики по обработке чая: Шуньфэн, Синьтай и Фучэн... В 1874 г. три основанные русскими фабрики по обработке чая были переведены в Хань-

коу, причем одна из них, Шуньфэн, расположилась прямо напротив английского сэттльмента. Фабрика Синьтай располагалась в районе Ланьлин, а Фучэн – рядом с дорогой, идущей в Нанкин. В 1893 г. неподалеку от дороги, идущей на Шанхай, была построена и четвертая фабрика – Байчан. Рядом с фабрикой Шуньфэн, располагавшейся на берегу Янцзы, был построен торговый порт, первый из трех торговых портов Уханя. С 1874 г. российские предприниматели для изготовления чайных кирпичей начали использовать паровые машины и водяные прессы, а основанные российскими подданными фабрики стали первыми современными предприятиями Уханя и положили начало промышленному развитию города. Люди, нанимавшиеся на российские фабрики, стали первыми индустриальными рабочими Уханя»¹⁴. К 1880 г. в городе Ханькоу располагались шесть русских фабрик по производству чая. На двух из них для прессовки чайных листов применялись паровые котлы, на остальных использовался традиционный китайский способ прессовки чая.

Каждая российская фирма имела в Ханькоу дом, рядом с которым находились каменные чайные склады. Фабрики по изготовлению кирпичного чая обычно располагались неподалеку. Количество рабочих было разным, например, на фабрике «Пономарева и Ко» было не менее двухсот человек. Представление о русской колонии в Ханькоу дает «Подписной лист на стипендию имени профессора В.П. Васильева при Санкт-Петербургском Университете»¹⁵ от 5 мая 1887 года. Для этой стипендии было собрано 1700 рублей, в числе вносителей денег были П. Дмитриевский, Н. Молчанов, С. Печатнов, С. Милютин, К. Грюнберг, А. Баранов, К. Круглов, С. Литвинов, Н. Молотков, М. Аверин, Л. Ширкунов, А. Москалев, С. Свешников, М. Киселев, Я. Панов и др.

Русская торгово-промышленная колония в Ханькоу стала своеобразным образцом русского предпринимательства на Дальнем Востоке. В газете «Восточное обозрение» за 1886 г. можно прочесть: «История этих русских факторий в Китае любопытна. Недавно скончался известный торговец чаями, живший в Китае, купец Пономарев. Он изобрел способ прессования лучших сортов чая наподобие кирпичного. Жизнь русских купцов в Китае любопытна и также достойна поучения. Кто бы мог подумать, что сибиряки, живущие в городах Китая, делаются более европейцами? – они читают иностранные газеты, знают языки и вообще стоят гораздо выше по образованию, чем их сородичи в Иркутске или Кяхте»¹⁶. Епископ Николай (Касаткин) писал весной 1888 г. из Токио: «О. архимандрит Анатолий – в восторге от своего пребывания в Ханькоу, и не наговорится о нем; заочно познакомил и меня с жизнью там, в которой более всего пленяет нас общее единодушие и дружба всех наших между собою и то, что все свято хранят свое природное православное благочестие и благочестие. Да даст Бог, чтоб и вперед всегда так было! Не мало радует и почтенное положение наших русских коммерсантов среди их собратий из других наций. Значит могут же наши русские с честью выступить на широкое всемирное поле, лишь бы дана была им возможность сделать то! Честь и слава нашей коммерции в Китае! Дай Бог, чтобы поскорей нашлись подражатели ей и в других странах, не исключая нашей Японии!»¹⁷.

Ханькоу находился далеко от границ Российской империи, и для купечества крайне актуальной была проблема коммуникаций с русскими территориями и экономическими центрами. С начала 1870-х гг. русские предприниматели попытались наладить прямое сообщение из Хубэя через Хами на Семипалатинск¹⁸. Вообще, Ханькоу был важным пунктом для большинства русских экспедиций, изучавших разные районы Китая. Большую известность, в том числе и скандального характера, получила экспедиция 1874–1875 гг. под руководством полковника Ю.А. Сосновского¹⁹. В 1893 г. русская колония

Ханькоу приняла возвращавшуюся из Тибета экспедицию Г.Н. Потанина с телом умершей в пути его жены Александры Викторовны. Приезжали в Ханькоу и исследователи чайного производства и торговли. Знаменитый русский ученый А.Н. Краснов писал: «В Ханькоу вы попадете в хорошенький и довольно благоустроенный квартал английского колониального города. Значительная часть построек этого города и его капиталов принадлежит, впрочем, русским купцам, хотя в администрации города они принимают мало участия... обстановка русская, радушное и сердечное гостеприимство»²⁰. Правда, местечко Ян-лоу-дун русский путешественник посещал «в сопровождение мандарина и эскорта из 12 солдат, без коих поездка внутрь страны считается здесь не безопасною»²¹.

После открытия Суэцкого канала появилась возможность организации прямого сообщения между Ханькоу и портами Европейской России. В 1871 г. Российское Общество Промышленности и Торговли открыло пароходное сообщение с Китаем. Однако первый опыт транспортировки чая морем оказался неудачным, убыток на рейсе парохода «Чихачев» из Ханькоу в Европейскую Россию составил 13 тыс. рублей²². С 1880 г. срочные рейсы между Ханькоу, Шанхаем и Владивостоком поддерживала частная русская пароходная компания «Шевелев и К». Наладить регулярное сообщение между Ханькоу и портами Черного моря смогло лишь пароходство «Добровольного флота». В 1880 г. два судна этой компании доставили чай в Одессу. На следующий год к открытию чайного рынка в мае в порт Ханькоу уже прибыли пароходы «Россия» и «Петербург»²³. В 1883 г. сообщение между портами Янцзы и Черного моря поддерживали пароходы «Кострома», «Нижний Новгород», «Россия» и «Петербург»²⁴. В 1891 г. в Одессу купленный для России чай был отправлен на 5 русских и 3 английских судах, в 1894 г. в Ханькоу за чаем приходило 7 русских пароходов, доставивших в Одессу 26300 т. груза, а так же одно английское судно, зафрахтованное русскими²⁵. В первой половине 1890-х годов на содержание Агентства Добровольного флота в Ханькоу в год тратилось чуть более 600 рублей, а в 1895 г. было израсходовано почти 19 тыс. рублей, и в дальнейшем эта сумма не опускалась ниже 15 тыс. рублей в год.

Русские интересы в Ханькоу поддерживались с помощью российского военного флота. В 1870-х гг. в этом порту стационаром по очереди побывали винтовые лодки «Морж», «Соболь», «Горностай». Например, военное судно «Горностай» стояло на дежурстве в Ханькоу в 1878 г.²⁶. В 1886 г. вверх по Янцзы ходила канонерская лодка «Отважный»²⁷, и в начале 1890-х годов ежегодно летом, на время чайных торгов в Ханькоу вставало стационаром русское военное судно. В феврале 1894 г. начальник эскадры в Тихом океане С.П. Тыртов писал русскому посланнику А.П. Кассини в Пекин: «...последние два года ввиду дурных климатических условий, а также того, что все наши чайные пароходы к августу месяцу уже уходят из Ханькоу, мы и не оставляли там на этот месяц нашего стационара»²⁸. А.П. Кассини в ответ на просьбу не оставлять в Ханькоу русского военного судна отвечал, что пока в Ханькоу есть русские пароходы, стационары там не обязательны, защиту можно найти и на пароходах, но с конца августа до того времени, пока вода в реке не упадет, стационар там нужен для защиты русских.

Значение Ханькоу во второй половине XIX века для русских подтверждалось посещением этого города членами царской семьи Российской империи. В июне 1888 г. в Ханькоу прибыл Великий князь Александр Михайлович в сопровождении двух лейтенантов и врача²⁹. Он купил в китайской лавке фотографии с видами Ханькоу, осмотрел китайскую и европейскую части Ханькоу, христианские миссионерские заведения. В Учане Александр Михайлович

посетил храмы и экзаменационный двор, оставив подробное описание традиционной китайской экзаменационной системы.

В апреле 1891 г. Ханькоу посетил наследник российского престола Николай Александрович – будущий последний русский царь. Консул П. А. Дмитриевский докладывал в Петербург: «Наследник Цесаревич и великий князь Николай Александрович изволил прибыть в Ханькоу на пароходе Добровольного флота «Владивосток» в сопровождении канонерских лодок «Кореец» и «Бобр» в воскресенье, 7-го апреля, в 8 час. утра. Немедленно же я и прибывший накануне Поверенный в делах кол. ас. Клейменов отправились на «Владивосток»... Между тем в это время производились салюты... По окончании салютов прибыл на «Владивосток» таможенный даотай с карточкой генерал-губернатора... Через четверть часа к борту «Владивостока» пристала яхта «Чу-цай»... Генерал-губернатор поздравил Его имп. Высочество с счастливым прибытием в Ханькоу...»³⁰.

Газета «Восточное обозрение» дала подробное описание посещения цесаревичем Николаем города. Например, сообщалось, что в подарок наследник получил «серебряный поднос от русской колонии Ханькоу лучшего мастера Шанхая», а так же два резных декоративных экрана из слоновой кости и черного дерева. На консульском обеде в честь прибытия русского гостя присутствовало 40 человек, а на обеде во время выставки китайских товаров, организованной фирмой «Молчанов, Токмаков и К» присутствовало 149 человек³¹. Встреча цесаревича с Чжан Чжидунем состоялась на борту российского судна, затем члены императорского дома на китайском пароходе под русским флагом посетил Ханьян. Всего в Ханькоу наследник Николай пробыл три дня.

Русская колония нуждалась в постоянном присутствии институтов православной церкви. Известный церковный историк Николай (Адоратский) писал: «К концу 1882 г. Пекинская миссия, кроме начальника ее, имела еще трех сотрудников его, совершавших постоянные требы и богослужение в двух церквах – северного подворья и дипломатической миссии... Такое же повременное богослужение с требоисправлением совершали в трех торговых пунктах Китая, городах Калгане..., Тянь-цзине... и Ханькоу, где проживают несколько представителей русских чайных фирм. В г. Ханькоу на средства г. Боткина и других принципалов чайных фирм, отстроен и только что отделан небольшой храм»³². Весной 1885 года в Ханькоу был открыт и освящен во имя Св. Александра Невского иеромонахом Николаем (Адорацким) новый православный храм.

В 1892 г. к Александро-Невской церкви был назначен постоянный штат духовенства, состоящий из священника и псаломщика. С разрешения Священного Синода в Ханькоу был командирован из Пекина иеромонах Иннокентий (Ольховский)³³. Однако вследствие скандала, когда в 1894 г. Иннокентий (Ольховский) поссорился с местным консулом А. С. Ваховичем, он вскоре покинул приход, уехав в Варшаву. Русская колония Ханькоу обратилась к церковным властям с просьбой прислать семейного священника. Указом Синода от 8 ноября 1895 г. членом Пекинской миссии с определением в Ханькоу был назначен из Монголии священник ургинской консульской Свято-Троицкой церкви Николай Петрович Шастин³⁴. В марте 1896 г. священник Н. П. Шастин приехал с женой и дочерью в город на Янцзы и принял Александро-Невскую церковь от иеромонаха Амфилохия.

Русская колония в Ханькоу принимала самое активное участие в жизни Православной церкви не только в этом районе Китая, но и на всем Дальнем Востоке. Например, епископ Николай (Касаткин) писал в январе 1888 г. русскому консулу в Ханькоу И. А. Коростовцу: «Обществу соотечественников наших, гг. русских в Ханькоу... Убедительнейше прошу Вас принять в деле сердечное участие! Истинно же, положение мое и миссии с остановившеюся

постройкою храма самое затруднительное, и в представившемся ныне случае просить о помощи гг. ханькоуских русских я вижу – с неба блеснувший луч надежды на выход из него, – на продолжение и, быть может, окончание вчерне постройки храма в нынешнем году»³⁵.

В конце 1898 г., согласно отчету главы Пекинской миссии, именно в Ханькоу было больше всего русских прихожан в православной церкви: в Пекине – 30 русских, в Калгане – 40 русских, в Ханькоу – 50 русских³⁶. Русская община в городе Ханькоу была самой многочисленной из всех иностранных общин, если считать иностранное население, постоянно проживавшее в этом городе. В конце XIX в. из общего числа 547 человек иностранцев в Ханькоу, русских было 82 человека, в том числе 7 дам. На конец XIX века пришелся «всплеск» общественной жизни русских жителей Ханькоу. В 1895 г. была предпринята попытка наладить выпуск периодического издания, служащий одной из чайных фирм А. Андреев издал несколько номеров газеты «С Востока». На следующий год в Ханькоу был открыт «Русский клуб», на территории русской концессии было построено двухэтажное здание с бильярдом и богатой библиотекой. Молодой исследователь, студент Восточного института В.И. Надаров писал, что в конце XIX века среди заметных русских деятелей был Малыгин, который пожертвовал русскому клубу богатую библиотеку, а каждому поступающему на службу в концессию русскому молодому человеку он дарил русско-китайский словарь³⁷.

Несмотря на то, что русских купцов в общем числе иностранцев в Ханькоу было больше всего, Россия долго не приобретала в этом городе своей концессии. Лишь в 1895–1896 гг., когда между Пекином и Петербургом был подписан тайный секретный союзный договор, состоялось оформление отдельной русской концессии в Ханькоу. С инициативой приобретения концессии в Ханькоу в августе 1895 г. выступил консул А.С. Вахович. Сначала дело двигалось быстро, в декабре 1895 г. российский посланник А.П. Кассини телеграфировал из Пекина в Петербург: «Покупка земли тотчас по окончании формальностей, на днях. Деньги прошу перевести немедленно»³⁸. Сразу же в распоряжение русского посланника в Пекине было переведено 200 тыс. руб., но через несколько дней А.П. Кассини сообщил: «Дело концессии в Ханькоу приостановилось вследствие заявленных Францией притязаний на это место... Дело улаживается, но длина набережной русской концессии будет 2300 футов, а не 3400»³⁹. Оформление российской концессии затянулось на полгода, а проблемы так и не были улажены. В марте 1896 г. новый консул П.А. Дмитриевский отправил местному даотаю официальное отношение о своем прибытии для решения вопроса по отводу земли под концессию.

Соглашение об учреждении в Ханькоу концессии подписали 2 апреля 1896 г. русский консул в Тяньцзине П.А. Дмитриевский и временно управляющий русским консульством в Ханькоу П. Рождественский. А с другой стороны этот документ подписали французский генеральный консул в Шанхае Дюбайл и французский консул в Ханькоу Дотремэр, в присутствии Ханьянского чжисяня Се Фуцзи и представителя местного даотая по вопросам европейских концессий Дун Чжэцзюня. Выработка условий продолжалась с 5 по 12 апреля 1896 г. Активно препятствовали этой работе англичане, и местный даотай отказывался ставить свою подпись. 11 апреля протоколы по разграничению и установке пограничных знаков были получены и подписаны. Но даотай отказался подписать протоколы по причине претензии англичан на отведенные для русской концессии земли. 18 апреля русский консул П.А. Дмитриевский официально уведомил даотая, что тот не вправе отказываться от подписи документа, так как границы концессии утверждены в Пекине, но, несмотря на приказ из

Цзунлиямыня, даотай не подписывал документ, а генерал-губернатор долго отказывался от встречи с русскими уполномоченными⁴⁰.

Договор об отводе Российской империи концессии, подписанный командированным Чжан Чжидунем и даотаем Ханьяна Цюй, содержал 7 пунктов⁴¹. По условиям этого соглашения 26 десятин земли выкупалось Россией у китайцев в годичный срок по «справедливой цене» и поступали в вечную аренду русскому правительству за 86 с лишним лан годового налога⁴². В статье 5-й «Положения о русской концессии в Ханькоу» от 21 мая 1896 г. говорилось: «В русской концессии находится Учанская таможенная станция для сбора внутренней пошлины, каковое учреждение имеет большую важность и с трудом может быть уступлено. Принимая, однако, во внимание, что русское правительство впервые приобретает концессию, сим решено полюбовно удалить ее вне концессии, определив соответствующую плату, дабы сохранить дружбу и согласие»⁴³.

На отведенной под русскую концессию территории находился английский кожевенный завод, две русских чайных фабрики и несколько китайских жилых строений, а также пустыри. Сначала длина русской концессии вдоль реки Янцзы была определена в 1069 метров, но потом часть территории уступили французам, и длина русского берега составила 692 метра. В декабре 1896 г. был заложен камень в основание будущей набережной на территории русской концессии, которую решили назвать в честь русского царя. Царь публично поблагодарил русских жителей Ханькоу и согласился с названием набережной «Николаевской».

Учреждение русской концессии в Ханькоу не признали англичане, утверждавшие, что еще раньше они купили часть этой земли. В 1896 г. на территории русской концессии англичане разместили свой отряд морской пехоты. В 1898 г. противостояние приняло вооруженные формы, когда казаки и английские матросы наводили друг на друга оружие, угрожая открыть стрельбу. В 1899 г. известный китаевед Д.М. Позднеев писал из Пекина, что по поводу скандала в Ханькоу: «Государь Император высочайше повелеть соизволил не уступать англичанам в концессии ни одной пяди земли». Но русский посланник М.Н. Гирс «положил под сукно» телеграмму из Петербурга, «заявляя, что если бы он сообщил о высочайшем повелении Ваховичу и адмиралу (Дубасову), то нам не избежать бы войны»⁴⁴. Англичане силой захватили часть русской концессии, но после разбирательств международной комиссии они уступили, заявив, что допустили ошибку в определении границ своей территории.

Из других русских приобретений в районе Ханькоу следует назвать участок земли, купленный православной миссией. Летом 1898 г. был приобретен в вечную аренду участок земли близ дачного европейского поселка Кулинь. Правда, за неимением сил это приобретение использовалось лишь в материальных целях, земля сдавалась в аренду участками под условие экстерриториальности, распоряжался недвижимостью российский консул А.С. Вахович.

К концу XIX века значение Ханькоу как для китайской экономики, так и для русской торговли, не поколебалось. В работе известного дипломата и китаеведа И.Я. Коростовца отмечается: «Третьим портом по размерам торговли и первоначальным пунктом экспорта чая в Россию служит г. Ханькоу»⁴⁵. В 1901 г. в журнале «Известия Восточного Института»⁴⁶ была опубликована работа слушателя второго курса Восточного института из Владивостока В. Надарова «Материалы к изучению Ханькоу». Работа русского студента дает общую картину русского присутствия в Ханькоу к концу XIX века. Он писал, что «на главной береговой улице дома всех русских фирм «К. и С. Поповых», «Молчанова-Печатнова и К», «Токмакова-Молоткова

и К», «Губкина-Кузнецова и К», и Русско-Китайский Банк», на боковой улице была фирма «Чиркова и К». Далее В. Надаров отмечал: «дома типичные однообразные 2–3 этажа без украшений. Исключение – дом Поповых и дом Русско-китайского банка». В центре концессии находилась фабрика по выделке кирпичного чая Пяткова-Молчанова. Русская церковь находилась напротив англиканской, рядом с ней был сад и дом священника. Русское консульство размещалось в частном доме на краю концессии. В описании студента говорилось, что несколько лет назад в Ханькоу один русский энтузиаст издавал русскую газету, которая прекратила свое существование после смерти издателя. В Ханькоу работала русская полиция, в штате которой были пять казаков. В. Надаров в своей работе дал китайские названия русских фирм, не известные в России: Синь-тай, Фу-чан, Бай-чан, Шунь-фэн, Цзюй-чан.

В начале XX в. Россия сохранила и расширила свое присутствие в Ханькоу. Согласно «Путеводителю по портам Дальнего Востока за 1909–10 г.»⁴⁷ во главе русской колонии стоял генеральный консул А.Н. Тимченко-Островерхов, а помогал ему управляющий консульством и драгоман М.П. Куренков. Во главе Коммерческой русско-китайской школы стоял старший учитель Г.А. Софоклов, помогал ему младший учитель В.П. Шатурский и сяншэн В.С. Ся. Закупкой и обработкой чаев в городе занимались фирмы «Губкин, Кузнецов и К» (представители – Панов Я.К. и Лебедев В.Р.), «К. и С. Поповы» (представитель – Егер Г.Ф.), «Молчанов, Печатнов и К», «Токмаков, Молотков и К», «Чирков и К» и другие. В 1909 г. закупкой чая в Ханькоу занимались фирмы «Торгово-промышленное т-во «Преемник» Алексея Губкина, А. Кузнецов и К», Торговый дом «С.В. Литвинов и К», «Молчанов, Печатнов и К», «Наквасин и Вершинин», «К. и С. Поповы»⁴⁸.

Всего русских в Ханькоу в начале XX в. проживало около 80 человек, из общего числа около 400 иностранцев, включая работавших в провинции миссионеров. Русская колония среди постоянных жителей Ханькоу оставалась самой многочисленной иностранной колонией, в городе имелся даже «Русский клуб». В городе и его окрестностях кроме русских купцов проживали российские подданные, служившие в различных учреждениях. Например, русский подданный еврей Хаис служит на станции Пекин-Ханькоуской железной дороги рядом с городом. Российский подданный Горенштейнов открыл в Ханькоу новое торговое дело – «русские деликатесы». Вообще, в составе русской колонии были представители разных сословий. В 1902 г. служил в Ханькоу переводчиком китайского языка при торговом доме «Молчанов, Печатнов и К.» забайкальский казак А.М. Сахаров⁴⁹. Известность получил случай, когда в 1909 г. в Ханькоу застрелился русский подданный еврей Виктор Ропс.

В конце 1902 г. посетил Ханькоу первый православный епископ в Китае Иннокентий (Фигуровский), сразу же после получения этого сана. В этом районе он впервые «присоединил к православию несколько молодых китайцев»⁵⁰. Иннокентий (Фигуровский) основал миссионерский стан в Фэнкоу в 150 км от Ханькоу, где около 300 местных жителей дважды, в 1898 и 1901 гг., выражали желание принять православие и даже российское подданство. В 1907–1912 гг. в Фэнкоу успешно работала православная школа. Всего в этом районе было крещено в православии 62 китайца. Русский православный монах Фавст в 1903 г. обосновался в местечке Кулинь провинции Хубэй. В 1903 г. в этом районе, в местечке Юаньцзякоу, диакон Сергей Чан начал катехизацию и основал часовню, которая, правда, была разрушена местными жителями в феврале 1904 года. Всего в Хубэе к 1917 г. православная миссионерская работа велась в 17 населенных пунктах, работали в основном православные китайцы-

миссионеры.

Русское присутствие в Ухане с конца XIX в. дополнялось и русской школой для китайцев, в которой работали русские преподаватели. В январе 1909 г. посланник в Китае И.Я. Коростовец сообщал министру иностранных дел России А.П. Извольскому: «Из открытых ранее русско-китайских школ наиболее обширна и успешнее всех функционирует школа коммерческих знаний в Ханькоу, что объясняется многочисленностью в названном порте русского торгового элемента и вызываемом этим практической потребностью в русском языке. Китайцы, проживающие в Ханькоу и Учане, охотно посещают школу. Так при ее открытии записалось 300 человек, а в нынешнем году 408 человек. За неимением вакансий ныне оказалось возможным принять лишь 30 человек после двукратного конкурсного экзамена»⁵¹. Журнал «Вестник Азии» в 1910 г. сообщал: «Интересный опыт предпринят Г.А. Софокловым, преподавателем русско-китайской школы коммерческих знаний в Ханькоу. Под его руководством учениками школы сделаны извлечения из китайских газет, касающиеся географии, экономического и общественного быта провинции Хубэй»⁵². В 1909–1911 гг. под руководством учителя Г.А. Софоклова в Ханькоу выходил политико-экономический журнал «Долина Янцзы».

Немаловажную роль сыграла русская колония в Ханькоу в событиях Синьхайской революции 1911 года. Эта революция фактически началась на территории русской концессии, события были спровоцированы взрывом, произошедшим в русском заведении по причине неправильного обращения с бомбой работавшего там китайского революционера. Российский генеральный консул в Ханькоу А.Н. Тимченко-Островерхов в 1911 г. был деканом консульского корпуса в этом городе. Его позиция признать революционеров законной властью в Китае имела определенное значение для победы революции в Китае. В 1911 г. при Ли Юаньхуне в Ухане русским представителем был назначен молодой русский дипломат А.Н. Вознесенский, в будущем один из первых советских дипломатов, соратник В.И. Ленина. Русский представитель был сторонником партии социалистов-революционеров, он много способствовал тому, что Россия и другие страны не выступили против китайской революции. Во время революции в районе Уханя было усилено русское военное присутствие. Для защиты своих подданных и экономических интересов Россия отправила в Ханькоу две канонерки и роту стрелков. Выведены были русские войска из этого района лишь в сентябре 1914 г.

Значение Ханькоу для русской торговли стало более весомым после нападения Германии на Россию в 1914 г. Как отмечается в документах: «В годы мировой войны, когда в России наступил товарный голод, русские торговцы были вынуждены закупать китайские товары непосредственно в Китае – в Ханькоу, Пекине и Калгане. Товары приобретались ими в обмен на маральи рога и другое сырье тувинского рынка»⁵³.

Революция 1917 г. оказала серьезное влияние на общественную жизнь русской колонии в Ханькоу. С октября 1917 г. и до самой ликвидации концессии и консульства в конце 1924 г. в городе издавалась газета «Известия общественного совета Русской концессии в Ханькоу». После начала революции 1917 г. и гражданской войны в России Ханькоу стал одним из центров русской эмиграции. Именно в этот город переехала из Синьцзяна, например, семья будущего последнего главы Пекинской православной миссии Л.В. Святина. Еще в начале 1918 г. заведующий Восточным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел А.Н. Вознесенский, служивший в прошлом в Учане, уведомил китайского посланника в Петрограде о том, что Советского правительство готово отказаться от прав экстерриториальности и концессий в Хань-

коу. Но Пекин не признавал правительство В.И. Ленина, русская концессия и другие государственные учреждения старой России продолжали сохраняться в Ханькоу фактически до 1924 г. Формально же концессия и консульство были закрыты указом президента Сюй Шичана в 1920 г.

Последний русский консул в Ханькоу Андрей Терентьевич Бельченко, назначенный на эту должность в 1915 г., после ликвидации учреждений бывшей Российской империи в Китае возглавил канцелярию по русским делам в провинции Хубэй, а фактически сохранил управление колонией. Позднее, в 1920-х гг., А.Т. Бельченко возглавлял консульство Португалии, а в целом он до середины 1940-х гг. оставался на посту главы русской колонии Ханькоу⁵⁴.

После признания Китайской республикой в 1924 г. Советской России русская община сохранялась в Ухане, независимо от того, какая власть была в этом районе. С 1924 г. в Ханькоу даже выходила, два раза в месяц, собственная русская газета – «Известия русской колонии в Ханькоу». Заведовал изданием владелец местной типографии С.В. Унженин. Русская колония в Ханькоу понесла серьезные материальные потери в 1927 г., после того как город вошли гоминьдановские войска, в составе которых находились советские политические и военные советники. Тогда китайские власти конфисковали здания школы и банка. Советский советник М.И. Казанин писал: «Теперь, проходя по тенистым улицам бывшей русской концессии (по договору 1924 года Советское правительство безвозмездно вернуло ее Китаю) и по территории английской концессии (занятой китайцами), я видел просторные окруженные садами резиденции русских купцов, ранее монополизировавших чайную торговлю, – Поповых, Молчановых, Печатновых, Токмаковых, Высоцких... Но теперь, конечно, уже не было прежних русских чаоторговцев-миллионеров... Опустели старые, тенистые усадьбы, не работали прессовальные чайные фабрики, разорились и разъехались навсегда представители знаменитых фирм, и лишь кое-где в еще не проданных домах доживают свой век, тщетно надеясь на падение Советской власти, старые приказчики, вдовы и приживалки»⁵⁵. Но в воспоминаниях самих ханькоусцев предстает более яркая и насыщенная жизнь русских в этом городе⁵⁶.

Русская колония в Ханькоу поддерживала тесные связи с русскими общинами по всему Китаю. Даже в 1930-х гг. в город приезжали на работу или на постоянное жительство русские эмигранты, например, с декабря 1934 по декабрь 1936 г. там работал известный китаевед Н.А. Спешнев⁵⁷. В середине 1930-х гг. глава русской колонии А.Т. Бельченко отмечал: «Численность русских по-прежнему колеблется в пределах 300–400 человек, причем наблюдается легкая тенденция в сторону увеличения. Однако эти цифры в значительной мере непостоянны, потому что около трети русского населения приходится на девушек и женщин, работающих в кабаре и барах, которые вообще должны считаться «перелетными птицами», часто меняющими место жительства... Что касается остальной части русской колонии, то в смысле социального положения она распределяется следующим образом: около пятидесяти женщин работают в салонах и кафе, около пятидесяти жен иностранцев или русских служащих заняты домашним хозяйством, а их мужья служат в различных иностранных предприятиях. Больше всего русских служащих в «Бритиш Сигарет компании», где есть русские во всех отделах... Число русских предприятий постепенно увеличивается, но лишь весьма немногие из них имеют под ногами твердую почву»⁵⁸.

В 1926–1928 гг. в Ханькоу существовало консульство Советского Союза, и даже сложилась новая русская советская колония. Как писали очевидцы: «Наша колония делилась на две большие группы – сотрудников политической миссии под руководством Бородина и сотрудников военной миссии во главе

с Блюхером. Группа Блюхера, в которую входил и я, состояла из нескольких десятков командиров и вспомогательного аппарата общей численностью примерно человек пятьдесят. Это было любопытное соединение элементов старого и нового»⁵⁹. Советский Союз сохранил свое присутствие в Ханькоу и после разрыва с правительством Чан Кайши. Например, в Меморандуме полпредства СССР в Китае от 2 апреля 1935 г. говорилось: «По полученным нами сведениям, одно из бывших консульских зданий в Ханькоу, в феврале сего года было занято чинами 10-го отделения ханькоуской полиции без соответствующего на то разрешения Полпредства СССР в Китае. Полпредство СССР в Китае просит... принять соответствующие меры для освобождения означенного здания и указать китайским властям в Ханькоу на недопустимость занятия бывших консульских зданий и помещений, принадлежащих СССР»⁶⁰.

В 1938 г. Ханькоу вновь стал центром советско-китайских отношений, в этот город вместе с правительством Чан Кайши переехало и советское полпредство во главе с И.Т. Луганцем-Орельским. Город от японских агрессоров защищали советские летчики-добровольцы, останки погибших и сейчас покоятся в центре Ханькоу. В условиях войны повысилось значение Ханькоу в системе двухсторонних торгово-экономических отношений. В документах за сентябрь 1938 г. говорится: «Полпред поставил вопрос о принятии мер для обеспечения выполнения договоров по поставкам товаров, в счет расчетов за советские грузы. В частности, обратил внимание Чан Кайши на угрозу срыва заготовок и сдачи чая... Как одно из мероприятий, обеспечивающих выполнение договора по чаю, необходимо перевезти расфасовочную фабрику из Ханькоу в район Янлодуна»⁶¹.

В сложный и противоречивый период истории советско-китайских отношений 1920–30-х гг. старая русская община продолжала существовать «автономно». Ситуация не изменилась после начала японо-китайской войны и начавшейся вскоре японской оккупации. В 1938 г. советские летчики, приехав в Ханькоу, отмечали: «В городе война не особенно чувствовалась... В городе жили русские белоэмигранты, которые занимали целые улицы. Многие из них вели торговые дела»⁶². В конце 1939 г., согласно документам местных властей ванцинвэевского правительства, в городе все еще постоянно проживали более 200 человек русских⁶³. В списке за подписью Президента Ханькоуского Русского Эмигрантского Комитета указаны до сотни фамилий русских эмигрантов, представители которых работали торговцами, рабочими, шоферами, кондитерами, парикмахерами, служили на таможне и во французской полиции. В документе были отмечены балерины Верещагина, Давыдова и Ланцова, музыканты Дагаев, Шлепаков и Ротгольц, учитель Флеров, переводчик Панова, священник Якушев и церковные служащие Алтабаев и Михайлов, и многие, многие другие. В списке были землевладелец М.Н. Молчанов, хозяин или работник русской школы А.Н. Хорошев, много представителей частных компаний. Согласно документу, далеко не все русские эмигранты в Ханькоу жили семьями, а многодетных семей почти не было. Четырех маленьких детей имела чета Григерманов, по двое маленьких детей было у зубного техника Д.И. Лебедева-Леонтовского и у Н.Н. Пономаревой. В списке встречаются подростки-ученицы Школы Св. Марии. Критический анализ сохранившегося в городском архиве Ухани документа позволяет предположить, что не все русские эмигранты были учтены властями, и число их значительно превышало две сотни человек. Русская община в городе Ухань исчезла лишь во второй половине XX в., после выезда русских эмигрантов из Китайской Народной Республики.

История русской колонии в Ханькоу во второй половине XIX – первой половине XX веков наглядно показывает, что именно этот район был одним из

главных центров русско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Более того, именно провинция Хубэй стала первым центром русского бизнеса в Китае. Важное значение имеет и тот факт, что город Ухань долгое время был одним из центров русско-китайского взаимодействия в сфере культуры. Сегодня уханьцы бережно хранят следы русского пребывания в своем городе, а факультет русского языка местного университета считается одним из самых лучших в КНР. Богатый исторический опыт русского присутствия в провинции Хубэй создает прочный фундамент для развития русско-китайских отношений на современном этапе истории двухсторонних отношений.

---

¹ Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 317.

² Свод международных постановлений, определяющих взаимные отношения между Россией и Китаем 1689–1897. СПб., 1900. С. 71.

³ Хохлов А.Н. Михаил Шевелев и начало морского судоходства России с Китаем // Вопр. истории. 2007. № 9. С. 116.

⁴ Там же.

⁵ Венюков М. Очерки современного Китая. СПб., 1874.

⁶ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 1077. Л. 2

⁷ Хохлов А.Н. Стажеры при Российской дипломатической миссии в Пекине. Судьбы людей и научных трудов // Страны и народы Востока. М., 2002. Вып. XXXI. Кн. 6. С. 165.

⁸ Иркутские Епархиальные Ведомости. 1863. № 35.

⁹ Попов А.Ф. Путевые заметки о Хань-Коу и русских чайных фабриках // Зап. ИРГО по отделению статистики. Т. II. СПб., 1871.

¹⁰ Иркутские Епархиальные Ведомости. 1863. № 35. С. 295.

¹¹ История экономического развития Китая 1840–1948 : сб. стат. материалов : пер. с кит. М., 1958. С. 122.

¹² Венюков М. Очерки современного Китая. СПб., 1874.

¹³ Хохлов А.Н. Михаил Шевелев и начало морского судоходства России с Китаем // Вопр. истории. 2007. № 9. С. 116.

¹⁴ Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией // Мир Евразии. 2010. № 3. (10). С. 59–60.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 918. Оп. 1. Д. 1.

¹⁶ Восточное обозрение. 1886. № 32. С. 12.

¹⁷ Письма Святителя Николая (Касаткина) П.А. Дмитриевскому // http://smolyane.narod.ru/saint/sviatitely/nikol_jp/pisma.htm

¹⁸ Венюков М. Очерки современного Китая. СПб., 1874.

¹⁹ Экспедиция в Китай 1874–75 гг. генерального-штаба Полковника Ю.А. Сосновского. Т. I. Ч. 1.; Путешествие по Китаю : из дневника П.Я. Пясецкого : в 2-х томах. М. 1882.

²⁰ Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. СПб., 1898. С. 324.

²¹ Там же. С. 329.

²² Иловайский С.И. Исторический очерк пятидесятилетия учреждения Русского Общества Пароходства и Торговли. Одесса. 1907. С. 131.

²³ Вести из Китая // Сибирь. Добавление к № 27. 981. С. 2.

²⁴ Сведения о плавании судов общества добровольного флота // Морской сборник. 1883. № 7. С. 9.

²⁵ Консульские донесения по торговле и промышленности. Вып. 6 : Восточный Китай. СПб., 1896. С. 110.

²⁶ Наши стационары в Китайских портах в 1879 и 1880 гг. // Морской сб. 1881. № 6 (июнь). СПб., 1881.

²⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 536. Оп. 1. Д. 112.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 110. Л. 13.

- ²⁹ ГАРФ. Ф. 918. Оп. 1. Д. 16.
- ³⁰ Хохлов А.Н. Наследник русского престола в гостях у китайского реформатора Чжан Чжи-дуна // XXIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1999. С. 110–111.
- ³¹ Восточное обозрение. 1891. № 22. С. 4.
- ³² Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б.Г. Александров. М., 2006. С. 118–121.
- ³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 173. Д. 2709. Л. 2.
- ³⁴ Там же. Оп. 173. Д. 3551. Л. 24.
- ³⁵ Письма Святителя Николая (Касаткина) П.А. Дмитриевскому // http://smolyane.narod.ru/saint/sviatitely/nikol_jp/pisma.htm
- ³⁶ Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 1457. Д. 218.
- ³⁷ Известия Восточного Института. Владивосток, 1901. Т. II. Вып. 2.
- ³⁸ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 348.
- ³⁹ Там же. С. 360.
- ⁴⁰ Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Ф. 14. Оп. 1. Д. 42.
- ⁴¹ Известия Восточного Института. Т. II. Вып. 2. – Владивосток, 1901.
- ⁴² Русско-китайские отношения 1689–1916. М., 1958. С. 71.
- ⁴³ Там же. С. 72.
- ⁴⁴ РНБ ОР. Ф. 590 (Позднеевы) Д. 112. Л. 128.
- ⁴⁵ Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898. С. 251.
- ⁴⁶ Известия Восточного Института. Т. II. Вып. 2. Владивосток, 1901.
- ⁴⁷ Фоменко С.М. Путеводитель по портам Дальнего Востока, 1909–10 г. Харбин.
- ⁴⁸ Там же. С. 197.
- ⁴⁹ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4057. Л. 12.
- ⁵⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Д. 172. Л. 32.
- ⁵¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 12. Л. 62.
- ⁵² Заметки об изучении Азии // Вестн. Азии. 1910. № 3. С. 293.
- ⁵³ Кунцевич И.А. Товарооборот с Монголией и Танну-Гувой и перспективы развития этого товарооборота // Красноярский краевой краеведческий музей. Вспомогательный фонд (в/ф) 9463/8. С. 8.
- ⁵⁴ Архив Народного Правительства города Ухань. 9. 609/31.
- ⁵⁵ Казанин М.И. В штабе Блюхера: воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966. С. 36.
- ⁵⁶ Бутина В. «В памяти всплыли образы прошлого» : Ханькоу, Китай : годы между двумя мировыми войнами // <http://www.lomonosov.org/kartina3/ariavarta/vestnik/6/064-071.pdf>
- ⁵⁷ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 337.
- ⁵⁸ <http://www.russianshanghai.com/wp-content/uploads/2010/07/Russian-In-China-Chapter-6.pdf>
- ⁵⁹ Казанин М.И. В штабе Блюхера: воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966. С. 50.
- ⁶⁰ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: советско-китайские отношения (сентябрь 1931– сентябрь 1937 гг.). отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2010. С. 416–417.
- ⁶¹ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: советско-китайские отношения (1937–1945 гг.). Кн. 1: (1937–1944 гг.) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2000. С. 320.
- ⁶² Пушкин А. И. Москва – Ханькоу : (записки летчика-бомбардировщика) // <http://www.abirus.ru/content/564/623/626/633/754/11241.html>

Из истории российского и западноевропейского китаеведения

Е. И. Кычанов¹

Из истории международного сотрудничества в изучении фонда П. К. Козлова из мертвого города Хара-Хото в рукописном собрании Института восточных рукописей РАН

Мертвый город Хара-Хото, который намеревался отыскать, готовя свою Монголо-Сычуаньскую экспедицию 1907–1909 гг., П. К. Козлов, случайно нашел до него казак-бурят Ц. Г. Бадмажапов, переводчик монгольского языка во время Монголо-Камской экспедиции (1899–1901 гг.) П. К. Козлова. В 1907 г. он в качестве сотрудника Торгового дома «Собенников и братья Молчановы» выехал в устье реки Эдзин-Гол собирать долги с местных монголов, администраторов Цинского правительства. По дороге он наткнулся на мертвый город, называемый монголами Хара-Хото. В письме П. К. Козлову от 15 мая 1907 г. он писал: «Я во время своей поездки в Эдзин-Гол сделал весьма интересное открытие, по крайней мере, я думаю. Около песков между долинами Гойцзо и Эдзин-Гол натолкнулся на развалины Хара-Хото, или Хара-байшин, где специально дневал, [чтобы] сделать снимки и кое-что записать. Здесь прилагаю четыре снимка развалин, которые покажите П. П. С[еменову] – Т[яншанско] му и сообщите ему, что думаю написать маленькую брошюру о своей поездке и развалинах и почтой послать».¹

Не будем гадать, почему приоритет Ц. Г. Бадмажапова в открытии Хара-Хото не был признан. Уже в конце 1909 г. Ц. Г. Бадмажапов вдруг почувствовал, что как будто в чем-то провинился. В письме Козлову от 19-ХП–1909 г. он пишет: «Я удивляюсь, почему Географическое общество выражает неудовольствие мне и в чем..., кроме того, Вы пишете мне, как будто я написал что-то такое помимо Вас. Разве только то, что я открыл... Хара-Хото и дал первый толчок к изучению Хара-Хото... Мне теперь страшно обидно, что, открывши Хара-Хото, остался виноватым... Все-таки мне кажется, что я представил Обществу первые фактические данные о злополучном Хара-Хото...».² Как умный человек, Ц. Г. Бадмажапов быстро понял, что ему лучше не напоминать о том, что Хара-Хото открыл именно он.

Первым в изучении памятников письменности из Хара-Хото почти сразу после их доставки в Петербург стал проф. Восточного факультета СПб университета А. И. Иванов.³ Разбирая найденные книги, А. И. Иванов нашел тангутско-китайский словарь – «Тангутско-китайская жемчужина

в ладони, отвечающая запросам времени», словарь был датирован 1189 г. и имел предисловия на тангутском и китайском языках.⁴ Эта короткая публикация сразу же получила международный отклик. Американский проф. Б. Лауфер, изучив публикацию А. И. Иванова, отнес тангутский язык к группе языков «си-ло-мо» (языки Си Ся-лоло и мосо), верно указав на принадлежность тангутского языка к тибето-бирманским языкам Восточного Тибета и китайской провинции Сычуань.⁵ На основе статьи А. И. Иванова немецкий ученый Р. А. Штюбе опубликовал статью о тангутской письменности.⁶

Но не только фактом своей публикации А. И. Иванов придал изучению тангутского письма и языка международный характер. Он прислал фотографии словаря китайскому ученому Ло Чжэнь-юю. Сыновья Ло Чжэнь-юя откликнулись на публикацию А. И. Иванова двумя статьями – «Краткий словарь письма Си Ся (Ло Фу-чэн) и «Краткое описание письма Си Ся» (Ло фу-чэн), в 1914 г. они опубликовали литографированное издание писем Си Ся, в котором, кроме словаря «Жемчужина на ладони», использовали фрагменты текста «Лотосовой сутры» на тангутском языке, найденные в 1901 г. в Пекине подле пагоды Байта во время подавления восстания ихэтуаней, и в 1904 г. изданные М. Г. Морисом.⁷

В 1918 г. А. И. Иванов передал в издательство Академии Наук «Словарь тангутских иероглифов», который, предположительно включал до трех тыс. знаков тангутского письма. Словарь не был опубликован в те суровые годы, кажется, он утрачен безвозвратно. Но к середине 20-х гг. общими усилиями международного сотрудничества ученых было установлено, что тангутское (Си Ся) письмо идеографическое и оно создано под непосредственным влиянием китайской иероглифики. Это был обобщающий вывод, а детальное изучение характера и структуры тангутского письма продолжается до сих пор (Нисида Тацуо, Гун Хуан-чэн и др.).

Именно А. И. Иванов привлек к работе над тангутскими текстами и Н. А. Невского.⁸ В одном из своих писем от 07.11.1929 г. Н. А. Невский писал, что он заинтересовался тангутским языком за пять-шесть лет до этого. Японский исследователь истории тангутского государства Окадзаки Сэйро установил, что это было связано с участием Н. А. Невского в работе основанного в 1923 г. «Общества изучения Востока» в г. Отару. Летом 1925 г. Н. А. Невский посетил Пекин, где встречался со знаменитым китайским ученым Ван Го-вэем и своим университетским учителем А. И. Ивановым. Иванов был и официальным куратором Н. А. Невского при командировании Н. А. Невского в Японию в 1915 г. для занятий японской литературой эпохи Хэйан. В 1925 г. А. И. Иванов являлся сотрудником советского посольства в Китае. Он рекомендовал Н. А. Невскому заняться тангутоведением и снабдил его копиями текстов из собрания П. К. Козлова из Азиатского Музея АН, которые имел при себе в Китае. По крайней мере, это был словарь «Гомофоны» и фрагменты буддийских текстов с тибетской транскрипцией. Кроме того, от акад. С. Ф. Ольденбурга и проф. В. М. Алексеева, также университетского учителя Н. А. Невского, в то время старшего хранителя Азиатского Музея, Н. А. Невский также получил 18 фрагментов тангутских текстов с тибетской транскрипцией. Результатом исследований этих текстов стали две статьи Н. А. Невского, опубликованные в Японии в 1926 и 1928 гг.⁹

Таким образом, благодаря, прежде всего, проф. А. И. Иванову к концу 20-х гг. прошлого столетия изучение тангутских материалов из мертвого города Хара-Хото коллекции П. К. Козлова Азиатского Музея АН с самого начала приобрело международный характер. Прежде всего, для Н. А. Невского, находяще-

гося в то время за рубежом, был открыт доступ к фонду. Невский позже писал: «За последние два года своего пребывания в Японии благодаря любезности акад. С. Ф. Ольденбурга и акад. В. М. Алексеева мною было получено довольно много фотографий с различных тангутских буддийских произведений, хранящихся в Азиатском Музее».¹⁰ Одновременно с Н. А. Невским в Японии активно занялся тангутоведением проф. Исихама Дзюнтаро, коллега по Осацкому институту иностранных языков и неоднократный соавтор Н. А. Невского по публикации тангутских материалов. В течение 1927–1933 гг. был опубликован ряд совместных статей Н. А. Невского и Исихама Дзюнтаро.¹¹

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в работу над материалами тангутской письменности включился молодой талантливый китайский ученый Ван Цзин-жу. В 1930 г. был издан специальный бюллетень Пекинской Национальной библиотеки, посвященный тангутоведению, в котором публикуется совместная работа А. А. Драгунова, Н. А. Невского и Ван Цзин-жу о первых результатах комплексного изучения состава тангутского фонда Азиатского Музея.¹² Начиная с 1930 г. Ван Цзин-жу стал выпускать сборники «Си Ся яньцзю» (Изучение Си Ся). Хотя Н. А. Невский активно участвовал в Специальном бюллетене Пекинской национальной библиотеки, он ничего не опубликовал в «Си Ся яньцзю». В своей статье «Тангутская письменность и ее фонды» Н. А. Невский негативно отозвался о попытках Ван Цзин-жу дешифровать фонетику тангутского языка. «Хотя Ван Цзин-жу и пытается читать многие иероглифы, но чтения эти совершенно не обоснованы, многие из них могут быть названы приблизительно, а некоторые даже просто вымышленными»¹³. Были ли Н. А. Невский и Ван Цзин-жу в научной переписке? Я лично об этом ничего не знаю. Допустимо, что вполне могли быть в самом начале 30-х гг. Н. А. Невский критиковал предложенную Ван Цзин-жу трактовку наименования тангутского государства, опубликованную в первом томе «Си Ся яньцзю».¹⁴ В переписке могла быть научная полемика. Но в архиве Н. А. Невского, возвращенном в Институт востоковедения через несколько месяцев после ареста Н. А. Невского в октябре 1937 г., его личная переписка с родственниками, советскими и зарубежными коллегами отсутствует, ее просто не вернули. А мы знаем, что Невский берег такую переписку по его архиву в Японии, хранящемуся в библиотеке университета Тэнри. Значит, переписка была изъята во время ареста. Я хочу сказать, что в принципе допустимо, что Ван Цзин-жу и Н. А. Невский обменивались письмами. Что касается архива Ван Цзин-жу, то известно, что Ван Цзин-жу жестоко пострадал в годы «культурной революции», как писал один китайский коллега, «прошел через жернова культурной революции», и его личный архив, в том числе и переписку, могла постичь та же судьба, что и личный архив Н. А. Невского. Правда, в 1989 и 1990 гг. я дважды встречался с Ван Цзин-жу, но не помню, чтобы речь заходила о его переписке с Невским.

Общая ситуация 30-х гг. и в СССР, и на международной арене, естественно, отразилась на международных научных контактах. В Ленинграде это было время исключительно интенсивной работы Н. А. Невского над фондом Козлова, обобщившего все то, что было сделано до него, и сделавшего рывок исключительной мощи в установлении состава фонда. Исключительно благоприятным был факт учреждения Института востоковедения АН и включение в него в качестве одной из составных частей Азиатского Музея (1930 г.). На майской сессии Академии Наук в 1930 г. был заслушан доклад акад. В. М. Алексеева «Об организации изучения тангутского фонда в связи с новейшими успехами китайской историографии». В. М. Алексеев поднял вопрос об организации научной экспедиции в Китай для обнаружения возможных потомков тангу-

тов, носителей живого тангутского языка, хотя и изменившегося со временем. Алексева поддержал А. В. Луначарский: «Следует поставить вопрос об экспедициях совершенно практически, экспедиции совершаются на место для того, чтобы исследовать вплотную язык, как тангутский, так и язык родственных ему наречий»¹⁵. Еще было живо представление о возможности научных экспедиций в Китай, как это было до революции и даже в 20-х гг. Но уже наступило новое время, такие экспедиции стали нереальными.

В 1935 г. Ло Чжэнь-юй опубликовал словарь «Гомофоны» из фонда П. К. Козлова.

Невольная пауза в тангутоведческих исследованиях в России и в Китае была заполнена изучением истории дансянов (предков тангутов) и истории Си Ся в Японии проф. Окадзаки Сэйро.¹⁶

В 1960 г. была опубликована «Тангутская филология» Н. А. Невского в 2-х книгах, а в 1962 г. за работы в области тангутоведения Н. А. Невскому посмертно была присуждена Ленинская премия. Акад. Н. И. Конрад, курировавший издание трудов своего коллеги, в том же 1960 г. послал книги Невского в Китай президенту Академии Наук КНР Го Мо-жо. Он ожидал положительных откликов, но в ответ было молчание. Отношения между СССР и КНР, между Н. С. Хрущевым и Мао Цзэ-дуном уже оставляли желать лучшего. Ко всему добавились пограничные проблемы, так называемые «спорные территории» по рекам Уссури и Амур. «Общая площадь земель, на которые предъявил Мао Цзэ-дун свои «исторические права», составила 1540 тыс. кв. км»¹⁷. В августе 1962 г. Мао Цзэ-дун «дал добро» на развертывание пропагандистской компании против «советских ревизионистов».¹⁸

Публикация трудов Н. А. Невского и присуждение ему посмертно за эти труды Ленинской премии обратили особое внимание китайского академического и вузовского руководства на эту область гуманитарных исследований. Был привлечен проф. Ван Цзин-жу, некоторые специалисты по исследованиям комплексов буддийских памятников Дуньхуана и смежных регионов, а также молодежь, в ее числе будущие китайские тангутоведы Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Чэнь Бин-ин и др. Китайцы логично стали искать памятники письменности Си Ся в Дуньхуане в его пещерных храмах (район Дуньхуана входил в состав государства Си Ся), постепенно расширяя регион исследований – Ганьчжоу, Лянчжоу, Линью, горы Хэланьшань. Одновременно стали появляться публикации с утверждениями, что П. К. Козлов «украл», «воровски увез» памятники тангутской письменности и тангутской культуры из Хара-Хото. Как следствие ухудшился отношений между КНР и СССР тангутоведческие исследования в Китае, а затем и в СССР были, в известной мере, политизированы. Речь уже шла не только о «похищенных» памятниках тангутского письма и иконописи, но и о характеристике «статуса» самого тангутского государства Си Ся (982–1227). Автор этих строк подчеркивал его полную независимость от Китая, где правила династия Сун (980–1270), китайские авторы утверждали, что это была «китайская местная отколовшаяся политическая власть», что Си Ся признавало свою зависимость от Китая (статус «чэнь»- «вассала»). Не было единства в обозначении начальной даты появления государства Ся – автор этих строк употреблял и употребляет более раннюю, чем китайцы дату – 982 г., дату, когда часть правящего клана тангутов Вэймин (Нгвем) отказалась признать власть новой китайской династии Сун, а китайская сторона признавала началом Си Ся 1032 г. – год вступления на престол третьего государя Ся Юань-хао или даже 1038 г. – год официального принятия Юань-хао императорского титула. Дошло до того, что автора этих строк, писавшего о государстве Ся как государстве независимом, обвинили, ни много ни мало, в таких тяжких преступлениях, как покушение на территории-

альную целостность КНР и в подрыве единства народов Китая, национальной политики КНР.¹⁹ До этого Хуан Чжэнь-хуа, ныне покойный, хороший русист, с которым я встречался в 1989 г., в 1978 г., обвинил меня в том, что я якобы «захватил», «присвоил себе» лидерство в изучении Си Ся,²⁰ на что я, разумеется, не претендовал и даже искренне полагал, что в то время лидером изучения Си Ся являлся японский проф. Нисида Тацуо. Современные китайские авторы предполагают, что «до 80-х гг. XX в., благодаря наличию письменных памятников, советское тангутоведение занимало соответствующее важное место, после 80-х гг., благодаря изданиям в Китае и за рубежом памятников письменности Си Ся, китайское тангутоведение стало быстро развиваться».²¹

В 60-х гг. события развивались так. В 1960 г. автору этих строк было поручено продолжение инвентаризации оставшейся не разобранный части тангутской коллекции П. К. Козлова. Эта работа была завершена к 1963 г. и был опубликован первый сравнительно полный каталог тангутского фонда.²² Одновременно была организована Тангутская группа в составе К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Тереньева-Катанского. Результатом коллективной работы стала публикация словарей «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории».²³ Эти словари призваны были стать «дополнением к словарю Н. А. Невского и послужить хорошим подспорьем при чтении тангутского текста».²⁴ Через четыре года в Издательстве Академии общественных наук КНР текст был переиздан китайской стороной.²⁵ Предисловие начиналось так: «В начале XI в. этнос дансяны северо-западной части нашего государства создал королевство (ван чао.) Си Ся (1038–1227), государство называлось Великое Ся. «Си Ся» же – это его название при Северной Сун и в следующих поколениях...»²⁶. Текст словаря вместе со всеми другими памятниками Си Ся был «воровски увезен П. К. Козловым, [подданным] царской России, из развалин города Хэйшуйчэн нашего государства».²⁷ Кепинг и Кычанов (имена Колоколова и Тереньева-Катанского опущены) опубликовали «Море письмен» и перевели на русский язык. «При этом они не полностью разобрались в оригинале текста «Вэнь хай», и поэтому допустили сравнительно много ошибок»²⁸ Конкретного перечня их нет. «В русском переводе есть не очень ясные и недостаточно надежные места».²⁹ Сейчас я должен признать, что перевод в основном был сделан мной, и все ошибки мои. Но я отдаю должное китайским коллегам, они отлично понимали, что и они не без греха и признавали, что и в их переводах «есть немало недостатков и ошибок».³⁰ Конкретного перечня их тоже нет.

В это же время появляется несколько историй государства Си Ся. В 1968 г. автор этих строк публикует свой «Очерк истории тангутского государства». Первая история Си Ся на китайском языке издана в Гонконге.³¹ В 1979 г. выходит в свет «Краткая история Си Ся»³², а в 1980 г. капитальный труд проф. У Тянь-чи «Очерк истории Си Ся».³³ Затем в 1997 г. очередная «Краткая история Си Ся» Ли Вэя³⁴ и все завершается в 2005 г. коллективным трудом «Всеобщая история Си Ся».³⁵

В 1964 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения около месяца работал проф. Эрик Гринстед из Скандинавского института востоковедения (Копенгаген). Уроженец Новой Зеландии, выпускник знаменитой Школы востоковедных и африканских штудий, он до переезда в Копенгаген был хранителем тангутских рукописей Британской библиотеки, автором ряда статей по письменным памятникам Си Ся. В 1972 г. он публикует интересную работу «Анализ письма Си Ся»³⁶, в которую включает свой тангутско-английский и англо-тангутский словарь, омофонные группы тангутского языка в фонетической транскрипции, скорописный текст «Сяо цзин» из коллекции

П. К. Козлова, сопровождаемый расшифровкой скорописных знаков письма Си Ся в их стандартной форме написания, успешно продолжив работу, начатую ранее В. С. Колоколовым и Е. И. Кычановым.³⁷

В 1956 г. Институт востоковедения посетил друг Джавахарлара Неру проф. Раху Вира. Лично Н. С. Хрущевым была дана команда содействовать высокому гостю в приобретении коллекции микрофильмов редких рукописей буддийского содержания. В числе отобранных Раху Вира текстов был немало текстов на тангутском языке из коллекции П. К. Козлова. Позже организованная сыном Раху Вира Локеш Чандра Азиатская Академия начала публикацию этих текстов. Локеш Чандра обращался за помощью в осуществлении этого издания ко мне, я не считал себя годным к такой работе и порекомендовал Локеш Чандра проф. Эрика Гринстеда. Трудом Гринстеда было осуществлено многотомное издание «Тангутская Трипитака»³⁸ в предисловии Э. Гринстед высказался за то, что значительная часть тангутских текстов была напечатана подвижным шрифтом. Со временем правильность его суждения находит все большее подтверждение.

В 1978 г. я около месяца работал в Скандинавском институте востоковедения, в основном читая китайские журналы, которые в то время в Союзе были недоступны, не говоря уже о журналах с Тайваня. Это была полезная работа, которая в дальнейшем мне очень помогла в работе над переводом тангутского Кодекса 1149–1169 гг. Столь же полезны были командировки в Японию, в университет Рицумэйкан в 1975 и 1983 гг.

В 1967 г. Ленинградское отделение Института востоковедения впервые посетил проф. Нисида Тацуо. Нисида был живой связью между тангутоведами довоенного и послевоенного времени. Он учился в Осакском институте иностранных языков у проф. Исихама Дзюнтаро, его специализацией являлись тибето-бирманские языки. Поэтому вполне естественно, что он стал тангутоведом–лингвистом. Он участвует в опубликовании шестизычной надписи на воротах Цзюйюнгунань к северу от Пекина.³⁹ В 1964–66 гг. он публикует в двух томах монографию о письме, грамматике, фонетической реконструкции тангутского языка, сопровождаемой словарем.⁴⁰ Это был, безусловно, прорыв в тангутоведении. Надо сказать, что практически одновременно делалась «Грамматика тангутского языка» М. В. Софронова, опубликованная в 1968 г.⁴¹ Некоторое количество первоначального материала были даны М. В. Софронову Е. И. Кычановым⁴² и К. Б. Кепинг, но именно материала, который был исследован и интерпретирован М. В. Софроновым. Фонетическая реконструкция тангутского языка М. В. Софронова отличается от таковой Нисида Тацуо. На данный момент имеется не менее пяти реконструкций языка Си Ся, они отличаются друг от друга. Отсутствие общепринятой реконструкции, графически несложной для воспроизведения, конечно, неудобно для тангутоведческих исследований самого различного плана.

В 1970 г. проф. Нисида Тацуо два месяца работал в ЛО ИВ АН в фонде П. К. Козлова, оказывая нашим сотрудникам некоторую консультативную помощь. Проф. Нисида до выхода на пенсию был заведующим Кафедрой общего языкознания университета Киото, а после выхода на пенсию и некоторого времени работы директором библиотеки университета Киото был приглашен в Токио на работу в Министерство высшего образования Японии. Именно там он добился десятилетнего гранта на совместные исследования японских научных сотрудников и научных сотрудников Филиала Института востоковедения АН рукописных и ксилографических фондов собрания Рукописного отдела Филиала, в первую очередь, уйгурского, тангутского, монгольского и других центрально-азиатских по происхождению. В рамках данного гранта автором

этих строк были изданы в Японии, в университете Киото две монографии – каталог буддийских по содержанию памятников фонда П. К. Козлова⁴³ и словарь тангутского (Си Ся) языка.⁴⁴

Ученик Нисида Тацуо, ныне сотрудник Токийского института иностранных языков Аракава Синтаро, в 80-х гг. в течение двух лет стажировался в Ленинграде и работал над материалами фонда Козлова. Ныне это ведущий японский специалист по тангутоведению, он ежегодно приезжает в Санкт-Петербург для кратковременной работы с тангутскими рукописями. В 1980 г. на годичной стажировке в Ленинграде была американская специалистка по Си Ся Рут Даннел. Она историк, ее перу принадлежит раздел по истории Си Ся в Кембриджской истории Китая, а также две монографии.⁴⁵ В конце 70-х гг. в Университете Индиана (США) получил грант на исследование Си Ся проф. Лук Квантен. Он также посетил Ленинград. Из его работ укажем на исследование словаря «Жемчужина на ладони».⁴⁶

В 1987 г. в Ленинград впервые приехали два ведущих китайских тангутоведа – Ши Цзинь-бо и Ли Фань-вэнь. В числе многих это был знак улучшения советско-китайских отношений. Они познакомились со своими советскими коллегами и фондом и высказали пожелание о совместной работе. Объектом совместной работы должны были стать не только фонд П. К. Козлова, но и материалы дуньхуанской коллекции. С ответными визитами ездили Л. Н. Меньшиков, Ю. А. Петросян, Л. И. Чугуевский, главный редактор издательства восточная литература О. К. Дрейер. Весной 1989 г. для установления более широких контактов с шанхайским издательством «Древняя книга», контактов, которые, возможно, предполагали издание и тангутских текстов, в Шанхай выехали Ю. А. Петросян, Л. Н. Меньшиков и Е. И. Кычанов. Время оказалось не совсем подходящее. В Пекине мы остановились в гостинице неподалеку от площади Тяньаньмэнь. Площадь была беспокойна, там постоянно собирались группы людей, которые обсуждали внутрикитайские проблемы, связанные с предстоящей сменой китайского руководства. В Шанхае, наконец, в общей форме был достигнут вариант соглашения об издании рукописей из Дуньхуана. А в июне произошли известные события на площади Тяньаньмэнь – против занявших площадь студентов были направлены танки. В августе месяцы по программе обмена должен был поехать в КНР кто-то из китаистов. Но не все на это согласились. Случилось так, что поскольку после весенней поездки у меня был в порядке паспорт и прочие нужные для поездки за рубеж документы, поехать предложили мне с целью дальнейшего развития контактов с китайскими тангутоведами. Я не отказался. В Пекине площадь Тяньаньмэнь была закрыта для посещения, важные объекты города охраняли солдаты. Я был принят в Центральном институте национальностей Академии общественных наук и в учебном институте национальностей, встречался с Ши Цзинь-бо и проф. Ван Цзин-жу, а затем впервые посетил бывшую территорию государства Си Ся, г. Иньчуань, где меня принимали проф. Ли Фань-вэнь и другие коллеги. Из Иньчуань я поехал в Ланьчжоу, столицу пров. Ганьсу, где меня принимал также уже известный тангутовед Чэнь Бин-ин, работник провинциального музея. Поскольку перспективы сотрудничества по изданию материалов Си Ся с издательством «Древняя книга» в Шанхае были неопределенны и поступило предложение от издательства «Нинся жэньминь чубаньшэ» издать кое-что в Иньчуань, то по приглашению издательства в 1990 г. в Иньчуань поехали Ю. А. Петросян и я для конкретных переговоров.

Надо сказать, что в Институте не было однозначных мнений по поводу передачи в КНР для издания части дуньхунских и тангутских материалов.

Резоны были у тех, кто возражал. Но были и три соображения, которые принимались во внимание – во-первых, открытие части этих материалов для мировой науки. Далее, хотя не было прямого давления и каких-то указаний в письменном виде, но было очевидно, что во вне академических инстанциях такое содружество по-прежнему рассматривалось как один из путей укрепления отношений с Китаем, и, наконец, к этому времени финансирование Института так сократилось, что требовались какие-то дополнительные средства, чтобы сохранить Институт. Довольно трудные переговоры в Иньчуане завершились тем, что Институт предоставлял издательству Нинся для публикации тангутских материалов на 5–6 томов, а издательство должно было поставить Институту около десятка компьютеров, которых в Институте тогда попросту не было. Речь о деньгах не шла. Однако где-то в середине осени того же года Институт вдруг посетил министр КНР, кажется министр образования, я уже точно не помню, и он сказал, что издательство Нинся провинциальное, слабое и будет лучше, если издание материалов станет осуществлять шанхайское издательство «Древняя книга». Через некоторое время с этим издательством и был заключен договор.

В течение ряда лет в летние месяцы китайские специалисты Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Не Хун-инь, представители издательства «Древняя книга» и фотографы работали в филиале Института востоковедения. В итоге на данный момент вышло в свет 13 томов текстов. Еще два тома, как будто, должны быть опубликованы. Издание оказалось дорогим, убыточным, что в прочем и следовало ожидать. Вряд ли оно будет продолжено, для этого, я думаю, надо заключать новый договор. Кроме того, все эти годы на территории Китая велись поиски текстов на языке Си Ся, в целом довольно успешные. На данный момент издано 30 томов материалов Си Ся и на языке Си Ся, хранящихся в Китае. В Шанхае ни шатко ни валко продолжается подготовка и издание материалов из Хара-Хото, хранящихся в Эрмитаже. В данном случае тоже из Иньчуань было предложение о совместной работе по написанию книги об искусстве Си Ся. Как сказал автору этой статьи Чэнь Ю-нин, один из руководителей исследований Си Ся в Иньчуань, Эрмитаж (или некоторые сотрудники Эрмитажа) «не согласились, но мы обошлись своими силами». В 2010 г. вышла в свет монография Чэнь Ю-нина и его супруги Тан Сяо-фан «История искусства Си Ся», в которой широко использованы и опубликованные ранее материалы из коллекции П. К. Козлова, хранящиеся в Эрмитаже.⁴⁷

Поиски «своих» материалов Си Ся начались с 1964 г. экспедициями в Дуньхуан и Юйлинь, обследованием района Цзюцюань (Ганьчжоу) и Увэй (Лянчжоу), наконец, в 1972–1974 гг. раскопками на кладбище императоров Ся под Иньчуань. В 1983–1984 гг. китайские археологи произвели очередные поисковые работы и раскопки в Хара-Хото, в 1984–86 гг. раскопки в Линьфу (Нинся), продолжались поиски в горах Хэланьшань. Об успехах свидетельствуют разделы о Си Ся в музеях гг. Иньчуань и Увэй, которые мне приходилось видеть. В 2010 г. году мне и И. Ф. Поповой достаточно далеко в пустыне под Хара-Хото показали остатки г. Лючэн, там пока не велись раскопки, поскольку близко нет воды, но невооруженным глазом видно, что могут быть интереснейшие находки, может быть, даже сенсационные. К сожалению, в некоторые захоронения уже пытались проникнуть или даже уже проникали грабители. Я так и не получил удовлетворительных объяснений, почему не продолжается обследование (в том числе и раскопки) огромного по территории кладбища государей Си Ся и их семей.

Удачным в плане совместной работы можно признать проект по изданию текста «Лотосовой сутры» на языке Си Ся. Японская школа буддизма Сока

гаккай почитает «Лотосовую сутру» как основополагающий текст своего учения. У Сока гаккай есть проект издания текстов сутры на всех языках, на всех языках ее перевода с санскрита и китайского. В рамках этого проекта⁴⁸ был опубликован тангутский текст сутры. Основной текст из фонда П. К. Козлова в Институте восточных рукописей РАН подобрал К. Ю. Солонин, тангутовед, специализирующийся по буддизму в Си Ся, сопоставление тангутского и китайского текстов сутры осуществлено Нисида Тацуо. Это роскошное альбомное издание – хороший материал для исследования текста в разных направлениях. Тон задан уже самим Нисида Тацуо публикацией на средства Института философии Востока «Комментариев к переводу «Лотосовой сутры» на⁴⁹ языке Си Ся».

В рамках сотрудничества с Сока гаккай Санкт-Петербургский Филиал ИВ АН в 1992 г. организовал в Токио большую выставку материалов по буддизму из фондов Филиала, сопровождавшуюся научной сессией с докладами российских и японских ученых. Позже усилиями Сока гаккай эта выставка была успешно повторена в Австрии и ФРГ. Предполагалось, что выставка будет показана также во Франции и Италии, но не было достигнуто договоренности на ее проведение между Сока гаккай и администрациями этих стран.

Выставка материалов из Хара-хото, хранящихся в Эрмитаже, с участием Филиала была осуществлена в г. Лугано, Швейцария, в 1994 г. она была повторена на Тайване, Тайбэй. И в Швейцарии, и на Тайване выставки имели большой успех. Велись переговоры и было достигнуто соглашение об организации выставки хранимых в Филиале памятников восточной письменности в главном музее Тайваня Гугун. Был составлен проект выставки, автором этих строк даже осмотрено помещение в Гугуне для размещения выставки, но в последний момент китайская сторона от выставки отказалась. Может быть, это косвенно было связано с тем, что через Посольство Российской Федерации в КНР поступило предложение об организации выставки материалов из фонда П. К. Козлова в Иньчуань. На этот раз от организации выставки отказалось руководство ИВР. Оно справедливо полагало, что должны были быть даны гарантии на уровне правительства КНР, что после закрытия выставки ее материалы будут возвращены в Институт. Китайская сторона предлагала только гарантии со стороны регионального правительства Нинся-мусульманского (Нинся-Хуэйского) автономного района, в условиях не прекращающихся напоминаний о том, что Козлов материалы из Хара-Хото увез произвольно, эти гарантии, естественно, были сочтены недостаточными.

В последние годы часть тангутской коллекции П. К. Козлова в электронном виде помещена на сайте Британской библиотеки. Ведутся переговоры о передаче части материалов в электронном виде Архиву провинции Нинся. Архив полагает, что он мог бы получить в электронном виде весь фонд, но даже при договоренности об оплате и условиях использования архивом Нинся этих материалов реализовать такой план в ближайшие годы невозможно. Большое число рукописной и печатной книги нуждаются в реставрации. Для этого в дополнение к реставрационной мастерской Института следовало бы организовать специальную бригаду, которая проработает не один год. К сожалению, следует признать, что за прошедшие 100 лет ни Азиатский Музей, ни Институт востоковедения не имели необходимых средств для организации широкомасштабных реставрационных работ. Более или менее активно реставрация Тангутского и Дуньхуанского фонда осуществлялась в 60-х – начале 70-х гг., особенно, когда КНР бесплатно выделяла Институту специальную бумагу, необходимую для реставрационных работ. Ныне такую бумагу можно приобрести в Китае и Японии, но за большие деньги, которыми ИВР не располагает.

Требуется и для организации такой работы специальное помещение. В данном случае меценатство, как российское, так и зарубежное было бы не лишним.

В данный момент тангутоведение (изучение Си Ся) набирает в Китае невиданные обороты. Специалистов по Си Ся готовит университет Нинся, состоялся первый выпуск студентов, окончивших университет со специализацией по изучению Си Ся. Подписано соглашение о намерениях по совместному изучению Си Ся между отделом по изучению Си Ся в университете Нинся и Институтом восточных рукописей. В конце октября в Иньчуань, в университете Нинся прошла трехдневная научная конференция по изучению Си Ся, было зарегистрировано 100 участников. Зарубежное тангутоведение представляли четверо русских и один японец. Сразу после этого в Пекине прошла другая международная конференция по исследованиям древних письменностей и памятников письменности народов Китая, в данном случае участие зарубежных ученых было достаточно широким (турки, немцы, японцы, монголы, французы и т. д.). Завершилась конференция международным симпозиумом по тангутоведению, специально приуроченным к 70-летию со дня рождения академика Академии общественных наук КНР, ведущего китайского тангутаеда Ши Цзинь-бо. Помимо Пекина (Институт национальностей и антропологии АОН КНР, учебный Университет национальностей меньшинств) центрами изучения Си Ся являются города Иньчуань, Ланьчжоу, Увэй, группы и отдельные исследователи во Внутренней Монголии, провинции Сычуань, Шаньси, Шэньси, Хэбэй, Гуандун и др. Имеются три периодических издания – «Си Ся яньцзю», «Tangut research», «Си Ся сюе». Следует сказать и о тангутоведении на Тайване. Его лидер академик Академии Синика Гун Хуан-чэн, крупный лингвист, к сожалению, недавно скончался, но там работает Линь Ин-цзинь, может быть, на данный момент лучший знаток грамматики тангутского языка. Они оба не раз посещали ИВР. О том, чтобы мы, японские, европейские и американские коллеги могли тягаться с размахом работ по тангутоведению в Китае, не может быть и речи. Но наше богатство – фонд П. К. Козлова, возможности которого далеко еще не исчерпаны. Требуется, казалось бы, немного. Готовить кадры и разумно распорядиться фондом. Судьба фонда, судьба самого Института восточных рукописей, как и судьба десятков других уникальных собраний гуманитарных институтов Академии наук, о которых власти и не подозревают и ценности которых реально не представляют, зависит от судьбы самой Российской академии наук, нападки на которую продолжаются уже не первый год.

Таким образом, фонд письменных памятников коллекции П. К. Козлова из мертвого города Хара-Хото никогда не был закрыт для международных исследователей. Его исследование всегда имело международный характер. Несмотря на некоторые намеки на то, что П. К. Козлов «похитил» эти материалы, следует подчеркнуть, что все было сделано в рамках действующего в то время международного права. Да и найдя эти материалы, П. К. Козлов не мог оставить их на месте, они были бы попросту растащены и погребены. Тогдашние цинские власти? Но они за несколько лет до этого помогали Аурелю Стейну вести работы в пещерах Дуньхуана, охраняли его и не препятствовали вывозу того, что Стейн вывезти захотел.

Реальная ситуация такова, что Российская Федерация в лице АН и Гос. Эрмитажа обладает уникальной коллекцией материалов по языку, истории и культуре погибшего государства Ся. КНР имеет не менее двух десятков квалифицированных специалистов, которые могут работать с этими материалами, при этом в КНР уже найдено достаточно большое количество своих материалов по Си Ся. Два десятка лет китайцы подчеркивают, что они готовы для совместной работы. Как правило, они понимают это как предоставление им российских

материалов для публикации и исследования. Наладить подлинную совместную исследовательскую работу между китайскими и российскими специалистами в должной мере пока не удавалось. Для этого были и объективные, и субъективные трудности. Китайская сторона стремилась заполучить если не всю, то большую часть коллекции П. К. Козлова. Российская сторона должна охранять свои интересы, изыскивать средства для сохранения фонда, готовить специалистов и налаживать продолжение исследовательских работ. В то же время, рассматриваются разные возможности сотрудничества между нашими учеными. Так, с 2010 г. обсуждается проект сотрудничества между ИВР РАН и Государственным архивом Мусульманского автономного района Нинся, есть также предварительные договоры о сотрудничестве с Университетом Нинся, хотя детали пока не оговаривались. В КНР проводятся регулярные конференции по изучению Си Ся, на которые приглашаются наши ученые за счет китайской стороны, например, в Инчуане (бывшей столице государства тангутов Си Ся), в Пекине – в Центральном институте национальностей при АОН КНР и в Пекинском университете национальных меньшинств Китая, в 2011 г. проводится конференция в Ланьчжоу, провинция Ганьсу). Наконец, 21 сентября 2011 г. в ИВР РАН состоялось открытие Российско-китайского центра тангутоведения, организуемого ИВР РАН совместно с Университетом Нинся (г. Иньчуань, КНР), одним из ведущих научных центров КНР, исследующим историю и язык тангутов.

Забота о тангутском фонде – только часть необходимой государственной заботы о сохранении накопленных Россией за два с лишним века письменных памятников народов Востока. Это не только культура и наука, время от времени та или иная часть собраний приобретает практическое значение для связей с народами Востока, политическое, а иногда и острое политическое значение для интересов нашего государства. Недавние поездки китайских лидеров изучения Си Ся – Ли Фань-вэня, Ши Цзинь-бо – в Японию, Англию, Францию, Германию, США свидетельствуют о том, что китайской стороне желательно знать, как материалы Ся (да и не только Ся, а все материалы, имеющие отношение к прошлому Китая) хранятся в этих странах, какие формы могут быть найдены для учета их в Китае, как эти материалы могут быть использованы в той или другой политической ситуации, как договориться об их публикации и исследовании. Я хочу подчеркнуть, что восточные рукописи, ксилографы, литографии – это не только наука и культура, не только то, что имеет совершенно четкую стоимость по действующим рыночным целям, это и средство политики, организация определенных отношений со странами Востока. В целом же правильная организация совместной работы с нашими коллегами – учеными КНР по изучению фондов П.К. Козлова ИВР РАН может принести прекрасные плоды в деле изучения Си Ся и способствовать дальнейшему укреплению научных и культурных связей между Россией и Китаем.

¹ Т. И. Юсупова. Из Архива РГО : переписка Ц. Г. Бадмажапова и П. К. Козлова // Изв. РГО. 2004. Т. 136. Вып. 2. С. 83

² Там же. С. 88–89.

³ Об А. И. Иванове см.: Е. И. Кычанов. Звучат лишь письмена. М.: ГРВЛ, 1964.

⁴ Ivanov A. Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache // Изв. АН, 1909. С. 1222–1223.

⁵ Laufer B. The Si-hia language, a study in Indo-Chinese philology // T'oung Pao. 1916. Vol. XV11. Ser. 2. P. 1–126.

⁶ Stube R. Die Schriftendenkmaler der His-Hsia // Archiv für Shriftkunde. Leipzig, 1918. S. 51–55.

⁷ О раннем этапе изучения языка и письма Си Ся см.: *Н. А. Невский. Очерк истории тангутского языка // Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. М.: ИВЛ, 1960 Кн. 1. С. 19–32. Там же о статьях А. И. Иванова «Созерцание восхождения Майтрейи на небо Тушита (1916) и на китайском языке «О тангутской письменности» (1929) и статье немецких исследователей А. Бернхарди и Э. фон Цаха «Замечания о письменности и языке Си Ся (1919). См.: также Ши Цзинь-бо, Си Ся сюе бай нянь хуйи (Обзор тангутского языка за сто лет) // Ши Цзинь-бо вэнь цзи (Собрание статей Ши Цзинь-бо). Шанхай, 2003. С. 3.*

⁸ О Н. А. Невском см.: Кычанов Е.И. Звучат лишь письмены. *Л. Л. Громковская. Николай Александрович Невский / Л.Л. Громковская, Е.И. Кычанов. М.: Наука, 1978. Икута Мичико. Нефусуки. Осака, 2003.*

⁹ См.: Тангутская филология. Кн. 1. С. 95–106.

¹⁰ Там же. С. 30–31.

¹¹ См.: Окадаки Сэйро. Жизнь и деятельность Н. А. Невского // Мадо. (Окно). Ежемес. информ. бюл. книгоиздательской фирмы «Наука». 1963. Т. 9. № 1–2. С. 6–12.

¹² Lists of His-Hsia Works in the Asiatic Museum of Academy of Sciences, Leningrad, USSR by A. A. Dragunov, N.A. Nevsky and Wang Jing-ju // Bulletin of the National Library of Peiping. 1930 (issued 1932). Vol. 4. N. P. 367–388.

¹³ Тангутская филология. Кн. 1. С. 79.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ *Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. С. 190.*

¹⁶ См.: Си Ся сюе вэньсянь мулу (Каталог материалов по изучению Си Ся) // Си Ся яньцзю луньвэнь (Статьи по изучению Си Ся). Иньчуань, 1983. С. 332–333.

¹⁷ Границы Китая: история формирования. М., 2000. С. 197.

¹⁸ *Панцов А. Мао Цзэ-дун // Жизнь замечательных людей. Вып. 1251. М., 2007. С. 657.*

¹⁹ Ухань дасюе бао (шэхуй кэсюе бэнь) (Вестн. Уханьского ун-та (обществ. науки). 1982. № 3. С. 157–168.

²⁰ *Хуан Чжэнь-хуа. Пин сулянь цзинь саньши нянь-ды Си Ся сюе яньцзю (Критика советских исследований Си Ся за последние 30 лет) // Шэхуй кэсюе чжань сянь (Фронт общественных наук). 1978. № 2. С. 313.*

²¹ *Ду Цзянь-лу. Бай нянь таньцзю 20 шицзи-ды Си Ся яньцзю (Сто лет поисков. Изучение Си Ся в 20 веке) // Шо Си Ся (Поговорим о Си Ся). Иньчуань, 2008. 12. С. 227.*

²² *Горбачева З.И. Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов (сост.). М.: Изд-во вост. лит., 1963.*

²³ Море письмен. Факсимиле тангутского текста / пер. с тангутского и вступ. статьи и приложения К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. Ч. 1–2 // Письм. пам. Востока. XXV. М., 1969.

²⁴ Море письмен. С. 21.

²⁵ *Ши Цзинь-бо. Вэньхай яньцзю (Исследование Моря письмен) / Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Хуан Чжэнь-хуа. Пекин, 1983.*

²⁶ Там же. С. 1

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 8.

³¹ *Линь Люй-чжи. Си Ся ши (История Си Ся). Гонконг, 1975.*

³² *Чжун Куан. Си Ся цзянь ши / Чжун Куан, У Фэн-юн, Ли Фань-вэнь. Иньчуань, 1979.*

³³ *У Тянь-чи. Си Ся ши гао. Чэнду, 1980.*

³⁴ *Ли Вэй. Цзянь мин Си Ся ши. Пекин, 1997*

³⁵ Си Ся тун ши / глав. ред Ли Фань-вэнь. Иньчуань, 2005 г.

³⁶ Grinstead Eric, Analysis of the Tangut Script // Scandinavian Institute of Asian Studies. Monograph series, N 10. Lund, 1972.

³⁷ Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин) / факсимиле текстов, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. 1У. М., 1966. См.: Таблица скорописных написаний основных элементов тангутских знаков. С. 128–132.

³⁸ The Tangut Tripitaka, vol. Delhi, 1971.

³⁹ Нисида Тацуо. Цзюйюангуань. Си Ся вэнь сяоцзы. Murata Jiro and others. Kyuoyokan, Kyoto, 1957.

- ⁴⁰ *Нисида Тацуо*. Сэйка го-но кэнкю (Исследование языка Си Ся). Киото 1964–1966.
- ⁴¹ *Софронов М.В.* Грамматика тангутского языка. Кн 1–2. М., 1968.
- ⁴² *Кычанов Е. И.* Исследования по фонетике тангутского языка / Е.И. Кычанов, М.В. Софронов. М., 1963.
- ⁴³ Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии Наук / сост. Е. И. Кычанов; вступ. ст. Т. Нисида; изд. подгот. С. Аракава; Ун-т Киото. [Киото], 1999.
- ⁴⁴ Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / сост. Е. И. Кычанов; составитель С. Аракава; Филологические науки, Ун-т Киото; Российская Академия Наук, Санкт-Петербургский филиал Ин-та востоковедения. Киото, 2006.
- ⁴⁵ *Dunnell R.* Tanguts and Tangut state of Ta Hsia. Ann Arbor; Michigan; London, 1983. *Dunnell R.* The Great State of White and High: Buddhism and State Formation in Eleventh Century Xia. Honolulu. 1996.
- ⁴⁶ *Luc Kwanten.* The Timely Pearl. A 12th century Tangut-chinese Glossary. vol 1. The Chinese glosses /Indiana university. Bloomington, 1982.
- ⁴⁷ *Чэнь Ю-нин.* Си Ся ишу ши / Чэнь Ю-нин, Тан Сяо-фан. Шанхай, 2010.
- ⁴⁸ Мяо фа лянхуа цзин. 2002.
- ⁴⁹ *Нисида Тацуо.* Си Ся вэнь «Мяо фа лчньхуа цзин» и чжу (шан). 2010

О китаеведении в Библиотеке Российской академии наук и в Отделе литературы стран Азии и Африки БАН

Из истории китайских фондов в БАН (XVIII в.).

Отдел литературы стран Азии и Африки БАН (ОЛСАА) был открыт в 1953 г. по указу Президиума АН СССР от 1 июля 1953 г.

Однако материалы на китайском языке стали впервые появляться в Библиотеке Российской академии наук еще в начале 30-х гг. XVIII в.¹ Уже в те времена были продуманы и организованы такие необходимые библиотечные процессы, касающиеся китайской литературы, как комплектование, описание и хранение книжных и рукописных фондов на китайском, а также маньчжурском, монгольском («мунгальском») языках (в той мере, в какой это было возможным для раннего периода существования Академии наук и академической библиотеки). В публикациях упоминаются также и собрания тангутских («тангуцких») рукописей (т.е. тибетских – по терминологии XVII–XVIII вв.)². Распоряжения и указы по этому поводу исходили от академического начальства и от высших верховных властей государства. Так, еще 22 января 1727 г. был направлен рескрипт³ от Коллегии иностранных дел за подписью канцлера Головкина и Андрея Остермана, от лица императрицы Екатерины, находившемуся в Пекине С.Л. Владиславичу-Рагузинскому о покупке там китайских словарей («хинские лексиконы, изданные в Пекине») для Академии наук. Был также приложен «реестр» на немецком языке и перевод на русский язык, в который входили два «славных лексикона», которые имеют китайцы на своем языке, а также четыре «зело полезных лексикона», сочиненных иезуитами. Однако это поручение не было выполнено, т.к. Владиславичу-Рагузинскому смогли вручить этот рескрипт уже только на обратном пути из Пекина⁴. Эту задачу смог выполнить позже Лоренц Ланг. В 1715–1735 гг. из России в Китай было направлено шесть дипломатических миссий, участником которых был первый российский резидент (консул) при китайском дворе Лоренц Ланг, инженер по профессии и швед по происхождению. Кстати, еще в 1715 г., до поездки в Китай, И.Л. Ланг уже был читателем БАН (отмечен факт выдачи «писателю и путешественнику Иоганну Лоренцу Лангу (Ланге) словаря Пьера Бейля «Dictionnaire critique et historique», который « на место не вернулся»)⁵. Лоренц Ланг установил контакты с иезуитскими миссионерами в Китае и в 1730 г. (его третья поездка в Пекин была в 1727–1730 гг.) привез из Пекина китайские книги «числом 82 тетради в 8 папках».⁶ Также еще в 1730 г. Лоренцом Лангом были доставлены из Китая китайские словари, составленные иезуитами. Во время поездок Лоренца Ланга был установлен книгообмен с миссией иезуитов, который регулировался не только постановлениями на академическом уровне, но также и предписаниями высших властей государства (самой императрицей, кабинетом Ее Императорского Величества, Сенатом). Начиная с 1734 г., распоряжения и указы о приобретении китайской литературы появлялись весьма регулярно на протяжении XVIII в. (1734, 1735, 1739, 1742, 1747, 1753 и так далее)⁷, что свидетельствовало о планомерности и регулярности этого процесса и большом внимании государства к изучению Китая и формированию для этого книжной и источниковой базы уже в этот период. Приведем некоторые из них: Постановление конференции АН от 7 сентября 1734 г.: Об отправлении [с Л. Лангом] в «иезуитские коллегии» в Китае по одному экземпляру «всех российских книг», изданных в АН⁸; Указ Сената от 24 апреля 1735 г.: Об осмотре изданий АН («книг и гра-

вированных картин») отправляемых с Л. Лангом в Китай для продажи и обмена, и изданий, вывозимых из онаго.⁹ В ноябре 1739 г. в Китай снова были посланы книги из Академии. И, поскольку И.Л. Ланг был уже в это время Иркутским вице-губернатором, то Академия ходатайствовала перед кабинетом е.и.в. о том, чтобы новому директору каравана Фирсову было предписано отвезти книги иезуитам, а также взять для продажи в пути издания Академии наук¹⁰. (За этим последовал соответствующий Указ [Кабинета е.и.в.] от ноября 1739г. : О «предписании» доставить в Пекин для иезуитов книги из АН, понеже от оных в Академию в присылке имеются разные вещи безденежно.¹¹ Еще один Указ Елизаветы Петровны от 10 декабря 1749 г. : Об обмене с «иезуитами в Пекине» книгами и другими предметами.¹² Академия наук посылала в Пекин по три экземпляра своих изданий (по числу иезуитских коллегий в Пекине), каждая из этих коллегий высылала свои издания.^{13,14} Таким образом, в Библиотеку Академии наук стали поступать книги на китайском, маньчжурском языках. Для облегчения провоза книг И.Л. Ланг в 1735 г. просил ходатайства Академии перед правительством о том, чтобы вещи осматривались в дороге лишь один раз. В связи с этим «по ходатайству главного командира Академии» барона И.А. Корфа последовал Указ, по которому книги и гравюры, которые И.Л. Ланг вез в Китай, следовало осмотреть в Тобольске, запечатать правительственной печатью и более уже не осматривать до самой китайской границы. (Это распоряжение не касалось книг, продаваемых в дороге). Те же вещи и книги, которые И. Л. Ланг повезет из Китая, «после осмотра и запечатания на границе, не осматривать до Петербурга»¹⁵. Позже, помимо книгообмена, делались также и закупки китайских книг, в том числе – у частных лиц, иногда книги поступали в порядке конфискации, что упомянуто, например, в Приказе и.д. директора АН Шумахера от 6 сентября 1742 г. : О назначении прапорщика Россохина «для разбора» китайских книг из «конфискованных библиотек».¹⁶ Пятьдесят две книги на китайском и маньчжурском языках были приобретены в 1741 г. и у самого Россохина, который вывез их из Пекина, и еще пятьдесят пять книг – после его смерти в 1761г. у его вдовы.¹⁷ Россохин также был посредником в получении книг от иезуитской коллегии в Пекине в 1747 и 1756 гг. Отмечается, что маньчжурские книги из коллекции Россохина, хранящиеся в настоящее время в Рукописном отделе ИВР РАН, отличаются качеством более старой печати и имеют его собственные владельческие записи.¹⁸ В 1753 г. с торговым караваном в Китай был послан академический лекарь Франц (Лука) Елачич. В связи с этим была издана Инструкция АН от 3 апреля 1753 г. «каравану в Пекин» под руководством Ф. Елачича, в которой, помимо прочего, говорилось и о закупке в Китае «исторических и философских книг», отсутствующих в библиотеке АН.¹⁹ (То есть, уже существовал вполне целенаправленный отбор китайской литературы по определенным параметрам). Аннотированный список книг, необходимых для восполнения академической коллекции после пожара 1747 г., был составлен Россохиным²⁰.

Приобретались также и книги о Китае, в том числе и у частных лиц (см., например, Приказ «главного командира» АН И. Корфа от 3 марта 1740 г.: О выплате 50 р. «инженеру Шварцу» за сочиненную им книгу «Описание о Китае с разными ландкартами», поступившую в библиотеку АН.²¹ Также случались и дары. Так, в августе 1748 г. академик Г.Ф. Миллер передал в дар Библиотеке Академии наук рукопись «История и описание Китайского государства» на русском языке.²²

Уже тогда в Библиотеке АН серьезное внимание уделялось обработке китайских книг, также выполнялись переводы китайских книг, которые передавали затем в библиотеку. Эту работу делали такие уважаемые в истории китае-

ведения специалисты, как уже упоминавшийся Ларион (Илларион) Калинович Россохин (1717–1761) и Алексей Леонтьевич Леонтьев (1716–1786). Ларион (Илларион) Калинович Россохин, ученик Второй Пекинской духовной миссии (1729–1735 гг.), первый русский переводчик с маньчжурского и китайского языков, был зачислен в Академию наук в 1741 г. (был также и сотрудником БАН). А.Л. Леонтьев был учеником при Третьей Пекинской миссии (1736–1743 гг.), впоследствии переводчиком при Коллегии иностранных дел в Петербурге. Их деятельность также направлялась официальными указами, в частности: Приказ из «Канцелярии АН» от 10 апреля 1747 г.: О поручении Россохину «описания» китайских книг, присланных в АН иезуитами из Пекина;²³ Постановление Конференции АН от 27 ноября 1783 г.: О передаче в библиотеку АН «переводов по Китаю», выполненных [переводчиком] Коллегии иностранных дел Леонтьевым²⁴). В библиотеке также заботились о надлежащем хранении книг из Китая – изготовлялись переплеты (см., например, Приказ [и.д. президента] АН А. Нартова от 19 апреля 1743 г.: Об изготовлении переплета для «маньчжурского языка придворной печати книги», переведенной «на российский диалект» Россохиным – «между положенными на него делами».²⁵

Китайские книги демонстрировались иностранным гостям библиотеки. Так, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 12 июля 1748 г. появилось сообщение о «посещении мальтийским кавалером, маркизом Заграмозо, графом Гамильтоном и другими лицами императорской библиотеки и Кунсткамеры в доме дворян Демидовых»²⁶. Им были показаны книги по истории, астрономии и архитектуре, напечатанные в Китае на китайском и маньчжурском языках, а переводчик Россохин рассказал гостям содержание некоторых из них. Как сообщали «Ведомости», гости «немало удивились порядочному расположению, учиненному чрез такое краткое время после пожара, множеству книг и натуральных и художественных вещей»²⁷. Еще ранее «Петр Великий изволил господина Шумахера пожаловать своим библиотекарем, и в сем звании послал его в Париж в 1722 году для вручения от Высочайшего Его Имени в подарок тамошней Академии новой карты Каспийского моря и Тангутских [т.е. тибетских] писем».²⁸

Также в академической типографии были сделаны попытки печати с использованием иероглифов. В 1732 г. китайское посольство, находящееся в Петербурге²⁹, посетило 6 июня Академию наук. Гостям были показаны коллекции на восточных языках и типография, были преподнесены дары, среди которых было и первое китаеведческое издание, выполненное в России – «Museum Sinicum» Г.Т. Байера. От имени китайского посольства была преподнесена благодарственная грамота, которую отпечатали в типографии Академии наук на китайском, русском и латинском языках.

Уже начиная с последней четверти XVIII в. стали выходить в свет печатные труды (в том числе, и библиографические пособия), в которых были отражены восточные книги. Всего с 1776 до 1818 гг. вышло в свет четыре таких работы: в 1776 (переиздание в 1777 и 1779), 1793 (переиздание в 1800), 1794 и 1818 гг.

Первое издание – «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей...», подготовленный унтер-библиотекарем Иоганом Бакмейстером, вышел в свет сначала на французском языке³⁰ к 50-летию Петербургской АН в 1776 г., затем переиздан в 1777 г. на немецком языке и в 1779 г. на русском языке.³¹ Работа Бакмейстера имеет скорее описательный характер и не является настоящим библиографическим трудом, хотя и включает элементы библиографического пособия. В ней имеются исторические очерки, разные сведения по истории академической Библиотеки. Вместе с тем, в ней отмечены и разные редкости, выборочно

включены наиболее значимые книги и рукописи, хранящиеся в БАН и Кунсткамере. Особо сказано о китайских книгах, «которые за редкостью своею в Европе причислены к рукописным», даны некоторые сведения об истории их приобретения³² и описания³³. Представлен выборочно перечень книг на китайском и маньчжурском языках³⁴ (семьдесят два названия) на основе росписей Россохина и Леонтьева и рукописей на тангутском и монгольском (мунгальском) языках. Перечень предваряется замечанием о том, что «роспись оных сочинена была покойным Россохиным и господином Коллегии иностранных дел секретарем Леонтьевым, которые оба жили несколько лет в Китае».³⁵ Россохин подготовил уже упоминавшийся список книг для руководства в приобретении китайских книг Елачичем во время его поездки в Китай («Каталог китайским и маньчжурским книгам, которые находятся в Санкт Петербургской Императорской Академии Наук в Библиотеке, и оных книг покупать не надлежит»). А. Леонтьев выполнил роспись книг, которые были приобретены Елачичем и после него под названием «Реестр китайским и маньчжурским книгам находящимся в библиотеке Академии наук, собранный Коллегии Иностранных дел секретарем Алексеем Леонтьевым» (существует в рукописи). Сделана попытка передать заглавия книг в своего рода транслитерации кириллицей (которая для современного специалиста выглядит весьма необычно), с переводом на русский язык. Книги классифицированы по пяти разделам: а) философские (философические) книги, среди которых – сочинения Конфуция и Лао-цзы (в тексте : Кюндсидсягюю, разговоры славного Философа Кюндфюдси, размышления Философа Лудсия о разных предметах), б) исторические и географические (в том числе – переведенное Л. (И.) К. Россохиным и А.Л. Леонтьевым «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в осьми знаменах состоящего» и изданное в переводе на русский язык в С.-Петербурге в 1784 г. в 17 тт.), в) математические, г) лечебные, д) словесные, включая словари и грамматики. Подробно описано, как и где они хранятся.

Следующий каталог китайских и маньчжурских книг («О собранных при здешней Академии наук книг на китайском, маньчжурском, монгольском и японском языках»³⁶) был опубликован в трех выпусках журнала «Journal von Russland» в 1794 г., издаваемом Иоганном Буссе. Историк Иоганн Фридрих (Иван Фомич) Буссе (1763–1835) поступил в 1788 г. Библиотеку АН на должность унтер-библиотекаря и в 1795 г. был избран адъюнктом, почетный член Петербургской академии наук, директор Библиотеки АН в 1797–1799 гг.³⁷ В свой каталог он включил описания 176 китайских и 26 маньчжурских книг (данных о монгольских и японских книгах не было). Во введении в качестве составителя каталога назван лишь А.Л. Леонтьев. Но фактически в каталог была включена на немецком языке роспись Россохина и Леонтьева, из которой в каталог Бакмейстера попала выборочно лишь часть книг.³⁸ Классификация книг была более подробной. Третья библиографическая работа – «Роспись книгам в имп. Академии наук находящихся»³⁹ была подготовлена в виде таблицы и помещена в книге О. П. Беляева «Кабинет Петра Великого», издавалась дважды почти без изменений в 1793 и 1800 гг. Осип Петрович Беляев (?–1857) был студентом Академии наук, затем переводчиком, помощником библиотекаря⁴⁰. Его «роспись» включала 236 названий китайских и маньчжурских книг, распределенных по восьми разрядам (236 папок и 2800 книг (тетрадей?) в «оных папках содержащихся»). В ходе передачи книг из академической библиотеки и Кунсткамеры во вновь создаваемый Азиатский музей в 1818 г. по распоряжению министра просвещения С.С. Уварова был издан «Каталог китайским и японским книгам в Библиотеке имп. Академии наук хранящимся»,⁴¹ составленный переводчиками Государственной коллегии иностранных дел, китаеводами Павлом

Каменским и Степаном Липовцовым. Можно также упомянуть и рукописный каталог китайских и маньчжурских книг, составленный в 1810 г. Юлиусом Клапротом и хранящийся в Национальной библиотеке в Париже, его копия, сделанная С. Жюльеном, передана в Азиатский музей в 1841 г. В него могли войти книги Алексея Парышева, бывшего ученика Шестой духовной миссии (1771–1781 гг.) и впоследствии переводчика при иркутском губернаторе Якоби.⁴² Наряду с книгами и рукописями на китайском языке в XVIII в. в БАН приобретались также и издания по китаеведению. Преимущественно это книги, входившие в состав частных библиотек, поступивших в БАН, что, кстати, характеризует и огромный интерес к Китаю в российском обществе уже в ту эпоху. Это библиотеки Петра Великого, известных русских государственных деятелей.⁴³ Среди их владельцев – переводчик Посольского приказа, впоследствии глава почт России и затем глава Сибирского приказа, выходец из Амстердама А.А. Виниус, доктор философии и медицины, президент Аптекарского приказа, шотландец по происхождению Р.К. Арескин, сподвижники Петра дипломат П.П. Шафиров и Я.В. Брюс, дипломат и государственный деятель, посланник в Константинополе Д.М. Голицын, дипломат, посланник в Персии и кабинет-министр А.П. Волынский, его единомышленник, капитан флота и горный инженер, советник адмиралтейской канторы А.Ф. Хрущов, вице-президент Коллегии иностранных дел А.И. Остерман, вице-президент Синода Феофилакт Лопатинский, сотрудник БАН Г. Пашке. В большинстве частных библиотек (включая библиотеку Петра) имелись, например, «Описания второго и третьего посольств в Китай» Даппера (Амстердам, 1671), описания посольств в Китай Нихова (Амстердам, 1668), сочинение Избранта, ездившего с русским посольством в Китай в 1692 г., первоначально изданное на Западе на разных языках (в библиотеке Петра было амстердамское издание 1704 г. на голландском языке, в библиотеках Виниуса, Шафирова, Остермана – на французском языке, в библиотеке Брюса – на немецком, Питкейна – на английском).

В конце 1818 г. в Императорской Академии Наук на базе коллекций Кунсткамеры и Библиотеки был выделен Азиатский музей (АМ), и большая часть изданий на восточных языках и по Востоку из основного фонда БАН была передана в библиотеку АМ, включая также китайские и китаеведческие материалы.⁴⁴ В дальнейшем, в течение XIX – первой половины XX в. в Петербурге (Ленинграде) комплектование литературы на китайском языке и ее хранение в системе АН осуществлялось только в библиотеке АМ (в дальнейшем – ИВАН, ИНА, ЛО ИВАН и СПб ФИВРАН, в настоящее время – Институт восточных рукописей РАН (ИВР)). Это уникальная богатейшая библиотека, насчитывающая общим числом более 600 тыс. книг, среди которых есть значительное количество особо ценных и редких изданий⁴⁵.

Основание ОЛСАА БАН. Организация фондов на китайском языке.

В конце 40 – начале 50-х гг. на волне национально-освободительного движения и образования новых независимых государств в странах Азии и Африки, развития в них науки, издательской деятельности в Москве и Ленинграде стали создаваться специализированные отделы литературы стран Азии и Африки. Таким образом, в академической системе в Ленинграде – Петербурге стали функционировать два востоковедных библиотечных подразделения – при ЛО ИВАН и ОЛСАА в БАН. В отличие от традиционной академической библиотеки при ИВАН (ИВР), ориентированной, прежде всего, на изучение классических памятников, древних и средневековых источников, в ОЛСАА большое внимание уделялось приобретению новой и новейшей литературы (но также выборочно комплектовалась и классическая литература). Помимо изданий гуманитарного

профиля приобретались также печатные труды в области естественных и точных наук. В связи с образованием в 1949 г. КНР и особым характером отношений в этот период между СССР и КНР большое внимание в наших библиотеках уделялось комплектованию именно китайской литературы. Во многом с ориентацией на Китай создавался и специализированный отдел в БАН. Первоначально в Научно-библиографическом отделе БАН была организована группа подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам, которую возглавлял Георгий Яковлевич Смолин. Реферативный сборник «Современная китайская литература по общественным наукам» издавался совместно с ФБОН АН СССР (в настоящее время ИНИОН РАН) и выходил шесть раз в год. Сборник включал рефераты публикаций по истории, экономике, философии, археологии, филологии и другим гуманитарным дисциплинам⁴⁶. В ходе реферативной работы был накоплен определенный фонд литературы на китайском языке, послуживший основой для вновь созданного в 1953 г. ОЛСАА, в котором продолжила свою работу группа подготовки рефератов (вплоть до ее расформирования к середине 60-х гг.). При организации отдела также были учтены особенности читательского спроса в тот период. В СССР обучалось огромное количество китайских студентов, именно они составляли большую часть читателей. Поэтому в виде исключения отдел академической библиотеки уже тогда был открыт для студентов (это правило действует и в настоящее время). Для зарубежного комплектования фондов ОЛСАА могли использоваться три основных источника: международный книгообмен, закупки литературы, выставки и дары. Главным источником комплектования китайской литературы в тот период был международный книгообмен. В эти годы Библиотека АН получала значительное финансирование для целей международного книгообмена, большое значение придавалось формированию китайского фонда. Весьма показательны цифры, которые приводит в своей статье Г.Я. Смолин: так, если в 1948 г. Библиотекой РАН в Китай было послано всего 34 издания, то в 1949 г. – уже 5914 томов, а в 1955 г. – 71070. В свою очередь были велики и поступления из КНР: например, в 1953 г. было получено из Китая 9244 экземпляра изданий, в 1955 г. – 18520 (!) экземпляров изданий⁴⁷. Количество академических и неакадемических учреждений, а также библиотек Китая, с которыми БАН поддерживала книгообмен, возросло с 14 в 1948 г. до 126 в 1954 г.⁴⁸ В основном в 50-е – начале 60-х гг. была сформирована значительная часть фонда китайских монографий, периодики и справочной литературы (на тот период – самый большой в Ленинграде фонд китайских монографий периода КНР). Также, по оценке специалистов, в отделе было собрано наиболее значительное в Ленинграде (Петербурге) собрание переводов русской классики на китайский язык, изданных как в КНР, так и в СССР. Каталогизация монографий осуществлялась по правилам описания литературы на восточных языках, разработанным РГБ в сотрудничестве с другими крупными библиотеками (включая БАН). Описание состояло из трех частей: текст на национальном языке, его транскрипция (транслитерация) в кириллице и перевод заглавия на русский язык (при необходимости – с краткой аннотацией). Помимо контрольных топографического и служебного алфавитного каталогов, карточки были отражены также в читательском алфавитном и систематическом каталогах в читальном зале ОЛСАА. Дополнительно в Генеральный алфавитный каталог передавалась карточка, если было параллельное заглавие или параллельный титульный лист на западноевропейских языках.

После определенного «затишья» 70 – начала 80-х гг. наступило оживление с конца 80-х гг. прошлого века. Большое количество современных и классических изданий оказалось возможным приобрести через книжные магази-

ны «Мир» (в Ленинграде – Петербурге) и «Дружба» (в Москве). Также возобновились оживленные контакты с учреждениями КНР, прежде всего, с Центром документации и информации Академии общественных наук КНР (ЦДИ АОН КНР). В 1990–1991 гг. состоялся обмен книжными выставками между БАН и ЦДИ АОН КНР, был подписан Протокол намерений о сотрудничестве. Впоследствии коллеги из ЦДИ АОН КНР еще не раз привозили выставки книжной литературы в БАН. Все это серьезно способствовало пополнению фондов ОЛСАА новыми ценными изданиями на китайском языке и ознакомлению китайских ученых с нашими научными изданиями. В области комплектования периодики по-прежнему основным источником является книгообмен. В настоящее время китайский фонд является самым большим в отделе по количеству монографий (свыше 20 тыс. названий). В фонде широко представлены сочинения китайских авторов разных эпох практически по всем отраслям знания⁴⁹. Имеются сочинения по филологическим наукам и истории: комментированные издания памятников классической китайской литературы, а также исторические хроники, энциклопедии, образцы современной художественной литературы, филологические исследования. К числу наиболее интересных изданий можно отнести шесть видов так называемых библиотек-серий «Цуншу», считающихся в Китае самыми полными. В собрание письменных памятников «Цуншу» часто входит большое число тетрадей, сшитых традиционным китайским способом прошивной брошюровки, есть и просто книги. Все шесть собраний снабжены комментариями. Среди них можно особо отметить серию «Сокровища полного собрания книг по 4 разделам» («Сокровища из собрания «Сыку Цюаньшу чжэньбэнь чуцзи»), которая включает важнейшие памятники китайской литературы. Другая библиотека-серия – «Книжное собрание по четырем разделам «Сыбу цуншу». В ОЛСАА также есть часть из собранных остатков погибшей Энциклопедии эры правления Юнлэ (Юнлэ дадянь), вошедших в 215 папок-томов, включающих древние книги по различным отраслям знания. Они представляют несомненную ценность для ученых. В отделе литературы стран Азии и Африки хранится также и наиболее значительное по объему из всех дошедших до нас систематизированных справочных пособий по памятникам письменности «Полное собрание книг с древности до наших дней» (Гу цзинь тушу цичэн). Среди исторических сочинений энциклопедического характера следует отметить собрание исторических документов «Сокровища библиотек» (Цэ фу юань гуй). Собрание этой энциклопедии было задумано сунским монархом с целью сохранения поучительных записей предшествующих эпох. Важным источником исторической информации является сочинение «Правдивые записи всех царствований Великой Цинской династии» (Да цин личао шилу). В период СССР имелось только два комплекта этого выдающегося сочинения (оба в отделе литературы стран Азии и Африки БАН). Среди новых приобретений можно отметить шанхайское издание 1987 года «Двадцати пяти династийных историй» (Эршиу ши) в 12-ти томах. Это 25 хроник императорских династий. Хроники состоят из 3249 глав, в которых освещаются различные события нескольких тысячелетий. В китайском фонде широко представлены также выдающиеся современные китайские писатели: Чжан Сянлян, Цзян Цзылун, Дэн Юмэй, Гао Ян. Справочная литература на китайском языке включает почти тысячу монографий. Особого внимания заслуживает «Большой словарь китайской письменности» (Чжунвэнь да цыдянь), изданный на Тайване в 1962 г. Это самый полный словарь китайского языка, насчитывающий 40 томов. Главное внимание в словаре уделяется письменному языку, начиная с его истоков. Помимо лексического материала даются

сведения об исторических деятелях, географические названия, наименования должностей чиновников. Перечислены все наиболее значительные памятники китайской письменности с краткой аннотацией, описаны книжные собрания и библиотеки. В СНГ имеется лишь два экземпляра этого словаря – в Москве и в С.-Петербурге. Ценными лексикографическими трудами являются также четырехтомный словарь «Цыюань» (Источник), изданный в 1984 г., и «Цыхай» («Море слов») 1987 г. издания, значительно расширенный за счет современной лексики. По мере издания в отдел поступали также очередные тома «Большого словаря иероглифов китайского языка» (Ханьюй дацзыдянь) в 6 томах и «Большого словаря слов китайского языка» (Ханьюй да цыдянь) в 13 томах, а также тома «Большой китайской энциклопедии» (Чжунго да байкэ цюаньшу). В фонде имеется много полезных пособий по изучению китайского языка, в том числе с приложением аудиовизуальных материалов. В разделе «Искусство» следует отметить альбомы традиционной китайской живописи высокополиграфического исполнения. Особого внимания заслуживают сочинения по традиционной китайской медицине, по традиционным боевым искусствам Китая: военной гимнастике тай цзи, кунфу, школе военного искусства «Мэйшань», кулачному бой шаолинь, а также, созданной на основе классических видов борьбы, дыхательной гимнастике цигун. По просьбе сотрудников отдела были присланы новые словари. Из последних поступлений можно также особо отметить издания, посвященные 30-летию китайских реформ. Фонд китайской периодики насчитывает 749 наименований журналов по разным отраслям естественно-технических и общественных наук.

Об изданиях по китаеведению на русском и западноевропейских языках и о рукописных материалах в БАН.

В БАН также имеются издания на русском и западноевропейских языках по китаеведению, включающие монографии и литературу справочного характера, картографические материалы. В ОЛСАА, а также в основном фонде и фондах специализированных отделов БАН (Отдел редкой книги, Отдел Русского Зарубежья, сектор картографии и фонд Бэра основного фонда) хорошо представлены русское классическое китаеведение, ранние западноевропейские издания, публикации русской эмиграции в Китае, картография по Китаю. Это труды известных русских востоковедов, изданные в Петербурге, Москве, Казани, городах Сибири и Дальнего Востока, Пекине, и т.д. Среди них можно выделить сочинения знаменитых китаеведов, членов Православной духовной миссии в Пекине (в том числе, труды о. Иакинфа (Бичурина), архимандрита Палладия (Кафарова) и др.). В этих фондах немало книг с описаниями путешествий по Китаю, Монголии, Манчжурии, Тибету известных русских исследователей, труды лингвистов – в том числе, специалиста в области сравнительного языкознания китаеведа и японоведа Е.Д. Поливанова, географа и историка Н.В. Кюнера и других. Также имеются комментированные переводы с китайского языка на русский и западноевропейские языки классических текстов, грамматик, словарей, исторических и политико-экономических исследований, дневников, записок и пр. В Отделе рукописей БАН также хранится несколько списков знаменитого труда Николая Спафария о дипломатическом путешествии в Китай.⁵⁰ Сведения о двух из них вошли в опубликованные описания рукописных фондов БАН (список последней четверти XVII в. и список 50-х гг. XVIII в.).⁵¹ Еще три рукописи отмечены в карточном каталоге НИОР БАН. Выше упоминались ранние западноевропейские издания по Китаю, поступившие в БАН в XVIII в., в том числе и в составе частных библиотек (Петра Великого, вельмож и известных государственных деятелей), которые находятся в Отделе редкой

книги и в фонде К.М. Бэра. Это, преимущественно, исторические и географические сочинения, описания путешествий, труды о Конфуции на латинском языке и по буддизму. В БАН осуществляется изучение и научное издание каталогов этих библиотек.⁵²

Можно также отметить, что в начале 90-х гг. спецхран БАН был преобразован в Отдел Русского зарубежья, в составе которого имеются и издания русской эмиграции в Китае (выставка этих изданий была организована в 1996 г.). Также в начале 90-х гг. происходила передача литературы из спецхрана в основной и специализированные фонды БАН. В частности, в ОЛСАА были переданы обычные по содержанию китайские естественнонаучные журналы (например, по биологии), единственной «крамолы» в которых был портрет Мао Цзедуна. Представление о картографических материалах БАН по Китаю можно получить из статьи О.А. Красниковой в настоящем сборнике.

Научно-библиографическая работа.

Как отмечалось, группа подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам прекратила свое существование в середине 60-х гг. Однако в Отделе была продолжена и получила дальнейшее развитие научно-библиографическая и информационно-библиографическая работа. В течение 60–90-х гг. в ОЛСАА было подготовлено и издано четыре каталога периодических изданий стран Азии и Африки по общественным и естественным наукам в фондах БАН и других научных библиотеках Ленинграда /Петербурга^{53, 54}, два выпуска каталога справочных изданий по зарубежным фондам библиотек Петербурга с 1945 по 1968 гг. и с 1969 по 1990 г.,^{55, 56} последнее издание получило 1-ю премию за лучшее библиографическое пособие на конкурсе РАН в 1994 г. В этих каталогах большой объем материала посвящен Китаю. С начала 90-х гг. в Отделе ведется большая работа по подготовке библиографического пособия по теме «Россия и Китай, XVII – начало XXI в.», которая была начата как совместное предприятие с библиотекой и Институтом новой истории АОН КНР. В настоящее время отдельные выпуски ее близятся к завершению. Немного об истории подготовки этого издания. На рубеже 80–90-х гг. прошлого века впервые после длительного перерыва возобновились контакты между Библиотекой РАН и академическими учреждениями КНР. В 1990–1991 гг. состоялся обмен книжными выставками и делегациями между БАН и Центром документации и информации Академии общественных наук КНР (ЦДИ АОН КНР). В делегацию ЦДИ, которая посетила Ленинград в 1990 г., входили сотрудники ЦДИ и ряда библиотек при институтах АОН, среди которых был и Чжоу Синьминь из Института новой истории (впоследствии, один из гл. редакторов изданного в КНР каталога печатных материалов на китайском языке по русско-китайским отношениям, см. ниже), возглавлял делегацию русист по образованию, старший научный сотрудник ЦДИ, проф. Юй Дунлинь. В конце 50-х гг. прошлого века проф. Юй Дунлинь и его супруга Чжан Фуин закончили русское отделение филологического факультета ЛГУ. Во время визита китайской делегации в 1990 г. в Ленинград в Библиотеке РАН китайским коллегам было сделано предложение обсудить возможности совместной библиографической работы по подготовке каталога по истории русско-китайских отношений. Институт новой истории АОН КНР и библиотека при нем были рекомендованы в качестве партнеров с китайской стороны в соответствии с профилем работы Института. Во время ответного визита делегации БАН в Пекин в мае 1991 г. во главе с директором БАН, д.п.н. проф. В.П. Леоновым, в Институте новой истории состоялось обсуждение возможностей совместной работы и проспекта каталога, был подготовлен проект Протокола о намерениях сотрудничества

в области совместной подготовки каталога по истории русско-китайских отношений, который был окончательно согласован и подписан в октябре 1991 г. в (уже) С.-Петербурге, куда приезжали директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн (в то время – исп. обязанности директора) и заместитель директора Сюй Хуйци.⁵⁷ Руководителями проекта стали с нашей стороны – директор Библиотеки РАН проф. В.П.Леонов и с китайской стороны – директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн. В качестве консультантов по подготовке проспекта каталога и систематизации материала принимали участие преподаватели кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ проф. Г.Я. Смолин, доц. Н.А. Самойлов и проф. Б.Г. Доронин, об этой работе был проинформирован акад. В.С. Мясников, который высказал свои замечания. Первоначальное название каталога было «Русско-китайские отношения. Советско-китайские отношения, XVII в. – 90-е гг. XX в. : сводный каталог библиотек Санкт-Петербурга и Пекина». Проект предусматривал работу по единой схеме, включение материалов одного вида и типа и затем самостоятельное, но одновременное издание в Пекине и СПб обоих томов и обмен пятьюдесятью экземплярами между партнерами. Предполагалось, что по тематике каталог будет ограничен наиболее традиционными для такого вида работ вопросами отношений в области политики и экономики, отчасти культуры, предусматривались и лексикографические труды. Что касается охвата библиотечных фондов, то планировалось включить библиотеки Санкт-Петербурга и Пекина. Наконец, планировалось для «петербургской» части каталога включать издания на русском, западноевропейских и китайском языках (к чему мы предполагали приступить после ознакомления с материалами китайских коллег), а что касается «пекинской» части каталога, то она предусматривала охват материалов на китайском, японском и русском языках (издания русской эмиграции). Однако жизнь внесла свои, весьма серьезные, коррективы (по некоторым параметрам – в сторону ограничения, а по некоторым – в сторону расширения). Пришлось ограничиться для «петербургской» части публикациями только на русском языке (за редкими исключениями), а в «китайской» – публикациями только на китайском (хотя в предварительных схемах систематизации материала была отдельная рубрикация для публикаций на японском языке); далее, по «петербургской» части каталога работа велась, прежде всего, по фондам БАН (в главном здании и частично – в библиотеке при ИВР (тогда ПФ ИВРАН), с указанием sigлы отдела и шифра. Помимо каталогов БАН, естественно, привлекались всевозможные библиографические, справочные и исследовательские печатные материалы, отражавшие публикации, не всегда представленные в БАН. Таким образом, собранный материал оказался значительно шире фондов БАН (что, видимо, потребует оговорить в предисловии или переименовать каталог в указатель). В «китайской» части – с одной стороны, помимо Пекина, включены материалы ряда библиотек китайских провинций, но, с другой стороны, включались не все пекинские библиотеки. Наконец, в «петербургской» части произошли изменения по отношению к тематическому подходу. Уже на первом этапе работы (1992/1993 гг.) с систематическим каталогом изданий по востоковедению на русском и западноевропейских языках в отделе БАН при ПФ ИВРАН (ИВР РАН), который включал также роспись статей, был выявлен настолько многообразный и богатый пласт публикаций по самым разным аспектам, который вполне вписывался в проблематику контактов России и Китая, что показалось необходимым отобразить это в каталоге, в частности, в таких сферах, как искусство, философия, язык и литература, экспедиции и путешествия, а также естественные науки и медицина и т.д. (Работа с системати-

ческим каталогом библиотеки при ИВР РАН, в котором есть также и элементы предметного каталога, была довольно поучительна). Поэтому в основу новой схемы каталога были положены рубрики, отображающие контакты и взаимодействия в разных областях науки и человеческой деятельности, о чем мы сообщили нашим китайским коллегам (отчасти при создании рубрикатора использовались наработки отечественных библиографов по созданию Библиотечно-библиографической классификации (ББК). Позже, с учетом особой интенсивности исследований по русско-китайским отношениям в последние годы, было решено также добавить, по возможности, публикации начала XXI в (ориентировочно по 2010 г.). Поэтому было несколько изменено и название этой работы («Россия и Китай, XVII – начало XXI в.»). К этой теме примыкают также исследования, связанные с изучением образа Китая в России и, соответственно, образа России в Китае. (Методологически в этом направлении отмечают два аспекта – государственно-политический и на уровне обыденного сознания (см., напр., статью Е.И. Кычанова⁵⁸). В разных областях знания также получают все большее распространение сопоставительные исследования, которые также должны быть учтены в библиографическом издании. Эти компаративные исследования осуществляются преимущественно, в области языкознания, литературоведения, искусствоведения, экономики, юриспруденции, политологии, например, сравнения политической и правовой систем в КНР и в России, в этнопсихологии и социологии, например, «Этнические проявления психологической защиты (на примере изучения русских и китайских выпускников ВУЗов)». В течение XX в. в китаеведении появились новые направления – тангутика (тангутоведение), дунхуановедение, ицзинистика, даология, выделилась в самостоятельное направление маньчжуристика. Можно отметить интенсивность изучения в настоящее время в КНР России. В нашей литературе утвердился термин для обозначения комплексного изучения России – *россиеведение*. В работах наших ученых уделяется самое серьезное внимание состоянию китайского россиеведения. Все это также должно быть отражено в библиографическом пособии. В процессе работы мы обменивались информацией с китайскими коллегами при помощи переписки и в ходе устных консультаций. В частности, 29 июля 1996 г. состоялась третья рабочая встреча сотрудников БАН с группой историков из АОН КНР, в состав которой входили зав. Отделом истории отношений Китая с зарубежными странами, ведущий науч. сотр. Института новой истории Сюе Сяньтянь, который руководил группой по подготовке каталога (впоследствии также один из гл. редакторов каталога), науч. сотр. Института мировой истории Вэнь И и науч. сотр. Института современного Китая Ли Даньхуэй (было подтверждено, в частности, включение в работу справочных изданий). Наши коллеги (главным образом, проф. Сюе Сяньтянь) неоднократно также присылали в БАН для ознакомления свои варианты систематизации материала, что во многом было для нас полезным. Так, можно отметить некоторые особенности классификации в схеме для китайской периодики (еще в 1999г.)⁵⁹, которые в целом сохранились в окончательном издании: 1) особо рассматриваются последние события в СССР и России, сопоставление реформ в КНР и России, современные отношения РФ и КНР, в том числе, в контексте мировой политики (напр., разделы: «Распад СССР, влияние его последствий на обстановку в мире и Китай»; «Анализ реформ в Китае и России»; «Взаимоотношения стратегического партнерства Китая и России», «Взаимоотношения Китая с Россией и страны Средней Азии», «Взаимоотношения Китая с Россией и страны Северо-восточного Азиатского региона» и т.д. – по разным периодам; 2) очень подробно показаны вопросы границы между Китаем и Россией (напр., такие разделы, как: «История наро-

дов, населяющих районы китайско-русской границы», «Русские исследования китайских пограничных районов», «Проблемы китайско-русской границы», «Китайско-русский пограничный конфликт», «История пограничных отношений в районах китайско-русской границы (история китайской границы, история Сибири и Дальнего Востока Советской России»; 3) подробно даны персоналии участников русско-китайских отношений (Персоналии в истории китайско-русских отношений, персоналии Китая, персоналии Советской России»). В Пекине работа велась по первоначально предполагаемой тематике и была издана в 2002 г. в г. Чэнду под названием (в пер.) : «Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17–20 в. / гл. ред.: Сюе Сяньтянь, Чжоу Синьминь; редкол.: Чжан Хайпэн (пред.), Сюй Хуэйци (зам. пред.) и др. – Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. – 617 с. (то же в транскрипции: Чжун э гуаньси: чжунвэнь вэньсянь мулу (17–20 шицзи) /гл. ред.: Сюе Сяньтянь, Чжоу Синьминь; редкол.: Чжан Хайпэн (пред.), Сюй Хуэйци (зам. пред.) и др. – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2002. – 617 с.)⁶⁰. Несколько экземпляров его было прислано в Библиотеку РАН. В каталоге, подготовленном китайскими коллегами, отражено свыше 7000 названий, в том числе, 3300 книг, 3700 статей, проработано 600 журналов. Китайское издание включает, во-первых, краткое предисловие [Сюйянь]⁶¹, в котором даются общие сведения о работе, перечень участников и обследованных библиотек, и, во-вторых, более обширное введение [Цяньянь]⁶², в котором довольно подробно излагаются подходы к составлению каталога, история изучения и оценка русско-китайских отношений в китайской историографии, в том числе и на Тайване, структура каталога. Как говорилось выше, китайские составители помимо Пекина включили также библиотеки некоторых провинций. Публикации профессора Сюе Сяньтяня в настоящее время периодически появляются в наших изданиях (напр., в журнале «Проблемы Дальнего Востока»⁶³). Он же является автором одного из предисловий для русского издания вышедшей в 2010 г. в переводе на русский язык монографии китайской исследовательницы Ван Ци (по вопросам Восточного участка российско-китайской границы).⁶⁴ В этой же монографии Ван Ци имеется ссылка на отбор Сюе Сяньтянем и Чжоу Синьмином для вышеуказанного каталога «7148 наименований книг и статей на китайском языке о двусторонних китайско-российских отношениях в XVII–XX веках, систематизированных по 30 темам (включая проблему Восточного участка китайско-российской границы)». По мнению китайской исследовательницы, «каталог оказал огромную помощь в изучении проблемы Восточного участка китайско-российской границы». Что касается нашей работы по теме «Россия и Китай», то ввиду большого объема собранных материалов на русском языке принято решение издавать ее отдельными выпусками. В настоящее время в ОЛСАА БАН близится к завершению подготовка первых выпусков – по истории китаеведения в России и о российских путешествиях и экспедициях в Китай. В ОЛСАА с 2006 г. работы библиографического плана издаются в серии «Библиография Востока».

В области информационно-библиографической работы особое внимание уделяется созданию электронной базы данных китайской периодики и китайских монографий (подготовлена БД китайской периодики в Excel, создается БД китайских монографий в «Ирбис-64»). Также важное место в работе китаеведов отдела всегда занимала организация книжно-иллюстративных выставок по Китаю (в том числе: «Китайский поэт Ду Фу (712–770): к 2275-летию со дня рождения», «Издательская деятельность КНР в 80–90-е гг. XX в. : к 39-годовщине образования КНР» (800 печат. ед.), «Китай в популярных и научно-художественных изданиях XIX – начале XX в.», «Отечественные публикации

по истории русско-китайских связей на рубеже XX–XXI вв.), «Издания КНР начала XXI в.» и др.).

Научная работа.

В ОЛСАА БАН проводится научно-исследовательская работа по темам: «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки» (с 90-х гг. XX в. она трансформировалась в тему «Восток и книга») и «Раскрытие историко-культурных фондов БАН и других библиотек С.-Петербурга» по направлениям «Россия и Восток», «Духовная культура Востока». По этим темам проводятся конференции, издаются сборники статей. В частности, в сборниках отдела «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки»⁶⁵, а также сборниках БАН были опубликованы статьи о национальной библиографии в КНР, об Обязательном экземпляре в КНР, об опыте работы современных китайских библиотек, реформах в области издательского дела КНР в 80-е гг. XX в., об альбомах китайской живописи в фондах БАН, вопросах сохранности фондов в китайских книгохранилищах и т.д. Материалы по Китаю также прозвучали на юбилейных конференциях отдела «Восток и книга» в 1993 и 2003 г. и также были включены в сб. статей отдела. С докладами по информатике на юбилейной конференции 1993 г. выступили гости из КНР – проф. Се Цзили из Китайского Народного университета (о системе информационной работы в Китайском Народном Университете), проф. Чжао Гоци и Мэн Цихай – из ЦДИ АОН КНР (о разработке теории и методики общественно-научной информации в Китае и об организации библиотек сети Академии общественных наук КНР). В 1999 г. в БАН было проведено заседание секции «Россия и «Китай» в рамках городской конференции, посвященной 50-й годовщине образования КНР (материалы вошли в сб. тр. конф., изданный СПбГУ)⁶⁶, в 2003 г. состоялась конференция «Россия и Китай» в связи с юбилеем отдела (часть материалов была опубликована в «Вестн. Вост. ин-та»⁶⁷). Среди наиболее заметных издательских проектов последних лет по Китаю – выход в свет в 2009 г. сборника научных статей «Россия и Китай»⁶⁸ и издание впервые в 2010 г. книги акад. В.М. Алексева «Рабочая библиография китаиста»⁶⁹ (ответственный составитель обоих изданий Т.И. Виноградова). В сборник «Россия и Китай» вошли публикации петербургских, московских и зарубежных китаеведов по методике изучения русско-китайских отношений, архивные изыскания, статьи по проблемам политики и общества, искусству и литературе, а также персоналия. «Рабочая библиография китаиста», написанная крупнейшим синологом с мировым именем В.М. Алексеевым, является первой рекомендательной библиографией синологической литературы. Это издание также включает обширную статью акад. Б.Л. Рифтина о новейшей справочной литературе по китаистике. В 2011 г. эта книга была удостоена премии за лучший издательский проект. Два последних издания вышли в свет в так называемой «зеленой серии» БАН «*Rara orientalia*» («Восточные редкости»), которая ставит своей задачей издание в БАН материалов по Востоку. (Выше уже упоминалась работа по подготовке библиографического пособия «Россия и Китай (XVII – начало XXI в.)»).

Сотрудники.

Следует сказать о сотрудниках отдела, усилиями которых создавалось и продолжает развиваться китаеведческое направление в ОЛСАА БАН.

Представители старшего поколения китаистов отдела учились на Восточном факультете ЛГУ в конце сороковых – начале пятидесятых годов и застали, можно сказать, золотой век нашего востоковедения. Среди китаистов

в то время преподавали акад. В.М. Алексеев, проф. Г. Ф. Смыкалов, экономист проф. В.М. Штейн, начинали работать молодые талантливые выходцы из русского Китая В. А. Вельгус, Н. А. Спешнев. Традиционное классическое преподавание на Восточном факультете ЛГУ не только давало широкое восточное образование, но и с самого начала позволяло и даже вынуждало погружаться в мир Востока. Особое внимание уже с первого курса уделялось чтению классических текстов (для китаистов – с комментариями такого ученого, как В.М. Алексеев, по воспоминаниям его учеников, иногда небольшой отрывок читался и «разбирался» в течение нескольких месяцев). Учили относиться с уважением к тем, кого изучаешь. Приучали к тщательности, дотошности, научной добросовестности. К тому же это был период особенно тесных отношений с Народным Китаем.

Как уже отмечалось, первыми сотрудниками-китаеводами были члены группы подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам, которую в 1953–1960 гг. возглавлял китаевед, историк-медиевист **Георгий Яковлевич Смолин** (1930–2011). Г.Я. Смолин окончил восточный факультет в 1953 г. Георгий Яковлевич оставил заметный след в БАН, после защиты кандидатской диссертации он был ученым секретарем БАН (1960–1962 гг.). С 1962 г. работал на Восточном факультете. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в.». Д.и.н. профессор Смолин с 1981 по 1997 гг. возглавлял кафедру истории стран Дальнего Востока на Восточном факультете ЛГУ – СПбГУ. При этом Георгий Яковлевич всегда продолжал поддерживать тесные отношения с БАН и Отделом, долго был членом Ученого совета Библиотеки РАН, во многом при его участии и поддержке решались многие важные и принципиальные для Отдела вопросы, в том числе кадровые, в области научной и библиографической работы. С самого начала в группе рефератов работали также китаеведы к.и.н. **Иосиф Владимирович Кудрин**, **Игорь Иванович Тутов** и **к.ф.н. Софья Михайловна Кочетова**. После расформирования группы В.И. Кудрин работал в Отделе систематизации БАН, оказывал консультативную помощь сотрудникам ОЛСАА в реорганизации систематического каталога восточноведной литературы по библиотечно-библиографической классификации. И.И. Тутов перешел на некоторое время в Отдел Советского комплектования БАН, а в последствии работал переводчиком-информатором японской технической литературы. С. М. Кочетова работала в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

Первым библиотечным работником-китаеведом в ОЛСАА была **Нина Ивановна Дерябина**. Она пришла в Отдел вскоре после его основания, когда официально назначенного заведующего отделом еще не было. Работу отдела курировал зам. директора по научной работе А.Х. Рафиков, вместе с ним Нина Ивановна фактически делала первые важные шаги по созданию Отдела, читального зала и проявляла во всем большую ответственность и организованность. Впоследствии работала в качестве заведующей библиотекой Ленинградского отделения Института этнографии АН (сейчас МАЭ РАН). В области комплектования китайской литературы активно и плодотворно работал сотрудник Отдела комплектования иностранной литературы БАН (ОКИЛ) китаевед-историк **Борис Григорьевич Доронин**. Б.Г. Доронин поступил на работу в сектор Международного книгообмена ОКИЛ в марте 1955 г. после окончания аспирантуры на Восточном факультете ЛГУ и проработал там 13 лет. С января 1968 г. он стал преподавать на кафедре истории стран Дальнего Востока Восточного факультета. Впоследствии стал доктором исторических наук, профессором кафедр, специалистом в области историографии и источниковедения

Китай. В 50–60-е гг., в том числе, во многом благодаря и его усилиям и энтузиазму, БАН удалось сформировать интересный и представительный китайский фонд. В период работы Б.Г. Доронина на Восточном факультете контакты с Борисом Григорьевичем сохранились, и сотрудники Отдела неоднократно прибегали к его содействию и консультациям по разным вопросам – в области библиографической работы, комплектования, непосредственным связям с китайскими учреждениями и т. д.

Непродолжительное время в отделе работали **Т.А. Тарасова** и **Л. И. Павловская** (1926–2002). Впоследствии Т.А. Тарасова перешла на работу в Гос. ин-т бытовой химии (ГИПХ), где была переводчиком-информатором японской технической литературы, оставаясь постоянным читателем отдела и до сих пор читателем БАН, Л.И. Павловская перешла на работу в ЛО ИВАН, в 1975 г. защитила там диссертацию на тему: «Пинхуа – народно-исторический роман (на материале «Заново составленного пинхуа по истории пяти династий»). (Очень недолго в отделе также работали **В. Полякова** и **Н. Башкина**, которые ушли из востоковедения).

Сотрудниками-китаеводами, проработавшими в Отделе практически всю трудовую жизнь и внесшими особенно весомый вклад в его работу, были китаеведы-филологи Елена Александровна Крылова (1929–2006), Татьяна Николаевна Холмовская и уроженка Китая Нажина Костюченко (Нажингова Фу).

Елена Александровна Крылова (1929–2005) была одним из старейших сотрудников отдела. Она поступила на работу в БАН в 1955 г. и была у истоков основания отдела, одним из его организаторов. Е. А. Крылова была одним из наиболее знающих, добросовестных и творческих работников библиотеки. Е.А. Крылова закончила школу с золотой медалью и поступила на Восточный факультет ЛГУ, который она закончила также с отличием в 1953 г. по отделению китайской филологии. После университета Елена Александровна работала некоторое время в Туркестанском военном округе, затем преподавала английский язык в школе в пос. Курковицы Ленинградской области, в 1955 г. поступила на работу в ОЛСАА БАН. В 70–80-е гг. она работала также переводчиком-информатором с японского языка, а в начале 90-х снова пришла в свой отдел в академическую библиотеку. Это был период, когда вновь активизировались отношения с Китаем, в больших количествах стала поступать литература на китайском языке. Елена Александровна долгое время была основным каталогизатором китайских монографий отдела, участвовала в подготовке выставок и конференций, проводила увлекательные и насыщенные информацией экскурсии для студентов Восточного факультета СПбГУ, принимала участие на начальном этапе в библиографической работе по теме «Россия и Китай». Знающий китаевед, широко образованный человек и прекрасный библиотекарь, Е. А. Крылова также была великолепным редактором и стилистом. Она легко находила общий язык с молодыми сотрудниками, к ней привычно обращались за практическими и научными советами. Ее особенно увлекала тема популяризации в России знаний о Китае и о Востоке в целом, изучение в этих целях старых изданий, того, как в них «показывали» Восток для «рядового читателя», «обывателя», каким виделся Восток в восприятии не только специалиста-востоковеда или профессионального путешественника, но и глазами рядового гражданина Российской империи. По этой теме ею были подготовлены книжно-иллюстративные выставки, сделан доклад, а затем и статья на основе семейного архива.⁷⁰ Она была также совершенно незаменима при общении с иностранными гостями библиотеки. В ее гостеприимном доме на Фонтанке (угол Невского) с видом на Аничков дворец часто прини-

мались иностранные гости отдела. Наши коллеги из Библиотеки Академии общественных наук КНР, как правило, пользовались гостеприимством Елены Александровны. Мне кажется, ее возможности как китаеведа, к сожалению, остались во многом не реализованными.

Нажина Костюченко (Нажингова Фу) поступила на работу в ОЛСАА БАН в 1958 г. До этого она закончила Пекинский Институт иностранных языков по специальности «русский язык» и работала в качестве переводчика с русского языка в разных учреждениях КНР (Общество Китайско-советской дружбы в г. Баотоу, Агентство Синьхуа, г. Пекин). В ОЛСАА БАН Нажина Костюченко занималась каталогизацией и комплектованием китайской, монгольской и вьетнамской литературы, принимала участие по этим направлениям в подготовке библиографических пособий, имеет публикации по раскрытию историко-культурных фондов отдела и о библиотечном деле в КНР в период реформ. После выхода на пенсию в 1992 г. продолжает поддерживать контакты с отделом, оказывает помощь в приеме китайских делегаций. Более подробно о Нажине Костюченко – см. в статье в настоящем сборнике, посвященной ей в связи с ее юбилеем.

Татьяна Николаевна Холмовская стала работать в ОЛСАА с 1960 г. После окончания средней школы в 1947 г. она поступила на Восточный факультет ЛГУ, который закончила с отличием и продолжила учебу в аспирантуре по китайскому языкознанию («Включающее предложение в современном китайском языке»), имеет публикации по этой теме. Также у нее были опубликованы перевод китайской сказки, ее перевод о китайском огнестрельном оружии вошел в ее совместную статью с В.Б. Виллинбаховым, которая упоминается в недавнем издании «Духовная культура Китая» (2010. Т. 5)⁷¹, а статья по грамматике вошла в список использованной литературы в недавнем грамматическом исследовании,⁷² ее публикации по китайскому синтаксису были включены в список рекомендательной литературы для студентов ЛГУ. После окончания аспирантуры Татьяна Николаевна преподавала русский язык китайским учащимся, некоторое время работала в библиотеке Восточного факультета, входившей в состав Научной библиотеки им. А. М. Горького при ЛГУ, а в 1960 г. пришла на работу в ОЛСАА в группу подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам. Несколько позже Татьяна Николаевна переключилась на работу, связанную с подготовкой аннотированных списков японских журналов по естественным наукам, приобрела ценный опыт библиографической работы в процессе подготовки изданий отдела по справочным и журнальным фондам научных библиотек Ленинграда по Востоку. В течение почти 12 лет, с 1975 г. до марта 1987 г., Татьяна Николаевна возглавляла Отдел литературы стран Азии и Африки БАН. Этот период совпал с получением Библиотекой РАН статуса научно-исследовательского института. От отдела потребовались поиски новых направлений работы. Татьяна Николаевна совместно с заместителем директора БАН Ксенией Владимировной Лютовой активно занялась продвижением в отделе научной тематики, связанной с изучением национальной библиографии, издательской деятельности и библиотечного дела стран Азии и Африки. Под руководством К.В. Лютовой и Т.Н. Холмовской в 1985 г. был издан первый сборник научных трудов «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки». Сотрудники отдела стали участвовать в конференциях по этой тематике, в частности, сама Татьяна Николаевна успешно выступила на I-й Всесоюзной конференции по обязательному экземпляру. Эта чрезвычайно важная и полезная работа дала толчок к дальнейшему развитию в отделе научно-исследовательской работы, связанной с изучением

восточной книги, историко-культурных фондов. Татьяна Николаевна способствовала подготовке диссертаций сотрудниками отдела, отдавала много внимания и энергии воспитанию молодых кадров. (В частности, для автора настоящей статьи в дальнейшей работе оказались весьма полезными знания и навыки научной систематизации литературы, приобретенные в ходе порученной ей Татьяной Николаевной работы по систематизации русскоязычных и западноевропейских востоковедных фондов отдела по схеме Библиотечно-библиографической классификации). Татьяна Николаевна, будучи человеком чрезвычайно пунктуальным, внимательным и организованным, много сил уделяла также упорядочению документации отдела. Она успешно продолжила традиционную для отдела работу по подготовке каталогов по периодическим изданиям и справочной литературе в иностранных фондах библиотек Петербурга. Так, важным завершающим этапом в административной деятельности Татьяны Николаевны была большая подготовительная работа к изданию второго выпуска «Каталога справочной литературы по странам Азии и Африки. Иностранные фонды БАН и ГПБ», который включал публикации 1968–1984 гг. После выхода на пенсию Татьяна Николаевна продолжала оставаться ответственным редактором каталога. Он вышел в свет в 1992 г., а в 1994 г. получил I премию на конкурсе работ по библиографии и библиотекведению в Российской академии наук. В начале 90-х гг. Т.Н. Холмовская принимала участие в каталогизации в РНБ личной библиотеки выдающегося китаеведа (и своего сокурсника) В.В. Петрова, поступившей в фонды ОЛСАА РНБ. С осени 1996 г. Татьяна Николаевна продолжила сотрудничество со своим отделом, активно подключившись к участию в библиографической работе ОЛСАА БАН по подготовке библиографического пособия «Россия и Китай. XVII – начало XXI в.». Т.Н. Холмовской была проделана большая работа по подготовке этого труда. Ею собран многообразный материал по разным направлениям русско-китайских связей. Так, следует особенно отметить проделанную ею работу по разделу «Переводы китайской литературы на русский язык». На данном этапе работы Татьяна Николаевна выявила практически все новые публикации до начала 2000-х гг., не вошедшие в изданные до того библиографические указатели по этой теме. Она также принимает активное участие в методической работе по каталогу, разработке схемы систематизации. Татьяна Николаевна настояла на росписи практически всех имеющихся библиографических изданий для раздела «Персоналии». Ею также была добавлена обязательная рубрика по истории той или иной области изучения Китая в России (филологии, истории и т.д.). Эти предложения были приняты. В настоящее время Т.Н. Холмовская самым активным образом участвует в подготовке первого выпуска библиографического издания «Россия и Китай» – «Российское китаеведение». В ходе работы по каталогу ею были опубликованы статьи об имеющихся в фондах БАН изданиях переводов китайской литературы на русский язык и об истории переводов,⁷³ о преподавании русского языка в Китае.⁷⁴ Ею также был сделан перевод краткого «Предисловия» [Сюйянь] к китайскому изданию каталога по русско-китайским отношениям.

В конце 80-х – начале 90-х гг. в Отдел пришло новое поколение китаистов – выпускников кафедры истории стран Дальнего Востока. С 1987г. в ОЛСАА БАН работает китаевед-историк **Владимир Егорович Шишкин**. Это время совпало с возобновлением и оживлением после долгого перерыва контактов с КНР. Первые годы В.Е. Шишкин много занимался обработкой китайских монографий, которые вновь начали поступать в Отдел. Но особенно ярким и значительным моментом в его тогдашней «библиотечной» биографии было комплектование китайской литературой. В.Е. Шишкин и работавшая тогда в библиотеке

ЛО ИВАН известный специалист-переводчик китайской литературы Изольда Эмильевна Циперович на добровольных началах консультировали сотрудников существовавшего тогда в Ленинграде магазина книги социалистических стран «Мир» и благодаря этому обстоятельству могли отбирать в свои отделы значительное количество китайской литературы. Оба проявляли огромный энтузиазм и не жалели ни времени, ни сил. В 1987 г. Владимир Егорович за свой счет съездил в Москву, когда узнал о поступлении в аналогичный книжный магазин в Москве «Дружба» большой коллекции китайской литературы в связи с 39-й годовщиной КНР и убедил сотрудников магазина в целесообразности приобретения коллекции полностью БАН. К годовщине образования КНР в БАН состоялось торжественное открытие выставки (свыше 800 печатных единиц), на котором присутствовала атташе по культуре Генерального Консульства КНР в Ленинграде. После длительного перерыва это был первый визит официального представителя КНР в БАН. В.Е. Шишкин прошел обучение в аспирантуре ЛГИК (по истории книгоиздательского дела в КНР в период реформ 80–90-х гг. прошлого века), имеет публикации по этой теме, в течение года преподавал русский язык в г. Ланьчжоу (КНР). Он прекрасно владеет китайским языком (одинаково уверенно в области как устных, так и письменных переводов). С начала 90-х гг., когда в БАН расширились контакты с учреждениями Китая, Владимир Егорович стал совершенно не заменим в качестве переводчика и сопровождающего делегаций. Он участвовал в переговорах по обсуждению и заключению документов о сотрудничестве с ЦДИ АОН КНР и по подготовке Протокола о намерениях и проспекта библиографического пособия «Россия и Китай» с Институтом новой истории АОН КНР, переводил тексты договоров, материалы по этому изданию – письма из КНР, схемы по систематизации, довольно объемное Введение [Цяньянь] к изданному в Китае каталогу по русско-китайским отношениям, посвященное истории изучения в Китае русско-китайских связей и некоторым базовым подходам в подготовке каталога. В 2009 г. в БАН было осуществлено впервые в России переиздание альбома В. Жиганова «Русские в Шанхае». ⁷⁵ В.Е. Шишкин также принял некоторое участие в этой работе в качестве переводчика текста предисловия на китайский язык. Он с увлечением отнесся к внедрению компьютерной техники в отдел, в настоящее время в основном занимается созданием электронной БД фондов китайской периодики и китайских монографий. В.Е. Шишкин также периодически привлекается к участию в ответственных мероприятиях Санкт-Петербурга в области российско-китайских связей. Так, он участвовал в качестве соведущего и переводчика в представлении нашим зрителям оперы *Повесть о девушке Мулань* в Мариинском театре осенью 2010 г., в качестве переводчика – в переговорах мэра Пекина (Го Цзиньлун) с правительством Санкт-Петербурга. ⁷⁶

В 90-е гг. в Отделе также работали молодые выпускники кафедры истории стран Дальнего Востока китаеведы **Дарья Владимировна Руденко** и **Анастасия Жановна Жукова (Тойберт)**, монголовед **Елена Борисовна Федотова** и монголовед-тибетолог **Екатерина Николаевна Афонина** (до поступления на Восточный факультет университета Д.В. Руденко и Е.Б. Федотова окончили специализированный китайский интернат). Д.В. Руденко и А.Ж. Тойберт проходили практику в КНР в конце 80-х гг. (в Пекине и Чунцине), в отделе занимались, в основном, каталогизацией китайской литературы, активно участвовали в приеме китайских делегаций. У них были также свои научные интересы – А.Ж. Тойберт занималась изучением русско-китайских отношений периода переговоров по КВЖД и материалов по Ли Хунчжану, Д.В. Руденко – историографией Китая по вопросам модернизации второй

половины XIX в.⁷⁷ Е.Б. Федотова и, позже, Е.Н. Афонина, наряду с каталогизацией монгольского фонда, вели фонд китайской периодики. А.Ж. Тойберт, Д.В. Руденко и Е.Н. Афонина в той или иной степени принимали участие и в библиографической работе по теме «Россия и Китай» (в том числе – поиск материалов по топографическому каталогу в библиотеке в СПбФ ИВРАН, роспись периодических изданий). К сожалению, в силу разных обстоятельств эти энергичные и толковые сотрудники впоследствии ушли из отдела. Также в 90-е гг. (с 1993 по 1997 гг.) в ОЛСАА работала **Г.П. Максимова**, китаевед по образованию и до поступления на работу в отдел – многолетний читатель ОЛСАА БАН (как переводчик-информатор по японской технической литературе в Институте (КБ) аналитического приборостроения АН). Она первоначально (в 1993–1995 гг.) занималась обработкой китайских и других газет отдела, а затем некоторое время занималась библиографической работой по теме «Россия и Китай» (в частности, составление картотеки по Русскому зарубежью по фондам бывшего Спецхрана, в настоящее время – Отдел Русского зарубежья БАН, по диссертации Г.Б. Киселевой⁷⁸ и пр.). Около двенадцати лет (с 1995 г. до 2007 г.) в Отделе также работал талантливый выпускник кафедры истории Средних веков исторического факультета СПбГУ д.и.н. **Николай Сергеевич Горелов** (1983–2008), специализировавшийся в области истории изучения контактов Европы и Востока. В 2006 г. он защитил докторскую диссертацию по теме : «Восток в европейской средневековой традиции : формирование представлений и стереотипов», в которой также рассматривались материалы, относящиеся к Китаю. В отделе Н.С. Горелов занимался комплектованием литературы для фонда по востоковедению на русском и западноевропейских языках. Он был неизменным участником всех конференций и сборников Отдела по темам «Россия и Восток», «Книга на Востоке», широко привлекая, в том числе, и материалы по Китаю, активно участвовал в подготовке конференций и выставок. Всегда охотно и квалифицированно консультировал коллег по разным вопросам историографии и источниковедения стран Востока, помогал сориентироваться в многообразии публикаций по мировой истории и культуре. Его статья вошла в настоящий сборник.

С 2005 г. по 2011 гг. в плановой работе отдела по теме «Россия и Восток» (включая и Китай) принимала участие канд. филос. наук **Татьяна Николаева Лебединская**. Т.Н. Лебединская еще с 70-х гг. стала изучать особенности культурных связей и взаимовлияний Востока с европейскими культурами, в тот период – преимущественно арабско-украинские связи и отчасти арабско-русские связи (О.И. Сенковский). В 2006 г. она приняла участие во II Международной конференции «Россия и тюркский мир», организованной совместно ОЛСАА БАН и Востфаком СПбГУ. В соответствии с планом ОЛСАА Т.Н. Лебединская занималась росписью популярных, художественных и иллюстративных периодических изданий XIXв., отбирая публикации по Востоку, в т.ч. и по Китаю, которые до сих пор не получили отражения в имеющихся библиографических трудах. В ОЛСАА БАН планируется к изданию при ее участии библиографический указатель «Восток в журнале “Библиотека для чтения”» и публикация выполненной ею росписи журнала «Всемирная иллюстрация (1869–1898)» по теме «Китай и русско-китайские связи» в одном из следующих сборников. В 2007 г. в Отдел пришла в качестве заведующей китаевед, к.и.н. **Татьяна Игоревна Виноградова**. Т.И. Виноградова закончила Восточный факультет СПбГУ по кафедре китайской филологии в 1984 г. и почти сразу после его окончания начала работать в системе БАН. После непродолжительной работы в Генеральном каталоге Татьяна Игоревна стала работать как китаевед в библиотеке Ленинградского (Петербургского) филиала Института востоковедения АН

СССР (в настоящее время Институт восточных рукописей РАН), пройдя все ступени работы для сотрудника-китаеведа в научной библиотеке – инвентаризатор китайских фондов, каталогизатор, зав. сектором, научный сотрудник. В 2000 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Китайский народный театр на китайской народной картине (театральные *няньхуа* как источник изучения традиционной культуры Китая)». Придя в ОЛСАА, Т.И. Виноградова стала уделять особенно серьезное внимание организационным вопросам по актуальной в настоящее время проблеме – подготовке электронных баз данных востоковедных фондов отдела (в том числе и участвуя лично в каталогизации и создании БД фондов на китайском и корейском языках и приобретении грантов по этой теме). Также Т.И. Виноградовой осуществляются важные издательские проекты. Так, еще в бытность свою в библиотеке ИВР она подготовила к изданию специальный выпуск Вестника Восточного института, посвященный переводчику китайской литературы и сотруднику библиотеки ПФ ИВРАН китаеведу И.Э. Циперович (2001)⁷⁹. Работая в ОЛСАА БАН, Т.И. Виноградова подготовила в качестве ответственного составителя и автора предисловия уже упоминавшийся выше сборник научных статей «Россия и Китай» (2009)⁸⁰. Также в 2010 г. при активном участии Т.И. Виноградовой было, наконец, осуществлено издание труда акад. В.М. Алексеева «Рабочая библиография китаиста»⁸¹, долгое время пролежавшего в архиве (для этого издания Т.И. Виноградова подготовила объемный справочный аппарат, была составителем книги и автором предисловия от составителя). Собственные научные интересы Т.И. Виноградовой связаны преимущественно с исследованием китайского искусства (народная картина – *няньхуа*) и истории китайской книги. В 2012 г. планируется в свет выход ее монографии «Китайская литературная иллюстрация». Т.И. Виноградова имеет около 40 публикаций, ежегодно представляет БАН на международных, всероссийских и городских конференциях, в том числе «Общество и государство в Китае» в ИВАН в Москве, «Историография и источниковедение стран Азии и Африки» и «Литературы стран Дальнего Востока» на Восточном факультете СПбГУ, участвует в конференциях БАН (по сохранности фондов и др.). Она также активно работает в области международных контактов, приеме китайских делегаций, что по-прежнему остается актуальным для отдела. Т.И. Виноградова является членом Европейской ассоциации библиотекарей-синологов. В 2009 г. она вместе с китаеведом из Москвы акад. Б. Л. Рифтиным (ИМЛИ) и преподавателями СПбГУ проф. Н.А. Спешневым и доц. А.А. Родионовым представляла нашу страну на конференции в г. Тяньцзинь (КНР) «Литература – мост, связывающий души китайского и русского народов». На этой конференции Т.И. Виноградова выступила с докладом «Как при помощи китайской театральной картины сделать понятными русскому читателю образы классической китайской литературы». На Международном симпозиуме «Изучение китайской народной картины», который состоялся в Тяньцзиньском университете 4–6 ноября 2011 г., Т.И. Виноградова выступила с презентацией на китайском языке по теме «Материалы, собранные В.М. Алексеевым во время путешествия по Китаю в 1909–1912 гг. в фондах библиотеки ИВР РАН». Она также часто выступает в качестве оппонента или автора внешних отзывов на диссертации по китаеведению в разных научных учреждениях и вузах.

Читатели.

Как уже отмечалась выше, на первом этапе работы ОЛСАА в 50 – начале 60-х гг. подавляющее число читателей китайской литературы составляли студенты и аспиранты из КНР, а также наши студенты, преподаватели, на-

учные сотрудники. Со второй половины 60-х гг. количество читателей китайской литературы снизилось, поскольку прекратилось обучение китайских граждан в наших ВУЗах, хотя по-прежнему Отдел активно посещали советские студенты и аспиранты, преподаватели Восточного факультета, сотрудники востоковедных учреждений. Часто в отделе бывали и «ленинградские» китайцы – китайские специалисты, окончившие наши ВУЗы и проживающие в Ленинграде, выходцы из русского Китая или имевшие частично русские корни (в том числе, Цзян Шилунь, известный художник направления традиционной китайской живописи Гохуа, геолог, канд. геол. наук. Дун, этнограф и археолог из СО АН Чжан Яцин, преподаватель Восточного факультета канд. филол. наук. Пан Ин, переводчик-информатор НИИ нефтехимии Н.И. Попович и др.). Таким образом, даже в «глухие» 70-е гг. в отделе в живом общении сохранялась атмосфера, наполненная «китайским колоритом». В 80-е гг. постепенно профиль чтения стал заметно меняться. Практически во всех советских научно-промышленных объединениях (НПО) в 70–80-х гг. функционировали отделы научно-технической информации (ОНТИ). Среди переводчиков-информаторов почти в каждом ОНТИ были японисты, однако по мере развития китайских реформ уже в 80-е гг. постепенно стал проявляться и интерес к китайской технической и научно-естественной литературе. После очень незначительного комплектования из Китая конца 60 – начала 80-х гг. постепенно стало расти количество поступлений из КНР примерно со середины 80-х гг., прежде всего, научных периодических изданий. При этом становились востребованными периодические издания по естественным и точным наукам на китайском языке (на втором месте после японских, на третьем месте по этой тематике были публикации на корейском языке). Во всяком случае, каждую неделю были 1–2 заявки на естественнонаучную статью на китайском языке. Примерно к середине 90-х гг. в связи с общей ситуацией в отечественной промышленности и науке в первую очередь стали закрываться ОНТИ, в большинстве НИИ и предприятий они фактически прекратили свое существование, а профессия информатора – переводчика с восточных языков перестала быть массовой. Зато стал заметен интерес к восточным культурам, традиционной медицине, традиционным боевым искусствам, философии, киноискусству и т.д. Расширился прием на Восточный факультет СПбГУ, были созданы новые вузы, программы по изучению китайского языка появились во многих учебных заведениях. Это способствовало росту читателей гуманитарной научной и популярной литературы. Можно сказать, что в последнее десятилетие читательские запросы на литературу на китайском языке в области техники, естественных наук, с одной стороны, и общественных наук, популярной литературы, с другой стороны, уравновесились. Общее количество читателей ОЛСАА (в том числе китайской литературы) меньше, чем в XX в. (возможно, это вызвано недостаточным количеством средств на развитие комплектования). Но оно продолжает оставаться стабильным, а литература на китайском языке – от археологии до химии – весьма востребована.

---

¹ *Шафрановский К.И.* Сведения о китайских книгах в Библиотеке Академии наук в XVIII в. / К.И. Шафрановский, Т.К. Шафрановская // Научные и культурные связи Библиотеки Академии наук СССР со странами зарубежного Востока : сб. докл., зачитанных на науч. конф. Библиотеки АН СССР 24–25 ноября 1955 г. / Академия наук СССР, Библиотека; отв. ред. С.П. Луппов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 83–93. В разд. : Приложение. Доклады, представленные, но не зачитанные на научной конференции за недостатком времени.

² См.: например, Материалы для истории Императорской академии наук. В 10 т. Т. 2. СПб., 1885–1900 (далее – МИАН).

³ Рескрипт (лат. *rescriptum*, от *rescribo* – письменно отвечаю), 1) в Древнем Риме, имевший силу закона ответ императора на направленный ему для разрешения вопрос; 2) Акт монарха в форме конкретного предписания министру или какому-либо другому лицу. – См.: *Энциклопедический словарь. 2009.*

⁴ Рескрипт Коллегии иностранных дел С.Л. Владиславичу-Рагузинскому о покупке в Пекине китайских словарей для академии наук : документ № 211. 1727г. января 22 // Русско-китайские отношения в XVIII в.: в 2-х т. Т. 2. 1725–1727 / сост. Н.ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова; отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. тома В.С. Мясников. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1990. С. 501; Роспись китайских словарей, составленных иезуитами и изданных в Пекине : документ № 212. 1727 г. января 22. Там же. С. 501; [Коммент.] к док. 211–212 // Там же. С. 605–606.

⁵ *Шафрановский К.И.* О времени основания Библиотеки АН СССР // Тр. БАН и ФБОН. 1961. Т. 5. С. 268. Свед. почерпнуты из Материалов для истории Императорской академии наук. Т. VI. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. С. 333.

⁶ *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779. С.93–94.

⁷ *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII – 1917 г.). СПб.: Центр. Петерб. Востоковедение, 1993(1994). 448 с.

⁸ МИАН. В 10 т. Т. 2. СПб., 1885–1900. № 526. С. 488.

⁹ Полное собр. законов Российской империи. Собр. I. В 45 т., 1649–1825. Т. 9. СПб., 1830. № 6728. С. 513–514.

¹⁰ Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т. 1. 1714–1900 / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Г.В. Головкин. СПб.: БАН, 2004. С. 72. См.: также МИАН. Т. 4. С. 244, 245. Т. 6. С. 496.

¹¹ МИАН. В 10 т. Т. IV. СПб., 1885–1900. № 366. С. 244–245; Т. VI. С. 496.

¹² СПбО ААН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 808. Л. 10–14. – Привед. в «доношении» Л.Ланга от 10 июля 1751 г. (Эти и другие законодательные акты и постановления приведены в кн.: Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII – 1917 г.). СПб.: Центр. Петерб. Востоковедение, 1993(1994). 448 с.

¹³ Академическая типография, 1728–1928. Л., 1928. С. 21.

¹⁴ МИАН. В 10 т. Т. II. СПб., 1886. С. 566–567.

¹⁵ Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т.1. 1714–1900 / С. 65–66.

¹⁶ МИАН. В 10 т. Т. V. СПб., 1885–1900. № 271. С. 325.

¹⁷ СПбО АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 59. и № 114. (Приводится также в упомянутой статье К.И. и Т.К. Шафрановских.

¹⁸ *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. : Автореф. дис. ... канд.ист. наук. СПб.: СПбФИБ РАН , 2004. 25 с.

¹⁹ СПбО АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 808. Л. 43–44. – Привед. в кн.: Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII – 1917 г.). СПб.: Центр. Петерб. Востоковедение, 1993(1994). С. 80; *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций АН в XVIII и XIX веках //Тр. Архива Академии наук ССР. В 4-х т. М.; Л., 1940.

²⁰ *Пан Т.А.* Указ. соч.

²¹ МИАН. В 10 т. Т. IV. СПб., 1885–1900. № 470. С. 343–344.

²² МИАН. Т. IX. С.390.

²³ МИАН. В 10 т. Т. VIII. СПб., 1885–1900. № 549. С. 434.

²⁴ Протоколы заседаний конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 год. В 4-х т. Т. 3. СПб., 1897–1911. С. 713.

²⁵ МИАН. В 10 т. Т. V. СПб., 1885–1900. № 587. С. 637.

²⁶ В доме известной семьи заводчиков, землевладельцев и учредителей премии по науке, технике и искусству Демидовых в 1748 – 1766 гг. размещалась Библиотека АН (см.: Летопись Библиотеки Российской академии наук. С. 344).

²⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1748. 12 июля. С. 9. См.: также Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т. 1. 1714–1900. С. 106–107.

²⁸ *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером,

подбиблиотекарем Академии наук, а на русский язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779. С. 34.

²⁹ Первое китайское посольство прибыло в Москву в январе 1731 г., было принято Анной Иоанновной; второе посольство прибыло в Петербург в 1732 г., было также принято Анной Иоанновной. См.: также: Радовский М.И. Посещение Петербургской Академии наук китайскими гостями в 1732 г. // Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 85–87.

³⁰ [Backmeister J.] Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint-Petersburg /par Jean Backmeister, sous bibliothécaire de l'Académie des Sciences. St.-Pbg., 1776.

³¹ Бакмейстер И. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на русский язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779. С. 93–94.

³² Бакмейстер И. Указ. соч. С. 93–94, 128.

³³ Там же. Указ. соч. С. 94.

³⁴ Там же. Указ. соч. С. 94–97.

³⁵ Там же. Указ. соч. С. 93–94.

³⁶ [Busse J.] Ueber die bei der hiesigen Academischen Bibliothek angesammelten Bucher 1 in Sinesischer, Manshuischer, Mongolischer und Japanischer Sprachen / Busse J. = О собранных при здешней Академии наук книгах на китайском, маньчжурском, монгольском и японском языках [Буссе И.Ф.] // Journal von Russland. Sankt-Petersburg, 1794. No. 2. P. 128–134, 216–221, 227–280 (1794. V. II. Янв. С. 128–133; Март. С. 216–221; Апрель. С. 277–283).

³⁷ Летопись Библиотеки Российской академии наук. С. 339.

³⁸ Статистические сведения приведены по ст. : К.К. Шафрановский, Т.К. Шафрановская. Указ. соч. С. 91.

³⁹ Беляев О. [П.] Роспись книгам в имп. Академии наук находящихся : табл. // Кабинет Петра Великого: в 2-х ч. СПб. 1793. С. 37; то же. 1800. С. 22.

⁴⁰ Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т. 1. 1714 – 1900. С. 337.

⁴¹ Каталог китайским и японским книгам, в Библиотеке Имп. Академии наук находящимся, по препоручению господина президента Академии Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный Государственной коллегии иностранных дел переводчиками коллежскими ассессорами: Павлом Каменским и Степаном Липовцовым. [СПб.], [1818].

⁴² «Verzeichniss der Chinesischen und Mandschurischen Bucher und Handschriften in der Bibliothek der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften. Verfasst auf Befehl Sr. Excellenz des Herrn Grafen Alexis von Rasumovski. 1810. Im August». См.: Скачков П.Е. Очерки по истории русского Китаеведения. М., 1977. С. 79.

⁴³ См., например, Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973; Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. Л., 1976; Пекарский П.П. Наука в России при Петре Великом. СПб., 1882; Материалы для истории Императорской академии наук. В 10 т. Т. I, IV. СПб., 1885–1987; Рафигов А.Х. Литература о странах Азии и Африки в частных собраниях и в Библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. // Книга в России до середины XIX века / под ред. А.А. Сидорова и С.П. Луппова. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. С. 217–261.

⁴⁴ Вместе с тем, в разных отделах БАН (НИОР, НИОРК, фонд К.М. Бэра, сектор картографии) по-прежнему хранятся книги и рукописи по Китаеведению, поступившие в фонды в XVIII в., и даже некоторое количество книг на китайском языке, о чем ниже.

⁴⁵ См.: например, ст.: Попова И.Ф. 190 лет Азиатскому музею – Институту восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. 2008. № 1 (8). С. 5–20.

⁴⁶ Смолин Г.Я. Библиотека Академии наук СССР и Китай // Научные и культурные связи Библиотеки Академии наук СССР со странами зарубежного Востока : сб. докл., зачитанных на науч. конф. Библиотеки АН СССР 24–25 ноября 1955 г. / Академия наук СССР, Библиотека; отв. ред. С.П. Луппов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 22.

⁴⁷ Смолин Г.Я. Указ. соч. С. 22. (через Отдел иностранного комплектования БАН осуществлялось комплектование китайской литературой ОЛСАА и библиотеки при ЛО ИВАН).

⁴⁸ Там же. С. 22–23.

⁴⁹ Автор благодарит за предоставленные сведения о фондах ОЛСАА БАН на китайском языке сотрудника ОЛСАА гл. библиотекаря В.Е. Шишкина и зав. ОЛСАА Т.И. Виноградову.

⁵⁰ Автор выражает признательность сотрудникам НИОР БАН д.и.н. Н.Ю. Бубнову и гл. библиотекарю Л.Б. Беловой, которые предоставили данные о рукописях путешествия Николая Спафария из НИОР БАН.

⁵¹ Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV–XVII в. / сост. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская; отв. ред. В.А. Петров; Академия наук СССР, Библиотека. М.; Л. : Наука, 1965. 362 с. – О рукописи путешествия Спафария. С. 203–205; Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVIII – XIX в. / сост. Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева; Академия наук СССР, Библиотека. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. 418 с. – О рукописи путешествия Спафария : С. 94–96;

⁵² См., например, Библиотека Петра I : указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва; под ред. Д.С. Лихачева. Л. : БАН, 1978. 214 с.; упоминавшиеся выше работы С.П. Луппова, А.Х. Рафикова, ст. в наст. сб. Т.Ф. Филипповой.

⁵³ Китай // Периодические издания стран Азии и Африки : естеств. и тех. науки : каталог поступлений в фонды Библиотеки АН СССР и Государственной публичной Библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 2-х ч. Ч. 2. Страны Азии / Библиотека АН СССР; отв. ред. С.С. Булатов. Л. : БАН, 1984. С. 67–1.

⁵⁴ Китай // Периодические издания стран Азии и Африки по общественным наукам. В 3-х кн. Кн. II, ч. I. Китай. Корея. Монголия. Сянган / Библиотека АН СССР, Гос. публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Науч. библиотека им. М. Горького при Ленингр. Гос. ун-те.; отв. ред. Т.А. Ваганова. Л.: БАН, 1981. С. 13–198.

⁵⁵ Китайская Народная Республика // Справочная литература по странам Азии и Африки : сводный каталог иностр. фондов Библиотеки АН СССР и Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1945–1968 / под ред. Т.А. Вагановой и С.С. Булатова. Л.: Издат. отд. Библиотеки АН СССР, 1972. С. 168–272.

⁵⁶ Китай // Справочная литература по странам Азии и Африки : сводный каталог иностр. фондов Библиотеки АН СССР и Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1969–1988. В 3-х кн. Кн. II, ч. I. Юж. и Юго-Вост. Азия. Китай. Корея. Монголии. Сянган / редкол.: В.В. Бакалюк, А.С. Калиянец, Ю.В. Маретин, Г.З. Пумпян, Т.Н. Холмовская (отв. ред.). Л.: БАН, 1991. С. 160–276.

⁵⁷ С российской стороны Протокол подписали директор БАН проф. В.П. Леонов и зав. ОЛСАА БАН Г. З. Пумпян, с китайской стороны – директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн и заместитель директора Сюй Хуйци.

⁵⁸ *Кычанов Е.И.* Образ Китая в России XVII в. // Вестн. Вост. ин-та. 1997. Т. 3 № 2(6). С. 70.

⁵⁹ Рабочие документы (включая предварительные варианты схем систематизации, представленные по переписке в ходе работы и в окончательном издании, а также переписка) переведены сотр. ОЛСАА В.Е. Шишкиным.

⁶⁰ Перевод заглавия издания и транскрипция сделаны гл. библиотекарем ОЛСАА В.Е. Шишкиным.

⁶¹ Предисловие = [Сюйянь] // Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17–20 в. Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. С. 1–2. Пер. предисловия с кит. яз. вып. Т.Н. Холмовской.

⁶² Введение = [Цяньянь] // Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17–20 в. – Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. С. 1–6. Пер. введения с кит. яз. схем систематизации в издании вып. В.Е. Шишкиным.

⁶³ *Сюе Сяньтянь.* История и современное состояние китайско-русских отношений : от трех союзов до «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» / Сяньтянь Сюе, Цзинхэ Луань // Проблемы Дальнего Востока, 2002. № 5. С. 26–38.

⁶⁴ *Сюе Сяньтянь.* Предисловия к русскому изданию / I. Профессора А.К. Соколова (ИРИ РАН); II. Профессора Сюе Сяньтяня (ИНИК АОНК) // Ван Ци. Проблема восточного участка китайско-русской границы глазами китайских, российских и западных ученых / пер. с кит. Ю. Семенова. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. С. 14–17.

⁶⁵ См., напр.: Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки : сб. науч. тр. / БАН; редкол.: К.В. Лютова (отв. ред.), Т.Н. Холмовская. СПб., 1985; Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии, Африки и Лат. Америки : сб. науч. тр. / БАН; редкол.: К. В. Лютова (отв. ред.), Г.З. Пумпян. СПб. 1988; Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки : сб. науч. тр. / БАН; редкол.: В.П. Леонов (отв. ред.), Г.З. Пумпян. СПб., 1992.

⁶⁶ Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной республики. 27–28 октября 1999 г. Санкт-Петербург / Восточный фак-т СПбГУ, Администрация Санкт-Петербурга. СПб., 1999. 112 с. – Включ. доклады, прочитанные на заседании секции «Россия и Китай» в Библиотеке РАН (Горелов Н.С., Киселева Г.Б., Красникова О.А., Руденко Д.В., Т.Н.Холмовская, Полотовская И.Л.).

⁶⁷ Материалы конф. «Россия и Китай». БАН, 2–3 дек. 2003 г. // Вестн. Вост. ин-та / гл. ред. Е.И. Кычанов; отв. ред. : В.П. Леонов, Н.В. Колпакова, Г.З. Пумпян. СПб., 2005 (2004). Т. 10. № 1–2 (19–20). 93 с.; Вестн. Вост. ин-та / гл. ред. Е.И. Кычанов; отв. ред. В.П. Леонов, Н.В. Колпакова, Г.З. Пумпян. СПб., 2003 (2004). Т. 9. № 1–2 (17–18). 116 с. Содерж.: докл., прочитанные на юбилейных конф. ОЛСАА в 1993 и 2003 гг. по истории книги Дальнего Востока и Южной и Юго-Восточной Азии.

⁶⁸ Россия и Китай: сб. науч. ст.: 60-летию образования Китайской Народной Республики посвящается / рук. проекта Н.В. Колпакова; отв. ред. В.П. Леонов; сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарет, 2009. 214 с. (Rara orientalia).

⁶⁹ *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста : книга руководства для изучающих язык и культуру Китая /отв. ред Б.Л. Рифтин; пред. редколлегии: В.П. Леонов; рук. серии Н.В. Колпакова; отв. сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН ; Альфарет, 2020. 504 с. (Rara orientalia).

⁷⁰ *Крылова Е.А.* Япония в частном письме россиянина в начале XX в. (из семейного архива) // Россия и Япония : сб. ст. СПб : БАН; Альфарет, 2007. 310 с.: 45 ил. С. 294–299. – Исп. письмо начала XXв. об экскурсионной поездке на Восток, в Японию, бывшего ссыльного, учителя школы в Благовещенске Н. З. Пузырева, организованной безвозмездно для жителей Приамурского края, видимо, около 1914 г., с коммент. Е.А. Крыловой.

⁷¹ Духовная энциклопедия Китая : энциклопедия. В 5 т. /глав. ред. М.Л. Титаренко; редкол.: А.И. Кобзев (зам. глав. ред.), А.Е. Лукьянов (зам. глав. ред.) и др.; Российская академия наук, Ин-т Дальнего Востока. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Вост. лит., 2009. С. 661. – ссылка на ст.: *Виллинбахов В.Б.* «Огневое оружие» Средневекового Китая / *В.Б. Виллинбахов, Т.Н. Холмовская* // Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1960. Вып. 1. С. 64–73.

⁷² *Шатравка А.В.* Спорные вопросы классификации служебных слов в современном китайском языке. Благовещенск: АмГУ, 2009. В сп. использованной литературы включ. ст.: *Холмовская Т.Н.* Включающее предложение в современном китайском языке //Сб. вопросов филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М.: Вост. лит., 1962. С. 30–41.

⁷³ *Холмовская Т.Н.* Переводы китайской литературы на русский язык в фондах БАН (XVIII–XX вв.) / Т.Н. Холмовская, Д.В. Руденко //Вестн. Вост. ин-та. 2001. Т. 7. № 1. С. 47–55.

⁷⁴ *Холмовская Т.Н.* Русский язык в Китае // Россия и Китай: сб. науч. ст. / рук. проекта Н.В. Колпакова; отв. ред. В.П. Леонов; сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН; Альфарет, 2009. С. 15–22. (Rara orientalia).

⁷⁵ *Жиганов В.* Русские в Шанхае / предисл. В. П. Леонова и Ю.В. Шестакова ; вступ. ст. Н. П. Рождественской. Репринтное издание 1936 года. СПб. : БАН; Междунар. ассоциация «Русская культура»: Альфарет, 2008. 300 с.: ил.

⁷⁶ См.: фотографии St.Petersburg offers = Шэнбидебао туйцзе = [Петербург предлагает]. СПб., 2011. № 3. С. 15, 22.

⁷⁷ По этим темам обе также делали доклады на конференциях «Общество и государство в Китае», «Источниковедение и историография стран Азии и Африки».

⁷⁸ *Киселева Г.Б.* Русская библиотечная и библиографическая деятельность в Харбине, 1897–1935 гг.: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999.

⁷⁹ «Хижина невежды, упорно познания ищущего»: сборник, посвященный годовщине со дня смерти И.Э. Циперович /сост. Т.И. Виноградова // Вестн. Вост. ин-та. 2001. Т. 7. № 1. 6 а.л.

⁸⁰ Россия и Китай: сб. науч. ст.: 60-летию образования Китайской Народной Республики посвящается / рук. проекта Н.В. Колпакова; отв. ред. В.П. Леонов; сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН; Альфарет, 2009. 214 с. (Rara orientalia).

⁸¹ *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста : книга руководства для изучающих язык и культуру Китая /отв. ред Б.Л. Рифтин; пред. редколлегии: В.П. Леонов; рук. серии Н.В. Колпакова; отв. сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН ; Альфарет, 2010. 504 с.

**Установление российско-китайской границы в XVII–XVIII в.
и карта Китая, присланная Петру I императором Кан-си (Kangxi)
(по картографическим фондам БАН и СПб филиала Архива РАН)**

Формирование российско-китайской границы – длительный процесс, начало которому было положено на рубеже XVII–XVIII вв. Истории этого вопроса посвящено множество работ.¹ Порядок договорного определения границ между государствами обычно складывается из двух этапов: делимитации и демаркации. При делимитации представители государств договариваются об общем направлении границы с обозначением ее на карте, описание ее прохождения содержится в специальном договоре. Затем осуществляется демаркация – граница проводится на местности, устанавливаются пограничные знаки, и составляется протокол с описанием прохождения границы и карта с нанесением на нее пограничной линии.² Совершенно ясно, что помимо текстовых документов, одними из основных документов при установлении границы являются географические карты, и одной из составляющих процесса установления границы – составление карт. В Библиотеке РАН сохранилось немало картографических документов, связанных с первыми этапами процесса формирования российско-китайской границы.

Русское государство начало предпринимать попытки установить добрососедские отношения с Китаем еще со второй половины XVII в. Это явилось важным стимулом в том числе и к составлению карт Сибири и пограничных территорий. Еще посольству Н.Г. Спафария 1675 г. был дан наказ составлять по пути следования географические чертежи «дорог, на которые места из Москвы в Китай и из Китая к Москве ехал».³ История картографических работ посольства Н.Г. Спафария убедительно воссоздана на основе архивных документов историком Б.П. Полевым.⁴ Отчетный чертеж Н.Г. Спафария 1677–1678 гг., выполненный на основании составлявшихся по пути – в традициях русской картографии того времени – маршрутных карт-чертежей, до настоящего времени не найден,⁵ а представление о нем дает карта-чертеж, опубликованная иезуитом Филиппом Аврилем в 1692 г. В наибольшей степени граница между Русским государством и Китаем определилась под влиянием Нерчинского договора 1689 г., а также Буринского и Кяхтинского трактатов 1727 г.

Посольство, возглавлявшееся русским дипломатом, графом Ф.А. Головиным, заключило в Нерчинске первый договор России с Китаем о границах и торговле. Как известно, Нерчинский договор от 27 августа 1689 г.⁶, был крайне неудачным для Русского государства: страна теряла немалые земли. Оба государства признали договор, однако он не был ратифицирован ни русскими, ни китайскими высшими органами власти. С точки зрения международного права, на переговорах в Нерчинске русско-китайская граница была не установлена, а лишь намечена в общих чертах.⁷ Что же касается документального оформления договора, то стоит напомнить, что «стороны при его подписании не обменивались картами с нанесенной на них линией прохождения границы между двумя странами. А в связи с тем, что привязка договора к местности была явно неудовлетворительной, то невозможно было провести демаркацию границы, и она не проводилась».⁸ Историк картографии Л.С. Багров предполагает, что и русское посольство под руководством Ф.А. Головина, и китайское – имели при заключении договора свои карты этой территории.⁹ По Нерчинскому мирному договору 1689 г. между Русским государством и цинским Китаем

были разграничены земли от реки Аргунь до реки Уда, но к западу от Аргуни пограничная линия тогда не была установлена.

Задачу составления карт русское правительство поставило перед посольством голландского уроженца Эверта (Елизария) Избранта Идеса, направленным в Китай в 1693 г. для выяснения того, как цинское правительство относится к Нерчинскому договору. И хотя вопрос остался нерешенным, карта «*Nova tabula Imperii Russici, ex omnium accuratissimis...*», составленная Идесом на основе его собственных наблюдений и хорошо сейчас известной карты Тартарии географа, амстердамского бургомистра Н.Витсена, была опубликована в путевых заметках Идеса, изданных в 1704 г. в Амстердаме благодаря помощи Витсена.¹⁰

Вопрос об урегулировании территориального вопроса с Китаем постоянно находился в поле зрения царя Петра I. Еще в 1699 г., накануне Северной войны, Петр I потребовал для ознакомления все материалы по Нерчинскому договору и данные о возможностях развития русско-китайской торговли. Тогда же был издан указ о постройке на границе с Китаем гостиных дворов.¹¹ Кроме того, Петр велел направить в Китай духовную миссию и даже рассматривал возможности распространения в Китае христианства. Переговоры с Китаем о постоянной духовной миссии завершились положительно в 1714 г. Урегулировать сложные пограничные вопросы и организовать торговлю с Китаем в условиях Северной войны было необходимо, но Петр, занятый Померанской кампанией, не смог принять находившееся в России в 1714 г. китайское посольство.¹² Поэтому при первой возможности, в 1719 г. в Пекин было направлено посольство во главе с капитаном Преображенского полка Л. Измайловым. В данной ему инструкции были, в том числе, и пункты об организации обороны русской границы. Однако в ответ китайское правительство потребовало прекратить сооружение крепостей на Иртышской линии, снести все русские крепости в Забайкалье и на юге Восточной Сибири, будто бы находящиеся на монгольской земле, незадолго перед этим вошедшей в китайское государство и приступить к разграничению земель в Приморье. Неудача посольства Измайлова заставила Русское правительство искать дружественных связей с Джунгарией¹³, чтобы таким путем проложить торговый путь на юго-восток. Но и оба направленные туда посольства – казачьего головы И.Чередова (1713 г.) и капитана от артиллерии И.Унковского (1721 г.)¹⁴ – не были успешными. Для нас же здесь важно, что в результате некоторых этих дипломатических миссий были составлены новые карты южных пограничных рубежей.¹⁵ Переговоры о границе остались незавершенными.

Следующее же посольство, под руководством С.Рагузинского, было направлено только в 1725 г., уже после кончины Петра Великого, вступившей на престол Екатериной I, оно и завершилось подписанием Кяхтинского трактата и Буринского договора. Переговоры Рагузинского проходили в труднейших условиях. Карты, составленные по результатам этого посольства – И.К.Кирилова,¹⁶ карта с обозначением территориальных потерь¹⁷ и др.¹⁸ – хорошо известны. Итак, переговоры о границе с Китаем послужили поводом к непосредственному картографированию Сибири: составлению маршрутных карт-чертежей и обзорных карт обширной территории «Тартарии».

Вернемся к тому времени, когда Петр I, после неудачных переговоров в Джунгарии, снова заинтересовался вопросом о российско-китайской границе. За чередой неудачных попыток могла бы последовать еще одна, возможно, увенчавшаяся успехом, если бы не кончина Петра. Сведения об этих событиях, согласно рассказу обер-секретаря Сената И.К. Кирилова, изложенному в хорошо известной «Записке о Камчатских экспедициях» (1733 г.), таковы: в связи

с возникшими между русским и китайским правительствами спорами по поводу пограничной линии Петр I, будучи, по словам Кирилова, в Сенате в декабре месяце 1724 г., потребовал «ландкарты Сибирским землям», но так как карты Сибири еще не было, то Кирилов предложил царю взамен Китайские карты, в которых были отчасти обозначены и пограничные земли Сибири, и напомнил ему о карте Камчатки, составленной геодезистом Иваном Евреиновым. Тогда Петр приказал Кирилову, «соединя камчатскую и китайские карты, на один лист положить».¹⁹ Выполняя приказание, Кирилов «через одну ночь своеручно нарисовал» карту и передал ее царю».²⁰ Впоследствии он видел свою карту у Я.В.Брюса, который, по словам Кирилова, получил ее от Петра I «для скопирования».

Эта история часто приводится, со ссылкой на «Записку...» Кирилова, как иллюстрация того факта, что обер-секретарь Сената умел составлять географические карты. Отметим, что не просто умел составлять, но, согласно изложенной здесь истории, мог прекрасно оценить достоверность и качество карт, существовавших к тому времени. Прежде всего, посмотрим, какие к концу первой четверти XVIII в. были «ландкарты Сибирским землям»? Уже была составлена карта Н. Спафария по результатам его посольства 1673 г.,²¹ уже была опубликована в 1704 г. в Амстердаме, в путевых заметках Избранта Идеса о его посольстве 1693 г., карта Сибири.²² Уже существовала рукописная «Чертежная книга Сибири» С.У. Ремезова. И даже уже была знакома Петру I карта Тартарии²³ амстердамского бургомистра, географа Н.Витсена, обнимающая громадную территорию от Новой земли до Каспийского моря, от Урала до Тихого океана. Почему же Кирилов вынужден был признать тогда, что карты Сибири «еще не было»? Очевидно, потому, что он понимал, что большинство этих карт уже значительно устарели, а от Витсена Петр и вовсе ожидал нового, исправленного и дополненного издания карты Тартарии.²⁴ Итак, Петр, прекрасно понимая, что в его распоряжении находятся лишь устаревшие картографические материалы, велел Кирилову составить новую карту из имеющихся в наличии самых последних – карты Камчатки Евреинова и «Китайских карт».

Карта, которую «через одну ночь своеручно» нарисовал Кирилов – это хорошо известная сейчас рукописная карта «*Tabula geographica partis extremae orientalis Siberiae et Tartariae...*».²⁵ На ней изображена территория Восточной Сибири, Монголия, Китай, Корейский полуостров, Камчатка, Курильские острова, Сахалин. Что же касается ее источников, о которых Кирилов упоминает дважды: здесь же, в титуле карты и в «Записке о Камчатских экспедициях...», то карта Камчатки геодезистов И. Евреинова и Ф. Лужина также хорошо известна – это карта, составленная в результате организованной по приказу Петра I экспедиции 1720–1721 гг. для поиска берегов Америки со стороны Дальнего Востока.²⁶

Что же касается «точной китайской карты, присланной императором Канси Петру Великому» – как сказано в титуле карты, или «Китайских карт, в которых были отчасти обозначены и пограничные земли Сибири» – как пишет Кирилов в тексте «Записки...», то до настоящего времени точных сведений о том, что это были за карты, не имеется. В.Ф. Гнучева предположила, что под упоминаемой в заглавии Кириловской карты «Точнейшей китайской картой» должна подразумеваться карта Китая, составленная к 1721 г. на основании тригонометрических измерений, произведенных французскими миссионерами в 1708–1718 гг.»²⁷ Попытаемся разобраться в этом вопросе.

О том, что Петру I императором Кан-си (Кам-хи, Камхи)²⁸ была послана карта Китая, известно пока только со слов И.К.Кирилова. С большой долей вероятности можно предположить, что карта была не на русском, а на китай-

ском или маньчжурском языке, возможно даже, билингва. В доступной научной и справочной литературе записи о получении карты не обнаружены, в «Реестрах» и «Росписях» карт личной коллекции Петра I, поступивших в Академию наук после его кончины, карта Китая не значится, что, впрочем, может объясняться тем, что составители этих перечней не смогли понять, какая территория изображена.²⁹ Кроме того, карта могла поступить не в личную коллекцию Петра, а в собрание Сената, именно в ведение И.К. Кирилова.

По отъезде Кирилова в 1734 г. в Башкирскую экспедицию, находившиеся в Сенате картографические материалы первой геодезической съемки Российской территории – петровских геодезистов – были переданы, согласно указу президента Академии наук барона И.А. Корфа от 30 июня 1735 г. в Географическое бюро (Географическую палату)³⁰ академику И.Н. Делило, для того, чтобы он мог заниматься составлением Генеральной карты России. Можно предположить, что были переданы и другие картографические материалы, в том числе и карта Китая. Посмотрим, есть ли какие-нибудь сведения о карте Китая в собрании Географического департамента Академии наук.

Профессор Академии наук и художеств Г.Ф. Миллер по возвращении из Сибири, где в период Второй Камчатской экспедиции он провел десять лет – с 1733 по 1743, посвятил свое время составлению истории Сибири и ее географической карты. Очевидно, что прежде всего он просмотрел все уже имеющиеся картографические документы и отдал распоряжение студентам и чертежникам Географического департамента АН копировать китайские и японские карты. Вскоре работы получили официальный статус: в июне 1745 г. вышло распоряжение Кабинета е.и.в. о снятии копии и переводе на русский язык Генеральной карты Китая.³¹ Это задание было завершено к январю 1746 г. Известно, что перевод карты был выполнен поручиком Ларионом (Илларионом) Рассохиным.³² В то же самое время, 7 апреля 1746 г. был получен высочайший указ о том, чтобы – из-за недоверия к Миллеру – некоторые карты: Второй Камчатской экспедиции, Сибири, китайской границы – были переданы в Кабинет е.и. в., что очень затруднило для Миллера составление карты Сибири. Была ли при этом передана также копия на русском языке многолистной карты Китая, пока не ясно, возможно, нет.

Результат именно этой работы сохранился в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки РАН (НИОР БАН). Это рукописный картографический документ, записанный в каталоге под условным названием «Карты отдельных провинций Монголии и Китая на 37 планшетах. Подписывал и переводил с маньчжурского и китайск. прапорщик Ларион Рассохин, копировал студ. Вас. Кузнецов и студ. Егор Павинский». В действительности это не «карты отдельных провинций...», а многолистная – на 37 листах – карта обширной азиатской территории, обнимающая юг Сибири, Монголию, Китай, Корею и северную часть Индокитая, с координатной сеткой, от 55 до 20 параллели или от 55° до 20° северной широты. На всех 37 листах карты в левом нижнем углу указано, что «переводил и подписал поручик Ларион Рассохин». Самая поздняя дата, проставленная на картах, действительно, 1746 г., несколько листов не датированы. Здесь стоит указать на сведения, приведенные М.П. Лепехиным: «К ноябрю 1749 г. им (О.К.: Рассохиным) были переведены названия 21 ландкарты, в начале 1750-го – названия остальных 16 ландкарт» (Лепехин М.П. Рассохин Илларион Калинович... С. 62–68)). На листах карты сотни географических названий, иногда с пояснениями географического характера.

Вся карта состоит из семи рядов листов («планшетов»), северной и южной границами каждого ряда служат параллели, отстоящие друг от друга на 5°: 1 ряд – 55°–50° с.ш.; 2 ряд – 50°–45° с.ш.; 3 ряд – 45°–40° с.ш.; 4 ряд – 40°–35°

с.ш.; 5 ряд – 35°–30° с.ш.; 6 ряд – 30°–25° с.ш.; 7 ряд – 25°–20° с.ш. Поэтому листы карты одинаковы по высоте, однако отличаются друг от друга по длине, поскольку здесь уже не было необходимости соблюдать такой порядок, и прежде всего, потому, что разные ряды карты охватывают различные по протяженности (по географической долготе) участки территории.

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук сохранилась рукопись на русском языке, носящая условное название «Начало Маппы Хинской часть первая, от градуса 55 даже до 50...». На самом деле это название лишь первой части рукописи, которая является полистной росписью географических названий многолистной карты Китая.³³ Роспись листов ведется с севера на юг, от запада к востоку, каждая часть включает в себя роспись листов одного ряда карты. Ни автор, ни дата составления в рукописи не указаны, а в научной литературе ее авторство приписывается тому же Лариону Рассохину, при этом указывается, что это – «текст к немой карте Китая».³⁴ Сразу оговоримся, что составлять такую грандиозную немую карту было ни к чему, потому что чрезвычайно трудно было бы отыскивать на ней нужные пунсоны и сопоставлять с названиями из рукописи. Так что, верно будет лишь то, что это – перевод и роспись географических названий карты Китая. Но какой именно карты? Сравнение текста рукописи с картой, хранящейся в НИОР БАН показывает, что это – роспись верхних четырех рядов этой карты, от 55° до 35° северной широты (совпадают количество листов в каждом из рядов и др.) Иногда отличается написание слов, перевод которых дан на карте и в рукописи, например, «река»: «бира» – на карте, «пира» – в рукописи, но таких примеров немного. В рукописном описании содержатся сведения о географических наименованиях 22 листов карт, а в самой карте, в верхних четырех рядах их 21. Правда, в рукописи к описанию листов первого ряда добавлено описание еще одного, дополнительного, листа, который в самой карте мог быть просто приклеен к крайнему в первом ряду листу.³⁵ Количество географических названий на каждом из этих листов карты совпадает с их объемом в рукописи. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что хранящаяся в ПФА РАН рукопись, озаглавленная «Маппа Хинская...» является росписью – переводом на русский язык – четырех верхних рядов карты Китая, по крайней мере, той копии, которая сохранилась в НИОР БАН. Попробуем установить, копия какой карты перед нами.

События, описанные Кириловым, происходили в 1724 г., император Кан-си скончался в 1722 г., а новая карта Китая, составленная при содействии французских иезуитов, была завершена к 1721 г. Следовательно, карта Китая могла быть прислана Петру I не позднее 1722 г. Можно с большой долей вероятности утверждать, что карта, присланная императором Кан-си Петру I, которую Кирилов использовал для составления своей карты, и была той, 37-листовой (в нашем варианте) картой, перевод которой выполнил позднее Ларион (Илларион) Рассохин. Примечательно, что Кирилов в «Записке о Камчатских экспедициях...» написал о ней – «китайские карты», несомненно, имея в виду листы этой многолистной карты.

Прежде всего, нас убеждает в этом явное сходство в изображении на китайской карте и карте Кирилова обширной материковой территории. Напомним, что листы «Китайской карты» имеют координатную сетку, при этом меридианы вычерчены через 1°, а параллели – через 5°. Латинский вариант карты Кирилова (Гнучева В.Ф. Географический департамент... Приложение II. № 117) также имеет координатную сетку, при этом параллели вычерчены так же, как на «Китайской карте» – через 5°, от 70° до 35° с.ш., а вертикальные линии, которые можно было принять за «меридианы», не подписаны, и, скорее

всего, нанесены условно, просто для того, чтобы разграфить лист на квадраты. Сравним интересующую нас территорию, от 55° до 35° с.ш., с аналогичной на листах «Китайской карты» – это первые четыре ее ряда. Очертания линии побережья, Корейского полуострова, Китайского залива в пределах широтных полос размером в 5° на карте Кирилова и «Китайской карте» совершенно совпадают, то же можно сказать и об изображении русел рек Амура, Аргуни, Шилки и их притоков. Совершенно совпадают на обеих картах очертание и место расположения о. Сахалин. Географических названий в этой части карты почти нет, кроме редких названий рек, Корейского полуострова, Китайского залива, возможно, потому, что в то время карта еще не была переведена с китайского или маньчжурского языков из-за отсутствия знающих их.³⁶

Всего в верхних четырех рядах «Китайской карты» 28 листов. Но Кирилов использовал для составления своей карты не все, а только те, на которых показана территория водного бассейна р. Амур, а также земли, близкие к побережью океана. Подробное сравнение изображений на «Китайской карте» и у Кирилова показывает, что он использовал для составления своей карты 10 листов «Китайской карты»: I ряд – часть 2-го, 3 и 4 листы, II ряд – 8 и 9 листы, III ряд – 14 и 15 листы, IV ряд – часть 19-го, 20 и 21-го листов.

В 1735 г. во Франции вышло географическое описание Китая Ж.Б. Дю Гальда (Du Halde J.B, в русской научной литературе существует и такое написание его имени по-русски) «Description géographique de l'Empire de la Chine et de Tartarie Chinoise» (Tome premier, M.DCC.XXXV), которое сопровождал подготовленный и изданный выдающимся французским географом и картографом д'Анвилем (D'Anville J.) «Atlas général de la Chine, de la Tartarie chinoise et de Tibet» (Paris, s.d.). Чрезвычайно подробный атлас, в составе которого было более 40 частных карт и одна генеральная, был составлен, как часто пишут в отечественной научной литературе, на основе работ французских иезуитов. В этом случае, карты атласа должны иметь сходство с картой, присланной Петру I, как имеющие общий прототип. И действительно, изображение и расположение территории Китая и южной Азии, включая Тайвань, на пространстве от 55° до 25° на генеральной карте Китая, помещенной в атласе д'Анвиля, совпадает с изображением на многолистной «Китайской карте». Совпадают также очертания и расположение о. Сахалин. Остальные же карты атласа д'Анвиля имеют более крупный масштаб и изобилуют большими, чем на «Китайской карте» подробностями.

Очевидно, существовал некий источник, послуживший основой для карт, опубликованных д'Анвилем. В Китае издавна собирали карты как целых провинций, так и более мелких территорий, а в период 1709–1718 гг., по приказанию императора Кан-си (Кам-хи)³⁷ проводились, при участии французских иезуитов, главным образом, Режи и Жарту, работы по составлению Большой карты Китайской империи. Так была составлена карта в масштабе 1: 1000000 на 120 листах, необычайная не только для Китая, но и для Европы того времени по точности и обширности показанной территории.³⁸ История составления карты помещена в предисловии к труду Дю Гальда, а о высокой оценке оригинальных китайских карт, данной европейскими современниками, позднее написано: «Не всем известно, что миссионерам приходилось вносить лишь немного исправлений в старые китайские карты и что их наблюдения нередко не давали никакой разницы для широты и долготы больших городов сравнительно с этими последними».³⁹ Сам д'Анвиль при издании атласа так писал о китайских картах: «Они делают великую честь китайцам и доказывают их превосходство, как географов, над другими азиатскими народами».⁴⁰

Итак, удалось установить, что в основе карты И.К. Кирилова, известной в научной литературе как «карта Камчатки» и карт атласа д'Анвиля лежит один и тот же источник – «Большая карта Китайской империи», выполненная на основе работ китайских и французских специалистов. Вероятно, Петру I были посланы листы сводной карты Китая, подобной той, которая использована была д'Анвилем для составления генеральной карты Китая в его атласе. Именно эта, сводная, карта была в 1745–1746 гг. переведена на русский язык Ларионом Рассохиным и вычерчена студентами и геодезистами в Географическом департаменте Академии наук в Санкт-Петербурге.⁴¹ Тогда же, возможно, была составлена и роспись географических названий первых четырех рядов листов «Китайской карты», рукопись которой хранится в СПб ФА РАН.

¹ *Миллер Г.Ф.* Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757. № 4. С. 305–321; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882; Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891; Русско-китайские отношения 1698–1916. Официальные документы. М., 1958; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958; Русско-китайское отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. М., 1969, Т. 2. М., 1972; *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; Формирование границы между Россией и Цинским Китаем / редкол.: Л.Г. Бескровный и др. М., 1970; *Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В.* К истории формирования русско-китайской границы // Международная жизнь. 1972. № 6. С. 14–19; *Прохоров А.* К вопросу о советско-китайской границе. М.: Международные отношения, 1975; Русско-китайские правовые акты, 1689–1916 / под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004; *Плотников А.Ю.* Русская дальневосточная граница в XVIII–первой половине XX вв.: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М.: КомКнига, 2007. – 240 с. и мн. др.

² *Прохоров А.* К вопросу о советско-китайской границе. С. 4–5.

³ *Полевой Б.П.* Географические чертежи посольства Н.Г. Спафария // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1969. № 1. С. 121.

⁴ *Полевой Б.П.* Географические чертежи посольства Н.Г. Спафария // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1969. № 1. С. 115–123.

⁵ Историк картографии Л.С. Багров в журнале «Imago mundi», Т. IV (Stockholm, 1948) опубликовал сведения о чертеже, который он посчитал чертежом Н.Г. Спафария. Воспроизведение этого чертежа, также с указанием на авторство Спафария, поместил в «Атласе географических открытий в Сибири и Северо-западной Америке XVII–XVIII вв.» (М., 1964. № 32; текст: С. 20–21 *А.В. Ефимов.* (М., 1964. № 32; текст: С. 20–21). Однако *Б.П. Полевому* удалось доказать, что этот чертеж составлен не Спафарием, а лишь по материалам посольства Спафария. (См.: *Полевой Б.П.* Географические чертежи... С. 122.)

⁶ «...лета 7197-го августа 27 дня» (Цит. по: Русско-китайские отношения в XVII в... С. 524). 27 августа – дата составления договора Головиным, принятая в исторической литературе. Подписание же договора состоялось 29 августа 1689 г. (Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе... С. 277).

⁷ *Прохоров А.К.* К вопросу о советско-китайской границе... С. 86.

⁸ Там же.

⁹ *Багров Л.С.* История русской картографии. М., 2005. С. 235.

¹⁰ Driejaarige Reize naar China, te lande gedaan door den Moskovischen Afgezant, E. Ysbrants Ides, van Moskou af, over Groot Ustiga, Siriania, Permia, Sibirien, Daour, Groot Tartaryen tot in China. Waar in, behalven de gemelde Landstreeken, de Zeden dier woeste Volken, ten aanzien van hunnen Godtsdienst, Regeeringen, Huwelyken, dagelykschen Handel Kleedinge, Woningen, Onderhoud, Dood en Begraafnissen naaukeurigyk beschreven worden. ...Hier is bygevoegt, eene beknopte Beschryvinge van China, door eenen Chineeschen Schryver t' zamengesteld, nu eerst in 't Nekkduitsch vertaalt en met verscheide Aantekeningen verrykt. T' Amsterdam, Gedrukt by Francois Halma... 1704.

¹¹ ПСЗ. Т. 4. № 1800.

¹² В 1714 г. Аюка-хан принимал у себя на Волге *китайское посольство* во главе с посланником Тулишеном.

¹³ Джунгарское ханство (Калмыцкое государство), существовавшее в XVII–XVIII вв., занимало территорию между оз. Балхаш, горами Тянь-Шань и верховьями Иртыша. В 1635 г. союз братских племен создает Джунгарское ханство, 1755 г. – Джунгарское ханство перестает существовать как самостоятельное, побежденное империей Цин.

¹⁴ Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. // Зап. ИРГО по Отд. этнографии Этнографии. Т. X. Вып. 2. СПб., 1867. С. XVII.

¹⁵ 1) «Charta domini Contajschiaie, composite a Joanne Ounkowski, capitaneo artilleriae a 1722 et 1723 ex cognitione, quam accepit a mango Contajsch...» Карта Контайшина владения, сост. Иваном Унковским, капитаном артиллерии в 1722 и 1723 гг. (См.: Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук. М.; Л., 1946. С. 16–17; С. 282, Приложение II. № 82). 2) То же, на рус. яз.: «Карта партикулярная... Контайшина владения. Сочинена в 1722-м и 723-м годах в бытность у Контайши от артиллерии капитана Ивана Унковского, и во оной по вопросам означены части китайского владения, тангутов и Казачьей орды, притом означены нумеры знатных мест». (См.: Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук. М.; Л., 1946. С. 282, Приложение II. № 83); 3) «Карта партикулярная... Контайшина владения. Сочинена в 1722-м и 1723-м годах в бытность у Контайши от артиллерии капитана Ивана Унковского чрез геодезии ученика Григория Путилова, и во оной по вопросам означены, например, часть Китайского владения и Казачьей орды, при том изъяснение знатных мест... Подана 1724 году». Копия с изменениями, XIX в. (См.: Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук. М.; Л., 1946. С. 283, Приложение II. № 84).

¹⁶ 1) Новая ланть Карта разграничения между Росиской Имперіи, Сибирскими землями Китайского владения с мунгалскими землицами учинена чрез посольство тайного советника и полномочного Министра иллирического графа Саввы Владиславича: в 1728 году. Напечатана издвениемъ оберъ Секретаря Ивана Кирилова: А другая часть той же границы значить на другомъ листу. Рисовал и грьдорвал Алексей зубов 1730. 2) Новая и достоверная ланть карта всеи Границе между Росіискою Имперією і китайскимъ владеніемъ учиненная: чрезъ посольство действительного штатского советника а ныне тайного советника Господина с: александра ковалера иллирического графа Савы Владиславича которой в 1725 м году по указу блаженныя памяти ея императорского величества Екатерины Алексеевны отправлен вкитай в характере чрезъ вычайного посланника і полномочнаго министра і возвратился в Москву в 1728 м году. в декабре, а трактат о границахъ учинил при селенгинску при реке буре, в 1727 м августа 20 дня. в благополучное самодержавство его Императорского величества Петра в тораго. и по оному трактату разграничение учинено в том же. 727 м году. чрезъ особых камисаровъ противъ селенгинска от речки кяхты. по правую сторону до контойшина владения. і полеую до прежней границы до вершины реки аргуни: ныне же всепресветлеишей Самодердавнішей великои Государыне Императрице Анне Иоанновне Самодержице всеросіиской и протчая і протчая и протчая: всенижайше приношу здесь изображенную половину. коя лежит довершины реки аргуни со приобщениемъ старои границы аргуню і шилкою реками, а другая половина границы до контоишина владения положена ис сею сообщена на другомъ листу: описаны мста і сочнены помянутыя обе ланкарты бывшими при разграничении росіискими геодезисты. рисоваль і грьдорвал Алексеи Зубовъ. 1730.

¹⁷ Неточности Рагузинского в определении границ и территориальные потери Русского государства обозначены на «Исторической карте во время посольства графа Саввы Рагузинского для проведения пограничной черты с китайскими уполномоченными» (РГВИА. Ф. 349. Д. 2327).

¹⁸ Carte des Limites entre l'Empire de Russie et la Chine (Карта Восточной Сибири с нанесением русско-китайской границы). «Подлинную ландкарту сочиняли геодезисты Петр Скобельцын, Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков, Василей Шетиллов». «Копировал студент А. Чадов марта 24, 1741 г.» (См.: Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук. М.; Л., 1946. С. 207–208, Приложение II. № 196).

¹⁹ Записка о Камчатских экспедициях. 1733. В статье: *Андреев А.И.* Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в. // Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 2. 1943. С. 35–40; Проект обер-секретаря Ивана Кирилова о Камчатских экспедициях и об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими. 1733. В кн.: *Добросмыслов А.И.* Материалы по истории России. Т. 1. Оренбург, 1900. С. 1–34.

²⁰ Цит. по: *Новлянская М.Г. И.К. Кирилов* и его атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958. С. 70.

²¹ Скорее всего, она хранилась в Москве, в Посольском приказе.

²² *Nova tabula Imperii Russici...*

²³ *Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel Van Asia en Europa, strekkende van Nova Zemla tot China...* door Nikolaes Witsen, 1687. Это дата, указанная в картуше карты, тогда как первые оттиски ее увидели свет не ранее осени 1690 г. (См.: *Полевой Б.П.* О картах Северной Азии Н.К. Витсена // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1973. № 2. С. 126).

²⁴ *Полевой Б.П.* О картах Северной Азии Н.К. Витсена // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1973. № 2. С. 124–133. Во время встречи с Витсеном в Амстердаме участники Великого посольства (1696–1697 гг.) высказали ряд ценных замечаний по его карте, и Витсен дал обещание Петру I составить новую карту, для чего ему были высланы новые материалы о Сибири. Однако, эта карта так и не была завершена.

²⁵ Хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки РАН (НИОР БАН). См.: *Александров Б.В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Географический департамент Академии наук XVIII века / В.Ф. Гнучева. Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1946. Приложение II. С. 290. № 117. «*Tabula geographica partis extremae orientalis Siberiae et Tartariae nec non novae terrae Kamtschatki atque insularum Japonensium, delineata partim secundum observations geodesistarum Joh. Jevreinov et [Fedor] Luschin, qui A. 1720 a Sereniss. Imperat. Petro M. Missi fuerunt, ut inquirerent, num Asia continens sit cum America, nec ne; partim desumpta est ex tabula geographica accuratissima Chinensi a defuncto Chinae Monarcho Kamchi Imperatori Petro M. missa.* «Карта географическая части дальневосточной Сибири и Тартарии, а также новых земель – Камчатки и Японских островов. Составлена Ив. Кир. Кириловым на основании карты геодезистов: Ивана Евреинова и Федора Лужина, посланных Петром I в 1719 г. для исследования вопроса о том, соприкасается ли Азия с Америкой, и на основании китайской карты, присланной императором Кам-хи Петру Великому.» В экземпляре книги В.Ф. Гнучевой из собрания Сектора картографии БАН на полях сделана приписка от руки простым карандашом: «Изменения в русский текст по сравнению с французским (О.К.: так! Очевидно, здесь допущена неточность – титул карты на латинском языке) внесены в соответствии с указанием А.И. Андреева». *Воспроизведение: Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. Карта № 11. Рукописная карта Восточной Сибири, Татари, Камчатки и Японских островов, составленная И.К. Кириловым в 1724 г. В НИОР БАН хранится еще один экземпляр карты (см. там же, № 118), сходный с данной картой по внешним очертаниям, но с большим количеством этнографических и исторических комментариев. В этом же экземпляре книги В.Ф. Гнучевой на полях приписка простым карандашом: «(1) По утверждению В.А. Бриллианта – копия № 117 снятая для Делиля 2) см. также стр. 14 прим. 1». Историк М.Г. Новлянская полагает, что подлинник карты Кирилова не сохранился, а имеющиеся в НИОР БАН экземпляры карт Камчатки лишь дают представление о картографических работах И.К. Кирилова. Известен и еще один вариант карты на русском языке, опубликованный Л.С. Багровым в журнале «*Imago Mundi*» (Т. 12. Stockholm, 1955. С. 130). По словам Багрова, рукописная копия этой карты, сделанная Ж.-Н. Делилем, хранится в Национальной библиотеке в Париже. В опубликованном Иснартом списке карт, переданных Делилем в Морской архив в 1754 г., эта карта значится под № 32 и заглавием «*Kamtchat et voisinage [rédigé] par M. Kyrilof [et communiqué par lui-même]. 1 feuille*» и (Камчатка и сопредельные страны (составленная) г. Кириловым (и им самим переданная). 1 лист). (*Isnar A. J.–N. Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale. Paris, 1915. С. 136).*

²⁶ *Полевой Б.П.* Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 31.

²⁷ *Гнучева В.Ф.* Географический департамент... С. 14. Там же, в примечании она указывает: «Подробное описание работ французских миссионеров см.: Du Halde J.B. Description géographique de l'Empire de la Chine et de Tartarie Chinoise. Tome premier, M. DCC. XXXV. Préface, pp. XXVI–XLIII. Все карты этой съемки были изданы в это же время французским астрономом Д'Анвилем, см.: D'Anville J. Atlas général de la Chine, de la Tartarie chinoise et de Tibet. Paris, s.d.»

²⁸ Император Цинской династии Кан-си (Kangxi, 4 мая 1654 – 20 декабря 1722), правивший с 1661 г. до своей кончины в 1722 г. У Кириллова он назван Кам-хи.

²⁹ На явные ошибки и небрежности в составлении этих перечней указывали авторы-составители первого подробнейшего каталога карт личного собрания Петра Великого (См.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук: Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I / М.Н. Мурзанова, В.Ф. Покровская и Е.И. Боброва. М.; Л., 1961. С. 9–10.

³⁰ *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.

³¹ 1748 г. датируются два представления Миллера, подтверждающие, что эти работы были начаты по его желанию. (Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 61).

³² Илларион Калинович Рассохин (1707 (1717?) – 1763 (не позднее 1770)). В 1729–1743 (?) изучал в Пекине китайский и маньчжурский языки. По возвращении, с 1745 г. работал в Академии наук и художеств в качестве переводчика и преподавателя, в 1738 г. был произведен в прапорщики за «сыскание географической карты всего Китайского государства и за перевод ее». Пока трудно сказать, о какой именно карте здесь идет речь, возможно, тут просто неточно указана дата. См.: о нем, напр., Лепехин М.П. Рассохин Илларион Калинович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (Р-Я) / редкол.: А.М. Панченко (отв. ред.), Н.Ю. Алексеева, Н.Д. Кочеткова, С.И. Николаев, В.П. Степанов. СПб.: Наука, 2010. С. 62–68. См.: также: Толмач и разведчик Илларион Рассохин / С. Марков // СМ Номер один. № 14. 14 апреля 2005; см.: также: Толмач и разведчик Илларион Рассохин / С. Марков // СМ Номер один. № 14. 14 апреля 2005, или <http://pressa.irk.ru/sm/2005/14/0150001.html>. и др.

³³ ПФА РАН. Разряд II. Опись 1. № 171. Скоропись, не менее чем два почерка, 79 листов, на Л. 30 – Первый академический штамп. Третья часть – «от градуса 45 до градуса 40...» повторяется дважды разными почерками: Л. 30–32 об. (только начало росписи) и Л. 34–46 об. соответственно.

³⁴ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. 1977. См.: также: Рукописное наследие русских китаеведов / Готлиб Зигфрид Байер // http://www.vostlit.info/Texts/Documenty/China/Rucopis_nasled/text.htm Илларион Калинович Рассохин: «№ 18. Начало маппы [маппа – карта. Прим. ред.] хинской. Часть первая от градуса 55 даже до градуса 50. – В лист. 79 л. Переплет – папка. Там же. [О.К.: ПФА РАН], № 171. Текст к немой карте Китая. Например: «Лист карты номера 3-го под буквою Д. Даны названия мест с указанием градусов».

³⁵ Действительно, крайний лист первого ряда больше других листов по длине.

³⁶ Скачков П.Е. Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 198–201.

³⁷ Впрочем, некоторые специалисты полагают, что его роль в этом деле не вполне установлена.

³⁸ Кюнгер Н.В. Описание Тибета. Часть первая. Географическая. Вып. 1. Владивосток, 1907. С. 38.

³⁹ Там же. См.: также: Чэнь Шу-Пэн. История развития и современное состояние картографии в Китае // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. 1957. № 3; Масиброда В.Е. Из истории китайской картографии // Вопросы географии. Сб. 42. 1958. С. 181.

⁴⁰ Цит. по: Кюнгер Н.В. Описание Тибета. Часть первая. Географическая. Вып. 1. Владивосток, 1907. Прим. к стр. 38.

⁴¹ В.Ф. Гнучева ошибалась, когда утверждала: «В следующие годы (1746–1749) был скопирован и переведен на русский язык Атлас Китая из 22 карт, изданных во Франции», и к слову «карт» сделана сноска: «Копии карт за подписями студентов Географического департамента Василия Кузнецова, Егора Павинского и переведившего надписи Лариона Рассохина хранятся в Отделе рукописной книги Библиотеки академии наук (№ 632)». (См.: Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 61). Скопированы и переведены были, как удалось показать, не карты французского атласа, а листы «Китайской карты», присланной Петру I.

Старопечатные издания по Китаю в Азиатском музее¹

В коллекции старопечатных книг библиотеки Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН (б. Азиатский музей) хранятся ценные, а подчас и уникальные издания, касающиеся Китая. Я ограничусь временными (не позже начала XIX в.) и географическими рамками (книги, изданные в России и странах Западной Европы).

В силу своего географического положения и исторических особенностей Китай долгое время оставался закрытым государством. Настоящее знакомство с Китаем (не считая нескольких попыток, относящихся к первым векам нашей эры) началось лишь в XIII–XIV вв. В России сближение и установление первых контактов сначала с минским Китаем, а затем с маньчжурской империей Цин относится к первым десятилетиям XVII в. Вплоть до начала XVIII в., когда шло накопление сведений о Китае, устанавливались договорные отношения двух государств, работы о географическом и политическом положении соседнего с Россией государства исчислялись единицами.

Известно, что первым официальным русским послом в Китае был Федор Исакиевич Байков (1654 г.). Правда, до этого времени в 1618 г. из Тобольска в Китай было организовано посольство во главе с томским казаком Иваном Петлиным. В 1619 г. Петлин, миссия которого оказалась мало успешной, представил в Москве подробную «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым, кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам». Кроме «Росписи» Петлин привез «чертеж китайского государства» и грамоту от китайского императора династии Мин Шэнь-цзуна (1573–1620) царю Михаилу Федоровичу (между 1 и 4 сентября 1618 г.). П. Е. Скачков сообщает, что «Роспись» была опубликована в знаменитом английском многотомном издании Сэмюэля Перчеса (S.Purchas. Hakluytes Posthumus Papers or Purchas his Pilgrimes, Containing a History of the World in Seas Voyages and Land Travels by Englishmen and Others. London, 1625). Вскоре был сделан перевод на немецкий язык Вильгельмом Фицером (Wilhelm Fizzer), изданный во Франкфурте-на-Майне в 1628 г., опубликован в: J. Th. De Bry. Collectiones Peregrinationum in Indiam Orientalem et Indiam Occidentalem. С немецкого языка был осуществлен латинский перевод Людовиком Гodefруа (Ludvig Godefroi), и тем самым «Роспись» стала доступной всем просвещенным европейцам. Однако в России роспись хранилась в тайниках Посольского приказа и стала известна лишь в конце XIX в. Теперь насчитывается около 15 списков этой работы Петлина.²

Практических результатов, т.е. установления каких-либо постоянных связей России и Китая, поездка Петлина не дала. Но, как указывает П.Е. Скачков, он был первым, рассказавшим о совершенно неизвестном пути в Пекин через Алтайско-Саянскую горную систему, пустыню Гоби, вдоль Великой Китайской стены через Чжанцзюякоу.³

После публикации «Росписи» на английском языке и появления ее переводов на несколько европейских языков уже через пять лет после возвращения Петлина из Китая она привлекла внимание географов, дипломатов и издателей Европы. В 1634 г. «Роспись» была издана на французском языке (в переводе с немецкого) в издании Пьера Бержерона: «Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siecles... precedez d'une Introduction par Pierre Bergeron concernant les voyages et les nouvelles couvertas des principaux voyages). В нашей библиотеке имеется богато иллюстрированное издание 1735 г., содер-

жащее много гравюр и карт. Издание труда Петлина на западноевропейских языках свидетельствует о том, насколько велик был интерес в Европе к вновь открытому пути в Китай.

В 1675 г. в Китай отправилось посольство, во главе которого стоял переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Милеску-Спафарий (1636–1708). Он происходил из молдавской боярской семьи, образование получил в греческой патриаршей школе в Константинополе, затем изучал философию, литературу, естествознание и математику в Падуанском университете, владел латынью, итальянским языком, знал турецкий и арабский. Во время своего посольства Спафарий вел дневник, а также составил «Описание первых части вселенной, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его городами и провинциями» (1677).⁴ Сохранилось 40 списков этой работы. Русское издание по списку Васильева вышло в 1910 г. За границей с путешествием Спафария и его «Описанием» познакомились раньше, чем в России. В библиотеке Азиатского музея хранился экземпляр книги на французском языке Филиппа Авриля⁵, изданный в 1692 г. в Париже под заголовком «*Voyage en divers États d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine*» (Путешествие через Европу и Азию для отыскания новой дороги в Китай). Считается, что большая часть этого издания заимствована из работы Спафария. В 1687–88 гг. Авриль, находясь в Москве, встречался со Спафарием, беседовал с ним, и ничто не мешает предположить, что он имел возможность познакомиться с экземпляром «Описания», о чем свидетельствуют поразительные совпадения текстов⁶.

В 1698 г. вышла книга де ла Невиля (de la Neuville) о России, одна из глав которой посвящена посольству Спафария. В отличие от Европы, многие сведения о Китае в России не публиковались до XIX в. Такова была и судьба работы Николая Спафария «Китайская реляция о посольстве ... в Китай», маньчжурский текст которой в переводе А.О. Ивановского с предисловием П.А. Сырку увидел свет лишь в 1889 г. В 1719 г. в цинскую империю из России отправилось посольство Льва Васильевича Измайлова. В составе посольства был сотрудник шведской дипломатической миссии Лоренц Ланг, который некоторое время исполнял в Пекине обязанности торгового представителя России. Ланг вел дневник, а также записки, которые были изданы сначала на французском языке, а затем и по-русски⁷. Кроме Ланга в посольство входил еще один иностранец – путешественник и врач, англичанин Джон Белл. Публикуя материалы о предпринятом им путешествии, Белл включил принадлежавшее Лангу «Подробное описание путешествия и пребывания в Пекине посольства графа Измайлова». В 1776 г. сочинение Белла было переведено на русский язык М. Павловым и им же издано. В эту книгу вошли также записки Ланга, которые уже были изданы в Лейдене и Амстердаме на немецком языке. Это немецкое издание, датируемое 1738 г., также хранится в нашей библиотеке, как и русский перевод книги Белла под заглавием: «Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел Михайло Попов. Ч. 1–3. СПб. 1776».

Таков был в общих чертах начальный период знакомства в России с Китаем и первые публикации побывавших в Китае русских. Следующий период, охватывающий первые десятилетия XVIII в. до начала XIX в., был отмечен экономическими и политическими связями, изучения Китая и сопредельных стран членами русских духовных миссий в Пекине. К этому времени относится также начало академических исследований истории культуры и языков населявших Китай народов. В 1725–1727 гг. Ланг снова побывал в Китае во главе торгового каравана. Эта поездка имела важные последствия, т. к. Ланг

привез из Пекина книги на китайском и маньчжурском языках, полученные им от католических миссионеров. Эти книги положили основание китайской и маньчжурской коллекции собрания Библиотеки Академии наук и Азиатского музея.⁸ Нельзя не упомянуть Алексея Леонтьева (Леонтиева), сотрудника Коллегии иностранных дел. В 1756 г. ему поручались ответственные задачи перевода документов, получаемых из Китая и посылаемых в Китай из России. В 1757 г. он был направлен в Академию наук для перевода 17-томного труда «Обстоятельное описание происхождения и состояние маньчжурского народа и войска». Он принял участие в переводе 11-го тома и составил некоторые разделы тома 17, из которых наиболее значительными являются «Примечания на все маньчжурские и китайские слова». А. Леонтьев был автором первых учебников в России китайского языка: «Букварь китайской, состоящей из двух китайских книжек, служит у китайцев для начального обучения малолетних детей основанием. Писан на стихах и содержит в себе много Китайских пословиц. Перевел с китайского и маньчжурского на российский язык прозою... А. Леонтьев. СПб., 1779». Это сочинение Леонтьева имеется в наших фондах. В библиотеке Института хранятся и другие сочинения Алексея Леонтьева и его переводы. Например, «Джун Юн (Чжунъюн), т. е. Закон непреложный. Из преданий китайского философа Кун Дзы. СПб., 1784». А также: «Китайские мысли. Перевод с маньчжурского и китайского. СПб., 1786». В сносках в этой книге Леонтьев давал разъяснения значений иероглифов. Леонтьеву принадлежит и сокращенный перевод имеющегося в нашей коллекции двухтомного «Китайского уложения. 1778–1779». Леонтьев осуществил первый в России перевод труда по географии Китая: «Кратчайшее описание городов, доходов и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои Китаецам ведомы, выбранно из китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем Хане Кян-Луна. СПб., 1778». Это ценное издание имеется в нашей библиотеке, текст снабжен обстоятельными примечаниями и комментариями переводчика.

Помимо переводческой деятельности Леонтьев, отличавшийся большой эрудицией, занимался и журналистикой, сотрудничал с Новиковым, принимал участие в составлении «Наказа» Екатерины II и с 1771–1786 гг. издал более 20 сочинений по самой разнообразной тематике – географии и истории Китая, отношений России и Китая, уголовному законодательству, этике, философии, административному устройству Китая и многое другое. В частности, под влиянием изданной Леонтьевым в 1775 г. брошюры «Описание китайской шахматной игры», в России возник интерес к шахматам. Большинство работ Леонтьева хранится в фондах Библиотеки Академии наук и Института восточных рукописей РАН.

Продолжателем переводческой деятельности Леонтьева в XVIII в. был Алексей Агафонов. Он учился в Тобольской духовной семинарии и вместе с несколькими семинаристами был отправлен в Китай в составе VI духовной миссии. В 1782 г. он вернулся на родину и служил переводчиком в Коллегии иностранных дел. Ему принадлежат переводы с маньчжурского языка. В нашей библиотеке имеется его сочинение, основанное на маньчжурских и китайских источниках: «Маньчжурскаго и китайскаго Шун Жи-хана книга. Полезный и нужный образ к правлению. СПб., 1788». Не менее редким изданием является книга Агафопова из нашего собрания «Краткое хронологическое росписание Китайских ханов. Из книги Всеобщего зеркала. С показанием летосчисления китайского и римского, от начала Китайской империи по 1786. М., 1788».

Среди китаистов, работавших в России, следует упомянуть и первого академика-синолога, немца по происхождению Т.З. Байера (Theophilus

Sigefridus Bayer, 1694–1738). Он был преподавателем «греческих и римских древностей» и отличался большими способностями к иностранным языкам. Еще до приезда в Россию он пытался изучить китайский язык и установить его грамматические закономерности. В 1725 г. он принял приглашение российской Академии наук и стал в Петербурге изучать монгольский, маньчжурский, тибетский и санскритский языки. В 1728 г. он подготовил к изданию грамматику китайского языка. В этой работе ему помогал Лоренц Ланг, который привез из Китая составленный иезуитами китайско-латинский словарь. Байер издал на латинском языке «*Museum Sinicum. In quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur*. Т. 1–2. Petropoli, 1730» – сборник компилятивных статей, отрывки из работ по грамматике китайского языка и по диалектологии. Второй том составлял «Китайский словарь» (*Lexicon Sinicum*), включающий 44 таблицы и объяснения иероглифов. Общий уровень работ Байера был невысок и получил в среде специалистов неблагоприятные отзывы.⁹

Конечно, всем перечисленным не исчерпывается книжное богатство сведений о Китае, хранящихся в наших фондах, но моей целью было перечислить ранние и наименее известные публикации.

---

¹ Статья впервые была включена в сб. статей конференции «Россия и Китай», организованной в 2003 г. ОЛСАА БАН и опубликованный на страницах журн.: *Вестн. Вост. ин-та (Acta Institutionis Orientalis)*. СПб., 2004. Т. 10, № 1–2 (19–20). С. 7–11. В настоящем сборнике печатается с добавлениями и исправлениями.

² См.: [*Палладий*, архимандрит]. Заметки архимандрита Палладия о путешествии в Китай казака Петлина // *Зап. Вост. отд. Имп. Рус. археол. о-ва*. СПб., 1876. Т. VI. С. 305–308; *Демидова Н.Ф.* Первые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова) / Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М., 1966.

³ *Скачков П.Е.* Очерки по истории русского китаеведения. М., 1977. С. 18.

⁴ *Спафарий Н.Г.* Описание первая части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910; [*Спафарий Н.*]. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // *Зап. Рус. геогр. Вост.-сиб. отд. Имп. рус. географ. о-ва по этнографии*. СПб., 1882. Т. 10. Вып. 1; Скачков. Указ. Соч. С. 23–27.

⁵ Филипп Авриль – французский иезуит, дважды бывал в Москве, стремясь добиться разрешения на проезд в Китай.

⁶ *Соколовский Г.Н.* Филипп Авриль как географ // *Изв. Рус. геогр. о-ва*. 1925. Т. 57. Вып. 1. С. 72.

⁷ Поденная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента Его Величества Императора Российского, при Китайском дворе, 1721 г. // *Сев. архив*, 1822; Шафрановская Т.К. Путешествие Лоренца Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин и его дневник // *Страны и народы Востока*. М., 1961. Вып. II. С. 188–205.

⁸ *Шафрановская Т.К.* Приобретение в начале XVII в. китайских книг российским резидентом в Китае Лоренцом Лангом / Т.К. Шафрановская, К.И. Шафрановский // *Страны и народы Востока*. М., 1959. Вып. I. С. 295–301

⁹ *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 52–54; *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 180–196; *Кулябко Е.С.* Из научной переписки петербургских ученых XVIII в. : (обзор архивных материалов) / Е.С. Кулябко, И.А. Перельмутер // *Страны и народы Востока*. М., 1969. Вып. VIII. С. 136–152.

**Из истории российского китаеведения и маньчжуроведения:
командировка А.О. Ивановского в Китай**
(по материалам Российского государственного исторического архива)¹

В истории российского китаеведения XIX в. есть целая плеяда синологов, труды которых имеют большое научное значение до сих пор. Среди них необходимо назвать о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина), архимандрита Палладия (Кафарова), академика В.П. Васильева, И.И. Захарова, С.М. Георгиевского и др. В этот же ряд можно поставить и А.О. Ивановского, автора ряда значительных трудов по истории и этнографии Китая, одного из основателей школы отечественного маньчжуроведения.

Его биография известна нам в основном из написанной им самим краткой статьи в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета»². Там же приведена библиография его трудов, написанных к тому времени. Подробно жизненный его путь описывается в некрологе, написанном после его смерти академиком С.Ф. Ольденбургом³, статьи в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»⁴ и некоторых других публикациях⁵.

Согласно материалам, изложенным в этих публикациях, Алексей Осипович (Иосифович) Ивановский (1863–1903) происходил из потомственных дворян Херсонской губернии. Родился он в г. Гдове, среднее образование получил в Санкт-Петербургских гимназиях Введенской (до 7-го класса) и Ларинской, в которой окончил курс в 1881 г. с серебряной медалью. В том же году он поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, а в 1885 г. окончил там курс обучения со степенью кандидата с награждением Ивановской премией. Как вспоминает академик С.Ф. Ольденбург, «когда Ивановский в 1881 г. поступил на китайско-монголо-маньчжурский разряд факультета восточных языков, он сразу погрузился в изучение китайского языка с одной стороны, чрезвычайно благодаря замечательной памяти усвоив богатейший запас иероглифов, а с другой увлекся монгольским языком. Здесь он еще на первом курсе обратил на себя внимание проф. А.М. Позднеева, под руководством которого немало занимался...»⁶. В связи со смертью профессора И.И. Захарова по представлению факультета с ноября 1885 г. А.О. Ивановский начал читать лекции по маньчжурской словесности сначала в качестве преподавателя, а потом приват-доцента. По воспоминаниям акад. С.Ф. Ольденбурга, «друга и товарища со школьной скамьи», «слишком раннее начало преподаательства в высшем учебном заведении тяжело отразилось на Ивановском и на его самостоятельной научной работе. Он почувствовал это не сразу, в увлечении лекциями, но потом не раз пожалел о том, что не мог остаться дольше в положении только учащегося. Ему очень хотелось съездить на запад и ознакомиться с методами западных синологов, так как он совершенно не разделял пренебрежительного отношения к ним своего учителя»⁷.

19 октября 1887 г. А.О. Ивановский защитил магистерскую диссертацию⁸, а 19 марта 1889 г. докторскую⁹. Обе книги выдержали много нападков со стороны специалистов, однако укрепили самого А.О. Ивановского в том, что в данный момент необходимо делать как можно больше переводов с восточных языков, а обобщение материала должно происходить уже в более позднее время¹⁰.

С 1 июля 1889 г. по 1 июля 1891 г. находился в командировке в Маньчжурии и Китае. По воспоминаниям академика С.Ф. Ольденбурга, он воспользо-

вался этой поездкой «для пополнения пробелов в своих занятиях, так как преподавательство, при большом числе лекций, не оставляло ему... почти совсем свободно времени для собственных занятий. Он смотрел на свою поездку более как на учебную, чем на ученую, и был совершенно в этом прав. Конечно, – отмечает далее Ольденбург, – он был человек вполне неопытный, укажем, например, на тот любопытный факт, что на несколько недель до отправления в Китай он в *первый* раз в жизни проехал по железной дороге, в гости к И.П. Минаеву в Павловск. Эта неопытность вместе с способностью всем быстро увлекаться заставила его [уже в ходе командировки – С.Д.] потерять даром не мало времени. Все это было ему поставлено в вину, и в течение нескольких лет ему пришлось пережить много горького и тяжелого». В связи с этими обстоятельствами акад. С.Ф. Ольденбург призывает искать «объяснения того, что Ивановский далеко не дал всего, что мог дать»¹¹.

С сентября 1893 г. в связи со смертью проф. С.И. Георгиевского и выхода в отставку акад. В.П. Васильева А.О. Ивановскому было поручено чтение лекций по китайской словесности. 16 июня 1894 г. он был утвержден экстраординарным профессором по кафедре китайской словесности. А.О.Ивановский состоял членом-сотрудником императорских Русского географического и Археологического обществ.

Несмотря на то, что А.О. Ивановский начинал учебу под руководством А.И. Позднеева, он стал любимым учеником академика В.П. Васильева, которого он пережил менее чем на три года. После смерти учителя, он много времени уделял приведению в порядок его архива и подготовке к печати оставшихся после его смерти работ¹². Совместно с акад. С.Ф. Ольденбургом А.О. Ивановский много работал по изучению буддийских источников, в частности, он занимался составлением указателя сборников Ганджур и Данджур. Однако тяжелые личные обстоятельства, смерть сына, последовавшая вскоре после кончины его учителя, В.П.Васильева, еще больше подорвали его здоровье, что и привело к его преждевременной кончине¹³. Скончался А.О. Ивановский в психиатрической лечебнице доктора Барни в Петербурге¹⁴.

Данная публикация посвящена обстоятельствам командировки А.О. Иванова в Китай, ее результатам и дальнейшей оценке со стороны руководства Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

В ноябре 1888 г. факультет Восточных языков Санкт-Петербургского университета обратилась к Министру Народного Просвещения с ходатайством следующего содержания:

Кафедра Китайской и Маньчжурской словесности факультета, «со времени выслуги заслуженным Ординарным профессором В.П. Васильевым пятидесятилетнего срока службы, с 16 июня 1887 г. остается вакантною за неимением соответствующего требованиям университетского устава штатного преподавателя, и это обстоятельство налагает на факультет обязанность озаботиться приготовлением из своих питомцев достойного преподавателя по этой кафедре. Факультет не может не осознавать, что кафедра китайской словесности должна быть почитаема первою и важнейшею на китайско-маньчжурско-монгольском отделении факультета. Но если оригинальный китайский язык с его богатой литературой, заключающей в себе источники для ознакомления не только с собственным китайским, но и со всею восточною частью Средней Азии, могут представлять собою лишь громадную трудность для изучения их в Европе, то уразумение быта и духовной стороны китайского народа является здесь решительно не возможным. Самобытная культура китайцев, своеобразность их религиозных, нравственных и социальных воззрений могут быть основательно поняты и изучены только в самом Китае. Поэтому факультет всегда считал

необходимым иметь представителем по кафедре китайской словесности лицо, непосредственно ознакомившееся с Китаем и изучавшее его на месте. Сказанное положение в настоящее время осложняется еще более обнаружившимся за последние годы новым, прогрессивным движением в Китае и влиянием его на ход жизни всей Китайской империи. Это новое движение и знание его для цивилизации китайского народа уже никоим образом не могут поддаться основательному изучению синологом, лично незнакомого с Китаем, ибо для составления понятия обо всем этом, он не найдет никаких данных даже и в китайской литературе, помимо тенденциозных периодических изданий и взаимно противоречащих сказаний европейских путешественников. Было бы однако совершенно не согласно с достоинством России, если бы представители ее университетских кафедр, и особенно такой важной, как кафедра китайско-маньчжурской словесности, не изучали своего предмета самостоятельно, а только по чужим трудам, и таким образом принуждены были бы смотреть на дело чужими глазами. В виду этого, факультет Восточных языков полагает, что в настоящую пору он решительно не может иметь профессором китайской словесности лицо, не видавшее Китая и не ознакомившееся с китайским народом в его собственной стране.

В заботах о приготовлении достойного представителя по кафедре китайской словесности, факультет Восточных языков остановил свое внимание, между прочим, на личности приват-доцента магистра А.О. Ивановского...

При несомненных дарованиях и значительной подготовке г. Ивановского, факультет имеет право надеяться, что двухлетнее пребывание его в Китае и изучение китайского языка на месте даст отличные результаты для его научного развития и сделает его достойным занять впоследствии кафедру китайской словесности при С.-Петербургском Университете»¹⁵.

Для адекватного отношению к дальнейшим событиям, связанных с оценкой результатов командировки А.О. Ивановского, необходимо отметить, что к 1889 г. кафедра китайской словесности уже имело штатного профессора – Ф.М. Георгиевского, кандидатуру которого поддержал профессор А.М. Позднеев. Таким образом, сама обстановка, когда на это же место претендовал А.О.Ивановский – любимый ученик академика В.П. Васильева, с которым А.М. Позднеев находился в конфликте, во многом, по всей вероятности, предопределила резко отрицательную оценку деятельности А.О. Ивановского в ходе его командировки в Китай.

Отчет о командировке, публикуемый далее в авторской редакции¹⁶, был передан Ивановским на факультет Восточных языков, где о нем были составлены отзывы ординарным профессором А.М. Позднеевым, и.д. экстраординарного профессора Д.А. Пешуровым и экстраординарным профессором Ф.М. Георгиевским (см. Приложения). На заседании факультета, было согласовано мнение, что основываясь на отзывах профессоров, Ивановский не исполнил данной ему инструкции, и определил представить в министерство народного просвещения в копиях как отзывы профессоров, так и представление академика В.П. Васильева с особым мнением, в котором он высказался, что самым логичным и естественным выходом из создавшегося положения было бы возложить на Ивановского преподавание маньчжурского языка¹⁷.

Отчет [А.О.Ивановского] по двухлетней командировке в Манчжурию и Китай (1889–1891 гг.)¹⁸.

Отправившись в сентябре 1889 года из С.Петербурга в Китай через Сибирь, я успел 20-го октября прибыть в Томск, где получил известие от г. Декана Факультета, что к проезду моему через Манчжурию к Пекин препятствий со стороны Китайского правительства нет и что охранный лист (ху-чжао) будет

выслан в Иркутск. В Томске меня задержало нездоровье и желание посмотреть Томский Университет и в особенности этнографическо-археологический музей при нем, который весьма любезно во всех подробностях был показан мне Г. Попечителем Западно-Сибирского Округа В.М. Флоринским. Там я, между прочим, снял надписи с двух колоколов, присланных из Кульджи. Коротенькая заметка о китайских вещах этого музея была помещена мною в Записках Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества (т. IV. стр. 381–383)¹⁹.

По прибытии в Иркутск, я действительно получил в канцелярии Генерал-Губернатора охранный лист, но вместе с тем г.Губернский Прокурор просил меня, как специалиста, просмотреть все счета, записки и проч., арестованные в лавке китайского купца, обвиненного в тайной покупке золота. Отказаться в исполнении этой просьбы я тем более не мог, что в Иркутске нет переводчика и вообще знающего по-китайски.

Пользуясь этой моей задержкой в Иркутске, местный отдел Географического Общества просил меня (опять таки, как случайно попавшего специалиста) рассмотреть книги на китайском и прочих языках в библиотеке отдела. Книги эти были приведены в порядок, и я успел не только составить, но даже и напечатать их каталог (более 400 названий). Тогда же по просьбе членов отдела была прочитана мною публичная лекция об изящной литературе китайцев, весь сбор с которой (чистый 278 руб.) поступил в пользу отдела, на напечатание сочинений, издаваемых отделом²⁰.

Так как изучение Буддизма есть одно из главных занятий, которым я посвятил себя, то я решил воспользоваться проездом через Забайкалье для осмотра бурятских дацанов. Именно в первой половине февраля 1890 г. были посещены мною дацаны: Шолотунский (близ Верхнеудинска), Анинский, Агинский (за Читой) и Цугульский (на Ононе). Время мною было нарочно подогнано, чтобы попасть в дацаны на новогодние празднества (цаган-сара), что действительно и удалось. Напр., в Шолотунский дацан я прибыл накануне первого дня нового года. Дацаны были осмотрены мною во всех подробностях. В Агинском дацане мне даже пришлось (через переводчиков) иметь длинные рассуждения с ламами о «рождении Будды-Шакьямуни из подмышки» и о том, что «нет ничего вечного». Тот и другой диалектический спор кончился для меня очень удачно: ламы признали верность моей точки зрения (напр., что выражение «из подмышки» чисто аллегорическое). Эти же ламы просили меня перевести с тибетского на русский два изречения, по их мнению, содержащие сущность всего учения буддизма, что мною и было исполнено. Они сами понимали, конечно, эти изречения, но затруднялись передать по-русски. Мой перевод был сообщен им переводчиками по-бурятски и вполне их удовлетворил.

На Амур, в Благовещенск я прибыл 25-го февраля 1890 года. Здесь мне, прежде чем отправиться в Пекин, следовало осмотреться, ознакомиться с местным наречием и вообще с краем. Прежде всего, я обратил внимание на поселение китайских подданных на нашем, левом берегу Амура. Население это интересно и по своему составу (китайцы, маньчжуры и дахуры), и по отношению к русским. Особенно интересен вопрос земельный: они занимают лучшие земли на 66 верст по берегу Амура и на 20 верст в глубь страны. Население это увеличивается не только от естественного прироста, но и переселенцами с правого берега. Поселившись на Складе Верхне-Амурской Золотопромышленной Компании, в центре этих деревень, я, кроме ознакомления с местными наречиями, китайского и маньчжурского языков, записал слова дахурские и занялся шаманством, которое здесь сильно развито. Дело в том, что со всех этих деревень взят на Склад овес для продажи. Склад пользуется популярностью и я, как живущий

на Складе, был как бы своим человеком в этих деревнях и смело мог являться ночью на камланья. Меня не гнали и не боялись, как было потом в Маньчжурии. На Складе же я свел знакомство с Айгунскими купцами и чиновниками. В Айгуне также вследствие торговых интересов русские всюду принимаются свободно, и я получил возможность во время своих частых приездов в Айгун на китайские праздники и в дни театральных представлений свободно располагаться в домах знакомых китайцев и жить там неделями. Когда я ознакомился с местным наречием и избавился совершенно от любопытства уличной толпы, (от чего страдают и теперь русские в базарные дни)²¹. Пользуясь этим, я осмотрел весь город, все его кумирни, лавки, харчевни, не пропуская не одного театрального представления²² и в книжных лавках (правда небольших) купил по два экземпляра (для себя и для университетской библиотеки) всех книжек, изданных для народа. В деревне Даньчифа мне удалось купить рукопись, содержащую маньчжурские песни. Краткие заметки о результатах, добытых здесь, были напечатаны в «Восточном Обзрении» за прошлый год²³.

В Июле 1890 г. я съездил на пароходе «Работник» в Желтуху с целью ознакомиться с состоянием приисков и вообще этой знаменитой в летописях Амура местности... Сведения, добытые в Желтухе, частью были помещены в «Восточном обозрении» (№ 36 за 1890 г.)²⁴.

По возвращении из Желтухи, я в последний раз предпринял поездку по дальним китайским деревням на нашем берегу. Тут я снял у деревни Гильчина надписи на двух камнях, которые, некоторыми считались межевыми, но оказались простыми надгробными (в честь двух «добродетельных жен»).

Результатом этих моих поездок по Амуру явился, между прочим, список китайских деревень на обоих берегах Амура и вблизи них вплоть до устья Сунгари, список, конечно, отчасти составленный по расспросным (но неоднократно проверенным) сведениям.

Когда я увидел себя достаточно освоившимся с местным наречием китайского языка, я решил предпринять предварительную поездку в Мэргэнь (коло 200 верст на Ю. от Айгуна). Самый Мэргэнь совсем не интересен: это не город, а скорее большая деревня. Но зато Мергэнь, можно сказать, центр Дахурии. Город полон дахурами, стоит зайти в базарный день в любую харчевню (гуань-цза): вся она полна дахурами и повсюду раздается дахурская речь, на улицах тоже все дахуры. Маньчжуры в массе дахур незаметны, из китайцев там только купцы (Шаньсийцы) и приписанные к станциям (чжань-шан-ды). Почти на половине расстояния между Айгуном и Мэргэнем дорога проходит мимо развалин города Син-ань-чэнь (Хинганский город), построенный для главноуправляющего (ухэри-да) Ороचनाми с целью привлечения последних к оседлой жизни. Опыт оказался неудачен: город построен на болотистой местности, все здания развалились. Ямынь Главноуправляющего перенесли в 4-ю станцию (Калтархи), а Орочены, вызываемые на службу, разбегаются и только собираются на облавы. Ямынь этот замечателен тем, что вся переписка в нем обязательно ведется на маньчжурском языке (в Айгуне, Мэргэне и Цицикаре на китайском и маньчжурском языках). Во время этой поездки (20 августа – 6 сентября) я записал слова дахурские и ороченские²⁵.

Во время этой поездки мне пришлось страдать от непрерывных дождей, постоянно бывающих в этих местностях в августе и начале сентября. По возвращении в Благовещенск и по приведении в порядок дневника, настало самое лучшее время (оп словам Айгунцев, езжавших в Цицикар и на родину в Шаньчи) для проезда через Манчжурию: в северной Манчжурии реки уже замерзли, а ко времени прибытия в южную реки станут и там, и таким образом, переезд нигде не задерживается, холода же еще не велики. Этот переезд я опять пред-

принял один, даже отказался взять провожатого китайского чиновника из Айгуна (они только мешают собиранию материалов). Правда, Айгунский ямынь отправил (как я узнал по возвращении) провожатого отдельно от меня, но последний не мог догнать меня: он был записной курильщик опиума, подобно большинству своих собратий, выехал через сутки после меня, останавливался в каждой деревне для курения, проехал две станции и вернулся назад.

В первую поездку телега была нанята мною у мелкого айгунского чиновника (собственно: па-пинь-цзянь-шэн), который вместе с тем был и моим провожатым. Поэтому он ухитрился взять меня в своей телеге, но на казенных конях, так что мы и останавливались на станциях (гуань-фан-цза). Это имело ту выгоду, что я мог через станционных добывать себе цилиней (орончонов) и дахур, затем ознакомиться с бытом и устройством приписанных к станции китайцев (чжан-шань-ды). Особенно интересно их наречие, резко отличающееся от местного. Это разница главным образом фонетическая (с вместо ш и наоборот, ц вместо ч, к вместо ц и т.д.), но есть особые слова, не употребляемые прочими местными китайцами. Это объясняется тем, что предки этих чжань-шань-ды были поселены здесь из разных мест Китая. Все эти чжаньшанды ревностные поклонники шаманства. Камлания бывают почти каждую ночь. Я, конечно, при первой возможности не пропускал этих камланий в первую свою поездку (до Мэргэня).

Однако возвратимся ко второй поездке. Теперь уже я решил ехать иначе. Я нашел телегу в одной из двух существующих в Айгуне фирм (бло-цзюй), перевозящих главным образом золото (из Айгуна) и серебро (в Айгун из Мукдэня, взамен золота²⁶). Телеги, (бяо-чэ), доставляемые этими фирмами, обыкновенно нанимаются комиссинерским способом, от фирмы только провожатый прикащик (сяо-хоцзи, даже сяо-чжэн-гуйда), ружья и флаги. В пользу фирмы остается почти половина наемной платы. Таковую-то тележку, запряженную двумя небольшими лошачками и одной кобылой, доставила мне фирма Ли-чэн-бло-цзюй с стариком кучером, уроженцем Пекинской губернии, где у него семья, и провожатым приказчиком из Куань-чэн-цзы. Тут же мы останавливались или в гостиницах (дянь), или в знакомых домах, хозяева которых нередко были пайщиками фирмы. При бедности населения Северной Манчжурии приходилось страдать от холода, вони и грязи (располагались в общей комнате, на уступленной части кана), но это искупалось возможностью изучить домашнюю жизнь китайцев; располагался я среди домашних, не чуждавшихся меня, собирались и прочие жители деревни, которые, не видя около меня чиновника, без опасения расспрашивали меня и отвечали на мои вопросы, и я смело мог ходить по деревне и заходить в дома. Много подкупало их звание хань-вэнь-цзынь-ши (доктор китайской словесности). По своему обыкновению, я не пропускал ни одной деревенской кумирни, и меня свободно допускали в них, позволяли описывать надписи на дощечках и называли богов. При каждой такой кумирне живет обыкновенно старик, именуемых хэшанам. Но в сущности хэшаны (ссылные Пекинские евнухи) живут только в качестве настоятелей-хозяев (дан-цзя-да) в двух кумирнях на Хинганских перевалах (Куань-ань-лин-мяо, между 1-й и 2-й станцией от Айгуна, и Да-мин-мяо, между 3-й и 4-3 станциями).

Пока ехали горами, все шло хорошо. Но лишь только выбрались мы в продольную долину (или точнее соединение между отрогов гор почти до Вучжань (5-й станции) очень топкую от разливов речек Мунахэ и Колор-хэ, как начали завязать в покрытых тонким льдом трясынах. Дело кончилось тем, что на пятом станке перед деревней Ши-тоу-тунь телега опрокинулась и ввалилась в речную извилину. Сидевшие на передке кучер и прикащик быстро выбра-

лись, и я, как сидевший внутри телеги с вещами попал прямо в воду. Пришлось провозиться более 2-х часов, пока развязали мои вещи и по одиночке вытащили на сухую землю, а затем при помощи лошаков перевернули и вытащили телегу. Затем при ветре часа три пришлось тащиться до станции. Вымоченные вещи пришлось высушить только в Мэргэне, куда мы прибыли 16 октября.

В виду того, что в первую поездку прожил в Мэргэне около 5 суток, на этот раз я пробыл в нем всего только сутки, пока обсохли вещи. Остановился я в гостинице на краю города. Надо заметить, что собственно город или крепость лежит вне Мэргэня, там, где должно было бы быть южное предместье (наньгуань), а самый Мэргэнь делится на три части: северное, восточное и западное предместья. Северное предместье примыкает к реке Нонь-цзянь. Крепость в очень ветхом состоянии, так что амбань (фу-ду-тун) нанимает частную квартиру близ большой улицы, а его дом в крепости пустует. В этот приезд я уже застал нового фу-ду-туна (У-шан, Манчжур), прибывшего из Пекина. Он прежде служил в Айгуне, знает русских и, по-видимому, расположен к ним. Едва я приехал, как он прислал чжэн-тана (первоприсутствующего) военного отделения своей канцелярии (Дахура) справиться о моем здоровье и уведомить о визите. Действительно, на другой день в 8 часов амбань уже был у меня, выказал большое участие к моему несчастью (провалу в реку), распорядился, чтобы хорошенько высушили вещи, и назначил двух провожатых до Цицикара, обоих дахур, одного офицера (гуань), младшего брата вышеупомянутого чжэн-тана, другого бошко (тоже родственника). Оба эти дахура были очень полезны мне и для собирания лингвистического материала. Оба они говорили по-китайски и по-маньчжурски; офицер умел писать по-маньчжурски, а бошко по-китайски и кроме того говорил по-солонски. Поэтому я успел собрать от них не только материалы лексические и грамматические, но даже заставил офицера письменно перевести открытки с маньчжурского на дахурский, чего до сих пор (насколько мне известно) никем не было сделано, так как дахуры пишут по-маньчжурски и никогда на своем родном языке. Мало того, эти дахуры служили мне переводчикам, когда мы заезжали в Бутха – солонские деревни. Благодаря знанию бошко по-солонски, жители этих деревень пускали нас и даже сообщали слова и фразы на своем языке. Неудача постигла нас всего раз в деревне Да-Кабха, где нас собравшиеся мужчины-соседи выгнали из того дома, где мы было расположились и где я записал было до сотни слов. Оба дахура оказались записными курильщиками опиума (бошко курит 33 года с 11 лет), и просили меня останавливаться в каждой деревне отдохнуть (т.е. покурить опиума или хоть табаку²⁷). Я, не замечая сначала на себе вреда от опийного дыма, охотно соглашался на это, чтобы или записать слова, или осмотреть что-нибудь интересное в деревне.

Ехали в той же наемной телеге, а провожатые в станционных телегах. Поэтому мы ночевали обыкновенно в гунь-фань-цза, кроме тех случаев, когда не успевали сделать станка и останавливались в промежуточной деревне, в частном доме. Благополучие мое продолжалось не долго. 19-го октября перед станцией Лаха чжэнь (верст за 12 от нее), против селения Дагдуй (10 в. от дороги вправо), развалилось левое колесо моей сяо-чэ. Мне пришлось дожидаться отставших провожатых и в их телеге доехать до станции. Моя телега притащилась ночью. Исправиться оказалось в деревне невозможным. Поэтому отправили депешу (вэнь-шу) в Цицикар, а мне дали станционных лошадей; здесь же примостился и мой провожатый – прикащик (со стоим багажом, в котором после оказалось более 100 лан, около 10 ф. Золота для одной лавки в Цицикаре).

На станционных лошадях я и прибыл 22-го октября в г. Цицикар или, как его здесь называют, Букуй. Поместился я в южном предместье, в доме фирмы Ли-чэн-бяо-цзюй (от которой была нанята телега). В тот же день вечером явился ко мне «розовый шарик» (шао-гуань Цюань-бао, из старых Манчжур, недавно вернувшихся из Кульджи) с 5 солдатами. Оказалось, что он назначен для моей охраны.

Так он и прожил тут до самого моего отъезда; мои Дахуры поместились в дахурской гостинице в западном предместье. На другой день меня посетили Лин-тай-е (собственно Лэн-шань) с др., оставшийся за цзян-цзюня, уехавшего в Ху-лань-чэн. Они привезли мне подарки от имени цзян-цзюня. В тот же день я отдал им визит, причем сvez и ответные подарки (револьвер, походная кухня и т. п.). Интересен даже самый состав посетителей: один Дахур (Лэн-шань), другой Манчжур (Му-гусай-да), третий Хань-цзюнь (Да-цзо-лин).

В Цицикаре я пробыл неделю (до 28 октября), подробно осмотрел (о чем было сделано распоряжение²⁸) городок, кумирни, училище (И-сё, по здешнему И-сяо), лавки. Осмотр был затруднен постоянным присутствием толпы в несколько сот человек, так что со мной всегда ходили: один «белый шарик», 2 бошко и человек 5 солдат. Толпа провожала меня и за город, когда я смотрел загробные кумирни²⁹. Цицикар надо считать первым настоящим китайским городом. Айгун и Мэргэн перед ним деревни. Людность в нем поражает даже сравнительно с Бэдунэ и Гирином. Почти весь он из кирпича. Самый город окружен кирпичными стенами, предместья глинобитными. За городом 10 лагерей.

Цицикаром кончается область русского влияния. В нем еще есть люди, знающие Амур и Благовещенск. Также принимаются русские бумажки, впрочем, без всякого лажу³⁰. Один рубль равняется здесь одной дяо (1000 чохов), между тем как в Айгуне дают за него от 1130 чох. до 1350 чох. (в Мэргэне на 100 или 150 чохов менее). В деревнях до Цицикара попадаются русские чайники, чашки, медные пятаки и даже олеографии (напр., в одном доме портрет Императора Александра II и история Тараса Бульбы). За Цицикаром русские деньги не ходят и русских вещей нет, разве попадется битая чашка, занесенная воровавшимся на родину Желтучинцем. Русских там уже, можно сказать, никто не знает, и я ехал (в третью поездку) за француза или англичанина, как кому нравилось...

Как я ни крепился, но разыгравшийся от простуды ревматизм заставил меня отложить всякую мысль о поездке дальше и вернуться поскорее в Благовещенск. Цицикарские власти отнеслись очень сочувственно к моей болезни³¹, назначили тех же провожатых до Айгуна (из Айгуна опять назначили провожать до Благовещенска, хотя всего 35 верст) и велели доставлять мне полное спокойствие по дороге и не препятствовать собирать лингвистические материалы. Этому собиранию материалов я теперь мог святить много времени, так как болезнь заставила ехать очень медленно. На половине дороги из Цицикара в Мэргэнь, на станции Бордо-чжань мы даже сделали дневку (1-го-3-го ноября). В 100 ли отсюда находится Бутха, центр управления солонов, которые живут здесь повсюду. Поэтому эта станция богата, ив ней много больших лавок. В Мэргэне я опять прожил четверо суток (с 4-го по 8-е ноября), обменялся визитами и подарками с амбанем. Последний в ответ на мой подарок (револьвер бульдог) прислал, между просим, как редкость, 1 фунт коровьего масла. Тут я, пользуясь тем, что река Нонь-цзян замерзла, осмотрел кумирни Хэ-шэнь-мяо (за заливом реки, на мысу, в честь духа реки) и лодки, на которых сплавляется провиант из г. Ху-лан-чэна. Отдохнувши в Мэргэне я 8-го ноября выехал в Айгун, куда и прибыл 14-го ноября.

А 16-го вернулся в Благовещенск. Плодом этой поездки (кроме дневников) явился подробный маршрут из Айгуна в Цицикар и обратно (дороги частично менялись), описание всех кумирен на том же протяжении и, в особенности, материалы лингвистические, а именно: кроме особенностей говора в языках китайском и маньчжурском, материалы для дахурского, орончно-солонского (с наречием Бутха-солонским) и баргутского (наречие монгольского языка). Все это в связи с добытыми мною раньше материалами дает возможность судить о том, каким языком говорят дахуры, оронконы, солоны, бутха-солоны и баргу, т. е. обитатели северной Манчжурии.

По возвращении в Благовещенск, мне пришлось прохворать два месяца, и только в конце января я увидел себя настолько поправившимся, что мог опять двинуться. Хотя моя двукратная поездка по одному и тому же ху-чжао возбудила неудовольствие местных китайских властей, но неудовольствие это выказывалось косвенным образом, и я решился третий раз ехать Манчжурией, только уже взявши с собой русского человека. Именно со мною вызвался ехать служивший в Благовещенске по торговой части кунгурский мещанин Егор Иванович Олешев, который из желания побывать в Китае, бросил свое место и сопровождал меня до самого возвращения в Кяхту. На нем, как знающем только один русский язык, лежала одна черная работа, присмотр за вещами, укладка их, но эта работа при бестолковости китайских возниц и перевощиков, всецело лежала на нем, и я мог вполне отдаться своим занятиям, являясь только переводчиком, когда ему что-нибудь было нужно от китайцев. Немало, конечно, пришлось ему, особенно в первое время страдать от непривычки к китайской пище, которой я постоянно и исключительно питался во всех своих поездках, не беря ничего нашего, так как последнее скоро портится и грязнится. В эту третью поездку я, делая уступки новичку, взял сухарей, но их скоро пришлось бросить, до того они заплылились³², несмотря на то, что лежали в двух мешках.

Первоначально я хотел условиться с одной из двух фирм довести меня до Пекина, но это оказалось невозможным, так как одна фирма запросила 500 лан (т. е. по тогдашнему курсу 1200 р.), а другая 200 лан. Поэтому я сам нанял случайно подвернувшегося возчика (тележка, запряженная двумя конями) только до Цицикара, чтобы нанять там до Мукденя, а от Мукденя до Пекина (как обыкновенно делают китайцы). Маршрут я избрал следующий: Айгун-Цицикар-Бэдунэ-Гирин-Мукдэнь-Шань-хай-гуань-Пекин. Первоначально я даже думал ехать по Сунгари на Сань-син и уже условился с известным Хабаровским купцом Тифун-тай'ем довести меня до Сань-сина, но сборы задержали меня до начала февраля, когда уже этот путь оказался невозможным: у Сань-сина в это время являются наледи и лед непрочен.

Правда, дорогой, избранной мною, проехал в 1870 г. арх. Палладий, но он ехал очень быстро, почему не мог списать дороги во всех подробностях, да и многое с тех пор переменялось. В недавнее время проехали еще этой дорогой Ресин³³ и Путята³⁴, но только отчасти (Ресин от Синь-чжань до Айгуна, Путята от Мукдэня до Сюй-шэнь-дянь) и со специальными целями. Поэтому мой проезд мог дополнить то, чего не было сделано многими предшественниками.

Я по-прежнему вел самый подробный маршрут, заноса в него все подавшие по дороге и близ нее поселения, везде старался расспросами и собственными наблюдениями определить, кто живет в данной местности: китайцы, или маньчжуры, знаменные или приписанные к станциям, или, наконец, Монголы (перед Бэдунэ); расстояния определял расспросами местных жителей и по ходу телеги; для проверки служили поверстные расстояния по части пути, приведенные у Ресина и Путяты, а также дорожник, приведенный пр. Васильевым

в его статье «Описание Манчжурии» и извлеченный из Шэн-цзин-тун-чжи³⁵. Лингвистические исследования обращены были исключительно на китайский язык, тем более, что за Цицикаром попадались (кроме восточных Монголов двух Горлосских хошунов) только Маньчжуры, и то немного южнее Бэдунэ, а дальше пошло сплошное китайское население.

Про население Манчжурии надо заметить, что оно теперь очень значительно, слабо населена только часть до Мэргэня, а за ним перед Цицикаром население уже начинает заметно увеличиваться и не только по дороге, но и везде по сторонам. Перед самым Бэдунэ деревни идут сплошь, как бы в вознаграждение пустынных, песчаных берегов на месте слияния Нонь-цзяна с Сунгари. Про густоту населения в местностях Гирина и Мукденя и затем до Шан-хай-гуаня нечего и говорить. Местами эта густота значительно превосходит таковую в местностях от Шань-хай-гуаня до Пекина и тем замечательна, что идут почти непрерывно не группы домов, а целые деревни. Переселенцы (семейные) попадались в очень большом количестве, как я писал в № 22-м «Восточного Обозрения» за текущий год³⁶.

С целью лучше ознакомиться с краем, я поставил себе правилом (вопреки обыкновенно китайских возчиков) трогаться не ранее 8-го часа утра, и останавливаться на ночлег не позже 4 часов (коло полдня останавливались для отдыха и обеда часа на полтора), таким образом, утром и вечером у меня было свободное время для осмотра той деревни, где остановились на ночлег, наконец, в больших городах (Цицикар, Бэдунэ, Гирин и Мукдэн) останавливаться не менее 3-х суток, чтобы лучше их осмотреть.

Выехал я из Благовещенска утром 10-го февраля и первую часть дороги совершил без всяких затруднений³⁷, везде – и на станциях, и в гостиницах, меня принимали как старого знакомого. В Мэргэне опять старый знакомый амбань навязал провожатого офицера (маньчжур, бывший начальником караула против Олэци на Аргуне, знает по-дархурски и немного по-орончонски). Беспокойства начались только с Цицикара. В доме знакомой фирмы я не остановился, чтобы избавиться найма телеги через нее, а стал искать места в гостиницах. Везде отказывали, говоря, что нет места. Пришлось изъездить весь город, пока не пустил нас в восточном предместье хозяин гостиницы Вань-тай-дянь, узнавший меня по первому приезду в Цицикар. Та же история повторилась в Бэдунэ, Гирине и Мукдэне. Объясняется это боязнью толпы, привлекаемой любопытством, и местных властей, которые при прибытии иностранца присылают конвой (караул) и запирают даже ворота гостиницы. Отчего и страдают торговые интересы хозяина (помимо расходов на караул и опасения, что содержание иностранца будет отнесено на казенный счет, т.е. хозяин ничего не получит). Подобный случай был со мною даже в Мэргэне, где мне пришлось самому вмешаться, чтобы открыли ворота. Это, между прочим, побудило меня по окончании Гиринских пределов решительно отказаться от конвоя. Этот отказ я повторил и в Шань-хай-гуане, где единственно за всю дорогу потребовали настойчиво мой охранный лист и снесли его в ямынь, чего до тех пор нигде не делалось (хотя местами и просили ху-чжао).

В Цицикаре я пробыл с 22-го по 25 февраля и осмотрел что еще осталось интересного. Здесь я нанял телегу до Мукдэня. Попался тот же возчик, который возил меня во вторую поездку из Айгуна в Цицикар. Как человек бывалый, он был очень полезен мне для расспросных сведений и своим знакомством в деревнях. Вследствие слухов о появлении близь Хулнь-чэна хунхуз, мне навязали до Бэдунэ целый конвой: десять человек солдат (почти все Мэргэнские дахуры, вызванные на срок в Цицикар) под начальством офицера, также Мэргэнского дахура. В Мао-син-чжань к ним присоединился еще офицер

с 5-ю солдатами (лу-цзи-ин). Все они провожали меня верхами на своих лошадях. Народ все молодой и веселый, и мы расстались приятелями. Цицикарские конвойные были одеты в чистое форменное платье и вооружены все одинаковыми французскими драгунскими карабинами³⁸, хотя стрелки-то они очень плохие. Часто по дороге они пробовали стрелять в цель, и пуля пролетала саженьях в 50 от последней. Дальнейшие конвойные (от Бэдуня постоянно офицер и два солдата) были одеты очень бедно и вооружены какими попало ружьями.

Через Сунгари мы переправились по льду, и то только в одной протоке, другие две совершенно пересохли, и мы ехали по глубокому, сыпучему песку. Такие же пески на большом расстоянии и по обоим берегам реки.

В Бэдунэ, или как его все здесь называют, Синь-чэне – «Новый город» (есть еще старый город, точнее его развалины у почтовой станции Бэдунэ-чжань) я поместился после многих хлопот в гостинице наискось дома Фу-ду-туна. Надо заметить, что здесь Фудутуну подчинены уже только знаменные, а управление причисленными китайцами находится в руках гражданского чиновника (под-префекта), живущего в Гууй-шу. Осмотреть город мне помогли Цицикарские конвойные, прожившие здесь два дня. С ними я осмотрел все лучшие кумирни, предместья города, поднимался и на городские башни, чтобы лучше рассмотреть город; мне удалось даже проникнуть ночью в притоны для курения опиума (в южном предместье) для самого бедного класса. Город довольно многолюдный. Хотя с закатом солнца все лавки запираются и остаются только торговцы на лотках сладостями, но прикащики не спят до полночи, сводя счета (и куря опиум), так что впустили внутрь лавки и продали что угодно. Днем любопытство толпы преследовало меня на улице, но уже не в такой степени, как в Цицикаре. Несмотря на отсутствие полицейских. Никто не входил во двор гостиницы. Что особенно поражает в Синьчэне, так это масса могил с северной и западной стороны его: вплоть у самой дороги и вдаль, насколько хватает глаз, сплошные могилы. Тут их десятки тысяч. Дальше мне нигде не приходилось видеть ничего подобного. Объясняли мне это сильной смертностью среди жителей.

Из Бэдунэ в Гирин мы все время ехали правым берегом Гириньула, через которую переплавились по льду почти у самого города, так как ехали через станцию Цзинь-чжу-чжань. Ехавший же этой дорогой Путята переправился гораздо ниже (в Ула, 60 ли до Гириня). Хотя с этой (восточной) стороны Гиринь поражает страшной грязью при въезде и в предместье (все колеса уходят в грязь, и мы должны были идти пешком), но зато внутри самого города улицы выложены поперечными бревнами и потому очень сухо. Большая улица, в которую попадаешь из восточного предместья, поражает приехавшего с севера богатством и чистотой своих лавок и гостиниц. Точно так же кумирни Гириня самые лучшие и богатые, из всех виденных мною, все они содержатся в такой чистоте, которой я уже больше нигде не видал. Гириньский Цзян-цзюнь живет в самом городе, а на случай приездов сюда Мукденского цзян-цзюня (или цинь-чай'я, как его титуловали), за западной частью города (где только и видишь новые и исправные стены Гириня) в особом предместье, называемом Дэ-шен-чай, построен особый дворец (Цинь-чай-фу). Тут же недалеко при въезде в западное предместье у самой дороги находится площадка (ничем ни выделяющаяся) для казни преступников, головы которых вешаются в деревянных клетках на аллее вдоль дороги за западным предместьем. Надо заметить, что Гиринь считается как бы специальным местом для казни преступников, которые высылаются сюда и из Мукдэня. Палачи его славятся на всю Манчжурию своим искусством рубить головы. Действительно, накануне моего отъезда из ямыня вывезли 16 хунхуз (большинство – около 20 лет) и на этой площадке очень быстро отрубили всем головы. Когда на другой день я проезжал мимо этой площадки, часть

трупов уже была съедена собаками, который в Гирине ужасная масса, а головы уже были развешаны и даже три стащены собаками с веток и обглоданы. На место казни преступников провожала огромная толпа любопытных, но на другой день все с опаской, стороной проходили мимо трупов. Да и сами преступники поражали во время провождения (в почтовых телегах) на казнь своей бледностью, не было и помину о том равнодушии, с которым будто бы китаец идет на казнь. В Гирине ни власти, ни толпа не обращали никакого внимания на мое присутствие. Я ходил свободно один по улицам, и никто почти не обращал внимания, не говоря о том, чтобы идти сзади. Видно, что здесь уже население привыкло к иностранцам (даже более, чем в Мукдэне). Но во время моего пребывания в Гирине в нем, по рассказам, находилась всего двое иностранцев: англичанин Се-эр (Sir)-Энь, управляющий телеграфом, и какой-то немец (Дэ-го).

Дорога от Гириня до Мукдэня прошла без всяких приключений. С г.И-тун-чжоу вместо северного счета на лао-цзянь или цзинь-цзянь (по которому каждая монета считается за две с учетом 1 монеты в сотне, так что 1000 чохов (и-дяо) содержит всего 490 монет), начался продолжающийся до Тун-чжоу (20 в. от Пекина) счет сяо-цзянь (одна монета равняется шести номинальным); в 1000 чохов (и-дяо, одна связка) всего 162–160 монет). В простых расчетах переход с одного счета на другой очень прост: надо число по северному счету помножить на 3, т. е. если по северному счету 100 чохов, то по счету на сяо-цзянь будет 300 чохов, и наоборот, напр., 600 чохов по счету «сяо-цзянь» по-айгунски будет 200 чохов, т.е. надо дать 97 монет. Лотвыкши от любопытства толпы после Бэдунэ, мы были поражены страшным натиском таковой, собравшейся у нашей тележки по въезде в город. Гам и шум толпы напомнили нам Цицикар. Явился и посланный их ямыня, спросил, кто я и куда еду. Пришлось наскоро пройтись по городу, чтобы посмотреть его, и поскорее выезжать. Дальше опять толпа стала спокойно относиться к нашему приезду.

В Мукдэнь прибыл я 20 марта. Здесь я нанял нового возницу, родом из Пекинской губернии. Его деревня в 20 ли от Китайский копей, там живут его родители и семья, поэтому он и вызвался везти меня из Шань-хай-гуаня не большим трактом через Юнь-пин-фу, а проселочным через города Чан-ли-сянь и Луань (по местному Лань)-сжоу. Эту дорогу я предпочел из желания посмотреть Кай-пин-ин и полевые работы, бывшие в это время во всем разгаре. Да и в деревнях, в стороне от тракта, жители относятся гораздо откровеннее к иностранцам, и лучше поэтому изучать их жизнь.

Однако вернуть немного к Мукдэню. Он сравнительно со всеми городами Манчжурии отличается своей величиной, как в отношении предместий, так и в смысле самого города или крепости. Стены последней превосходят прочие и высотой, и толщиной. Повсюду памятники бывшего величия города, как столицы первых Императоров нынешней Маньчжурской династии. В крепости Императорский дворец, запертый теперь, но прежде в нем останавливались приезжавшие из Пекина Императоры; в каждом предместье города и за городом на каждой стороне по высокой башне (та); обширные кумирни. Но все это не поддерживается и постепенно приходит в ветхость; городские стены местами обваливаются, местами проросли травой и деревьями. Зато огромная масса лавок (в самом городе и предместьях), гостиниц и разных мастерских показывают важное торговое значение города. В нем, подобно Пекину, курс на серебро меняется ежедневно и даже несколько раз в день, чего мы не встречаем в других Маньчжурских городах.

Осмотревши город, я нанял тележку и отправился посмотреть северное кладбище (Бэй-лин), где похоронен второй Император нынешней династии.

Попытка проникнуть внутрь кладбища не удалась (вследствие многолюдства стражи). Мне только позволили оглядеть его внутренность через пролом в кирпичной ограде и щели в воротах. Но все-таки, обойдя кругом кладбища, я мог осмотреть всю первую наружную часть (в нее пускают раз в год, в праздник Цинмин, что около 25-го марта), и только нельзя было увидеть самой внутренней части за особой оградой, где могила. Стража на кладбище двойная (у всех 4-х ворот): внутренняя и наружная. Кладбище это в упадке и начинает разваливаться, а когда-то было очень роскошно.

По выезде из Мукдэня (23 марта) настала уже полная весна, хотя от сильных ветров, как и раньше, мы еще не могли снять тулупов. Реки все уже прошли, и пришлось переправляться через них на баркасах. Отсутствие конвоя здесь сказалось тем, что иногда на переправах приходилось очень долго ожидать очереди. Например, к Ляо-хэ мы подъехали в 9 часов утра, а переправились только в половине пятого дня. Зато масса народа на перевозе, привлекающая туда даже мелких торгашей [из ближайших деревень] (с печеньем, яйцами), обычная суэта китайских перевозов невольно привлекали к себе внимание и делали незаметным ожидание. Как перевозчики, так и проезжие везде были вежливы и услужливы, хотя и приставали с вопросами, кто, куда, как у нас делается. Только один раз, уже в самом Китае, перед Луань-чжоу, пришлось повоевать с перевозчиками, не хотевшими перевозить в дождь и спрятавшимися в шалашах, но щедрая плата за перевоз сделала то, что мы расстались большими приятелями. Но это был исключительный случай. В Манчжурии же во время разлива речек в мелких местах, где не проходил челнок, а местами образовывалась зыбка грязь, перевозчики несли на спине на протяжении более версты (с перерывами) не только меня со спутником, но и моего возчика, равно как и других китайцев, ехавших вместе с нами.

До Шань-хай-гуаня мы ехали известным историческим, большим трактом, иногда уклоняясь с него на проселочные дороги; таким образом мы миновали города Гуань-нин-сян и Цзинь-чжоу-фу, но зато ехали ближе к морю, обыкновенным купеческим трактом, через деревни (чтобы избежать платы сборов в таможнях).

В Шан-хай-гуань мы прибыли 2-го апреля. Великая стена около него еще довольно порядочно сохранилась, хотя местами образовались песчаные увалы вровень со стеной. Самый город (называемый Линь-юй-сянь) невольно обращает внимание по своей кипучей торговой деятельности, как самый важный пункт, через который сообщается Манчжурия с собственным Китаем. Здесь же впервые встречаются настоящие китайские нищие, голые, покрытые струпьями и дошедшие почти до полного идиотизма. Таких нищих в Манчжурии я не разу не видал. Правда, еще перед Шань-хай-гуанем попадались на дороге нищие, на костылях, выпрашивающие от проезжих подаяние. Но они сохранили человеческий образ и по всех вероятности были отчасти деревенские бедняки, отчасти переселенцы, наученные примером Шаньханьгуаньских нищих.

В виду важности Шань-хай-гуаня, там живет Фу-ду-тун (ведающий только самую крепость), но, кроме того, для китайцев есть уездный начальник (чжисянь), в ямынь которого тоже снесли мой охранный лист (ху-чжао), пока я обедал. Дело в том, что остановивши меня на заставе и пригласивши в комнату выпить чаю, списали мой охранный лист, который я опять забрал; караульный офицер подсел в мою телегу и неожиданно привез меня во двор ямыня, где опять попросил лист. Раздосадованный этой процедурой, я не дал ему листа, а велел нести лист моему спутнику, чтобы тот, кстати, посмотрел и ямынь. Сам же, чтобы не оставаться в глупом положении ожидающего, пошел побродить по ближайшему базару и купить кое-что съедобного. В ямыне хватились

и меня, но не нашли. Кончили дело и так. Потом мой новый провожатый нашел меня на базаре, просил остановиться в гостинице (он сам ее и рекомендовал; действительно, она очень хороша оказалась) пообедать, пока он кончит все дело с паспортом. Этот паспорт носили и к самому фудутуну, и в ямынь уездного начальника. За это время я успел не только пообедать, но и походить по городу, произвести необходимые закупки и разменять серебро.

Из Шань-хай-гуаня я сначала поехал по Тяньцзиньской дороге до г. Чан-ли-сяня, с которого мы свернули на СЗ на г. Луань (по здешнему Лань)-чжоу, из последнего проехал в Кай-пин-ин, где осмотрел, между прочим, и железную дорогу³⁹; из Кай-пин-ин выехал в г. Юй-тянь-сянь на большом тракте, но с него опять прямой дорогой, минуя Цзи-чжоу, выехали в г. Сань-хэ-сянь, из которого поехал уже большим трактом через Тун-чжоу на Пекин, куда и прибыл 9-го апреля текущего года. Остановился в духовном миссии, в отведенной для меня благодаря любезности Посольства и Миссии квартире. Таким образом, мною в течение двух месяцев был совершен переезд из Благовещенска в Пекин.

Расстояние точно определить нельзя, но во всяком случае более 2000 верст. Для всего этого расстояния составлен мною маршрут с показанием не только всех деревень и мелких поселений, но даже отдельных домов, в особенности на севере. Этот переезд, как и две предыдущие поездки (в особенности благодаря тому, что я ездил один, без всяких переводчиков), дал мне возможность ознакомиться с изменением говора китайского языка (от Айгуна до Пекина), а также и Манчжурского во всей северной, отчасти средней Манчжурии, где он еще сохранился; далее возможность гораздо лучше и ближе ознакомиться с жизнью китайцев, чем если бы я прожил это время в одном каком-нибудь месте, дал возможность ознакомиться с изменением быта китайцев и маньчжур на 2000 верстном расстоянии Манчжурии: пришлый, китайский элемент в лице Шаньсийцев на севере, сменяется дальше уже прочно осевшими переселенцами из других провинций Китая, в особенности Шаньдунцев (они в средней и южной Манчжурии заменяют Шаньсийцев, большинство лавок и гостиниц содержатся ими); среди них постепенно теряется и наконец совсем исчезает маньчжурский элемент. В Мукдэне, столице Манчжурии, никто уже не мог написать мне несколько слов по-манчжурски (для печати), и там не услышишь слова по-манчжурски, да и китайское наречие резко отличается от северного, напр., вместо жень человек ин, вместо жи́-тау солнце ии-та́у, вместо с – ш и т.д. Тут, вероятно, не осталось без влияния наречий Шань-дунцев, издавна переселявшихся в Манчжурию. Ознакомился я, наконец, за этот период и с сельскими, земледельческими работами средней и южной Манчжурии и части (правда, небольшой) собственного Китая (но они, в сущности, совершенно одинаковы) и мог сравнивать их с таковыми на севере Манчжурии, по амуру, с постепенным переходом от культуры овса и проса (сяо-ми-цза) до культуры риса.

По прибытии в Пекин мне надо было решить вопрос, что делать дальше. Для изучения письменного языка полезно было бы пробыть по крайней мере год в Пекине, но для этого, в виду истечения срок командировки, нужно было просить ее продолжения. Просить продолжения на год не позволяло ни состояние моего здоровья, сильно пошатнувшегося за последнее время, ни семейное положение, оставаться же на несколько месяцев в Пекине не имело никакого значения, в виду кратковременности. Поэтому я решил вернуться к сроку в Петербург. Более скорый способ возвращения был бы морем, через Тянь-цзин, но я предпочел сухопутный через Монголию. Этот путь я избрал для того, чтобы хотя [бы] немного познакомиться с Монголией и ее обита-

телями, и таким образом дополнить свое знакомство внешними владениями Китая.

Нанял я носилки для своего спутника, себе верхового мула, еще один мул шел под вьюком, и, таким образом, с двумя погонщиками двинулись мы из Пекина. Наши возчики-магометане повезли нас на Гуань-ши, обширную магометанскую деревню дворов в 800 к западу от Пекина; отсюда мы выехали к Нанькоу и через Ганьгоуское ущелье и г. Хуай-лай доехали до Сюань-хуа-фу, а от последнего 9 мая прибыли в Калган. Переезд от Пекина до Калгана был самым худшим во всей моей поездке, не столько от каменистой бесплодной дороги и страшной жары (приходилось пить воду прямо из колеи, не обращая внимания на грязь и навоз в ней), сколько от жадности и нахальства содержателей гостиниц. Последние (все магометане) страшно за все запрашивают. В одном месте с меня за завтрак из 4-х яиц с соленой капустой и морковью на 2-х маленьких блюдечках запросили серебряный рубль, хотя обыкновенная цена за яйцо (в тех местах, где я был) даже для иностранца $\frac{1}{2}$ к., самое дорогое 1 к. (даже в Пекине).

Город Сюань-хуа-фу занимает большое пространство, обнесенное стенами, но довольно пуст. Левее него обращает внимание два лагеря для войск, обнесенные глиняными стенами. Эти стены меньше Цицикарских и ближе всего подходят к стенам Гириных лагерей (с восточной стороны города, частью для отдельных знамен, частью для двух, трех знамен вместе⁴⁰).

Дорога из Калгана в Кяхту уже достаточно описана. Чтобы на ней останавливаться. Скажу только, что я пробыл двое суток в Калгане и четверо суток во Урге, чтобы ознакомиться с ними. В Урге я осмотрел наиболее интересные из доступных храмов. Видел, между прочим, и Гэгэна. Этот теперешний глава монгольского духовенства отличается незавидным характером, ведет себя не стесняясь, и потому в Урге циркулируют слухи, будто это последний гэгэн и со смертью его Китайский Император прекратит перерождения чжебцзунь-дамба-хутухты.

Ехал я по Монголии по так называемой уртунской дороге, с обыкновенной платой по 3 сер. рубля за станцию (их от Калгана до Кяхты 59). В Кяхту прибыл 26 мая. Этим закончилось мое путешествие по китайским владениям. Дальнейший путь шел уже по Сибири по старому направлению через Иркутск, Томск и Тюмень.

Хотя местами выше уже были указаны результаты моих двухлетних занятий и поездки во время командировки в Манчжурию и Китай, но считаю не лишним сгруппировать их здесь и вместе с тем объяснить происшедшие отступления от первоначального плана. Первоначально предполагалось, что я только проеду через Манчжурию и пребуду в Пекине не менее года, посвятивши его занятиям в библиотеках письменным языком. Но этот план изменился: отчасти под влиянием новых соображений, явившихся по прибытии в такую малоисследованную страну, как Маньчжурия, отчасти и вследствие нездоровья. Этот краткий предварительный отчет может дать только слабое понятие о том, что было сделано мною. Но я надеюсь вскоре представить подробный печатный отчет, обработавши добытые материалы, которые, несомненно, дополняют наши сведения о Манчжурии (допуская даже, что изучение китайского языка было полезно только лично для меня). Здесь же скажу только, что в отношении китайского языка эти постоянные разъезды без всякого переводчика дали мне возможность гораздо лучше практически ознакомиться с разговорным китайским языком, без которого не возможно полное изучение жизни и письменного языка Китайцев. Эти мои разъезды не только пополняют сведения моих предшественников оп географии Манчжурии, но

приобретают особенно важное преимущество перед ними тем, что я постоянно производил лингвистические исследования и собирал материалы по языкам Китайскому и Манчжурскому, а также дахурскому, солонскому и др., чего никто из них не делал. Благодаря этим разъездам я познакомился с теми частями Китая и их обитателями, с которыми постоянно приходится сталкиваться в своих работах ориенталисту, посвятившему себя изучению северо-восточной Азии. Я не буду и говорить о том, какое значение имеет теперь для России Манчжурия и в особенности ее население по Амуру, ее постоянное заселение и заполнение китайцами и пр., что я имел возможность исследовать во время этих своих работ. Конечно, в Манчжурии нет таких знатоков Китайского языка, как в Пекине, но и там их немного, да и как их достанешь. С другой стороны, и в Манчжурии китайская литература в таком уважении, как и в Пекине, и там люди занимаются ею всю жизнь. И вот знакомство с этими людьми, беседы с ними и совместное чтение книг может отчасти заменить руководство Пекинских знатоков. А уж самая жизнь Китайцев, их быт, верования и т.п., несомненно, неизмеримо лучше могут быть изучены в таких разъездах, чем живя в одном месте; в этих разъездах сталкиваешься с массой людей и в различных местах, живешь и вращаешься постоянно среди изучаемого народа⁴¹.

Все сказанное приведено мною не для того, чтобы оспаривать пользу и важность занятия в Пекине под руководством китайцев – знатоков своего родного языка, но для того, чтобы показать, что время мною не потеряно даром, что, если и получились результаты отчасти не те, которые ожидалось первоначально, то, во всяком случае, результаты эти полезны и важны, а главное, имеют значение не только лично для меня, но, главным образом, и вообще.

Доктор китайской словесности Алексей Ивановский.

С.-Петербург. 28 сентября 1891 года (последние две строчки автограф.)

Приложения

Инструкция командированному с ученою целью в Китай доктору китайской словесности А.О. Ивановскому⁴²

Командируя г. Доктора Китайской словесности Алексея Осиповича Ивановского в Китай для приготовления его к занятию впоследствии, по возвращении оттуда, кафедры Китайского языка, факультет имеет дело уже с достаточно подготовленным для того, как показывает и самая ученая степень, молодым ученым. Ему, собственно, нужно только, так сказать, наглядно осязать то, с чем он знаком более теоретически, из книг. Ему доступен уже как письменный, так и разговорный язык, но он не видал жизни, которая не поддается описаниям, тем более что она в этих описаниях часто выставляется под разносторонними, даже противоположными углами зрения. Эта же жизнь окажет влияние и на усовершенствование как в письменном, так и в разговорном языке; последний тоже составляет в настоящее время необходимое условие профессора.

Эту жизнь еще более необходимо наблюдать и изучать в настоящее время, когда Китай находится, так сказать, в борьбе прошлого с будущим. Потому указывать г. Ивановскому как обязательными требованиями, от которых нельзя отступить, значило бы только стеснять молодого ученого и путешественника. Здесь пока он и сам, может быть, согласится, что изучение того или другого указанного вопроса должно составить главное его дело, но на месте могут открыться для него новые, более интересные вопросы. Давая инструкцию факультет может выразить только свои *pia desideria*, на что, по его мнению, должно обратить внимание.

Так как, конечно, знание языка стоит на первом плане, то

а) Очень желательно, чтобы он собрал более точные сведения о разных наречиях, существующих в Китае, кроме фонетического произношения одного и того же слова, в разговоре различных местностей существуют и особые местные выражения. Впрочем, если этот вопрос окажется слишком обширным, то г. Ивановский может исключить из него приморские наречия, начиная от Шанхая до Кантона, так как об них уже есть достаточные изыскания.

в) Изучение почерков так называемых чжуань и цао цзы, до сих пор мало входило в программу европейских синологов. Очень желательно было бы, чтобы г. Ивановский с помощью Китайцев постарался облегчить их отыскание по так полезно примененной к употребительному почерку графической системе.

с) До сих пор европейские синологи знакомятся более с прозаическим языком. Между тем в Китае высшим доказательством знания языка служит поэзия. Как ни кажутся нам странными эти китайские акростихи, но они выражают особенности Китайского гения. Поэтому необходимо изучение этой поэзии, ознакомление с ее требованиями и условиями. Сверх того, мы имеем полное собрание поэтов до настоящей династии, но мы не имеем почти никакого понятия о существовании поэтов в настоящее время и ближайшее к нему. А между тем, зная, как интересуются в Китае поэзией, не может быть, чтобы и в настоящее время у них не было известных и прославленных поэтов. Собрание сведений об этом (с выдержками из их стихов) составило бы совершенно свежий и новый предмет изучения.

Мы имеем множество легенд и сказок от прежних времен в различных сборниках. Но как бы ни была неподвижна Китайская жизнь, не может быть, чтобы в ней был совершенный застой. Одно уже столкновение с западным миром, конечно, породило новые легенды. Все это будет интересно.

Мы знаем, что Китайский народ любит пение; есть и сборник этих песен. До какой степени они и теперь распространены в народе, появились ли новые, не преобладают ли исключительно песни из драматических произведений, — все это вопрос.

Очень желательно, чтобы г. Ивановский собрал возможно большие сведения о том, сколько в каких местностях производит обработанная земля, сколько считается ее нужным для безбедного или среднего состояния семейства, как высока она обложена смотря по принадлежности. Поэтому очень желательно было бы, чтобы г. Ивановский с помощью Китайцев сделал свод из всех китайских географических описаний (тунчжи) всех Китайских произведений, а по возможности собрал образцы хлебных зерен, которые легко встретить в продаже.

Желательно также, чтобы г. Ивановский собрал более подробные, чем известно, сведения о существующих торговых компаниях (вэй юань), цехах (гун со), банкирских домах и общественных подворьях (ху гуань).

В настоящее время в различных местностях Китая появились газеты и журналы, издаваемые не только на Китайском, но и на европейских языках. Г. Ивановский, конечно, не упустит случая ознакомиться как с их направлением, так и с участниками и распространенностью.

Несмотря на то, что Университетская Библиотека имеет богатейшее собрание Китайских книг, печать в последнее время сделала большие успехи в Китае. Введение подвижных шрифтов кроме того, что дало возможность предпринять перепечатку старинных изданий, усилило издание и новых сочинений. Едва ли Университет может пожертвовать значительные суммы на приобретение сочинений, составленных под руководством европейской науки, по всем частям, как ни интересна была бы эта коллекция, равно как и коллекция всех журналов и газет, изданных в Китае. Но приобретение оригинальных

Китайских сочинений по истории, географии, администрации и проч., пополняющих Университетскую коллекцию, не может не быть желательным. Потому г. Ивановский может обращаться в Университет со списком названий, их ценности для назначения ему, смотря по средствам особой суммой.

Главным местопребыванием г. Ивановского самую большую часть времени, конечно, будет Пекин, как центр всего Китая, где факультет надеется, он найдет поддержку от членов Русской миссии, большею частью воспитанников факультета. Она облегчит ему и знакомство с Китайскими учеными, которые будут необходимы ему уже и по указанной программе. Но очень желательно было бы, чтобы он ознакомился и с остальной частью Китая и, окончив главные занятия, предпринял по возможности путешествие по Китаю. Конечно, в этом случае и самого г. Ивановского, как и весь ученый мир, всего более интересуют западные провинции Китая Юначиная от Гуньсу до Юнь нани, в которых сосредоточен такой разнообразный инородческий элемент. Главные труды г. Ивановского был уже именно по части этих инородцев; ему известен достаточно тибетский язык, язык народа, который составляет главную часть этих инородцев. Но прежде всего же желательно было бы, чтобы г. Ивановский, предпринимая свое путешествие, достиг Пекина через Маньчжурию. Несмотря на то, что в последние годы эта страна была не раз посещаемая многочисленными путешественниками, не многие только из последних ездили со знанием Китайского языка (о. Палладий), а со знанием маньчжурского языка, изучаемого еще только русскими, едва ли кто касался этой страны. Сумели ли все отличить маньчжура от китайца, определить распространенность того и другого языка. Говорят: «маньчжурский язык вымирает», тем дороже захватить его в момент гибели. Да и до какой степени это правда? Понятно, какой интерес получают сведения, доставленные таким путешественником. Г. Ивановский не только изучал маньчжурский язык, но и почти четыре года преподавал его в факультете, потому все, что бы он ни сообщил касательно языка маньчжуров и их соседей, будет новостью для ученого мира. Проезд же через Монголию, уже изборозженную знающими монгольский язык, доставило бы мало нового.

С подлинным верно. Секретарь Факультета Восточных языков А. Познеев.

[Из отзыва проф. Д.Пещурова]⁴³

...Продолжительное пребывание на границе Маньчжурии, как говорит в своем отчете Г. Ивановский, дало ему возможность практически ознакомиться с маньчжурским языком, а равно слышать язык дахуров, солон, ороchon и других племен, населяющих северную Маньчжурию, сделать лингвистические сравнения их наречий, записать несколько маньчжурских песен, ознакомиться с обычаями, бытом и верованиями этих племен. В своем отчете Г. Ивановский говорит об этом лишь в общих выражениях, но в виду известного Факультету трудолюбия Г. Ивановского, надо думать, что время, проведенное им на границе Маньчжурии, не потрачено даром, и что обещанный им подробный печатный отчет, с обработкою добытого материала, вполне оправдает его слова, что представленный им предварительный отчет дает только слабое понятие о том, что им сделано.

Г. Ивановский говорит также, что частые посещения г. Айгуна (в 35 верстах от Благовещенска) его театра, базара, затем путешествие в Пекин без переводчика, дали ему возможность практически ознакомиться с Китайским разговорным языком, изучить быт Китайцев, их обычаи и проч. Такое заявление нельзя не признать крайне смелым. Нет сомнения, что Г. Ивановский в г. Айгуне и по пути в Пекин через Маньчжурию, видел немало Китайцев, но каких? Торговцев,

преимущественно Шаньсийцев, рабочих, погонщиков, слуг, жителей деревень и нескольких чиновников. Из непродолжительных бесед с ними, так как вся поездка до Пекина совершена в 3 месяца. Г. Ивановский мог, конечно, приобрести некоторый навык объясняться о предметах первой необходимости, преимущественно на языке простонародья, но языка образованного класса Китайцев, можно сказать, что он и не слышал, и потому представляется мало основательным принятое им решение оставить Пекин через три недели по приезде туда.

В своем отчете, описывая путешествие по Маньчжурии в Пекин, Г. Ивановский ограничивается передачею кратких сведений о пройденном пути и слишком распространяется о своих дорожных приключениях, сообщая сведения без сомнения представляющие известный общий интерес. Не могу, к сожалению, не заявить Факультету, что отчет в настоящем его виде переполнен ошибками против языка и грамматики, которые если и произошли по вине переписчика, должны быть, однако, поставлены на вид Г. Ивановскому.

Д. Пещуров

[Из отзыва А. Позднеева]⁴⁴

[Отмечает составленную профессором В.П. Васильевым программу изучения именно пограничных с Россией территорий Северного Китая, одобренную факультетом и утвержденную Министерством народного просвещения, напоминает, что Ивановскому категорически предписывалось основное время его работы в Китае сосредоточить в Пекине. Остальные же планы, в частн., работа в Маньчжурии, рекомендовались по мере возможности].

...Предъявленный ныне г. Ивановским «Отчет о двухлетней командировке в Маньчжурию и Китай» свидетельствует, что г. Ивановский с самого выезда из Петербурга отверг решительно все, что было рекомендовано ему инструкцией. Но, игнорируя указанные ему задачи, он, очевидно, и сам не дал себе никакого отчета и не осознал цели своей командировки, прямым же последствием сего явилось неумение распорядиться временем и задержки по мало-важным делам. Г. Ивановский, очевидно, не понимал того, что срок его командировки слишком короток, и безжалостно расточал время в остановках. Получив командировку с 1-го Июля 1889 г., он только в начале Ноября доехал до Иркутска, а в этом последнем городе остановился на целых три месяца и выезжает из него только к началу Февраля 1890 г. ... Все... объяснения с очевидностью доказывают, что г. Ивановский не обратил внимание на важность указанных ему Факультетом поручений и не сознал высоты и ответственности звания профессора, к которому он готовился, оттого и не отказывался от исполнения чисто случайных просьб... [и тем уменьшил срок своей командировки в Китай и занятый по приготовлению к профессорскому званию]. Сведения обо всех этих поездках он помещал частью в особых записках Амурскому Военному Губернатору, частью в корреспонденциях «Восточного Обозрения». Во всех этих сообщениях отчета равным образом можно видеть только то, что г. Ивановский совершенно не понимает различия между научными работами и газетными корреспонденциями, или популярными чтениями; не сознает важности научных работ, равно как и того, что только этих работ требовали от него его положение, университет и Факультет; оттого то и тратил он свое время на составление секретных записок Военному Губернатору или мелких статей, которые помещают в ничтожных провинциальных листках и следит, перепечатываются ли они в других газетах. Таков общий характер деятельности г.Ивановского и если бы преставилась нужда перечислить все случаи потерянного им времени, представив к этому еще соответствующие объяснения, то пришлось бы написать замечания гораздо большие, чем самый его отчет...

Обращаясь теперь к рассмотрению действительных результатов поездки г. Ивановского, должен сказать, что сам он в своем отчете решительно не дает возможности понять, какую цель главнейшею преследовал он в своей поездке. Он «постоянно производил лингвистические исследования и собирал материал по языкам китайскому и маньчжурскому, а также дахурскому, солонскому и др.». Всматриваясь, однако, в методы исследований, которые прилагал он при изысканиях в отношении прежде всего к языку китайскому, едва ли не придется а priori признать все выводы его исследований не полезными для филологии, так как они добыты по способу совершенно чуждому всякой науке. Находясь в 2000 верст от собственно Китая, г. Ивановский пользуется здесь всяким заезжим китайцем, подмечает его говор, записывает место его происхождения и относит особенности его говора к тому или другому китайскому наречию. Это он называет материалами для лингвистики. Но ведь единичные личности всегда могут подпадать самым различным влияниям, отражающимся на их говоре, а проверить – соответствие или несоответствие их речи с говором их земляков г. Ивановский не имел возможности, потому что не был на их родине. В Маньчжурии в настоящую пору живут китайцы из самых различных местностей застенного Китая, и каждому из них по необходимости, единственно ради того, чтобы быть понятным другим, приходится приспособляться и ломать свой язык и свое наречие до неузнаваемости. Было бы странно, если бы кто стал делать выводы о малороссийском наречии, прослушав говорящих малороссов, которые живут в Великороссии; тоже самое должно сказать и об исследованиях г. Ивановского китайских наречий. Его метода исследований исключает всякую речь о научной постановке вопроса и правильности выводов, а потому сказать, что весь собранный г. Ивановским материал для наречий Китая не имеет никакой стоимости еще недостаточно: опубликованный, он будет положительно вреден для науки, ибо может создать массу совершенно лишних противоречий и затруднений для ученых, имеющих впоследствии разрабатывать этот вопрос...

Ни одна из стран не богата так своими наречиями, как Китай, но вся она объединяется наречием пекинским. Последнее, будучи языком «мандаринов», может быть слышимо и понимаемо во всем Китае. Вот почему это наречие преподается у нас в Университете, вот почему и в инструкции, данной г. Ивановскому, ему указывалось на изучение китайского языка именно в Пекине...

Позднеев – графу И.Д. Делянову⁴⁵

Вследствие приказа Вашего Сиятельства, имею честь представить свои личные наблюдения относительно дела и личности доктора китайской филологии А.О. Ивановского.

Г. Ивановский поступил на Факультет Восточных языков в 1881 году и сначала стал работать над монгольским языком под моим руководством, оттого-то мне и пришлось ранее других ознакомиться с духовными особенностями этого молодого человека. С первого же раза меня поразили с одной стороны сила его памяти, а с другой – крайне незначительная подготовка его к слушанию университетского курса, почти совершенное незнание иностранных языков и страшный недостаток образования, доходивший до того, что молодым человеком не были прочитаны даже классические русские писатели, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь – не говоря уже о Карамзине, Жуковском и др. Этой особенностью и должно было, конечно, объяснять у него крайнюю ограниченность мышления, недостаток слов для выражения мысли, провинциализмы в составе и построении речи, неумение изложить свою фразу в обычной литературной форме. Понятно, что на своих домашних, вечерних занятиях я должен был, прежде всего, рекомендовать такому юноше пополнить недостатки своего образования

чтением книг, а затем, продолжая заниматься с ним монгольским языком, мне приходилось еще постоянно напоминать ему о необходимости вдумываться в смысл читаемого, ибо не мало смущали меня также ясно замечаемые в юноше рассеянность и небрежность, при которых он уже в ту пору едва не дошел до неспособности сосредоточиваться над текстом, чтобы понять и перевести его правильно. Спустя полгода случилось новое и также весьма характерное обстоятельство. Едва окончен был нами перевод коротенького сборника легенд о так называемом «сandalном кумире будд», как г. Ивановский пожелал уже печататься. Не знаю при чьем посредстве он перевел на французский язык записанный при занятиях со мною перевод вышеназванных легенд и в Июне 1882 г. уже напечатал его во французском журнале «Muséon». Я почел своим долгом указать г. Ивановскому все ошибки, которые заключал французский текст его перевода и которые произошли именно от незнания переводчиком буддизма, а засим посоветовал моему молодому слушателю вместо того, чтобы печататься на языке, которого он не знает, заняться лучше самообразованием. На этом и окончились мои занятия с г. Ивановским, ибо в ту пору он перешел на старший курс, лекции же по монгольской словесности читались тогда на старших курсах профессором Голстунским, да и г. Ивановский, кажется, вовсе оставил изучение монгольского языка, занявшись исключительно китайским.

В этой новой области г. Ивановский заявил себя, по-видимому, также точно, как и при прежних занятиях. В самый короткий период он заучил массу китайских иероглифов, т. е. отдельных слов, и это доставило ему славу знатока китайского языка, хотя, конечно, знание языка и вообще-то не состоит только в усвоении слов, по отношению же к языку китайскому это следует сказать еще более. Китайская литература давала г. Ивановскому богатый материал для печати, а на труды этого рода он находил не только поощрение, но и спрос. В конце 1882 г. в П. Бурге приступил к изданию своих «Очерков Сев.-Зап. Монголии» наш путешественник Г.Н. Потанин, причем ему понадобилось сообщить сведения о границах каждой из монгольских областей и о княжеских родах, управляющих этими областями. В поисках за этими данными г. Потанин обратился к В.П. Васильеву, а последний между прочим поручил выбрать требуемые сведения из сочинения «Мэнгу-ю-му-цзи» г. Ивановскому. Так обр. составила вторая студенческая работа г.Ивановского, напечатанная в III томе «Очерков» Потанина. Содержание этой работы крайне нехитро: вся она состоит из указания собственных имен, сообщая, что такая-то область на восток граничит тем-то, на запад – тем-то и т. д.; но исполнение такого нехитрого дела просто поразительно. Переводчик буквально передал русскими буквами китайскую транскрипцию монгольских имен, оттого незнающему законов этой транскрипции нельзя узнать здесь ни одного названия урочища или реки (это даже хуже чем передать, например, русскими буквами французскую транскрипцию названия деревни «Чусовичи» в форме «Тсцхоуссовитсцхи»). Что касается передачи личных имен и предложений исторических фактов, то здесь не только имена, но и самые события являются искаженными до невозможности; для примера, – фраза перевода г. Ивановского: «в 58 году Суйчжэбусский старшина просил» – по точному тексту оказывается: «по просьбе Чжэбцзунь дамба хутухты» (начальный иероглиф «суй», имеющий смысл предлога «по», – принят в значении собственного имени, а конечному (в имени «Чжэбцзунь») иероглифу придано значение «старшина»; отсюда известные в каждом описании Монголии личность и имя Чжэбцзунь дамба хутухты превратилось в небывалого «Суйчжэбусского старшину»).

Напечатав этот перевод в 1883 г., г. Ивановский в 1884-м писал на тему, предложенную по китайской словесности, а в следующем 1885 г., по рекомен-

дации проф. Васильева, был оставлен при Университете для приготовления к профессорскому званию. С этой поры он действует уже самостоятельно.

Началась эта самостоятельная деятельность тем, что 20-го Июля 1885 г. г. Ивановский был оставлен при университете, а 20 Октября того же года, по рекомендации проф. Васильева, ему было поручено уже преподавание маньчжурского языка. Словом, через три месяца по окончании курса он стал уже в ряд профессоров, получал 1200 р. содержания, имел для себя открытыми все библиотеки и ученые пособия, на правах товарища мог во всякое время вести беседы с каждым профессором по интересовавшим его вопросам. Короче, – судьба устроила все к его благу; но воспользоваться этим он решительно не захотел. Программа преподавания маньчжурского языка по уставу 1884 г. значительно расширена и для упражнения студентов потребовалось отлитографировать несколько новых текстов. Исполнение этой работы принял на себя г. Ивановский вместе с лучшими из студентов и замечательно, – переписка студентов, – слушателей покойного Захарова, – может быть названа почти образцовой, та же часть текста, которую издал сам г. Ивановский, ни к чему не годна. Не говорим уже о безобразии почерка и неряшливости издания, – случилось нечто еще худшее: в книге, с которой списывал г. Ивановский свой текст, оказались перемешанными страницы и, не разобравши этого, он так и переписал свое издание. Едва ли нужно большее доказательство относительно слабости знания г.Ивановского маньчжурского языка.

Совершенно таким же характером отличается и другая маньчжурская работа г. Ивановского, – издание текста и перевода посольства Спафария, – напечатанная во II т. Зап. Вост. Отд. И.Р. Археол. Общ.

Третий труд г. Ивановского по маньчжурскому языку – издание трактатов, заключенных между Россией и Китаем и отредактированных по-маньчжурски. Министерство Иностранных Дел, желая дать это пособие нашим заграничным консульствам, пригласило г. Ивановского издать русско-китайские трактаты на маньчжурском языке. Для этой цели ему были предоставлены как великолепные списки этих трактатов, так и самые подлинники оных, утвержденные подписями послов и их печатями. Требовалось издать в печати текст, совершенно верный подлиннику, на который безбоязненно могли бы ссылаться наши консулы. Вместо сего г. Ивановский в большей части только переиздал договоры, уже обнародованные в печати профессором В.П. Васильевым, в его «маньчжурской хрестоматии». Это легко доказывается как не соответствием изданного г. Ивановским текста подлинным грамотам, так и воспроизведением в нем тех самых редакционных ошибок, которые вкрались в издание хрестоматии проф. Васильева.

Дело оставления г. Ивановского при университете, поручения ему преподавания маньчжурского языка и удостоения его степеней магистра, а потом доктора китайской словесности является для Факультета, несомненно, результатом во-1-х, доверия и уважения к рекомендующему его специалисту; во-2-х, сознания трудности изучения в России китайского языка; в-3-х, так или иначе доказательным трудолюбием г. Ивановского и, наконец, в-4-х, надежды, что все замечавшиеся в г. Ивановском недостатки исправятся в период пребывания его в Китае. Думается, что именно, желая обеспечить исполнение своих надежд, Факультет испросил на командировку г. Ивановского такую сумму, какой не получал ни один из наших кандидатов профессуры. Удостаивая г. Ивановского степени доктора, Факультет не признавал еще его способным к занятию кафедры и категорически заявлял Министерству, что он «решительно не может иметь профессором по кафедре китайской словесности лицо, не изучившее китайского языка и народа в самой его стране» (представил

от 13 Мая 1889 г. № 45). Этот взгляд Факультета был хорошо известен г. Ивановскому и, несмотря на то, получив двухлетнюю командировку, он пробыл за границу из двух лет не больше 5 месяцев, а остальные 19 месяцев прожил в пределах России; в собственном Китае он просуществовал (а не проработал) только один месяц. Понятно, что при этом он не исполнил ни одной из задач, предложенных ему в выработанной Факультетом и утвержденной Вашим Сиятельством инструкции. Представленный г. Ивановским отчет решительно не дает возможности понять, какую цель преследовал он в своей поездке, а его сообщение об этой поездке и результатах ее в Географическом Обществе прямо должно быть названо – позорным.

Вот почему рассмотрев отчет и результаты поездки г. Ивановского, Факультет пришел к заключению, что этой поездкой г. Ивановский обнаружил такие качества, которые совершенно не желательны в университетском преподавателе какого бы то ни было предмета. Здесь дело идет уже не о недостатке знания китайского или маньчжурского языков, а о том, что, воспользовавшись небывалыми милостями Факультета и Министерства, он в то же время решает отвергнуть данную инструкцию; о том, что, в поразительном самомнении, он решает утверждать нам, что китайский народ и язык могут быть лучше изучены в Благовещенске, чем в Пекине; – о том, наконец, что в отчете, Представляемом Министерству, он пишет: «изречения», «краткие заметки», «городские башни», «в ровень», «к стати», «об Маньчжурии», «преобращают» (так. – С.Д.), «ветхий», «лезть» и пр. Это уже недостойно ученика гимназии.

Ординарный Профессор А. Позднеев.

Сам А.О. Ивановский в своем письме Министру народного просвещения указывает на субъективность и необычную требовательность и строгость отзывов профессоров факультета, которым и дает в обращении свой краткий ответ.

«Главнейшим обвинением, выставляемым против меня, является то, что я не исполнил инструкции, пробыв слишком мало времени в собственно Китае. Обвинение это не совсем понятно. Данная мне, как уже доктору Китайской словесности, инструкция с того именно и начиналась, что все изложенное в ней признавалось за простые предположения и советы, точное следование которым для меня нисколько не обязательно. ... С другой стороны, я уже много лет занимался инородцами Китая, а с 1885 года читал лекции маньчжурского языка. Прибыв на место и увидев разноплеменный состав населения северной Маньчжурии, я, естественно, живо заинтересовался этою так мало еще изученною страной и решил посвятить ей большую часть имевшегося в моем распоряжении времени. Такое решение мое не только не противоречило данной мне инструкции, но, напротив, предсказывалось и вполне одобрялось ею. ... Указания Факультета, хотя бы высказанные в виде простых предположений, я всегда считал для себя важными и достойными всякого внимания и потому, занявшись изучением северной Маньчжурии, тогда же решил воспользоваться обещанным продолжением командировки на третий год, с тем, чтобы выполнить и указания Факультета.

Обстоятельства, устранить которые было не в моей власти, помешали мне сделать это, и только об этом я и могу сожалеть теперь.

В частности, отзыв профессора Позднеева содержит в себе такие неточности и извращения фактов, что я не могу пройти их молчанием»⁴⁶. В заключение статьи имеет смысл привести мнение выдающегося историка русского китаеведения П.Е. Скачкова⁴⁷, которое подкрепляется ссылкой на акад. В.М. Алексеева: «Оценку А.О. Ивановского, данную ему А.М. Позднеевым, считаем резкой, недоброжелательной и необъективной. Нам кажется более объективным мнение ученика А.И. Ивановского В.М. Алексеева: А.О. Ива-

новский действовал обаянием своих познаний о Китае, добиваясь нашего понимания текста не диктовкой, а через книгу. Лекции оживлял анекдотами и остроумными афоризмами. Как профессор следовал во всем своему учителю, крупнейшему русскому китаеведу В.П. Васильеву, которого обожал. Продолжал полиглотство Васильева: знал маньчжурский, монгольский и тибетский языки и санскрит, хотя уже далеко не в такой степени как Васильев. Судьба Ивановского трагична...».⁴⁸

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00066а.

² Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую треть четверть века его существования. 1869–1894. Том первый. СПб., 1896. С. 268–269.

³ *Ольденбург С.Ф.* А.О.Ивановский : (некролог) //Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1903. Апр. С. 127–132.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 5. Биографии. М., 1994. С. 273.

⁵ Напр., некролог в Ист. вестн. 1903. Т. ХСІ. С. 1220–1221.

⁶ *Ольденбург С.Ф.* А.О. Ивановский. С. 127.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ *Ивановский А.О.* Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая. СПб., 1887. Т. I.

⁹ *Ивановский А.О.* Юнь-наньские инородцы в период династий Юань, Мин и Дайцин. СПб., 1889.

¹⁰ *Ольденбург С.Ф.* А.О. Ивановский. С. 129.

¹¹ Там же. С. 129–130.

¹² Там же. С. 130.

¹³ Там же. С. 131.

¹⁴ Новое время. 1903. № 1903.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Ед. хр. 281. О командировании профессоров университетов за границу и во внутрь России с ученой целью, 1888. Т. I. 1892 г. Л. 208б. Т. I. 208д об.

¹⁶ В тексте в основном сохранены ссылки А.О.Ивановского. Примечания, сделанные при подготовке рукописи к публикации, далее отмечены инициалами «С.Д.».

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Ед. хр. 281. Л. 347–348.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Ед. хр. 281. Л. 302–330.

¹⁹ *Ивановский А.* О некоторых китайских вещах Археологического музея Томского Университета //Зап. Вост. Отд-ния Император. Рус. Археол. О-ва. СПб., 1889–90. Т. IV, вып. III – IV. (С.Д.).

²⁰ *Ивановский А.* Иллюстрации из жизни будды Шакьямуни //Вост. обозрение. 1890. № 1. 1 янв. С.7–8. (С.Д.)

²¹ Надо заметить, что население Айгуна состоит главным образом из знаменитых маньчжуров (ци-жень) и записанных в знамена китайцев (хань-цзюн). Купцы, можно сказать, все Шаньсийцы. Пришлые рабочие – из южной Манчжурии и Шаньдуна. Дахуры живут в окрестных деревнях.

²² О театральном представлении в Северной Манчжурии помещена мною заметка в № 11 «Вост. Обозрения» за текущий год, перепечатанная «Новостями». (С.Д.); *Ивановский А.* Театр в Северной Маньчжурии // Вост. обозрение. 1891. №11 [10 марта]. С. 7–8.

²³ *Ивановский А.* Сяо-Доньчифа //Вост. обозрение. 1890. № 22. 3 июня. С. 9. – Заметка с этнографическим оттенком об обстоятельствах жизни в местности Сяо-Доньчифа; *Ивановский А.* Сяо-Дончифа : (шаманисты у маньчжур и даур) //Вост. обозрение. 1890. № 32. 12 августа. С. 6. – Этнографическая заметка.

²⁴ Корреспонденции «Восточного обозрения»: *Ивановский А.* Желтуха // Вост. обозрение. 1890. № 36. 9 сент. С.6–7. (С.Д.).

²⁵ Надо заметить, что по общему признанию на Амуре орошены, солонны, уилинь и мангиры суть названия одного и того же племени.

²⁶ Обыкновенно за лану золота 16 лан серебра, но раз (осенью 1890 г.) давали даже 18 лан.

²⁷ Чтобы заглушить постоянное нытье и как бы чувство голода в желудке; последствие курения опиума.

²⁸ Местные власти настолько были любезны, что прислали мне бухтасолонов и баргу из лагерей вне города, потребовавши только, чтобы я послал форменную бумагу об этом в ямынь, что и было исполнено мною на маньчжурском языке (который здесь тоже в ходу). В получении бумаги мне выдали фирменную квитанцию.

²⁹ Провожатые старались скрывать от меня интересное (скорее всего от лени и усталости), но сдружившийся со мной хозяин фирмы (он лечил болезни, и я подарил ему сокращенный лечебник докт. Андреевского) с вечера говорил мне, что еще есть интересного, и я заставлял себя вести туда.

³⁰ С.Д.: Лаж (фр. l'agio, итал. l'aggio) – промен, ажио, приплата к одному роду монеты, при промене ее на другую, напр., бумажек на серебро, серебра на золото; прибавочная ценность монеты одного рода, при уплате ею за товар... (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах: Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. Т. 2. М.: Изд. гр. «Прогресс», 1994. Стлб. 602).

³¹ В Пекин, в Цзун-ли-ямынь была послана депеша о моей болезни и возвращении.

³² Снег держится только 2–3 станции от Айгуна, дальше его сдувает ветром.

³³ Имеется в виду инспекция капитана А.А.Ресина (21.4.1857 – 24.6.1933, Панчево, Югославия), впоследствии генерал-лейтенанта, совершенная им в 1885 г. по тихоокеанскому побережью России (*Ресин А.А.* Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // Изв. РГО. СПб., 1888. Т. 24. (С.Д.).

³⁴ Речь идет о Д.В. Путьате (24.02.1855–03.02.1915, г.Одесса), офицере Генерального штаба, военном агенте России на Дальнем Востоке, в дальнейшем военном губернаторе и командующем войсками Амурской области (1902–1906), участнике многих экспедиций по Азии. В 1891 г. по заданию Генерального штаба он совершил так называемую Хинганскую экспедицию. См.: *Путьата Д.В. Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. // Сб. геогр., топогр. и стат. материалов по Азии. СПб., 1892. Вып. I.* – На этот отчет см.: рецензию А.О. Ивановского (СПб., 1893) (С.Д.).

³⁵ *Васильев В.П.* Описание Маньчжурии // Зап. РГО. 1857. Кн. 12. С. 1–109 (С.Д.).

³⁶ *Ивановский А.* Заселение Маньчжурии // Вост. обозрение. 1891. № 22. 26 мая. С. 8 (С.Д.).

³⁷ Для курьеза можно упомянуть, что наш коренник – русская кляча, купленная в Айгуне за 14 дяо (11 руб.) и искалечившаяся при перевале через Хинган, за 25 верст от Цицикара упала, обессилевши от голода и ран, но китайцы (8 человек) подняли его при помощи кола и веревок; поддерживая за все 4 ноги, опять запрягли в оглобли, и несчастный конь тащил нас еще 25 верст и 3 часа по городу. Там его все-таки купили за 12 дао.

³⁸ Такие же и у конвойных, приставленных в самом Цицикаре.

³⁹ Предполагаемые продолжения ее по Юн-тин-фу и Шань-хай-гуань уже давно обозначены флагами.

⁴⁰ Значит, в них все солдаты 8 знамен и нет китайцев (те размещены отдельно).

⁴¹ Везде я посещал театральные представления, если заставал таковые, кумирни во время празднеств, книжные лавки (чтобы определить, какие книги там продаются и, следовательно, требуются в данной местности; книги, добавлю, большую частью изданные в Мукдэни, отчасти в Куан-чэн-цза), узнавал цены на предметы первой необходимости и на товары вообще и т.п.

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Ед. хр. 281. Л. 269–274 об.

⁴³ Там же. 332об.–334.

⁴⁴ Там же. 336–342.

⁴⁵ Там же. 357–

⁴⁶ Там же. 350–351об.

⁴⁷ *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.:Наука, ГРВЛ, 1977. С. 235.

⁴⁸ *Алексеев В.М.* В старом Китае : дневники путешествия 1907 г. М., 1958. С. 187.

**«Серы, неведомые обликом»:
известия о шелке и китайцах в средневековой
западноевропейской литературе**

Ответ на вопрос о том, когда Европа впервые познакомилась с шелковыми тканями, привезенными из Китая, мы находим отнюдь не в сочинениях по истории или географии¹. Первые сведения о шелке мы обнаруживаем в произведениях поэтов² эпохи Октавиана Августа. Так, перечисляя экзотические деревья, Вергилий (70 г. д.н.э. – 19 н.э.) сообщает в «Георгиках» (Verg. Georg. II, 118–121 – пер. С. Шервинского):

Упомянуть ли еще о бальзамных деревьях, точащих
Смолы, или о плодах зеленого вечно аканфа?
О эфиопских лесах, белеющих мягкой шерстью?
Иль как серийцы с листья собирают тончайшую пряжу?

Прославившийся своими элегиями Проперций (50–15 гг. д.н.э.) рассуждает о том, могут ли «пестрые ткани серийцев» (Propert. Eleg. I, 14, 22) принести облегчение несчастной любви, а также отмечает: «Я уж молчу о серийских повозках твоего безбородого племянника» (Propert. Eleg. IV, 8, 23(1)).

Овидий (43 г. д.н.э. – 17/18 н.э.) в «Любовных элегиях» обращается с гневной инвективой к матроне (Ovid. Amores I, 14, 1–6 – пер. С. Шервинского):

Сколько я раз говорил: «Перестань ты волосы красить!»
Вот и не стало волос, нечего красить теперь.
А захоти — ничего не нашлось бы на свете прелестней!
До низу бедер твоих пышно спускались они.
Право, так были тонки, что причесывать их ты боялась,—
Только серийцы одни ткани подобные ткут.

Гораций (65 г. д.н.э. – 8 н.э.) с осуждением говорит в «Эподах» (Hor. Epod. VIII, 15–16) о тех: «Кто книги стойков любит разбрасывать среди подушек серийцев»³.

«Серы» (Seres) – в русской традиции поэтического перевода используют также вариант «серийцы», образованный от притяжательного прилагательного – этноним, который использовался с этого времени для обозначения народа, производящего дорогую тонкую ткань, или шелк. Истолкование «серов» как «китайцев» было предложено еще в XVIII в. во Франции: это вполне прагматическая точка зрения. Проблема точной локализации серов не может быть решена однозначно⁴. Для поэтов и авторов панегириков «серы» – живущий в Азии и самый отдаленный из всех известных народов, и именно серы занимаются производством совершенно определенного вида роскошных тканей. В середине VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский рассказывает о том, как яйца шелковичных червей были доставлены монахами из страны серов – Серинды (Bell. Goth. IV(VIII), 17)⁵, но из этого вовсе не следует, что во всех географических или исторических источниках, где упоминаются «серы», речь идет об одном и том же народе и этот народ можно отождествлять с китайцами.

Следует еще раз подчеркнуть: поэты первыми ввели в употребление это слово – именно из поэтической традиции мы знаем о том, что подобные ткани ценились высоко и считались большой роскошью. В «Сатириконе» Петрония (ум. в 66 г.) среди разнообразных диковинок называется «прежде невиданная ткань серов» (Petr. Sat. 119). Сенека-философ (4–65 гг. н.э.), рассуждая и о пользе и бесполезности, говорит о простоте труда, о человеке, «который показывает и себе, и другим, что дары природы не грубы и тяжки, который

обустроивает нас без мраморщика-камнетеса или кузнеца и может нас одеть, не торгуя с серами» («Письма к Луцилию», ХС, 15). Сенека-трагик вкладывает в уста Федры реплику: «Снимите, служанки, одежды, затканые пурпуром и золотом. Долой красноту тирских улиток-багрянок и нити, которые снимают с ветвей [живущие] на самом краю [земли] серы!» (Sen. Phaedra 387–389). В трагедии «Фиест» упоминается тот, «кто отважился вступить в воды Дуная и достичь пределов славных своей пряжей серов, где бы оные не жили» (ст. 375–379), в «Геркулесе на Эте» (ст. 665–667) говорится: «И не украсит меонийская игла то, что собирает с восточных деревьев сер, [живущий] в пределах, подвластных Фебу [т.е. там, где восходит солнце]».

Современник Сенеки и Нерона, автор эпического полотна о гражданской войне – Лукан (39–63 гг.) описывает Клеопатру в «Фарсалии» (X, 141–143):

Белые груди ее сияют под тканью сидонской,
Сотканной серским станком и распущенной нильской иглою,
Что растянула покров, основу его разредевши⁶.

Силий Италик (25–101 гг.) в «Пунических войнах» отмечает: «Освещенные первыми лучами рассвета, серы отравляются в рощи, чтобы снова собирать в них пух» (De bell. Pun. VI, 3–4), а рассказывая о вулканическом извержении, восклицает: «Чудо, достойное удивления, у обитающих на востоке серов рощи, дающие шерсть, словно поседали, покрывшись пеплом, принесшимся из Италии» (De bell. Pun. XVII, 595–596). Стаций (40–96 гг.) рассуждает в «Сильвах»: «Думаю я: опустошили ли уже жадные серы свои священные рощи?» (Stac. Silvae I, 2, 122–123), и ниже: «На высоком ложе серов она отдыхала, укрывшись от солнца тирским покрывалом» (Stac. Silvae V, 1, 214–215). Чрезмерную роскошь, описанную через сочетания двух дорогих тканей, подчеркивает реплика Стация, характеризующая восточное изобилие – «достояние Вавилона, тяжесть казны Лидии, а также дары индийцев, богатства серов и арабов» (Stac. Silvae V, 1, 60–61).

Историк Флор (I в. н.э.), отмечает, что «инды и серы, обитающие прямо под солнцем» отправили к императору Августу посольство, а «в числе даров слонов, груженных драгоценными камнями, жемчугами, но ничего более, ибо предполагали, что слишком долгоден окажется путь – и вот оные прибыли по прошествии четырех лет: уже цвет кожи людей свидетельствовал о том, что они живут под иным небом» (Florus Epit. II, 34). Судя по всему, это была одна из первых (и удачных, если сравнивать с переходом Александра Македонского через Гедросскую пустыню) попыток доставить грузы из Индии и Дальнего Востока сухопутным путем. «Ткань серов», или шелк, впервые упоминается и описывается как раз с того времени, когда римлянам удалось установить контроль над Египтом, а, следовательно, и торговлю через порты на Красном море. Ригоризм времен Поздней Республики не поощрял публичную демонстрацию личного состояния (если этот акт не имел общественной пользы – отсюда лозунг: «Хлеба и зрелищ!»). Во времена принципата противодействие роскоши пошло на убыль: шелк, привезенный из самых дальних восточных стран, оказался востребован. Уже во времена Тиберия (14–37 гг. н.э.) появился закон, запрещающий мужчинам одеваться в шелка (Tac. Ann. II, 33; Dio. Cass. Rom. Hist. LVII, 15), однако, как сообщает Светоний, Калигула (37–41 гг. н.э.) выходил к народу то в шелках, то в женских покрывалах (Suet. Cal. 52). Размах закупок предметов роскоши (аравийского жемчуга, индийской слоновой кости, пряностей, шелка) был настолько велик, что, по подсчетам Плиния Старшего (ум. в 79 г.), автора «Естественной истории», фундаментальной энциклопедии, состоящей из 37 книг: ежегодно Индия, серы и Аравийский полуостров получали из империи сумму в 100 миллионов сестерциев (Hist.

Nat. XII, 84). Человек, по словам энциклопедиста, настолько отдалился от своих истоков, что принялся «разрушать горы ради мрамора, просить у серов одежду, искать жемчужины в глубинах Красного моря и смарагды в земных недрах» (Hist. Nat. XII, 2). В 176 г. император Марк Аврелий, нуждаясь в дополнительных средствах на военные расходы, устроил на форуме Трояна торги – в числе проданных предметов роскоши значились «шелковое золоченое одеяние его супруги» (Capitol. Marc. Anton. 17, 4)⁷. Император Аврелиан (270–275 гг.), по словам его биографа Флавия Вописка, «одежд из чистого шелка (holosericus) как в своем гардеробе не имел, так и другим надевать не давал. Когда жена попросила, чтобы он позволил ей надеть тунику-плащ из багрового серика, он ответил: «Не быть тому, чтоб нить ценилась вровень с золотом!» – а в ту пору фунт шелка стоил фунт золота» (Vopisc. Aurel. 45, 4–5).

По словам географа I в. н. э., Помпония Мелы, между горами Табим и Тавр, находящимися на большом расстоянии друг от друга, «обитают серы, народ очень справедливый и знаменитый тем, что они занимаются торговлей, оставляя товары в пустынном месте, и не присутствуют [при сделке сами]» (Mela III, 60). Это сообщение о «немой торговле», описанной еще Геродотом⁸, поддерживает Плиний: «Самыми крайними народами, о которых у нас есть сведения, являются серы, прославленные пряжей, которую они собирают в лесу: обрызгав водой листву, снимают с нее белые нити, а уж потом нашим женщинам приходится совершать двойную работу – сначала распускать нити, а затем ткать из них вновь. Со столь многими трудами в столь отдаленные края отправляются ради того, чтобы матрона показалась в прозрачных одеждах на людях. Серы миролюбивы, но, уподобляясь диким зверям, они избегают связей [и общения] с другими смертными, однако, стремятся к торговле» (Hist. Nat. VI, 54). Ниже, описав круг сведений, известных благодаря старым источникам, Плиний переходит к свидетельствам своих современников, и рассказывает о том, что стало известно благодаря вольноотпущеннику Анния Плоама, который во времена принципата Клавдия (41–54 гг.) случайно оказавшемуся на острове Тапробана (Цейлон) и прожившему при дворе правящего там царя шесть месяцев. По возвращении этот вольноотпущенник «доложил обо всем римлянам и цезарю» (Hist. Nat. VI, 84). Царь Тапробаны отправил к цезарю четырех послов во главе с Рахией, именно от эти послы, как пишет Плиний, сообщили, что «За горами Хемода они собственными глазами видели серов, также известных благодаря торговле, и отец Рахии бывал там: по прибытии показались серы, которые своими размерами превосходили обычных людей, у них были рыжие волосы, голубые глаза, а изо рта [раздавалась] грубая речь, они не знали никакого языка, на котором можно вести торговлю, а в остальном были похожи на наших купцов: удовлетворившись взаимным обменом, забирали плату, оставленную на противоположном берегу рядом с товарами» (Hist. Nat. VI, 88).

Солин, автор «Книги о вещах достопримечательных» (III в.), пересказывает с некоторыми дополнениями те известия, которые удалось собрать Плинию: «За необитаемыми пределами первыми, как мы знаем, живут серы. Они обрабатывают листву на деревьях частыми взбрызгиваниями, собирают шерстяную пряжу, висющую на деревьях, и с помощью влаги делают пух тонким, нежным и послушным. Это и есть серик. Несмотря на осуждения [высказываемые сторонниками] строгости, теперь [эту ткань] можно увидеть на людях, она скорее демонстрирует наличие тела, чем присутствие одежды, и разжигает страсть к роскоши – сначала в нее одевались женщины, а теперь и мужчины. Сами серы миролюбивы и абсолютно безмятежны, но избегают связей с остальными

смертными, настолько, что не хотят торговать с другими людьми. Поэтому сначала купцы перебираются через их реки и на противоположном берегу происходит торговля без всякого общения между сторонами, но глазами оценив плату за оставленные товары, они отдают свое, не приобретая ничего из нашего» (Sol. 50, 2–4). Писавший в IV в., историк Аммиан Марцеллин использовал, скорее всего, сообщение Солина, но дополнил его сведениями, которые стали доступны по мере того, как шелк вошел в широкий обиход: «Серы живут в глубоком мире, не знают оружия и войны, и так как тихие и мирные люди более всего дорожат спокойствием, то они не причиняют никаких затруднений своим соседям. Климат у них приятный и здоровый, небо ясное, ветры легкие и приятные. Во многих местах растут редкие леса; плоды с деревьев они обрабатывают частым сбрызгиванием, как скорняки шкуру, и из похожей на шерсть, размягченной водой массы вычесывают тонкие нити, ткнут основу и изготавливают материю «серик»; раньше эту ткань использовали только вельможи, а в настоящее время она пошла в ход даже у самых простых людей. Отличаясь удивительной умеренностью и дорожа спокойной жизнью, серы избегают общения с другими народами. Если же чужеземцы переправляются через реку ради покупки ткани или чего-то другого, то оценку предложенного товара производят только глазами, не произнося ни одного слова. Они настолько воздержаны, что, обмениваясь собственными продуктами, сами не покупают ничего чужеземного» (Amm. Marc. XXIII, 6, 67–68)⁹. В V в. сообщению Солина вторит автор «Брака Филологии и Меркурия» Марциан Капелла, пишущий о том, что за антропофагами (т.е. «поедателями людей») обитают «серы, обрызгивающие водой свои деревья, чтобы получить пух, из которого делается «серик». Они отвергают людей других стран и, установив цену, совершают сделку, не произнося ни одного слова» (Mart. Cap. De Nupt. VI, 693).

Первый из энциклопедистов Средневековья, епископ Севильи Исидор (ум. в 636 г.), рассказал в универсальном своде знаний – «Этимологиях» – и о местоположении серов, и об их ткани: «Серы получили свое название от места, где живут: это племя обитает на востоке, и у них растут деревья, покрытые шерстью, и это о них сказано: «Неведомые обликом, но не своими тканями серы» (Isid. Etim. IX, 2, 40) – «Серы – это восточный город, от которого получил свое название и народ серов, и их царство, простирающееся от Скифского океана и Каспийского моря до Океана Восточного. Они знамениты листвою, с которой собирают пух, а его серы, избегающие торговли, продают другим народами для [изготовления] одежды» (Isid. Etim. XIV, 3, 29). В XIX книге «Этимологий», посвященной ремеслам, Исидор Севильский подробно останавливается на изготовлении одежды, отмечая: «Серик назван так, потому что его первым прислали серы. Сообщают, что там рождаются черви, которые обвивают деревья нитями. Черви эти по-гречески называются βόμβυκες» (Isid. Etim. XIX, 27, 5), а «серика [как вид одежды] названа от серика, или потому, что впервые была привезена от серов, «олосерика» – из чистого серика, ибо ὅλον – целое. «Трамосерика» – основа льняная, с нитью серика» (Isid. Etim. XIX, 22, 14). Исидор также пытается устранить путаницу, возникающую из-за созвучия прилагательных «серийский» (т.е. в нашем понимании «китайский») и «сирийский» (происходящий из Сирии), и в главе «О цветах» подчеркивает: «Не следует путать «серийский» и «сирийский». Серийская ткань, или серик, привозится от Серов, а сирийскую краску собирают сирийские финикийцы на берегах Красного моря» (Isid. Etim. XIX, 17, 6). Следует отметить, что названия многих тканей, например, даматик, также производились от названия местностей.

Примечательно, что в Европе не было однозначного представления о том, откуда берется шелковая нить. Так в двух латинских переводах IV в. «Земле-

описания Дионисия» (II в.) мы знакомимся с трактовками этого процесса. Если Руф Фест Авиен пишет: «Далее – свирепые тохары, и благоразумные фруны, и серы, обитающие на негостеприимных землях; смешавшись со стадами овец и быков, серы собирают пряжу в лесных чащах» (ст. 933–936), то Присциан говорит: «Тохары, фруны и многие тысячи серов: они не заботятся ни о быках, ни о мелком скоте, ни о пастбищах, они пользуются одеждами, которые ткнут из цветов, собираемых в пустынных областях своей страны» (ст. 727–730). Как ни странно, именно второй, курьезный вариант, ближе к греческому оригиналу.

Поэт Авзоний (ум. в 390 г.), живший на территории современного Бордо, упоминает серов и их ткани в цикле «Технопегнии» или «Шутки ремесла» (последнее слово стиха в этой книге является отгадкой, расшифровкой описания, заключенного во всей строке): «в долгополых одеждах собирает лесной пух – сер» (ст. X, 24) и «купец в долгополых одеждах устремляется к морю – сер» (ст. XI, 6), а в эпиграмме «На богатого выроodka» говорит о том, что зазнавшийся спесивец называет Марса, Рема и Ромула своими предками, велит извзять их статуи из серебра и «обрядить в одежды серийские» (ст. 7).

Клавдий Клавдиан (конец IV в.) в «Панегирике Пробину и Олибрию» описывает процесс изготовления парадной одежды: «приготовила украшенные золотом трабею¹⁰ со сверкающим поясом с легкой нитью, которую еще добывают с деревьев серы, собирающие пух с листья приносящих пряжу деревьев, по всей длине пустила тонкую золотую проволоку и сочетала сплетенные нити с грубым металлом» (I, 179–180). В панегирике по случаю третьего консульства Гонория, Клавдиан говорит: «Вам Красное море подносит драгоценные раковины, индеец – слоновую кость, ветви – Панхея, ткани – серы» (VII, 210–21), в панегирике на четвертое консульство Гонория возвращается к этой же теме: «Финикийцы приносят в дань краски, серы – ткани» (VIII, 600–601), в поэме «Против Евтропия»: «Индия осыпает тебе огромными самоцветами, арабы – листьями растений, серы – тканями» (XVIII, 225–226), а в «Эпиталамии Гонорию Августу» призывает: «Расстелите одежды из серийских тканей, разверните под солнцем сидонские покрывала» (X, 211–212)¹¹.

В конце V в. Драконций в поэме «Похвала Богу» говорит: «Сер получает нить, не касаясь веретена» (ст. I, 323). Сидоний Аполлинарий (430–489 гг.) пишет: «Везет индеец слоновую кость, халдей – благовония, ассириец – самоцветы, сер – ткани, сабей – фимиам, афинянин – мед» (Sidon. Apoll. Pоem. V, 42–44). Бозций (470–525 гг.) в «Утешении философией» вздыхает о золотом веке, когда люди «не знали, как смешивать дары Вакха с жидким медом и окрашивать сияющие ткани серов тирской краской» (II, 5, 6–9). Эннодий (474–521) также говорит о том, что шелка подвергают обработке: «Ты носишь ткань серов, окрашенную пурпурными улитками» (CLXXXI. Carm. 2,56), – и в другом стихотворении: «Пропитанные одежды сияют ярче, чем ткани серов» (СССХХ, Dict. 12, 3), – а в «Панегирике королю Теодориху» (XXI, 89) восклицает: «Смотрите, серы, одежды, которые вы окрашиваете в пурпур драгоценными улитками, теряют свой цвет за то время, пока опустошается один медный кубок». В одной из поэм Авит (ум. в 518 г.) констатирует: «Ты не облачен ни в сидонский багрянец дважды вываренных улиток, ни в рдеющий пурпур, ни в мягкую на ощупь ткань, что нам присылают серы» (Avitus Pоem. VI, 40–42).

Апостол Германии, святой Бонифаций, в стихотворных «Загадках, посланных сестре» упоминает «одежды, сотканые из пуха, также, как это делают черви серов» (V, 353–354), Теодульф (ум. в 821 г.) в стихотворении «О жадине» перечисляет среди признаков изобилия «все, что приносит Серийский океан, и, то, что Каспийское царство, все богатства, которыми обладают серы благодаря своему ткачеству» (VII, 5, 19–20). В поэтическом переложении античного ро-

мана «Деяния Аполлония» (IX в.) говорится о кровати, задрапированной «разнообразными тканями серов, сотканными из пурпурной нити и алой пряжи» (ст. V, 412–413). В поэме Милона (810–872 гг.) «Об умеренности» описывается Иерусалимский храм, «где сверкали фаросский камень и гиацинтовые покровы, сотканные искусным Веселиилом, сведущим в ткачестве, из тонкой шерстяной пурпурной нити, которую собирают на деревьях серов и которой пронизывают тканную основу» (I, 25–28). Хросвита Гандерсгеймская (935 – ок. 973 гг.) в «Истории о рождестве Пресвятой Девы» перечисляет: «алая ткань и виссон, лен и ткань серов» (V, 501). Секст Амарций (втор. пол. XI в.) в поэме «О зависти людей друг к другу» говорит: «Обуянный этой страстью, едва увидит знатного человека, одетого в великолепный плащ, сшитый из драгоценной ткани серов, – отводит глаза, словно приметил яму, где мочатся и испражняются: он предпочитает, чтобы сатрап одевался в низкородную мешковину» (ст. II, 5, 492–496). Аббат Теофрид (ум. ок. 1110 г.) в стихотворном «Житии св. Виллиброрда» рассказывает: «Под землей были обнаружены три пещеры, в третьей хранилось сокровище – драгоценный залог – плащ, сотканный с нитью серов» (IV, 104–106).

Собранные материалы позволяют сформулировать несколько выводов. Прежде всего, следует подчеркнуть, что постоянное обращение поэтов, писавших на латыни, к образам связанным с шелком, или «тканью серов», обусловлено тем, что об этой ткани упоминали классики, по чьим произведениям учились слагать стихи. Примечательно, что в греко-византийской традиции круг образов, связанных с «тканью серов», не закрепился. Шелк как предмет роскоши был объектом внимания, описание шелка превратилось в общее место¹², сопряженное как с прославлением, так и с осуждением. Поэзия кратка, в античных и средневековых стихах не обнаружить рассказа о процессе производства шелка (кроме того, надо иметь в виду, что большинство авторов были незнакомы с ремеслом ткачества). Зато в непрестанно появляющихся и подражающих один другому панегириках мы открываем шкалу материальных ценностей, позволяющую судить о роли, которую играл шелк наряду со слоновой костью, самоцветами и другими диковинными товарами. Обладание ими – атрибут социального и политического успеха¹³. Императоров¹⁴ сменяли варварские короли и католические святые, но ценностная ориентация на шелк оставалась неизменной, недаром св. Иероним говорит о презрении к «тканям серов и золотым нитям» (Hier. Ep. CVII, 10). Только в поэтической традиции¹⁵ мы обнаруживаем сведения о том, что доставлявшийся в Средиземноморье шелк затем подвергался окрашиванию, как правило, в пурпур, изредка (сохранилось только одно упоминание) в шафрановый цвет. Чем беспокойнее время, тем больше внимания обращается на качество окраски: красный шелк сопоставляется с тканями, окрашенными составом, добываемым из тела улитки-багрянки. Кроме того, в поэзии времен первых Цезарей неоднократно подчеркивается, что шелк подвергался «разрядке», ткань делали менее плотной и более прозрачной, единственный автор, упоминающий об этом вне поэтической традиции – энциклопедист Плиний Старший (Hist. Nat. VI, 54).

Следует обратить внимание на то, что способ получения нити от шелкопряда был описан в Европе задолго до появления ткани серов или «шелка». Аристотель в «Истории животных» говорит: «Из одного большого червя, который носит как бы рога и [этим] отличен от прочих, выходит при его превращении прежде всего гусеница, затем кокон, а из него – некуюдал. Перемена всех этих форм совершается в шесть месяцев. С кокона этого животного некоторые женщины снимают [нити], разматывая их, а затем ткют; первая из них, которая начала ткать, как передают, была Памфила, дочь Платея, на [острове] Кос»¹⁶

(Arist. Hist. Anim. V, 97). Отталкиваясь от рассказа Аристотеля, Плиний излагает свою, еще более разработанную версию процесса использования шелкопряда (Plin. Hist. Nat. XI, 76–78). Следует отметить, что по мере вхождения термина «ткань серов», косские одежды упоминаются все реже и реже.

Но только во II в.н.э. Павсаний, автор «Описания Эллады» ассоциирует ткань Серов и шелкопряда¹⁷ (Paus. VI. 26.4).

В VII в. Исидор Севильский в «Этимологиях» весьма точно воспроизводит накопленные в античности сведения: «Шелковая одежда (*bombycina*) – из червячка-шелкопряда (*bombyce vermiculo*), который производит из себя очень длинные нити, называемые шелковыми тканями: их делали на острове Кос» (Isid. Etim. XIX, 22, 13). «Остров Кос примыкает к области Атика – там родился врач Гиппократ, и остров этот, как сообщает Варон, первым, изготавливая женские одежды, прославился искусным ткачеством» (Isid. Etim. XIV, 6, 18). «Шелкопряд – листовый червь, из чьего тела делается шелковая ткань. А назван он так потому, что [полностью] опорожняется, когда производит нить, так что в нем остается один воздух» (Isid. Etim. XII, 5, 7).

Для того чтобы между двумя культурами – производителей шелка и потребителей – произошел непосредственный контакт, оказался нужен посредник. В этой роли выступили монголы под предводительством Чингис-хана и его внуков. И вот францисканец Иоанн де Плано Карпини и его спутник, Бенедикт Поляк, посетившие в 1245–1247 гг. ставку Великого хана и присутствовавшие при возведении на престол хана Гуйка, – первые из европейцев, которые ввели в употребление этноним «китай» (*Kitai*) и топоним «страна китаев» (*terram Kitaorum – Plano Carpini Hist. Mongalorum I,3; V, 7; 9–11; VII, 9; 10; IX, 31; 35. C. de Bridia, Hist. Tartarorum, 6, 9–10, 34*). «Китай, о которых мы говорили выше, – народ язычников, пользующийся особым письмом. Как говорят, у них есть Ветхий и новый завет, а также жития отцов и отшельников и дома, построенные наподобие церквей, в которых они совершают молитвы в должное время, а еще говорят, что у них есть какие-то святые. Они поклоняются Единому Богу, почитают Господа Иисуса Христа, и веруют в вечную жизнь, но обряда крещения у них нет вовсе. Писания наши чтят и уважают, христиан любят и многие подают милостыню. Они кажутся людьми вполне добродушными и дружелюбными. Бороды не носят, формой лица более или менее похожи на монголов, разве что лица у них не столь широкие. Язык у них свой. Лучших мастеров в любом из ремесел, какими только занимаются люди, во всем мире не сыщешь. Их страна весьма изобильна зерном, вином, золотом и тканью серов (*serico*), и всеми вещами, в которых нуждается человеческая природа» (Plano Carpini Hist. Mongalorum V, 11 – Wyngaert 1929: 57–58, аналогичная информация C. de Bridia Hist. Tartarorum, 10 – Painter 1965: 63). Иоанн де Плано Карпини упоминает также «удивительный шатер из красного пурпура, который привезли китай» (Plano Carpini Hist. Mongalorum IX, 31 – Wyngaert 1929: 120) и идолов, которых «делают из тканей серов и весьма почитают» (Plano Carpini Hist. Mongalorum III, 2 – Wyngaert 1929:37; C. de Bridia Hist. Tartarorum, 39 – Painter 1965: 89).

Миссионер-францисканец Гильом Рубрук совершил в 1253–1255 гг. путешествие в Каракорум. По возвращении оттуда он впервые сформулировал идею о том, что страна серов может быть отождествлена с Китаем: «Далее расположен Великий Китай (*Cataia*), который, как мне представляется, и есть древняя “страна Серов”. От них поступают великолепные шелковые ткани (*panni serici*), называемые серийскими от народа, а народ получил свое название от одного из расположенных там поселений. Я разузнал о том, что там есть город, где стены домов – золотые, а укрепления – серебряные. В этой стране – множество про-

винций, и многие из них еще не подчиняются монголам. Между ними и Индией простирается море. Эти самые китайцы (cathai) – низкорослые, при разговоре сильно гнусавят, а еще в целом у всех восточных народов узкий разрез глаз. Они прекрасные ремесленники – о каком бы ремесле [ни шла речь], их лекари обладают глубокими познаниями о свойствах трав и по пульсу прекрасно судят [о болезни], но к моче не обращаются и ничего о свойствах мочи не знают. Я их видел, ведь многие из них находятся в Каракоруме. У них обязательно заведено так, что какому ремеслу отец служит, при том же должны оставаться все его сыновья. От того-то они и платят монголам дань, а именно: ежедневно по тысячу пятьсот “яскотов”, а “яскот” – это реси́я золота весом в десять марок, то есть 15 тысяч марок, и это не считая шелковых тканей и разнообразных яств, которые забирают оттуда, а также исполнения прочих повинностей» (Itiner. XXVI, 8–9). С торговлей шелком Гильом Рубрук познакомился уже в самом начале своего путешествия, оказавшись на крымском побережье Черного моря: «Город Судак находится на противоположной стороне от Синополя, и там собираются все купцы, которые прибывают из Турции, желая отправиться на север, и, наоборот, из Руси и северных земель, желающие отправиться в Турцию. Эти привозят беличьи и grisium и другие дорогие шкуры, а те – ткани из хлопка или вамбазия, шелковые ткани и ароматные пряности» (Itin. I,5).

Гильом Рубрук живо интересовался географией и материальной культурой областей, которые оказались в зависимости от монголов: «Все реки текут с востока на запад, напрямую, или не совсем, то есть отклоняясь к югу или северу: я спросил об этом у священников, прибывших из Китая, и они подтвердили мне это. От того места, где я обнаружил Мангу-хана, до Китая двадцать дней пути по направлению на юго-восток. [...] А сколько еще земли простирается на север неизвестно из-за сильных холодов. Там почти всегда снега. Я спросил о чудовищах и чудовищных людях, о которых пишут Исидор и Солин. Они ответили мне, что никогда не видали ничего подобного, и я весьма дивлюсь тому, правда ли это. Что же до всех упомянутых выше народов, то сколь бы они ни были бедны, всем надлежит служить им. Ибо было повеление Чингиза о том, что ни один человек не свободен от повинностей, куда не состарится настолько, что не сможет больше работать вовсе. Как-то раз сидел рядом со мной один священник из Китая, одетый в ткань отменного красного цвета, и я спросил его, откуда подобная окраска, а он рассказал мне, что в восточной области Китая расположены высокие горы, где обитают создания во всем похожие на человека, за исключением того, что колени у них не сгибаются и передвигаются они вприпрыжку – не знаю только как. Ростом они не выше одного локтя, и обитают в недоступных пещерах. Охотники отправляются к ним, прихватив с собой сильно пьянящую брагу, делают в скалах углубления в форме чаш и выливают брагу туда. В Китае до сих пор нет вина, они только начали разводить виноград, а питье делают из риса. Так вот, охотники прячутся, а животные выходят из своих пещер, пробуют описанное питье и выкрикивают «чин-чин», от этих звуков они и стали прозываться «чин-чин». Тут они собираются в великом множестве, выпивают брагу, хмелеют и прямо там засыпают. Охотники приближаются к спящим и связывают им руки и ноги. Потом вскрывают им вену на шее и выдавливают по три-четыре капли у каждого, после сего отпускают их на свободу. По его словам, эта кровь – самое драгоценное средство для окраски пурпура. А еще утверждают доподлинно, хоть я этому и не верю, что за Китаем расположена такая провинция, что в каких-то летах человек в нее попадает, в таком возрасте и остается. Китай расположен над океаном. А еще магистр Вильгельм рассказывал мне, что он лично видел послов от людей, называемых Каули

и Манчи, обитающих на островах и чье море замерзает зимою – так что в эту пору татары могут обрушиться на них. Но они предложили выплачивать две тысячи туменов ясотов ежегодно, покуда оставят их в мире. А тумен – это число, означающее десять тысяч. Ходовая монета в Китае – лист бумаги из вамбасия, длиной и шириной в ладонь, а на ней печатают те же черточки, что на печати Мэнгу. Пишут они кистью, которой делают рисунки и одним знаком, подразумевающим одно единственное прочтение, передают множество букв. Тибетцы пишут, как мы, и знаки у них очень похожи на наши. Тангуты пишут справа налево, как арабы, но добавляют строки, поднимаясь снизу вверх. Уйгуры, как было уже сказано выше, снизу наверх. У русских ходовая монета – разные шкурки и grisiï» (Itin. XXIX, 44–50). В этом рассказе обращают на себя внимание несколько деталей. Прежде всего, в качестве информантов выступают священники из Китая. Идентифицировать этих священников едва ли представляется возможным – при дворе хана Мэнгу Гильом Рубрук вел теологический диспут с несторианами, однако, упоминая несториан, монах-францисканец, как правило, использует соответствующий термин. Приведем замечание, сделанное в ходе рассказа о диспуте: «Все они считают, что души могут перемещаться из тела в тело. Также выделявшийся ученостью священник из числа несториан спросил меня о душах неразумных, могут ли они где-нибудь найти убежище, чтобы не быть принужденными к трудам после смерти. И в подтверждение этого заблуждения, как сообщил мне магистр Вильгельм¹⁸, из Китая был привезен какой-то мальчик по росту и виду не более чем трех лет от роду, однако он был способен воспринимать любое рассуждение. И он сам о себе говорил, что воплотился в тело уже по третьему разу, и умел читать и писать» (Itin. XXXII, 14–15). Идея перевоплощения из одной физической сущности в другую или переселения душ, скорее всего, указывает на восточные религии: ряд исследователей даже отождествляли упоминаемого мальчика с тибетскими ламами (Wynngaert 1929:). Одевание из красной ткани говорит в пользу буддистского монаха.

Знаменитый энциклопедист Роджер Бэкон использовал «Итинерарий» Гильома Рубрука и «Историю монгалов» Иоанна де Плано Карпини, составляя географическое описание суши, помещенное в IV книге «Великого сочинения»: «За ними расположен Великий Китай, называемый философами «страной серов» – она находится на самом крайнем востоке и с севера примыкает к Индии, от которой отделена горами и морским заливом. Именно там изготавливают великолепные ткани серов, причем в большом количестве, и оттуда эти ткани доставляют в разные страны. Народ этот сильно гнусавит, они прекрасные ремесленники – о каком бы ремесле ни шла речь, а еще среди них живут хорошие лекари, специализирующиеся во всем, кроме мочи. Мочу они не смотрят, но по пульсу и другим признакам прекрасно могут судить [о заболевании], хорошо разбираются в свойствах трав и действии любого лекарства. Многие из них живут среди татар. У этих китайцев ходит в народе монета из вамбасия (bambasio), на которой они печатают какие-то черточки. А чему тут удивляться, ведь русские, живущие рядом с нами, используют в качестве монеты *faciem Hesperiolum*. Этот Китай расположен на расстоянии двадцати восьми дней от местности, где находится император. А еще в той стране расположены высокие горы, среди которых обитают некие существа во всем похожие на людей, вот только колени у них не сгибаются, а потому передвигаются они вприпрыжку. А ростом самые высокие из них не более локтя, и тело у них целиком покрыто волосами, а еще они не разговаривают. Охотники берут брагу, вырубают в скалах углубления наподобие чаш, а эти животные приходят, брагу выпивают, хмелеют, засыпают – вот так и ловят. Охотники связывают

им руки и ноги, вскрывают вену на шее и выдавливают две-три капли крови, развязывают их и позволяют уйти. А кровь эта очень ценится для [окрашивания] пурпура. [...] Восточные китайцы пишут с помощью кисточки (*puncturio*), которой рисуют картинки, и с помощью одного изображения соединяют множество букв, имеющих конкретное произношение, таким образом, получают значки, которые во многом похожи на буквы – ведь эти значки и сами по себе составлены из букв, и при произношении получают осмысленное значение».

Таким образом, вплоть до того времени, когда побывавший в Китае Марко Поло составил в конце XIII в. «Книгу о разнообразии мира», основной интерес, который вызывала эта отдаленная страна, был связан с производимыми ею тканями, или шелком. В «Книге о разнообразии мира» встречается устойчивое словосочетание «золотые и шелковые ткани»¹⁹. Еще одно многократно повторяемое утверждение, «шелку тут много»²⁰, сопряжено с сообщениями: народ в городе торговый и ремесленный, продовольствие и охотничья дичь – в изобилии, население – идолопоклонники, деньги – бумажные, жители – подданные Великого хана²¹. Можно предположить, что копирование подобных сведений на отрезке повествования, где приводится описание областей Китая, подвластных Великому хану (гл. CVI-CLVII), связано с составительским методом Рустичиано из Пизы. Торговля золотыми и шелковыми тканями упоминается, когда речь заходит о Великом Спуске (гл. XXXVII – «пряности и драгоценные камни, жемчуг, ткани, шелковые и золотые, слоновые зубы и другие товары»), Мелибаре (CLXXXIII – «золотые ткани и шелковые, сандал, золото, серебро, гвоздика и пряности») и Мадагаскаре (CXCI – «разные ткани, золотые и шелковые, и иные товары»)²².

¹ Знакомство Европы с китайским шелком затрагивается в работах: *Honour H. Chinoiserie: The Vision of Cathay*. New York, 1961. *Reichert, F. Begegnungen mit China: die Entdeckung Ostasiens im Mittelalter*. Heidelberg, 1992. *Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.)*. СПб., 2003.

² Отправной точкой для данной статьи стал свод источников *Textes d'auteurs Grecs et Latins relatifs à L'Extrême-Orient / rec. par G. Coedès*. Paris, 1910. Биографические сведения об упоминаемых поэтах см.: *Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии*. М., 1972. Все переводы, кроме особо оговоренных случаев, сделаны автором статьи.

³ В «Одах» (Ног. Carm. I, 12, 56–57; III, 29, 27; IV, 15, 23) неоднократно упоминает о «серах» как о племенах, обитающих на Востоке рядом с Индией, Бактрией или Персией.

⁴ Сведения, сообщаемые в «Памятной книжке» Луцием Ампелием (II–III вв.): «О круге земном: в Азии прославленные народы – инды, серы, персы, медийцы, парфяне, арабы, вифиняне, фригийцы, каппадокийцы, киликийцы, сирийцы, ликийцы» (Luc. Amph. VI), Флавием Вописком в биографии Аврелиана: «Сарацины, блемии, аксумиты, бактрийцы, серы, иберы, албаны, армяне, а также народы Индии почитали его, словно живого бога» (Vopisc. Aurel. 41, 10), Юлия Гонория (V в.), причисляющего в своей «Космографии» серов к «народам Северного океана» (Jul. Hon. Cosm. 38) или Вибия Секвестра, отмечающего в своем словаре, в разделе «Народы», что «серы – в Азии на востоке», не вносят особой определенности. Павел Орозий, автор «Семи книг истории против язычников» (нач. V в.) отмечает, что «Таксил располагает серов между двумя реками: Гидаспом и Индом» (Oros. III, 23, 11). Как пишет Юлий Валерий (III в.) в «Истории Александра», Нектанебу стало известно, что против него восстанут народы: «инды, арабы и финикийцы, парфы и ассирийцы, равно как скифы, аланы, оксидраки, серы и кавконы, иберы, агриофаги, эвномиты и все прочие племена, какие только есть на востоке» (Jul. Val. I, 1).

⁵ «Около этого времени пришли из Индии какие-то монахи. Узнав, что император Юстиниан очень озабочен тем, чтобы римлянам не приходилось покупать шелка при

посредничестве персов, они, явившись к императору, обещали ему, что так устроят дело с шелком, что никогда уже не нужно будет римлянам делать этих покупок ни у персов, своих врагов, ни у какого-либо другого народа; они говорили, что провели много времени в стране, которая называется Сериндой, находящейся севернее многих племен индийцев; там они точно изучили, как возможно производить шелк в земле римлян. Когда император все дальше и дальше расспрашивал их, допытываясь, правилен ли их рассказ, монахи стали рассказывать, что творцами шелка-сырца являются червяки, что природа является их учительницей, заставляющей их непрерывно работать. Доставить червяков оттуда живыми невозможно, но их зародыши (яички) – вполне возможно и легко. Зародышами этих червей являются яички, которых каждый червяк кладет бесчисленное множество. Эти-то яички много времени спустя, после того как они положены, люди, закопав их в навозе и здесь в достаточной степени долго их согревая, делают живыми. Когда они это рассказали, император, обещав одарить их великими благами, убедил их подтвердить свой рассказ делом. Тогда они вновь отправились в Серинду и принесли в Византию яички шелковичного червя и сделали так, как рассказано, т.е. чтобы обратить яички в червей, они выкармливали их листьями тутового дерева; этим они достигли того, что в дальнейшем в земле римлян стал добываться шелк-сырец. Так вот как шли тогда военные дела у римлян и персов и что произошло относительно шелка». Прокопий Кесарийский. Война с готами / пер. С. П. Кондратьева. М., 1996. Т. 2. С. 70–71.

⁶ *Марк Анней Лукан*. Фарсалия или поэма о гражданской войне / пер. Л.Е. Остроумова. М., 1951. С. 234. Лукан также отмечает, обращаясь к Нилу: «Сервы видят тебя первыми, хотя и не знают, кто ты» (ст. X, 292).

⁷ В биографии императора Гельвия Пертинакса писатель Юлий Капитолин отмечает, что среди распродававшихся Комодом вещей были «одежды из ткани серийцев с золотой нитью» (Capit. Pertinax 8,2).

⁸ Herod. IV, 196: «Карфагеняне же рассказывают еще вот что. Обитаемая часть Ливии простирается даже по ту сторону Геракловых Столпов. Всякий раз, когда карфагеняне прибывают к тамошним людям, они выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым. Местные же жители, завидев дым, приходят к морю, кладут золото за товары и затем уходят. Тогда карфагеняне опять высаживаются на берег для проверки: если они решат, что количество золота равноценно товарам, то берут золото и уезжают. Если же золота, по их мнению, недостаточно, то купцы опять садятся на корабли и ожидают. Туземцы тогда вновь выходят на берег и прибавляют золота, пока купцы не удовлетворятся. При этом они не обманывают друг друга: купцы не прикасаются к золоту, пока оно неравноценно товарам, так же как и туземцы не уносят товаров, пока те не возьмут золота». – Пер. Г. А. Стратановского.

⁹ *Аммиан Марцеллин*. Римская история / пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 1996. С. 299.

¹⁰ Как пишет энциклопедист VII в. Исидор Севильский: «Трабея – это вид тоги, сделанной из пурпура и красной ткани [окрашенной кошенилью], изначально, облачившись в нее, шествовали римские цари. Говорят, что первым ее ввел Ромул, чтобы цари выделялись своим одеянием» (Isid. Etim. XIX, 24, 8).

¹¹ В той же поэме встречается еще одно упоминание о шелке: «Вот карикатура на человеческое лицо: отрок ради забавы сидящих за столом, облачается в дорогую ткань Серов, оставляя голыми спину и ягодицы» («Против Евтропия». XVIII. 225–226).

¹² Для сравнения можно указать, что Гораций упоминает о «стрелах серов» (Ног. Od. I, 29, 10), но данное выражение не вошло в поэтический язык. Схолиасты пытались дать истолкование этому выражению, так Аркон (ок. 200 г. н.э.) рассуждает: «Серийские – происходит от того, что так называются серы, а этот народ, соседний с парфами, славен искусством стрельбы из лука, от него и [ткань] называют серийской». Порфирион (рубеж II–III вв.) пишет: «Серийские стрелы, то есть парфянские, от народа серов, который живет на востоке». Примечательно, что Харитон, описывая в романе «Повесть о любви Херея и Каллирои» (к. I в. н. э.) облачение вавилонского царя, выехавшего на охоту: «Сидел он на великолепном, крупном нисейском коне, золотыми взнузданном удилами, с золотыми же налобником и нагрудником. Одет он был в тирский порфиновый плащ из вавилонской ткани, а на голове была гиацинто-

вого цвета тиара. Опоясанный акинакой, держал он в руке два копыя, сбоку же у него висели колчан и лук, драгоценные изделия *серов*» (Char. VI, 4 – См. *Харитон*. Повесть о любви Херея и Каллирои / пер. И. Толстого. М.; Л., 1959. С. 112). Вполне возможно, за этим стояла определенная материальная реальность. Так Плиний Старший упоминает: «Из всех видов пальма первенства принадлежит железу серов, серы присылают его нам заодно с тканями и шкурами» (Hist. Nat. XXXIV, 145). Павел Орозий, рассказывая о поражении Красса, сетует – уж лучше бы его воины, «предвидя будущее, облачились не в парфянское золото, а в железо серов» (Oros. VI, 13, 2).

¹³ Согласно Иосифу Флавию, во время иудейского триумфа Веспасиана и Тита, солдаты были без оружия, в шелковой одежде и лавровых венках (De Bell. Jud. VII, 5, 4).

¹⁴ Феофилакт Симокатта (пер. пол. VII в.) пишет об императоре Маврикии: «Со всем рвением предаваясь христианскому посту, распрощавшись с золотыми, украшенными самоцветами ложами и тканями серов...» (Theophyl. Hist. VII, 6, 5). *Феофилакт Симокатта*. История / пер. С. П. Кондратьева. М., 1996. С. 186.

¹⁵ Следует отметить, что в романе Гелиодора «Эфиопика» (кон. III в.) говорится: «приведены были послы серов, которые поднесли пряжи и ткани из паутины своей страны, одежду, окрашенную пурпуром, и другую, чистейшей белизны» (Helioid. Ethiop. X, 25. – пер. под ред. А. Егунова, см.: *Гелиодор*. Эфиопика. М.: Academia, 1932). Это единственный пример упоминания об окрашенном шелке в прозаическом тексте.

¹⁶ *Аристотель*. История животных / пер. В. П. Карпова; под ред. Б. А. Старостина. М., 1996.

¹⁷ *Павсаний*. Описание Эллады / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева; под ред. Е. В. Никитюк. М., 2002. Т. I. С. 451–452.

¹⁸ Имеется в виду Гильом Буше – ювелирных дел мастер, находившийся в ставке Великого хана.

¹⁹ Эти ткани производят в Грузии (гл. XXIII), Мосуле (гл. XXIV), Багдаде (гл. XXV), Тебризе (гл. XXVI), Сендуке (гл. LXXIV), Ханбальке (гл. XCV), Жиги (гл. CVI), Качиан-фу (гл. CX), Кенжиан-фу (гл. CXI), Тибете (гл. CXVI), Качиан-фу (гл. CXXXI), Паншин (гл. CXL), Нангхин (гл. CXLV), Саинфу (гл. CXLVI), Чингинги (гл. CL). Здесь и далее ссылки на старофранцузскую версию «Книги о разнообразии мира» (доступна русскому читателю в пер. И. Минаева, цитаты приводятся по этому переводу). Сопоставление с итальянским текстом издания XVI в. (Дж. Б. Рамузио) и латинским текстом Толедского манускрипта показало, что подобная формульность присуща всем трем версиям сочинения.

²⁰ Сендук (гл. LXXIV), Ханбальк (гл. XCV), Жиги (гл. CVI), Тайфу (гл. CVII), Пиан-фу (гл. CVII), река Караморан (гл. CX), Качиан-фу (гл. CX), Кенжиан-фу (гл. CXI), города и замки на запад от дворца Мангалая (гл. CXII), Каигуи (гл. CXXX), Качиан-фу (гл. CXXXI), Кундинфу (гл. CXXXIV), Пингуи (гл. CXXXVII), Паншин (гл. CXXI), Нангхин (гл. CXLV), Саинфу (гл. CXLVI), Чингианфу (гл. CXLIX), Чингинги (гл. CL), Тинги (гл. CLI), Вугин (гл. CLI), Кинсай (гл. CLIII), Танпиги (гл. CLIV), Фуги (гл. CLV).

²¹ Изобилие шелка обязательно сопряжено с остальными перечисленными факторами (единственное исключение – путь из Тендука в Китай, где местность населена не только идолопоклонниками, но мусульманами и христианами-несториянами, гл. LXXIV), но не является определяющим. Описание городов посредством перечисления тех или иных свойств (гл. CV-CLVII) доминирует во второй книге (гл. LXXVI-CLVII), где речь идет о Китае. Спорадически подобные перечисления встречаются в первой (гл. XX-LXXV) и третьей (гл. CLVIII-CCXXXII) книгах сочинения Марко Поло. Следует отметить: сообщая о производстве «золотых и шелковых тканей» за пределами Китая, Марко Поло практически всегда (за исключением гл. XXVI и XXXIII) упоминает, что эти ткани имеют собственные названия: «Отсюда идет шелк, что называется “желл”» (гл. XXIII – Грузия), «Все шелковые ткани и золотые, что называются мосулинами, делаются здесь» (гл. XXIV – Мосул), «выделяют разные золотые и шелковые материи: нассит, нак, кермози» (гл. XXV – Багдад), «много шелковых тканей тут выделяется; называют их «язди» (гл. XXXIV – Йезд), «ткнут тут золотые сукна нашизи и нак и разные шелковые ткани; как у нас есть разные шерстяные ткани, так и у них разные золоченые сукна и шелковые ткани» (гл. LXXIV – Сендук). Таким образом, можно говорить о том, что формула «золотые и шелковые ткани» использовалась

самим Марко Поло или Рустичиано в весьма широком значении, не всегда сводя дело к собственно шелку. Упоминания о тутовых деревьях, листья которых едят шелковичные черви (гл. ХСVI, СVII, СXI), позволяет судить о том, что в повествовании о Китае Марко Поло подразумевает под шелком именно шелк.

²² Среди шелковых изделий Марко Поло называет «богатые постели с роскошными шелковыми одеялами» на постоянных дворах во владениях Великого хана (гл. СХСVIII), «великолепные, искусной работы разноцветные шелковые ковры, шитые золотом» в покоях государя (гл. СIV). Говоря об употреблении шелка в одежде, Поло отмечает: «богатые одеваются в золотые да в шелковые ткани, обшивают их перьями, мехами – собольими, горностаем, черно-бурой лисицей, лисьими» (гл. LXX), «еду и питье великому хану подают многие князья, а рты и носы у них, скажу вам, прикрыты прекрасными шелковыми да золотыми тканями, чтобы дух и запах не касались пищи и питья великого хана» (гл. LXXXVI), «в день рождения великий хан облачается в сукно, вытканное золотом; в тот же цвет и точно так же, как великий государь, одеваются двенадцать тысяч князей и рыцарей; сукно у них не такое дорогое, а того же цвета, шелковое, с золотом; у каждого большой золотой пояс» (гл. LXXXVI). Он также подчеркивает, что «сенси» бреют голову и бороду, «одеваются в бумажные материи, белые и черные, или в шелковые тех же цветов» (гл. LXXV). По представлениям Марко Поло веревки и шнуры, сделанные из шелка, были не только чрезмерно дороги, но и обладали особой прочностью: так он говорит о двухстах шелковых веревках. Которые поддерживают переносной бамбуковый дворец Великого хана (гл. LXXV), подчеркивает, что в «веревки в покоях и в залах шелковые, дорогие» (гл. LXXXVI), именно на шелковый шнурок нанизаны 104 крупные жемчужины и рубины правителя Маабара (гл. CLXXIV). В Кермане «замужние женщины и девки славно вышивают зверей и птиц и всякие другие фигуры по шелковым, разноцветным тканям. Работают для князей и знатных людей занавески так хорошо и искусно, что не удивишься; вышивают также прекрасно перины, подушки, подушечки» (гл. XXXV). У тангутов погребальный дом покрывается *шелковыми и золотыми тканями*» (гл. LVIII).

К 75-летию Нажины Костюченко – Нажингова Фу (из истории русско-китайских связей ОЛСАА)

8 января 2010 г. исполнилось 75 лет одной из первых сотрудниц ОЛСАА, уроженке Китая Нажине Костюченко (Нажингова Фу). Нажина и ее коллеги-сверстники своим трудом заслуживают немало добрых слов в свой адрес, и юбилей – хороший повод для этого. Но, кроме того, в биографиях этого поколения очень ярко проявились многие характерные и любопытные черты еще недавнего прошлого, многое было связано с крупными событиями, происходившими в нашей стране и в Китае. Все эти мелочи, как нам кажется, добавляют небольшие, но интересные штрихи в картину ушедшей эпохи, как она проявляется в жизни отдельного человека.

Нажингова Фу родилась в небольшом городке Шуанляо, в северо-восточном районе Китая, исторически – Маньчжурия. Городок Шуанляо находится недалеко от нынешнего административного центра провинции Ляонин города Шэньян, который до периода КНР у нас было принято называть по-маньчжурски – Мукден. Это слово было в России на слуху после русско-японской войны, т. к. с этим городом связаны известные события из русской истории: 7–25 февраля 1905 г. у Мукдена происходило сражение между русскими и японскими войсками, решившее исход русско-японской войны (под Мукденом была разгромлена армия Куропаткина). Сейчас это один из крупнейших городов Китая, расположенный к Северу от Великой китайской стены, в 841 км к северо-востоку от Пекина. Отец Нажины, Насунмэнхэ Фу, официально по паспорту считался монголом, но на самом деле принадлежал к довольно знатному маньчжурскому роду, людям одного из знамен. У маньчжуров существовала военизированная форма социальной организации – знаменные войска, созданные в 1614 г. Нурхаци, основателем династии Цин: все они были причислены к восьми крупным воинским единицам – знаменам, отличавшимся по цвету (желтое, белое, красное, синее и эти же цвета с каймой; после захвата китайских земель маньчжуры стали также создавать войска зеленого знамени, в которых служили китайцы).¹ Отец Нажины принадлежал к категории дворянства, дети из этих семей предназначались для службы при императорском дворе; по семейному преданию, его прапрапрадед был министром при дворе династии Цин. У отца также было второе, китайское, имя Фулянь Кэ, которое было указано в документах и по которому он учился в ВУЗе. По традиции старший сын (брат отца) считался в будущем главной опорой для семьи, поэтому его послали учиться в Пекин, где он закончил политический факультет Пекинского университета. В это время в Китае начиналось активное студенческое антифеодалное движение. Брат отца не принимал участия в молодежных движениях, но был знаком с некоторыми известными впоследствии людьми. В частности, встречался с известным американским журналистом, упоминаемым в истории КПК и обвиненным позже в шпионаже. Впоследствии, в период КНР, старший брат отца работал в Академии наук, хотя и подвергался разным проработкам. По просьбе руководства из Центра написал мемуары (как говорил, «два мешка») и передал их в АН, но их судьба родственникам не известна. Отец Нажины, второй сын, предназначался для службы при дворе императора Пу И, и в возрасте примерно восьми – десяти лет был отправлен в Пекин, в Запретный дворец (Гугун). Там он должен был пройти подготовку у специальных учителей, которые обучали тому, как служить при дво-

ре. По воспоминаниям отца, за стенами дворца слышались крики торговцев, бурлила шумная городская жизнь, а во дворце стояла тишина. В Гугуне отец пробыл год, а затем, в 1919 г., когда в Китае стала развиваться революционная ситуация, его отправили домой. Он закончил педагогический колледж, впоследствии изучал юриспруденцию в Японии и хорошо знал японский язык. Маму Нажины звали Бао Ши Цзе. Она происходила из монгольской помещицкой (скотоводческой) семьи, которая была хорошо известна в уезде, была домохозяйкой, как тогда было принято. Родители Нажины периодически меняли место жительства, и детство Нажины (долгое время она была единственным ребенком в семье) прошло в разных городах внутренней Монголии, в том числе – в период японской оккупации. Напомним, что японцы довольно рано – уже 18.09.1931 г. – оккупировали Маньчжурию, а в 1937 г., воспользовавшись провокацией около Пекина, заняли ½ Китая. По воспоминаниям Нажины, японцы, исходя из политики «разделяй и властвуй», в оккупированных районах лучше относились к монголам (уважали за Чингисхана) и корейцам и очень плохо относились к китайцам. Для жителей оккупированных территорий были карточки разных категорий: 1-я – для японцев, 2-я – для монголов, 3-я – для корейцев и 4-я – для китайцев. В школах в программу обучения обязательно входил японский язык. Однажды утром всех учеников школы, где училась Нажина, собрали до начала занятий на стадионе, и директор-японец объявил, что умер американский президент Франклин Рузвельт. В связи с этим событием под руководством директора ученики три раза поднимали руки и три раза прокричали: «Банзай!». Также в показательных агитационных мероприятиях должны были участвовать домохозяйки. Кроме того, перед всеми мероприятиями школьники должны были сначала три раза кланяться в сторону Токио, где был императорский дворец, а затем – в сторону г. Чанчун, новой столицы, в которой находился дворец марионеточного маньчжурского императора Пу И. Еще один маленький штрих, запомнившийся из детства: двоюродная сестра Нажины, ученица женской гимназии, порой звонила жениху, который учился в консерватории, где была японская охрана, и вместо привычного китайского «вэй-вэй» (т.е. «алло-алло») надо было говорить по-японски «моси-моси». Примерно с 1942/1943 и до 1945 гг. семья жила в г. Чанчун, столице марионеточного государства Маньчжоуго (Синцзин), созданного японцами в 1932 г. и просуществовавшего до 1945 г. В память об этом периоде в городе остались Императорский дворец, здание государственного совета и другие здания. Отец после 1945 г., во время гражданской войны, перешел на сторону КПК, участвовал в гражданской войне (был в 8-й армии). В августе 1945 г. советские войска, выполняя соглашение с США, вступили в войну с Японией и вошли в Маньчжоуго, освобождая Северный Китай от Квантунской армии. Жители города видели, как японцы убежали. За несколько дней до наступления советских войск отец Нажины, опасаясь бомбежки, вывез семью в небольшой городок Баян-Тала (по-монгольски – «богатая степь»). Отец организовал отряд на лошадях – встречать советские войска. Они увидели танки, советские командиры их пригласили пообедать (там отец впервые увидел, как русские «залпом» пьют водку). Детей поразили мощные советские танки (японские, которые они видели до этого, были довольно миниатюрными). Одно из ярких и, наверное, веселых впечатлений тех дней – довольно низко пролетал советский самолет, и очень хорошо было видно летчика, который снял шлем и помахал им, а у него были рыжие волосы. Их район довольно рано стал коммунистическим, Гоминьдана там не было. В школе от старых «буржуазных» учебников отказались, а новые еще не были подготовлены. Поэтому срочно

переводили советские учебники. После окончания школы Нажина с 1950 по 1954 г. училась в Пекине в Институте русского языка. В этот период страна переживала тяжелые времена, народ бедствовал, и студенты находились на обеспечении государства. Институт русского языка, в котором училась Нажина, принадлежал ЦК КПК, поэтому студенты снабжались получше, чем в других ВУЗах, получали приличное по тому времени питание, периодически – одежду, оставались небольшие деньги от стипендии на карманные расходы. Любили покупать хурму, которая в больших количествах продавалась в Пекине, орешки, например жареный арахис. Позже, когда она была на третьем курсе, институт был передан Министерству высшего образования и переименован в Институт иностранных языков. Сейчас это Пекинский институт иностранных языков. После окончания института Нажина сфотографировалась в фотоателье, которое переехало в Пекин из Шанхая, в новом нарядном платье, сшитом из шелка (эта одежда для того времени была не типична, так в массе никто не одевался). В этот период Китай осуществлял индустриализацию при помощи СССР, в Китае работало много советских специалистов и срочно требовались переводчики. После окончания института Нажину направили на работу в Общество Советско-китайской дружбы² в г. Баотоу на северо-западе Китая, где создавалась индустриальная военно-промышленная база. Тогда Баотоу был небольшим захолустным городком, в 700-х км от Пекина. В городе было много наркоманов. Теперь это очень современный развитый город. Недалеко от него находится г. Хух-Хото, куда переехала семья Нажины и до сих пор живут ее родственники. В Баотоу Нажина познакомилась с молодым советским инженером, Станиславом Костюченко. Здесь стоит несколько слов сказать о нем. Станислав Алексеевич был незаурядным, одаренным человеком. Выпускник Ленинградского кораблестроительного института, он впоследствии стал одним из руководителей по производству турбин для подводных лодок на Кировском заводе. Но, кроме того, он интересовался литературой, писал стихи, его очерки печатались. Общаться с ним было интересно. В конце 50-х гг. в Пекине в Агентстве Синьхуа в редакции информации для зарубежных стран была создана русская секция, куда набирали сотрудников. Перевестись на работу с периферии в Центр было очень сложно, но благодаря сокурсникам, работавшим в агентстве Синьхуа, через Отдел пропаганды ЦК Нажину приняли на работу в Синьхуа. С. А. Костюченко к тому времени уехал в Советский Союз, и они переписывались. Нажина работала в одном кабинете с тремя советскими журналистами из ТАСС – Соловьевым, Ивановым и Яковлевым (автором книги «Семнадцать лет в Китае»³). Это был период большого скачка. С утра до вечера проходили собрания, митинги. Поскольку для агентства Синьхуа требовались люди со знанием иностранных языков, среди сотрудников было много представителей интеллигенции, которые учились за границей (в Кембридже, Колумбийском университете). Их «прорабатывали», боролись с «правыми элементами». Пострадали близкие друзья во время кампании «пусть расцветают сто цветов, пусть будут сто мнений», которые буквально восприняли этот лозунг и откровенно высказывали свое мнение. Поскольку Нажина хорошо знала разговорный русский язык, ее часто посылали в командировки сопровождать иностранных гостей из стран соцлагеря, которые, как правило, говорили по-русски. Так, с польской журналисткой ей удалось побывать на юге Китая, в Хунане, родине Мао Цзэдуна, на приемах в венгерском посольстве, в Пекине она видела Чжоу Эньлая.

В 1958 г. С. А. Костюченко прислал ей приглашение, она выехала в Советский Союз и вышла за него замуж. В то время браки с иностранцами разрешались с трудом, и для того, чтобы добиться разрешения на брак, ее будущему

супругу пришлось приложить определенные усилия. С октября 1958 г. Нажина стала жить в Ленинграде, а уже через два месяца поступила в недавно созданный Отдел литературы стран Азии и Африки Библиотеки АН СССР (теперь РАН), в котором она проработала свыше тридцати лет, до входа на пенсию в 1990 г. В ОЛСАА БАН Нажина Костюченко занималась каталогизацией и комплектованием китайской, монгольской и вьетнамской литературы, участвовала в подготовке всех библиографических пособий в этот период, в научной работе отдела. У нее есть довольно интересные публикации. Так, в сборнике БАН *Книжные сокровища* помещена ее весьма увлекательная статья *Кисть, полная жизни*⁴ о хранящемся в фондах ОЛСАА альбоме китайского художника Лю Куэйлина (р. в 1885 г.), посвятившего свое творчество распространенному в Китае жанру «цветов и птиц». В этой статье, помимо интересных наблюдений, есть и любопытные отсылки на древний трактат о живописи *Сюаньхэ хуану*, также хранящийся в ОЛСАА, цитаты из поэтов Ли Бо, Ду Фу, Л.Н.Толстого. В период начала китайских реформ, когда у нас еще не очень много писали об этом в общедоступных изданиях, Нажина выступила с докладом на конференции БАН о реформах в библиотечном деле в КНР по материалам китайских периодических изданий (1987), который настолько заинтересовал специалистов, что ей пришлось повторить его еще раз специально для сотрудников Отдела фондов и обслуживания БАН (позже он был напечатан в виде статьи)⁵. Будучи человеком чрезвычайно толковым и собранным, Нажина умела работать очень четко, быстро, с отличными результатами, поэтому неудивительно, что ее фотография в 80-е гг. появилась на Доске Почета БАН.

В отделе Нажина довольно легко вошла в новый коллектив. Этому способствовало, конечно, и то, что Нажина хорошо говорила по-русски, и общая дружественная атмосфера в отношениях между нашими странами (по воспоминаниям Нажины, ее тепло встретили на вокзале не только будущий супруг, но и его коллеги по работе), и личные качества Нажины, ее контактность, дружелюбие, наблюдательность и проницательность, ясный трезвый ум, феноменальное трудолюбие и даже артистизм (Нажина довольно точно и остроумно «изображала» коллег). Нажину настолько воспринимали «своей», что во время практиковавшихся тогда осенью поездок сотрудников БАН на уборку морковки в район Любани тогдашний зав. ОЛСАА Сергей Серафимович Булатов (в 90-е г. начальник Протокольного отдела Мэрии Санкт-Петербурга) «нелегально» провозил туда и Нажину (из-за «нехватки кадров»), хотя иностранцам там бывать не полагалось. Нужно сказать, что и среди коллег-китаеведов, и в нашем отделе доброжелательный интерес к Китаю никогда не ослабевал, чтобы ни происходило в политике. Еще работая в отделе, Нажина впервые за 22 года в январе 1984 г. смогла съездить к родным в г. Хух-Хото и побывать среди друзей в Пекине. Стали известны многие подробности о семье. Отец Нажины в г. Хух-Хото работал в местном педагогическом институте. В период культурной революции его, как старого интеллигента, считали человеком с сомнительным прошлым, достойным проработки и перевоспитания. Отец Нажины погиб в 1964 г., в начальный период культурной революции, обвиненный как советский шпион. Позже он был реабилитирован, маме, которая осталась с младшей дочерью, дали пенсию, квартиру. Нажине еще 6 раз удалось съездить в Китай, в том числе и с семьей, и в командировке с врачами – 1986 г., 1989, 1991, 1992, 1998 и 2007 гг. В 80-годы о реформах в Китае в нашей печати почти не было никаких материалов, в 90-е гг. многие достижения замалчивались. Поэтому мы с огромным интересом слушали впечатления Нажины как живого очевидца событий, знающего их с позиции обычного человека и по рассказам родственников. В 1984 г.,

по ее словам, было начало реформы после разрухи, в обществе ощущалось настроение ожидания, что должны произойти изменения, родственники из скопцовского района сказали, что можно разбогатеть, но толком не знали, как и не опасно ли это. Крестьянам разрешили привозить продукты на продажу, появились овощи. В сентябре-октябре 1986 г. уже ощущалось оживление экономики, стало больше продуктов питания, крестьяне торговали свободно, мама говорила, что лишь бы были деньги – многое можно купить. Примерно в это время Нажина везла в Китай в качестве подарка мясорубку (т. к. уже были доступны мясные продукты) и велосипед (у советских велосипедов в Китае тогда сохранялась репутация, что это изделие очень тяжелое, но зато очень прочное). В 1989 г. (с мужем) были в Хух-Хуто, было заметно очень большое оживление экономики, но еще не было масштабного строительства повсюду (хотя оно уже наблюдалось в таких городах, как Пекин, Ханжоу, Шанхай), очень оживилась торговля, продавались предметы быта, электротехника. В пути на электричке из Шанхая в Ханжоу разговорились с соседом, который говорил о недовольстве властью (после событий на площади Тяньаньмынь). В сентябре – ноябре 1991 г. она вместе с дочерью и внуком побывала у родственников в Хух-Хото, где строительство еще не было очень активным. Но уже в 1992 г. во время официальной командировки с врачами в Чэньду там можно было наблюдать бурное строительство, хотя еще сохранялись старые переулки – хутоуны. В 1998 г. она также посетила и Чэньду вместе с семьей (дочь, муж и внук). Там уже началось строительство высотных домов, появилась в центре города аллея. И, наконец, просто ошеломляющие изменения Нажина увидела почти через 10 лет, во время поездки в Хух-Хото и Пекин в 2007 г. Она нашла уже совсем других людей, живущих своими интересами, никто не устраивал собрания. В Хух-Хото не осталось старых зданий. Построены новые театр, библиотека, бассейн, стадион, был огромный выбор товаров. На каждом шагу комфортные и доступные рестораны с восточной, европейской и американской кухнями, поэтому уже дома гостей никто не принимает, под новый год все занято. Пожилые люди любят проводить время по выходным в ресторанчиках, где все очень доступно по цене, уютно и вкусно. Проблема у молодежи – трудно устроиться на работу. Можно напомнить, что город Хух-Хото еще в XVII в. был причастен к развитию российско-китайских связей. Он был описан первым официальным дипломатом России в Китае Ф. И. Байковым, ездившим в Пекин в 1655–1656 гг. и оставившим записки о поездке, впервые изданные в России в 1755 г. в пересказе и с комментариями Миллера.⁶ Проезжая по Северо-Востоку Китая, Федор Байков останавливался в городе Кокотоне, который китаеведы атрибутируют как Хух-Хото⁷⁻⁸. По мнению Нажины, китайские реформы проводились таким образом, что никому никогда не становилось от этого хуже, в то же время в ходе реформ постепенные улучшения, пусть небольшие, ощущали все слои населения, несмотря на имеющееся значительное расслоение по доходам. Кто-то мог купить себе дорогую машину, а кто-то – всего лишь велосипед, швейную машинку или часы, но улучшение почувствовали все. Нажина вышла на пенсию в 1990 г., но продолжает поддерживать связи с Отделом, она неоднократно помогала в приеме делегаций из КНР. Ее по-прежнему приглашают в разные организации как высококвалифицированного переводчика. В нашей стране в период СССР получили подготовку немало специалистов из зарубежных стран Востока, в некоторых странах даже есть ассоциации выпускников наших ВУЗов. В свою очередь, во многих странах Востока в свое время было подготовлено немало и русистов, некоторые из них, как Нажина, волею судеб долго прожили в нашей стране. Можно сказать, что в большинстве случаев у них доброе отношение к России, искренний и благожелательный интерес к тому, что у

нас происходит. Поэтому нужно это ценить, относится к ним как к друзьям России. Нажине же хочется пожелать здоровья, благополучия и процветания ее семье.

---

¹ См.: Мясников В.С. Комментарий к док. 75 [Отписка приказного человека Онуфрия Степанова якутскому воеводе М.С. Лодыженскому о действиях его отряда на Амуре и столкновениях с маньчжурскими войсками 1654 г. августа между 2 и 31. № 75] // Русско-китайские отношения в XVII в. : в 2-х тт. Т. 1. 1608–1683 / сост. и обработка текста Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. Л.И. Думан. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1969. С. 552–553.

² Общество Китайско-Советской дружбы было учреждено в КНР 5.01.1949; Общество Советско-Китайской дружбы было учреждено в СССР 29.10.1957 (см.: Усов В.Н. История КНР : учебник : в 2-х т. Т. 2. М.: Восток-Запад, 2006. С. 624, 626).

³ Яковлев М.И. 17 лет в Китае. М.: Изд-во полит. лит., 1981. 320 с. – В очерках М.И.Яковлева на основе личных наблюдений описывается обстановка в Китае в конце 50-х и последующие годы, рассказывается о внутривластной борьбе в руководстве КПК после смерти Мао.

⁴ Костюченко Н. Книжные сокровища БАН. Л.: Ленингр. отд-ние изд-ва «Наука», 1990. С. 266–274.

⁵ Костюченко Н. Реформа библиотечного дела в КНР // Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии, Африки и Лат. Америки : сб. науч. тр. СПб.: БАН, 1988. С. 35–43.

⁶ [Миллер]. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай / Имп. акад. наук // Ежемесяч. соч. к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Июль. С. 17–62.

⁷ См.: Мясников В.С.: «Но Южная Монголия и Ордос, упоминавшиеся Петлиным как самостоятельные государства, уже в 1636 г. попали под власть маньчжуров, воцарившихся потом и в Китае, и Байков говорит о Хух-Хото (Кокотоне) как о китайском городе» (Мясников В.С. Комментарий к док. 74 [Статейный список посольства Ф.И. Байкова в Цинскую империю, 1654 г. июня 26 – 1657 г. июля 31. № 74] // Русско-китайские отношения в XVII в. : в 2-х тт. Т. 1. 1608–1683/сост. и обработка текста Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. Л.И. Думан. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1969. С. 174.

⁸ По его словам, «Куке и Хуху Хотон на Мунгальском и на Манжурском языках знаменуют Синий город, Стена того города..., глиняная, а башни кирпичные. В ней шестеры ворота дубовые и железом покрыты.... За городом находилось множество кумирен, у которых были стены муравленые. Пространный рынок был окружен каменными лавками, в коих продавалось шелковых и бумажных товаров разных рук и цветов великое множество. За лавками жили купцы. И подлинно там знатные торги всегда отправлялися между Китайцами и Мунгалами, коим приезжать в сие место со своими товарами весьма способно. ....». См. : [Миллер]. Указ. соч. С. 27–28.

*Политические связи России с Китаем и другими
странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)
и изучение политических систем Китая и России
в китаеведении и руссееведении этих стран*

А.Н. Хохлов

**Движение ихэтуаней в Китае (1898–1901) и контакты
Ли Хунчжана с россиянами
(по материалам архивных фондов и периодической печати)**

Об антииностранным движении ихэтуаней в Китае существует огромная литература на западных и восточных языках. Движению ихэтуаней уделялось серьезное внимание отечественными учеными – как до 1917 г., так и после¹. Из наиболее значимых научных работ российских китаистов, опубликованных до Октября 1917 г. по этой теме, особого внимания заслуживают публикации Д.М. Позднеева², Д.Д. Покотилова³, П.С. Попова⁴, А.В. Рудакова⁵. Они написаны по горячим следам событий. Интересны и многие статьи россиян-журналистов в центральной и местной печати в указанные годы, вызвавшие в русском обществе сильный интерес к Дальнему Востоку в целом⁶.

Из работ китаеведов-очевидцев о восстании ихэтуаней следует выделить труды по этой теме известного китаиста и япониста Д. М. Позднеева (1865–1937), на долю которого, как и его коллег (сотрудников Русско-Китайского Банка и дипломатов) выпали серьезные испытания, связанные с осадой повстанцами-ихэтуанями Посольского квартала в китайской столице. Помимо публикации двух работ по данной проблематике, в его архиве сохранились рукописные материалы об этих событиях, в том числе касающиеся его педагогической деятельности в Практической восточной академии (осн. в 1909), где он читал лекции по истории Дальнего Востока. В подготовленном им пособии «Курс новейшей истории Дальнего Востока» и основанном на его лекциях в академии после свержения в январе 1912 г. маньчжурской династии Цин и образования Китайской Республики в 1912 г., сказано: «Самым колоссальным из ... антиевропейских движений [в Китае] было Боксерское 1900 г. и причины его так сложны, разнообразны и растяжимы по времени и месту, что изучение их проливает, может быть, гораздо больше света на отношение Китая к Европе, нежели вся остальная история их отношений, взятая вместе. Представляется во всяком случае несомненным, что в появлении этого движения вина [или ответственность] лежит не на одних китайцах, а также и на европейцах»⁷. Для понимания рассматриваемого сюжета примечательно замечание Д.М. Позднеева в его лекциях о том, что «Первыми прибывшими на Дальний Восток

европейцами были далеко не лучшие представители западной культуры». Речь шла об авантюристах, морских разбойниках и людях, искавших легкой наживы и не стеснявшихся средствами к её получению и еще в XVI в. ознаменовавших свое появление в Китае разбоями и беспорядками в Нинбо и Амое⁸.

К 25-летию этих событий Д.М. Позднеев написал обстоятельную статью с историко-библиографическим обзором и оценкой литературы на русском и китайском языках, указав и наиболее известные работы западных авторов. Он объяснил причины возникновения и развития движения ихэтуаней в социально-экономическом и военно-политическом плане, в связи с политической иностранной держав в Китае на рубеже XIX–XX в. Касаясь территориальной экспансии иностранных держав и прежде всего Германии, захватившей Циндао (Цзяочжоу) в приморской провинции Шаньдун якобы для «сохранения полного, постоянного и всеобщего мира», Д.М. Позднеев подчеркивал, что все эти действия в 1898–1899 гг. необычайно возбуждали в этой стране общественное мнение. Все газеты были полны статьями о насилиях иностранцев. Помещались карикатуры на бессилие цинского правительства, белых европейцев изображали в форме зверей, разрывавших Китай на части. Публиковались призывы патриотов к вооруженному сопротивлению, чрезвычайно интенсивную деятельность обнаруживали тайные общества антиманьчжурского и антиевропейского направления⁹.

Автор отмечал и экономические условия, обострившие отношения населения к властям и иностранцам на севере Китая. Так, проведение Пекин-Тяньцзиньской ж.д. в 1897 г. лишило заработка огромное количество лодочников, издавна занимавшихся перевозкой грузов по р. Байхэ до г. Тунчжоу, откуда товары на верблюдах и мулах провозились 18 верст до столицы. Также проведение телеграфа отстранило от должностей огромный штат казенных курьеров-бегунов, переносивших казенные эстафеты [телеграммы]¹⁰

Особое внимание Д.М. Позднеев уделил проблеме характера взаимоотношений иностранных миссионеров с местным китайским населением, не раз поднимавшейся в российской и зарубежной прессе. Он считал, что серьезным поводом для озлобления китайцев являлась деятельность иностранных миссионеров и их постоянное заступничество за китайцев-христиан, которые в большинстве случаев были далеко не лучшими из китайцев. Часто бедняки-китайцы по несколько раз крестились, чтобы за каждое крещение получить подарки и денежные пособия от миссионеров. «Чувствуя поддержку иностранных миссионеров, пользовавшихся покровительством китайских властей, эти христиане-китайцы заводили тяжбы с земляками и обыкновенно их выигрывали. ...Всё это, конечно, учитывалось китайским населением, ненавидевшим одинаково и миссионеров и обращенных ими [в христианство] китайцев. Нужно к этому прибавить, что китайские ученые, гордые своею конфуцианской культурой, никогда не признавали духовного превосходства Запада и потому всегда поддерживали народные массы в их недовольстве миссионерами и китайцами-христианами»¹¹.

На основе личных наблюдений и знакомства с китайскими документами на месте военных событий Д.М. Позднеев впервые в отечественной и зарубежной литературе поднял вопрос о теории и практике ихэтуаней. Касаясь их идеологии, он отмечал, что «мистическая доктрина даосизма, пропитывавшая учение ихэтуаней, оставалась недоступною для понимания широких народных масс». Однако стоявшие во главе небольших боксерских отрядов «одаренные таинственной силой лидеры, эпилептики или восприимчивые медиумы для гипноза, воспроизводившие дикие неестественные движения и упражнения

и шептавшие или выкрикивавшие странные и непонятные речи», в глазах их последователей получали право на сверхъестественную силу. Путем упражнений и заклинаний приверженцы учения якобы *приобретали способность полной неуязвимости от холодного и огнестрельного оружия*. Готовые истребить ненавистных европейцев, но останавливавшиеся от нападения на них из-за страха перед огнестрельным [крупнокалиберным] оружием, теперь, когда стало казаться, «что сила этого оружия исчезла, китайцы все до одного готовы были ежеминутно ринуться на «заморских чертей». По наблюдению очевидцев весной 1900 г. во всем Северном Китае население было охвачено манией ихэтуаньских упражнений.¹² *«Все вышеназванные элементы населения, искавшие случая для мести иностранцам за разорение и экономические тяготы, с восторгом примкнули к боксерам и воспользовались их появлением для того, чтобы безнаказанно свести счеты с европейцами.* Таким образом, один лозунг об истреблении иноземцев для боксеров был готов, и более популярного в Китае найти было нельзя. Другим таким же девизом мог быть [лозунг] «долой маньчжуров», но по поводу значения его в ихэтуаньской доктрине [среди ученых] существуют разногласия. Проф. [А.В.] Рудаков настаивает на том, что этот лозунг у боксеров [ихэтуаней] имел такое же место, как во всех других учениях тайных обществ в Китае... Однако европейцы, наблюдавшие зарождение боксерского движения на местах, удостоверяют, что уже в самых ранних плакатах их девизами выставлялась [формулировка]: *«Возвышение династии и истребление иностранцев»*¹³.

Не случайно, как считал Д.М. Позднеев, императрица Цыси сумела с самого начала движения ихэтуаней взять его в свои руки и не выпускала из-под своего контроля до самого конца. Таким путем она отвела опасность антидинастийного характера этого движения и направила его исключительно в русло истребления европейцев.

Примечателен общий вывод автора: *«Если мы откинем от ихэтуаньского движения все случайные наросты в форме боксерских упражнений, учения о неуязвимости при использовании противником холодного и огнестрельного оружия и всей мистики, то мы всё же увидим в нем стремление к свободе и окажемся вынужденными признать его этапом освободительной борьбы»*¹⁴. Статья «Беспорядки в Китае» без указания автора в газете «Московские новости» от 24.05/6.06.1900 г. дает пример правомерной постановки вопроса о причинах восстания ихэтуаней. Отмечая, что «прежде всего возникает, конечно, вопрос о причинах ненависти китайцев к христианам и европейцам, порождающих от времени до времени эти беспорядки», автор констатировал – «желтая раса не [настроена] враждебно к христианству, что доказывает ее отношение не только к русским православным миссионерам и их пастве, но и к прежней деятельности католических миссионеров, пока они занимались исключительно духовным просвещением народа. Обстоятельства ...изменились, когда на сцену [в Китае] выступили протестантские миссионеры, расчистившие путь для торговой и «цивилизаторской» деятельности западноевропейских государств... В 1839 г. китайское правительство воспретило ввоз опиума, коим англичане отравляли его народ, и это послужило поводом к войне, кончившейся, конечно, разгромом Китая... Не только в низших сферах [китайского общества] этот способ вносить «цивилизацию» – при помощи штыка, пули и опиума – вызывал негодование. Нет ничего удивительного, что китайцы ввиду таких действий... начали вообще ненавидеть европейцев, а после несчастной [для них] японо-китайской войны (1894–95 гг.), когда с легкой руки Германии, занявшей Цзяочжоу, [в разных местах] начались захваты китайских территорий, эта ненависть должна была еще усилиться».

Пагубное влияние противозаконных действий иностранных миссионеров на китайское население признавалось не только в российской печати, но и в дипломатических кругах С.-Петербурга. Так, в секретной телеграмме Управляющего МИД России¹⁵ от 25.08.1900 г. российскому послу в Париже отмечено: «Обнаруженные в последнее время факты в достаточной мере указали на зло, корнем которого повсюду в [китайской] империи являлись иностранные миссионеры. Своєю не соответствующею призванию деятельностью они вместе с наводнившими страну коммерческими предпринимателями притесняли [китайское] население и более всего способствовали возбуждению ненависти китайцев к европейцам».¹⁶

Сюжет о контактах Ли Хунчжана с россиянами, начавшихся с тайпинского восстания (1850–1864 гг.)¹⁷, в данном случае рассматривается только применительно к рубежу XIX–XX вв., преимущественно на основе изучения новых архивных материалов и газетных сообщений этого времени.

Видному государственному деятелю и дипломату цинского Китая Ли Хунчжану, которого в Европе нередко сравнивали с Бисмарком, уже при жизни было посвящено немало статей и даже книг в России и за рубежом, содержащих лестные отзывы о его личности. На сильные и слабые стороны деятельности Ли Хунчжана указал китайский мыслитель и общественный деятель Лян Цичао в книге, изданной вскоре после его смерти и переведенной на русский язык¹⁸. Более негативно Ли Хунчжан оценивался в публикациях некоторых историков КНР в 50–60 гг. XX в., например в работе Ху Биня «Национальный предатель Ли Хунчжан»¹⁹. Однако в последнее время в историографии КНР наблюдается тенденция более объективной и трезвой оценки исторических личностей сравнительно недавнего прошлого – путем привлечения новых документальных источников и переоценки старых. Эта тенденция проявляется и в отношении Ли Хунчжана и, в частности, при анализе его дипломатической деятельности, с учетом конкретных объективных трудностей, препятствовавших ему в решении тех или иных задач, стоявших перед ним и его страной, слабой в военном отношении в сравнении с иностранными державами. Примером такого подхода может служить статья Фань Фучао «Трудные дела Ли Хунчжана» в 2006 г. в малоизвестном и трудно доступном издании о трудностях и вынужденных уступках Ли Хунчжана в период с 70-х гг. XIX в. до японо-китайской войны 1894–1895 гг.²⁰

Что касается оценки Ли Хунчжана в отечественной историографии последних лет, то известна высокая оценка этого китайского дипломата, данная ему С.Ю. Витте, общавшимся с Ли Хунчжаном в Москве во время торжеств по случаю коронации Николая II²¹.

Оставляя в стороне подробное изложение военных событий, связанных с участием европейских держав в подавлении восстания ихэтуаней, остановимся на политике российского правительства в начальный период этого движения. Российский посланник в Пекине М.Н. Гирс в письме от 23.05.1900 г. на имя вдовствующей императрицы Цыси предупреждал о серьезных последствиях, грозящих Китаю от возникшего восстания ихэтуаней, перекинувшегося из приморской провинции Шаньдун в район китайской столицы. Убежденный в том, что «Китаю угрожают ужасные последствия от тех беспорядков, которые производят ихэтуаньцы...», М.Н. Гирс писал, что «эти беспорядки, жертвою коих делаются европейцы, не могут не производить на европейские державы то впечатление, что правительство Вашего Величества или покровительствует им или же не в силах обуздать их»²².

Газета «Московские ведомости» от 11/24.07.1900 г. приводила доводы в пользу наиболее приемлемой позиции для России в создавшихся условиях.

Отмечалось, что за всё последнее время Россия считала тесное сближение с Китаем весьма желательною целью своей политики и что Китайское правительство, несомненно, знало, что оно обязано спасением Китая в его последнюю войну с Японией [1894–1895 гг.] только одной России. Однако, если на первый взгляд создавалось впечатление, что для России было бы лучше «*воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела Китая*» и «*выгоднее сохранить пока полный нейтралитет ... в расчете на вечную благодарность и дружбу сынов Небесной империи*», то в условиях, когда Китайское правительство выразило сочувствие фанатичным злодеяниям китайской черни, возмущившейся против всех без различия иноземцев и ничем не выразило каких-либо своих дружеских чувств к России, «ей следует принять деятельное участие в усмирении разыгравшегося ныне китайского фанатизма (антифорнизма. — А.Х.)²³ ради немедленного водворения порядка в Китае».

«Московские ведомости» опубликовали 12/25.06.1900 полный текст заявления российского правительства по поводу событий в Китае, проливающий свет на причину участия России в военных мерах, с комментариями газеты. Приводим его в сокращенном виде:

Со времени получения первых же тревожных известий из Китая Имп. правительство не замедлило чрез представителя своего в Пекине потребовать от китайских министров принятия решительных мер и восстановления спокойствия в стране, граничащей на обширном пространстве с Российской империей.

К сожалению, беспечность китайских провинциальных сановников явилась в глазах мятежников поощрением их преступной деятельности, встретившей к тому же сочувствие в среде правительственных войск. Восстание с каждым днем стало принимать все более широкие размеры:

25 мая боксеры сожгли православную церковь в деревне Дундинъань и угрожала поджечь здание Русской духовной миссии (в Пекине. — А.Х.). Между тем в распоряжении нашего посланника [М.Н. Гирса] находился лишь небольшой десант в 75 чел. ...

При таких условиях не представлялось возможным медлить принятием со стороны Имп. [российского] правительства решительных мер к обеспечению жизни и имущества русско-подданных...

В этих видах, по Высочайшему Государя Императора повелению начальнику Квантунской области [Е.И. Алексееву] предписано было держать наготове 4 тыс. отряд для отправки оного, в случае необходимости, в Пекин...

Прибывший 30 мая в г. Тяньцзинь первый эшелон в 2 тыс. чел. нашел как железнодорожный путь, так и телеграфный провод к Пекину разрушенными; в самом Пекине подошедшие [сюда] мятежники дважды произвели нападения на европейские участки... Наш полевой отряд, не понеся никаких потерь, отбил обе атаки с большим уроном для мятежников, шайки которых между тем успели захватить все форты бухты у Дагу, дабы как русскому, так и другим иностранным десантам отрезать пути для получения провианта и подкреплений.

Обстоятельство это побудило международные войска прежде всего озаботиться обеспечением за собой доступа с моря и с этой целью принудить мятежников сдать укрепления Дагу. Результаты боя, открытого китайскими мятежниками в ночь с 3-го на 4-ое июня, уже известны в обнародованной в «Правительственном вестнике» телеграмме вице-адмирала Алексеева.

В своем комментарии газета указывала: «Из всего вышеизложенного явствует, что *русские войска, вступая на соседнюю территорию, отнюдь не преследуют каких-либо враждебных по отношению Китая целей: напротив того, присутствие их в дружественной стране при настоящих тревожных*

событиях может только оказать существенную помощь Пекинскому правительству в борьбе его с мятежниками и ускорить восстановление в империи законного порядка вещей в интересах самого Китая». При этом газета подчеркивала: «Россия послала свои войска в Китай не для защиты какого-либо общеевропейского дела», а для защиты своих подданных, своих интересов... Ни о какой-либо «войне» с Китаем или каком-то предполагаемом «дележе» Китая не может быть и речи... Остается только пожелать, чтобы китайское правительство поняло истинное значение политики России и воспользовалось её добрыми услугами для установления и упрочения порядка в Небесной империи».

О первом серьезном успехе русских войск в Китае и первых жертвах среди россиян жители Петербурга и Москвы узнали из газет, сообщавших об штурме фортов в Дагу, прикрывавших подходы к Тяньцзиню с моря. Как заявил командующий войсками Приамурского округа Н.И. Гродеков 11.06.1900 г. в Хабаровске, эскадра из трех канонерских лодок (россиян и европейцев) после упорного семичасового боя штурмом взяла китайскую крепость Дагу, насчитывавшую 240 орудий, причем в этой операции участвовала рота 12-го стрелкового полка.²⁴ Как отмечалось в статье «Война китайцев с державами», опубликованной 9/22.06.1900 г. в газете «Московские ведомости», этот бой показал «ныне, что и китайцы могут причинить вред. Стрельба с фортов была, как видно, весьма меткая, хотя бой был ночной».²⁵

В русской прессе отмечалась выжидательная позиция китайского правительства в отношении ихэтуаней и причастность к событиям регулярной китайской армии, что определялось колебаниями всесильной вдовствующей императрицы Цыси. Изданный ею указ по просьбе европейских дипломатов, требовавших прекращения в стране беспорядков, был составлен настолько двусмысленно, что воспринимался повстанцами скорее как одобрение насильственных действий, нежели призыв к соблюдению общественного спокойствия. Неслучайно в газете «Московские ведомости» указывалось на то, что «неистовые преследования иностранцев и кровавые подвиги ихэтуаней находили поддержку и одобрение в окружении вдовствующей императрицы, из-за чего правительственные действия, направленные на умиротворение страны, как правило, не достигали цели».²⁶

Также в опубликованной информации 8.06/21.06 «Московские ведомости» сообщали, что «...китайцы 4 июня первые открыли огонь по международной эскадре, явившейся для охраны иностранцев, против которой восстала не только китайская чернь, подстрекаемая сектой “Большого кулака” (“Ихэтуань”), но, как оказывается, и регулярная китайская армия». На это указывал и участник штурма – бывший командир канонерки «Бобр», капитан 2-го ранга К.Р. Добровольский по прибытии в Петербург 13 сентября в интервью газете «Новое время»: «По впечатлению, вынесенному на месте, восстание [ихэтуаней] в конце концов оказалось исключительно правительственным делом: крестьянское население никакой особенной ненависти к европейцам не чувствовало»²⁷. Неудача, постигшая отряд союзников (к которому присоединилась небольшая группа россиян) под командой адмирала Сеймура, резко изменила позицию цинского двора в отношении и ихэтуаней, и иностранцев, о чем в декабре 1900 г. писал М.Н. Гирс в письме к В.Н. Ламздорфу: «Государь-император [Николай II] неоднократно выражал сожаление... что я заблаговременно (до осады ихэтуанями Посольского квартала. – А.Х.) не удалился из Пекина в Тяньцзнь...»²⁸ Неудачный поход адмирала Сеймура... и был тем событием, окончательно вскружившим головы покровителей боксеров... Отступление же [войск] адмирала послужило к полному торжеству сторонников боксеров при

дворе, ... убедивших правительство в том, что Европа не страшна Китаю. Первым последствием этого отступления и было его требование о немедленном выезде иностранных [дипломатических] миссий из Пекина, а затем и нападения [боксеров и примкнувших к ним правительственных войск] на нас. Смею уверить Ваше Сиятельство, что в этот момент опьяненные успехом правители Китая не делали различия между русскими и другими иностранцами»²⁹.

Из-за противоречивых распоряжений цинского двора вследствие его меняющейся позиции в отношении ихэтуаней китайские чиновники в условиях борьбы с внутренними и внешними врагами чаще всего заботились о своих корыстных интересах, занимаясь присвоением казенного имущества, причем нередко жаловались Ли Хунчжану на захваты его якобы иностранными войсками. Об этом свидетельствует, например, письмо начальника бригады 2-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии Церпицкого командующему российскими войсками в провинции Чжили Н.П. Линевичу из Шанхайгуаня от 3.11.1900 г.: «По опыту, вынесенному из настоящей кампании, верить донесениям китайских чиновников нельзя, так как из 100 их заявлений 95 всегда оказываются фальшивыми и неправдоподобными. Я постоянно видел, как китайцы при приближении европейских войск сами предавались безобразному и жестокому грабежу. Это я лично видел на другой день по занятии г. Лутая, где сами китайцы убивали своих соотечественников и грабили [их имущество]. Это же я видел при занятии станции Таншань, где пришлось приказать часовым стрелять по толпе, бросившейся [по примеру чиновников] грабить мастерские, депо и проч. Это же явление повторилось во время движения нашего отряда к Шанхайгуаню, при занятии которого еще до прихода европейских войск отведенная для помещения вверенных мне войск железнодорожная школа оказалась совершенно разграбленной».³⁰

Аналогичным образом действовали китайские чиновники в Мукдене – столице Маньчжурии, где они в ожидании прихода русских войск разграбили императорский дворец и даже собирались сжечь его вместе с богатейшей библиотекой. «Если Мукден не был разорен и не уничтожен китайскими солдатами, то только благодаря быстрому вступлению в город авангардного отряда во главе с начальником штаба полковником Артамоновым».³¹ Позднее, 21 августа, газета «Приамурские ведомости», сообщая об окончательной организации (30 сентября) нового управления в Мукдене, отметила, что россиянам удалось спасти трон императоров маньчжурской династии Цин, а также богатейшую библиотеку в составе разных рукописей и картин, подчerkнув, что *«всё это тщательно и строго охраняется»*. О том, что в этот период творилось в Маньчжурии и, в частности, на КВЖД отчасти позволяет судить и эпизод, рассказанный россиянином-подрядчиком Рымшей. После побоев, нанесенных ему местными китайскими солдатами, действовавшими по приказу шовинистически настроенного начальника, он оказался в больнице. О перипетиях столкновения русского десятника с китайскими солдатами говорится в акте от 27.03.1900 г., где сказано: «27 числа марта, утром китайские солдаты, стоящие в деревне Чин-дья-тун (Цинцзятунь) захватили 38 китайских рабочих, ломавших камень на горе Пай-люн-дзю (Байлунцзю ?) на 2-й дистанции III участка (Южно-маньчжурской ветви КВЖД. – А.Х.). В этот день рабочие получали зарплату. По просьбе подрядчика солдаты отпустили 32-х рабочих, причем они отобрали у них полученные деньги. Оставшихся шестерых рабочих они не освободили в надежде получить с них еще больше денег. Тот же подрядчик [по возвращении домой] решил, что если [хорошенько] попросить солдат, то означенные шесть рабочих будут отпущены. Вследствие этого он, Рымша, вместе с китайским переводчиком Лю

и с двумя казаками (Тарыдановым и Варягиным) отправился к китайским солдатам [к их посту] для освобождения захваченных ими шести рабочих. Китайские же солдаты в числе 50 чел. открыли по ним стрельбу и захватили его [Рымшу] и переводчика Лю. Их связали, нанося им удары прикладами [ружей]. Избитый десятник на коленях упробил китайских солдат отпустить переводчика к доктору на станцию Куанчэнцзы. Эта просьба была уважена благодаря поручительству за него подрядчика.³²

Обстановкой административного хаоса в Маньчжурии в связи с восстанием ихэтуаней воспользовались разбойничьи шайки хунхузов, которые ради захвата оружия и продовольствия часто нападали на российские войска, препятствуя военной администрации россиян в установлении порядка в Маньчжурии, грабили местных жителей и россиян-железнодорожников. Так, «Приамурские ведомости» от 29.10.1900 г. приводят информацию из телеграммы генерала Н.М. Чичагова из г. Нингута о разгроме шайки хунхузов из 100 чел. в деревне Абахэза, где было уничтожено 43 бандита. Об уничтожении шайки хунхузов в 10 верстах от Нингуты говорилось в газете «Новое время» от 15/28.01.1901 г.³³ Известный журналист И.С. Левитов в корреспонденции из Харбина от 3.11.1900 г. сообщал, что «до занятия русскими Нингуты тела казненных хунхузов оставались на месте, а собаки и свиньи тут же их съедали. Но теперь русские власти воспретили делать это, и обезглавленных зарывают в заранее приготовленные ямы...». *«Население Маньчжурии, – делал вывод журналист, – сильно боится хунхузов, и пока Россия не очистит Маньчжурию от них, до тех пор порядка и спокойствия там быть не может»*³⁴. Лишь благодаря энергичным действиям русских войск и поддержке их со стороны дружин из рабочих-железнодорожников, удалось очистить зону КВЖД от ихэтуаней и хунхузов. Это видно из сообщения отряда, выступившего 18.08.1900 г. из Харбина на Цицикар для исправления поврежденной железнодорожной линии и проверки телеграфного сообщения, которое было прервано. К окончанию ремонтных работ на этом участке вся магистраль КВЖД от Абагайтуйа до станции Пограничная на протяжении 1380 верст была пройдена русскими войсками и очищена от китайских отрядов, благодаря чему беженцы-россияне (ж/д служащие и рабочие) смогли в большинстве своем вернуться на КВЖД из Хабаровска, Никольска и Владивостока.³⁵ В прессе говорилось о серьезном материальном ущербе КВЖД в период восстания ихэтуаней (были разгромлены и уничтожены около 2/3 всего протяжения ж/д линии, почти все станционные постройки и жилые помещения, склады, большая часть подвижного состава, угольные копи, дороги и пр., также уничтожен или попорчен железнодорожный телеграф и пр.).³⁶

Как свидетельствуют очевидцы, действия ихэтуаней и присоединившихся к ним китайских солдат отличались исключительной жестокостью. Об этом, например, сообщал Церпицкий Н.П. Линевичу от 3.11.1900 г.: «Китайцы, как регулярных войск, так равно и боксеры, нападая на нас, всегда действуют с крайнею жестокостью. Так, при нападении 3 октября на полустанок они изрезали в мелкие куски 12 китайских рабочих, находящихся у нас на ... железной дороге. Когда же 19 октября им достались два трупа наших убитых солдат, они отрезали им головы и пальцы, истыкали копьями, штыками и пиками их трупы, отрезали половые органы и вырезали ремни на их спинах и ногах, а затем бросили трупы наших солдат на съедение собакам». Как видно из показаний пленных ихэтуаней, к подобным действиям их призывал «областной начальник Чун, следовавший новому указу императрицы Цыси, в котором приказывалось истреблять иностранцев любыми способами, как нечистых и бешеных собак, а также уничтожать [железные] дороги и вообще все сооруже-

ния, к которым прикасались европейцы, т.е. все европейские здания, мосты, каменноугольные копи и прочие сооружения». Как отмечал К.В. Церпицкий, эти же показания подтвердил и один из предводителей боксеров, который, будучи ранен, попал в плен 3 октября при нападении ихэтуаней на железную дорогу.³⁷ По сообщению специального корреспондента «Нового края» Д.Г. Янчевецкого из Тяньцзина от 27.05.1900, «вся местность между Пекином, Баодинфу и Тяньцзином кишела мятежниками, которые захватывали деревни, грабили поселян, жгли железнодорожные станции и мастерские.³⁸ Как видно из письма в редакцию очевидца осады Тяньцзина ихэтуанями, дома китайцев-христиан они обмазывали кровью. Врываясь в их жилища, ихэтуани «уводили приверженцев чужеземной религии в свои лагеря, где продевали им в носы цепь и ставили им клеймо на их лбу раскаленным железом. «После же бесчеловечных пыток несчастных убивали.³⁹ Беспрецедентным актом безумно дикой жестокости в 1900 г. следует назвать расправу местного чиновника-дифангуаня (а не повстанца-ихэтуаня), учиненную над инженером Верховским, голова которого (с отрезанным языком и выколотыми глазами) была выставлена в деревянной клетке в г. Ляоян на городской стене, как обычно здесь поступали с казненными разбойниками-хунхузами.⁴⁰

Как видно из рассказов очевидцев событий, происходивших в Северном Китае и Маньчжурии, широкая кампания репрессий коснулась не только китайцев-христиан, но и лиц, связанных с иностранцами работой на железнодорожном транспорте, в том числе на КВЖД. Факты по этому поводу появились на страницах многих центральных и провинциальных газет России. Газета «Приамурские ведомости» сообщала от 21.10.1900 г.: «В Порт-Артуре... появились некоторые переводчики [из китайцев], спасшиеся бегством из Инкоу... в Чифу [Яньтай] от ожидавшей их казни... Переводчики сообщают, что боксерами совместно с китайскими солдатами производилась зверская расправа над всеми туземцами, которые так или иначе были причастны к строящейся дороге. Достаточно было даже одного заявления боксера, что-де от такого-то “пахнет железной дорогой”, и последнего без дальнейших [судебных] проволочек вели на казнь или [сразу] бросали в огонь. Избегли такой участи лишь те из имевших сношения с ж.д., кто проявлял какое-либо действие во вред дороге и русскими...»⁴¹. Корреспондент «Нового времени» сообщал о полном разорении и уничтожении китайских фанз и селений, построенных в связи со строительством КВЖД в Маньчжурии на ранее непроходимых и безлюдных местах, уничтожении полей и огородов китайцев на десятки и сотни верст в бок от линии и вдоль неё. Он также писал об усилиях русских восстановить жизнь местного населения: *В Маньчжурии нами принимаются все меры к возврату китайского населения к линии железной дороги: отыскивается и возвращается всякая рухлядь и даже имущество маньчжуров... Между основательными маньчжурами эта мера укрепляет веру в справедливость и миролюбие русских, создает почти неограниченный авторитет русской власти в глазах китайцев...* Можно сказать, что русские втройне теперь завоевали в Маньчжурии симпатии к себе маньчжур: силою оружия, золотом, которым им за всё платят, и даром ничего у них не берут, и добрым отношением к мирному населению.⁴²

Представление о взглядах руководителей ихэтуаней на действия иностранцев в Китае и о причинах их антифоринизма дает краткое изложение «Московскими ведомостями» статьи из французской газеты «Le Matin» корреспондента Стефана Лозанна о его беседе с одним из активистов «Общества “Ихэтуань”» в Лондоне в июне 1901 г. Его собеседник-боксер в оправдание ихэтуаней говорил о древности и преимуществах китайской цивилизации и вмешательстве европейцев в дела Китая («...Вы гордитесь своими изобретениями, но нам, ки-

тайцам, порох был известен, когда вы стреляли из луков; мы печатали книги, когда вы царапали на дощечках или писали на папирусах. ... Мы счастливы, ибо отрешились от страстей и честолюбия. Мы не стремимся к захватам, к преобладанию над другими; мы даже не ищем золота, потому что золото развращает человека, делает его дурным, ненасытным. Лучшее доказательство того, что наша цивилизация выше вашей состоит в том, что мы перестали быть народом воинственным. Мы и нравственнее вас, ибо вы, европейцы, вырождаетесь, а мы размножаемся. У вас нетерпимость, у нас – согласие. *Вы навязываете нам железные дороги, но эта быстрота сообщений нам не нужна. Вы навязываете ваши фабрики и заводы, но они разоряют наших ремесленников-кустарей.* Вы проповедываете новую религию будто бы мира и согласия, а ваши миссионеры сеют лишь раздоры и несогласия не только между нами, но и друг с другом. ... Мы говорили вам, что желаем мирно жить у себя в стране, соблюдать нашу религию, пользоваться опытом веков, но вы не слушали! Мы просили не захватывать наших земель, городов, портов, вы же отвечали угрозами! Мы просили вас поступать согласно с проповедуемой вами религией, вы же поступаете совершенно наоборот. Теперь нам остается один исход: изгонять вас из нашей страны, чтобы вы нас не изгнали; избивать вас, чтобы вы нас не перебили. И вот почему я – боксер!»). В комментариях к этой публикации московская газета констатирует, что «Именно русские не нарушают устоев и обычаев умиротворяемых стран, тогда как европейцы, внося внешний блеск западной цивилизации, повсюду вносят в то же время разорение, гибель, смерть, ненависть».⁴³ Отметим, что весьма симптоматично выглядит связь этой позиции со взглядами Ли Хунчжана о политике иностранных держав, высказанных во многих его интервью зарубежным журналистам разных стран Европы. Сущность мнений известного китайского дипломата отражена в публикации «Московских ведомостей» от 13/26.06.1900: «Европейские державы считают Китай пирогом, от которого всякий может отрезать кусок по своему вкусу и фантазии. Но европейцы забывают, что пушки еще не создают права на полное обладание [этой] страной, ибо для этого требуется воля ее жителей, а последние говорят: “Китай для китайцев”. Теперь говорят о насилиях китайцев, а если припомните, что 20 тыс. китайцев были перебиты на острове Маоне испанцами, то вот каково было наше знакомство с Европой. Теперь они придают чрезвычайное значение сравнительно ничтожным событиям. Разве в Европе не бывает убийств, грабежей, поджогов и т.д. Почему же лишь по отношению Китая такие случаи считают чуть ли не за casus belli [повод к войне]?». «Иностранные державы при каждом удобном случае приставляют нам нож к горлу. В момент непосредственной опасности мы обещаем исполнить всё, что от нас требуют, но разве это не обычная политика всех стран? Имейте в виду, что вы сами ненавидите друг друга гораздо более, чем нас. *А 500 млн. китайского народа нельзя истребить. Нас можно победить, но не завоевать.* Мы исполнили все договоры, но *la Chine aux chinois* [Китай для китайцев]». Так закончил [однажды] свой разговор китайский Бисмарк, уверяющий, что европейцы могут есть китайские блюда, но желудок их не переварит этих блюд».

Следует признать, что и солдаты иностранных войск не отличались гуманным отношением к мирному китайскому населению, которое часто было объектом их грабежей и насилий. Об этом есть сведения в переводах статей зарубежных авторов, помещенных в российских газетах, в частности, в газете «Новый край»⁴⁴. Также эта газета 27.03.1902 г. поместила информацию о фактах вывоза в Англию исторических ценностей Китая⁴⁵.

Иначе поступали в отношении казенного и дворцового имущества Китая российские дипломаты и военачальники, стремившиеся еще и избегать конфликтов с местным населением. Так, после бегства Цыси с богдоханом из Пекина в Сиань М.Н. Гирс сообщал В.Н. Ламздорфу особой телеграммой 15.10.1900 г. об усилиях российской стороны предотвратить грабежи и акты вандализма со стороны ихэтуаней или иностранных войск: «В то время [как] их Величества находились в 150 верстах от Пекина, [следуя] по направлению к Калгану, *императорские дворцы в столице были взяты под охрану России*»⁴⁶.

О стремлении российских начальников отрядов, действовавших на территории провинции Чжили, не допускать столкновений с мирным населением могут свидетельствовать отдаваемые ими распоряжения. Так, в приказе № 220 от 13.11.1900 г. за подписью упоминавшегося Н.П. Линевича говорилось: «Ввиду появления к северу от Шанхайгуаня значительных скопищ боксеров... и беглых китайских солдат, а также разного рода разбойничьих шаек, позволяющих себе нападать на служащих и охрану железной дороги, предписываю... назначить отряд в составе двух рот пехоты, двух орудий и полусотни казаков... с целью наказать боксеров и обеспечить тем железную дорогу от нападений китайских мятежников... Начальнику отряда поставляется правилом: 1) *с мирными жителями не воевать, не обижать их и не пугать*, 2) *ужителей ничего не брать без [уплаты им] денег*, 3) воспретить нижним чинам заходить в китайские дома и строго взыскивать с тех, которые нарушают это распоряжение»⁴⁷.

В связи с участившимися случаями надругательства солдат и младших офицеров иностранных войск в Китае командующий Н.П. Линевич в целях недопущения подобных действий со стороны россиян издал 1.10.1900 приказ № 92 : «В последнее время замечены частые случаи осквернения союзными войсками китайских могил в окрестностях занятых ими городов и селений... Так как уважение к могилам предков и родственников у китайцев имеет громадное нравственное и религиозное значение, то малейшее неуважение иностранцами этих могил вызывает у них сильное неудовольствие против нарушителей покоя умерших лиц, а потому, дабы сохранить добрую память и репутацию о наших войсках и тем облегчить умиротворение края [Северного Китая], предписываю всем войскам вверенного мне края относиться с полным уважением к китайским могилам и не позволять себе никаких предосудительных поступков, не оправдываемых обстоятельствами»⁴⁸.

О характере взаимоотношений российских войск с местным китайским населением позволяют судить рапорты генерал-майора К.В. Церпицкого из Шанхайгуаня на имя Н.П. Линевича. В его донесении от 3.11.1900 г. говорилось: «... власти г. Юнпинфу поднесли мне адрес с выражением благодарности за прежнюю защиту от китайских регулярных войск и боксеров, а затем ко мне явилась депутация [от горожан] с просьбой поставить в городе наш отряд, так как в противном случае и все население города не смогут ручаться за то, что на железную дорогу не будет нападения. .... я, уступая самым усиленным и настоятельным просьбам горожан, ... оставил там свой отряд, о поведении которого и об отношении которого к ним я постоянно получал самые лестные отзывы»⁴⁹.

После похода «союзников» иностранных войск на Пекин остались следы серьезных разрушений в городах и селах, лежавших на их пути. В мирно сдавшемся богатейшем и старинном городом Тунчжоу «не осталось камня на камне, решительно все деревни и города разрушены... Не та картина в Южной Маньчжурии, там есть, правда, десятка два сожженных деревень. Но почти всё цело и в большинстве разрушений русские не виноваты: об этом порадели боксеры, да китайские войска... *Нужно надеяться, что наша стародавняя привычка гуман-*

но и мягко относиться ко всем народам принесет и на этот раз свои хорошие плоды и нарушенные добрые соседские отношения с Китаем восстановятся и окрепнут при более близком знакомстве Китая с Россией»⁵⁰.

Корреспондент «Нового края», сообщая об успешном наступлении русских войск в Маньчжурии, вместе с тем высказывался за разумное уменьшение военных рейдов в целях умиротворения этого региона⁵¹.

Как свидетельствуют факты, китайское население столичной провинции Чжили серьезно страдало от грабежей и насилий со стороны иностранных войск в зоне военных действий, в том числе кровавого террора (порой в отместку на неудачи в борьбе с повстанцами). Согласно депеше британского консула в Тяньцзине, иностранные отряды охраны в ответ на повреждение ихэтуанями железнодорожной линии и сожжение римско-католической церкви, сооружений миссионеров и домов китайцев-христиан в июне 1900 г. убили около 100 мятежников⁵². Показателен факт нападения немецкого отряда на г. Любинфу в районе Пекина 2.01.н.с.1901 г., когда было убито 140 мирных жителей. («Новый край»).

Знакомство с архивными материалами позволяет говорить о другом образе действий русских солдат, отличным от иностранных союзных войск, что отчасти объяснялось строгими приказами высшего военного начальства. Так, командующий контингентом русских войск в этом регионе Н.И. Гродеков в целях недопущения грабежей среди местного населения Маньчжурии направил в Петербург 23.0.1900 г. такую телеграмму, одобренную царем: «Грабеж со стороны воинских чинов и казачьего населения во всех видах должен преследоваться суровыми мерами, включительно до полевого суда. За все поставляемые [местным] населением продукты надо уплачивать наличными деньгами»⁵³. Поведение высшего звена военного начальства характеризуется в личной служебной переписке (например в письме Б.Л. Громбчевского к Н.И. Гродекову от 30.07.1900 из Порт-Артура : «... на меня было возложено занятие Цзиньчжоу с категорическим приказанием взять этот город без выстрела. Приказание это я выполнил в тонности...»⁵⁴.

Примечательно, что российские военачальники и рядовые воины, впервые оказавшись в Китае, проявляли заметный интерес к предметам китайского искусства. Переводчиков же наиболее интересовали редкие ксилографы, рукописи и архивные документы. В письме от 1.09.1900 г. из г. Хайчэн В.Л. Громбчевский, докладывая об организации гражданского управления в местах, где при подходе русских войск местное население бежало, а затем стало возвращаться назад, сообщал об отправке Хабаровскому музею найденных здесь предметов, включая карту провинции Гири (Цилин): «Она интересна тем, что до сих пор [Китай] не признает существования городов Хабаровска, Владивостока и Николаевска, а всю страну, отошедшую к нам после [русско-китайских] трактатов 1858–60 гг., продолжает считать в составе Гиринской провинции. Издание её – официальное и по ней учат детей в правительственных школах»⁵⁵. В письме Б.Л. Громбчевского от 9.12.1900 г. из Порт-Артура сообщалось также об отправке редкого китайского документа в Хабаровский музей⁵⁶. Некоторые командиры и их подчиненные посещали в городах Маньчжурии китайские традиционные театры и представления фокусников на улицах. Так, барон А. Каульбарс 29.09.1900 г. писал Н.И. Гродекову из Гирина: «Завтра утром выступаю [с отрядом] на юг. Сегодня мы все идем в театр»⁵⁷.

Характер взаимоотношений местного китайского населения с русскими солдатами в провинции Чжили виден из сообщения Н.П. Линевича, отправленного по телеграфу адмиралу Е.И. Алексееву: «Я везде встречал неподдельное искреннее чувство, проявленное китайцами. При прощании с русскими солда-

тами везде являлись процессии; подносили хлеб-соль и угощение. Ко мне также являлись по станциям депутации китайцев с выражением искренней благодарности... русскому солдату за защиту их домов от разграбления. *Везде одни и те же были слышны слова, что до сего времени только одни русские солдаты были истинными защитниками китайцев*, а теперь наступят самые тяжелые времена. Почти на каждом пункте обращались ко мне с просьбой оставить им хотя бы двух русских солдат для защиты... Везде, где только было возможно, просьбы китайцев мною удовлетворены»⁵⁸. В Маньчжурии местное население одобрительно отзывалось о действиях русской военной администрации.⁵⁹

Примеров героизма россиян при исполнении служебного долга в это время было немало. Так, под Тяньцзинем отрядом железнодорожного батальона под общим руководством подполковника Генштаба Самойлова были спасены от уничтожения стоявшие в депо паровозы, оказавшееся под обстрелом противника⁶⁰. Самоотверженно и добросовестно исполняли свой профессиональный долг сестры милосердия в Пекине – во временной больнице Красного Креста, открытой 8.09.1900 докт. Терещенко⁶¹, в полевых медпунктах и госпиталях в Маньчжурии. Русская пресса также высоко оценила их подвиг⁶².

В период восстания ихэтуаней Ли Хунчжан, вызванный из Шанхая в Пекин для переговоров с представителями иностранных государств, после приезда в Тяньцзинь многократно обращался за помощью к российским военачальникам и дипломатам. Во время его поездки из Тяньцзиня в Пекин через зону военных действий западных держав против ихэтуаней Российский посланник Гирс для более безопасного проезда Ли Хунчажана прикомандировал к нему переводчика, секретаря российской дипломатической миссии П.К. Рудановского, выпускника ФВЯ С.-Петербургского университета и его давнего знакомого по визиту в Россию в 1896г.⁶³ Тронутый заботой П. Рудановского, китайский сановник направил М.Н. Гирсу благодарственное письмо от 3.08.1901 г.⁶⁴⁻⁶⁵.

8.10.1900 «Правительственный вестник» в Петербурге сообщил о решении китайского правительства под влиянием военных успехов союзных держав вступить с их представителями в переговоры :«Указом богдохана находящиеся в Пекине Ли Хунчжан и [князь] Цин назначены делегатами от китайского правительства и снабжены полномочиями для соответствующих прямых сношений с иностранными представителями, ввиду чего по Высочайшему повелению российскому посланнику в Пекине предписано ныне же возвратиться в [китайскую] столицу для возможно скорейшего, совместно с представителями других держав, вступления в переговоры с китайскими уполномоченными»⁶⁶. С возвращением российского посланника Гирса в Пекин начались переговоры Ли Хунчажана с иностранными дипломатами. Из секретной телеграммы Управляющего МИД Н.М. Гирсу от 6.10.1900 г. очевиден круг вопросов, подлежавших обсуждению иностранными дипломатами с уполномоченными цинского Китая князем Цин и Ли Хунчжаном. В ней указаны пункты программы, предложенные французским правительством, которой должен был следовать российский посланник, наделенный полномочиями действовать совместно с представителями других держав. Ее главные положения заключались в следующем:

«1) Требование о наказании виновных в смуте и особенно принца [князя] Дуаня.

2) Сохранение и на будущее время изданного всеми державами закона о воспрещении ввоза оружия в Китай.

3) Принципиальное соглашение по вопросу о вознаграждении за убытки, всестороннее расследование коего может быть отложено до более благоприятной минуты.

4) Учреждение при миссиях особой стражи для ограждения оных от всякой случайности.

5) Скрытие крепостей в Дагу и, наконец,

6) Занятие двух–трех пунктов по линии между Пекином и побережьем Печилийского [Бохайского] залива. При том предположено, чтобы требования держав были предъявлены в форме [совместной] тождественной ноты иностранных представителей»⁶⁷.

В российской столице о первых результатах многосторонних переговоров в Пекине узнали из секретной телеграммы Н.М. Гирса от 13 октября: «Сегодня по моей инициативе состоялось первое собрание дипломатического корпуса для обсуждения окончательной редакции предложений, имеющих быть представленными Китаю. После продолжительного обсуждения пришли к следующему единогласному решению по первому пункту, которое представляем на утверждение наших [восьми] правительств: должны быть преданы смерти князя Дуань, Чжуан и Лань И; сановники Кан И, Чжао Чжучжао, Дун Фусян и Ин Нян также будут преданы наказанию (по общему требованию посланников), причем те из них, вина коих выяснится в течение переговоров»⁶⁸.

При ознакомлении с требованиями европейских дипломатов к цинскому Китаю следует учитывать обстановку в Пекине, сложившуюся после ухода главных сил русских войск из столицы в Тяньцзинь. Пекин, где начались переговоры, фактически оказался в зоне оккупации иностранных войск. Этим воспользовались западные дипломаты для оказания давления на китайских партнеров с целью протаскивания своих дополнительных требований. Об этом позволяет судить сохранившийся отпуск письма Н.М. Гирса от 15.10.1900 г. к В.Н. Ламздорфу: «Присутствие в столице Китая внушительной военной силы [иностранных войск] не осталось, к сожалению, без влияния на политические воззрения моих коллег. Оно побудило некоторых из них отказаться от первоначально принятого образа действия и вызвало у них стремление воспользоваться случаем, дабы показать свою силу Китаю, отомстить ему за вынесенные страдания [во время осады Посольского квартала] и вырвать у него возможно больше уступок в вопросах, составлявших прежде предмет обычных требований европейских представителей (ранее не принятых цинском двором.— А.Х.)»⁶⁹.

Для понимания позиции российского правительства в отношении цинского Китая в период восстания ихэтуаней достаточно обратиться к приводимой ниже секретной телеграмме, отправленной Управляющим МИД 10.09.1900 г. в Пекин посланнику Гирсу: *«По отношению к событиям как в Маньчжурии, так и во всем Китае, имп. правительством, согласно официальным сообщениям, приняты к руководству нижеследующие начала: сохранение исконного государственного строя в Китае; устранение всего того, что могло бы повести к разделу Поднебесной империи и, наконец, восстановление законного центрального правительства, которое могло бы само обеспечить в стране порядок и спокойствие»*⁷⁰.

Изначально взяв курс в отношении Китая на сохранение его территориальной целостности, российская дипломатия по мере расширения масштабов восстания ихэтуаней и его приближения к дальневосточным рубежам России была вынуждена корректировать свои действия в соответствии с военными событиями, особенно на территории Маньчжурии. Это видно, например, из секретной телеграммы Управляющего МИД посланнику в Пекине Н.М. Гирсу от 10.09.1900 г.: *«Не находясь в войне с Китаем и не преследуя никаких своекорыстных целей, Россия была вынуждена, однако, вследствие целого ряда враждебных действий китайцев в Нючжуане [на юге Ляодуна] и на нашей государственной границе*

[по Амуру] занять указанный порт и ввести свои войска в Маньчжурию [после бомбардировки китайскими войсками Благовещенска]. Как скоро в последней будет восстановлен порядок и будут приняты все необходимые меры к ограждению рельсового пути [КВЖД], постройка коего обеспечивается особым соглашением с Китаем, Россия не преминет вызвать свои войска из пределов соседней империи, если, однако, этому не послужит препятствием образ действий других»⁷¹. Были свидетельства об отсутствии тогда порядка в Маньчжурии⁷².

Для лучшего понимания существа политики российского правительства на заключительном этапе восстания ихэтуаней достаточно, на наш взгляд, ознакомиться с двумя секретными телеграммами, отправленными Управляющим МИД в октябре 1900 г. из Ялты посланнику Н.М. Гирсу в Пекине. В телеграмме от 15 октября указывалось: «Россия первая провозгласила в циркуляре [МИД] от 12 августа о том, что *поддержание целостности Китая составляет основное содержание её политики*. На это обстоятельство надлежит обратить внимание Ли Хунчжана и [князя] Цина». В телеграмме от 23 октября было сказано: «В Ялте [китайскому посланнику в Петербурге] Ян Ю лишь было повторено уже ранее сделанное заявление о том, что Императорское правительство вызовет [отзовет] свои войска из Маньчжурии, когда там восстановится прочный порядок»⁷³. Следя за ходом переговоров иностранных дипломатов с китайскими уполномоченными князем Цин (И Куан) и Ли Хунчжаном, МИД России по мере получения донесений Гирса давало ему новые наставления в развитие основного курса, принятого в начале восстания ихэтуаней. Приведем текст секретной телеграммы Управляющего МИД к российскому посланнику в Пекине из Ялты от 9.12.1900 г. (с резолюцией царя: «С[огласен]ь. Очень хорошо»):

«Не теряйте из виду, что вслед за подписанием [всеми] посланниками коллективной ноты и предъявлением её китайским уполномоченным, наша задача в Печили [провинции Чжили] может считаться законченной. А посему мы не видим [оснований для] возражений против принятия предложения английского посланника о том, что международные войска не покинут Печилийского [Чжилийского] театра [военных действий] до тех пор, пока Китай не подчинится представленным ему требованиям... *Заявив ясно и определенно с самого начала китайского кризиса, что по Высочайшей воле Россия не будет участвовать ни в каких карательных экспедициях и не станет преследовать враждебных целей по отношению к соседней империи, мы подтвердили это заявление по отозвании русских войск с Печилийского театра по освобождении в Пекине имп. миссии и русско-поданных...*

Считаю долгом заметить, что некоторое продление оккупации Печили [провинции Чжили], возбуждая ненависть китайцев против остающихся там иностранных экспедиционных отрядов, едва ли может нанести какой-либо ущерб чисто русским интересам в этой провинции, а между тем таковое положение представит для нас вполне законное основание продолжать, в соответствии с заявлениями циркуляра от 12 августа, занятие Маньчжурии, внутренняя организация коей еще требует с нашей стороны немало забот и усилий»⁷⁴.

Во время переговоров в Пекине уполномоченных цинского Китая с представителями 8-ми государств, воевавших против ихэтуаней, «Приамурские ведомости» 26.11.1900 г. сообщили об условиях будущего соглашения. Третьим его пунктом предусматривалась ликвидация старого внешнеполитического ведомства Цинской империи – Цзунлиямэнь, учрежденного в 1861 г. и известного своей политикой «и-и чжи-и» («Руками варваров управлять варварами»), сопровождавшейся бумажной волокитой, крючкотворчеством в переписке и проволочками в ведении переговоров и в принятии окончательных решений.

«С.-Петербургские ведомости» поместили сообщение об утверждении «Заключительного протокола» цинским двором и об указе богдохана князю Цин и Ли Хунчжану о своем согласии принять все требования иностранных держав.⁷⁵ «Заключительный протокол» был подписан 7.09.1901. Этот документ принижал достоинство Китая как суверенного государства, запрещая ввоз современного огнестрельного оружия. По сообщению пекинского корреспондента «Нью-Йорк Геральд», после его подписания Ли Хунчжан заявил: «Чем быстрее иностранные войска будут выведены из провинции Чжили, тем будет лучше»⁷⁶.

Россия внесла важную лепту в урегулирование тяжелого вооруженного конфликта Китая с иностранными державами, что было положительно оценено китайским правительством. В ответ на письмо цинского двора, подготовленное Ли Хунчжаном, с выражением благодарности России за помощь в трудное время, Николай II ответил следующей телеграммой: «Я с особым удовольствием усматриваю, что Вы оценили высокое значение расположения, неизменно проявляемого мною на пользу Китая, и не теряю уверенности, что Ваше Величество с своей стороны сделаете всё возможное к скорейшему восстановлению вполне дружеских отношений между обеими соседними империями»⁷⁷.

Еще до прекращения переговоров с китайскими уполномоченными сотрудники Русско-Китайского Банка организовали для голодающего и беднейшего населения Пекина пункты по выдаче пищевых продуктов и одежды. В телеграмме специального корреспондента из Пекина в Петербург подробно описывалось, как происходила раздача⁷⁸. Николай II, узнавший об этой акции из телеграммы российского посланника от 16.12.1900, начертил на телеграмме: «Желательно продолжать эту раздачу пищи всю зиму»⁷⁹. Помощь местному населению оказывалась и на территории Маньчжурии, о чем сообщал военный комиссар в провинции Гирин (Цзилинь) полковник М.А. Соковнин, ранее руководивший работами по изысканию и прокладке западной ветки КВЖД от русско-китайской границы в Забайкалье. Японист В.М. Мендрин также сообщал о том, что у некоторых российских офицеров находятся на воспитании китайские дети-сироты, а во многих ротах обязательно есть маленький «сын полка», подобранный «каким-нибудь сердобольным солдатиком»⁸⁰.

С подписанием «Заключительного протокола» завершилась история восстания ихэтуаней, но проблема нормальных взаимоотношений цинского Китая с политическими и иными противниками не была решена вплоть до Синьхайской революции 1911 – 12 гг. и установления Республики.

О значении же восстания ихэтуаней для судеб Китая и России удачно, на наш взгляд, сказано в цитируемой ниже статье анонимного автора «Итоги XIX века», помещенной в новогоднем номере газеты «Новое время» от 1/14.01.1901 г.: «Осада [иностраных] посольств и последующие события показали Европе, что в Китае ей приходится иметь дело не столько с правительством и его войском, сколько с народом, с живым, воодушевленным идеей самобытности, народным духом... Для китайцев это вопрос о замене татарской [маньчжурской] династии, о коренных преобразованиях армии, администрации и финансов. На ближайшей очереди переход от домашней и кустарной промышленности к фабричной, от простейших способов передвижения к железным дорогам.

Сильнее и глубже китайский вопрос должен волновать Россию – ведь новая политическая эволюция разворачивается на границах наших азиатских владений. Такая близость имеет свои выгоды, но и требует от нас много забот. Китайская передышка прошлого года отозвалась уже на русском народе повы-

шением косвенных налогов и приостановкой на целый год разрешения новых кредитов на всякого рода культурные потребности».

Объяснение причин экономических трудностей России довольно точно дано в представленном царю докладе министра финансов С.Ю. Витте о государственной росписи доходов и расходов на 1901 г. («С.-Петербургские ведомости». № 1): «Не нами вызванная и не против нас направленная китайская смута (восстание ихэтуаней. — А.Х.) заставила Россию впервые пережить тревожные времена на самой дальней и мирной из своих окраин. Гроза разразилась там, где её меньше всего ждали, где *вековая дружба, связывающая Россию с Китаем, делала излишними всякие военные предосторожности и приготовления, позволяла не строить крепостей и не держать многочисленных войск.* Но грянул гром, и в самый короткий срок... выросла грозная рать слишком в 220 тыс. чел., [которая] оборонила всю нашу границу с Китаем протяженностью свыше 9 тыс. верст, очистила от мятежных китайских полчищ Маньчжурию и вместе с союзными войсками освободила осажденных европейцев в Тяньцзине и Пекине».

После подписания «Заключительного протокола» Ли Хунчжан на почве нервного перенапряжения заболел и вскоре скончался, вызвав глубокую скорбь среди близко знавших его лиц, в том числе россиян, с которыми он общался и в России, и Китае. Российский посланник в Пекине П.М. Лессар, сменивший М.Н. Гирса, сообщал по этому поводу В.Н. Ламздорфу: «Как я имел честь телеграфировать Вашему Сиятельству, 25-го числа этого месяца Ли Хунчжан скончался. Несмотря на его преклонный [?] возраст, это событие явилось неожиданным. К его иногда действительным, иногда притворным заболеваниям все привыкли, а его энергия и жизненность позволяли надеяться, что предел его деятельности еще не близок.

В последний раз я видел его 15-го числа. Г-н [Д.М.] Позднеев был у него 19-го и нашел его здоровым и бодрым. Он выражал сожаление по поводу задержки подписания соглашений [относительно Маньчжурии] и надежду, что дело всё же устроится после свидания князя Цина с императрицею. В ту же ночь канцлер заболел. Пользующий его обыкновенно д-р германской миссии Фельде, считающийся здесь лучшим врачом, был призван только утром. Он констатировал сильную слабость Ли Хунчжана, но если и придавал значение [его] болезни, то только в виду возраста больного. Окружающие [последнего] уверяли, что положение очень серьезное, но главным образом потому, чтобы избавить Ли Хунчжана от деловых объяснений, так как было известно, что к понедельнику наступило значительное улучшение. Но доктора требовали [от больного] [соблюдения] строгой диеты, а Ли всегда был очень неводержан и по обыкновению не исполнял даваемых [ему] советов [врачей]. Во вторник Ли Хунчжану снова сделалось хуже. В это время было получено известие, что вице-короли [генерал-губернаторы] по случаю путешествия [цинского] двора [из Сиани] в столицу приготовили особенно роскошные подарки ко дню рождения [вдовствующей] императрицы (7-го будущего ноября). Как сообщил д-р Фельде, этот факт, ранее неизвестный канцлеру, произвел на него громадное впечатление. Невозможность в остающийся [до дня рождения Цыси] короткий срок достойно приготовиться [к торжеству], а особенно громадность суммы предстоящих издержек все более приводила его в отчаяние. В результате он вскоре впал в бред: всё говорил о восстании тайпинов, о казненных им при этом [их] предводителях. Окружающим его [порой] казалось, что он видит тени погибших. В ночь на среду его положение сделалось безнадежным. Раз или два он приходил в полусознание, но недуг брал своё, и в четверг около 11 часов он скончался».

«Для Китая эта потеря, – подчеркивал Лессар, – невосполнимая. В настоящее тяжелое время покойного заменить нечем. В представляемом при сем переводе императорского указа изложены оказанные ему посмертные почести. В предстоящем указе ожидают еще больших [почестей]. По получении телеграммы Вашего Сиятельства я поспешил исполнить содержание её как по отношению к китайскому правительству, так и по отношению к сыновьям Ли [Хунчжана]. Выражение благодарности этих последних я тогда же передал Вам по телеграфу, а ответ [цинского] двора еще не получил. Для наших интересов в Китае смерть Ли [Хунчжана] также тяжелая утрата. Уверения [со стороны] иностранцев (англичан. – *А.Х.*), что он был наш покорный слуга, конечно, были неосновательны. При всех своих недостатках он был прежде всего китаец. Он мог заботиться о своих личных выгодах, но во всём и всегда стремился сделать возможное для своей страны. Как человек умный, он понимал, что у нас с нею (т.е. с Китаем) много общих интересов, что сопротивляться нам [с помощью силы] безрассудно и что [поэтому] лучше мирно исполнять необходимое, выговорив при этом возможно лучшие условия для Небесной Империи. И делал он это с большим упорством, ловкостью и хитростью. С нашей стороны всегда требовалось много настойчивости в проведении [разных своих] дел, но для него она была только полезной, так как ограждала его от [чужих] нареканий в уступчивости без сопротивления. При этом Ли [Хунчжан] был единственный китаец, которому его положение, завоеванное выдающимися способностями и неоспоримыми заслугами, давало достаточно веса при [императорском] дворе, чтобы иметь свое мнение, и который имел мужество это мнение защищать»⁸¹.

Во время 20-дневного траура Ли Хунчжана поклониться его праху приходили многие китайцы и иностранцы, в том числе россияне. О двух из них сообщала газета Нов. край.⁸² Российские газеты отметили с глубоким сочувствием перенесение праха Ли Хунчжана из столицы на родину (в г. Хэфэй).

Прилагаемая ниже публикация в виде приложения⁸³ позволит полнее и рельефнее представить фигуру Ли Хунчжана на фоне его контактов с россиянами в весьма трудный период китайской истории, каким было движение ихэтуаней с его яркой окраской антифоринизма, причины которого продолжают вызывать споры среди исследователей разных стран.

Приложение

В конце июня 1900 г. перед ... взятием Тяньцзиня европейскими войсками в «Пекинской газете» («Цзин-бао». – *А.Х.*) помещен указ о назначении Ли Хунчжана, бывшего тогда генерал-губернатором провинций Гуандуна и Гуанси, на должность генерал-губернатора провинции Чжили командующего армией и флотом [в Северном Китае]. Сообщая об этом известии министру иностранных дел России, вице-адмирал Алексеев [царский наместник на Дальнем Востоке] выразил мысль о крайней желательности – в случае прибытия известного китайского сановника – вступления с ним в переговоры... Министр иностранных дел [В.Н. Ламздорф] высказал, что было бы желательно, чтобы помимо официальных переговоров с Ли Хунчжаном (при участии других адмиралов) Е.И. Алексеев попытался войти с ним в совершенно доверительные объяснения, [чтобы] в интересах Китая возможно скорее восстановить исключительно добрососедские отношения с Россией, устранив немедленно же всякие поводы к неудовольствию российского правительства...

26 июня была получена телеграмма Управляющего морским министерством от 21 июня, в которой объявлялось высочайшее повеление немедленно отправить в Шанхай военный корабль для доставления на нем Ли Хунчжана в Дагу или же в один из северных портов Китая – по его выбору.

27 июня были отправлены в Шанхай крейсер «Адмирал Корнилов» и мореходная канонерская лодка «Гремящий» ... По приходе в Шанхай, командир крейсера капитан 1-го ранга Матусевич вошел в сношение с нашим консульством и самим Ли Хунчжаном. При секретном свидании с капитаном 1-го ранга Матусевичем, Ли Хунчжан в присутствии российского ген. консула заявил, что он через несколько дней выедет из Шанхая на китайском коммерческом пароходе «Аньпин» к устью Янцзыцзяна, где пересядет со своею свитою и прислугою на крейсер «Адмирал Корнилов»..., конвой же из 400 солдат будет следовать на «Аньпине». Ли Хунчжан говорил, что для сохранения тайны он объявит, что направляется в [порт] Шанхайгуань, а в действительности пойдет в Дагу, где рассчитывает найти помощь у русского правительства для следования в Тяньцзинь и Пекин.

Между тем отъезд Ли Хунчжана откладывался под тем предлогом, что ... он не может выехать ранее получения ответа от всех [иностранных] держав. По частным же сведениям, прибывший в Шанхай проездом германский посланник граф Мумм фон Шварценберг убеждал Ли Хунчжана, что ему не следует выезжать до приезда графа Вальдерзее.

В это время командир «Аньпина» официально сообщил английскому адмиралу Сеймуру о предполагаемом переходе Ли Хунчжана на крейсер «Адмирал Корнилов», почему Ли окончательно решил идти в Дагу на пароходе «Аньпин», о чем и телеграфировал в Петербург.

1-го сентября, повидавшись предварительно с германским посланником, Ли вышел из Шанхая на «Аньпине». «Аньпин» был под английским флагом, имея на грот-мачте китайский флаг... Только 3 сентября утром [«Аньпин»] вышел в море...

5-го сентября, в 12 час. дня Ли Хунчжан прибыл в Дагу. Как только пароход «Аньпин» бросил якорь, на него взшел чиновник по дипломатической части [И.Я.] Коростовец⁷⁵ и флаг-капитан начальника русской эскадры капитан 2-го ранга Брусиллов, которые были тотчас же приняты Ли Хунчжаном.

Передав Ли Хунчжану привет от вице-адмирала Алексева, надворный советник Коростовец объявил ему, что он командирован для того, чтобы оказать ему содействие при переезде в Тяньцзинь, где для него и его свиты приготовлено помещение в бывшем его дворце – Хай-фэн-чун-со. На это Ли Хунчжан заявил, что он получил от нашего правительства телеграмму о том, что нашими военными властями будет оказано ему покровительство при поездке в Пекин, и спросил, действуем ли мы по согласию и от лица союзных держав, помогая ему доехать до Тяньцзиня. На это ему было отвечено, что так как железною дорогою [сейчас] владеет Россия, то на нас, естественно, лежит обязанность доставить его в Тяньцзинь. После этого Ли Хунчжан повторил, что он надеется, что мы доведем его не только до Тяньцзиня, но и до самого Пекина, поскольку в условиях военного положения ему трудно будет доехать до Пекина без помощи русских. Далее он вел беседу о том, какое ему будет дано помещение [в Тяньцзине], о маршруте путешествия в Пекин, а также о последних военных и политических событиях.

При Ли Хунчжане состояли 5 секретарей, 20 [гражданских] чиновников, 17 офицеров, 5 военных инструкторов, около 100 слуг и конвой из 138 солдат.

Из Дагу Ли Хунчжан послал китайскому посланнику в С.-Петербурге телеграмму, в которой сообщил, что по случаю свежей погоды он не мог пересечь в Усуне на крейсер «Адмирал Корнилов», что был отлично встречен Алексеевым и просил впредь посылать ему все депеши через российского посланника в Пекине.

На следующий день по приходе в Дагу пароход «Аньпин» вошел в устье Пэйхэ [Байхэ] и стал недалеко от парохода «Богатырь», на котором вице-адмирал Алексеев держал свой флаг. В тот же день Ли Хунчжан пожелал сделать визит Е.И. Алексееву, который принял его на мореходной канонерской лодке «Маньчжур».

Разговор начался о беспорядках в Китае, причем Ли Хунчжан осуждал китайское (цинское) центральное правительство и порицал вождей движения [ихэтуаней] князей Дуаня и Кан-и, которых назвал безумцами и дураками, навлекшими гибель на страну.

Перейдя затем к последним военным действиям, Ли стал просить, чтобы русские не брали крепость Бэйтан с боя, обещая убедить ее коменданта сдать нам форты... В результате вице-адмирал Алексеев обещал повременить с взятием Бэйтана до получения от коменданта крепости ответа на посланное Ли Хунчжаном письмо о сдаче ее русским, если только действия иностранцев не заставят изменить это решение. Но, как оказалось, в действительности, союзники наотрез отказались повременить со штурмом... и крепость была ими взята в ту же ночь, причем китайцы первые открыли огонь.

Когда же речь зашла о маньчжурских делах, Ли Хунчжан стал умолять о том, чтобы мы не брали Мукдена, назвав этот город священной столицей [империи Цин] и уподобив его Москве. Вице-адмирал Алексеев ... спросил, уполномочены ли цзянцзюни [военные правители Маньчжурии] и, в частности, мукденский весте переговоры о сдаче стратегически важных пунктов. Ли Хунчжан высказал мнение, что цзянцзюни имеют полное право вести переговоры и что соглашения их с русской властью будут без возражения признаны китайским правительством.

Ли Хунчжан сообщил, что он находится в непрерывных сношениях с императорским двором – богдоханом, резиденция которого сейчас находится в г. Тайюань-фу (провинции Шэньси)... Он добавил, что несмотря на его представление, императорский двор не решается вернуться в Пекин, пока там находятся иностранные войска. Он будто бы представил доклад, в котором доказывал трудности в ведении переговоров с иностранными державами, пока не будут наказаны главные зачинщики беспорядков...

Во время ответного визита Е.И. Алексеева, когда при Ли Хунчжане находился, в числе других лиц, и директор Кайпинских угольных копей Чжан Инмао (командированный впоследствии в качестве советника при князе Чуне во главе искупительного посольства к германскому императору) Ли Хунчжан возбудил вопрос об охране от разрушений богатейших Кайпинских угольных копей... и о передаче железной дороги (от Тангу до Шанхайгуаня. – *А.Х.*), часть которой, до станции Сикочуань (в 40 милях от Тяньцзиня), оставалась целой, бывшей китайской администрации для её исправления под руководством главного инженера г. Киндера (всегда относившегося враждебно к россиянам. – *А.Х.*). Е.И. Алексеев категорически заявил, что так как дорога эта может быть нужна для военных целей, передача её китайской администрации [сейчас] невозможна, но по прекращении беспорядков и заключении соглашения с китайским правительством дорога будет возвращена прежним владельцам. Что же касается Кайпинских угольных копей, то вице-адмирал Алексеев обещал дать самые строгие приказания к их охране... и с своей стороны потребовал, чтобы Ли Хунчжан так воздействовал на население, чтобы оно далее не разрушало железные дороги.

В заключение Ли Хунчжан спросил, много ли русских войск отозвано из Пекина. Узнав, что почти все наши войска ушли, он выразил большую радость и заявил, что протелеграфирует богдохану это приятное известие. На это *Алексеев пояснил, что отозвание войск из Пекина показывает, что российское правительство не преследует никаких своекорыстных целей и не ищет территориальных приобретений*, [т. к.] *единственное желание россиян – восстановить порядок в Китае*.

Высказанные на этих свиданиях Е.И. Алексеевым взгляды настолько сильно повлияли на Ли Хунчжана, что он немедленно телеграфировал китайскому посланнику при российском дворе, чтобы он упросил министра иностранных дел повергнуть к стопам Государя Императора его ходатайство о снабжении вице-адмирала Алексеева должными полномочиями в мирных переговорах, которые должны состояться в Пекине. Это назначение (по мнению Ли) необходимо потому, что Алексеев сознает необходимость дружественно-соседских отношений между Россией и Китаем и он является единственным человеком, который был бы в состоянии составить противовес влиянию графа Вальдерзее.

7-го сентября Ли Хунчжан прибыл по железной дороге в Тяньцзинь и был помещен в своем бывшем дворце. Во время следования поезда из окон вагона была видна в отдалении бомбардировка Бэйтана [союзными войсками]...

В Тяньцзине при Ли Хунчжане состояли, кроме И.Я. Коростовца, сотники Родкевич и Григорьев...

С приездом Ли Хунчжана в Тяньцзинь начался сильный прилив в этот город китайцев, увидевших в этом факте гарантию спокойствия и безопасности... [Его охране] приходилось употреблять большие усилия, чтобы ограничить доступ только теми людьми, которым было действительно необходимо его увидеть.

Во избежание осложнений нашими было заявлено, чтобы свита Ли возможно меньше (реже) выходила из дворца, и чтобы солдаты отнюдь не выходили в форме, а оружие и патроны сдавали русскому караульному.

Отъезд Ли Хунчжана был, наконец, назначен на 14 сентября. Часть его вещей была уже погружена на шаланды, т. к. до Тунчжоу Ли предполагал идти водою, по Байхэ, как вдруг было получено известие, что российский посланник в Пекине со всем составом миссии выезжает в Тяньцзинь. Это вновь задержало отъезд китайского сановника ввиду необходимости переговорить с посланником.

С учетом выражаемых Ли Хунчжаном желаний свидеться с графом Вальдерзее, И.Я. Коростовец при свидании с фельдмаршалом спросил его, примет ли он Ли Хунчжана. Граф Вальдерзее ответил, что он не видит к тому необходимости, так как для него Ли Хунчжан – частное лицо. Если же Ли желает вступить в переговоры, то ему следует обратиться к германскому посланнику...

Подобный ответ фельдмаршала поверг в недоумение Ли Хунчжана, который заметил, что граф Мумм также не хотел вести с ним переговоры в Шанхае... Подобная уклончивость сильно смутила Ли, и он несколько раз задавал нам вопрос: собственно чего добиваются немцы.

Генерал-лейтенант Линевиц, приехав в Тяньцзинь, лично посетил Ли Хунчжана, причем свидание носило самый дружественный характер. Китайский сановник просил [Н.П.] Линевица повлиять на графа Вальдерзее, чтобы он более не предпринимал военных действий... Ли Хунчжан выразил благодарность за умеренность, оказанную русскими войсками при занятии г. Лутая, что, по его словам, произвело отличное впечатление на местное (китайское) население.

18 сентября российский посланник [Н.М. Гирс] со всем составом миссии прибыл в Тяньцзинь. При свидании с Ли Хунчжаном он уговаривал его оставаться в Тяньцзине – ввиду того, что русская миссия [дипломатическая] (вместе с духовной православной. – *А.Х.*) приехала сюда, но Ли не соглашался, заявив, что ему необходимо повидаться с американским посланником [Конжером], получившим [из Вашингтона] приказание признать его полномочия, как и князя Цина.

22 сентября Ли Хунчжан двинулся в Пекин, где он совместно с князем Цином приступил к ведению дипломатических переговоров с представителями иностранных держав и России»⁷⁶.

Источники

Архивы РНБ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников государственного исторического музея Москвы

---

¹ В 60–70 гг. XX в. весомый вклад в разработку истории движения ихэтуаней на основе проработки современных исследований в КНР, а также оригинальных китайских источников внесла китаист Н.М. Калюжная, составитель уникального сборника и автор монографии. Публикациями труднейших для перевода китайских сочинений и документов и особенно третьей книгой и своими окончательными выводами Н.М. Калюжная заложила прочный научный фундамент для будущих поколений исследователей этой многоплановой и чрезвычайно сложной темы. См.: *Калюжная Н.М.*

Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968; *Калюжная Н.М.* Восстание ихэтуаней (1898–1901). Историография. М., 1973; *Калюжная Н.М.* Восстание ихэтуаней (1898–1901). М.: ИВ АН СССР, 1978; *Непомнин О.Е.* [Рец.]: Синтез традиционалистской реакции и антиимпериализма: движение ихэтуаней в Китае (в связи с монографией Н.М. Калюжной) // *Народы Азии и Африки.* 1982. № 6. С. 145–153. Из работ последнего времени см. также: *Дацзышен В.Г.* Христианство в Китае: история и современность. М., 2007, где в третьей главе есть параграф «Восстание ихэтуаней (с. 100–113), в котором автор квалифицирует это массовое движение как антихристианское.

² *Позднеев Д.* 56 дней пекинского сидения в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. СПб., 1901. Подробнее о Д.М. Позднееве (1865–1937) см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Вост. лит. РАН, 1997. С. 48, 55–58, 294–295 и др.

³ *Покотилов Д.Д.* Дневник осады европейцев в Пекине. Ялта : Тип. И.В. Вахтина, 1900. Подробнее о Д. Д. Покотилове (1865–1908) см.: Российская дипломатия и современность : материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию Посольского приказа. 29 октября 1999 года. М.: РОССПЭН, 2001. С. 351.

⁴ *Попов П.С.* Два месяца осады в Пекине (дневник 18 мая – 31 июля ст. ст. 1900 г.) // *Вестн. Европы.* 1901. Февр.-март. Подробнее о П. С. Попове (1842–1913) см.: История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 290–294; *Хохлов А.Н.* Китаист П.С. Попов и его первая лекция в Петербургском университете // XXX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2000. С. 139–149.

⁵ *Рудаков А.* Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901. Подробнее об А. В. Рудакове см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. С. 60–61 и др.

⁶ «...теперь в любом повременном издании непременно печатается та или другая статья, касающаяся Приамурского края» (*Рус. вестн.* 1900. Авг. С. 569–570).

⁷ *Позднеев Д.М.* Курс новейшей истории Дальнего Востока. РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 75. Л. 20. «До самых [последних] наших дней продолжается постоянный разлад между европеизмом и китайскими [духовными] началами в нынешней Срединной Республике, и выяснение причин этого разлада входит также в задачу нашего курса не с одной только европейской стороны, но и с китайской». Там же.

⁸ Там же. Л. 17.

⁹ *Позднеев Д.М.* Боксерское движение как этап освободительной борьбы в Китае (к 25-летию события). РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 52а. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ См.: аналогичное суждение газ. «Новое время» от 15/28.05. 1904 г.: «Западно-европейские миссионеры в Китае, эксплуатируя в свою, нередко личную пользу привилегированное положение, созданное для них договорами держав с Китаем, нередко распространяя преимущества привилегированного положения на обращенных ими в христианство туземцев, долго не допускали мысли, что они этим оскорбляли то чувство справедливости и равенства, то чувство любви к ближнему, которое лежит в основе учения Христа. В результате получилось развитие сильного раздражения туземцев [китайцев] против европейцев, пробуждение или возрождение чувства национального самосознания, приведшее к глухому противодействию европейским проискам как со стороны официальных сфер, [так] и к явной борьбе с европейцами народных масс».

¹² «В городах, деревнях, на улицах, на полях, в домах и на дворах можно было видеть толпы упражняющихся и такие же толпы зрителей». Подробнее см.: П. Воскресенский П. [из Харбина]. Эпидемия истерии в движении боксеров // *Русский врач.* 1902. № 1. С. 22.

¹³ РНБ. Ф. 590. Ед. хр. 52а. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 7. См.: также: *проф. Позднеев Д.Д.* Исторические параллели // «Крас. газета» (Ленинград). Веч. вып. 1926. 4 сент. № 206 (1210). См.: также ст.: *Позднеев Д.М.* Боксерское движение как этап освободительной борьбы в Китае // *Звезда.* 1925. № 4. С. 156–172.

¹⁵ После неожиданной смерти 9/22 июня 1900. (от кровоизлияния в мозг) министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева, которого серьезно беспокоили события в дружественном Китае, на его место был временно назначен граф В.Н. Ламздорф, о чем 11/24.06. сообщила газ «Моск. ведомости» с краткой биографической справкой

о нем. На мирной конференции в Гааге в 1899 г. его представители энергично отстаивали идею российского правительства о всеобщем разоружении.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Китайский стол, 1900. Д. 3408. Л. 20.

¹⁷ См.: *Хохлов А.Н.* Ли Хунчжан глазами россиян (к 100-летию визита государственного деятеля цинского Китая в Россию в 1896 г. // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке : тез. VII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 25 сент. 1996). Ч. 2. М., 1996. С. 123–128.

¹⁸ *Лян Цичао.* Ли Хунчжан, или политическая история Китая за последние 40 лет. С.-Петербург, 1905.

¹⁹ *Ху Бинь.* Май-го цзэй Ли Хунчжан = [Национальный предатель Ли Хунчжан]. Шанхай : Синь чжиши чубаньшэ, 1955.

²⁰ *Фань Фучао.* Нань-вэй Ли Хунчжан = [Трудные дела Ли Хунчжана]. 2006.

²¹ *Хохлов А.Н.* Ли Хунчжан в Москве в мае 1896 года // Снесарев. чт. Душанбе, 1997. С. 221–226; *Хохлов А.Н.* Ли Хунчжан // *Духовная культура Китая. Ист. мысль и правовая культура.* М.: Вост. лит. РАН, 2009. С. 536–539.

²² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Миссия в Пекине. Д. 1396. Л. 1.

²³ Антифоринизм (неприязнь к иностранцам, или ксенофобия) укладывался в традиционные рамки древнекитайских представлений о верховенстве Поднебесной во всем мире, согласно которым китайская империя считалась центром Вселенной, а соседние и другие страны ее вассалами-варварами. Китайцы, проживавшие на юге Маньчжурии в Квантунской области (с городами Порт-Артур, Дальний и др.), созданной на арендованной Россией у Китая территории сроком на 25 лет в 1898 г., продолжали придерживаться этих представлений. Это позволяло Е. Мартынову сделать такой вывод: «Китаец с презрением относится ко всему иностранному, называя остальные народы, не исключая и европейцев, варварами». См.: Мартынов Е.[И.]. Квантунская область // Россия. 1900. 18 апр.

²⁴ Приамур. ведомости. 1900. 18 июня. № 338. С. 6.

²⁵ Моск. ведомости. 1900. 9/22 июня. № 157. С. 5.

²⁶ А.К. Большой кулак и китайское правительство // Моск. Вед. 1900. 12/25.06.

²⁷ Как сообщала столичная газета «Нов. время» от 16/29.09.1900., в сражении 4-го июня К. Р. Добровольский «руководил атакой союзных канонерок, расположенных на р. Пэйхо [Байхэ] и его энергии, хладнокровию и умелой распорядительности союзники главным образом обязаны успешным взятием фортов Таку [Дагу]». Был описан его внешний вид: «... добродушное, чисто русское лицо окаймлено светло-русою бороною, в которой местами пробивается седина... роста [он] – ниже среднего, коренаст».

²⁸ Недовольство царя М.Н. Гирсом объяснялось его промедлением с выездом (вместе с группой россиян) из Пекина, что не могло не сказаться на числе жертв в условиях осады Посольского квартала ихэтуанями и отдельными правительственными частями, принявших сторону повстанцев (по приказу сверху либо поддавшихся агитации со стороны ихэтуаней). В секретной телеграмме от 11.12.1900 из Ялты В.Н. Ламздорф сообщал в Пекин Гирсу: «Государю-императору благоугодно было на ... донесении Вашем начертать нижеследующую надпись: «Из этого [донесения] я еще раз убеждаюсь, что у Гирса было около двух недель на то, чтобы [срочно] выехать из Пекина, хотя бы в Тяньцзинь. Сколько русских жизней было бы спасено». См.: АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 1396. Л. 16.

²⁹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Л. 12–13.

³⁰ АВПРИ. Там же. Д. 1398. Л. 89–90.

³¹ «Приамур. ведомости». 1900. 19.11. № 360. С. 1 (со ссылкой на вышедшую в Порт-Артуре газ. «Нов. край». №№ 112–113).

³² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 1396. Л. 16.

³³ За заслуги Н.М. Чичагова (1852–1910) в борьбе с хунхузами благодарные жители Нингуты поставили ему памятник в знак высокого уважения и почитания боевого русского генерала.

³⁴ С.-Петерб. ведомости. 1901. 23.01/ 5.02. № 22.

³⁵ См.: Приложение к газете «Приамур. ведомости» от 31.08.1900 г., а также № 349 от 3.09.1900 г.

³⁶ Кто виноват? // Моск. вед. 1905. 27.04/10.05.

- ³⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 1398. Л. 89.
- ³⁸ Приамур. ведомости. 1900. 25.06. № 339. С. 10. См.: также : *Янчевецкий Д. Г.* У стен недвижного Китая. 4-е изд. СПб.; Порт-Артур, 1903. См.: *Хохлов А.Н.* Д.Г. Янчевецкий: в австрийском плену // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918) : материалы науч. конф. Ч. 1. М., 1994, с. 65–79.
- ³⁹ Нов. время. 1901. 9/22 января. С. 5.
- ⁴⁰ Военно-походные впечатления // Москов. вед. 1904. 15.09. № 255. С. 3.
- ⁴¹ Корреспондент К.Д. Носилов так обвинял методы войны местных правителей – цзянцзюней и высших чиновников, зараженных духом антифоринизма: «Кто знает, кто виноват в этой ужасной войне: население ли Маньчжурии или только её начальство? Народ, по моему мнению, тут был не причем, потому что его гнали палками под ружье, ему приказывали волей богдохана и его же грабили». См.: *Носилов К.* Вести из Маньчжурии // Нов. время». 1901. № 8933.
- ⁴² Н.Я. Св.-н. Владивосток, 5 декабря (Корр. «Нового времени») // «Нов. время». 1901. 22.01 / 4.02. № 8946.
- ⁴³ Моск. новости. 1900. 16/29 июня. № 164. С. 3–4.
- ⁴⁴ Об этом см. в статье американского офицера в газетах Нью-Йорка о разрушениях китайских домов и грабежах, совершаемых иностранными войсками в районе Пекина и перепечатанной в газете «Нов. край» 23.02.1901 г., в аналогичной по содержанию статье Диллона (из «Контемпорари ревью») там же 25.03.1901 г.
- ⁴⁵ «Недавно в Лондоне с аукциона была продана за 386 фунтов стерлингов печать китайской императрицы. Печать эта была захвачена английскими солдатами во время событий 1900 г. в Пекине. В парламенте был поднят вопрос, осуждающий эту продажу, но попытка воспрепятствовать аукционной продаже не увенчалась успехом».
- ⁴⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 1396. Л. 7.
- ⁴⁷ Там же. Д. 1398. Л. 68.
- ⁴⁸ Там же. Л. 45.
- ⁴⁹ Там же. Л. 90.
- ⁵⁰ Дядько (кор.). [Сообщ. из Пекина от 23 декабря 1900] // Нов. край. 19.01.1901.
- ⁵¹ «Пример частых и бесцельных экспедиций немцев [внутри Китая] в погоне за слишком дешевыми лаврами показывает воочию, что таковые не только не приносят никакой пользы, но [наносит] положительный вред, напрасно взбудораживая население, отвлекая от мирного труда и держа его постоянно настороже». (Наши успехи в Маньчжурии // Нов. Край. 1901. 16.03)
- ⁵² Моск. ведомости». 1900. 9/22 июня. № 1157. С. 2.
- ⁵³ Нов. край. 1901. Янв. № 7.
- ⁵⁴ ОПИ ГИМ). Ф. 307. Оп. 1.Ед. хр. 1. Л. 173.
- ⁵⁵ ОПИ ГИМ. Там же. Л. 174.
- ⁵⁶ Там же. Ед. хр. 1. Лл. 175–177.
- ⁵⁷ Там же. Ед. хр. 3. Л. 159.
- ⁵⁸ Нов. время». 1901. 11 марта. № 30. С. 3.
- ⁵⁹ В адресе жителей портового города Нючжуан говорилось: «Жители очень довольны русским начальством и говорят, что они чувствуют себя спокойно... Особенно же довольны они городской полицией, т.к. она охраняет город от хунхузлов и заботится об [благо]устройстве его». (Нов. время». 1901. 11 марта. № 30. С. 3.)
- ⁶⁰ Приказ вице-адмирала Е.И. Алексеева от 5.02. 1901 г. в связи с этим опубликован 9.02.1901. газ. «Новый край» (Порт-Артур), заметка об этом появилась там же 23.01.1902 г.
- ⁶¹ Об освящении этой больницы 8.09.1900. было сообщено М.Н. Гирсом коменданту Дагу для передачи этой новости в Петербург императрице Марии Федоровне. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 1400. Л. 1.
- ⁶² П.Г. Русским женщинам // Нов. Край. 1903. 16.03.
- ⁶³ См.: подробнее : *Хохлов А.Н.* Китаист Петр Рудановский (1871–1904): судьба дипломата // XXIV Междунар. науч. конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки. 10–12 апреля 2007 г. : тез. докл. СПб., 2007. С. 175–176. Из секретной телеграммы Гирса в Петербург 22.09.1900 г.: «...Ввиду его [Ли Хунчжана] опасения ехать без провожатого от [нашей] миссии я поручил Рудановскому довести его до Пекина, так как в случае отказа [с нашей стороны] он, вероятно, обратился бы к японцам». АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1900. Д. 3408. Л. 106.

⁶⁴ «Секретарь вверенной Вашему Превосходительству миссии г-н Рудановский в 8-й луне (сентябрь м-ц) минувшего года был командирован Вами сопровождать меня из Тяньцзиня в Пекин. В продолжении всего пути он отличался вниманием и предусмотрительностью. За это я и спешу принести Вашему Превосходительству мою глубочайшую благодарность. Упомянутый выше чиновник отличается большим умом и ревностью характера. В течение года, истекшего со времени прибытия его в столицу, он проявляет при решении встречающихся международных вопросов беспристрастие, и я весьма охотно веду с ним дела. Я не преминул войти с отдельным докладом на Высочайшее имя [богдохана] о пожаловании ему ордена и также считаю долгом просить Ваше Превосходительство ходатайствовать перед Министерством Иностранных дел Почтенного государства о награждении его за выдающиеся заслуги. Я полагаю, что если бы сказанный чиновник был поставлен в возможность вести в будущем дела, происходящие между обоими государствами, то для обеих сторон была бы одинаковая польза. (Там же. 1900–1905. Д. 1954. Л. 45).

⁶⁵ В связи с этим М.Н. Гирс 10.08.1900 г. направил от своего имени В.Н. Ламздорфу соответствующее ходатайство о награждении П.К. Рудановского очередным чином (ранее об этом – в письме от 22.04.1901 г. за № 183. (АВПРИ. Ф. Кит. стол. Оп. 491. 1900–1905. Д. 1954. Л. 44).

⁶⁶ Опубл. Приамур. вед. Хабаровск, 1900. 12 окт. № 355. (доп. лист).

⁶⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1900. Д. 77. Л. 73. В конце документа имеется такое разъяснение: «В 4-м параграфе идет речь не об оставлении в Пекине особого международного отряда, коему могла бы быть поручена охрана всех миссий, а об учреждении при каждой из них отдельной стражи соответствующей национальности».

⁶⁸ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1900. Д. 3408. Л. 138.

⁶⁹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 1396. Л. 8.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1900. Д. 77. Л. 5.

⁷¹ Там же. Л. 53. См. также: *Никитина К.* Осада Благовещенска китайцами в 1900 г. // Ист. вестн. 1910. № 10. С. 207–224.

⁷² помимо нападений хунхузов был обстрел с китайской стороны парохода «Одесса», вышедшего из Харбина 28 июня 1900 г. с коммерческими агентами на борту, и взявшего на буксир две баржи – с пассажирами (женщинами и детьми) и с грузом. Пройдя верст 20 по р. Сунгари за г. Саньсин, пароход был встречен ружейной стрельбой китайцев, засевших на берегу». В этой ситуации капитан парохода ради спасения пассажиров, следовавших на первой барже, приказал отрубить трос, связывавший судно со второй баржей, шедшей с грузом. (Нов. Время. 6/18.01.1901 г. (ссылка на письмо в редакцию). Среди погибших россиян был инженер путей сообщения И.А. Бернштейн, приглашенный из Киева для работы по сооружению КВЖД. (Нов. край. 1902. 16 янв. № 7. С. 2).

⁷³ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1900. Д. 77. Л. 77, 83.

⁷⁴ Там же. Оп. 470. 1900. Д. 78. Л. 76.

⁷⁵ Это известие сначала поступило в редакцию местной английской газеты «Норс чайна дэйли ньюс» из китайского источника и было передано агентством Рейтер от 31.05/13.06.1901 г. из Шанхая.

⁷⁶ С.-Петербур. вед. 1901. 17/30 янв. № 16. С. 2.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Д. 1397. Л. 128–131. В донесении, отправленном 5 декабря 1900 г. из Пекина к В.Н. Ламздорфу, Гирс (шифром) сообщал: «Телеграмма китайского императора к [нашему] Государю Императору была составлена Ли Хунчжаном, препровождена на утверждение в Сиань-фу и лишь по получении на неё указа отправлена за подписью богдохана в Ялту... Мною сегодня передан князю Цину и Ли [Хунчжану] для немедленного доставления по назначению [богдохану] всемилостивейший ответ, подписанный высочайшим именем Государя Императора». См.: Там же.

⁷⁸ «Русско-Китайской Банк продолжает в Пекине раздачу от имени русского царя бедным китайцам хлеба и платья. В настоящее время банк ежедневно раздает в 8 различных пунктах Пекина свыше 18 тыс. порций вареной каши, а начиная с минувшей субботы, раздает, кроме того, сырой рис. Число жителей, ежедневно получающих этот рис, превышает 15 тыс. Теплой одежды роздано свыше 2200 пар.» (С.-Петербур. вед. 1901. 30.01/12.02. С. 2.).

⁷⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1900. Д. 77. Л. 136.

⁸⁰ Мендрин В.М. После восстания //Нов. Край. 1901. Май. № 55–57.

⁸¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491.1892–1901. Д. 1986 Л. 61–63. С подобною оценкой личных качества Ли Хунчжана как дипломата и государственного деятеля с его ориентацией на Россию в последние годы жизни нельзя не согласиться.

⁸² А.В.П. Пекин, 20 декабря 1901 г. // Нов. край. 1902. 6.01. Текст приведен в сокращении: «Мне было поручено перенести останки из 7 могил со двора бывшего [российского] госпиталя в братскую могилу [погибших россиян] в Тяньцзине. Прибыв в Пекин, я явился к нашему посланнику [П.М. Лессару], а затем к начальнику охранного отряда. Последний порекомендовал обратиться к генералу Такшине, члену Цзунлиямэня, и только после переговоров с ним приступить к своей работе. . . Отправившись утром на рикше, я изъездил большую часть города [пока не нашел нужный мне дом]. Скоро вышел ко мне просто одетый, сухощавый китаец (маньчжур. – А.Х.) с очень интеллигентным лицом. . . и ныне уже фудутун-Такшина. Мне говорили, что он отлично говорит по-русски, научившись этому в свое 14-летнее пребывание в [китайском] посольстве в Петербурге. . . Я спросил его, не может ли он устроить мне и моему спутнику штабс-капитану В. дело так, чтобы мы могли поклониться праху великого друга России – знаменитого Ли Хунчжана. Он сначала сказал, что, пожалуй, теперь поздно, так как траур по нему в течение 20 дней уже прошел, но он попытается [что-то сделать]. . . Подойдя не спеша к алтарю [храма], я и мой спутник преклонили колени на подушку перед алтарем и осенили себя крестным знаменем. . . Такшина представил нас китаецу в траурном костюме и только сказал, что это сын Ли Хунчжана. Тот подал мне руку и очень благодарил за оказанное нами внимание к его отцу».

⁸³ В данной работе в качестве приложения использована главным образом небольшая часть объемистой рукописи (49 л.). Ее первая глава называется «События от начала боксерского движения до взятия Тяньцзиня» (без указания автора). Судя по тексту первой главы и содержанию других глав автором всей рукописи скорее всего был 2-й секретарь Рос. дип. миссии в Пекине Б.Н. Евреинов, опубликовавший впоследствии в 1912 г. статью «Осада дипломатических миссий в Пекине. Май–август 1900 г.», изд. в «Изв. МИД» и вышедшей затем отдельной книгой. Б.Н. Евреинов являлся и автором служебной докладной записки (о движении ихэтуаней) от 24 августа 1900 г. См.: АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 1207. Л. 5 и далее.

Синьхайская революция в зеркале русской периодической печати 1911–1913 гг. (к 100-летию революции 1911 г. в Китае)

Революция 1911 г., завершившаяся отречением маньчжурской династии Цин (1644–1912) от китайского престола в январе 1912 г. и утверждением Китайской Республики, – эпохальное событие не только китайской истории, но и всемирной. Лучшему пониманию широкого круга проблем, касающихся Синьхайской революции (ее основных этапов, расстановки противоборствующих сил, характера и конечных результатов) немало способствовали не только публикации новых архивных документов и основанных на них научных исследований, но и газетные статьи, в том числе подготовленные по горячим следам событий современниками – опытными журналистами и востоковедами. Подобранных газетных публикаций, нередко приуроченных к той или иной памятной дате в истории этой революции, появилось немало в Китае до и после образования КНР. Примером такой публикации может служить, в частности, обширная подборка материалов в газете «Учжоу миньго жибао» за 8 и 15 октября 1926 г., подготовленная к 15-й годовщине Учанского восстания.

Как и в случае с восстанием ихэтуаней в Китае, Синьхайская революция оказалась весьма неожиданным событием для российской дипломатии. В течение длительного времени с момента ее начала руководители внешнеполитического ведомства России из-за отсутствия исчерпывающих сведений не решались что-либо публично заявлять, а тем более давать объяснения или комментарии по поводу событий, происходивших в центральной части Китая, в районе среднего течения Янцзы. Единственно возможное и правильное решение в отношении военной ситуации, сложившейся в этом районе, российское правительство нашло в политике строгого нейтралитета, о чем было сообщено Российской дипломатической миссии в Пекине, которая в свою очередь снабдила свои консульства распоряжением не вмешиваться во внутренние дела Цинской империи.

Из-за длительного молчания правительственных органов и цензуры в центральной и местной печати России поначалу появлялись лишь краткие сообщения С.-Петербургского телеграфного агентства (порой на основе сообщений агентств Рейтер) об основных событиях в политической жизни соседнего Китая, которые своей краткой и подчас противоречивой информацией никак не могли удовлетворить запросы широких слоев читающей публики. Чтобы как-то заполнить информационный вакуум, образовавшийся в российской печати, редакции некоторых периодических изданий по собственной инициативе пошли на расширение контактов своих корреспондентов как в стране, так и за ее пределами с лицами, интересующимися либо специально занимающимися Китаем, в том числе связанных службой на Дальнем Востоке. С привлечением к журналистской работе опытных и молодых китаеведов в различных российских изданиях с течением времени стали появляться обстоятельные аналитические статьи и обзоры, содержащие не только правдивую информацию, но и некоторые выводы авторов о ходе политической борьбы между сторонниками старого монархического режима и борцами за установление в Китае республиканской формы правления.

Определенный интерес для исследователей Синьхайской революции могут представлять и материалы тогдашней зарубежной прессы, в том числе российской. Они содержат не только сообщения различных телеграфных агентств, но и аналитические обзоры, подготовленные компетентными лицами – известными журналистами.

Среди россиян-журналистов, проявлявших особый интерес к странам Востока, можно выделить С. Н. Сыромятникова и Д. Г. Янчевецкого, а среди востоковедов, обладавших большим жизненным и публицистическим опытом, – П. С. Попова и Д. М. Позднеева. До недавнего времени к их материалам подобного рода отечественные исследователи обращались крайне редко и то без должного анализа и оценки их существа и «партийной» принадлежности.

Для краткой справки о начале Синьхайской революции обратимся к секретной телеграмме российского посланника в Пекине И. Я. Коростовца из Пекина от 29 сентября/12 октября 1911 г. (№ 609), в которой было сказано:

«Генеральный консул в Ханькоу [А. Н. Тимченко-Островерхов] телеграфирует:

“В числе бумаг, захваченных в революционной квартире на нашей концессии, найдена прокламация, излагающая программу партии, стремящейся к низвержению [маньчжурской] династии, обещавшей неприкосновенность иностранцам. Кроме того, заготовленные депеши [иностранному] консулам от нового демократического правительства с извещением о намерении оногo поддерживать дружественные отношения со всеми державами, признавать существующие [с ними] договоры, уплачивать [за полученные] займы, охранять иностранцев и их [иностранные] концессии. Вновь заключенные договоры признаны не будут; державы, поддерживающие Дайцинскую династию, признаются за врагов; оружие, поставляемое маньчжурам, конфискуется. Об этом депешей просит довести до сведения иностранных правительств.

Сегодня из Учана получены сведения от миссионеров, что указанные депеши будут посланы консулам. Прошу указаний”.

Телеграфирую Островерхову: “*В случае каких-либо официальных обращений революционеров воздержитесь от ответа*”¹ (Здесь и далее курсив мой. – А. Х.).

Выступление 10 октября 1911 г. гарнизона «новых войск» в Учане, главном городе пров. Хубэй, против цинского режима положило начало Синьхайской революции, вызвавшей многочисленные отклики в российской столичной и местной печати. Сообщая о возможном захвате Учана повстанцами, руководимыми революционерами, «Харбинский вестник» 30 сентября (по ст. стилю) сообщал:

«*Революционеры поставили своею целью изгнание маньчжур. Для темных невежественных масс, которые все несовершенство внутреннего строя, все бедствия народной жизни воспроизводят от маньчжурского режима, такая цель ясна, понятна, вызывает полное сочувствие... До сих пор революционеры своей ареной избирали южную окраину империи, которая жила своей самостоятельной жизнью и даже была в известном антагонизме с северными провинциями Китая. Теперь же революция поразила центральный нерв Китая, откуда пожар революции легко может распространиться на все провинции Китая. В этом и состоит все грозное значение событий в Учане*»².

Среди первых выступлений столичной прессы по поводу событий в Китае следует указать на заявление редакции газеты «Утро России» (№ 227) от 4 октября 1911 г.: «*Китайская революция – это извержение долго спавшего вулкана... Насильственно сдвливаемое проявление народного недовольства не находило себе естественного выхода. Близорукая самонадеянность [цинского двора] надменно загоняла его в подполье чисто политическими, еще более разжигающими страсти мерами, пока веками сдерживаемая, угнетаемая энергия, раскидав все препятствия на своем пути, грандиозным огненным столбом не прорвалась наружу*».

Через несколько дней после начала Учанского восстания, быстро распространившегося на соседние районы³, с оценкой антицинского революционного движения в Китае 22 ноября /5 декабря 1911 г. выступила газета «Речь», являющаяся органом партии кадетов. *«Движение это, – писала она, – антидинастическое и антиманьчжурское – тенденции отнюдь не новые для китайских инсurreкций, но ново то, что движение это захватило регулярные, по-европейски обученные войска – и не только захватило, но и непосредственно родилось в недрах армии».* При этом подчеркивалось, что революционным движением «руководят китайцы, давно занимавшиеся революционной пропагандой, разбросавшие, как сказано в одной из прокламаций, “красные семена святого гнева во всей империи”. Европейски образованные и большие патриоты своей родины – они ставят себе задачей совершить переворот, который один только и может возродить Китай, освободить от европейского засилья, обеспечить ему достойное существование»⁴.

Неординарным подходом к оценке китайских событий отличилась газета «Утро России», обычно выражавшая интересы делового мира Москвы (ее порой называли газетой Рябушинского.) Сравнивая китайскую революцию с извержением долго спавшего вулкана, газета указывала на одну из причин ее возникновения и прогнозировала ее итоги: *«Правящие круги китайской империи совершили историческую ошибку многих своих предшественников не в одной только Азии: они отстранялись от народа вглубь своей кастовой высокомерной замкнутости, они отходили от народа и его насущных интересов, и народ, наконец, отошел от них... Правительство, не имеющее корней в толще народной, правительство, чуждое народу, обречено на вечную смерть. И правительство императорского Китая в этом смысле обрекло себя на гибель... Для торгово-промышленного мира народный, стремящийся к прогрессу и к всесторонним благам культуры Китай предпочтительнее стомиллионных народных масс, коснеющих во тьме средневековья под гнетом патриархального деспотизма»⁵.*

«Этот новый Китай, – заявляла газета 9 октября 1911 года, – мы не можем не приветствовать, как не можем отказать в братском приветии любому явлению, представляющему собою вполне определенный шаг вперед на общем всему человечеству тернистом пути к высшим пределам прогресса на земле».

Сочувственное отношение к революционным событиям в Китае проглядывается и в статье «Ошибки революционеров», опубликованной в этом же номере газеты за подписью «Эн Эм». «Вместо наступления, всегда угнетающего противника, – писал автор статьи о нерешительных действиях южан, – конституционалисты ограничились пассивною, выжидательною обороною... В настоящий момент, когда близится решительное столкновение правительственных войск с армией мятежников, руководители движения не могут не сознавать, что по их же инертности обстановка значительно изменилась в пользу правительства, успевшего оправиться от потрясающей неожиданности и взрыва народного восстания»⁶.

Одну из причин возникновения революционного взрыва в Китае газета усматривала в неустроенном положении китайской интеллигенции, получившей образование за границей (в Японии, США и других странах), но не нашедшей у себя на родине возможностей для реализации полученных знаний. Вот что писал, например, автор статьи «Роковая трагедия старого Китая», выступивший под псевдонимом «Ориенталист», за которым, возможно, скрывался Д. М. Позднеев либо кто-то другой: *«Трагедия Китая заключается в том, что молодые интеллигентные силы не нашли себе приложения в жизни. Прави-*

тельство воспользовалось лишь прикладными знаниями, полученными молодежью за границей, да и то не всегда удачно. Выше других знаний оно оценило знание иностранных языков и военного дела, открыв доступ обладающим ими – первым в ряды дипломатии, вторым – в армию... У кормила правления по-прежнему остались люди старого закала, чуждые европейской науке... Жаждающей приложить свои силы к делу обновления родины молодежи ничего не осталось, как стать в оппозицию к правительству. А так как ненависть народа к поработителям-маньчжурам является самой благодатной почвой для противоправительственной пропаганды, то молодежи нетрудно было убедить народные массы, что источником всякого зла является чужеродная династия, и под этим лозунгом поднять восстание»⁷.

Более осторожно к оценке китайских событий подошли известные столичные газеты умеренно-либерального толка. Так, газета «Новое время» 4 октября 1911 г., касаясь выступления учанского гарнизона, писала: «Новое восстание отличается тем, что оно не имеет никакого антиевропейского оттенка, наоборот, малейшие попытки грабежа или насилия против европейцев наказываются революционными коноводами – смертью. Вторая отличительная черта восстания заключается в том, что оно является не только антидинастическим, но и антиплеменным, т.к. революционеры систематически вырезают всех маньчжуров»⁸.

С осуждением кампании поголовного истребления маньчжуров, характерной для начального этапа Синьхайской революции, 22 ноября 1911 г. выступила и газета «Россия», указав на необходимость диалога и компромисса между враждующими сторонами: «Китайские идеологи, питающие чувство глубокой ненависти по отношению к маньчжурам, не в состоянии понять необходимость заключения компромисса с представителями этой национальности, который дал бы им возможность приступить к мирной, творческой деятельности, направленной к улучшению и преобразованию китайского государственного организма»⁹.

Интересную попытку анализа происходящих событий в Китае предложила популярная столичная газета «Новое время» в новогоднем обзоре важнейших политических событий в мире за 1911 год, где о китайской революции было сказано следующее:

«Несомненно, что Китай в настоящее время переживает очень острый период перехода к европейским формам общественной жизни. Переход этот не может не сопровождаться эксцессами со стороны наиболее увлекающихся младо-китайцев [сторонников Сунь Ятсена]. *А так как на стороне младо-китайцев оказалась часть организованных по европейскому образцу войск, то в результате и получилось, что китайская революция совершенно неожиданно приняла серьезные размеры...* Сам Юань Шикай ведет себя двусмысленно и, по-видимому, старается угадать, кому и за сколько он может себя выгоднее продать»¹⁰.

После того, как цинский двор отрекся от китайского престола и было провозглашено образование Китайской Республики, газета «Новое время» (№ 1283 от 2/15 февраля 1912 г.) выступила с таким прогнозом дальнейшего развития политических событий в Китае:

«Мы очень затруднились перечислить все те опасности, которые грозят новому строю. Насколько нам известно из телеграмм, недостаток в деньгах проявляет себя с одинаковою силою и в бывшем имперском правительстве [Юань Шикай]. *А реформировать страну, не располагая здоровыми финансами, вряд ли будет под силу даже китайским революционерам.* Неизбежное соперничество победивших [в ходе революции] (формально говоря) революционных

вождей и единственного [наиболее] авторитетного в Китае человека – Юань Шикай также представляется нам серьезным политическим фактором: если Юань Шикай после двухмесячной торговли решил изменить императору [малолетнему Пу И], то он, конечно, сделал это сознательно и не для того, чтобы при первом же столкновении с Сунь Ятсеном выпустить власть из своих рук».

Интересную постановку вопроса о причинах Синьхайской революции предложил известный журналист М. О. Меньшиков, штатный сотрудник газеты «Новое время», в статье «Проблема власти», опубликованной 2/15 февраля 1912 г. Критикуя сложившееся на Западе и отчасти в России представление об огромном и многолюдном Китае как о стране, похожей на Тихий Океан, – «глубоком и неподвижном», государстве с «навсегда установившимся патриархальным бытом», автор ставит вопрос: «Что именно заставило наиболее верноподданный в свете народ возмутиться против монарха – против самого Сына неба», при этом давая на него следующий пространственный ответ:

«За последние 50 лет Китай пережил целый ряд внешних поражений... Именно за эти годы, вслед за постыдными колониальными войнами шло непрерывное нашествие на Китай иностранных воротил промышленности и торговли. По берегам [Тихого] океана, к которому прилегает Китай, возникли иностранные города [открытые для иностранной торговли порты], почти независимые от китайской власти. По линиям великих рек, прорезывающих Китай, появились огромные европейские и американские пароходства, размножились торговые фактории, колонии, концессии, селтльменты, фабрики и иноземные плантации. Европейский и американский капитал явился не столько творческой силой, сколько разрушительной силой, выкачивающей из Китая на манер чудовищного насоса прямо сказочные барыши... Весь внутренний Китай оказался экспропрированным жадными европейскими и американскими предпринимателями, число которых увеличилось еще и японскими. [Иностранный] капитал принес с собою чуждую Китаю организацию народного труда. Долгие тысячелетия Китай жил интенсивным земледелием, причем крайне мелкие клочки земли обрабатывались огородным способом, вручную. Такого же ручного типа была и национальная китайская мануфактура. “Заморские черти” (янгуйцзы) вместе с капиталом внесли машинный труд, лишаящий миллионы простонародья куска хлеба...

Чисто второстепенною причиною [революции] явилось довольно наглое вторжение католических и протестантских миссионеров, которые, проповедуя Евангелие, глумились над древними религиями Китая.

Видя в течение долгих десятилетий несостоятельность центральной власти в основных ее функциях, китайские патриоты пытались, конечно, объяснить это тем, что царствующая теперь династия – не китайской крови. Они стремятся, подобно [нынешней] Франции, отменить монархию как метод правления, в теперешних условиях для Китая непригодный».

Интересны суждения о тогдашней ситуации в Китае известного журналиста и писателя С. Н. Сыромятникова, появившиеся в газете «Россия». Так, в статье «Судороги дракона» (опубликованной 22 октября 1911 г.) он, основываясь на наблюдениях, сделанных во время поездки в Китай с Э. Э. Ухтомским в 1897 г., утверждал: «Маньчжуры, до последнего времени служившие в [восьми] знаменных войсках («баци». – А. Х.) и занимавшие гарнизоны по городам Китая [«чжу-фан»], совершенно окитаились и даже позабыли родной язык. Но население Китая не забыло и не простило им их вековых привилегий. Именно теперь, когда они ослабели, они более внушают к себе ненависти, чем когда они были в силе». «Нынешний мятеж, – под-

черкивал С. Н. Сыромятников, – далеко не новость: он подготовлялся давно, в нем участвует объединенная [единым духом ее участников] революция. Недаром в одной из русских газет мы читаем, что Сунь Ят-сен был в Лондоне другом русского революционера Волховского». Касаясь далее программных установок Сунь Ят-сена, известный журналист, ссылаясь на выступление китайского лидера в Токио, писал: «В январе 1907 г. перед тысячным собранием в Токио Сунь Исянь развивал свою политическую программу, которая исходила из трех основных положений: расовой борьбы, т. е. борьбы против маньчжуров, как будто китайцы представляют одну расу, а не состоят из множества окитаемых ими народностей; самоуправления народа, т. е. республики, и социального вопроса, которого, по его призванию, еще не существовало».

Касаясь суждений некоторых авторов о том, что социализм существовал и в древнем Китае, Сыромятников утверждал: «Как бы ни был демократичен [философ] Мэнцзы, до последнего времени читавшийся в китайской школе, социализм в Китае был только государственным и идеи Карла Маркса [пока] не находят там почвы»¹¹.

В другой статье «Запросы дня», опубликованной 6/19 ноября 1911 г., этот журналист указывал: «События в Китае теряют всякую определенность... Ограничится ли революция свержением маньчжурского ига китайцами решением маньчжурского вопроса, т.е. как мы в свое время свергли монгольское иго, или Китаю придется пережить, хотя бы временно, крах тысячелетней государственности».

Из других публикаций С. Н. Сыромятникова, появившихся в период начального этапа Синьхайской революции, следует упомянуть его рецензию на книгу известного китайского мыслителя Гу Хунмина, опубликованную на немецком языке. Эта рецензия появилась под названием «Китаец о китайском вопросе» в газете «Россия» (под авторским псевдонимом русского журналиста – Е. М.). Суть этой публикации отчасти видна из приводимых ниже пассажей: «Китайский ученый Гу Хунмин (в газете: Ку Хунмин. – А. Х.), имя которого было известным и в Европе вследствие открытого письма к нему Льва Толстого, написал на немецком языке книгу “Защита Китая от европейских идей”, задавшуюся целью объяснить китайскому народу психологию китайцев. В журнале “Zu Kunft” отпечатана любопытная глава из этой выходящей в скором времени книги (“Chinas Vertheidigung gegen Europaische Ideen”), освещающая восточно-азиатский вопрос с китайской стороны».

«Европейские писатели, – замечает Гу Хунмин, – привыкли, однако, считать христианскую культуру высшей по сравнению с конфуцианской Дальнего Востока, но в общем цель у обеих [культур] – одинакова: нравственное усовершенствование человека и соблюдение государственного порядка»¹².

Антиманьчжурский характер публичных заявлений и действий китайских революционеров в наиболее ранний период Синьхайской революции наглядно иллюстрировал «Харбинский вестник» от 3 октября 1911 г. (со ссылкой на сообщение С.-Петербургского телеграфного агентства из Пекина): «*Прежняя ненависть к иностранцам перешла на маньчжур, погромы у которых происходят повсюду. Сегодня (1 октября) революционная полиция вела на допрос еле живого местного интеллигента, принятого за маньчжура. Через 10 минут его отпустили из полиции, ибо он оказался чистокровным китайцем. К иностранцам революционеры относятся благожелательно. Революционные солдаты [даже] отдают [им] честь*».

С критической оценкой внутренней политики цинского двора в период, предшествующий Синьхайской революции, 10 января 1912 г. выступила издаваемая во Владивостоке газета «Далекая окраина» со статьей «Революция

в Китае, где устами неизвестного автора заявила: «*Старый порядок оказался подгнившим больше, чем этого можно было ожидать. Упустив открывавшуюся в прошлом году возможность его посильного приспособления к назревшим потребностям общественной и государственной жизни (путем созыва Национального собрания. – А. Х.), правительство богдохана тем самым определило и свою собственную судьбу*». В этом же номере газета одновременно опубликовала статью «Младо-китайская организация», где подробно рассказала о деятельности революционера-демократа Сунь Ятсена.

Тезис о видной роли китайской молодежи в начальный период Синьхайской революции прозвучал, например, в газете «Забайкальская новь» (№ 1239) от 8 октября 1911 г., где, в частности, было сказано об основной массе участников революции следующее: «Китайские народные массы, обремененные тяжестью налогов и страдающие от повторяющихся из года в год недородов, мелкие чиновники, интеллигенция, учащаяся молодежь, играющая в революции одну из видных ролей, – все эти элементы в Китае представляют из себя, хотя и разнородную массу, но крепко спаянную одним общим для них делом свержения абсолютизма в империи».

Весьма сомнителен (либо нуждается в доказательстве) тезис о поголовном участии в революции интеллигенции, территориально расколотой на два враждующих лагеря – северян и южан. Он выдвинут в политическом обзоре «Крушение китайской империи», опубликованном в январском номере (от 7 января 1912 г.) журнала «Нива», где сказано: «На стороне революции все просвещенные элементы Китая, а просвещение, культура и ум сами по себе сильнее всякого оружия. На широком поприще политических комбинаций им принадлежит решающий голос... Настаивая на республиканском образе правления, революционеры предлагали Юань Шикаю принять пост первого президента Китайской Республики. Юань Шикай всё же стоял за монархию, ограниченную парламентом, во имя сохранения целостности Китая»¹³.

На фоне первых откликов российской печати на революционные события в Китае вполне понятен и закономерен ее интерес к главному центру Синьхайской революции – району Трехградья на Янцзы – городам Ханькоу, Ханьяну и Учану, где происходили решающие бои между правительственными войсками северян и южан. Любопытная публикация по этому поводу появилась в журнале «Нива» (с пятью иллюстрациями) от 29 октября 1911 г. под названием «На берегах мятежной реки»; ее текст приводится ниже с большими сокращениями:

«Нынешнее восстание, охватившее весь южный [по отношению к Пекину] Китай, является, собственно говоря, продолжением прежних [антицинских] восстаний коренного [населения] Китая против тяготеющего над ним донныне “татарского”, т. е. маньчжурского засилья... Общее впечатление от Ханькоу и от лежащего рядом с ним, по ту сторону реки Хань – Ханьяна, приблизительно такое же, как и от Шанхая: невообразимая теснота домов, узкие улочки и переулки, мрачные ворота, полуразрушенные и запущенные пагоды и храмы с их оригинальной скульптурой и фресками и царящая везде и всюду невероятная человеческая сутолока. Особенно оживлены набережные: здесь выгружаются десятки пароходов и работают тысячи людей... *Более культурный и спокойный характер имеет европейская часть города, где тянутся на несколько миль немецкие, английские, американские и другие фактории, консульства, торговые учреждения и склады товаров. Здесь уже всё на европейский лад: широкие улицы, красивые здания, хорошая мостовая, электрическое освещение.*

Гораздо тише и спокойнее выглядит старинный город Учан, расположенный на другом берегу Янцзыцзяна, напротив Ханькоу. Тесные жилища, узкие

улучки и мрачные ворота здесь прорезываются полями, и в городе нет такой толкотни и гвалта, как в Ханькоу. Но и здесь царит дух [коммерческой] наживы и [развивающейся] промышленности, поддерживаемый и вдохновляемый всё той же бурною и живою рекою, которая оплодотворяет почти весь южный Китай. Здесь-то разыгралась нынешняя революция. Отсюда она поползла по [всей] империи, словно пресловутый китайский дракон, и трудно сказать, чем она кончится: Китай – страна загадок».

Для общего настроения российской столичной прессы, отражавшей надежды широкой общественности Петербурга на лучшее будущее соседнего Китая в связи с начавшейся там революцией, был весьма характерен порой наивный оптимизм, объясняемый глубоким уважением к его высокой духовной культуре. Об этом позволяет судить обзор столичной печати, появившийся в читинской газете «Забайкальская новь» (№ 1245) от 19 октября 1911 г., где, в частности, было сказано: «“Русские ведомости” посвящают совершающимся в Китае событиям не лишённую самого живого интереса статью. Газета пишет: *“Легенда о “Недвижимом Китае” не так давно, но зато окончательно сдана в архив человеческих заблуждений. Более внимательное и точное изучение Китая показало, что эта страна, вмещающая на своей территории почти ¼ часть всего человечества, не умерла, не застыла, а также беспрестанно движется в поисках лучшего будущего...* Ознакомление с духовной жизнью Китая дало нам представление об очень высокой степени цивилизации, достигнутой китайским народом... Можно в общем сказать, что как культурный тип китайцы с их широко разработанным рационалистическим мировоззрением представляют высший культурный тип среди народов желтой расы».

С интересным обращением к своим читателям в связи с политическими событиями в соседнем Китае обратилась 4 ноября 1911 г. редакция владивостокской газеты «Далекая окраина» (№ 1333), которая заявила:

«Мы слишком связаны самыми кровными узами с Востоком, чтобы желать для него рабства и застоя... Для нас Восток – наш ближний сосед, с которым мы должны стремиться поддерживать добрые соседские отношения. Его пробуждение от вековой спячки, его экономический и политический прогресс – желательные для нас явления, т.к. гарантируют нас лучше всяких союзов от европейского “Drang nach Osten” [“Дранг нах Остен”]. С возрожденным Китаем, со свободно избранным правительством из его лучших сынов, нам [будет] легче сговориться по основным вопросам, чем с отжившей свой век маньчжурской тиранией и косностью [китайских] мандаринов. Соблюдая в распрях [внутри Китая] нейтралитет, скорее дружественный, чем враждебный новому порядку, мы приобретем доверие наших соседей, расширим наш с ними товарообмен и установим ту сферу взаимного доверия, которая является лучшей гарантией мирного прогресса... Чем сильнее, чем экономически и политически могущественнее станут азиатские страны, тем самобытнее и свободнее может развиваться и наша государственность... Вот почему мы полагаем, что нам надо считаться с надвигающимся пробуждением Востока и, сохраняя вполне корректные и лояльные отношения к совершающемуся ныне в Китае, нам надо готовиться ко всяким там неожиданностям и ни в коем случае не следует возбуждать к себе недовольство [со стороны] пробудившегося Китая».

По случаю провозглашения Китая республикой многие российские газеты строили прогнозы, пытаясь предсказать будущее этой страны и характер русско-китайских отношений в русле установления между народами двух стран деловых и культурных контактов, столь необходимых для поддержания добрососедских связей. Призыв к россиянам сменить настороженность в отношении «желтой опасности», которой активно запугивала западная желтая

пресса, на дружелюбие и уважительное отношение к китайскому народу прозвучал, например, в статье Алексея Анина «Китайская Республика. Перед заветной будущей», опубликованной 4 февраля 1912 г. в газете «Далекая окраина» (№ 142), где было сказано:

«Весь мир теперь с напряженным вниманием следит за китайскими событиями, так внезапно развернувшимися перед глазами удивленного человечества. Таинственна и загадочна судьба Китая, и непроницаемою завесой скрыто от нас его будущее. Великий колос пробудился от тысячелетнего сна и вступает на новый путь жизни. Уже давно на Западе великие государственные умы, своего рода политические пророки, тревожно указывают на возможность “желтой опасности”...»

Не выпал ли и на долю Китая жребий сменить собою в будущем одряхлевшую культуру Европы? ... *Наши интересы слишком тесно сплетены с интересами Китая и рано или поздно нам придется иметь с ними очень серьезные дела, и потому долг каждого русского на Дальнем Востоке – всеми силами стремиться к тому, чтобы заслужить любовь и уважение к себе своих восточных соседей*».

«Граждане нашего отечества, особенно те, которые живут на Дальнем Востоке, – подчеркивал автор статьи, – должны проникнуться чувством высокого нравственного долга и стремлением оказать величайшую и незабвенную услугу своей родине. Услуга эта должна заключаться в очень немногом, а именно в приобретении любви и уважения китайцев. На Дальнем Востоке многие любят причислять себя к различным партиям... Сколько бы эти люди проявили благодарности, если б, отрешившись от партийных интересов, задалась скромной, но высокой идеей возбуждения любви к России в других народах. Ведь тут каждому русскому человеку, какое бы он маленькое общественное положение ни занимал, представляется широкое поприще оказания неоценимой услуги своему отечеству».

По мере того, как революционное движение в Китае охватывало все новые районы страны, на страницах центральных и местных газет России различной политической ориентации все чаще стали выступать компетентные лица, в том числе известные китаисты Д. М. Позднеев, П. С. Попов и др. Их материалы порой давались анонимно, либо под псевдонимами.

Благодаря контактам китаеведов с представителями населения Китая в российской печати появились суждения самих китайцев о возможном исходе революции. Основываясь на беседе с китайским интеллигентом, Д. М. Позднеев в статье «Будущее Китая» (25 января 1912 г., по ст. ст.), утверждал: «Даже разумные из маньчжуров сознают, что Дайцинам (цинскому двору. – А. Х.) не удержать нынешнего Китая и то, что маньчжурская династия падет, не подлежит никакому сомнению». Говоря о склонности противников цинского режима установить республиканскую форму правления, русский востоковед ссылаясь на высказывания собеседника о том, что еще «в удельный период китайской истории» можно найти у древнекитайских мыслителей «начатки республиканских идей» и в частности у Мэнцзы, считавшего народ главным вершителем судеб страны¹⁴.

Примечательно, что для оценки деятельности Сунь Ятсена и его взглядов П. Н. Милюков (1859–1943) проанализировал его речь, произнесенную 16 января 1907 г. в Токио перед многотысячной аудиторией китайской молодежи. П. Н. Милюков усмотрел главную особенность этой речи в «ее социалистической стороне». «Сунь, – отметил он, – объясняет, что Китай в отличие от Европы легко может спастись от социальной революции в будущем, т.к. в нем можно еще предупредить самое возникновение социального вопроса». «Если

мы, – цитировал он Сунь Ятсена, – сумеем принять меры предосторожности, то борьба против капитализма будет в Китае легче, чем в Европе и в Америке». Излагая мнение китайского революционера о том, что другим странам не удалось сделать это из-за невозможности решить аграрный вопрос, автор подчеркивал, что «китайский народник решает его... при помощи [проекта] Генри Джорджа». «После социальной революции в Китае, – повторял автор мысль китайского революционера, – частные лица более не будут платить налогов. Останется только земельный налог, и его будет достаточно, чтобы сделать Китай богатой нацией мира»¹⁵.

Оценка П. Н. Милюковым взглядов Сунь Ятсена как народнических оказалась созвучной с тем, что писал позднее В. И. Ленин в статье «Демократия и народничество в Китае», опубликованной в 1912 г. Признавая, что в Азии «есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию» и что ее «главной социальной опорой» является крестьянин, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал утопичность надежд китайского революционера на возможность избежания Китаем капитализма. «В самом деле, – писал он, – к чему сводится “экономическая революция”, о которой Сунь Ят-сен говорит так пышно и темно в начале статьи? К передаче ренты государству, то есть к национализации земли посредством некоего единого налога в духе Генри Джорджа. Решительно ничего иного нет реального в “экономической революции”, предлагаемой и проповедуемой Сунь Ятсеном»¹⁶.

На фоне высказываний сотрудников разных газет и журналов о характере китайской революции интересными представляются некоторые другие положения статьи П. Н. Милюкова, тогдашнего лидера партии кадетов, которая была опубликована в газете «Речь» под названием «Реформа или революция в Китае» в октябре 1911 г. Статья начиналась с анализа факторов, формировавших китайскую политику, к которым П. Н. Милюков относил: двор, бюрократию, конституционализм и революцию. Характеризуя их, он писал:

«Двор защищает интересы династии. Если нужно для ее самосохранения – не только для этого, – двор может усвоить и идею реформы. Если же опасность для династии проходит или становится менее ощутимой, двор немедленно возвращается к защите китайской старины... *Бюрократия в своем большинстве является защитницей этой старины без колебаний и сомнений. Ее архаическая подготовка, та выгода, которую система подкупа и взятки извлекает из бессилия закона и из слабости центральной власти, – всё это делает китайскую бюрократию систематической защитницей существующего порядка – или, скорее, беспорядка...* Конституционализм в Китае есть, скорее, доктрина, чем партия. Сторонниками реформы являются наиболее просвещенные и дальновидные, наиболее честные и патриотичные из состава мандаринов. Но эти идейные единомышленники не опираются на организацию и конспирацию. И их идеи получают силу и влияние только благодаря своей внутренней правоте и только в минуты, когда центральным властям приходится туго... Наконец, *революция в Китае является организованной силой, она находит себе поддержку в ненависти китайского юга к северу, к маньчжурам и к династии-завоевательнице.* Она опирается на ряд существующих тайных обществ, она утилизирует привычку и способность южных китайцев к коллективной деятельности. *Глубоко проникая корнями в народную массу, китайская революция в дни своего торжества принуждена бывает считаться с эксцессами народной темноты и страсти, невольно оказывается союзницей китайского разбойничества и лишь путем чрезвычайных усилий отгораживает свое дело от стихийной ненависти народной массы к “иностранцам” ...»*¹⁷.

В дальнейшем газета «Речь» продолжала в благоприятном свете публиковать материалы о китайской революции, основываясь преимущественно на сведениях западных агентств и авторов. 29 октября (11 ноября) 1911 г. на ее страницах появилась пространная статья под названием «Китайская революция» (без указания фамилии или псевдонима ее автора). В ней, в частности, отмечалось: «Китайская революция делает поразительные успехи; ее завоевания подвигаются вперед гигантскими шагами... бесспорно, что и по внешним, так сказать, географическим размерам, и по глубине переворота это не только великая, но и величайшая революция – the greatest revolution. То, что с первого взгляда представлялось военным восстанием, на поверку оказывается сознательным и давно подготовлявшимся усилием китайского народа сбросить с себя маньчжурское иго».

В связи с попытками цинского двора добиться с помощью хитроумного царедворца Юань Шикая компромисса с революционерами, заявившими о необходимости введения республиканского строя, газета «Речь» констатировала, что старый режим пошел на значительные уступки, которые «сами по себе могли бы считаться революционным переворотом», т.к. «дело идет о переходе от бюрократического абсолютизма к строго проведенному парламентскому строю, по образцу Великобритании». «Но революция, – указывала она, – домогается федеративно-республиканского устройства, избрав для себя образцом Северо-Американские Соединенные Штаты или Канаду, как более подходящий для Китая с его 18 полунезависимыми провинциями... Влияние Соединенных Штатов объясняется еще и тем, что на почве великой американской республики выросла самая идея Китайской республики и там же подготовлялись ее адепты»¹⁸.

4 (17) декабря, оценивая уступки, на которые пошло цинское правительство во главе с Юань Шикаем, как запоздалые, «Речь» отметила, что его обещания «не внушают доверия», т. к. старый режим слишком дискредитировал себя¹⁹.

Среди множеств статей о начальном этапе Синьхайской революции выделяются по фактологическому материалу статьи известного деятеля фракции меньшевиков М. П. Павловича (Вельтмана), который серьезно интересовался революционной деятельностью Сунь Ятсена (предполагается их обзору посвятить отдельную публикацию – А.Х.).

Говоря об антиманьчжурском лозунге борьбы сторонников Сунь Ятсена в период Синьхайской революции, автор высказывал такое суждение:

«При поверхностном взгляде события, происходящие теперь в Срединной империи, кажутся прежде всего расовой борьбой между завоевателями-маньчжурами и китайцами... Нельзя оспаривать [того], что *главный теоретик революционного движения д-р Сунь Ят-сен* своими многочисленными речами в Японии, Соединенных Штатах, своими брошюрами и статьями *немало содействовал укоренению взгляда, резко противопоставляющего маньчжур и китайцев*, как две расы, которые не могут примириться друг с другом»²⁰.

Признавая важную роль в революции новой китайской армии, обученной и оснащенной по европейскому образцу, автор приводит (без ссылки на использованные источники) интересные сведения о ее национальном составе и ее политическом настрое накануне революции:

«Важно и примечательно сочувствие, с которым революция была встречена значительной частью армии, и не только солдатами, но и ее офицерством и генералами. Этот факт объясняется в некоторых органах европейской прессы недовольством китайского офицерства тем обстоятельством, что все высшие должности армии заняты маньчжурами. В действительности же револю-

ционное настроение армии имеет мотивы более высокого порядка. В рядах офицерства регулярной китайской армии лиц маньчжурского происхождения числится всего 3%. Даже в так наз. маньчжурской дивизии (1-й) все высшие офицеры – чистокровные китайцы, равно как ее главный командир. В имперской гвардии, которая когда-то была чисто маньчжурской [по своему национальному составу], большая часть офицеров – тоже китайцы».

В 1910 году, как сообщает автор, «правительство регента в связи с петиционной кампанией решило отсрочить на неопределенный срок выпускные экзамены во многих кадетских училищах и высших школах, чтобы не увеличивать армию многочисленным контингентом *революционно настроенных офицеров*»²¹.

Впервые в тогдашней русской китаеведной литературе вместо обычного географического описания главной территориальной базы китайских революционеров, каковой считалось Трехградье на Янцзы, включавшее гг. Ханькоу, Ханьян и Учан, М. П. Павлович придал этому треугольнику социально-экономическую окраску, что видно из приводимого ниже пассажа:

«В первые же дни революции в руках восставшего народа очутились три пункта: Ханькоу, Ханьян и Учан. Эти три [названия городов] символизируют весь смысл китайской революции, ее общенациональный характер. Ханькоу – это один из величайших коммерческих городов Китая с населением в 820 тыс. чел. и внешней торговлей в 500 млн. франков. Три английские мореходные компании, две японские, две немецкие, одна китайская и одна французская поддерживают сношения города с морским портом Шанхаем. Из Ханькоу ежегодно расходуется вглубь страны 110 млн. литров американского керосина, который со времени слияния двух компаний – американской и голландской, стал вытеснять русский керосин. Отсюда вывозится в огромном количестве чай, и неподалеку от Ханькоу находятся русские чайные мануфактуры. Одним словом, *этот город представляет собой великий торговый центр*... Второй пункт, очутившийся сейчас же после начала восстания в руках революционеров, – Ханьян служит главным центром железодельной и сталелитейной промышленности. Здесь находятся заводы акционерного общества Han jeh ping Iron and Coal Co с капиталом в 50 млн. долларов, на которых занято 22 тыс. пролетариев, в том числе 7 тыс. квалифицированных рабочих. Здесь же находится громадный казенный сталелитейный завод, где работает 4 тыс. чел., также имеются пушечные и чугуно-литейные заводы... Что касается Вучанга [Учана], то это ... важнейший университетский центр, город высших, средних и низших школ и в то же время важный военный пункт с гарнизоном в 10 тыс. солдат»²².

Для сравнения приводим краткую характеристику, данную Ханьепинскому промышленному предприятию накануне Синьхайской революции в доносении генконсула в Ханькоу А. Н. Тимченко-Островерхова от 16 октября 1910 г.: «Имею честь представить при сем сведения о китайском обществе Ханьепин, каковое эксплуатирует принадлежащие ему Ханьянский сталелитейный завод, Пинсянские угольные копи и Даеские железные рудники. Предприятие это поставлено вполне по-европейски и, находясь под ближайшим заведованием иностранных инженеров, является образцовым среди нарождающейся китайской промышленности и обещает занять первенствующее место среди промышленных предприятий этого рода на всем Дальнем Востоке... Принадлежащие [этому] обществу рудники и копи были осмотрены мною лично минувшим летом, а недавно я посетил с тою же целью и Ханьянский завод»²³.

Особенно интересна для истории первых шагов Китайской Республики статья М. П. Павловича «Провозглашение Китайской Республики и Европа»,

опубликованная в марте 1912 г. В ней вместе с информацией об избрании в Нанкине Сунь Ятсена временным президентом страны дается текст манифеста (за подписями Сунь Ятсена и У Тинфана, министра иностранных дел) с изложением программы первого в истории Китая республиканского правительства в области внутренней и внешней политики. Это видно из цитируемого ниже отрывка:

«Исчезла самая древняя монархия, существовавшая более 4 тыс. лет; возникла величайшая в мире республика, объединяющая под своим знаменем более четверти населения земного шара. Китайская Республика была ... провозглашена 18/29 декабря 1911 г. в Нанкине на собрании делегатов от революционных комитетов 14 восставших и отделившихся [от центра] провинций. Её временным президентом вплоть до окончательного утверждения Республики во всей империи был выбран идейный вождь китайской революции ... д-р Сунь Ятсен. 5 января новое республиканское правительство ... обратилось ко всем иностранным державам со следующим манифестом:

“Мы провозглашаем ныне падение деспотического господства маньчжурской династии и введение республиканского режима в Срединной империи. Свержение монархии и замена старого порядка новым отнюдь не является результатом скоро проходящего увлечения; наоборот, это – естественное последствие давно созревшего в народе жгучего стремления к прогрессу, благоденствию и свободе...

Мы даем публично и без всяких ограничений и оговорок [следующие] обещания: *Все договоры, подписанные [цинским двором] после начала революции, не будут признаны. Равным образом, будут признаны все займы и денежные обязательства, заключенные до революции. Теми же принципами мы будем руководствоваться в вопросе об [иностраных] концессиях...*

Маньчжуры будут находиться под защитой законов и пользоваться равными правами с китайцами. Мы пересмотрим всё законодательство страны, реформируем гражданский, уголовный и торгово-промышленный кодекс, равно как законы об эксплуатации [недр]. *Мы уничтожим все препятствия, мешающие развитию торговли,* будем охранять свободу совести и вероисповедания; *мы сделаем всё возможное, чтобы улучшить наши отношения с иностранными державами...*

Мы надеемся, что все государства помогут нам осуществить неотложные реформы, на необходимость которых иностранные правительства так давно и так тщетно указывали нашему народу и нашей стране...

Преследуя исключительно мирные цели, Республика выражает надежду, что она будет принята в международную семью [всех государств] не только для того, чтобы пользоваться признанными для других наций правилами, но и для того, чтобы работать на благо всеобщего прогресса и цивилизации»²⁴ *.

После того, как указанное выше обращение Сунь Ятсена и У Тинфана было направлено представителям европейских держав с просьбой о признании Китайской Республики, в различные страны Европы отправились из Китая 9 уполномоченных для ведения переговоров по этому вопросу. Между тем влиятельные органы европейской прессы стали убеждать свои правительства не обращать внимание на китайских уполномоченных, поскольку в Пекине еще функционирует монархическое правительство, получившее от иностранных дипломатов заверения поддерживать нейтралитет в условиях начавшейся вооруженной борьбы цинского двора с революционерами Центрального Китая. Как известно, появление в Пекине 30 января / 12 февраля 1912 г. императорских указов об отречении Цинской династии от китайского престола и учреждении Республики в Китае в период военных действий правительственных войск

в районе главной базы республиканцев на Янцзы – в Ханькоу, Ханьяне и Учане – не повлияло на нейтралитет иностранных держав, выступивших с инициативой проведения мирных переговоров между воюющими сторонами. Примечательно, однако, что уже через две недели после провозглашения Республики (как пишет автор), в европейской печати появился ряд статей, доказывающих неподготовленность китайцев к новой республиканской форме правления в Китае. Так, например, французская газета «Фигаро» по этому поводу заявляла: «Китайцы в состоянии облачиться в европейское платье, срезать себе косы, но они не созрели для республиканского режима».

При всей ценности собранных автором материалов некоторые его утверждения нуждаются в уточнении либо представляются спорными. Так, серьезные возражения вызывает характеристика автором старого общественного строя Цинской империи, являвшегося, по его словам, режимом исключительного господства крупных помещиков, *преимущественно маньчжурского происхождения*. Между тем к началу Синьхайской революции крупными земельными собственниками из маньчжур были единицы, так как представители маньчжурского служилого сословия, наделенные в середине XVII в. земельными угодьями в районе Пекина, с течением времени были вынуждены заложить либо продать свое земельное имущество. Аналогичным образом фактически потеряли свои поместья в этом районе и маньчжурские князья, ранее получавшие с крестьян оброк. Поскольку земли маньчжурской аристократии находились только в столичной провинции Чжили, а также в Маньчжурии, являвшейся доменом маньчжурской династии, трудно предположить, чтобы в Центральном Китае и, в частности, в районе Трехградья (Ханькоу, Ханьян и Учан) могли быть громадные латифундии аристократов маньчжурского происхождения, на что указывает (вопреки сообщениям китайских источников) автор цитируемой ниже статьи, где сказано: «Охваченный в первую голову восстанием район, давший сигнал к революции, является по преимуществу областью крупного землевладения, громадных латифундий, находящихся в руках могущественной поземельной аристократии, главным образом, маньчжурского происхождения»²⁶.

Полагая, что во многих областях Китая маньчжурские помещики «царили до последнего времени, как средневековые феодалы», автор статьи, не приводя каких-либо фактов, утверждает, что *в китайских деревнях «возмутившиеся крестьяне первым делом убивали маньчжур как представителей крупной земельной аристократии, как помещиков, захвативших в свои руки все земельное богатство»*. При этом он априори добавляет: «Проект экспроприации всей помещичьей земли и раздел ее между арендующими ее общинами был принят с энтузиазмом всем земледельческим классом и немало содействовал успеху революции в деревне»²⁷.

На фоне первых отзывов российской печати, в том числе центральных и местных газет, о Синьхайской революции не лишены интереса ее оценки, данные самими китайцами-современниками. Для примера можно обратиться к интервью, данному газете «Новое время» харбинским даогаем Ли Цзяо, который девять лет находился при китайской дипломатической миссии в Петербурге и восемь лет служил китайским коммерческим агентом во Владивостоке. Вот что он сообщил российскому журналисту в Харбине:

«Народные волнения, возникшие на юге Китая, это – не бунт, а противодинастическое движение, имеющее серьезное значение. Каждому просвещенному человеку в Китае известна историческая подкладка подобных восстаний и то обстоятельство, что они подготовляются веками, поэтому не буду останавливаться на этом пункте, а перейду прямо к современному положению дел на юге. В настоящее время у правительства идут переговоры с революционе-

рами о мире. От имени правительства отправлено более 30 депутатов во главе с Тан Шаои, бывшим министром путей сообщения, из партии Юань Шикая. Со стороны революционеров, во главе переговоров стоит У Тинфан, бывший дважды посланником в Америке. Уже из сопоставления этих двух имен, столь известных в политической истории последних лет Китая, можно заключить, что шансы на благополучное окончание переговоров очень велики, так как тот и другой деятель одинаково любят свою родину, оба обладают большим политическим тактом и огромным кругозором и оба понимают, что современное положение Китая может привести к нежелательному для каждого [китайского] патриота вмешательству иностранных держав во внутренние дела Китая. Место переговоров [нашим] правительством было выбрано в Ханькоу, но революционеры настояли на переносе их в Шанхай. В принципе наше [имперское] правительство стоит за монархическую конституцию, а революционеры стремятся образовать Республику, но со стороны последних уже намечаются уступки. Во всяком случае можно сказать, что первый горячий пыл для обеих сторон уже пропал, а раз отпала нетерпимость, то является уверенность в том, что обе стороны трезво отнесутся к настоящему положению вещей и учтут все данные, подсказываемые чувством истинного патриотизма»²⁸.

С получением известий из Китая о том, что в провинциях, провозгласивших свою независимость, «запрет относительно курения опия и посева опийного растения теперь открыто нарушается» и что «революционное правительство вынуждено смотреть на это сквозь пальцы» из-за дефицита в казне, эйфория в российской печати по поводу благоприятного впечатления, оставленного первыми «медовыми месяцами» китайской революции, стала постепенно уступать место более трезвому взгляду на китайские события. Сообщая о том, что Юань Шикай предложил «построить будущий режим Китая на своеобразном дуализме – республики и монархии», при котором «действительная власть будет принадлежать республиканским учреждениям – народным представителям и избираемому на 4-летний срок президенту», а цинская династия «останется в качестве исторического орнамента» с правом императора править «только в пределах своего собственного дворца», газета отмечала:

«Пока все симпатии иностранцев на стороне революции, но уже теперь обнаруживается некоторое охлаждение: иностранцы, сочувствующие возрождению Китая, находят, что условия примирения, предложенные Юань Шикаем, вполне удовлетворительны и приемлемы, и упорство вождей революции кажется им сектантским и неразумным»²⁹.

По мере того, как революционное движение в Китае охватывало все новые районы страны, на страницах центральных и местных газет России, придерживавшихся различной политической ориентации, все чаще стали выступать компетентные лица, в том числе известные китаисты Д. М. Позднеев, П. С. Попов и др. Подготовленные ими материалы порой давались анонимно либо под псевдонимами, что порой не позволяет говорить об их авторской принадлежности. Примером может служить статья «Географическое распространение революции в Китае» в «Маньчжурской газете», выходившей в Харбине. Автором ее указан некий Хинец (от слова «Хина» – Китай)³⁰.

Благодаря контактам синологов с китайским населением в российской печати появились суждения самих китайцев о возможном исходе революции. Д. М. Позднеев, основываясь на беседе с одним китайским интеллигентом, в статье «Будущее Китая», опубликованной 25 января 1912 г. (по ст. ст.), утверждал: «Даже разумные из маньчжуров сознают, что Дайцинам (цинскому двору. – А. Х.) не удержать нынешнего Китая и то, что маньчжурская династия падет, не подлежит никакому сомнению». Говоря о склонности противников

цинского режима установить республиканскую форму правления, русский востоковед ссылаясь на высказывания своего собеседника о том, что еще «в удельный период китайской истории» можно найти у древнекитайских мыслителей «начатки республиканских идей» и в частности у Мэнцзы, считавшего народ главным вершителем судеб страны»³¹.

Важный вклад в понимание роли новой китайской армии в период Синьхайской революции внес российский консул в Урумчи Н. Н. Кротков, вернувшийся в это время в С.-Петербург из Синьцзяна, где он 6 лет служил в Илийском крае, откуда был переведен в Урумчи. В интервью газете «Новое время» он сообщил: «Волнение и общее брожение, охватившие весь Китай, не могли не отозваться и на далеком западе Поднебесной империи, хотя, конечно, по многим причинам не с такой силой, с какой они выразились внутри страны. Главным элементом революции явились везде новые китайские войска. Следует отметить, что войска эти набираются исключительно из китайцев и что многие и даже большинство командующих ими офицеров получили образование в Японии или окончили новую военную Тяньцзиньскую школу и, следовательно, проникнуты новыми идеями. Как известно, в Кульдже революционеры одержали верх... В Урумчи тоже возникло революционное движение, однако такого успеха, как в Кульдже, оно не имело... Республиканцы на первых порах, как это всегда бывает во время переворотов, для привлечения населения на свою сторону надавали ему много обещаний, выполнить которые они не в состоянии»³².

Прислушиваясь к мнению знатоков Китая, в том числе китаистов, некоторые столичные газеты России, особенно связанные с правительственными кругами, проявляли умеренную осторожность в оценке китайских событий, особенно в прогнозах относительно будущего политического устройства страны. «С отречением от престола маньчжурской династии и установлением республиканской формы правления, – писала 1 (14) февраля 1912 г. газета «Россия», с которой сотрудничал П. С. Попов, – не может считаться законченным тяжелый и мучительный кризис, который переживает уже в течение нескольких месяцев китайское государство. Будущее покажет, сумеет ли китайская республиканская партия проявить такую же энергию в деле созидания нового строя, которую она проявила в деле разрушения старого»³³. Через несколько дней после отречения маньчжурской династии от престола (12 февраля 1912 г. по новому стилю) эта же газета, не разделяя чрезмерного восторга некоторых органов западной печати, в статье «После переворота» заявляла: «Мы должны сознаться в том, что не слишком верим в наступление в скором времени спокойствия в бывшей Срединной империи, представляющей собой “взбаламученное море”, в котором рискует погибнуть горсть смелых преобразователей, насильственно порвавших историческую связь между прежним и современным Китаем»³⁴.

Пока правительство России занимало нейтральную позицию по отношению к событиям в Китае, где после отречения династии Цин от престола установился республиканский режим и пост президента в результате компромисса воюющих сторон – южан и северян – занял Юань Шикай, царская цензура сквозь пальцы смотрела на смелые высказывания демократической печати, в том числе радикальных социал-демократов. Однако после того, как российское правительство согласилось участвовать в банковском консорциуме западных держав, решивших предложить Юань Шикаю солидный заем для наведения «порядка» в стране, царские цензоры стали принимать активные действия по недопущению критики внешнеполитических акций правящих кругов России и в частности в вопросе о займе, который, как считал В. И. Ленин, был за-

ключен против китайской демократии»³⁵. Примером репрессивных мер царской цензуры может служить запрет статьи П. А. Покровского «Положение Китайской Республики» (за подписью П. Поский), которая готовилась к публикации газетой «Речь». В ней, в частности, содержалась оценка действий банковского консорциума западных держав (при участии Японии и России) о предоставлении займа 25 млн. ф. ст. Юань Шикаю, все менее считавшемуся с республиканскими установлениями³⁶. «Все, что делается сейчас в недрах Небесной империи, – писал автор статьи, – имеет логическую завязку в событиях памятной ночи 28 апреля (нов. стиля) с.г., когда было подписано соглашение правительства Юань Шикая с группой банков пяти европейских держав (в том числе и России) о займе в 625 млн. таелей. Парламент, как известно, не одобрил проект этого займа, почему подписание его явилось *coup d'état*. И деньги от этого *coup d'état*, часть которых была вручена немедленно Юань Шикаю, пошли на борьбу с недовольными «мятежниками», вздумавшими защищать принципы конституционного правления в Китайской Республике». Говоря о том, что «деньги эти сделали свое дело», автор вместе с тем указывал, что «в Китае вовсе не спокойно»: «Глухое возмущение и анархия, – констатировал он, – растут в несчастной стране, которой манипулируют, через посредство диктатора [Юань Шикая], разные парижские и лондонские крезы. Чем кончатся их манипуляции, к чему они приведут, пока еще рано сказать. Но ждать особенно добрых вестей отнюдь не приходится. И уж во всяком случае республика в Китае, хотя и избран ее постоянный президент, существует лишь по имени»³⁷. Примечательно, что этот вывод о республиканском строе, как фикции, не раз звучал в высказываниях прогрессивных китайских лидеров, разочаровавшихся в результатах Синьхайской революции.

Если говорить о конечных результатах Синьхайской революции, то прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что с учреждением республиканского строя в Китае существовавшая до Синьхайской революции традиционная система государственного управления практически мало подверглась коренной ломке. Об этом позволяет судить высказывание российского инженера В. Бутузова, автора статьи о состоянии китайской военной промышленности до революции, опубликованной в девятом номере журнала «Нива», вышедшим в свет 2 марта 1912 г. Вкратце рассказав о том, как создавались главные центры указанной отрасли, автор в заключительной части своего повествования отметил: «Новая республика Китая во многом приняла к исполнению предначертания монархического правительства, и в правительской машине Китая при переходе к новому государственному строю происходило мало ломки. Целые учреждения с полным штатом своих служащих оставались всё время на местах, заменив лишь желтого дракона пятицветным флагом республики».

Указывая на быстротечный и даже почти безболезненный (ценою малой крови) характер Синьхайской революции, автор политического обзора «Реакция в Китае и Англии», появившегося в журнале «Нива» в марте 1912 г., утверждал:

«Никто в Европе не думал, чтобы *тысячелетняя желтая империя так быстро и легко, почти безболезненно, превратилась в величайшую в мире республику*. И однако же сказочное превращение совершилось в несколько недель путем простого соглашения между Юань Шикаем и Сунь Ятсеном, между двумя правительствами и между стоящими за их спинами армиями. Китайские республиканцы торжествовали свою бескровную победу. Европа их приветствовала. Юань Шикай хлопотал о признании его власти иностранными правительствами, чтобы увенчать здание нового государственного строя, как вдруг в столице разразился военный бунт (из-за неуплаты жалованья. – А. Х.)...

Очевидно, революция успела поколебать старые вековые авторитеты, но еще не успела создать новых. В то время, как генералы обеих армий устанавливали путем переговоров торжество республики, солдаты обеих армий, утратив веру в монархию и не усвоив веры в новорожденную республику, духовно и политически погрузились в состояние полной анархии... Вместо нового государственного порядка получилось царство анархии»³⁸.

Интересное суждение о негативном влиянии военного фактора на результаты Синьхайской революции высказал анонимный автор в журнале «Нива» (№ 24) от 16 июня 1912 г., где по этому поводу сказано:

«Вместо политического возрождения Китая генерал Юань Шикай и генерал Ли Юаньхун приводят его к анархическому разложению вовсе не потому, что они хотели бы анархии, а потому что олицетворяемая в них власть по самому своему происхождению и способам достижения её глубоко анархична. Именно анархическая природа военной диктатуры делает её бессильной в борьбе с растущей анархией и в попытках организации нового государственного порядка. На остриях штыков, в какую бы сторону они не обращались, *никак нельзя воздвигнуть памятник свободы и обосновать независимый расцвет национальной культуры, ибо по своему естественному назначению армия может быть только охранительницею государства от внешних опасностей, но никак не двигателем внутреннего прогресса...* Необходимость внешнего займа, обусловленного иностранным контролем над китайскими финансами, усилила разлад между севером и югом. Палата представителей, собранная по существу без выборов и не имеющая никакого авторитета в стране разделилась на три равные и взаимно непримиримые части, а отказ генерала Ли Юаньхуна от звания вице-президента знаменует полный разрыв южных революционеров с Юань Шикаем».

Довольно критическая оценка итогов Синьхайской революции дана в журнале «Нива» (№ 24) от 16 июня 1912 г., что видно из приводимого ниже пространного пассажа: «Обновление дряхлого Китая, пошедшее ускоренным революционным темпом, не привело к тем результатам, на которые рассчитывали инициаторы китайской революции. Мечты о грядущем возрождении пока остаются несбывшимися мечтами, и, вместо того, чтобы воспрянуть от тысячелетнего сна и воскреснуть к силе и славе, свободный китайский народ с первых же шагов застрял в анархии и никак не может вылезть из засасывающей его трясины. Преобразование древнего политического строя по европейскому образцу приблизило его не к крепким в устоях государственности европейским державам вроде Англии, а к заживо разлагающимся политическим организмам Востока вроде Персии, для которой самая попытка конституционных преобразований послужила бы как бы началом конца. Глядя на поучительный опыт Персии, Турции и Китая, самые пламенные революционеры должны сознаться, что революции не всегда совершаются на благо народов».

На безвыходное положение республиканского Китая указывала газета «Восток» (№ 81) от 14 июня 1912 г., заявляя, что Китайская Республика в данный момент представляет собой картину беспримерной анархии, так как Китай оказался в заколдованном круге: *ни одна из борющихся [за власть] партий не получила перевеса, почему и признание иностранными державами происшедшей в нем перемены не может быть достигнуто*, а это в свою очередь прямо отражается на [их] кредите... Никакого правительства, – подчеркивала газета, – на самом деле не существует: “великий человек” – Юань Шикай, на которого возлагалось так много надежд, в действительности оказался рядовым мандарином, а премьер Тан Шаои даже не подал в отставку, а букваль-

но бежал из номинальной столицы, и его примеру готовы последовать другие министры».

Интересными наблюдениями о внешнем облике Китайской Республики, политически явно разделенной [революцией] на две противоборствующие друг другу части, поделился один из деятелей китайской революции (Сюй Панлин – ?) в беседе с корреспондентом «Русского слова» в Брюсселе, которому он заявил:

«Вы думаете, что Китай это теперь республика. По внешности это, может быть, верно по отношению к южному Китаю, насквозь пропитанному ненавистью к маньчжурам. Но на севере всё осталось по-прежнему. В этот период я пересек северные провинции и лично убедился, что там народ совершенно не понимает значения республики. Он считает басней рассказ о низложении [цинского] императора и принимает Юань Шикая за простого министра или вице-короля [наместника] богдохана. «Единая реформа», пока проведенная Юань Шикаем, это – дозволение чиновникам срезать косы и одеть европейское платье да новый этикет церемоний... Север был и остался глубоко консервативной страной, этнографически и лингвистически теснее связанный с маньчжурами, чем с южанами»³⁹.

К интересным выводам по поводу итогов Синьхайской революции пришел автор статьи «В Китае», опубликованной газетой «Восток» (№ 115) от 2/15 августа 1912 г. за подписью из трех заглавных букв «Б.Т.Т.». В ней автор утверждал:

«События уже показали, что замена маньчжурского дракона пятицветным республиканским флагом недостаточна [для того], чтобы спасти Китай от внутреннего разложения. Революция и ее последствия не дали удовлетворения ни чиновничеству, ни купечеству, ни [простому] народу. Обострились лишь страсти, и взамен двух враждующих партий – империалистов [сторонников монархии] и республиканцев Китай разбился на группы недовольных, домогающихся власти и не желающих считаться с интересами других».

Предельно кратко и близко к истине охарактеризовал современное положение Китая после провозглашения новой формы его государственного управления «Иркутский вестник» в своем первом номере от 15 августа 1912 г.: «Китай объявлен республикой. Президентом ее теперь состоит известный Юань Шикай... Новое правительство оказалось без копейки денег. У иностранных банкиров оказалось возможным получить займы только на унижительных для чести Китая условиях... Обещанные свободы оказались писанными на воде, и новое республиканское правительство не уступает в произволе и деспотизму прежнему».

Оценивая результаты Синьхайской революции с точки зрения современного положения республиканского Китая, некоторые авторы газетных публикаций порой склонялись к выводу о том, что ничего серьезного в жизни страны не произошло. Так, например, газета «Свет» пришла к выводу о том, что Китайская Республика ничем не отличается от бывшей китайской империи и что этому надо радоваться и благодарить судьбу. Аналогичную мысль высказывал пекинский корреспондент газеты «Таймс», что видно из нижеследующего изложения его суждений по этому поводу в харбинской газете «Восток» (№ 160) от 5 октября 1912 г.:

«Пекинский корреспондент [Моррисон] ... сообщает, что все знатоки современного Китая приходят к выводу, что “молодой” Китай ничем не отличается от старого, что представительное правление в нем невозможно, что республика – лишь новое название для старого деспотизма, что на высших постах едва ли найдется шесть честных людей, что центробежное [политическое]

течение в провинциях усиливается, и что Юань Шикай [скоро] сосредоточит в своих руках власть при помощи военной диктатуры.

Новое правительство совсем не знает истории и не хочет пользоваться ее уроками. Оно бессильно воздействовать на провинции, что особенно заметно в его борьбе с культурой мака для добывания опиума. В целом ряде провинций (Юньнань, Сычуань и др.) маком засеваются огромные территории, а правительство только лишилось ввозных пошлин. Отменив старое правило, в силу которого никто не может служить в той провинции, где он родился, правительство страшно усилило провинциальный партикуляризм. Назначение только чисто местных чиновников облегчает стремление провинций к автономии и исключает установление строгой централизации... *Обращение властей с населением ужасно, массовые казни практикуются по-прежнему, экономическое положение страны плохо...*

Общественное мнение все надежды возлагает только на одного Юань Шикая... Если он облечет себя диктаторской властью, возьмет в свои руки верховное и неограниченное руководство [государственными] делами, то это будет первый шаг к тому, чтобы гарантировать Китаю период возрождения и мира. К этому склоняется общественное мнение страны»⁴⁰.

В широком разбросе мнений российских газет и журналов, выражавших точку зрения различных общественных сил и политических течений о характере китайской революции, политических маневрах цинского двора и Юань Шикая, программных установках и действиях китайских революционеров, объединившихся вокруг Сунь Ятсена и его сподвижников, нашли отражение события одного из сложнейших периодов истории Китая, связанного с его переходом от монархии к республике в ходе Синьхайской революции. Материалы прессы дают основание утверждать, что эта революция, особенно на начальной стадии, носила резко выраженный националистический характер, что подтверждается фактами массового истребления маньчжуров. 1 октября 1911 г. Петербургское телеграфное агентство сообщало из Пекина: «Прежняя ненависть к иностранцам перешла на маньчжур, погромы которых происходят повсюду»⁴¹. Сообщая о том, что «революционерам удалось привлечь на свою сторону часть армии, организованной по европейскому образцу, захватить несколько городов и укрепиться около Ханькоу», газета «Московские ведомости» в статье «Китайская революция», опубликованной 12/25 октября 1911 г., по поводу поведения повстанцев писала: «Главная ярость была направлена против маньчжур, которые всюду подвергались избиению, тогда как иностранцам была гарантирована безопасность. Это разумное решение вызывалось соображением, что в случае нападения на иностранцев последует немедленно вмешательство иностранных держав»⁴².

Антиманьчжурскую направленность Синьхайской революции признавала и «Речь», которая в статье «Революционное движение в Китае», опубликованной 22 ноября (5 декабря) 1911 г. без указания ее автора, подчеркивала: «Республиканское движение есть вместе с тем и даже преимущественно движение анти-маньчжурское»⁴³. С подобной характеристикой начального этапа китайской революции были солидарны многие современники, приводившие факты истребления маньчжуров китайцами в ходе антицинских выступлений в разных регионах страны. По данным российского консула А. Т. Бельченко, совершившего в 1917 г. ряд поездок по Китаю, только в Сиани, главном городе провинции Шэньси, в период Синьхайской революции, по свидетельству очевидцев, было истреблено 15–20 тыс. маньчжур⁴⁴. Этот факт опровергает утверждения некоторых российских газет и заявления тогдашних китайских лидеров о том, что Синьхайская революция была скоротечной и бескровной

(о чем говорил, например, Хуан Син в беседе с иностранными журналистами в 1912 г.). Так, согласно сообщению китайской газеты «Чжунго гунбао» от 3 сентября 1912 г., 2 сентября Хуан Син в период его пребывания в Пекине выступил на собрании Объединенного монголо-тибетского союза с речью, в которой заявил:

«До сих пор ни одна из революций не заканчивалась успешно без массы кровавых жертв со стороны граждан. Поэтому введение в настоящее время в Китае республиканского строя, которое не повлекло за собою тяжелых жертв со стороны народа, и установление в Китае прочного государственного порядка на республиканских началах являются выдающимися и славными актами, неслыханными до сих пор в истории всех народов»⁴⁵.

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. 1911. Д. 108. Л. 95.

² Харбин. Вестн. 1911. 30 сент. С. 1.

³ 27 октября 1911 г. представитель Пекинского отдела Правления Общества КВЖД Р. И. Барбье сообщал в Петербург А. Н. Венцелю: «Кризис в Китае с каждым днем всё усиливается, и трудно представить, чем кончится происходящее ныне в Срединной империи революционное движение. Города один за другим переходят на сторону революционеров, провинции объявляют себя независимыми и китайское (читай – цинское. – А. Х.) правительство потеряло над ними власть». См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 324. Л. 110].

⁴ Бюллетени литературы и жизни. 1911. № 4. С. 166.

⁵ Утро России. 1911. 4 окт.

⁶ Там же. 1911. 9 окт. С. 3.

⁷ Там же. 19 окт. С. 1.

⁸ Новое время. 1911. 4 (17) окт. С. 3.

⁹ Россия. 1911. 22 ноября. С. 1.

¹⁰ Новое время. 1912. № 12861. 1/14 янв.

¹¹ Подобное суждение, основанное на материалах японской печати, приводит газета «Россия» от 26 января / 8 февраля 1912 г. в статье «Положение в Китае», где сказано: «Идеал революционеров – установить республику. Демократические идеи – не новость для Китая. Они известны здесь с давних пор. Мыслители-демократы Китая могут служить предметом гордости народа, воспитанию которого они послужили столь долго».

¹² Россия. 1911. № 1818. 17 окт. / 1 ноября. С. 4.

¹³ Нива. 1912 г. № 1. 7 января. С. 19.

¹⁴ Новое время. 1912., 25 янв. (7 февр.). С. 4.

¹⁵ Речь. 1911. 15 (28) окт.

¹⁶ Ленин В. И. Соч. Т. 18 Изд. 4. С. 145, 147.

¹⁷ Речь. 1911. 15 (28) окт. С. 2.

После такого вступления П. Н. Милюков кратко изложил историю борьбы за реформы в Китае, связанной прежде всего с именами Кан Ювэя и Лян Цичао. Касаясь последнего, он подробно остановился на его деятельности в период эмиграции, когда в руках Лян Цичао «ученые трактаты Кан Ювэя впервые превращаются в звонкую монету политической агитации». «В убежище китайских эмигрантов, Токио, – пишет автор о Лян Цичао, – он издает пропагандистский листок... Проповедь Лян Цичао направлена преимущественно на политическую и правовую стороны реформ. Сарказмы и нападки на пекинских консерваторов перемешиваются здесь с рассуждениями о гражданской и политической свободе, в духе Монтескье и Руссо... Статьи его производят огромное впечатление среди китайского населения европейских селтльментов и во внутренних провинциях Китая. Около эмигрантов, в Токио, в Иокогаме, начинает собираться учащаяся китайская молодежь. Число ее быстро растет. В 1904 г. в японских школах уже учится 391 китаец. Но в 1905 г. эта цифра поднимается до 2.406, в 1906 г. до 8.620, а в 1907 г. уже насчитывают более 10 тыс. китайских студентов... Начинается и возвращение студентов в Китай, в большинстве случаев, после одного-двух лет учения. Первое употребление, которое молодежь делает из своей науки, – это перенесение газетной и брошюрной пропаганды на почву европей-

ских селтльментов Китая, особенно в Шанхай. Здесь обнаруживается уже совершенно иное отношение к старому реформизму... молодежь требует иного. Довольно рассуждать и критиковать. Надо действовать...» [Речь. 1911. 15 (28) окт. С. 2].

¹⁸ Речь. 1911. 29 окт. (11 ноября). С. 2.

¹⁹ Там же. 4 (17) дек. С. 2.

²⁰ Там же. С. 322.

²¹ Павлович М. Великая китайская революция // Современник. 1911. Кн. 11 (Ноябрь). С. 343.

²² Там же. С. 341–342.

²³ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 385. Л. 51.

²⁴ Павлович М. (Волонтер). Провозглашение Китайской Республики и Европа // Наша заря, 1912, № 3. С. 54–55.

²⁵ Интересна, на наш взгляд, оценка манифеста Республиканского правительства, данная в донесении Поверенного в делах в Пекине М. С. Щекина на имя С. Д. Сазонова от 29 декабря 1911 г., где по поводу характера этого документа было сказано:

«Пространное вступление, доказывающее право угнетенного китайского народа свергнуть маньчжурское иго революционным путем, построено более или менее по шаблону подобных прокламаций. Что касается заключительной, программной части манифеста, то наиболее существенные ее пункты являются лишь повторением заявлений генерала Ли Юаньхуна после первых успехов революции в Учане и Ханькоу. Остальное изложено в весьма общих выражениях и заслуживает внимания лишь обещание устранить стеснения к развитию торговли и промышленности. В приведенных словах усматривается намерение республиканцев открыть весь Китай для иностранной торговли, и это толкование подтвердил мне, со слов У Тинфана и других видных республиканских деятелей, только что вернувшийся к своему посту, путем через Шанхай и Ханькоу, французский посланник г. Маржери». См.: АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 135. Л. 319–320.

²⁶ Там же. С. 342.

²⁷ Там же. С. 325.

²⁸ Новое время. 1911. № 12848. 17/30 дек. С. 4–5.

²⁹ Речь. 1911. 4 (17) дек. С. 2.

³⁰ Маньчжурская газета. 1911. 4 (17) окт. С. 2.

Скорее всего статья принадлежит И. А. Добролювскому, автору публикаций о Юань Шикае.

³¹ Новое время. 1912. 25 янв. (7 февр.). С. 4.

³² Новое время. 1912. № 12895. 4/17 февр. С. 3 (автор – Е. Л.).

³³ Россия. 1912. 1 (14) февр. С. 2.

³⁴ Там же. 7 (20) февр. С. 1.

³⁵ Ленин В. И. Соч. Т. 19. Изд. 4 С. 78.

³⁶ Вестн. Азии (Харбин). 1913. № 16–17. С. 101–102.

³⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2062. Л. 1–2.

Другим примером оказания нажима на демократическую прессу России может служить наложение властями Петербурга в ноябре 1913 г. на редактора «Новой рабочей газеты» штрафа в размере 500 руб. за публикацию статьи, озаглавленной: «Юань Шикай – всероссийский». Они усмотрели в этом эпитете не только оскорбление российских властей, действовавших порой столь же ловко и изворотливо, как Юань Шикай, но и унижительную для достоинства президента соседней страны (Юань Шикая) насмешку, способную вызвать дипломатические осложнения, особенно в условиях поддержки российским правительством автономии Монголии, провозгласившей свою независимость в декабре 1911 г.

³⁸ Нива. 1912. № 10. 10 марта. С. 202.

³⁹ Восток. 1912. № 95. 12/25 июля.

⁴⁰ Далекая окраина. 1912. № 1486. 12 апр. С. 3.

⁴¹ Харбин. вестн. 1911. 3 окт. С. 2.

⁴² Московские ведомости, 1911, 12/25 октября, с. 1.

⁴³ Речь. 1911. 22 ноября (5 дек. С. 2.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 908. Л. 114.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1180. Л. 54.

**Взяточничество по уголовному праву китайской династии Тан :
неустаревающие уроки (по материалам китайского уголовного
Кодекса VII в. из фондов ИВР РАН)¹**

Общие замечания

Крупный западный востоковед Х. Крил так оценивал роль Китая в развитии административных практик:

«Оценки вклада Китая в мировую культуру продвинулись много дальше стадии «бумаги и пороха», но даже сегодня в них редко подчеркивается роль Китая в развитии технических методик, существенных для функционирования того, что известно как «современное централизованное бюрократическое государство». Это несколько странно, поскольку сложная организация в значительной степени более характерна для нашей эры, нежели какая-либо иная деятельность, и это как раз та область, в которой китайцы, возможно, внесли наиболее важный свой вклад».

Уже в начале христианской эры китайская империя демонстрировала многие черты современных сверхдержав двадцатого столетия. ...В куда большей степени, чем Римская империя, и больше, чем любое сопоставимое государство вплоть до нашего времени, он [Китай] управлялся централизованным бюрократическим правительством ².

Другими словами, опыт традиционного Китая в области обуздания бюрократии может оказаться весьма интересен, поучителен а возможно, и полезен именно в наше время, когда тенденция к невообразимой доселе бюрократизации роковым образом поражает даже новоиспеченные надгосударственные структуры, и уж подавно – все мало-мальски крупные государства вне зависимости от степени развития в них демократических институтов. Ведь там, где бюрократия, там коррупция, и чем выше уровень бюрократизации, тем губительней для общества становится коррупционная, говоря эвфемизмами, составляющая, а называя вещи своими именами – прозорливость. Парадоксально, но демократическая бюрократия может оказаться и опасней, и разнузданней, нежели бюрократия традиционная. Нет нужды повторять, что у нас в России это явление приобрело ныне характер национального бедствия и всерьез угрожает самому существованию страны.

Настоящее исследование антикоррупционной активности высших властных институтов Китая предпринято главным образом на материале уголовного Кодекса династии Тан (618–907 гг.) «Тан люй шу и», или «Танских уголовных установлений с разъяснениями» (653 г.). Существующие в наше время версии Кодекса восходят к его изданию 737 г. – но, по всей видимости, текст этого издания копировал текст 653 г.; во всяком случае, мы не имеем никаких свидетельств о том, что те или иные положения Кодекса за это время как-то пересматривались³. Автором данного исследования работа с Кодексом проводилась по китайскому изданию «Цуншу цзичэн» («Библиотека-серия»), опубликованному в Шанхае в 1936–1939 гг. и находящемуся в книжных фондах Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН.

Стремительное развитие чиновничьего аппарата в древних государствах было вызвано, как принято полагать, колоссальным объемом дел, которые должны были исполняться в интересах общества – колоссальных, разумеется, не столько в абсолютном измерении, сколько в сопоставлении с пределами возможностей самого этого общества. Тех объективно насущных дел, от испол-

нения которых никакой быстрой выгоды, никакого гарантированного назавтра индивидуального барыша в принципе не могло ожидать. Дел перспективных и долгосрочных, исполнение которых нужно было всем вместе, но никому в отдельности. Дел, которые под давлением многовекового опыта были постепенно осознаны как общественно необходимые, а потому получили, взамен всем понятной мотивации простой личной корысти, боговдохновенный, горный, общественно престижный статус, мотивацию священного долга.

Вероятно, в Китае фактором, породившим строго определенную направленность развития, явилась, как и в других очагах речных цивилизаций, необходимость масштабных и постоянных ирригационных работ. Иначе было не прокормить народ. Вернее, так: иначе, чем через посредство суровой и требовательной власти, жестко организованной, с головой занятой экономикой, народ не смог бы прокормиться.

Государство, под давлением обстоятельств или в погоне за преимуществами взявшее экономику под свое попечение, попадает в ловушку.

Централизованное управление производством и распределением может осуществляться только посредством бюрократии. Через руки чиновников текут огромные средства и огромные ценности. Но дееспособность такая экономика может сохранять лишь в том случае, если эти средства и ценности именно «текут», т. е. производятся и перемещаются надлежащим, общественно полезным образом, не уклоняясь от предписанных путей и тем более – не застревая в руках государственных служащих.

Однако такое положение противоречит человеческой природе. Чем более успешной оказывается экономика, чем больше растет национальное благосостояние и суммарное богатство, тем большей оказывается тяга членов управленческого аппарата к тому, чтобы начать рассматривать определенные ее элементы как «свои», стремиться в той или иной степени поживиться от них или вовсе «приватизировать» их. А тогда экономическая успешность быстро начинает сходиться на нет.

В подобных ситуациях власть порой пытается заблокировать эту тенденцию хотя бы частичным отказом от бюрократии и так ли, сяк ли «феодализировать» экономику, чтобы материально заинтересовать управленцев в эффективности того, чем они управляют. Ты, говорит император ближайшим фаворитам, будешь кормиться от заготовки дров и прочей энергетики, ты – от системы общественных коммуникаций, ты – от строительства каналов и т. д. Но это приводит к разбалансировке, развалу и распаду всей системы хозяйствования, что, в конечном счете, оказывается неприемлемым для социума в целом и каждого его члена в отдельности (хотя поначалу многим может показаться весьма соблазнительным). Даже для самих обогащающихся «феодалов» от экономики рост их доходов очень недолго может служить поводом для восторгов на фоне стремительно усиливающегося хаоса, нарастания нестабильности и рисков, разрыва всех производственных связей, деградации элементарных систем защиты жизни и собственности.

Попытка же вновь усилить бюрократический контроль приводит к возрастанию у чиновников чувства своей незаменимости, своей всевластности и, как следствие, к новому витку безудержного роста их своекорыстных устремлений.

Китай столкнулся с необходимостью решать эту квадратуру круга буквально на заре своего существования.

Еще знаменитый древний владыка Пань-гэн, правивший, как традиционно считается, между 1401 и 1374 гг. до н. э.⁴, когда его знать, заботясь лишь о привычном образе жизни и пусть бесперспективном, зато бесхлопотном существовании, оказала сопротивление его прозорливой идее переселения на

другой берег Хуанхэ, в своей знаменитой речи (впрочем, возможно, лишь легендарной либо вложенной в его уста много позже) ⁵ объяснил косность, недалекость и своеволие элиты простой корыстью. Его упрек однозначен:

«Вас... не заботит то, что изнуряет мое сердце... Ваши помыслы недалекие, и поэтому вы не способны подумать о бедах... Ныне у вас есть только сегодняшний день и нет будущего... Вы, мои [чиновники], ведущие дела по управлению страной и разделяющие со мною власть, [в алчности своей] лишь собираете раковины и нефрит» ⁶.

В первую очередь реальная борьба со своекорыстием бюрократии, конечно, должна идти в сфере идеологии. Заинтересованность управленцев в собственной эффективности должна быть вообще по возможности выведена из сферы материального и стимулирована идеологическими, духовными, этическими соображениями.

Чем большая хозяйственная и организационная нагрузка возлагается природными или – шире – вообще внешними, объективно заданными условиями на государственные структуры и чем, поэтому, обширнее управленческий аппарат, тем интенсивнее правителем и государственнической духовной элитой провозглашаются и внедряются культ бескорыстия и осуждение стяжательства. Такой культ – третье звено цепи масштабных последовательных преобразований среды обитания в социальность: природа диктует обилие общих дел, это обилие, в свою очередь, порождает централизованное бюрократическое управление, а необходимость сделать бюрократию дееспособной и эффективной вызывает к жизни какую-либо мощную идеологию сакрализации общественного блага, верности долгу и бескорыстия. Тот или иной вид бесребреничества исходно всегда будет плодом всего лишь индивидуальной грезы мыслителя, стремящегося к идеалам, к совершенству, к кардинальному улучшению человеческой природы. Но общество востребует его с наибольшей заинтересованностью именно там, где от имущественной воздержанности управленцев в наибольшей степени зависит его, самого общества, обыденная жизнь, безопасность и достаток.

Сила конфуцианства, обусловившая его конечную победу, оказалась, похоже, еще и в том, что, сформулировав эталон этического человека и постулировав, а частично и доказав его принципиальную достижимость для любого, кто всерьез постарается его достичь, конфуцианство задало индивидуальный этический идеал, без которого ни одно общество существовать не может.

Но создавая убедительный и жизнеспособный образ идеального подданного, а попросту говоря – очень хорошего человека, на которого всегда и в любом деле можно положиться, великий Учитель Китая Конфуций просто не мог не сделать попытки обрисовать его духовный мир в целом. И поразительным образом этот мир, в котором едят не для того, чтобы насытиться и живут не для того, чтобы обрести покой, в котором осознают свой долг и не думают о выгоде, оказался как нельзя лучше отвечающим потребностям управления государственным сектором экономики.

Возможно, ханьская династия (206 до н. э. – 220 н. э.) не ухватилась бы с такой надеждой и столь цепко за учение Конфуция, если бы оно – в сущности, почти произвольно, попутно к своим основным культурным задачам – не предлагало весьма действенный, а быть может, и самый действенный из возможных рецепт обуздания чиновничьего своекорыстия.

Однако никакая идеология, пусть даже самая мощная и самым интенсивным образом внедряемая, не может застраховать от того, что кто-то сможет под воздействием личных интересов действовать ей наперекор. Именно на случай

таких сбоев и существует уголовное право, подкрепляющее этику угрозами уголовных наказаний за отступления от нее.

Писаное право возникло в Китае как методика разрушения традиционных связей, в частности – традиционной морали. Но мало-помалу оно оказалось в подчинении у этой морали, став главным защитником перетолкованных на сто процентно государственный лад конфуцианских ценностей.

Взятка как один из типов имущественных преступлений

Борьба с корыстными извращениями должностных обязанностей стала одной из основных функций закона в традиционном Китае. Знаменитый уголовный Кодекс династии Тан демонстрирует это как нельзя лучше.

Танское уголовное право выделяло шесть основных типов имущественных преступлений, так называемых «шесть присвоений» (*лю цзан 六賊*); в Кодексе «Тан люй шу и» их иногда именуют еще *чжэн цзан 正賊*, что можно понять как «прямые» или «непосредственные» присвоения. В широком смысле термин «присвоение» обозначает тот или иной тип действий, непосредственно направленных (или, по крайней мере, непосредственно приведших) к незаконному получению неких материальных ценностей, которые можно унести, угнать, использовать, наконец, продать или обменять. В самом общем плане он означает некое действие, в результате которого определенное имущество очутилось не там, не в тех руках, не под той юрисдикцией, где ему надлежало бы пребывать в данный момент, если бы его движение неизменно оставалось правильным, законным и естественным, а не нарушилось чьим-то произволом (корыстным, сознательным или просто ошибочным).

В тексте «Тан люй шу и» содержание термина «присвоение» *цзан 賊* раскрывается дважды в очень сходных формулировках:

«В уголовных установлениях предусматривается только шесть категорий прямых присвоений: грабеж, кража, [взятка, приведшая к] нарушению закона и [взятка, не приведшая к] нарушению закона, получение имущества в сфере полномочий и незаконное присвоение»⁷.

Преступлений, прямо определяемых как присвоения, всего числом шесть. Имеются в виду получение взяток с нарушением закона и без нарушения закона, получение в сфере полномочий, грабеж, кража, а также незаконное присвоение⁸.

Уже одно то, что из этих шести типов имущественных преступлений четыре (лишь за исключением «общечеловеческих» грабежа и кражи) были связаны с корыстными устремлениями и действиями именно чиновничества, говорит само за себя.

Самым простым способом использования служебного положения в личных целях всегда и везде было взяточничество.

Строго говоря, в текстах соответствующих статей Кодекса сам устойчивый юридический термин, аналогичный нашему «взятка», не применяется. Нет и точного определения взятки. Кодекс настойчиво говорит о *шоуцай 受財*, то есть получении имущества, материальных ценностей. Сами взяткодатели описываются как *ю ши жэнь 有事人*, или даже *ю ши цзя 有事家* – человек, или семья, «проходящие по какому-то делу» (например, уголовному), либо «имеющие к администрации какое-то дело», «вовлеченные в какое-то решаемое администрацией дело» (то есть, например, имеющие что выпросить от начальника, или решить какую-то тяжбу либо возникшую не по их инициативе организационную альтернативу в свою пользу). Преступное же деяние взятополучателя описано просто как *шоу ю ши жэнь цай 受有事人財* – получение имущества от человека, имеющего до администрации некое дело. Но

буквоедствовать не приходится; если переводить термин шоуцай как взятка, возможно, и не стоит, то понимать его и интерпретировать его таким образом является самым правильным.

Из конкретных статей, посвященных взяткам и наказаниям за нее, становится ясно, что трактовка взятки в Кодексе очень близка к современному ее пониманию. Если кто-либо каким-то чудом еще не знает, что такое взятка, напомним:

«Взятничество – ...понятие, охватывающее 3 вида преступлений: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве. Получением взятки признается принятие должностным лицом лично или через посредников каких-либо материальных ценностей (денег, вещей и т. д.), услуг материального характера, приобретение какой-либо имущественной выгоды за выполнение (невыполнение) в интересах дающего взятку действия, которое должностное лицо могло совершить с использованием своего служебного положения. Состав преступления налицо независимо от того, когда была принята взятка – до или после выполнения соответствующих действий, а также от того, имелась ли предварительная договоренность между взяткодателем и взяткополучателем»⁹.

Вообще говоря, даже не связанное с попыткой дать взятку обращение к чиновному лицу с просьбой что-то сделать в нарушение правил и в пользу просителя было наказуемо.

«Все общественные дела [ведутся] согласно правильным справедливым принципам. Тот, кто самоуправно обратился [к чиновнику] с домогательским прошением (*цинцю* 請求), вожделя искривления закона (*цюй фа* 曲法), наказывается 50 ударами легкими палками. Если обратился с прошением за [какого-либо] человека, то, хотя [бы он сделал это] и не по собственному делу (*цзиси* 己事), приравнивается к тому, кто просит за себя и также наказывается 50 ударами легкими палками»¹⁰.

Адресат прошения определяется здесь как *чжусы* 主司. Этот термин мог употребляться как изолированно, так и в комплексе с иными, обозначающими иной уровень полномочий, но и в том, и в другом случае он обозначал примерно одно и то же: чиновника, заведующего тем делом, о котором идет речь, непосредственно ответственного как раз за то дело, в решение по которому попытался вмешаться проситель.

Такой чиновник мог, во-первых, отказаться выполнить просьбу; во-вторых, согласиться ее выполнить, но ничего не предпринять (по крайней мере, к моменту раскрытия дела); в-третьих, дав согласие или, скажем, уклонившись от ясного ответа, начать уже реально действовать в обход закона.

В первом случае ни тот, кто обратился к чиновнику с просьбой, ни сам чиновник не подлежали ответственности.

Во втором случае как проситель, так и чиновник наказывались упомянутыми в статье 50 ударами легкими палками.

В третьем, то есть если по просьбе уже были предприняты реальные действия, нарушающие те или иные законы или правила – и виновный чиновник, и тот, кто к нему обратился с просьбой, наказывались 100 ударами тяжелыми палками.

Если же за совершенное чиновником нарушение закона полагалось наказание, более тяжелое, чем 100 ударов тяжелыми палками, чиновник должен был получить именно это наказание. Например, если кем-то было совершено преступление, наказуемое одним годом каторги, а просьба была – избавить от наказания, чиновник, вынесший оправдательный приговор, должен был получить то самое наказание, от которого он избавил преступника, а именно – один год каторги¹¹. Проситель, если им являлся сам преступник, должен был в этом

случае получить наказание, увеличенное на одну степень относительно того, что с самого начала полагалось ему за его изначальное преступление (то есть в нашем случае уже не один год, а полтора года каторги), а если просителем был посредник, скажем, родственник или сосед преступника – уменьшенное на три степени относительно того наказания, которое полагалось чиновнику, уступившему просьбе¹².

Однако во всех этих ситуациях речь совершенно не шла о том, что указанные действия – и обращение с домогательским прошением для другого человека, и выполнение прошения чиновником – были корыстными. Ни чиновник, ни проситель ничего не получали за свои противоправные деяния; их мотивации могли быть какими угодно, но – не вызывались непосредственной алчностью. Поэтому и наказания предусматривались относительно легкие, не слишком-то обременительные, особенно для чиновников, которые все, с 9-го ранга и выше, от таких наказаний, как правило, могли просто откупаться. Только если чиновник по каким-то своим соображениям спасал от наказания совершившего нечто серьезное преступника, полагающиеся ему ответные меры могли оказаться достаточно серьезны.

Совершенно иная картина возникала, когда к мотивации чиновника приешивалась корысть.

Всякий полномочный или заведующий чиновник (*цзяньлинь чжусы* 監臨主司), получивший взятку и нарушивший закон (*шоуцай ванфа* 受財枉法), за 1 *чи* наказывается 100 ударами тяжелыми палками. За [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. За 15 *пи* – удушение¹³.

Понятие *цзяньлинь чжусы* – одно из краеугольных понятий танского права в тех его аспектах, что касаются чиновничества. Чиновник в сфере своих административных полномочий и чиновник вне ее – это, в сущности, совершенно разные юридические лица.

Среди так называемых «полномочных и заведующих чиновников», выделявшихся правом в особую группу¹⁴, в качестве полномочных (*цзяньлинь* 監臨) перечислялись:

начальство столичных и провинциальных учреждений, осуществлявшее общее руководство в рамках вверенных властных полномочий – относительно тех и того, кто и что входило в пределы этих полномочий;

все администраторы (дословно – *паньгуань* 判官, т. е. «принимающие решения чиновники») и более высокие чины любой местной администрации – относительно тех и того, что им подведомственно по службе. (Чиновники гражданских административных единиц – округов (*чжоу* 州), уездов (*сянь* 縣) – считались полномочными относительно всего подведомственного населения, в том числе тех, кто временно находился в зоне их юрисдикции по делам, например, торговли, если только их имена фигурировали в регистрационных документах данной единицы. Чиновники военных единиц, таких, как военные округа (*чжэнь* 鎮), территориальные дружины ополчения (*чжэчунфу* 折衝府), пограничные заставы (*шу* 戍) – считались полномочными только относительно подчиненного им личного состава);

начальство учреждений, управляющих не населением, а лишь своим персоналом и в отношении персонала, естественно, бывшие полномочными; в случаях получения имущества от членов семей подчиненного персонала они также подпадали под действие норм, предусмотренных для полномочных чиновников;

чиновники любого учреждения, ведущие разбирательство или следствие по какому-либо делу и властные принимать по нему решения – в отношении тех, кто так или иначе был вовлечен в это дело;

В качестве заведующих (*чжусы* 主司) в блок цзяньлинь чжусы были включены:

служащие, которые имели полномочия распоряжаться работой низового персонала (конторщиков, писцов, кладовщиков и пр.) и, хоть и не будучи руководителями общего профиля, по службе самостоятельно распоряжались тем или иным вверенным им конкретным делом¹⁵;

служащие, которые заведовали отдельными мелкими казенными объектами: зернохранилищем, тюрьмой, складом и пр. Такие работники могли и не иметь официального чиновного ранга основного штата (*люнэй* 流內), но по отношению к тому имуществу, которое было им подведомственно, и тем людям, которые были им непосредственно подчинены (а, стало быть, при означенных выше условиях – и по отношению к членам их семей), они также квалифицировались как цзяньлинь чжусы.

В Кодексе, в частности, разъясняется:

«Те, кто осуществляет общее управление или ведет разбирательство, рассматриваются как полномочные чиновники. .... Имеется в виду, что администраторы (*паньгуань* 判官) и выше в округах (*чжоу* 州), уездах (*сянь* 縣), военных округах и гарнизонах (*чжэнь* 鎮), пограничных гарнизонах (*шу* 戍) и территориальных дружинах ополчения (*чжэчунфу* 折衝府) в целом рассматриваются как полномочные чиновники (*цзяньлинь* 監臨). Помимо них только те, кто осуществляет общее управление своим учреждением или ведет [какое-либо] разбирательство, [причисляются к таковым]. ...Находятся на должности, но не являются полномочными (*цзай гуань фэй цзяньлинь* 在官非監臨) – имеются в виду те, кто в округах, уездах, военных округах и гарнизонах, пограничных гарнизонах и территориальных дружинах ополчения не являются администраторами (*паньгуань* 判官) и выше. Те, кто в округах [являются] соучастниками в делах (*цаньцзюньши* 參軍事) или секретарями (*луши* 錄事) относительно подведомственного им (*юй собу* 於所部), не могут рассматриваться как постоянно полномочные чиновники (*чан вэй цзяньлинь* 常為監臨). Они рассматриваются как находящиеся на должности, но не являющиеся полномочными. Если же держат в руках [какое-либо] дело (*ю ши цзай шоу* 有事在手), то рассматриваются, как ведущие некое разбирательство (*ю со аньянь* 有所案驗). Тогда они относятся к полномочным и заведующим (*цзяньлинь чжушоу* 監臨主守). ...Администраторы и выше в округах, уездах, военных округах и гарнизонах, пограничных гарнизонах и территориальных дружинах ополчения относительно того, что им подведомственно (*сосу* 所部), в целом рассматриваются, как полномочные чиновники. Помимо них только те, кто осуществляет общее управление своим учреждением или ведет [какое-либо] разбирательство, [причисляются к таковым]. ...Те, кто осуществляет общее управление или ведет разбирательство, безразлично, имеют они ранг или нет (*бу сянью пинь у пинь* 不限有品無品), если только их служебные обязанности заключаются в ведении [какого-либо] вверенного им дела (*чжичжан ци ши* 職掌其事), называются полномочными или заведующими (*цзяньлинь чжушоу* 監臨主守)»¹⁶.

Самым интересным в этом пространном описании является, пожалуй, мельком сделанное замечание о том, что чиновник, которого в силу его специфических, возможно – временных обязанностей можно было отнести к полномочным или заведующим, вовсе не обязательно должен был быть высокопоставленным, начальствующим. Поразительно, но получается, что он мог даже не иметь полноценного чиновничьего ранга. Тут мы видим торжество функционального подхода во всей красе: не важен статус, важно, что в силу перипетий конкретной службы данный служащий в данный момент имел

возможность воздействия, возможность влияния на тех или иных людей либо на то или иное имущество. Можно представить себе, например, одинокого кладовщика-простолюдина в Богом забытом хранилище, который, тем не менее, по отношению к тому, что в этом хранилище хранится, является заведующим, и потому по отношению к тем, кто от снабжения через это хранилище зависит – вполне полномочным.

Понятно, что именно от тех, чью судьбу были вправе по службе решать чиновники, исходили и основной коррупционный соблазн, и основная коррупционная угроза. Поэтому наиболее суровое наказание за взятки право предусматривало не просто для чиновников определенного ранга или определенного места службы; природа связи между взяткодателем и взяткополучателем была тут наиболее существенным фактором. Чтобы поставить все точки над «ё», в Кодексе в качестве примера приведен высший исполнительный орган империи – Правительствующий надзор (*шаньшунэнь* 尚書省). Его служащие держали в руках все нити управления страной. Через них шла вся обыденная документация и с мест, и из столичных подразделений. Но:

«Хотя Правительствующий надзор и управляет округами и администрациями, если документы дел не имеют [к ним] касательства, [прерогативы надзора] нельзя рассматривать как обычное полномочное [состояние]. [Относительно] всех столичных и провинциальных учреждений всегда соотносятся с настоящим [предписанием]»¹⁷.

Это надо, по-видимому, понимать так, что любой уполномоченный принимать решения чиновник высшего учреждения мог рассматриваться как полномочный, когда и если через его ведение проходили вверх или вниз по инстанциям документы, связанные с принятием некоего решения по какому-либо центральному или провинциальному органу, подчиненному данному учреждению – и только в том случае, если как раз в этот момент данный чиновник принимал взятку от кого-либо, служащего в этом подчиненном органе (или, при определенных коллизиях, от члена его семьи), и кого, соответственно, принимаемое решение неизбежно должно было затронуть.

Так подразделялись согласно своим функциям чиновники.

Но могли подразделяться и их действия. Чиновник мог взять взятку, но затем либо предпринять некие реальные действия в обход закона и в пользу взяткодателя, либо и не предпринять. Явная непорядочность, которую продемонстрировал бы второй тип поведения с нашей точки зрения, мало волновала, судя по всему, танских законотворцев. Деньги у человека взял, но ничего для этого человека не сделал – какая мелкая душонка, сказали бы мы, и, наверное, не подали бы впредь трусливому лихоимцу руки. Деньги у человека взял, но закона ради этого человека все равно не нарушил, говорили, вероятно, при Тан – и рассматривали последний факт как смягчающее обстоятельство.

Кодекс гласит:

«Всякий полномочный или заведующий чиновник, получивший взятку и нарушивший закон, за 1 *чи* наказывается 100 ударами тяжелыми палками. За [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. За 15 *пи* – удушение. Не нарушивший закон (*шоуцай бу ванфа* 受財不枉法) за 1 *чи* наказывается 90 ударами тяжелыми палками. За [каждые последующие] 2 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. За 30 *пи* – ссылка с дополнительными работами»¹⁸.

Значит, если полномочным или заведующим чиновником закон был из-за взятки нарушен, в зависимости от размера присвоения ему полагалось:

1 *чи* – 100 ударов тяжелыми палками;

1 *пи* – 1 год каторги;

- 2 *пи* – 1,5 года каторги;
- 3 *пи* – 2 года каторги;
- 4 *пи* – 2,5 года каторги;
- 5 *пи* – 3 года каторги;
- 6 *пи* – ссылка на 2000 *ли*;
- 7 *пи* – ссылка на 2500 *ли*;
- 8 *пи* – ссылка на 3000 *ли*;
- 15 *пи* – удушение.

Предписание, точно устанавливавшее соответствие стоимости взятки в 15 *пи* и более удушению, означало, что в интервале от 8 *пи* до 15 *пи* наказание не увеличивалось, оставаясь равным ссылке на 3000 *ли*.

Если же чиновник, взяв взятку, закона в пользу взяткодателя не нарушил, наказание, полагающееся ему в каждом данном случае, существенно уменьшалось.

- 1 *чи* – 90 ударов тяжелыми палками;
- 2 *пи* – 100 ударов тяжелыми палками;
- 4 *пи* – 1 год каторги;
- 6 *пи* – 1,5 года каторги;
- 8 *пи* – 2 года каторги;
- 10 *пи* – 2,5 года каторги;
- 12 *пи* – 3 года каторги;
- 14 *пи* – ссылка на 2000 *ли*;
- 16 *пи* – ссылка на 2500 *ли*;
- 18 *пи* – ссылка на 3000 *ли*;
- 30 *пи* – ссылка с дополнительными работами.

Стать тяжелее ссылки с дополнительными работами и достигнуть смертной казни наказание в данной ситуации не могло, как бы ни был велик размер взятки. Ведь закон взяткополучателем в пользу взяткодателя не был нарушен.

Поразительно, но человеколюбие и снисходительное понимание человеческой природы у танских законодателей зашло так далеко, что для служащих, не получающих от государства регулярного жалования, и в той, и в другой ситуации устанавливалось смягчение наказания. Шкалы, предусмотренные как для нарушивших, так и для не нарушивших закон взяточников, смещались на 1 степень в сторону облегчения.

Кто такие служащие, не получающие жалования, Кодекс объясняет не вполне внятно. В разъяснении к статье говорится лишь:

«Те, кому полагается содержание, все [означены] в общеобязательных установлениях (*лин* 令) о жаловании¹⁹. Все, кто в тексте общеобязательных установлений не означен, являются не получающими жалования чиновниками»²⁰.

Можно предположить, что под не получающими жалования здесь имеются в виду, прежде всего, те государственные служащие, которые не имели рангов основного штата (*люнэй* 流内). Ведь согласно рангам должностей основного штата и назначалось жалование. Но при этом данные служащие занимали какие-то мелкие посты, связанные, однако, с материальной ответственностью и руководством каким-либо, пусть хоть из нескольких человек, персоналом – например, заведующие амбарами. Подобные служащие прямо упомянуты в разъяснительном тексте о полномочных и заведующих чиновниках²¹, а с другой стороны, в самом же Кодексе мы читаем:

«Заведующий чиновник (*чжушоу* 主守), безразлично, имеет он ранг или нет – имеется в виду, что лично отвечает за данное хранилище²²...»

И далее констатируется:

«Государственные хранилища, в сущности, [целиком] вверены непосредственно ответственным за них лицам (*чжусы 主司*)²³...»

Значит, люди, не имеющие чиновничьих рангов основного штата, вполне могли занимать руководящие должности на мелких объектах, а их положение делало их вполне полновластными в пределах их полномочий. По поводу же оплаты служащих, не входящих в основной ранговый штат, в линах – во всяком случае, в уцелевших их фрагментах – не говорится ничего; впрочем, и в аналогичных законах Японии, сохранившихся гораздо лучше, не выказано никакого интереса к оплате труда служащих, не имеющих официальных рангов²⁴.

Кроме того, У. Джонсон предполагает, например, что под служащими, не получающими жалованья, могли иметься в виду люди, которых нанимали для исполнения каких-то функций местного значения сами низовые чиновники; наниматели и оплачивали их труд, но никакого официального жалованья им не полагалось²⁵.

Во всяком случае, наказание за взяточничество, каким бы тяжелым и социально опасным ни воспринималось тогда это преступление, было по танскому праву весьма дифференцированным – в зависимости от реальной способности чиновника влиять на судьбу взятокополучателя или его семьи, от того, нарушил ли затем закон взявший взятку чиновник в пользу взятокодателя, или нет, и даже от того, получал ли взятокополучатель страхующее его от крайней нужды жалованье из казны, или он был чем-то вроде свободного художника от администрирования, мелким управленцем на вольных хлебах, и ему приходилось на свой страх и риск добывать пропитание для себя и тех, для кого он, в свою очередь, сам был кормильцем.

Наказание же взятокодателя радикально отличалось от наказания того, кто просто обратился к чиновнику с домогательским прошением. Мы помним, что человек, который обращался к непосредственно ответственному чиновнику (*чжусы 主司*) с просьбой принять решение в его пользу и в обход закона, не подлежал наказанию, если прошение было отклонено, наказывался наравне с чиновником 50 ударами легкими палками, если чиновник соглашался выполнить просьбу, и наравне же с чиновником 100 ударами тяжелыми палками, если чиновник уже предпринял какие-то действия в пользу просителя. Наказания за обращение с домогательскими прошениями были относительно легки, и могли стать тяжелыми только в тех случаях, если тот, кто обращался с просьбой, уже совершил достаточно серьезное преступление и ему грозило достаточно тяжелое наказание.

Если же тот, кто обращался с просьбой, делал это не голословно, а предлагал чиновнику для подкрепления своего прошения взятку, ситуация менялась для него столь же радикально, что и для чиновника.

Всякому, кто, имея дело, осуществил домогательство (*син цю 行求*) посредством [дачи] имущества, если он добился нарушения закона (*дэ ванфа 得枉法*), наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан 坐贓*), а если нарушения закона не было (*бу фан фа 不枉法*) – это наказание уменьшается на две степени²⁶.

Незаконное присвоение – это, как уже упоминалось, шестое из прямых присвоений, среди прочих оно наказывалось наиболее легко: от 20 ударов легкими палками за 1 *чи* до трех лет каторги за 50 *пи* и более. Незаконное присвоение не является сейчас предметом рассмотрения. Поэтому отметим лишь главное.

Во-первых, наказание взятокодателя тоже определялось посредством прогрессивного увеличения тяжести в зависимости от стоимости предложенных в качестве взятки ценностей.

Во-вторых, в отличие от ситуации с безвозмездным обращением с домогательским прошением (когда и чиновник, и проситель могли получать равные наказания – 50 ударов легкими палками, 100 ударов тяжелыми палками), здесь наказание просителю всегда оказывалось легче того, что при той же стоимости взятки грозило чиновнику, поскольку шкала расчета наказаний, предусмотренная для незаконного присвоения, было много более щадящей, нежели все шкалы, предусмотренные для чиновников, принявших взятки.

В-третьих, при всей ее относительной легкости, при существенных размерах предложенной взятки взяткодатель мог получать принципиально более тяжелые наказания, чем если бы обратился с аналогичной просьбой без предложения взятки. Над верхним пределом наказания за безвозмездное обращение, равным 100 ударам тяжелыми палками, возникало сразу несколько более суровых градаций: один год, полтора года, два года, два с половиной года и три года каторги.

Преступления, уподобленные взяточничеству

После перечисления шести прямых присвоений в Кодексе указано:

«...Все остальные статьи [в которых рассматриваются присвоения] соотносятся при определении наказаний с данными шестью присвоениями»²⁷.

Одним из основных способов такого соотнесения были методики, которые в Кодексе названы *чжунь... лунь 准... 論* и *и... лунь 以... 論*, или «наказание определяется сообразно...» и «наказание определяется как за...». Текст разъясняет:

«Когда указывается, что «наказание определяется сообразно [взятке] с нарушением закона» (*чжунь ванфа лунь 准枉法論*), «наказание определяется сообразно хищению» (*чжунь дао лунь 准盜論*), и при [других указаниях] такого рода наказание ограничивается ссылкой на 3000 *ли* и только соотносится с упомянутым преступлением. ... [В таких случаях совершенное преступление] никогда не подпадает под [действие] норм о разжаловании или лишении (*чумянь 除免*), [возмещении] двойной стоимости присвоения (*бэйцзан 倍贓*), увеличении наказания полномочным или заведующим чиновникам (*цзяньчжунь цзя цзуй 監主加罪*) и [норм] ссылки с дополнительными работами (*цзя и лю 加役流*). ...Когда указывается, что «наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона» (*и ванфа лунь 以枉法論*), «наказание определяется как за хищение» (*и дао лунь 以盜論*), и при [других указаниях] такого рода [совершенное преступление] всегда приравнивается к фактическому совершению [упомянутого в указании преступления]. ... Что касается разжалования или лишения, а также [возмещения] двойной стоимости присвоения, они всегда [применяются], как при прямом совершении [упомянутого преступления]»²⁸.

Другими словами, указание на то, что наказание за данное преступление следует определять сообразно, например, взятке, означало, что вычислять конкретную меру наказания, соответствующую той стоимости взятки, которая фигурирует в данном деле, следовало по шкале, предназначенной для третьего из присвоений – взятки. Однако если по статье о взятке наказание могло оказаться строже, нежели ссылка на 3000 *ли*, следовало применить именно ссылку на 3000 *ли*, и не более. Не могли быть применены и дополнительные наказания, например, должностные (разжалование, лишение должностей), даже если при фактической взятке данной стоимости их по закону надлежало бы применить.

Только если в статье указывалось, что наказание за преступление следует определять как за взятку, действовали все нормы закона, предназначенные для получения взятки данной величины, поскольку совершение рассматриваемого преступления во всем приравнивалось к фактическому получению взятки.

Однако следует учитывать следующее. Получение взяток было слишком специфическим и слишком ситуационным преступлением, чтобы предусмотренные за него наказания могли оказаться эталонными для сколько-либо широкого круга противоправных действий. В отличие от необъятного перечня предвидимых танскими законами вариантов, например, краж – варианты деяний, которые можно было бы квалифицировать как аналоги получения взяток и, соответственно, назначить определяемые по шкале взяток наказания, были относительно немногочисленны.

Понятие полноценной взятки было, во-первых, неразрывно связано с чиновниками, имеющими особые даже по сравнению с коллегами должностные возможности, во-вторых, с корыстной мотивацией, вследствие которой чиновники такого рода шли на использование своих особых возможностей противоправным, нарушающим правильное и справедливое течение дел образом, и в-третьих, с реальным получением ими вследствие своего злоупотребления материальной выгоды.

Три эти фактора могли собираться воедино не так уж часто.

Конечно, имеется в виду не частота реальных нарушений законности, обусловленных чиновничьей корыстью. Понятно, что в этой сфере возможны были как всплески коррупционной активности, так и ее затухания, но это была уже статистика, характеризующая большую или меньшую дееспособность аппарата. Речь сейчас идет о том, что по отношению к безбрежному разнообразию противоправных действий, доступных всем подданным без изъятия, и даже к немалому разнообразию противоправных действий, доступных государственным служащим как таковым, корыстное извращение особых прерогатив составляло лишь малую долю.

Коллизия духовной сшибки конфуцианского идеала бескорыстного государственного служения и высокой мотивации несения безраздельной личной ответственности за вверенные территории, дело или объект с низкой, движущей лишь мелкими людьми алчностью, сшибки, завершившейся немислимым с точки зрения морали поступком: сознательным применением полученных от общества особых властных полномочий в личных корыстных целях ради получения выгоды – не могла быть уподоблена никаким иным коллизиям. А поэтому и нормы, разработанные в праве для наказания взяток, могли применяться почти исключительно в ситуациях взяточничества и ни в каких иных.

1. Например, крайне мало от эталонной взятки с нарушением закона отличалась ситуация, когда преступление было фактически тем же самым, и разница состояла лишь в некотором нарушении последовательности событий и действий, составлявших канонический состав преступления, квалифицируемого как *шоуцай ванфа* 受財枉法. Однако Кодекс выносит эту вариацию в самостоятельную статью, чтобы не оставалось ни малейших возможностей для размывающих однозначную определенность толкований.

Ведь чиновник мог нарушить закон и по каким-то своим соображениям, точно угадать и перечислить которые танские законодатели не взяли, видимо, понимая, что чужая душа – потемки. Да и тот, кто подступал к чиновнику со взяткой, тоже мог руководствоваться порой достаточно сложными, возможно, далеко идущими планами.

А кроме того, нам ли не знать, как часто именно правильное решение чиновника в чью-то пользу, решение, которое строго соответствует всем требованиям закона и должно, казалось бы, приниматься чисто автоматически, просто в процессе оплачиваемой государством беспорочной службы – как часто решение это приходится (порой постфактум, в видах на будущее и в понимании того, что это не последняя встреча с законом и его блюстителями)

оплачивать тому, чьи законные, совершенно справедливые интересы данный чиновник сумел соблюсти. Выкуп своих законных прав – одна из наиболее мощных составляющих коррупции.

Всякому, кто сначала не договаривался с имеющим дело [лицом] (*ю ши* 有事) о взятке, но по завершении дела получил взятку, если он нарушил [закон при решении] дела, наказание определяется сообразно [взятке] с нарушением закона (*чжунь ванфа лунь* 準枉法論), а если не нарушил [закона при решении] дела – как за получение имущества в сфере полномочий (и шоу со *цзяньлинь цайю лунь* 以受監臨財物論)²⁹.

Таким образом, если удавалось доказать, что нарушение закона, осуществленное полномочным или заведующим чиновником, было совершено не из корысти, а по каким-то иным соображениям – будь то ошибка, личная симпатия или нечто иное, чего и не угадать – и лишь потом тот, кто оказался от такого нарушения в выигрыше, из благодарности или от восторга что-то вручил и поднес принявшему незаконное решение чиновнику, наказание последнему определялось по шкале взятки соответственно стоимости полученного, но с оговоркой *чжунь ванфа лунь*.

Это значило, что к такому чиновнику нельзя было применить давление. Это значило, что к нему не применялись должностные наказания – а напомним: за фактическое взятие взятки с нарушением закона чиновник безоговорочно подлежал разжалованию (*чумин* 除名). Для государственных служащих второе было, пожалуй, существеннее первого; смертная казнь через давление назначалась при достаточно крупных взятках стоимостью свыше 15 *пи*, а вот разжалованием надлежало наказывать уже начиная со взятки в 1 *пи*.

Если же чиновник вовсе не нарушил закона при вынесении решения, но отчего-то благодарное заинтересованное лицо, тем не менее, сочло уместным сделать ему затем подарок или подношение, это уже совсем не считалось взяткой. Наказание чиновнику определялось по шкале соответствий стоимости присвоения и строгости наказания, предусмотренной для совсем иного имущественного преступления – взятия имущества в сфере полномочий. Просто так брать вещи и ценности у подчиненных и подведомственных чиновнику, конечно, тоже было нельзя, и за это должно было последовать наказание. Но с точки зрения буквы и духа танских законов последовательность действий «вынесение законного решения – получение за это материальных ценностей от тех, кого это решение устроило» квалифицировалась всего лишь как аналог простого взятия чиновником того, что ему приглянулось, не имеющего никакой связи с процессом ведения чиновником государственных дел и принятия им решений. Предельным наказанием за такое взятие была ссылка на 2000 *ли* при стоимости взятого в 50 *пи* и более.

2. Танские законодатели с легкостью смогли представить себе ситуацию, когда с домогательским прошением (*цинцю* 請求) к решающему некое дело чиновнику обращался не сам вовлеченный в это дело или заинтересованный в определенном его решении человек (*ю ши жэнь* 有事人) и даже не кто-то бескорыстно попросил за него, но – когда это сделал некто, уже получивший от заинтересованных лиц мзду и при том являющийся, как это сформулировано в законе, «полномочным или влиятельным» (*цзяньлинь шицяо* 監臨勢要).

В самом Кодексе этот всего лишь в двух ситуациях на весь текст встречающийся термин определяется так:

«Полномочный – имеются в виду чиновники, которые осуществляют общее руководство или ведут разбирательства. Влиятельный – имеются в виду все чиновники, за исключением полномочных. Безразлично, высок или низок его ранг, нужно только, чтобы непосредственно ответственное [за дан-

ное дело лицо] (чжусы 主司) боялось его и не решалось действовать ему наперекор»³⁰.

Налицо были все три параметра страшного преступления:

государственный служащий, которому страной ради общего блага вверены особые властные полномочия, постоянные, временные или относящиеся лишь к некоему конкретному делу;

обусловленное корыстными мотивациями получение этим служащим материальных ценностей со стороны;

спровоцированное этим получением оказание давления на тех, от кого зависело правильное течение дела, то есть, говоря обобщенно, использование государственных механизмов (в данном случае – полномочий контролировать чью-то деятельность), разработанных и предназначенных для поддержания счастливой общей жизни, для решения задач, прямо противоречащих той цели, ради которой они существовали.

От эталонной взятки с нарушением закона такой расклад отличался лишь одним: финальное, итоговое нарушение, искажающее законный ход дела, не могло быть осуществлено получившим взятку чиновником; он лишь оказывал давление, которое и само по себе тоже было нарушением закона, фигурирующим в названии преступления *шоуцай ванфа* 受財枉法, просто – не тем, которое в результате исказило ход дела, а тем, что лишь способствовало такому результату.

Полномочным и влиятельным лицам наказание определяется сообразно [взятке] с нарушением закона (*чжунь ванфа лунь* 準枉法論), то есть за 1 *чи* и больше – 100 ударов тяжелыми палками, за [каждую последующую] 1 *ли* наказание увеличивается на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается ссылкой на 3000 *ли*. Не получающим жалованья наказание уменьшается на 1 степень³¹.

Однако то, что итоговое, формальное нарушение закона, сделавшее преступление не возможностью, а действительностью, выпустившее задуманную взяткодателем неправоту в реальный мир, было совершено не посредником, а тем, на кого посредник оказал давление, все же снимало с посредника изрядную часть вины. Поэтому наказание ему определялось хоть и по шкале взяток, но опять-таки с ограничениями, вводимыми формулировкой *чжунь ванфа лунь*.

Предусмотрена была и возможность того, что чиновник, который являлся первоначальным взяткополучателем, мог не просто оказать на коллег некое давление в пользу взяткодателя, но для подкрепления своих слов и действий еще и поделиться полученным. Тогда первоначальному получателю наказание определялось соответственно всей стоимости взятки, а тем, кого изначальный корыстолюбец вовлек в преступление тем, что и в них пробудил корыстные вожделения – соответственно стоимости доли каждого из них.

Следует отметить, что если аналогичное воздействие оказывалось полномочным или влиятельным лицом бескорыстно, наказание оказывалось принципиально легче.

Если полномочное или влиятельное лицо (*цзяньлинь шяо* 監臨勢要) обратилось с просьбой за [какого-либо] человека, наказание – 100 ударов тяжелыми палками. ...При обращении за другого человека с просьбой об искривлении закона, уже только за самую просьбу, не выясняя, был дан ход делу или не был, согласилось ли [непосредственно ответственное лицо] или не согласилось, должно наказывать 100 ударами тяжелыми палками. Согласившееся непосредственно ответственное лицо (*чжусы* 主司) наказывается 50 ударами легкими палками³².

3. Государство было особенно чувствительно к тем поступкам чиновников, которые сводились к попыткам на постоянной или временной основе распоряжаться вверенной казенной собственностью как своей.

Если человеку в силу его служебного положения и оказанного ему высшей властью доверия надлежит руководить использованием тех или иных материальных и трудовых ресурсов ради пользы страны и народа, понятно, что одновременно с его ответственностью и его обязанностями ему должна быть вверена немалая толика власти над этими ресурсами. Иначе его ответственность и его обязанности превратятся в пустой звук. Но как только такая власть ему вверяется, никуда ему не деться от соблазна хотя бы время от времени, например, пока государству вся эта роскошь не понадобилась, попользоваться ею в своих целях. Пусть совсем не в противозаконных, пусть во вполне безобидных – но для себя.

Например, чиновнику нельзя было даже во временное пользование брать какие-либо вещи, находящиеся в сфере его административной ответственности. Если он все же рисковал совершить подобное злодеяние, право предусматривало для различных видов такого пользования (взял насильственно или нет, вернул или не вернул, если вернул, то как скоро и пр.) различные меры наказания. Самым тяжким из проступков этого рода, если судить по строгости наказания, было осуществление рыночного обмена с использованием взятой в пределах полномочий вещи – причем такого обмена, при котором чиновник извлек в свою пользу некую прибыль. Ну, а применение насилия окончательно делало такую оборотистость государственного служащего в высокой степени социально опасной.

Если была осуществлена купля-продажа с извлечением прибыли, то прибыль рассчитывается и [согласно ей] наказание определяется как взятие по просьбе имущества в сфере полномочий (*цищюй* 乞取). ...Если [чиновником рыночный обмен] был осуществлен посредством угрозы или силы, хотя бы и по надлежащей цене, все равно это наказывается 50 ударами легкими палками. Если же была извлечена прибыль – согласно расчету прибыли наказание определяется сообразно [взятке] с нарушением закона (*чжунь ванфа лунь* 準枉法論)³³.

Подобного рода деяния имели весьма малое отношение к корыстному искажению закона ради взяткодателя, являвшегося эталоном поступка, долженствующего квалифицироваться как получение взятки с нарушением закона.

Однако для всех членов той тройственной формулы, о которой мы говорили выше, тут есть эквиваленты.

Полномочный чиновник присутствует и там, и здесь. И там, и здесь он использует вверенные ему обществом прерогативы ради удовлетворения своих корыстных поползновений. Аналогом полученных в качестве взятки материальных ценностей служит извлеченная прибыль.

Аналогом же фактора, в силу которого действия взяткодателя можно полагать вынужденными (в классическом варианте взятки взяткодатель стремится чего-то избежать или чего-то добиться), служит проявленное чиновником насилие. В классическом случае прямой взятки взяткодатель действовал в своих интересах и по собственной инициативе, просто под давлением обстоятельств, а во втором – давление обстоятельств заменено прямым давлением со стороны самого чиновника; но именно это давление и являлось тем осуществленным чиновником нарушением закона, которое делало преступление сродни взятке. Не будь давления – рыночная операция была бы наказана лишь как взятие имущества в сфере полномочий, пусть и с элементом вымогательства (по просьбе).

4. Вполне естественным и логичным образом к искажению закона за мзду приравнивалось искажение за мзду документально фиксируемых существенных статистических данных.

Для страны, все могущество и благосостояние которой зависело от налоговых поступлений, по большей части – натуральных поступлений продукции сельского хозяйства, учет населения и соответствующая ему разверстка налогов имели первостепенное значение. Учет населения и состояния семейного хозяйства проводился постоянно. С самого низа, начиная с глав семей, периодически подавались наверх документы, в которых описывалось состояние каждого хозяйства, в первую очередь – количество едоков в семье, количество дворов в подотчетных единицах и пр. С каждым переходом на ступень вверх по административной лестнице эти документы подытоживались, сводились воедино, обобщались – и шли дальше наверх, в следующую по масштабу административную единицу, где происходило то же самое, но уже в иных масштабах.

Всякий сельский исправник (*личжэн* 里正) или ответственный чиновник [езда или округа] (*гуаньсы* 官司), произвольно не внесший, пропустивший, завывивший или занизивший [данные] с тем, чтобы вывести из-под обложения налогами и повинностями или подвести под него, за одного едока наказание увеличивается на одну степень. ... Если благодаря невнесению, пропуску, завышению или занижению взял данный налог ...себе (*жу цзи* 入己), рассчитывается стоимость присвоения, и если [согласно ей] наказание тяжелее, чем [полагающееся] за [совершенное в данном случае] невнесение едоков, пропуск, либо завышение или занижение, тогда в соответствии с присвоением наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона (*и ванфа лунь* 以枉法論). Когда по расчету [стоимости] присвоения [наказание] доходит до смерти, [преступник] наказывается ссылкой с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流). ...В случаях с имеющими ранги чиновниками, хотя бы присвоение и было легким³⁴, наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона. За [взятку стоимостью] в 1 пи и выше – разжалование. Не обязательно, чтобы присвоение было тяжелым³⁵.

В подобных ситуациях соответствие прямой взятке было полным, и потому такие преступления приравнивались к фактическому совершению взятки с нарушением закона.

Чиновник использовал свои должностные возможности для того, чтобы обмануть государство; из-за его дезинформации праведная государственная система, продолжающая действовать по закону, оказалась на деле орудием для нарушения закона. Подтасовав статистику, он вынудил закономерно действующий общественный механизм работать для незаконного личного обогащения. Ванфа, в результате которого произошло *шоуцай* – все параметры взятки с нарушением закона сошлись воедино.

Наказание определялось не сообразно взятке, а как за взятку, следовательно, с применением должностных наказаний. Единственным послаблением было запрещение применять смертную казнь, вместо которой надлежало назначать ссылку с дополнительными работами.

5. Сходного характера манипуляции могли быть произведены чиновником и в иных ситуациях, более нестандартных.

Дух конфуцианства настойчиво требовал от правительства человеколюбия и заботы о народе. Это было, в общем, вполне прагматично, просто более дальновидно, нежели обычное стремление временщиков в рекордные сроки выжать из подвластного населения все, что можно, а там в буквальном смысле хоть трава не расти, не то что рис.

Известно, сколько напастей подстерегает хлебопашца. Вот и в танском Кодексе разъясняется с немалым знанием дела:

«Засуха – имеется в виду чрезмерно палящее солнце. Наводнение – имеется в виду затяжной дождь и нескончаемое ненастье. Заморозки – имеется в виду, что [морозы] ударили не вовремя. Град – имеются в виду причинение бедственного ущерба. Насекомые либо саранча – имеются в виду гусеницы-стеблееды, черви, пожирающие корни, черви, пожирающие сердцевину, и [другие] вредители злаков такого рода»³⁶.

На случай таких несчастий законами предусматривались ослабления налогового бремени. Общеобязательными установлениями предписывалось:

«...В случаях засухи, наводнения, нашествия насекомых или заморозков окружные и уездные [власти] обследуют наличные возделываемые поля в местах, где был нанесен ущерб, и сообщают [о степени ущерба] в [Правительствующий] надзор. Если из 10 частей [наличных полей] пострадали 4 или больше, избавляют от налога зерном (*цзу* 租), если 6 или больше, избавляют от налогов зерном и тканью (*дяо* 調), если 7 или больше – избавляют от всех налогов и повинностей (*кэи* 課役). Если полностью пострадали тутовник или конопля, и в том, и в другом случае избавляют от налога тканью»³⁷.

Однако же, как и всякий чреватый ситуационными изменениями в упорядоченном перемещении имущества перерасчет, эта гуманная мера могла, будучи проведенной в жизнь недобросовестными чиновниками, привести не к облегчению положения народа, но лишь к обогащению самих этих чиновников.

Если полагается [от чего-либо] избавить в соответствии с нанесенным ущербом, непосредственно ответственные лица (*чжусы* 主司) должны сообщить. Под непосредственно ответственными лицами имеются в виду сельские исправники (*личжэн* 里正) и выше. Сельским исправникам необходимо сообщать в уезд, уезд обращается в округ, округ обращается в [Правительствующий] надзор. [Если ущерб] еще больше, [императору] подается докладная записка. Если же не сообщили, либо, [напротив], сообщили произвольно, наказание – 70 ударов тяжелыми палками. ...Если в сообщении наверх с искажением действительности имелись произвольные завышения или занижения, и [из-за них] дошло до того, что были взыскивания или избавления с нарушением закона – имеется в виду, что полагалось [действовать, как при] ущербе, но взыскали, или не полагалось [действовать, как при] ущербе, но избавили. Подсчитывается то, что с нарушением закона было взыскано или оставлено, и... если [взысканное] пошло в частные [руки] (*жусы* 入私), наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона (*и ванфа лунь* 以枉法論). Когда доходит до смерти, [преступник] наказывается ссылкой с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流)³⁸.

Другими словами, вполне можно было представить, как в ситуации, когда ущерб от стихийного бедствия не достигал величин, при которых пострадавших земледельцев следовало от взыскания налога избавлять, некий оборотистый и корыстолюбивый начальник мог в своем рапорте зависить степень ущерба так, что по закону пострадавших земледельцев надлежало избавить от взыскания всего налога или какой-то его части. Высшие власти, действуя сообразно полученным сведениям, и впрямь постановили не взыскивать весь налог или какую-то его часть. И тогда недобросовестными должностными лицами этот налог мог быть все же взыскан (откуда населению знать о гуманных мероприятиях имперского центра, как не от самих же местных чиновников?) и оставлен себе.

Это была уже чистая корысть, приведшая к нарушению закона, которое, в свою очередь, привело к получению преступной наживы. Обман вышестоя-

щих инстанций ради выгоды, и получение выгоды, порожденной обманом вышестоящих инстанций. Поэтому в подобных ситуациях виновные должностные лица подлежали наказанию по шкале взятки с нарушением закона, причем с формулировкой «как за взятку». А это опять-таки значило, что должностные наказания будут применяться по всей строгости: при стоимости присвоения в 1 *ли* – уже разжалование (*чумин* 除名). Единственным послаблением, как и в предыдущих случаях, оставалась невозможность применения смертной казни; когда согласно стоимости присвоения полагалось бы казнить корыстолюбивого чиновника удушением, его наказывали ссылкой с дополнительными работами.

Абсолютно аналогично наказывались махинации в сфере налогообложения, когда законное включение или выключение неких льгот вызывалось не стихийными бедствиями, а иными факторами.

Например:

«Все, кто, живя в тесной волости (*сясян* 狹鄉), по своей охоте предпочел переселиться в просторную волость (*куаньсян* 寬鄉), если они удалились от исходного места проживания более чем на 1000 *ли*, освобождаются [от налогов и повинностей] на три года, более чем на 500 *ли*, освобождаются [от налогов и повинностей] на два года, более чем на 300 *ли*, освобождаются [от налогов и повинностей] на один год. После того, как один переезд [уже был совершен], в связи с последующими перемещениями – не освобождаются»³⁹.

Эта ситуация предоставляла практически те же возможности для злоупотреблений, что и манипуляции со статистикой при переписи, и с распределением льгот при стихийных бедствиях.

«Всякий раз, когда [кому-либо] полагалось получить освобождение [от налогов и повинностей], а ему не дали, или [кому-либо] не полагалось получить его, а ему дали, наказание – два года каторги. ...Если присвоение наказывается тяжелее, и [оно было] взято себе, наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона (*и ванфа лунь* 以枉法論), а когда доходит до смерти, [преступник] наказывается ссылкой с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流)»⁴⁰.

Тот же состав преступления – корыстно мотивированный обман вышестоящих инстанций и перемещение имущества как бы по закону, от лица государства, но в свою пользу. Соответственно и меры наказания те же самые – подсчет величины присвоения, подстановка рассчитанной величины в шкалу взяток с нарушением закона и, если этой величине соответствовало наказание, более тяжелое, чем исходный минимум, полагающийся по самому факту данного нарушения нормы предоставления льгот – вынесение приговора как за взятку, с полной возможностью применять должностные наказания и единственным послаблением – заменой удушения на ссылку с дополнительными работами.

Стоит отметить немаловажное и очень характерное уточнение, специально сделанное в данной статье относительно вполне вероятной ситуации, при которой данное преступление было совершено чиновником не по собственной инициативе, а в стоворе с подведомственной семьей переселенцев.

«Если тот, кому не полагалось получить освобождение [от налогов и повинностей], обратился с домогательским прошением к непосредственно ответственному лицу (*чжусы* 主司) и произвольно получил освобождение [от налогов и повинностей], то ...если преступление было совершено совместно с полномочным или заведующими чиновником (*цзяньчжусу* 監主), хотя бы мысль подал [посторонний простой человек], тем не менее как главарь рассматривается полномочный или заведующий чиновник. Таким образом, ответственное должностное лицо (*сосы* 所司) рассматривается как главарь, а получивший освобождение – как соучастник»⁴¹.

Надо полагать, при совершении иных мошенничеств в сфере распределения налоговых льгот действовало это же правило. Оно, правда, не относилось к ситуациям получения чиновником выгоды из совершенной махинации.

Злоупотреблением, практически идентичным предыдущим, право полагало и незаконной сбор налога либо незаконное увеличение законного налога:

«Если незаконно и самовластно был собран налог, либо если налог был собран согласно закону, но самовластно увеличен, и присвоение наказывается тяжелее, то ...из расчета самовластно собранного ...если присвоение пошло в частные [руки] (*жу сы* 入私), наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона (и ванфа лунь 以枉法論). Когда доходит до смерти – [преступник] наказывается ссылкой с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流). ... Указывается: в частные [руки] (*жу сы* 入私), поскольку не обязательно, чтобы взял себе (*жу цзи* 入己). Достаточно того только, чтобы не пошло в казну (*бу жу гуань* 不入官), и уже рассматривается как пошедшее в частные [руки]»⁴².

Здесь мы видим еще одно как бы мимоходом сделанное важное уточнение. Получается, что в данной ситуации было неважно, себе ли взял чиновник то, что он незаконно взыскал от лица государства, или взысканное каким-то образом попало к кому-то еще. Виновным считался чиновник, и только он, поскольку именно его намеренная нечестность ввела в заблуждение вышестоящие инстанции, а именно это заблуждение дало законную возможность осуществить неправильное перемещение имущества.

6. Сродни налоговым махинациям, сводившимся к обману государства и использованию его дезориентированных законов и механизмов для личного обогащения, были и злоупотребления в такой специфической области чиновничьей деятельности, как следственно-судебная сфера.

Понятно, насколько зависит арестант от тюремщика, подследственный – от следователя, подсудимый – от судьбы. Эта подвластность куда сильнее, чем простая подчиненность или подведомственность. Возможности для оказания давления тут еще более безоговорочны, а следовательно – и соблазны более интенсивны.

Заведующие чиновники (*чжушоу* 主守) – имеются в виду те, кто специально отвечает за содержание арестантов – такие, как должностные лица тюрем. «...Если [заведующий чиновник], получив от арестанта [какое-либо] имущество, наставил его, как переиначить или исказить письменные разъяснения, либо передал ему слова ответственного чиновника, свидетеля или постороннего человека, и в [в переиначивании, искажении или переданных словах] содержания арестанта, наказание [такому чиновнику] определяется как за [взятку с] нарушением закона (и ванфа лунь 以枉法論) по нормам о не получающих жалованья: за получение имущества стоимостью в 1 *чи* – 90 ударов тяжелыми палками, за [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на одну степень, за 15 *пи* – ссылка с дополнительными работами, за 30 *пи* – удушение»⁴³.

Пожалуй, это единственный случай, когда определяемое с применением шкалы взяток наказание за преступление, сходное со взяткой, но все же фактической взяткой не являющееся, было доведено до смертной казни. Мы видели, что во всех прежних случаях рост наказания, как правило, ограничивался ссылкой с дополнительными работами. Но зависимость заключенного от тюремного начальства считалась, очевидно, столь полной, беспомощность подследственного считалась (и не без оснований) столь глубокой, что получение государственным служащим мзды от целиком зависимого от него человека в обмен на помощь этому человеку, да еще в предельно противозаконном деле избавления преступника от заслуженного наказания закон полагал особенно

нетерпимым. В сущности, тут возникало сразу два социально опасных явления: коррупционное разложение государственных служащих и снижение эффективности государственной судебной системы. Реальный преступник избегал наказания, а казенный человек становился преступником. Тут нужна была очень сильная остратка.

Правда, нормы взятки с нарушением закона были здесь все же несколько смягчены – во-первых, посредством применения шкалы, предназначенной для чиновников, не получающих жалованья (а она была на 1 степень облегчена по сравнению со шкалой, предназначенной для тех, кто жалованье получал), и, во-вторых, прямым назначением наказания каторгой с дополнительными работами тому, кто присвоил имущество в 15 *пи*, и наказания удушением тому, кто присвоил 30 *пи*⁴⁴.

7. Более сурово, чем к простым людям, право относилось к чиновникам и в случаях совершения ими корыстной аморальности.

Заключение мировой с убийцей родственника, если стимулом к такому заключению были предложенные убийцей материальные ценности, применительно к простолюдинам могло караться как имущественное преступление с применением шкалы краж:

«Если дед или бабка по мужской линии, отец или мать, либо муж были убиты [каким-либо] человеком, то по законам [долга] невозможно жить под одним Небом [с убийцей] (*цзай фа бу кэ тун тянь* 在法不可同天). Те же, кто в сердце своем забыл о великой скорби, отказался от морального долга класть копье под голову [на ночь], и, вождедея материальной выгоды, предпочел частным порядком пойти на мировую, наказываются⁴⁵...»

Уже самый факт заключения мировой с человеком, который убил твоего родственника, обличал в тебе подлеца – причем тем большего подлеца, чем более близкими были узы родства с убитым. Но если при этом подлец еще и нажился, он получал наказание соответственно своей наживе как вор.

В аналогичной ситуации чиновник должен был получить наказание с применением норм, предусмотренных для наказания взяток. А надо иметь в виду, что шкала взяток была более суровой, чем шкала краж.

(В о п р о с. Родственник полномочного чиновника (*цзяньлин* 監臨) был убит подведомственным ему человеком. Из-за этого [чиновник] взял взятку (*шоуцай* 受財) и частным порядком заключил мировую. Каким должно быть наказание?

О т в е т. ...Во-первых, это идет вразрез со статьями уголовных установлений, во-вторых, идет вразрез с моральным долгом родственника. При получении взяток стоимостью в 1 *пи* и больше все они являются присвоением с нарушением закона (*ванфа чжи цзан* 枉法之贓)⁴⁶.

Стартовой величиной взятки названа здесь стоимость в 1 *пи* потому, по всей вероятности, что именно с этой стоимости взяточника следовало наказывать разжалованием (*чумин* 除名).

Здесь, собственно, не было ни обмана государства с корыстной целью, ни использования властных полномочий для извлечения выгоды, ни эксплуатации сбитых с толку государственных механизмов в личных целях. Но чиновник, как казенный человек, олицетворение государства, обязан был быть в вопросах семейной морали особенно щепетильным и служить для окружающих образцом. Вся система законов, регулирующих поведение чиновничества, как предписывающих (*лин* 令), так и запрещающих (*люй* 律), была ориентирована на укрепление семейных ценностей в первую очередь именно в чиновной среде. Семья была питательной средой лояльности, семейная верность – зародышем государственной верности. Судя по применению норм взятки, извле-

чение корысти из нарушения основополагающих моральных норм косвенным образом приравнивалось к извлечению корысти из использования силы государства в личных интересах. Степень аморальности преступника здесь ощущалась однотипной: тот, кто извлек корысть из нарушения морального долга перед родственником не сильно отличался от того, кто извлек корысть из нарушения морального долга перед страной.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Уголовные законы китайской династии Тан и оптимизация деятельности бюрократии», проект № 12-01-00017а

² Creel H. G. The Beginnings of Bureaucracy in China: The Origin of the Hsian // The Journal of Asian Studies. 1964. Vol. XXIII. № 2. February. P. 155.

³ Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М., 1986. С. 8.

⁴ Древнекитайская философия : в 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 307. Впрочем, известны и иные датировки; в хронологических таблицах «Большого китайско-русского словаря», например, восшествие Пань-гэна на престол предположительно датируется 1300 г. до н. э. (Большой китайско-русский словарь / под ред. проф. И. М. Ошанина : в 4-х т. М., 1983–1984. Т. 1. С. 64).

⁵ «Не исключено, что акцент на ней (угрозе частного накопительства. — В. Р.) был сделан чжоускими авторами главы в середине I тысячелетия до н. э., когда проблема частного стяжательства стояла уже очень остро» (Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 99).

⁶ Древнекитайская философия. 1994. Т. 1. С. 102—103.

⁷ Тан луй шу и. Ст. 33. См.: также: Уголовные установления Тан с разъяснениями = [Тан луй шу и] / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова : в 30 цзюанях. СПб, 1999–2008. Цзюани 1–8. 1999. С. 195. (Далее: Уголовные установления Тан).

⁸ Тан луй шу и. Ст. 389. См.: также: Уголовные установления Тан. 2008. С. 10.

⁹ Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 38.

¹⁰ Тан луй шу и. Ст. 135. См.: также.: Уголовные установления Тан, 2001. С. 84. Шкала регулярных наказаний по танскому праву состояла из: – пяти разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой (1 год, 1,5, 2, 2,5 3 года работ); три разновидности наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 ли, где ли – ок. полукилометра); две разновидности наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые отчасти повторяли разбивку по разновидностям. Для чиновников предусматривались также специфические должностные наказания: разжалование (чумин 除明), заключавшееся в низведении (сроком на 6 лет) к тому статусу, который преступник имел до начала карьеры, с последующим восстановлением в значительно пониженном ранге; лишение должностей (мньгуань 免官) и лишение занимаемой должности (мянь соцзюй гуань 免所居官); в первом из этих двух случаев чиновник терял все должности и восстанавливался на службе через три года с понижением в ранге на два разряда; во втором — только одну должность, как правило, последнюю реально исполнявшуюся по службе, а восстановление на службе происходило через один год с понижением на один разряд.

¹¹ Там же. Ст. 487. См.: также: Уголовные установления Тан, 2008. С. 203.

¹² Однако это облегчение начинало действовать только в тех случаях, если такое уменьшение наказания на три степени не делало его меньше 100 ударов тяжелыми палками; в противном случае проситель получал эти самые 100 ударов. Значит, пока наказание чиновнику не переваливало за два года каторги, уменьшение наказанию просителю на три степени не «включалось»; именно уменьшение двух лет каторги на три степени давало 100 ударов тяжелыми палками. Таким образом, ни для кого и ни в какой ситуации наказание не могло оказаться легче, чем изначально означенное минимально полагающееся за данное преступление само по себе.

¹³ Тан луй шу и. Ст. 138. См.: также.: Уголовные установления Тан, 2001. С. 89. Мерилом стоимости в танском Кодексе избран шелк определенного сорта, который, в свою очередь, измерялся либо в штуках (пи 疋), либо, если присвоение было небольшим, в чи 尺. Одна штука шелка определяется в Кодексе как единица ткани длиной в 40 чи и шириной в 1 чи 8 цуней (Тан луй шу и. Ст. 418. См. также: Уголовные установления Тан, 2008. С. 60). При том, что танские чи и цунь составляли соответственно около 31,1 и 3,11 см (Кроль Ю.Л. Опыт систематизации

традиционной китайской метрологии / Ю.Л. Кроль, Б.В. Романовский // Страны и народы Востока. Вып. XXIII. Дальний Восток. История, этнография, культура. М., 1982. С. 227), нетрудно подсчитать, что штука шелка имела длину 1244 см при ширине в 55,98 см. Один чи, надо полагать, представлял собой отрез этой ткани длиной в 1 чи при стандартной ширине в 1 чи 8 цуней (3,11 см на 55,98 см).

¹⁴ Тан луй шу и. Ст. 45. См. также: Уголовные установления Тан. 1999. С. 277.

¹⁵ В этом случае термины «заведующий» является полным синонимом термина «непосредственно ответственный», которым я также в зависимости от контекста перевожу китайский термин чжусы.

¹⁶ Тан луй шу и. Ст. 146. См. также: Уголовные установления Тан. 2001. С. 102–104.

¹⁷ Там же. Ст. 54. См. также: Уголовные установления Тан. 1999. С. 279.

¹⁸ Там же. Ст. 138. См. также: Уголовные установления Тан 2001. С. 89–90. Ссылка с дополнительными работами – особый вид наказания, назначавшийся за некоторые преступления, которые в первые годы династии Тан наказывались смертной казнью. Это была ссылка на 3000 ли, обремененная 3 годами каторжных работ. Она не входила в стандартную двадцати-степенную шкалу наказаний, но располагалась как бы между обычной ссылкой на 3000 ли и смертной казнью через удушение.

¹⁹ См.: *Ниидэ Нобору*. То рё сю и =[Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан]. Токио, 1964. С. 321–326. К сожалению, законы группы лин ✨ сохранились далеко не полностью, и от линов о жалованье осталось немного. По всей видимости, под «не получающими жалованья» имеются в виду те, кого на тот или иной срок привлекали к исполнению каких-либо иррегулярных официальных обязанностей служащие местных администраций.

²⁰ Тан луй шу и. Ст. 138. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 90.

²¹ Там же. Ст. 54. См. также: Уголовные установления Тан. 1999. С. 280–281.

²² Там же. Ст. 210. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 225.

²³ Там же. Ст. 210. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 226.

²⁴ Свод законов «Тайхорё», 1985. Т. 1., с. 160–166.

²⁵ The T'ang Code. Vol. II: Specific Articles / transl. with an introd. by Wallace Johnson. Princeton, 1997. P. 106.

²⁶ Тан луй шу и. Ст. 137. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 88.

²⁷ Там же. Ст. 33. См. также: Уголовные установления Тан. 1999. С. 195.

²⁸ Там же. Ст. 53. См. также: Уголовные установления Тан. 1999. С. 275–276.

²⁹ Там же. Ст. 139. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 91.

³⁰ Там же. Ст. 135. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 85–86.

³¹ Там же. Ст. 136. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 86–87.

³² Там же. Ст. 135. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 85–86.

³³ Там же.. Ст. 142. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 95–96.

³⁴ То есть наказание, полагающееся из расчета стоимости присвоения, не было тяжелее, чем полагающееся за совершенное в данном случае невнесение, пропуск, завышение или занижение. Следовательно, в рамках основной шкалы наказание определялось не по стоимости присвоения, а по статье о невнесении, пропуске и пр. По обоим параметрам чиновник получал наиболее тяжелое из возможных наказание – по основной шкале за невнесение или пропуск (а наказание соответственно стоимости присвоенного оставалось нереализованной возможностью), в должностной сфере — как за взятку (и тут уж нереализованной возможностью оставалось наказание, соответствующее стоимости присвоенного).

³⁵ Тан луй шу и. Ст. 153. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 116–117.

³⁶ Там же. Ст. 169. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 143.

³⁷ *Ниидэ Нобору*. Указ соч. С. 676.

³⁸ Тан луй шу и. Ст. 169. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 142–144.

³⁹ *Ниидэ Нобору*. Указ соч. С. 681. Относительно тесных и просторных волостей: «[Те места], где все получают [поля предписанного размера] полностью, являются просторными волостями, а где получают [поля предписанного размера] не полностью, являются тесными волостями» (Тан луй шу и. Ст. 164. См. также.: Уголовные установления Тан. 2001. С. 136). В общеобязательных установлениях предписывается: «Когда полагается наделять [полями] в просторных волостях, это всегда делается соответственно тем размерам, которые установлены. В тесных же волостях при новых получениях [размер] поля, распределяемого на едока, уменьшается по сравнению с просторными волостями вполнину» (Ниидэ Нобору. Указ соч. С. 611).

⁴⁰ Тан луй шу и. Ст. 172. См. также: Уголовные установления Тан. 2001. С. 149–150.

⁴¹ Там же. Ст. 172. См. также: Уголовные установления Тан. 2001. С. 150. Значит, главарь получал полное наказание, полагающееся по статье, а соучастник – на 1 степень более легкое.

⁴² Тан люй шу и. Ст. 173. См. также: Уголовные установления Тан. 2001. С. 151.

⁴³ Там же. Ст. 472. См. также: Уголовные установления Тан. 2008. С. 170.

⁴⁴ По шкале взяток с нарушением закона для не получающих жалования при стоимости уже в 9 пи полагалась ссылка на 3000 ли, а ссылка с дополнительными работами вообще не назначалась; когда стоимость присвоения достигала 20 пи, назначалась смертная казнь через удушение.

⁴⁵ Тан люй шу и.

⁴⁶ Там же. Ст. 260. См. также: Уголовные установления Тан. 2005. С. 43–44.

Использованная литература

Ншида Нобору. То рё сю и = [Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан]. Токио, 1964.

Тан люй шу и = [Уголовные установления Тан с разъяснениями] // Цуншу цзицэн (Библиотека-серия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.

Большой китайско-русский словарь /под ред. проф. И. М. Ошанина : в 4-х т. М., 1983–1984. Т. 1–4.

Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.

Древнекитайская философия : в 2-х т. М., 1994. Т. 1–2.

Кроль Ю. Л. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии / Ю.Л. Кроль, Б.В. Ромновский // Страны и народы Востока. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). М., 1982.

Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М., 1986.

Свод законов «Тайхорё» : в 2-х т. / вступит. ст., пер. с древнеяпонского и коммент. К. А. Попова. М., 1985. Т. 1–2.

Уголовные установления Тан с разъяснениями = [Тан люй шу и] / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб, 1999.

Уголовные установления Тан с разъяснениями = [Тан люй шу и] / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб, 2001.

Уголовные установления Тан с разъяснениями = [Тан люй шу и] / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб, 2005.

Уголовные установления Тан с разъяснениями = [Тан люй шу и] / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб, 2008.

Юридический энциклопедический словарь. М., 1984.

Creel H. G. The Beginnings of Bureaucracy in China: The Origin of the Hsian // The Journal of Asian Studies. 1964. Vol. XXIII. № 2. February.

Об изучении российских политических концепций в Китае

Китайские политологи уделяют серьезное внимание изучению политического процесса в России. Один из наиболее интересующих их объектов – демократия (и как концепт, и как форма реализации политической власти). В прикладном значении демократия интересует, прежде всего, китайских политиков, так как не секрет, что руководство КНР ведет интенсивный поиск приемлемых для сложившегося в Китае политического порядка формулы демократизации общественной жизни и границ демократизации. В частности, предметом изучения в Китае стала концепция «суверенной демократии» – термин, введенный в политический лексикон России в 2005–2006 гг. и обозначающий одну из главных политических концепций на думских и президентских выборах в России 2007–2008 гг.¹ Термин «sovereign democasy» не является абсолютно новым в политической жизни и использовался также и на Тайване². В ноябре 2007 г. в РФ было выпущено несколько сборников статей, написанных политиками, экспертами, публицистами, в основном разъясняющими положения концепции. В числе сборников – «Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении» (издательство «Российская газета», сборник включает материалы российских ученых-правоведов, содержащие конституционное обоснование этой концепции), «PRO суверенную демократию» (издательство «Европа»), «Суверенная демократия. От идеи – к доктрине» (издательство «Европа») и др. В том же 2007 году в рамках межрегионального семинара «Политические идеи и идеологии в публичной сфере» Российской ассоциации политических наук состоялось обсуждение данной концепции политологами, представлявшими МГУ, МГИМО, ИНИОН. Участники исследовали концепцию с позиции научной критики, отметили наличие ее внутреннего и внешнего адресата, противоречия, создающие сложности в ее реализации. Отмечалось, в частности, что брэнд «суверенная демократия» представляет собой «смесь элементов антизападнических и западнических дискурсов, попытку найти новый их баланс»³. Обсуждение концепции «суверенной демократии» в научных и политических кругах не прекращается и по сей день.

В КНР публикации по этой теме были весьма многочисленны⁴ и в период 2006–2008 гг. появлялись в таких китайских изданиях, как «Сиболия яньцзю» (Исследования Сибири), «Дандай шицзе» (Современный мир), «Говай лилунь дунтай» (Зарубежное политическое обозрение), «Оучжоу яньцзю» (Исследования Европы), «Нэй Мэнгу миньцзу дасюэ сюэбао» (Вестник Университета национальностей Внутренней Монголии), «Дандай шицзе юй шэхуйчжуи» (Современный мир и социализм), «Бэйцин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ» (Пекин: Издательство Академии общественных наук Китая), «Элосы яньцзю» (Исследования России), «Нэй Мэнгу миньцзу дасюэ сюэбао. Шэхуй кэсюэ бан») (Вестник Университета национальностей Внутренней Монголии (серия «общественные науки»), «Гаосяо лилунь чжаньсянь» (Теоретический фронт высшей школы), «Хэпин юй фачжань» (Мир и развитие), «Дандай шицзе юй шэхуйчжуи» (Современный мир и социализм).

Ознакомление с китайскими работами, касающимися концепта и практики российской «суверенной демократии», позволяет прийти к выводу о том, что лишь некоторые китайские политологи воспринимают «суверенную демократию» как сложный и весьма неоднозначный феномен современной российской политической действительности. Не претендуя на полноту, изложим обоснование данного вывода. Как представляется, для многих китайских политоло-

гов остается незамеченным то обстоятельство, что в российской политической жизни существуют альтернативные взгляды на эту проблему, которые можно было бы назвать или в большей степени либерально окрашенными, или более консервативными, что отмечается отечественными политологами. В ходе изучения демократии российского образца китайские политологи описывают и дают толкование двум понятиям, концептуально выражающим специфический подход современной российской власти к демократии – понятию «контролируемая демократия» (кэжун миньчжу), которое также переводится чаще как «управляемая демократия», и понятию «суверенная демократия» (чжэцунань миньчжу). Все эти понятия характеризуют трансформацию политического режима (чжэньчжи тичжи), понимаемого в том смысле, что одна и та же структура политической системы может функционировать в различных режимах: в одном случае режим может акцентировать возможности применения насилия и развивать технологию принуждения, в другом – делать акцент на ненасильственные пути реализации политических и правовых норм и технологию убеждения. В третьем случае режим может опираться на технологии манипулирования общественным сознанием, заменяющим насилие. (В китайской и европейской политических традициях имеется описание названных функциональных моделей).

Работы на китайском языке 2006 г. отличались в целом ознакомительным характером. Авторы – Ли Сингэн, Сунь Линци, Фан Нин, Чжан Шухуа описывали и объясняли в основном нормативную сторону концепций «контролируемой демократии» и «суверенной демократии», и, как правило, не использовали объективные критерии, позволяющие судить о научной и практической результативности названных концепций. Критической реакции на концепции, разбора аргументов критиков «контролируемой» и «суверенной» демократии» в работах, вышедших «по горячим следам», вслед за началом применения термина в России, не отмечается. Характерным примером могут служить оценки Сунь Линци особенностей политической ситуации в России в последнее десятилетие (сменяющие друг друга режимы «контролируемой демократии» и «суверенной демократии»). Так, режим «контролируемой демократии», который, по словам автора, пришел на смену режиму 90-х гг., оценен следующим образом: «... «контролируемая демократия» соответствует российскому менталитету и закономерностям современного этапа общественного развития, является разновидностью реального выбора российского государства в условиях кризиса». ⁵ Автор даже не допускал мысли, что политический режим «контролируемой демократии» мог выражать интересы не всего народа, а именно интересы правящей элиты, он абстрагировался от сложной политической борьбы в России начала 2000-х гг. Характеризуя режим «суверенной демократии», Сунь Линци дал ему такую оценку: «Путин ведет Россию самобытным, специфическим для данного государства, путем демократической политики. Будь то «контролируемая демократия», или «суверенная демократия», они обе относятся к режиму нормативной демократии, переживающему переходный период развития и совершенствования».

Некоторые авторы более поздних публикаций характеризовали концепцию «суверенной демократии» не столь однозначно. Фань Цзяньчжун и Сюй Ипэн определили три области, вызывающие дискуссии : а) терминология, б) легитимность и аргументация самой идеи, в) ее ценности. Они обратили внимание на то, что в дискуссии, развернувшейся в России по поводу термина «суверенная демократия», была высказана точка зрения, согласно которой демократия не может быть суверенной и несуверенной, «несуверенной» демократии вообще не существует (т. е., есть вопросы к самому термину). (В частности,

Д.А. Медведев на Международном экономическом Форуме в Давосе в январе 2007 г. заявил, что демократия «как общественное явление, как юридическая конструкция не требует специальных пояснительных слов и является вполне универсальным термином».⁶ Фань Цзяньчжун и Сюй Ипэн обратили внимание на то, что собственное мнение по поводу Концепции выразил в сентябре 2006 г. и В.В. Путин, который занял в данном вопросе несколько отстраненную позицию, сказав, что обсуждение термина – дело политологов⁷). Далее, отмечается, в частности, что, как полагают некоторые российские эксперты, если идея «суверенной демократии» уже получила признание и элиты, и масс, то эту точку зрения не разделяют либералы и коммунисты⁸. В-третьих, существуют разные взгляды по поводу ценностей «суверенной демократии». Согласно одной точке зрения, «суверенная демократия» представляет собой демократическую модель, определяющую путь политического развития России. Согласно другому пониманию, «суверенная демократия» является конструктивной идеологической системой, своего рода официальной идеологией, которую должна иметь любая мировая держава. Благодаря наличию такой идеологии державы оказывают влияние на важнейшие вопросы мировой политики и определяют пути общественного развития в мире. Третий вариант понимания Концепции заключается в следующем: «суверенная демократия» – составная часть новой генеральной стратегии (чжудао чжаньлюэ), согласно которой Россия будущего – это сырьевая сверхдержава плюс «суверенная демократия». Разновидностью данного понимания Концепции является ее увязывание с модернизацией страны⁹.

Китайские эксперты в своих публикациях высказывают различные варианты происхождения термина «суверенная демократия». (В первых публикациях преобладала версия, согласно которой некоторые установки были уже сформулированы в посланиях Президента РФ Путина, которые затем были сведены в концепцию зам. Главы Администрации Президента РФ В. Суркова. Некоторые эксперты авторство термина отдают журналисту и политологу Виталию Третьякову (в прошлом – Главный редактор «Независимой газеты», в настоящее время – телеведущий программы «Что делать?» на телеканале «Культура»).

Изучая историческую обстановку, давшую жизнь Концепции, китайские специалисты отмечают, что на новом этапе развития государства появились и новые задачи в политической жизни – т. е. переход от постановки краткосрочных политических задач к долгосрочным, что стало возможным после того, как «Единая Россия» получила большинство голосов на выборах в Государственную Думу РФ 2007 г. Содержание Концепции китайские эксперты описывают, придерживаясь положений Посланий Президента РФ (период президентства В.В. Путина) Федеральному Собранию РФ и выступлений В. Суркова. Обращается внимание на следующие главные моменты в содержании Концепции.

1. При важности суверенитета и демократии суверенитет важнее, т.к., только обеспечив его, можно противостоять «демократизации» по-американски, не допустить «цветных революций» и обеспечить политическую стабильность.

2. Концепция «суверенной демократии» нацелена на экономическое развитие, т. к. этим определяется положение государства в мире.

3. Концепция предполагает усиление обороноспособности России.

4. Концепция исходит из необходимости разработки и следования специфической политической модели.¹⁰

Фань Цзяньчжун и Сюй Ипэн изучили вопрос и о политической перспективе концепции «суверенной демократии». Китайские эксперты пришли

к выводу, что, несмотря на продолжающуюся дискуссию вокруг «суверенной демократии», в российском обществе сложилось мнение, что Концепция поддерживается партией, имеющей большинство мест в Государственной Думе («Единая Россия»), что фактически сложился союз «партии власти» и верхних слоев общества. (Так, например, Ван Чао в своей статье констатирует, что партия Единая Россия превратилась в политическую опору В.В. Путина.¹¹).

Как известно, программа партии «Единая Россия» придерживается концепции «суверенной демократии», и китайские эксперты понимают ее роль в качестве идеологического инструмента. Между российскими и китайскими политиками и политологами входят в практику совместные обсуждения ряда теоретических проблем в области политологии. Так, 22–24 марта 2010 г. в Москве состоялось II Заседание межпартийного диалога партии «Единая Россия» и Коммунистической партии Китая на тему «Роль правящих партий России и Китая в посткризисный период». В данной ситуации интересно проследить, каким образом (в каких терминах) характеризуется статус партии «Единая Россия» в китайских публикациях. В дни проведения данного мероприятия статус КПК и «Единой России» передавался термином чжичжэн дан (правящая партия). Но, согласно теории политических партий и партийных систем, хорошо известной китайским политикам и политологам, Коммунистическая партия Китая – правящая партия в «классическом» смысле, а «Единая Россия» ни юридически, ни политически таковой не является. Китайские эксперты это понимают. Китайский ученый Ван Чао в своей статье определил статус «Единой России» термином «партия власти» – чжэнцюань дан.¹² Кстати, в телеинтервью Д.А. Медведева «Итоги года» (24.12.2010 г.) по отношению к ней использованы термины: «победившая на выборах партия», «партия власти», «ведущая политическая партия»¹³). Во многих публикациях можно обнаружить проявление своеобразного «дипломатического этикета», смягчающего отмеченные дискуссионные разногласия относительно Концепции.

В целом можно констатировать, что китайские эксперты достаточно подробно исследовали концепцию «суверенной демократии», а их исследования позволяют политическому руководству КНР иметь представление об этой концепции при выработке и осуществлении политики в отношении России.

---

¹ Рогожников М. Что такое «суверенная демократия» // Эксперт, 2005. № 43(489). 14 ноября.

² Li Teng-hsin. Selling out to China betrays our democracy // Taipei Times. Editorials. 2010.05.17.

³ Новости РАПН. 2007. Вып. 2 (27). Апр.

⁴ Ван Чао. Туньи элосы дан юй «чжуцюань миньчжу» (Партия Единая Россия и «суверенная демократия») // Сиболия яньцзю (Исследования Сибири). 2007. Апр. № 34. Вып. 2. С. 51–53.

Ли Сингэн. Пуцзин дэ «чжуцюань миньчжу» («Суверенная демократия» Путина) // Дандай шицзе (Современный мир). 2006. №7. С. 34–36.

Ли Сингэн. И «чжуцюань миньчжу» вэй цзичу дэ фачжань чжаньлюэ (Стратегия развития на базе «суверенной демократии») // Говай лилунь дунтай (Зарубежное политическое обозрение). 2007. № 2. С. 17–20.

«Суверенная демократия» – новые изменения стратегии государственного управления Путина. Интервью с главным научным сотрудником Ли Сингэном // Говай лилунь дунтай (Зарубежное политическое обозрение). 2006. № 10. С. 1–5.

Лун Данэн. Элосы дэ «чжуцюань миньчжу» сысян (Российская идея «суверенной демократии») // Оучжоу яньцзю (Исследования Европы) 2008. №4. С. 89–103.

Лю Сяоянь. Пуцзин шици Элосы чжэнчжи тичжи. «Чжуцюань миньчжу» хань'и чаньши» (Политический режим России при Путине. Разъяснения по поводу смысла «суверенной демо-

кратии) / Лю Сяоянь, Сюань Цзиньшань // *Нэй Мэнгу миньцзю дасюэ сюэбао* (Вестник Университета национальностей Внутренней Монголии). 2008. 01. Т. 14. Вып. 1. С. 34–36.

Сунь Линци. Пуцзин чжэнчжи тичжи дэ тэчжэн: «кэжун миньчжу» – «чжуцзоань миньчжу» (Специфические черты политического режима Путина: «контролируемая демократия» – «суверенная демократия» // *Дандай шицзе юй шэхуйчжуи* (Современный мир и социализм). 2006. № 1. С. 110–114.

Фан Нин. Миньчжу чжэнчжи шилунь: Чжунго тэсэ шэхуйчжуи миньчжу лилунь юй шицзяньдэ жогань чжунда вэньти (Десять суждений относительно демократической политики: некоторые важные вопросы теории и практики социалистической демократии с китайской спецификой) // *Бэйцзин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ* (Пекин: Издательство Академии общественных наук Китая), 2007. – Переизд. в 2009 г.

Фань Цзяньчжун. Элосы дэ «чжуцзоань миньчжу»: юлай, чжэньи цзи цянцзин (Российская «суверенная демократия»: происхождение, дискуссия, перспективы) / *Фань Цзяньчжун, Сюй Ипэн // Элосы яньцзю* (Исследования России). 2007. № 4. С. 5–11.

Цзян Гуйши. Цянсьи Пуцзин шици Элосы «чжуцзоань миньчжу» чжэнчжи тичжи (Экспресс-анализ политической системы России времен Путина) / *Цзян Гуйши, Лю Сяоянь // Нэй Мэнгу минцзю дасюэ сюэбао* (шэхуй кэсюэ бан) (Вестник Университета национальностей Внутренней Монголии (серия «общественные науки»). 2008.09. Т. 34. Вып. 5.

Чжан Шухуа. О суверенной демократии. Российский взгляд на демократию и демократический путь // *Гаосяо лилунь чжаньсянь* (Теоретический фронт высшей школы). 2007. № 5. С. 51–55.

Чжао Лунгэн. Чжуцзоань миньчжу: Пуцзин дуй Элосы миньчжу лилунь юй шицзяньдэ таньсо (Суверенная демократия: изыскания Путина в области теории и практики демократии) // *Хэпин юй фачжань* (Мир и развитие). 2007. № 2. С. 44–49.

⁵ *Сунь Линци*. Пуцзин чжэнчжи тичжи дэ тэчжэн: «кэжун миньчжу» – «чжуцзоань миньчжу» (Специфические черты политического режима Путина: «контролируемая демократия» – «суверенная демократия» // *Дандай шицзе юй шэхуйчжуи* (Современный мир и социализм). 2006. № 1. С. 111.

⁶ *Фань Цзяньчжун*. Элосы дэ «чжуцзоань миньчжу»: юлай, чжэньи цзи цянцзин (Российская «суверенная демократия»: происхождение, дискуссия, перспективы) / *Фань Цзяньчжун, Сюй Ипэн // Элосы яньцзю* (Исследования России). 2007. № 4. С. 8.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Лидер либеральных демократов (так в тексте – Б.В.) Чубайс называл «суверенную демократию» ложной идеей, принципы которой никогда не приживутся в других демократических режимах. Первый заместитель Председателя Российской демократической партии (так в тексте – Б.В.) С. Иваненко полагал, что «суверенная демократия» оставляет людей за пределами демократии и ведет Россию в тупик, а профессор Высшей школы экономики Э. Паин сравнивал ее с испанским франкизмом. Первый заместитель Председателя КПРФ И. Мельников назвал Концепцию ненаучной и пообещал, что в нужное время российские коммунисты превратят ее в «народную демократию».

⁹ *Ван Чао*. Туньи элосы дан юй «чжуцзоань миньчжу» (Партия Единая Россия и «суверенная демократия» // *Сиболия яньцзю* (Исследования Сибири). 2007. Апрель. № 34, вып. 2. С. 51–53.

Ли Сингэн. Пуцзин дэ «чжуцзоань миньчжу» («Суверенная демократия» Путина) // *Дандай шицзе* (Современный мир). 2006. № 7. С. 34–36; *Ли Сингэн*. И «чжуцзоань миньчжу» вэй цичу дэ фачжань чжаньлюэ (Стратегия развития на базе «суверенной демократии») // *Говай лилунь дунтай* (Зарубежное политическое обозрение). 2007. № 2. С. 17–20; *Лун Дапэн*. Элосы дэ «чжуцзоань миньчжу» сысян (Российская идея «суверенной демократии»). *Оучжоу яньцзю* (Исследования Европы) 2008. № 4. С. 89–103.

¹⁰ *Ван Чао*. Там же. С. 51.

¹¹ Там же, с. 51.

¹² Там же, с. 51.

¹³ Итоги года с Президентом России. 24 декабря 2009 года. <http://www.kremlin.ru/news/6450>

Россия и Королевство Сиам (Таиланд) в XIX – нач. XX в.: очерк истории двусторонних отношений

Отношения России и Королевства Таиланд имеют давнюю историю и оригинальный характер. Взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего этих отношений, а также значение двусторонних контактов для внешней политики обеих стран связаны с перспективами их развития в XXI веке.

История отношений России и Сиам освещена в ряде исследований, в том числе, в объемной статье профессора Б.Н. Мельниченко в сб. Восточного факультета СПбГУ «Россия и Восток» (2000), в публикациях по частным вопросам. Дополнительные сведения о двусторонних контактах автору удалось почерпнуть из фондов РГАКФД (г. Красногорск); в сборнике опубликованных документов (изданных при участии МИД Российской Федерации, МИД Таиланда, Федеральной архивной службы России, Национального архива Таиланда, Института востоковедения Российской академии наук и Таммасатского университета Королевства Таиланд) «Россия-Сиам, 1863–1917: документы и материалы» (1997); а также на страницах российской прессы конца XIX – начала XX вв. («Санкт-Петербургские ведомости»).

Российский государственный архив кинофотодокументов (г. Красногорск) содержит богатую коллекцию -кино и -фотоматериалов по истории отношений России и Королевства Таиланд в период к. XIX-XX вв. Кроме того, в книге В.Н. Баталина «Кинохроника в России 1896–1916 гг.» (2002), изданной при участии Федеральной архивной службы России и РГАКФД, читатель может ознакомиться с подробной описью киносъёмок, хранящихся в РГАКФД, в том числе – с сюжетами, относящимися к истории российско-сиамских отношений в нач. XX в. Один их таких киносюжетов был снят фирмой А.О. Дранкова в 1911 г.

В статье также использованы материалы книги «Первое посещение королём Чулалонгкорном Европы в 1897 году. Визит в Россию» (тайск. название – การเสด็จประพาสยุโรปครั้งที่ ๑ ของ พระบาทสมเด็จพระจุลจอมเกล้าเจ้าอยู่หัว พ.ศ. ๒๔๔๐ การเสด็จประพาสรัสเซีย). Книга является собранием писем и документов, подготовленным при участии Центра Европейских Исследований Университета им. Чулалонгкорна, Министерства Культуры Таиланда и Посольства РФ в Королевстве Таиланд. Издание книги было приурочено к 300-летию Санкт-Петербурга в 2003 году. Документы, с которыми можно ознакомиться на страницах сборника, представлены на тайском, английском и русском языках; главный редактор книги – проф., д.ф.н., Порнсан Ватанангура, авторы переводов – Вадим В. Великанов, Карина Чотирави, Пачи Юваджита.

Причины возникновения взаимного интереса двух государств. Первые контакты Российской империи и Королевства Сиам.

Королевство Таиланд (до 1939 г. – Сиам) – единственная страна в Юго-Восточной Азии, которая никогда не была колонией. Однако и Сиам, в числе других стран региона, переживал тяжёлые времена, когда возможность того, что Королевство сохранит независимость, была крайне мала.

В конце XIX в. Сиам оказался в окружении колоний Великобритании и Франции. По англо-французским соглашениям, заключённым в 1896 и 1904 гг. без участия сиамских представителей, страна было поделена на английскую и французскую «сферы влияния». Угроза присоединения Сиам к колониальным французским или британским владениям с каждым днём становилась всё более реальной. Но, благодаря дипломатической поддержке и помощи со сто-

роны Российской империи, а также обстоятельствам международной обстановки тех лет, удачно сложившимся для Сиама, государству удалось отстоять свою независимость.

В целях сохранения свободы Королевства, правительство Сиама стремилось найти надёжного союзника и отзывчивого покровителя – то есть государство, обладающее существенным влиянием в отношениях с европейскими державами. Таким союзником могла стать Россия, чей международный авторитет в ту пору был очень высок. Авторы книги «Российская дипломатия в портретах» отмечают: «Россия относилась к числу великих держав. Она владела обширными внутренними колониями, участвовала в разделе на «сферы интересов» полуколоний (Персия, Китай) и пользовалась традиционным влиянием в балканских, особенно славянских странах»¹. Таким образом, правители Сиама приняли решение установить официальные дипломатические отношения с Российской империей, чтобы заручиться поддержкой против попыток экспансии со стороны европейских государств.

Первые сведения о Сиаме появились в России ещё в XVIII в., но до середины XIX столетия сами русские в Сиаме не бывали, а сведения черпались в основном из переводов трудов европейских путешественников. Первый же непосредственный контакт русских и сиамцев произошёл в 1863 г. В феврале этого года два корабля Тихоокеанской эскадры – винтовой клипер «Гайдамак» и корвет «Новик» вошли в устье реки Менам², на берегах которой расположен Бангкок, столица Сиа́мского Королевства. Морякам из России был оказан тёплый приём. Король Рама IV Монгкут³ радушно принял русских офицеров и выказал заинтересованность в дальнейшем развитии отношений Сиама с Российской империей.

Стоит отметить, что облик Сиама в 1863 г. весьма отличался от образа экзотической, не цивилизованной (в соответствии с европейским пониманием слова) страны, который мог быть знаком русскому обывателю. Король Рама IV Монгкут первым из сиамских правителей стал проводить реформы по европейскому образцу, а его сын, король Рама V Чулалонгкорн⁴, в дальнейшем продолжил дело отца. Дальновидная и мудрая политика двух монархов привела к тому, что в Сиаме путём государственных преобразований были отменены рабство и личная зависимость крестьян, введён институт частной собственности на землю, модернизированы вооружённые силы, создана государственная светская система образования и т. д. При этом в стране уже существовала образованная на европейский манер элита, а достижения европейской цивилизации прививались в сиамском обществе. Всё это способствовало расширению возможностей общения и взаимопонимания между сиамцами и иностранцами, а также укреплению положительного образа Сиама в глазах иностранных держав, в том числе и России.

Первая встреча русских моряков и сиамцев положила начало развитию российско-сиамских отношений. В к. XIX-нач. XX вв. Бангкок посещали корабли Российского Флота: в феврале – марте 1874 г. – корвет «Аскольд» под командованием контр-адмирала Ф. Я. Брюмера, в апреле 1882 г. – крейсера «Азия» и «Африка» под начальством контр-адмирала А. Б. Асланбекова, в марте 1891 г. – фрегаты «Память Азова», «Владимир Мономах» и «Адмирал Нахимов», в июле того же года – канонерская лодка «Сивуч», в мае 1900 г. – канонерка «Гиляк», и наконец в ноябре 1911 г. – крейсер «Аврора». В 1875 г. в Сиаме побывал знаменитый русский путешественник и учёный Н.Н. Миклухо-Маклай. Со временем в России были опубликованы описания Сиама, воспоминания о путешествиях в эту страну, отчёты о переговорах с сиамскими политиками.

Визит короля Сиам Рама V Чулалонгкорна в Россию в 1897 г. и значение этого события для внешнеполитического положения Королевства Сиам.

В развитии российско-сиамских отношений той поры особую роль сыграл визит в Сиам наследника российского престола – цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II. Цесаревич путешествовал по странам Востока в 1890–1891 гг., и дни 19–24 марта 1891 г. по приглашению короля Чулалонгкорна провёл в Сиаме. Как известно, в поездке цесаревича Николая сопровождал князь Э.Э. Ухтомский, который впоследствии описал путешествие в своей знаменитой книге «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891». Второй том этого объёмного сочинения почти полностью посвящён пребыванию Николая Александровича в Сиаме; книга была также издана на английском, немецком и французском языках.

Приезд цесаревича Николая Александровича в Сиамское Королевство во многом определил характер дальнейшего развития российско-сиамских отношений. Как пишет в одном из своих исследований, посвящённых данной теме, д. и. н., профессор Б.Н.Мельниченко: «На всю жизнь сохранил Николай II интерес к Сиаму, к сиамским делам. ...Император России всегда был дружелюбно внимателен к обращениям из Сиамы, внимателен к сиамским гостям России. Личное знакомство короля Сиамы и будущего императора России, их новая встреча в Петербурге 1897 г., поддерживаемые ими дружеские отношения имели большое значение для развития российско-сиамских отношений в целом»⁵.

После посещения Николаем Александровичем Сиамы начинают развиваться контакты между правящими династиями двух стран. В июле 1891 г. в Бангкок прибыла канонерская лодка «Сивуч», и её капитан А.П. Плаксин вручил королю Сиамы Чулалонгкорну орден Св. Андрея Первозванного, а также письмо Александра III с благодарностью за дружественный приём в Бангкоке его сына. Осенью 1891 г. в Россию приезжал принц Дамронг – брат короля Чулалонгкорна, в будущем замечательный историк, археолог и этнограф, вдохновитель и организатор первых научных исследований в Сиаме. Дамронг приезжал в Крым, был принят Александром III и передал российскому императору высший сиамский орден «Маха Чакри». Визит цесаревича в Сиам и приезд принца Дамронга в Россию оживили интерес российской стороны к далёкому государству в Юго-Восточной Азии. Во время франко-сиамских конфликтов в 1893 и 1897 гг. российское правительство оказало Сиаму дипломатическую помощь и поддержку.

В конце 1890-х гг. Сиам оказался в критическом положении. Решалась судьба Королевства – сумеет ли оно сохранить независимость или же станет европейской колонией. Именно при таких обстоятельствах король Сиамы Рама V Чулалонгкорн летом 1897 г. отправился с официальным визитом в европейские страны.

Чулалонгкорн стремился улучшить отношения с Францией и в то же время заручиться поддержкой России, Германии и Великобритании против французских посягательств на независимость Королевства. В начале июня 1897 г., находясь в Риме, король Чулалонгкорн получает телеграмму от супруги, королевы Саовапхи. В телеграмме значится следующее: «Особенно важна возможность лично переговорить с Российским Императором для того, чтобы нейтрализовать в максимально возможной степени последствия интриг колониалистов. Также тебе было бы хорошо показать во время этих встреч, что мы можем выставлять и свои требования, а также, что представляется невозможным давать колониалистам власть и привилегии в степени большей, чем

это определено в договоре»⁶. Франция первоначально вовсе отказалась вести переговоры с сиамским королём. Было очевидно, что только позиция России – союзника Франции – могла оказать влияние на решение французского правительства. Император Николай II официально приглашает сиамского короля посетить Российскую империю.

Визит короля Чулалонгкорна в Россию 19–29 июня (1–11 июля) 1897 г. стал важнейшим событием в развитии отношений между Россией и Сиамом в ту эпоху. Чулалонгкорн побывал в Москве, Санкт-Петербурге и Петергофе, где ему был оказан самый торжественный приём. В России король Чулалонгкорн имел официальные встречи с императором Николаем II, императрицей Александрой Фёдоровной, императрицей-матерью Марией Фёдоровной, великим князем Михаилом Александровичем, великой княгиней Ольгой Александровной и другими представителями дома Романовых.

Вот как во время пребывания на российской земле Чулалонгкорн описывает свои впечатления в письме к супруге, королеве Саовапхе: «Их Императорские Величества принимали меня в «Александрии». Императрица спрашивала о тебе. Она была рада получить твою телеграмму и высказала пожелание когда-либо увидеться с тобой лично. ... Весь сегодняшний день провёл в разъездах и визитах. Здесь также находится младший брат короля Дании. Великие князья, получившие королевские награды, посетили меня с визитами, чтобы высказать свою признательность. Вечером встретился с Графом Муравьевым и имел с этим умным человеком исключительно полезную и хорошую беседу. ... В восемь часов вечера состоялся высочайший банкет. Император обменялся со мной приветственным словом и пожеланиями. Все министры и государственные чиновники представились мне. После этого я сменил костюм, и мы с Императором выехали вдвоём на прогулку. Около двух часов мы наслаждались беседой. Довольно большая территория дворца была мило украшена огнями, хотя было ещё не очень темно»⁷.

Приезд короля Сиам Чулалонгкорна подробно освещался на страницах российской прессы – о нём писали такие издания, как «Правительственный вестник» (21 июня (3 июля) 1897 г., № 134, с. 3), «Московские ведомости» (24 июня (6 июля) 1897 г., № 171, с. 2), «Санкт-Петербургские ведомости» (25 июня (7 июля) 1897 г., № 170, с. 3), «Новое время». Во время пребывания сиамского короля в России, в Санкт-Петербурге была опубликована брошюра Е.К. Апостолиди «Королевство Сиам (Историко-этнографический очерк)».

В ходе встреч императора Николая II и короля Чулалонгкорна была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений и подписании государственного договора между Россией и Сиамом, а также было принято решение о том, что один из сыновей сиамского короля получит образование в России. Усилиями российских дипломатов наиболее острый и опасный для независимости Сиам конфликт с одной из крупнейших европейских держав – Францией, был в значительной степени разрешён; уже с июня (июля) 1897 г. между Францией и Сиамом начались переговоры, в которых Россия выступала посредником. Однако король Чулалонгкорн со всей возможной объективностью и истинно королевским чувством собственного достоинства оценивает смысл этого события. Ещё находясь в России, Чулалонгкорн выражает в телеграмме министру иностранных дел Сиам принцу Девавонгу такую убежденность: «Во всём этом, однако, есть и подводные камни. Они заранее, до моего прибытия сюда, готовили предпосылки улучшения наших отношений с Францией, что, насколько я понимаю, даст хорошие результаты. Но мы не просим Россию принимать за нас решения. Просто один друг помогает двум другим друзьям помириться»⁸.

Визит короля Чулалонгкорна в Россию в 1897 г. стал символическим событием в истории дружественных отношений между двумя государствами и ключевым для дальнейшего развития официальных дипломатических двусторонних контактов.

Развитие дипломатических и политических отношений России и Королевства Сиам в к. XIX–нач. XX вв.

В апреле 1898 г. первый российский посланник в Сиаме, занимавший ранее должность генерального консула России в Нью-Йорке, А.Е. Оларовский приступил к исполнению своих обязанностей. «В инструкции МИД России А.Е. Оларовскому указывалось: «Ваша деятельность во всём её объёме должна носить на себе отпечаток благожелательного внимания, которое августейшему монарху нашему благоугодно ныне проявлять как лично в отношении к его величеству королю сиамскому, так и к ближайшим судьбам управляемого им народа; она должна идти навстречу той искренности и приязни, кои положены Сиамом в основу отношений своих к России; равным образом она должна быть лишена всяких корыстных побуждений и стремлений исторгнуть те или иные выгоды; наконец, она должна отвечать и ожиданиям страны встретить со стороны России столь желанное к её интересам участие и найти в последнем необходимую нравственную опору в неравной борьбе с её могущественными соседями...»⁹.

11(23) июня 1899 г. в Бангкоке была подписана «Российско-сиамская Декларация относительно юрисдикции, торговли и мореплавания», которая предоставляла подданным обеих стран взаимные права «наиболее благоприятствующей нации». Декларация стала первым официальным договором в истории двусторонних отношений.

Представительство (посольство) России находилось в Бангкоке до 1917 года; его возглавляли А. Е. Оларовский (1898–1907 гг., с перерывом), А. Г. Яковлев (1908–1910), Г. А. Плансон (1910–1916) и И. Г. Лорис-Меликов (1916–1917); А. Е. Оларовский с октября 1906 г. имел звание чрезвычайного посланника и полномочного министра.

Следует отметить, что Николай II с большим вниманием относился к работе российских представителей в Сиаме. Император принимал живое участие во всех делах, связанных с Королевством. Он и императрица Александра Фёдоровна нередко виделись с российскими дипломатами, когда те приезжали из Сиам в Россию. Упоминания об этих встречах можно найти на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей». Вот, например, сведения от 23 декабря 1902 (10 января 1903) года, № 334 (раздел "Хроника", стр.4): «Ея Величеству Государыне Императрице Александре Фёдоровне имел счастье представляться среди прочих в пятницу, 27 декабря, министр-резидент в Сиаме, действительный статский советник Оларовский».

Николай II высоко оценивал работу русских посланников в Сиаме. Обратимся к одной из заметок «Санкт-Петербургских ведомостей». На странице 1, в № 80 от 11(24) апреля 1914 г. можно прочесть: «Высочайший приказ по ведомству министерства иностранных дел. Награждаются Св. Станислава 1-ой степени действительные статские советники: в звании камергера Двора Его Императорского Величества, чрезвычайные посланники и полномочные министры... при его величестве короле сиамском Георгий Плансон».

Что же касается Посольства Королевства Сиам в Российской империи, то документально подтверждено, что дипломатические представители Сиам в России официально занимали свои должности с 16 ноября 1897 г. вплоть до 1917 г. (по материалам «Ежегодника МИД России» за 1897–1917 гг.). Также известно, что официальным адресом посольства с 1903 г. являлся следующий адрес: Санкт-Петербург, Адмиралтейская набережная, дом 6.

В соответствии с материалами «Ежегодника МИД России» за 1897–1917 гг. первым дипломатическим представителем Сиам в России был Пья Сурия Нуват. Его время пребывания в должности – 16 октября 1897 г. – 12/24 ноября 1899 г. Что касается остальных посланников Королевства Сиам в Российской империи, то сведения о них можно найти в «Ежегоднике МИД России» и справочниках «Весь Петербург» за 1897–1914 гг.» и «Весь Петроград» за 1915–1917 гг.» Первая часть справочников «Весь Петербург» и «Весь Петроград» предоставляет информацию касательно организаций и ведомств. В разделе этой части – «Дипломатический корпус при Высочайшем Дворе» (статья «Сиам») – мы можем узнать имена сиамских посланников, время их пребывания в должности, а также установить имена и фамилии атташе, советников, секретарей и военных агентов посольства. Именно здесь, начиная с 1903 г., указывается адрес посольства Королевства Сиам в Санкт-Петербурге. В третьей части справочников перечисляются имена жителей Санкт-Петербурга, среди которых с 1901 г. присутствуют и имена сиамских посланников, а также указан адрес их проживания, совпадающий с адресом посольства: Адмиралтейская набережная, д. 6. К сведениям, которые предлагает справочник, можно добавить, что в феврале 1918 г., после потрясших страну революционных событий, Сиамское посольство покинуло Адмиралтейскую набережную и выехало из Петрограда в Вологду, Архангельск и далее – в Сиам.

Автору удалось обнаружить также упоминания о сиамских посланниках в изданиях «Санкт-Петербургских Ведомостей» за 1901, 1903, 1914 гг. Находясь в России, сиамские представители сумели воспользоваться своим положением и проводить активную дипломатическую политику в отношении представителей других государств, в том числе европейских держав, зависимость от которых, несмотря на значительную помощь со стороны России, Сиам всё-таки ощущал. Сиамские послы участвуют во всех важнейших мероприятиях Дипломатического корпуса, встречаются с высокими гостями из европейских стран, приезжающими в Россию. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала 12 апреля 1901 г. о визите министра иностранных дел Франции Т. Делькассэ¹⁰ в Россию: «11 апреля французскому министру иностранных дел г. Делькассэ сделали визиты: послы: турецкий Гусни – паша, английский – сэр Чарльз Стюарт Скотт... чрезвычайные посланники и полномочные министры: португальский – г. Д'Орнеллас, сиамский – Могибал-Бориракс (так в тексте – А. П.), сербский – Стоян Новакович и др.» (*Санкт-Петербургские ведомости, 1901. № 98. 12 (25) апреля*). Вот ещё одно доказательство активной дипломатической деятельности сиамского посольства в России – «Санкт-Петербургские ведомости» дают такие сведения, связанные с назначением нового французского посланника в Российской империи 19 марта 1903 г.: «...17 марта состоялся приём у нового французского посла Бомпара. Был дипломатический корпус: посланники:... сиамский посланник Пья Сидхамасасан» (*Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 76. 19 марта (апреля)*). Также, например, сиамское посольство поддерживает и со своей стороны укрепляет связи с представителями в России других стран Востока. Вот что писала газета «Санкт-Петербургские ведомости» 1 марта 1914 г.: «27 февраля у китайского посланника Лиу-Чжан-Чжэн состоялся блестящий раут. На рауте присутствовали министры: иностранных дел, военный, торговли и промышленности, народного просвещения; германский посол, посланник баварский, сиамский (видимо, имеется в виду сиамский посланник Пхра Висан Ботчанакан – А. П.), шведский, румынский, персидский... и множество приглашённых» (*Санкт-Петербургские ведомости. 1914. № 49. 1 (14) марта*).

Не единожды сиамские посланники были приняты императором Николаем II и императрицей Александрой Фёдоровной, в составе Дипломатического корпуса они принимали участие во всех мероприятиях императорского двора. Во многих выпусках «Санкт-Петербургских ведомостей» того времени мы можем обнаружить упоминание о присутствии сиамского посланника на аудиенции у представителей царской семьи (например: *Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 40. 10 (23) февраля*; *Санкт-Петербургские ведомости. 1901. № 92. 6 (19) апреля*. В этих номерах упоминаются соответственно «сиамский посланник Фиа-Сридга-Масасан» и «сиамский посланник Фиа - Магибал Бо-риракс»).

Пребывание принца Сиама Чакрабона в России. Екатерина Десницкая и принц Чакрабон.

Одним из важнейших и наиболее красочных эпизодов развития отношений между странами в ту эпоху стало пребывание в России сына короля Сиама Чулалонгкорна – принца Чакрабона. Еще в 1897 г., во время памятного визита Чулалонгкорна в Россию, император Николай II предложил тому отправить одного из своих сыновей на обучение в Санкт-Петербург. В письме императору Николаю II, датированном 24 февраля (7 марта) 1898 г., Чулалонгкорн пишет следующее: «Приближается время, когда в осуществлении той счастливой мысли, которую мы обсуждали несколько лет назад в Сиаме и о которой в. в-во вспомнили во время моего пребывания в Петергофе, моему сыну, Леку¹¹, предстоит направиться в Россию, для того чтобы получить там, под покровительством в. в-ва, дополнительное образование. ...Я действительно знаю, что единственной целью в. в-ва будет развитие умственных способностей и характера Лека, с тем чтобы он как человек и принц обладал бы знаниями и опытом, достоинствами, которыми я восхищался в в.-ве и в семье в. в-ва».¹²

Отношения между Россией и Сиамом в начале XX века во многом определялись характером личных контактов между представителями правящих династий. Император Николай II и король Чулалонгкорн выступали как бы гарантами гармонии культурно-гуманитарной основы двусторонних отношений. И именно личное обаяние Николая Александровича сыграло свою роль – он и его семья так понравились королю Сиама, что тот решил отправить своего сына в Россию – к императорскому двору и в окружение представителей дома Романовых. Ещё в 1896 г., за год до поездки Чулалонгкорна в Европу и Россию, принц Чакрабон отбыл из Сиама в Англию, где потом и начал изучать русский язык. Вместе с ним путешествовали его атташе Нок Юнг и товарищ Най Пум Сакара. Най Пум не принадлежал к знатному сиамскому роду, но прекрасно учился и получал королевскую стипендию. Король решил, что именно Най Пум будет сопровождать принца в его путешествии в Россию, справедливо полагая, что в компании умного, старательного мальчика сын добьётся больших успехов в учёбе.

В связи с решением русского императора о принятии сиамского принца в России министр императорского двора В.Б. Фредерикс¹³ писал министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьёву¹⁴ 14 (26) апреля 1898 г.: «По всеподданнейшему моему докладу письма в. с-ва от 2-го апреля № 210. Государь император высочайше повелеть соизволил:

сиамскому принцу Шакрабонгзе предоставить, впредь до окончательной выработки плана воспитания е. выс-ва, помещение в Зимнем дворце, на летние месяцы – в Петергофе;

зачислить е. выс-во для слушания курса наук в Пажеский е. и. в-ва корпус; предложить директору Пажеского корпуса непосредственно войти в сношение

с сиа́мским посланником для собрания сведений, необходимых в целях составления плана воспитания и образования е. к. выс-ва»¹⁵.

В мае 1898 г. принц Чакрабон и Най Пум отправились в Россию. Их сопровождали сиа́мский чрезвычайный посланник и полномочный министр Пья Сурия Нуват и учитель Пья Махибан Борирак, позднее также ставший чрезвычайным посланником и полномочным министром Си́ама в России. Прибывших в Санкт-Петербург гостей поселили в Зимнем дворце. Предполагалось, что летом принц и его спутники будут проживать в Петергофе.

Воспитателем юношей стал ротмистр лейб-гвардии Уланского полка его Величества А. Хрулев, а учителем русского языка – П. Н. Ардашев, магистр Московского университета. Он был первым наставником Чакрабона в Лондоне, ещё до приезда принца в Россию. П.Н. Ардашев 5 (17) мая 1898 г. писал М. Н. Муравьёву: «По тому факту, что юный принц успел овладеть столь трудным для иностранцев русским языком в пять с небольшим месяцев, никогда при том не бывав в России и не имея возможности слышать живого русского разговора (так как я здесь был всё время единственным представителем русского элемента), – по этому факту, в с-во, можете легко заключить о выдающихся дарованиях юноши. ...В своём ученике я нашёл не только редкие дарования, но и не менее редкое трудолюбие. ...Помимо чисто педагогических качеств умственная и нравственная физиономия юного принца характеризуется выдающимися достоинствами. ...Что касается России, то принц отправляется в нашу далёкую страну не только с охотой, но я не боюсь преувеличить, если скажу – с восторгом. Он успел заранее полюбить Россию, как полюбил русский язык, очевидно под обаятельным впечатлением царской ласки, которой он удостоился во время первого свидания своего с государём императором в Дармштадте и которая в настоящее время нашла свое торжественное подтверждение в милостивом изволении е. в-ва взять под своё высокое покровительство дальнейшее воспитание юного принца...»¹⁶.

По характеру этого письма можно заключить, что к юному принцу в чужой стране отнеслись с должным уважением, доброжелательностью и заботой. Пажеский корпус, в который были зачислены молодые люди, был одним из старейших и лучших учебных заведений в России, где детей из родовитых фамилий готовили к службе в гвардии. Чакрабон и Най Пум должны были в короткий срок овладеть знаниями, которые их однокурсники приобрели за первые пять лет обучения, и им приходилось усердно заниматься.

Успешно сдав экзамены в мае 1899 г., Чакрабон, в сопровождении Пья Махибана, отправился в Си́ам. Най Пум остался в России на попечении ротмистра А.Хрулева. Вернувшись в Россию, принц и его товарищ продолжают свои занятия в Пажеском корпусе, постоянно проживая в Зимнем дворце.

Необходимо упомянуть о том, что сиа́мский принц был тепло принят Николаем II и его ближайшим окружением. В дневнике императора встречаются записи о встречах с сиа́мским принцем. От 20 января 1906 г. император делает следующую заметку: «Утром имел два доклада и принял 12 человек. Завтракал Чакрабон, передавший мне письмо от своего отца»¹⁷. 24 января 1906 г. царь записывает: «Утренние доклады затянулись до половины второго. Завтракали: Мари¹⁸, Дмитрий¹⁹, Чакрабон и Сашка Воронцов²⁰»²¹. В марте 1900 г. в Санкт-Петербург приезжал наследный принц Си́ама Вачиравуд, будущий король Рама VI. Вместе с Чакрабоном он был не раз принят императором Николаем II. Одно из этих посещений документально засвидетельствовано пометкой Николая: «Дайте знать графу Бенкендорфу²², чтобы он пригласил принца с Чакрабоном к нам к завтраку в субботу завтра в 1 час»²³.

Учитывая ту неохоту, с которой Николай Александрович и его семья расширяли круг своих близких, и несколько натянутые отношения царя с двором и некоторыми членами царской семьи, ценнее то особенное внимание, которое Николай оказывает Чакрабону. В письме Николаю II от 12(24) августа 1899 г. король Чулалонгкорн отмечает: «Королева и я получили от Лека полные сведения о постоянном милостивом расположении к нему в. в-ва и императрицы и дружеском отношении Вашей семьи и всех русских. Я могу совершенно ясно свидетельствовать, что признательность Лека к в. в – вам и его любовь к России и русским велика и искренна»²⁴.

Молодые люди продолжали свои занятия в Пажеском корпусе. Со временем они переехали из Зимнего дворца на новую квартиру. 11(24) января 1900 г. в письме к П.Н. Ардашеву Най Пум впервые упоминает будущий адрес Сиамского посольства в Санкт-Петербурге – Адмиралтейская набережная, д. 6. Вот что он пишет: «...Я теперь уже привык к русскому климату, так что даже перемены погоды не действуют на меня. Вы знаете, что у нас теперь новая квартира на Адмиралтейской набережной. Квартира отличная, прекрасная зала, где можно танцевать, и потом несколько ещё отличных комнат»²⁵. В качестве обратного адреса на письме указан пока адрес Зимнего дворца. Однако уже весной 1900 г. в письме Най Пума, датированном 19 марта (1 апреля), отмечено, что оно отправлено с Адмиралтейской набережной, д. 6. Этот адрес указан Най Пумом как адрес «Сиамского посольства». Най Пум пишет: «...В будущем году я перехожу в специальный класс, тогда, пожалуй, веселее будет. Очень вероятно, попаду на выставку в Париж. Вы будете там. Там должно быть хорошо в июне, потому что тогда уже народа будет меньше. ...Какая чудная погода у нас теперь, просто прелесть, горе только в том, что грязно на дворе. Скоро можно на островах покататься верхом. Теперь ещё неудобно, потому что снег только что начал таять. Я думаю, что у Вас теперь прекрасно. Настоящая весна в Петербурге ещё не наступила»²⁶.

Весной 1900 г., успешно сдав экзамены, Чакрабон и Най Пум отправились на Всемирную выставку в Париж, а затем в Англию, где принц вновь встретился со своим братом, наследным принцем Вачиравудом, который там учился. Перед отъездом Чакрабон несколько раз посетил Николая II по специальному приглашению.

В конце лета молодые люди вернулись в Петербург. Будучи одними из лучших учеников Пажеского корпуса, Чакрабон и Най Пум получили придворное звание камер-пажей. В их обязанности входило дежурство при императоре и дамах императорской фамилии, а также участие в разного рода придворных церемониях и празднествах. Чакрабон был назначен пажом вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, а Най Пум – императрицы Александры Фёдоровны.

Молодой принц и его друг проявляют большой интерес к русской культуре; посещают петербургские театры, знакомятся с сочинениями русских писателей. В своём дневнике принц отмечает: «Мне очень нравится музыка Аренского²⁷, особенно одна ария на стихи Лермонтова, такая поэтичная и трогательная. ...Недавно прочёл «Дворянское гнездо» Тургенева. Великая книга!» – в восторге восклицает он»²⁸.

Петербург, равно как и Москва, являлся центром художественной жизни России рубежа веков, и принц Чакрабон и Най Пум с особенным удовольствием посещали дом принца Константина Ольденбургского, князя Юрьевского – сына императора Александра II от морганатического брака с княгиней Юрьевской, и дом госпожи Храповицкой, вдовы офицера Гусарского полка. Здесь Чакрабон и его товарищ проводили вечера в обществе молодых писа-

телей, художников, актёров и музыкантов, представителей артистического круга столицы. У Чулалонгкорна были все основания полагать, что, благодаря определённому влиянию русского императора, его семейства и остального окружения молодого принца, главной целью пребывания его сына в России в самом деле «будет развитие умственных способностей и характера Лека, с тем чтобы он как человек и принц обладал бы знаниями и опытом, достоинствами, которыми я восхищался в в.-ве и в семье в. в- ва».²⁹

В январе 1902 г. произошло радостное для Чакрабона событие – в Санкт-Петербург с официальным визитом прибыл его брат, наследный сиамский принц, будущий король Рама VI Вачиравуд (годы правления: 1910–1925). Вачиравуд путешествовал в сопровождении адъютанта Ситхи и одного из братьев – принца Юкхона. Все вместе братья участвовали в праздничных мероприятиях, которые устаивались по случаю приезда наследника сиамского престола. Вот как описывает некоторые из торжеств посланник Сиам в России с 1903 по 1909 гг. Пья Сидхамасан в письме к королю Чулалонгкорну, датированном 6 февраля 1902 г.: «10 числа в 15.30 поезд прибыл в Санкт -Петербург. На вокзале наследного принца встречали великий князь Михаил³⁰, наш принц Пхитсанулок³¹, а также большое количество российских официальных лиц и сотрудников нашей миссии. Все встречающие были одеты по полной форме, а у великого князя Михаила был наш орден Чакри. ... 12 января в полдень у наследника была первая аудиенция у императора с императрицей. ... 14-го января, который является в России первым днем нового года, наследный принц по приглашению императора принимал участие в официальных церемониях по случаю Нового года, в том числе присутствовал на богослужении в кафедральном соборе. В тот же день он принимал новогодние поздравления от русских официальных лиц и от сотрудников нашей миссии. Все официальные мероприятия проходили с участием императора и императрицы. Во время церемоний с позволения императора наш наследный принц шёл под руку с императрицей вслед за императором. Далее за ними следовали наследник российского престола, великий князь Михаил и остальные великие князья и княгини. Принц Пхитсанулок и Пум, будучи членами Пажеского корпуса, постоянно находились в свите императрицы. Одним словом, чем дальше, тем большее восхищение вызывает прием, оказанный нашим принцам. ... По окончании всех церемоний император пригласил наследного принца на семейный обед»³². После отъезда брата Чакрабон продолжает учёбу в Пажеском корпусе, исполняет обязанности камер-пажа и принимает участие в жизни императорского двора.

Находясь в чужой стране, Чакрабон ни на минуту не мог забыть о том, что он является представителем королевской фамилии и правящей династии своего государства и несёт ответственность за каждый свой поступок и слово. Иной раз на страницах личного дневника принц с досадой отмечал: «Самое неприятное в положении принца – это бесконечные запреты и невозможность сделать что-то по велению сердца. Всё, что я говорю и делаю, непременно отмечается и немедленно сообщается в Бангкок, что доставляет мне немало неприятностей».³³

В мае 1901 г., последнего года обучения молодых людей в Пажеском корпусе, Чакрабон и Най Пум провели три недели в Красном Селе, изучая тактику, топографию, военное управление, уставы, фортификацию и вотльтижирование. В сентябре Чакрабон сдал выпускные экзамены лучше всех, и его имя появилось на мраморной доске почёта, вместе с именами других выдающихся выпускников, добившихся отличных результатов. Принц был первым учеником за всю историю Пажеского корпуса, который на выпускных экзаменах по-

лучил высшую оценку в 11, 5 балла. Най Пум занял второе место по результатам выпускных экзаменов.

В последний раз молодые люди надели форму придворных камер-пажей по случаю приезда в Россию президента Франции Эмиля Лубе³⁴ зимой 1902 года. Теперь рукава их мундиров украшал золотой шеврон, и они имели право носить саблю. Пажи принимали участие во всех церемониях, связанных с приездом высокого гостя, а также появлялись на мероприятиях в честь визитов короля Италии Виктора Эммануила³⁵ и короля Болгарии Фердинанда I³⁶.

2 августа 1902 г. Чакрабон и Най Пум были произведены в корнеты Гусарского полка. Юноши, в соответствии с обычаем, навестили командиров и офицеров полка. На память о годах, проведенных в Пажеском корпусе, Чакрабон и Най Пум получили золотые кольца с выгравированными на них именами, датами рождения и надписью «Один из сорока» (столько учеников было в их классе); а также золотые футляры для часов, украшенные эмалевым изображением мальтийского креста – эмблемы Пажеского корпуса.

В конце лета 1902 г. Чакрабон и Най Пум уехали в Англию, откуда вместе с наследным принцем Сиамом и его свитой отбыли в США. По возвращении в Петербург, весной 1903 г. молодые люди приняли участие в ежегодном смотре войск на Марсовом поле. После этого принц и Най Пум получили разрешение на длительный отпуск и отправились на родину.

Покинув Сиам в январе 1904 г., Чакрабон и его товарищ прибыли в Сингапур на королевской яхте, а затем на пароходе проделали путешествие в Россию через Геную. От секретаря сиамского посольства в Токио, который путешествовал вместе с ними, молодым людям стало известно о войне, начавшейся между Японией и Россией 27 января 1904 г. Высадившись в Генуе, они узнали, что русские войска были разбиты японскими в сражении при Порт-Артуре. Нам известен печальный исход русско-японской войны, которая, в соответствии с планами царского правительства, должна была стать «маленькой и победоносной». В беспокойные военные дни в России начались смуты и мятежи, именно на это время пришлось трагические события кровавого воскресенья 9 января 1905 г., ставшие прелюдией первой русской революции 1905–1907 гг.

Уже вернувшись в Россию, Чакрабон пишет в письме П.Н.Ардашеву, датированном 5 (18) марта 1904 года: «Я очень долго был в отпуску, целых шесть месяцев, и только месяц тому назад вернулся. Дома было, конечно, очень хорошо, была масса всяких празднеств и увеселений, так как во время моего пребывания были два крупных торжества: пятидесятилетний день рождения моего отца и юбилей по случаю того, что царствование моего отца равнялось удвоенному царствованию моего деда. Кроме того, у нас сезон от ноября до января, в это время всегда масса веселья. ...Теперь мы с Пумом начали свои академические занятия. Мы не поступили и не поступим в Академию, потому что решили, что три года еще учиться слишком долго, и нам приказано было пройти только выборные предметы курса Академии, но пройти как можно скорее, в один год, если это возможно. Кроме того, мы продолжаем нашу службу в полку, так что разнообразие полное. У нас очень хорошие профессора, которые ходят к нам в Зимний дворец, они меня очень интересуют, и я очень доволен, но за Пума не могу отвечать»³⁷.

В это время принц часто навещал одну из дам петербургского светского общества, госпожу Храповицкую, у которой встречался с людьми, далёкими от реакционных и консервативных взглядов, смотрящих в неясное будущее с надеждой. На одном из вечеров госпожи Храповицкой Чакрабон познакомился с Екатериной Ивановной Десницкой, семнадцатилетней девушкой, недавно приехавшей в Петербург из Киева с братом, студентом Университета.

Выяснилось, что она поступила в госпиталь Императрицы Марии на курсы медсестёр, и по окончании курсов намеревалась отправиться на фронт в качестве сестры милосердия. Чем больше принц узнавал девушку, тем сильнее она нравилась ему, и вскоре молодые люди полюбили друг друга. В апреле 1905 г. Екатерина Десницкая уехала в Сибирь, в Забайкалье, вместе с военным госпиталем. За год она стала умелой медицинской сестрой и получила три награды, в том числе почётный орден Святого Георгия. Катя вернулась в Петербург только осенью 1905 г., и тотчас же Чакрабон предложил девушке руку и сердце. Екатерина приняла предложение. Брат Кати, Иван Десницкий, настаивал на том, чтобы венчание сестры прошло по православному церковному обряду. Чакрабон согласился на это условие и не сообщил о своём решении ни отцу, ни Николаю II, предпочитая действовать тайно. Венчаться решено было в Константинополе.

Когда Чакрабон прощался с российским императором перед окончательным отъездом на родину, Николай II наградил его орденом Святого Андрея Первозванного. Российский император не мог даже предположить, что принц увозит в Сиам русскую невесту. В конце января 1906 г. Иван Десницкий и Най Пум провозжали Катю и Чакрабона в Константинополь.

Что же касается Най Пума, то он решил Россию вовсе не покидать. Он крестился в православную веру, получил российское подданство и был зачислен в личную охрану Николая II. Най Пум дослужился до чина полковника, был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного. В годы первой мировой войны он командовал кавалерийским полком; после 1917 г. эмигрировал в Париж, где в 1937 г. стал секретарём Екатерины Ивановны Десницкой.

По приезде сына, несмотря на очевидные неблагоприятные обстоятельства, сопутствующие его возвращению, король Чулалонгкорн пишет Николаю II письмо, в котором горячо благодарит русского монарха за участие в судьбе Чакрабона: «Ваше Величество, мой сын Лек привёз мне Ваше тёплое письмо от 24 января (6 февраля). Вы можете понять, с каким удовлетворением я его читал, поскольку, как вы знаете, ничто не приносит отцу большей радости, чем добрые слова, сказанные о его ребёнке. В. в-во и императрица проявили к моему сыну доброту, намного превосходящую то, на что я мог надеяться; я рад, что вы полагаете, что он показал себя достойным её. ...Я тронут тем, что Вы были опечалены его отъездом. Что до королевы и меня, я могу лишь сказать, что наши сердца переполнены благодарностью обоим в. в – вам, которую мы не можем выразить, за Вашу исключительную доброту к нашему сыну»³⁸.

Говоря о дальнейшей судьбе принца Чакрабона и Екатерины Ивановны Десницкой, можно заключить, что история их любви оказалась сколь прекрасной, столь и печальной. Обвенчавшись по православному обряду в Константинополе, Чакрабон и Катя отправились в Сингапур, а оттуда в Сиам. Только после рождения сына – принца Чулы – Екатерину Ивановну официально признали женой Чакрабона.

Через шесть лет после отъезда из России, в 1911 г., Чакрабон и Катя вновь посетили Санкт-Петербург. В этот раз пребывание Чакрабона на российской земле было запечатлено на киноплёнку. Существуют две кинохроники, представляющие Чакрабона в России – на больших манёврах в Красном Селе, в Царском Селе и на вокзале железной дороги³⁹. Эти киноплёнки хранятся в фондах РГАКФД, (г. Красногорск). Вот описание первого киносюжета: «Россия, Царское Село, 1911 г. – Из деревянного здания выходит принц Сиам, вместе с русскими офицерами садится в открытый экипаж и уезжает. В следующий экипаж садятся сиамский и русский офицеры. Принц Сиам Чакрабон

в сопровождении русских офицеров обходит строй русских солдат, выстроенных на вокзале»⁴⁰. Второй киносюжет, выполненный фирмой А.О. Дранкова, под названием «Большие манёвры 1911 года в Высочайшем присутствии в Красном Селе», запечатлел принца Сиам Чакрабона и принца Великобритании Артура Коннаутского сидящими на траве и наблюдающими за ходом военных учений⁴¹.

Из России Чакрабон и Катя отбыли в Киев, затем путешествовали по Европе. Позже Екатерина Ивановна заболела, лечилась в Европе и не могла сопровождать мужа в его поездках. А Чакрабон тем временем увлёкся своей дальней юной родственницей, дочерью одного из сводных братьев. Через некоторое время супруги развелись. Чакрабон остался в Сиаме, а Катя уехала в Шанхай, где помогала русским эмигрантам. Спустя некоторое время она вышла замуж за американца и долго жила в Париже. Её сын, историк и публицист, скончался в 1964 г. Сейчас жива его дочь, внучка Екатерины Десницкой, принцесса Нариса Чакрабон.

Романтическая история Кати и принца Сиам стала сюжетом, обессмертившим своих героев. К нему обращался К.Г. Паустовский в автобиографической книге «Повесть о жизни», а композитор П.Б. Овсянников написал музыку к балету «Катя и принц Сиам», поставленному художественным руководителем труппы «Кремлёвского балета» А.Б. Петровым. Либретто было написано по мотивам книги Эйлин Хантер и Нарисы Чакрабон «Катя и принц Сиам».

Безусловно, пребывание принца Сиам Чакрабона в Российской империи стало значительной вехой в истории российско-сиамских отношений. Принц Чакрабон, со свойственной ему деликатностью, тактом, доброжелательным отношением к России и к русским, занял определённое место в высших кругах российского общества. Невозможно сомневаться в том, что идея обучения одного из принцев в стране, отношения с которой имели огромное значение для Сиам, оказалась очень удачной. Прожив столько времени в России, тесно общаясь с людьми, Чакрабон постиг тонкости русского характера, отметил многие особенности внутренней политики России, сделал выводы о том, каких правил и принципов придерживается русское правительство в осуществлении своей дипломатии. Эти соображения и заключения, переданные отцу и брату, вероятно, помогли сиамским политикам разумнее и дальновиднее строить отношения с Россией.

Кроме того, пребывание Чакрабона и Най Пума в Петербурге положило начало доброй традиции обучения сиамских юношей в России. В 1913 г., по настоянию Чакрабона, тогда возглавлявшего военное министерство, король Сиам Рама VI Вачиравуд вновь принимает решение отправить на учёбу в Санкт-Петербург четверых молодых людей, уже получивших первоначальное образование в военных учебных заведениях Сиам. Трое из них были сыновьями принцев – братьев покойного короля Чулалонгкорна. Четвёртый был сыном сиамского подполковника и отличался способностями к наукам и военному делу.

Стоит также отметить, что во время пребывания принца Чакрабона в России деятельность сиамского посольства в Российской империи была весьма разнообразной. За это время и по прошествии было совершено несколько обоюдных визитов государственной важности, среди которых особое значение имеют посещение России наследным принцем Сиам Вачиравудом в январе 1902 г. и присутствие внука Александра II, великого князя Бориса Владимировича в Сиаме на коронации Рамы VI Вачиравуда в 1911 г. В Сиам великий князь прибыл на борту крейсера «Аврора».

Очерк культурно-гуманитарных отношений России и Королевства Сиам в к. XIX – нач. XX вв.

В начале XX века интерес к Сиаму и сиамской культуре со стороны российских искусствоведов, учёных, художников и общественных деятелей переживал истинный расцвет. Этот интерес стал особенно заметным после гастролей в 1900 г. в Петербурге придворной труппы сиамского балета. 28 и 29 октября на сцене Императорских Михайловского и Александринского театров прошли два спектакля труппы.

Представления сиамского балета произвели большое впечатление на артистически настроенную петербургскую интеллигенцию. Со временем сиамские мотивы появились и в творчестве русских артистов. Так, Л.С. Бакст⁴² оформил для Русских сезонов С.П. Дягилева в Париже серию балетов с восточными стилевыми оттенками. В 1901 г. Л.С. Бакст написал картину «Сиамский священный танец». Несколько лет спустя (1917 г.) в эскизах к дивертисменту «Восточные люди» художник изобразил танцовщика В. Ф. Нижинского⁴³ в «сиамской позе».

Любопытна оценка сиамского балета со стороны философа В.В. Розанова. «Ничего нельзя представить более удивительного, нового, неожиданного (для европейца)», – писал он о своих впечатлениях, – «... в труппе танцовщиц Сиамского короля меня прежде всего поразила высокая и очевидная цивилизация, но не наша»⁴⁴.

Религия сиамцев также вызывала в России большой интерес – «Сиам, единственная страна буддийской культуры, сохранившая независимость в Юго – Восточной Азии, привлекала внимание буддистов других стран»⁴⁵. В марте – апреле 1901 г. в Сиаме побывала делегация бурятских буддистов во главе с Первенствующим ламой Восточной Сибири Чойнзин Иролтуевым. А в период с 1909 по 1915 гг. в столице российской империи был выстроен буддийский храм. Проект строительства храма Будды в Санкт-Петербурге получил одобрение правительства России и лично Николая II. Участие в проекте приняли петербургские востоковеды – академики В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург, художник Н. Рерих⁴⁶, князь Э.Э. Ухтомский. Первое богослужение в храме состоялось 21 февраля 1913 г., в дни праздничных мероприятий в честь 300-летия Дома Романовых. Король Сиам Вачиривуд преподнёс в дар Храму медное позолоченное изваяние Сидящего Будды Шакьямуни. Вторую статую – бронзовое изваяние Стоящего Будды Майтреи – подарил Храму Г.А. Плансон; он и доставил обе статуи в Петербург. В июне 1914 г. статуи были торжественно освящены в Храме.

За последнее десятилетие XIX в. в России было опубликовано более 30 статей и брошюр о Сиаме. В начале XX в. появились первые профессиональные исследования о тайском искусстве на русском языке: переведенная с немецкого языка книга А. Грюнведеля «Сцены из жизни Будды в «Трайпхум» (СПб, 1904 г.), статья Н. И. Воробьёва «Опись собрания буддийских статуэток, приобретенных в Сиаме в 1906 г.» (сб. МАЭ. Т. 12. СПб., 1911).

Н. И. Воробьёв, сотрудник Императорского Этнографического музея, в 1906 г. собрал в Бангкоке и Аютии⁴⁷ коллекцию сиамской скульптуры, которая и по сей день находится в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. Российский посланник в Сиаме Г.А. Плансон в 1911–1914 гг. также собрал большую коллекцию буддийской скульптуры. Ныне эта коллекция – в собрании Эрмитажа.

Таким образом, можно заключить, что в самом деле «установление дипломатических и договорных отношений между двумя странами, расширение династических и личностных контактов позволило значительно расширить знания русских и сиамцев друг о друге»⁴⁸.

Если, заручившись верной дружбой и надёжной поддержкой могущественной державы, Сиам стал более независимым от не всегда миролюбивых интересов европейских государств, то Россия в свою очередь доказала свой авторитет в сфере международных отношений. Кроме того, благодаря дипломатическим связям двух государств, люди в каждом из них обогащались духовно: «Встреча с сиамским искусством, с культурой в целом вызвала неподдельный интерес, «чрезвычайное чувство» (В.В. Розанов), за которыми следовало желание понять иную высокую цивилизацию и иметь с ней контакты»⁴⁹.

Кризис и разрыв дипломатических отношений России и Королевства Сиам в 1917–1918 гг.

В мае 1917 г. король Сиам Рама VI Вачиравуд решил, что государство непременно примет участие в военных действиях на стороне Антанты. Это решение в результате принесло Сиаму немалый дипломатический успех, поскольку победа в войне сил Антанты дала возможность Сиаму наравне с другими странами разрабатывать решения Версальской мирной конференции и стать одной из стран – первоначальных участниц Лиги Наций. Таким образом, Сиам становится более уверенным в своих политических и дипломатических позициях.

Помимо этого, «в начале XX в. Япония выдвинула лозунг «Азия – для азиатов» и начала проникновение в страны Юго-Восточной Азии, в том числе и в Сиам. В это время её авторитет был достаточно высок в результате русско-японской войны 1904 г., а престиж России в некоторой степени был утерян»⁵⁰. Возможно поэтому в руководящих кругах Сиам возникло сомнение, сможет ли Россия, в прошлом сильное и влиятельное государство, оказывать Сиаму прежнее покровительство и надёжную поддержку во внешнеполитических делах. Чакрабон, находясь в России, много наблюдал и многое умел замечать – как складывалась обстановка в стране, как вёл себя император, в особенности в решающие моменты русско-японской войны или первой русской революции, каким было ближайшее окружение самодержца. Все эти наблюдения позволили правителям Сиам сделать определённые выводы. Эти выводы шли в разрез с прежней дружбой не в последнюю очередь из-за решений Чакрабона, принятых вследствие его наблюдений в стране, куда он приехал ради того, чтобы дружба эта укрепилась.

События февраля – марта 1917 г. в России, то есть падение монархии и установление власти Временного правительства, сыграли роковую роль в развитии российско-сиамских отношений. Как только в России произошли драматические перемены, сиамская сторона сориентировалась в создавшихся обстоятельствах умело и быстро. Сиам не признал Временное правительство, и русский представитель в Сиаме И.Г. Лорис-Меликов с марта 1917 г. находился на неофициальном положении. «Вопрос о дипломатическом признании был щекотливым, поскольку, как писал И.Г. Лорис-Меликов, «здешнему двору, как наиболее абсолютистскому на свете, особенно претило признать нашу революцию, которая свергла династию, на личных связях с коей были основаны и покоились исключительно только отношения Сиам с Россией»⁵¹. Можно заметить, что этими словами И.Г. Лорис-Меликов частично объясняет сдержанное отношение сиамского правительства к переменам в России. Действительно, в прошлом очень многое в дипломатических связях между Россией и Сиамом зависело от личных добрых отношений монархов и царствующих домов. Для Королевства Сиам, где авторитет монарха и преемственность правящей династии всегда имели огромное значение, трагический конец правления династии Романовых – гибель Николая II и царской семьи – был воспринят крайне отрицательно. Новая внутренняя политическая обстановка России, по

мнению сиамских политиков, представлялась весьма сомнительной. Мы помним, какую важную роль сыграли в становлении дружественных отношений между Королевством и Российской империей контакты двух правящих династий - Дома Романовых и Дома Чакри. Теперь эта составляющая российско-сиамской дружбы была утеряна, что послужило весомой причиной для разрыва дипломатических отношений.

Ещё в апреле 1917 г. принц Чакрабон писал И.Г. Лорис-Меликову: «Кроме того, должен просить Вас не затрагивать вопрос относительно признания Временного правительства в России... Наше правительство, несомненно, признает в своё время новый порядок в России, какой бы он ни был, но мы не желаем торопиться из-за сентиментальных соображений, и, по-моему, торопить нас не к чему. Временному правительству ведь ни тепло, ни холодно от того, признает ли его сиамское правительство»⁵². В ответном письме принцу Чакрабону И.Г. Лорис-Меликов настаивает: «Я не сомневаюсь ни на одну минуту, что в. выс-во вполне убеждены в том, что к высказыванию вышеизложенного я не был побуждён никакими особыми видами ни моего правительства, ни – тем более – собственными личными. Петроградское правительство, как Вам известно, теперь занято столь крупными жизненными задачами, что оно, конечно, может повременить решением вопросов, не столь близко затрагивающих судьбы Российского государства. И если я взял на себя смелость столь откровенно выразить здесь свои мысли, то это исключительно из самого искреннего желания идти навстречу сиамскому народу и правительству, к которым Россия, как и её бывший монарх, так и народ, были неизменно преисполнены самой глубокой, бескорыстной симпатией. ...и Сиаму не следовало бы остаться безучастным к гигантским событиям, и слишком медлить выражением своего уважения к проявлениям его народной воли путём признания совершившейся перемены верховной его власти. Дружба великого русского народа, казалось бы, стоит преодоления некоторых сентиментальных соображений»⁵³. Однако, сиамское правительство оставалось непреклонным. Дополнительная сложность заключалась в том, что признание сиамским руководством Временного правительства должно было стать непременным условием признания в свою очередь полномочий российского посланника. В следующем письме Чакрабон продолжал объяснять И.Г. Лорис-Меликову двусмысленность его пребывания в Сиаме без признания его полномочий как представителя дружественного государства: «Относительно формального признания мы знаем отлично, что это только вопрос времени, но мы хотели бы подождать, пока не установится настоящая форма правления в России, какая бы она ни была. Ведь сейчас надо считать, что положение вещей в России вовсе не прочно установилось... Если же Вам угодно ставить этот вопрос как первое условие ваших отношений с нашим правительством, тогда мне, к величайшему моему огорчению, приходится сказать, что я отказываюсь от всякой ответственности»⁵⁴. В конце концов, уже в августе 1917 г. король Сиам всё-таки принял верительные грамоты Временного правительства от И.Г. Лорис-Меликова, однако этот инцидент, в котором обе стороны не проявили, быть может, известную гибкость и сговорчивость, остался неприятным воспоминанием, которое отчасти повлияло на решительный отъезд сиамского представительства из России в 1918 г.

Таким образом, шаткость международного положения и неустроенность внутренней жизни России того времени настораживали Сиам, чьи руководители не желали иметь никаких дел с новым государством с неясными перспективами. Теперь правительству Сиам представлялось необходимым и разумным выжидать и наблюдать, чтобы потом принять решение, которое прежде всего согласовывалось бы с сиамскими интересами. В таких необычных условиях

хорошо проявляется способность сиамской стороны быстро реагировать на неожиданные обстоятельства. Правительство Сиама, в том числе принц Чакрабон, не выглядит зависимым и наивным в попытках удержать былые милости уже не существующего государства, а хладнокровно и трезво оценивает обстановку в интересах своей страны. В данном случае уместно вспомнить, что принц Чакрабон воспитывался и рос в России.

Так или иначе, в 1918 г. представительство Сиама в России покидает Санкт-Петербург, направляясь в Вологду, затем в Архангельск и далее в Сиам. В дипломатических отношениях между странами наступает длительный перерыв. Они были восстановлены лишь 12 марта 1941 г.

Значение данного периода взаимоотношений России и Королевства Таиланд (Сиам) в исторической ретроспективе.

Учитывая богатую событиями историю двусторонних контактов, можно сказать, что за 113 лет дипломатических отношений в целом были созданы благоприятные условия для их дальнейшего развития. В течение 113 лет отношения между Россией и Королевством Таиланд переживали моменты подъёма (рубеж XIX–XX вв., к. XX–нач. XXI вв.) и кризиса (например – время, когда дипломатические отношения не существовали вовсе, – 1918–1941 гг.). Эти периоды были обусловлены особенностями международной обстановки, внутренних политических изменений в каждой из стран, многое зависело от личностей, действовавших в национальных интересах России и Таиланда.

Значительны итоги начального этапа развития двусторонних контактов (середина XIX – нач. XX вв.). Хотелось бы особо отметить следующий момент. С.В. Сопленков в своей книге «Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке» пишет: «в конце правления Николая I отношение российского общества к Востоку и старые, не оправдавшие себя стереотипы (в том числе сложившиеся у политической элиты) уступали место другим воззрениям, более реальным. Формировалось новое видение Востока как особого, глубоко отличного от России культурного пространства, которому присущи его собственные понятия и категории, несопоставимые с европейскими»⁵⁵. Конечно, эти перемены происходили в разных плоскостях взгляда российской общественности на Восток и Азию, в том числе в свете новых воинственных настроений политики силового воздействия на азиатские государства. Но в случае с Королевством Сиам Россия показала себя как союзник и покровитель, а не как завоеватель. Российская империя, выступив в роли защитника интересов Сиама от колониальных устремлений европейских держав, в некоторой степени преследовала цель укрепления своего международного влияния, которое в последней четверти XIX века, после неудач Крымской войны и Берлинского конгресса 1878 г., было хоть и велико, но не вполне устойчиво. По словам канцлера А.М. Горчакова, Россия того времени впала в «сосредоточение». В этот период «сосредоточения» эпизод с Королевством Сиам внёс положительное разнообразие. Именно помощь России способствовала тому, что француско-сиамские отношения преодолели состояние кризиса. Конечно, связи Королевства Сиам и России с самого раннего периода имели ярко выраженный деловой и практический характер – особенно со стороны Сиама.

Важно и то, что при этом двусторонние отношения сохраняли исключительную гармоничность, которая, возможно, не в последнюю очередь была обусловлена гуманитарно-культурным характером их развития. Сиам был для Российской империи областью географических, этнографических, культурологических исследований, источником новых знаний и новой эстетики, и эта особенность придала российско-сиамским связям начала XX века яркость, богатство и глубину, которые мы так ценим сегодня.

Современные взаимоотношения России и Королевства Таиланд во многом качественно изменились. Так или иначе, этим отношениям по-прежнему свойственны взаимная заинтересованность и доверие, умение преодолевать охлаждение и всякого рода препятствия на пути развития контактов; отсутствие конфликтных ситуаций и нерешённых политических вопросов; практический подход; особое значение имеет культурно-гуманитарный диалог. Можно надеяться, что благодаря исторической основе, заложенной 113 лет назад, дружба и сотрудничество между нашими странами останутся неизменно надёжными, разнообразными и яркими.

¹ *Игнатъев А. В.* Российская дипломатия в портретах / А.В. Игнатъев, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санин. М., 1992. С. 279.

² Менам – историческое название главной реки Таиланда Чао-Прая или Менам -Чао-Прая.

³ Король Сиам Рама IV Монгкут, гг. жизни: 1804–1868; г.г. правления: 1851–1868.

⁴ Король Сиам Рама V Чулалонгкорн, гг. жизни: 1853–1910; г.г. правления: 1868–1910.

⁵ *Мельниченко Б.Н.* Россия и Сиам (Таиланд) // Россия и Восток /под ред. С. М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. Санкт-Петербург, 2000. С. 438.

⁵ Там же – С. 444.

⁶ Первое посещение королём Чулалонгкорном Европы в 1897 году. Визит в Россию. / под ред. Порнсан Ватанангура. Телеграмма королевы Саовапхи королю Чулалонгкорну, отправлённая из Бангкока 3 июня 1897 года. Бангкок, 2003. С. 2.

⁷ Там же. С. 15–16. Телеграмма короля Чулалонгкорна, отправленная из Петергофа 5 июля 1897 года королеве Саовапхе.

⁸ Там же. – С. 20. Телеграмма короля Чулалонгкорна, отправленная из Петергофа 5 июля 1897 года министру иностранных дел Сиам Девавонгу.

⁹ *Мельниченко Б. Н.* Указ. соч. С. 445.

¹⁰ Теофиль Делькассэ (1852–1923) – французский министр колоний в 1894–1895, министр иностранных дел в 1898–1905, 1914–1915, морской министр в 1911–1913. Добивался создания Антанты и укрепления франко-русского союза.

¹¹ Лек – на тайском языке означает «маленький», «малыш». Так Чулалонгкорн называл своего младшего сына Чакрабона.

¹² Россия – Сиам, 1863–1917 гг. : документы и материалы. М., 1997. С. 90–91.

¹³ Фредерикс В. Б., (1838–1927) – граф, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1893–1897 гг. – помощник министра императорского Двора. В 1897–1917 гг. – министр императорского Двора. Пользовался большим влиянием на царскую фамилию и окружение. 2 марта 1917 года в качестве министра Двора скрепил отречение Николая II от престола. Умер в эмиграции.

¹⁴ Муравьёв М. Н. (1845–1900) – дипломат, граф, в 1897–1900 гг. – министр иностранных дел; инициатор созыва 1-ой Гаагской мирной конференции в 1899 г..

¹⁵ Россия – Сиам, 1863–1917 гг. : документы и материалы. М., 1997. С. 92.

¹⁶ Россия – Сиам, 1863–1917 гг. : документы и материалы. М., 1997. С. 96.

¹⁷ Дневники императора Николая II /под ред. К. Ф. Шаццлло. М., 1991. С. 298.

¹⁸ Мари – американский посол в России до февраля 1916 г.

¹⁹ Дмитрий Павлович, (1891–1942) – великий князь, флигель – адъютант, сын великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны, урождённой принцессы греческой. Принимал участие в убийстве Григория Распутина, за что был выслан в Персию. Умер в эмиграции.

²⁰ Воронцов-Дашков А. И. – граф, флигель – адъютант, полковник лейб - гвардии Гусарского полка.

²¹ Дневники императора Николая II / под ред. К. Ф. Шаццлло. М., 1991. С. 299.

²² Бенкендорф П. К., 1853–1921 – граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал, член Государственного совета.

²³ Россия – Сиам, 1863–1917 гг. : документы и материалы. М., 1997. С. 156.

²⁴ Там же. С. 142.

²⁵ РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Д. 115. Л. 5 и 5 – оборот.

- ²⁶ РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Д. 115. Л. 12 и 13 – оборот // Россия-Сиам. 1863-1917 гг.: документы и материалы. М., 1997. С. 156–157.
- ²⁷ Аренский А. С., (1861–1906) – российский композитор, пианист, дирижер. 1895–1901 гг. – управляющий Придворной певческой капеллой в Петербурге. Писал оперы («Сон на Волге»), балеты («Ночь в Египте»), произведения для фортепиано, романсы.
- ²⁸ Хантер Э. Катя и принц Сиам / Э. Хантер, Н. Чакрабон. М., 2004. С. 40.
- ²⁹ Россия-Сиам, 1863–1917 гг. : документы и материалы. М., 1997. С. 91.
- ³⁰ Михаил Александрович, (1878–1918) – великий князь, брат императора Николая II, генерал-майор, член Государственного совета. 3 марта 1917 г. отрёкся от престола. Убит в Мотовилихе в июне 1918 г.
- ³¹ Принц Пхитсанулок – принц Чакрабон. В соответствии с тайской традицией, у каждого из сиамских принцев был титул, совпадавший с названием одной из провинций Сиам. У Чакрабона был титул Пхитсанулок. Пхитсанулок – провинция в центральной части Северного Таиланда.
- ³² Россия – Сиам, 1863–1917 гг. : документы и материалы. М., 1997. С. 172–173.
- ³³ Hunter E. Katya and the prince of Siam. / E. Hunter, N. Chakrabongse. London, 1994. С. 38
- ³⁴ Эмиль Лубе, (1838–1929) – президент Франции в 1899–1906 гг.. Способствовал образованию Антанты.
- ³⁵ Виктор Эммануил III, (1869–1947) – последний король Италии в 1900–1946 гг..
- ³⁶ Фердинанд I Кобургский, (1861–1948) – с 1887 князь, в 1908–1918 царь Болгарии, происходил из немецкого княжеского рода. Основатель династии Кобургов. Усилил германское влияние в Болгарии. Вовлёк Болгарию в Первую Мировую войну. Отрёкся от престола.
- ³⁷ Россия – Сиам, 1863–1917 гг. : документы и материалы. М., 1997. С. 185.
- ³⁸ Россия – Сиам, 1863–1917 гг.: документы и материалы. М., 1997. С. 196.
- ³⁹ Киноматериалы РГАКФД, г. Красногорск. Архивные номера киноплёнок: 1 – 1962; 1 – 32358.
- ⁴⁰ Баталин В.Н. Кинохроника в России 1896–1916 гг.: опись киносъёмок, хранящихся в РГАКФД. Архивный номер киноплёнки – 1962. «Отдельные киносюжеты». 1911 г., 1912., (1912–1914 гг.). 267, 9 м. М., 2002. С. 138.
- ⁴¹ Там же. Архивный номер киноплёнки – 32358. «Большие манёвры 1911 года в Высочайшем присутствии в Красном Селе». 1911 г. Производство фирмы А.О. Дранкова. 67, 2 м. С. 429.
- ⁴² Мельниченко Б.Н. Россия и Сиам (Таиланд) // Россия и Восток /под ред. С. М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. Санкт-Петербург, 2000. С. 448.
- ⁴³ Бакст Л.С., (наст. фам. Розенберг, 1866–1924) – российский живописец, график, театральный художник. Один из создателей альманаха «Мир искусства». С 1909 г. жил в Париже. Как декоратор представлений Русских сезонов стилизовал античные и восточные мотивы.
- ⁴⁴ Нижинский В.Ф., (1889–1950) – российский артист балета, балетмейстер. В 1907–1911 гг. в Мариинском театре, с 1911 – за границей. В 1909–1913 гг. – участник Русских сезонов С. П. Дягилева. Главные партии в балетах, поставленных м. М. Фокиным. Хореограф – новатор, поставил балеты: «Послеполуденный отдых фавна», «Игры» К. Дебюсси, «Весна священная» И. Ф. Стравинского, «Гиль Уленшпигель» на музыку Р. Штрауса.
- ⁴⁵ Мир искусства. 1901. Т. 5. № 1 // Б. Н. Мельниченко. Указ. соч. С. 447.
- ⁴⁶ Рерих Н.К., (1874–1947) – живописец, театральный художник, археолог, путешественник, писатель. Отец востоковеда Ю.Н. Рериха и художника С.Н. Рериха. Член «Мира искусства». С 20-х гг. жил в Индии. Создавал эмоциональные, красочно декорированные композиции, навеянные историей Др. Руси («Гонец», 1897), индийской и тибетской природой и мифологией («Помни», 1945). В 1924–1935 гг. совершил экспедиции в Индию, Китай, Монголию и др. страны Центр. и Вост. Азии (книги «Сердце Азии», «Врата в будущее»). Инициатор движения в защиту памятников культуры. Сборник стихов «Цветы Мории», 1921; прозаические книги эссеистского и дневникового характера: «Пути Благоденствия», 1924, «Твердыня Пламенная», 1932, «Алтай-Гималаи» и др.
- ⁴⁷ Аютия – древняя столица Сиам в 1351–1767 гг.
- ⁴⁸ Мельниченко Б. Н. Указ. соч. С. 446.
- ⁴⁹ Б.Н. Мельниченко. Указ. соч. С. 447–448.
- ⁴⁷ Фомичёва Е.А. Внешняя политика Таиланда. Москва, 1991. С. 41.
- ⁴⁸ Фомичёва Е.А. Указ. соч. С. 42.
- ⁴⁹ Россия – Сиам, 1863–1917 гг. : документы и материалы. М., 1997. С. 251.
- ⁵⁰ Там же. С. 255.
- ⁵¹ Там же. С. 256–257.
- ⁵² Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000. С. 181.

Художественные представления о Китае в России : коллекции и музеи

С.В. Дмитриев

Чаепромышленник К.С. Попов и его коллекция китайских редкостей (по материалам РГИА и Архива РЭМ)

Константин Семенович Попов – известный русский чаепромышленник, в своей деятельности тесно связанный с чайной торговлей в Китае, активно продвигавший выращивание чая в России и одновременно известный своими коллекциями китайских редкостей, происходил из семьи потомственных чае-торговцев. С юных лет он находился в чайном деле (компании) «Братья К. и С. Поповы», изучив его под непосредственным влиянием своего дяди, Константина Абрамовича Попова, который в 1843 г. вместе с отцом К.С. Попова, Семеном Абрамовичем Поповым, основал чае-торговую фирму. Дела фирмы с самого ее основания пошли успешно. После смерти в 1856 г. его отца, С. А. Попова, остался 4-хлетний сын. Дела в фирме вел исключительно К. А. Попов.

С 1861 г. в кяхтинской торговле произошла большая перемена. По Тяньцзиньскому трактату, заключенному в Пекине 2 ноября 1860 г., русским купцам было дозволено торговать в самом Китае. Причем были устранены все существовавшие до того ограничения относительно обмена китайцами монеты при покупке чая на деньги (прежде русское серебро и золото могло идти в обмен только в изделиях или в иностранной монете, и то только в размере одной трети части при товарах). Одновременно была уменьшена и сама пошлина с кяхтинских чаев, а с 1 апреля 1862 г. был разрешен ввоз в Россию морем («кругосветно») так называемого кантонского чая. Все эти изменения открывали совершенно новые перспективы для чайных торговцев.

Для конкуренции с иностранными торговцами русским купцам был необходим выход непосредственно на китайский рынок. В то время большие торговые дела в кяхтинской торговле вел московский купец Х. Кондынский, предложивший К.А. Попову образовать кампанию для более успешной торговли с Китаем. В кампанию были приглашены известные купцы В.Н. Сабашкин – в Кяхте, Александров – в Казани, В.А. Сиротин и А.И. Абросимов – в Москве.

Кампания предполагала иметь свои пароходы и конторы в Китае – в Калгане, Тяньцзине, Шанхае, Фучжао, Ханькоу (в публикациях и архивных материалах XIX в. эти названия местностей переданы : Тяньзине, Фуджоу или Фуджао, Ханьхоу). Центральные конторы должны были быть в Кяхте и в Мо-

скве. По смерти Кондынского дело чуть было не развалилось, однако К.А. Попов вместе с компаньонами Сиротиным и Абросимовым, «помощью Божиею», решили продолжить начатое предприятие. В Кяхте они вышли на старого, еще с юных лет, знакомого Попова Окулова, который в марте 1862 г. по заданию компаньонов отправился в Китай.

В то время главный рынок чайной торговли был сосредоточен к южной части Китая, в г. Ханькоу на р. Янцзы. Ехать туда надо было сначала по суше до приморского порта Тяньцзиня, оттуда морем до Шанхая, а из Шанхая на пароходе до р. Янцзы (всего около 7 тыс. верст). Посланец благополучно добрался до Ханькоу в конце мая, когда на рынок привозили чай первых сборов. Как отмечали компаньоны Окулова, первый же его выбор чаев был превосходен, и отобранные им сорта были хорошо встречены в России.

Между тем, по трактату русским было предоставлено право покупать и арендовать в Китае земли, плантации и чайные фабрики. Вследствие этого Попов, через посредничество того же Окулова, взял в качестве опыта в аренду одну из чайных фабрик. Опыт этот увенчался полным успехом. Фабрика находилась в 60 милях от Ханькоу в провинции Хубэй (в ориг. тексте: Хубей) в местечке Цуньян, окруженном лучшими чайными плантациями. Окрыленный успехом, Попов на следующий год взял в аренду еще одну фабрику в Фучжао – чай с этой местности издавна привозились в Россию и считались лучшими, в особенности ценились цветочные чаи. Отсюда же получал чай и торговый дом Поповых, уже широко известный в России. На Московской выставке 1865 г. были представлены чаи с его собственных плантаций (в Фучжао и Хубэйской), получившие всеобщее одобрение. Таким образом, чаями фирмы «Братья Поповы» кроме Москвы и Петербурга к концу 1860-х гг. торговали в 90 городах России, куда осуществлялись оптовые поставки и откуда они расходились широко по стране и шли за рубеж¹.

Дальнейшая история фирмы Поповых тесно связана с общим состоянием дел в чайной торговле Китая. До 1842 г. Фучжоуский порт был вообще закрыт для европейцев, и небольшое количество ежегодно вывозимого чая находилось исключительно в руках кантонских купцов, перевозивших грузы чая на своих судах из Фучжоу в Кантон и продававших его европейцам с большой выгодой. Фучжоу как первостепенный для европейцев чайный торговый центр в Китае был открыт американской фирмой «Russel&C°», главным делом которой была каботажная² транспортировка кладей. Обратив внимание на чайную торговлю как на средство расширения своей деятельности, фирма в 1853 г. отправила из Шанхая в Фучжоу агента с поручением исследовать дела в этом округе и попытаться, если окажется выгодным, приобрести чай. В том же году этому агенту удалось закупить значительную партию чая по сходной цене, который был отправлен в Лондон, где был выгодно реализован. Это обратило внимание и других торговцев на Фучжоу, после чего роль торговли чаем в Фучжоу начинает быстро возрастать. Порт расширялся и через очень небольшой промежуток времени соперничал по вывозу со старыми чайными рынками. И если в 1859 г. вывоз чая в США из Кантона составлял всего 3½ млн. фунтов, а из Шанхая 7 млн., то из Фучжоу его было вывезено 11 млн. фунтов – больше, чем из Кантона и Шанхая вместе взятыми.

В 1863 г., когда в регионе появились представители нашего консорциума, вывоз чая из Фучжоу достиг 58 млн. фунтов. Самыми успешными для чайной торговли в этом районе считаются 60-е – начало 70-х гг. XIX в. Однако с середины 1870-х гг. начинается период упадка, что связано с соперничеством индийского чая, который с начала 1870-х гг. начал широкую экспансию в Европу. Индийские чайные плантации расширились, вывоз чая увеличивался,

тем более, что Англия контролировала наиболее удобные торговые пути, и он сильно дешевел.

Тогдашний российский консул в Фучжоу Н. Шуйский указывал и на определенное превосходство индийского чая над китайским, что также влияло на выбор рынка в пользу первого. В Фучжоу же в 1880-х гг. стал замечаться упадок производства. По мнению консула, причина этого упадка была связана с фактом быстрого возрастания этой торговли. Постоянно поднимавшийся спрос на фучжоуские чаи побудил здешних чайных плантаторов направить усилия лишь на увеличение количества приготавливаемого ими чая и с этой целью изменить прежние правила чайного производства в ущерб его качеству. Так, раньше никогда не срывали листья с кустов моложе 5-летнего возраста, чем достигалась возможность сохранить растение от быстрого истощения. Теперь же это правило игнорировалось, точно также как и обязательное обновление плантаций. Прежде после 6–7 лет эксплуатации чайные кусты вырывали и заменяли их молодыми. Теперь же их продолжали эксплуатировать вплоть до естественной смерти. Наконец, на ухудшение качества фучжоуского чайного листа большое влияние оказывало время его срывания – чем моложе лист, тем его достоинство выше, и потому всякое промедление в сборе листьев сопровождается ухудшением их качества. Но так как молодой лист по размерам меньше старого, то фучжоуские плантаторы в погоне за наживой снимали лист не тотчас по наступлению весны, а спустя недели три, когда он уже грубеет, но зато становится больше. В результате фучжоуские чаи все больше вытеснялись с лондонского рынка. Та же судьба постигала их в Австралии и в США.

По-видимому, со смертью К.А.Попова активная деятельность фирмы в Китае в начале 1880-х гг. прекратилась. По крайней мере, среди тех российских фирм, которые действовали в Фучжоу в 1883 г., фирма «Братья Поповы» не упоминается³.

Видимо, в связи с этими событиями следует рассматривать дальнейшие действия племянника К.А.Попова – Константина Семеновича, к которому перешло руководство делом. В 1880-х гг. фирма имела отделения и своих представителей в Азии, Европе и Америке. Сам К.С. Попов вошел в дело очень рано и основательно изучил чай в качестве tea tester (чайного пробирщика). Кроме того, он имел с ним дело как перекупщик непосредственно на местах – в Ханькоу, Калькутте, Коломбо, на Яве и в Лондоне⁴.

Позднее К.С.Попов объяснял свои действия по развитию семейного дела в те годы своими патриотическими настроениями. В частности, он писал, что «еще в царствование Государя Нашего Императора Александра III, воодушевляемый великими заветами Его Величества о насаждении и развитии в России русской промышленности и торговли для освобождения русского народа от иностранных продуктов, решил, изучив чайное дело на месте его родины и ознакомившись как почвенными и климатическими условиями произрастания, так и со способом приготовления чаев в Китае, насадить, не щадя ни сил, ни средств чайную культуру в России и, развив новую сельскохозяйственную отрасль высокой культуры, дать населению нашей родины дешевый, хороший, чуждый всяких примесей чайный напиток русского происхождения». С этой целью он организовал ряд научно-практических экспедиций под своим началом и на свой личный счет – в Китай (в 1889, 1891, 1893 и 1895 гг.), на Цейлон, Яву, в Гималаи, Ассам, в Индию, Японию, на Сандвичевый (Гавайские) о-ва и в Северную Америку – т. е. во все основные пункты производства и обработки чая.

В экспедициях приняли участие известные русские ученые того времени: профессор ботаники и фармации доктор медицины В.А.Тихомиров, секретарь

Политехнического музея, а затем генерал-губернатор Приморской области Н.Л. Гондатти⁵. Исследованием почв для нужд производства чая по просьбе К.С. Попова занимался знаменитый почвовед профессор В.В. Докучаев. Осенью 1895 г. профессор сельскохозяйственной химии В.И. Вильямс по поручению фирмы К.С. Попова приступил к организации первых чайных плантаций в Чакве, Салиберди и Капришум, близ Батума⁶.

К работам по организации чайного дела в Батумском округе К.С. Поповым привлекались профессор Н.Е. Лясковский, физик Шеллер, инженер-механик Сорокин, а также многочисленный штат садовников и специалистов-титестеров чайного дела⁷. По окончании экспедиции 1891 г. В.А. Тихомиров напечатал несколько книг с описанием путешествия, а также по культуре и производству чая⁸, а профессора В.В. Докучаев и А.П. Сабанеев в ходе своих поездок произвели анализы почв, на которых произрастает чайный куст, которые легли в основу поиска подобных почв на территории Российской империи⁹.

Выбор именно китайского чая для разведения его в России, объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, традиции семейного бизнеса, связанные с этим регионом. Во-вторых, конкуренцией английских торговцев на индийском рынке. И, в-третьих, и это, по-видимому, самое главное, специфическими особенностями самого чайного растения. Специалисты говорили о ряде преимуществ индийского растения. Они приходили к заключению, что китайское растение в результате тысячелетней эксплуатации обессилилось, истощилось. Вследствие этого оно росло медленнее, чем ассамское, и старело значительно скорее. В условиях возросшей конкуренции это сказывалось на качестве получаемого чая и усложняло его эксплуатацию. Однако лишившись многих важных качеств, китайский чай приобрел одно, которое давало ему определенные преимущества по сравнению с индийским, а именно – способность адаптироваться к климату и почве других районов мира. В частности, он хорошо был приспособлен к высоте, благодаря чему хорошо развивался в той же Индии – Кумаоне и Дарджимине и в Гималаях, распространяя туда китайскую культуру ведения чайного дела.

Именно высокие адаптивные свойства китайского чайного куста и послужили причиной его дальнейшей культивации в России, несмотря на скептическое отношение к этому русского консула в Фучжоу Н. Шуйского. Он считал, что «странным было бы устраивать (в России) грубые китайские приемы, в виду тех приспособлений, которые существовали для этого в Индии и с которыми, конечно, нас не может познакомить ни один китаец»¹⁰.

Несмотря на этот скепсис, К.С. Попов оставался в этом деле консерватором. За время своей работы в Китае Попов приобрел там много влиятельных друзей среди чайных торговцев и плантаторов. В целях изучения культуры чайного куста он буквально исходил все районы Среднего Китая, где произрастает чай, осмотрел всей фактории. В книге Попова (1904)¹¹ дан перечень этих местностей. Здесь и далее эти топонимы приводятся в статье в редакции источника. На тот момент они для европейских языков еще были неустоявшимися, и идентифицировать их с достаточной долей вероятности пока не удалось (в скобках, где было возможно, отмечен более вероятный (современный) вариант написания). Не исключено также, что это устаревшие или локальные географические названия. Так, в ходе своей поездки в Ханькоу в 1889 г. и, благодаря своим знакомствам с влиятельными китайцами, он подробно ознакомился с чаеводством в местности Янлоудунг (Янлоудун), несмотря на восстание, которое тогда было в этой части Китая. В 1891 г. он сосредоточил свое внимание на цветочном, желтом, зеленом и черном фучжоусских чаях, а также ознакомился с чайным делом в местностях Монингъ (Монин, Мулин?) и Нинджау (Нинч-

жоу). В ходе поездки 1893 г., наиболее удачной по результатам, как он отмечает, ему удалось подробно изучить чайное дело в уже посещавшихся им ранее местностях Нинджау (Нинчжоу), Монингъ (Монин, Мулин?), Янлоудунг (Янлоудун), а также в районах Манконг, Нансанха (Наньсаньхэ?), Санхо (Саньхэ?), Тайсапингъ (Тайсапин), Янлоуси и Нейпкарси. Ему удалось проследить произрастание чайного куста, начиная с первого появления листовых почек до непосредственного сбора листьев. С целью изучения различных приемов приготовления чая на многих из них он работал как обыкновенный китайский поденщик, собственноручно скручивая и поджаривая лист. В Китае он познакомился и с фабричным производством плиточного и кирпичного чая.

В целях изучения чайного дела и сравнения его в разных регионах К.С. Попов продолжил затем эту практику в Гималаях, в Индии, в Ассаме, на Цейлоне и на Яве и на Сандвичевых о-вах. Исходя из своего опыта, он пришел к выводу, что приготовление байхового чая в указанных районах делится на две категории – ручным способом в Китае и Японии и только с помощью машинного производства в Индии, на Цейлоне и Яве¹².

В результате экспедиций в распоряжении Попова появились: а) коллекция почв, на которых растет чайный куст, б) гербарий чайных веток, в) коллекция паразитов чайного куста, г) орудия обработки и приготовления, д) образцы чая во всех фазах производства и е) разные сорта готового чая¹³.

По результатам экспедиций Попов приступил к изучению Черноморского побережья с целью поиска наиболее благоприятного района для разведения чая. Он пришел к заключению, что наиболее благоприятным местом для этой цели является Батумский округ. Именно здесь он нашел естественные условия, наиболее сходные с районами произрастания чая, в особенности в Китае – близость к морю и высота над его уровнем, расположение и направление подпочвенных вод и глубина лежащего под ними слоя, химический состав почв, условия температуры, количество атмосферных осадков, направление господствующих ветров и пр.¹⁴

С целью практического осуществления задачи насаждения чайного куста К.С. Попов приобрел здесь три имения, общей площадью 300 десятин, где и подготовил почву для своих целей. Сюда он привозил как чайные семена, так и оригинальные чайные кусты из всех районов чаеводства, выписывал китайских и английский специалистов по чайному делу, заменяя их впоследствии русскими. Так как в результате своих опытов в чайном деле Попов признавал только китайский чай, да и то из двух-трех местностей, то именно оттуда он и вывез большинство его образцов. В частности, им было вывезено 10 тыс. чайных кустов из Китая (местности Манконгъ (Манконг), Нинджау (Нинчжоу) и Янлоудунг (Янлоудун), а также 5 тыс. кустов из Японии, 500 кустов с Цейлона, по 200 кустов с Гималаев и из Ассамы и 50 кустов с Явы. Транспортировка кустов осуществлялась пароходом. Для того, чтобы все кусты находились на палубе, а не в трюмах, администрация английской пароходной компании Bulterfield Saire, на пароходе которой чайные кусты следовали до Порт-Саида, разрешила занять ими не только палубу, но и выломать все перегородки 2-го класса, уничтожить коридоры и тем самым устроить вторую палубу, на которой чайные кусты имели достаточный приток воздуха. К сожалению, большая часть из них погибла по дороге, но остальные стали основой чайных плантаций Попова. Нанятые китайцы (сначала их было 14, затем больше), должны были сопровождать кусты в Россию, высадить их там, ухаживать за ними.

Постепенно он расширял свое дело, затрачивая для этого все большие и большие суммы, которые к концу 1890-х гг. достигли 3 млн. рублей. В результате в его имениях были устроены чайные питомники и плантации, на которых

находилось свыше 4 млн. чайных кустов из семян, привезенных из лучших провинций Китая и в которых дело велось по всем правилам китайского искусства¹⁵.

Так в России появились свои чайные плантации. Кроме К.С. Попова, опыты с чаем проводили А.И. Соловцов, также вывезший чайные кусты из Ханькоу¹⁶. К 1914 г. в Закавказье существовали два типа чайных плантаций – крупные и мелкие. Общая их площадь тогда равнялась 839 десятинам, из которых половина приходилась на долю двух крупных хозяйств, а другая половина находилась в руках 248 кустарей. При этом к началу 1910-х гг. проявилась тенденция развития именно последних, что указывало на увеличение роли чайного дела в экономике Закавказья. Всего на этих плантациях в 1914 г. было выработано 334 тыс. фунтов чаю¹⁷.

Чай со своих батумских плантаций К.С. Попов неоднократно подносил императору – на Нижегородской Всероссийской выставке и в Зимнем дворце. Продукция его чайного дела была представлена на той же Нижегородской выставке (1896 г.), на выставках в Стокгольме (1897), в Санкт-Петербурге (1899), в Париже (1901), Батуми (1900), в Глазго (1901), в Реймсе (1903), где заслужила награды самого высокого достоинства. За свою инициативу и многолетнюю деятельность по введению и развитию чайного дела в России он был удостоен монаршей благодарности и, будучи потомственным Почетным гражданином по рождению, награжден званием действительного статского советника. Кроме того, он был удостоен звания поставщика Двора Российского императора, Двора короля Швеции (1897) и Двора персидского шаха (1902)¹⁸.

Однако помимо профессиональных занятий чайным делом, К.С. Попов в Китае проявил огромный интерес к китайскими редкостями и их коллекционированию. В конце XIX – начале XX вв. в России, как и в Западной Европе, чрезвычайно распространилось увлечение коллекционированием восточных вещей. Коллекции эти были самые разные по качеству и количеству, составлялись они людьми из самых разных слоев общества. В России среди собирателей восточных коллекций были дворяне, купцы, чиновники, промышленники и др. Составлялись такие коллекции самыми разными способами, среди которых самым распространенным был вторичный подбор вещей, когда они переходили из одного собрания в другое либо после смерти предыдущего их владельца, либо по потере с его стороны к ним интереса. В результате вещи теряли историю своего происхождения и превращались просто в предметы декоративно-художественного характера.

С точки зрения науки гораздо интереснее коллекции, которые составлялись знатоками в результате их длительных поездок с разными целями в различные регионы Азии. К таким коллекциям относятся, например, известная коллекция предметов буддийского культа князя Э.Э. Ухтомского, собранная им сами, а также вобравшая в себя другие крупные коллекции, сформированные людьми, долгие годы прожившими в Китае или пограничных с ним регионах. К числу таких уникальных коллекций относится и собрание К. С. Попова.

В ходе поездок по странам Востока, в особенности по Китаю, К.С. Попов собрал чрезвычайно ценные коллекции по традиционной китайской культуре¹⁹. В 1899 г. они были переданы государству, а затем, по желанию тогдашнего министра финансов С.Ю. Витте, Императорскому Строгановскому училищу в Москве. В ее составе были предметы, относящиеся главным образом к промышленности, искусству, естествознанию и образу жизни народов Востока, населявших не только Китай, но также Египет, Японию, Сингапур, Цейлон, Индию, Гавайские о-ва (в частности, Гонолулу) и т. д., то есть всех стран, где фирма К.С. Попова вела свою деятельность. Кроме того, в составе коллекций,

переданных в училище, было также собрание картин русских художников, гравюр (русских и иностранных) и небольшая библиотека. Все собрание передавалось Строгановскому училищу на вечные времена на условиях полной неприкосновенности. Ни одна вещь из него не могла быть отчуждаема от училища или заменена другой вещью, даже «равного или высшего достоинства и ценности». Жертвователю оставался за собой пожизненное право пополнять свою коллекцию. Этому собранию присваивалось наименование «Музей Константина Семеновича Попова», и все его коллекции должны были находиться в обособленном помещении, в котором гарантировались их безопасность, целостность и удобство для обозрения всеми посетителями. Составляя собственность училища, Музей должен был быть доступным и бесплатным не только для учеников, но и для посторонней публики не менее 4 дней в неделю, в том числе и по воскресеньям.

Это было далеко не единственное пожертвование восточных коллекций Строгановскому училищу. Так, в 1902 г. свою коллекцию редких китайских вещей, в том числе, предметы из бронзы, дерева и других материалов, передал, по некоторым сведениям, настоятель Данилова монастыря о. Амфилохий (ум. 1905), до того на протяжении почти тринадцати лет состоявший начальником Русской духовной миссии в Пекине в 1884–1896 гг.²⁰

Стороны соглашения называют разные причины пожертвования К.С. Попова. Так, по версии его самого, произошло это в результате специального обращения к нему тогдашнего министра финансов С.Ю. Витте.²¹ По версии же администрации Строгановского училища, соглашение о передаче состоялось в тот момент, когда К.С. Попов, с одной стороны, в силу сложившихся обстоятельств, был вынужден продать свой дом-пассаж в Москве, где Музей занимал три этажа, и немедленно вывезти оттуда свои коллекции, для которых у него не находилось другого помещения. С другой стороны, ни одно из заведений Москвы, кроме Строгановского училища не изъявило тогда желания принять собрание целиком, так как оно состояло из предметов, относящихся к разным областям знания, а не только к одному Востоку. Так, среди них были гравюры XVII–XVIII вв., а также незначительное количество эскизов и набросков русских художников и пр.

Совет училища под председательством П.В. Жуковского высоко оценил собрание К.С. Попова по искусству Востока с точки зрения возможной от него пользы для художественно-промышленного образования и согласился на предложенные К.С. Поповым условия. После надлежащего представления в Министерство финансов, чтобы исходатайствовать Высочайшее соизволение на принятие в дар собрания К.С. Попова, Училище приняло дар. Ввиду того, что училище в своих зданиях на Рождественке не могло разместить всех коллекций Попова, Совет училища одновременно ходатайствовал о предоставлении под Музей одного из казенных зданий, находящихся на участке казенной земли на Мясницкой улице. 19 мая 1899 г. состоялось Высочайшее повеление на принятие Строгановским училищем пожертвования К.С. Попова на вышеприведенных условиях. Для размещения Музея училищу отдавалось во владение одно из казенных зданий на Мясницкой улице, а Совету училища отпускалось из средств Гос. Казначейства одновременно 50 тыс. руб. на приспособление этого здания под Музей. Пока же спешно принятая коллекция была размещена в непригодных помещениях. Поэтому с согласия К.С. Попова часть собрания, состоящая из предметов и вещей, относящихся к области художественно-промышленного знания и могущих служить наглядным пособием для учащихся Строгановского училища, была размещена временно в залах нижнего этажа главного здания училища на Рождественке,

впредь до устройства специального помещения для всего Музея. Другая же ее часть, которая состояла из коллекций по естествознанию, картин и библиотеки, осталась во владении на Мясницкой ул. Однако по ряду причин, связанных с юбилеем училища и его расширением и реорганизацией, к 1907 г. все собрание К.С. Попова, по словам администрации, было размещено в здании на Рождественке.²² Все время музей был открыт для посетителей, экспонаты в нем были доступны для работы специалистов. Однако, по мнению жертвователя, условия договора не были выполнены. В письме к заведующему Этнографическим отделом Русского музея Александра III он описывает сложившуюся ситуацию: «Часть коллекций остается до сих пор нераспакованной, и даже те коллекции, которые уже распакованы, размещены в разных местах, а не вместе; не только подробного каталога до сих пор нет, но даже для себя училище не составило еще до сих пор описи коллекции; положение о Музее все еще не выработано; обособленного помещения для него нет; первоначально предполагалось отвести для него таковое на Мясницкой, но затем было решено, что во владении училища на Мясницкой будут возведены доходные здания и был даже объявлен в газетах конкурс для выработки проекта этих зданий; Музей же проектировали поместить в новых зданиях училища на Рождественке», однако копии Поповым не были получены. «Таким образом, констатирует он, – Музея Константина Семеновича Попова при Строгановском училище до ныне не существует, и возникнет ли он, наконец, в будущем и когда именно, я положительно не знаю». У него сложилось мнение, что его коллекции в училище никому не нужны. Поэтому, как он пишет далее, «вы, конечно, хорошо понимаете, что затратив на собирание моих коллекций массу личного труда, времени, любви к делу и очень крупную сумму денег, я не могу относиться безразлично к их судьбе». Так как, по его мнению, его Музей попал в руки учреждения, которое не интересуется его судьбой, то он решил изъять оттуда свои коллекции и передать их в строящийся Этнографический отдел Русского музея²³.

К коллекции К.С. Попова проявлял сильнейший интерес заведующий Этнографическим отделом Русского музея Д.А. Клеменц, известный своим, иногда не вполне обоснованным, скептическим отношением к подобного рода собраниям и весьма скупой в финансовом отношении при покупке экспонатов и коллекций. Для осмотра коллекции Д.А. Клеменц ездил в Москву вместе с Н.М. Могиланским²⁴. По его оценке, которую он высказал в письме к директору императорского Эрмитажа и товарищу (т. е. заместителю) августейшего управляющего Русским музеем Д.И. Толстому, она стоила более миллиона рублей. Кроме того, там же он высказывает следующее суждение, касющееся и личных качеств К.С. Попова: «При таких условиях (т. е. указанной оценке, а также условиях выставить ее целиком и под именем коллекционера – С.Д.) нужно и можно принять условие жертвователя целиком. Не одна коллекция тут важна – важно, что и нами добрые люди не брезгают»²⁵.

В 1907 г. К.С. Попов через Министерство двора испросил аудиенцию у императора, на котором предложил ему эту передачу. В своей же докладной записке в министерство торговли и промышленности от 8.03.1907 К.С. Попов пишет, что «жертвуя свои коллекции Строгановскому училищу, он не имел в виду собственно г. Москву, а государство, которому хотел бы принести сильную пользу, и оставил за собой выбор на названном Училище только лишь потому, что тогдашний Министр финансов С.Ю. Витте вызвал в нем уверенность, что именно там его коллекции будут особенно уместны и ценны для учащихся и публики».

По мнению же администрации Строгановского училища, именно здесь коллекции могли принести особенную пользу для общества. «Здесь они не только

служат для развития художественного вкуса посещающей Музей публики, но, главным образом, содействуют расширению художественного творчества учащихся Строгановского училища, пользующихся этими художественными оригиналами как наглядными пособиями. Потом [они] перенесут результаты этого изучения в развитие художественной промышленности в государстве. Теперь уже можно установить тот факт, что влияние коллекций г. Попова непосредственно отразилось на художественном творчестве учащихся Строгановского Училища. Пользование коллекцией г. Попова, в целях расширения художественного кругозора учащихся, настолько вошло в учебный обиход училища в течение 8 лет, что с этой стороны передача сейчас Музея К.С. Попова другому учреждению нанесла бы громадный ущерб учебному делу и представляется совершенно немислимой»²⁶.

Когда в связи с начавшейся русско-японской войной, а затем ее последствиями перспективы достройки музейного комплекса (ЭО РЭМ) и размещения экспозиций в запланированных первоначально размерах оказались нереальными, настроение Д.А. Клеменца, как и у других сотрудников музея резко испортилось, появились признаки депрессии, раздражения, межличностные склоки. Тогда же Д.А. Клеменц пишет товарищу управляющего Русским музеем графу Д.И. Толстому о коллекции Попова следующее: «Я теперь раздумываю о том, брать ли нам коллекцию К.С. Попова, хватит ли у нас на нее места?»²⁷.

Во время переговоров по возможному перемещению всей коллекции К.С. Попова в ЭО РЭМ им был передан на временное хранение в ЭО ряд предметов, относящихся к культуре иранцев, китайцев и японцев²⁸. До 1919 г. эти предметы хранились здесь незарегистрированными и имели статус «хранящихся в резерве». Только 1919 г. тогдашним заведующим ЭО А.А. Миллером был поднят вопрос о необходимости оформить их «надлежащим образом». Согласно заявлению, составленному от имени К.С. Попова, они поступили в ЭО в качестве дара²⁹. Совет ЭО постановил 7 июня 1919 г.: «имея в виду, что в настоящее время нет формальных препятствий к включению коллекции К.С. Попова в состав собраний ЭО – коллекцию эту записать в книгу поступлений как принадлежащую отделу и передать согласно списку – 22 предмета в 3-е отделение и 24 предмета – в 4-е отделение»³⁰. В 1931 г. дальневосточная часть коллекции К.С. Попова была передана в Государственный Эрмитаж. Другая же – в нее входят персидские медные сосуды, изображения животных и птиц, фонарь, подсвечник и др., а также деревянные ложки (всего 24 предмета, два из которых исключены из собрания после Великой Отечественной войны) – находится в фондах Российского этнографического музея.

¹ Очерк торговой и общественной деятельности Потомственного почетного гражданина, Коммерции Советника К.А. Попова. СПб., 1866. С. 13–16.

² Каботажная транспортировка – судоходство вблизи берегов, вдоль побережья.

³ [Шуйский Н.]. Отчет русского консула в Фучжоу Н.Шуйского за 1884 год // Сб. геогр., топогр. и стат. материалов по Азии. СПб., 1885. Т. 18. С. 129–148.

⁴ РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Е.хр. 124. Л. 10–10об.

⁵ О командировке секретаря Московского ОЛЕАЭ Н.Л.Гондатти в Ост-Индию, Китай, Японию, на Цейлон и о антропологических и этнографических коллекциях // Новости и Биржевая газета. 1-е изд. 1891. № 259.

⁶ Бушинский В.П. Василий Робертович Вильямс / В.П. Бушинский, Б.А. Александров. М., 1950. С. 21.

- ⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 5. Ед. хр. 10. Л. 81–81об.
- ⁸ См.: Воспоминания кругосветного плавания 1891 г. СПб., 1893; Картины растительности земного шара. Коллекция наиболее интересных в ботаническо-географическом отношении растительных типов, собранных в 1891 г. проф. В.А. Тихомировым во время его кругосветного плавания в качестве члена кругосветной экспедиции К.С. Попова М., 1892; Очерки воспоминания кругосветного плавания [СПб., 1892]; Культура и производство чая на Цейлоне, Яве и в Китае. [СПб., 1893] (первоначально и в более полном варианте опубликовано в «Фармацевтическом журнале» за 1892–1893 гг.); Ботанические сады тропиков (воспоминания кругосветного плавания 1891 г. СПб., 1893; Оптовая продажа и покупка мускуса в Шанхае (Из воспоминаний кругосветного плавания 1891 г.) М. 1893; Очерки Явы. Культура цинхон и получение хинной корки на Яве и Цейлоне. СПб., 1894
- ⁹ РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 2об.; Докучаев В.В. Доклад Закавказскому статистическому комитету об оценке земель вообще и Закавказья в особенности. Почвенные горизонтальные и вертикальные зоны. Тифлис, 1899. Об этих экспедициях В.В.Докучаева на Кавказ см.: Крупениковы И. и Л. Путешествия и экспедиции В.В. Докучаева. М., 1949. С. 106–108.
- ¹⁰ Отчет русского консула... с. 147.
- ¹¹ Попов К. Краткая история первого русского чая. М., 1904. С. 1.
- ¹² РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 1–2; Ф. 472. Оп. 45(471/2420). Ед. хр. 3. Л. 47; Попов К. Краткая история первого русского чая. М., 1904. С. 1.
- ¹³ Попов К.А. Краткая история. С. 1.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Ед. хр. 1393. Л. 2.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 5. Ед. хр. 10. Л. 81об–82; Попов К.А. Краткая история. С. 2; Краснов А.Н. Русские тропики // Ист. вестн. 1895. № 2. С. 569.
- ¹⁶ Краснов. 1895. С. 569
- ¹⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Ед. хр. 1393. Л. 5об.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 5. Ед. хр. 10. Л. 82; Попов К.А. Краткая история. С. 6.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 5. Ед. хр. 10. Л. 81об.
- ²⁰ О нем см.: Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае/сост. Б.Г. Александров. М.;СПб.: Альянс-Архео, 2006. С.125–130.
- ²¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 485. Л. 28.
- ²² По мере освобождения от частных квартир 2-го корпуса во владении на Мясницкой были приняты меры к приспособлению его под Музей. Однако в связи с 75-летием Строгановского училища все владения на Мясницкой ул. перешли в собственность училища. В 1902 г. оно было преобразовано, и часть классов из-за недостатка и тесноты помещений была переведена из зданий на Рождественке во владение на Мясницкой. Коллекции же по естествознанию и этнографии были в свою очередь переведены в здание на Рождественке.
- ²³ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 485. Л. 29–29об..
- ²⁴ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 67об., 70.
- ²⁵ РГИА. Ф. 696. Оп. 1. Ед. хр. 309. Л. 1об. 2.
- ²⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 57. Л. 7–10; Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 485. Л. 28–30.
- ²⁷ РГИА. Ф. 696. Оп. 1. Ед. хр. 307. Л. 47об.
- ²⁸ Рукописный список 24-х китайских и японских предметов см.: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 40.
- ²⁹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.
- ³⁰ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32а. Л. 16об. –17

**Китайское холодное оружие
конца XIX – начала XX в.
в фондах ВИМАИВиВС**

В последние годы наблюдался повышенный интерес к восточному оружию. Появился ряд интересных публикаций. Китайский комплекс вооружения представляет собой огромный интерес для специалистов по оружейведению, так как с древнейших времен до середины XIX века Среднее государство задавало тон на Дальнем Востоке во всем, включая холодное оружие. Китайская цивилизация, непрерывно развивавшаяся тысячи лет, подарила миру множество оригинальных и самобытных образцов холодного оружия. Пожалуй, никакая другая страна не может похвастаться таким изобилием наступательного и оборонительного вооружения, такой яркостью и оригинальностью технических решений. Чтобы описать все виды китайского оружия не хватит и многотомной энциклопедии.

При изучении истории развития оружия появляется необходимость в специальных системах, помогающих идентифицировать конкретные образцы. К таким системам относятся терминологические схемы, позволяющие описывать предмет изучения, схемы классификаций, по которым можно определить место выбранного вида оружия во всем мире оружия в целом, а также системы типологий, позволяющие разделить все многообразие форм отдельного вида оружия на группы, согласно определенным признакам. Цель статьи – сформулировать наиболее подходящий для китайского клинкового однолезвийного оружия принцип классификации и типологии, а также описать различные типы данного вида оружия, пользуясь русскоязычными терминами. Подробное описание особенностей каждой из выделенных групп требует отдельной объемной статьи, поэтому в рамках данной работы приводятся лишь общие итоги опыта составления типологической базы.

В китайском языке все клинковое однолезвийное оружие носит определенное «дао». Выбор дао, в качестве предмета описания не случаен. Дао в Китае называют «матерью всего холодного оружия». Данный вид был наиболее массовым и распространенным в Среднем государстве. Появившись в древнейший период истории (некоторые исследователи относят первые образцы дао к к периоду Шан (1766–1122 гг. до н.э.),¹ дао непрерывно развивались и, если первые образцы, выполненные из бронзы, более напоминали ножи, то уже к XIII веку появляются дао, ничем практически не отличающиеся от образцов начала XX века и даже современных.²

При подготовке статьи использовались, прежде всего, коллекция китайского оружия из фондов ВИМАИВиВС, а также ряд работ отечественных и зарубежных исследователей по этой теме.

При изучении истории развития китайского оружия появляется необходимость в специальной терминологии, без которой нельзя идентифицировать определенные образцы. Возможны три варианта образования подобных терминов:

1. транскрибирование китайских названий без перевода и, соответственно, использование собственно китайских обозначений. Преимуществом такого способа является его простота, избавляющая от необходимости поиска адекватных терминов в русском языке, но человеку, который незнаком ни с китайским языком, ни с китайским оружием, вообще будет непонятно, о чем идет речь;

2. одновременно приводить и китайский, и русский термины (например, меч-цзянь). В этом случае, разумеется, гораздо яснее, что стоит за тем или иным понятием, но, опять же, у человека, не знающего китайский язык, может возникнуть впечатление, что, например, цзянь – лишь один из типов китайского меча, тогда как на самом деле этот термин обозначает меч вообще;

3. использование переводов китайских терминов. При таком подходе появляется ряд трудностей, важнейшая из которых – поиск адекватного понятия в русскоязычной оружейведческой терминологии, но зато в случае удачного решения данной проблемы уже не будет возникать путаницы в определении того или иного вида оружия.

Данная работа построена по последнему принципу. При поиске корректных вариантов был отброшен метод прямого перевода, но по возможности приводятся термины русскоязычной терминологии. Кроме того, предпринята попытка учесть при переводе некоторые образы-стереотипы тех или иных терминов.

Иероглиф «дао» входит в названия многих видов оружия. Этим термином может обозначаться и нож, и сабля, и даже древковое оружие – коуза («дадао»).

В Китае существовали *дао* самых разнообразных форм и типов, поэтому при переводе этого понятия на русский язык будут использованы три термина.

При описании оружия с искривленным клинком без заметного расширения будет использован термин сабля, а с прямым клинком без заметного расширения – термин палаш.

Наибольшие трудности возникают при описании одного из наиболее распространенных видов *дао* – *шоудао*. Термин «шоудао» на русский язык переводили по-разному: и сабля, и широколезвийный меч, и палаш. Пожалуй, все эти названия не вполне корректно описывают конструктивные особенности этого вида. Действительно, «шоудао» во всех вариантах имеет искривленный или расширяющийся к острию клинок с односторонней или полуторной заточкой, то есть не является мечом, так как меч – оружие с симметричной заточкой, чаще всего прямое. Образцом ширококлинкового меча может служить «каролингский» меч. Палаш или сабля имеют одностороннюю или полуторную заточку, но палаш может быть только прямым, а сабля – только изогнутой, кроме того, расширение к острию у сабель и палашей чаще всего может быть оформлено елманью. Следовательно, дао не подпадает ни под одно из этих определений. Пожалуй, есть только один термин, который может передать это понятие, – фальшон (тесак). Термин «фальшон» происходит от французского слова «fauchon», обозначающего «нож», что, кстати, совпадает со значением иероглифа «дао». Фальшон иногда определяют как «сабля с мечевой рукоятью».³ Это определение не совсем точно. Анализируя образцы и изображение европейских фальшонов, можно прийти к выводу, что фальшон – оружие с однолезвийным, расширяющимся к острию клинком, который может иметь елмань, может быть изогнутым (саблевидным) или прямым. Таким образом, фальшон является прямым аналогом «шоудао».

Фальшон состоит из клинка, гарды, рукояти и навершия. Для Китая наиболее характерен саблевидный тип клинка, исключение составляет, пожалуй, только «дао с прямой спинкой» – с прямым обухом. Клинок китайского фальшона расширяется к острию и может иметь елмань. Елмань оформляется в виде резкого выраженного расширения обуха, несущего на себе фальш-лезвие. Также клинок китайского фальшона может иметь скос обуха или расширение клинка со стороны обуха без елмани. Обух китайского фальшона может нести

дополнительные элементы – выступы или шипы. Также на обухе могут крепиться кольца от трех до девяти. В отличие от европейских фальшонов, гарда имела чаще всего вид перекрестья, в Китае обычно гарда была выполнена в виде щитка, хотя перекрестье также встречается. В Китае, а также в Европе изредка встречаются варианты фальшонов с рудиментарной гардой или без нее. Известны и «близнецовые» фальшоны. Также, как и «близнецовые» мечи, они носились в одних ножнах, при этом гарда выполнялась в виде полуовала, с тем, чтобы эфесы не мешали друг другу при помещении в одни ножны.

Размеры фальшонов могут быть весьма разнообразны. Зачастую длина и ширина клинка могли определяться в зависимости от физических параметров владельца. У одного из наиболее распространенных вариантов фальшона «в виде ивового листа», базового во многих стилях современного ушу, общая длина около 90 см, а ширина клинка примерно 3 см у гарды и 6–7 см в самой широкой части. Также известен и двуручный фальшон, повторяющий по конструкции одноручные варианты, только большего размера.

За исключением некоторых, например «в виде головы оборотня», когда клинок вместо острия имел лопатообразное закругление, китайские фальшоны имели острие, следовательно, ими можно было не только рубить, но и колоть. Однако расширяющийся к острию клинок более приспособлен к нанесению рубленых повреждений (кстати, у многих китайских фальшонов хвостовик расположен с наклоном относительно клинка, что способствует увеличению эффективности рубящего и режущего поражающего воздействия за счет создания дополнительного рычага).

При рассмотрении темы оружия нельзя обойти вопрос классификации и типологии вооружения. В настоящее время известны несколько вариантов классификаций. Некоторые из них ориентированы на определенный тип оружия или регион (например, типология скандинавских мечей Я. Петерсена, типология шпага и рапир А. Нормана,⁴ типология европейских мечей Р. Оукшотта,⁵ типология русских мечей А. Н. Кирпичникова и т. д. Некоторые же классификации являются универсальными, включают все типы оружия. Ниже будут рассмотрены три варианта таких универсальных классификаций.

Классификация холодного оружия по В. Н. Попенко.⁶ Первый признак, по которому В. Н. Попенко разделяет оружие на роды и виды, – функциональный. Автор выделяет ударное, рубящее, колющее и метательное оружие. В свою очередь, каждый из этих родов разделяется на виды, в зависимости от конструктивных особенностей. Преимуществом этой системы является то, что она позволяет легко определить основную (по мнению автора) функциональную особенность оружия, но, к сожалению, возникает некоторая путаница. Например, практически всё оружие с гибким элементом (цепы, цепи, кистени) помещено в раздел «Ударное оружие», а сурутин – вариант боевой верёвки, иногда с грузилами на концах, в раздел «Метательное оружие», лук и арбалет – в раздел «Колющее метательное», а не в «Метательные машины», туда же (в раздел «Колющее метательное») помещена и франкская фремея – массивное копье – рогатина. Таким образом, непонятно, к какому роду следует относить китайские фальшоны, сабли и палаши, поскольку для многих образцов весьма сложно определить основной принцип поражения.

Классификация чхонмедо⁷, опубликованная в книге К. В. Асмолова «История холодного оружия», позволяет охарактеризовать любой вид оружия, но, к сожалению, абсолютно чёткого определения многим образцам она также не дает, поскольку многие из её пунктов перекрывают друг друга, а какого-либо главного признака, по которому следовало бы отличать один вид оружия от другого, нет. Так, например, двуручный топор, можно отнести и к оружию

с боковым острием, и к древковому оружию (и то, и другое в данной классификации отдельные группы). Не совсем понятно и то, почему, например, алебарду в классификации Чхонмедо относят к древковому оружию, а не к оружию с боковым острием, почему в данном случае важнее древко, а в случае с секирой или топором – «боковое острие»?

Классификация Б. Г. Трубникова⁸, приведённая в словаре «Оружие», – третья из рассматриваемых схем классификаций. Автор характеризует её как «синтетическое» (синтезное) древовидное каноническое группирование». Б. Г. Трубников стремился дать унифицированную классификацию, пригодную в любой области оружейведения, но в результате получилась очень громоздкая система. Такая классификация, хоть и дает возможность описать любое оружие, не очень удобна из-за огромного количества параметров, которые следовало бы учитывать, при пользовании ею.

Кроме вышеперечисленных, необходимо упомянуть про классификации, предлагаемые китайскими авторами. Ян Юэмин в своей книге «Оружие древнего Китая» упоминает о том, что «наиболее характерными были 18 видов, включавших длинное, короткое, сверхкороткое, гибкое и метательное оружие»⁹. Несколько иной вариант классификации приводит Чжан Юкунь в книге «Сто вопросов по у-шу». По этой системе всё оружие подразделяется на короткое, длинное, парное, гибкое¹⁰. Именно такая классификация принята в современном китайском ушу¹¹. Действительно, эта система весьма удобна для спорта, она позволяет достаточно объективно оценивать мастерство спортсмена при упражнениях с оружием. Но для оружейведения такая система непригодна, поскольку в её основе отсутствует единый принцип, по которому следует различать оружие. В этой классификации смешано разделение по конструктивным особенностям (короткое, длинное, гибкое) и по способу применения (парное). Кроме того, вызывает сомнение выделение длины оружия, как основного определяющего принципа.

В данной работе принята иная классификация. В основу положен принцип разделения по конструктивным особенностям. Пожалуй, такой принцип является наиболее объективным, поскольку такие факторы, как, например, способ применения или особенности способа поражения во многом зависят от манеры ведения боя или конкретной ситуации.

Прежде всего, всё оружие было разделено на два класса: холодное и огнестрельное. Поскольку фальшоны, сабли и палаши не предусматривают в своей конструкции использования энергии пороховых газов и, следовательно, относятся к оружию холодному, именно его классификация будет рассмотрена подробнее.

Класс холодное оружие может быть разделен на несколько родов:

1. *Простейшее* – наиболее древний тип оружия. Сюда относятся те образцы, которые происходят от бытовых предметов, различных подручных средств, используемых, как оружие (палка, камень, заточенная пластина и т. д.). Оружие такой конструкции обычно не имеет ярко выраженной боевой части и изготавливается из подручных материалов, чаще всего из дерева.

2. *Древковое оружие* монтируется на специальном конструктивном элементе – (обычно деревянном) древке, превосходящем по длине боевую часть (например, двуручная секира, алебарда, копьё). К древковому относится оружие длиной свыше 140 см.

3. *Оружие на рукояти* монтируется на специальном конструктивном элементе – рукояти или имеет боевую часть специфической конструкции (поражающий элемент конструкции), выполненную вместе с хвостовиком, на котором монтируются специальные элементы конструкции, служащие для удержания

и управления оружием (эфес). К оружию на рукояти относится оружие, длиной не превышающее 140 см.

4. *Клинковое оружие* имеет четко выраженную боевую часть – клинок, изготавливаемый, обычно, из металла и превосходящий по длине хвостовик либо равный ему. Клинок является универсальным поражающим элементом, совмещающим в своей конструкции выраженные рабочие (боевые) части : лезвия (или одно лезвие), кромки и (или) острие.

5. *С гибким элементом* – оружие, у которого боевая часть крепится к рукояти посредством веревки, цепи, ремня; возможны варианты, когда рукоять отсутствует (например, китайский вариант кистеня, так называемый «молот-метеор») или когда рукоять или рукояти являются одновременно и боевыми частями (например, двузвенный цеп).

6. *Метательные механизмы* – специальные приспособления, предназначенные для поражения противника на расстоянии посредством метания специальных снарядов (лук, арбалет).

7. *Снаряды для метания* – оружие, которое служит снарядом для метательных механизмов и не может быть использовано отдельно от них (стрелы, арбалетные болты и т. п.).

Фальшоны, сабли и палаши – типичные представители клинкового оружия, т. к. все они имеют ярко выраженную боевую часть, т.е. клинок, превосходящий по длине рукоять.

Клинковое оружие можно разделить на два основных вида: двулезвийное и однолезвийное.

Определяющей чертой для двулезвийного оружия является клинок, несущий симметричную заточку, т. е. имеющий два лезвия. На клинках же однолезвийного оружия можно выделить лезвие – заточенную кромку, и обух – незаточенную часть клинка. На некоторых образцах однолезвийного оружия присутствует фальшлезвие – заточенный участок обуха, но в любом случае заточка однолезвийных клинков всегда асимметрична. Таким образом, можно уверенно утверждать, что сабли, фальшоны и палаши относятся к однолезвийному оружию.

Согласно данной классификации все многообразие китайских сабель, фальшонов и палашей можно охарактеризовать следующим образом:

Класс: холодное оружие.

Род: клинковое.

Вид: однолезвийное.

В настоящее время существует несколько интересных систем типологии клинкового оружия. Так, например, А. Ю. Сеницын предложил интересную схему типологии японских клинков по их месту и времени изготовления, а также по школам мастеров¹². К сожалению, в случае с коллекцией Музея Артиллерии, такой подход невозможен, так как, все клинки данного собрания примерно датируются последним десятилетием XIX века, следовательно, невозможно провести деление по временному признаку.

Известны также хорошо проработанные типологии европейских мечей. Этой проблемой занимались такие известные исследователи, как Я. Петерсен, Брун-Хофмейер, Р. И. Оукшотт. Я. Петерсен и Брун-Хофмейер использовали в качестве типопределяющей черты дизайн эфеса меча, что, по-видимому, не является до конца верным. Ведь самые разные сочетания гарды и навершия могут комбинироваться с самыми разными клинками, очевидно, очень редко можно говорить о каком-либо типе гарды, который всегда сопровождает лишь

определенный тип клинка. Наиболее предпочтительным является метод, применённый Р. И. Оукшоттом в его замечательном исследовании «Меч в эпоху рыцарства»¹³, где он дает отдельные типологические системы для клинков, гард и наверший.

При описании китайского однолезвийного клинкового оружия автор использовал такой же метод. Все клинки типологизированы, в зависимости от их геометрических особенностей, поскольку именно от них зависят функциональные особенности клинка. Таким образом, типопределяющими признаками для клинков являются наличие или отсутствие изгиба, наличие или отсутствие расширения к острию, наличие или отсутствие елмани, фальшлезвия и т. п., в то время как наличие или отсутствие долов или надписей на клинках, т. е. особенностей дизайна, типопределяющими признаками не считаются, так как они не оказывают влияния на тактико-технические характеристики клинка.

Функциональные особенности формы также являются определяющими при типологизации гард, например две гарды в виде щитка, одна из которых выполнена из латуни, а другая – из железа, относятся к одному типу, так как, невзирая на различное оформление, они имеют сходные тактико-технические характеристики.

Навершие, напротив, исполняя функцию противовеса клинку, совершает её вне зависимости от формы, поэтому наворачия разделены на типы согласно с внешними особенностями дизайна.

Такая система построения типологии позволяет четко обозначить особенности каждого конкретного экземпляра оружия в виде специальной формулы. Для обозначения типов клинков автором использованы римские цифры. При выделении побочных ветвей одного типа, к цифре добавляются латинские прописные буквы. Типам гард соответствуют арабские цифры, при необходимости выделения подтипов их также сопровождают латинские прописные буквы. Навершия обозначаются заглавными латинскими буквами, подтип указывается арабской цифрой. При описании каждого экземпляра целиком сначала дается тип клинка, затем гарды, а потом наворачия. В результате описание напоминает формулу, например: IIIa; 1; B1.

На основе принятой системы типологии были выделены две большие группы клинков, через которые была пропущена сквозная нумерация типов. В первую группу попадают все клинки, у которых отсутствует расширение к острию (то есть сабли и палаши). Вторая же группа представлена клинками, у которых наличествует расширение к острию (фальшоны).

Типов клинков выделено 4, из которых первые два относятся к первой группе, остальные – ко второй.

Гарды разделены на 5 типов, среди которых встречаются оформленные в виде щитков и перекрестий различных форм, наворачия – на 8 типов, в зависимости от художественного решения.

Основываясь на данных коллекции Музея Артиллерии, можно сделать вывод, что в отличие от европейских стран или Японии в конце XIX в. в Китае было наиболее популярно оружие с расширяющимся к острию клинком (фальшоны).

Данные коллекции позволяют также выделить наиболее распространенный вариант гарды (в виде щитка) и наворачия (в виде усеченного конуса). Необходимо отметить, что большинство типов клинков может сочетаться с двумя или более типами гард и наверший, что ещё раз доказывает наибольшую целесообразность выбранного метода типологии, особенностью которого является отдельная типологизация основных деталей оружия (клинки, гарды, наворачия), а не подразделение на типы, исходя из особенностей дизайна.

Конечно, нельзя выводить типологию для всего китайского однолезвийного оружия, основываясь на материалах только одной коллекции, пусть даже весьма обширной. Но несмотря на то, что данная типология до конца справедлива только в рамках собрания Музея Артиллерии, она может являться прочной основой для создания общей типологии китайского однолезвийного клинкового оружия, поскольку любой новый тип может быть легко добавлен в схему к уже имеющимся, на основе общих принципов.

В заключение можно сделать следующие выводы: наиболее целесообразным автору видится построение классификации по принципу особенностей конструкции, а типологии – по методике, предложенной Р. И. Оукшоттом.

Использованная литература

1. Ян Юэмин. Оружие древнего Китая // Черная Жемчужина. СПб., 1993. Вып. 2. С. 42.
2. Чжоу Вэй. Чжунго бинци шигао (Очерк истории китайского оружия). Пекин, 1957: ил. 63; кит. яз.
3. Уиланд Дж. Меч, шпага, сабля – настольная книга коллекционера. Ч. I. М., 1987.
4. Norman A. Rapier and small sword. Sydney, 1981.
5. Oakeshott R. E. The Sword in the Age of Chivalry. London, 1962.
6. Трубников Б. Г. Большой словарь оружия. СПб., 1997. С. 515.
7. Асмолов К. В. История холодного оружия. Ч. I. Москва, 1994. С. 7.
8. Трубников Б. Г. Большой словарь оружия. СПб., 1997. С. 522.
9. Ян Юэмин. Оружие древнего Китая // Черная Жемчужина. СПб., 1992. Вып. 1. С. 46.
10. Чжан Юкунь. Сто вопросов по у-шу. Киев., 1996. С. 22.
11. Асмолов К. В. История холодного оружия. Ч. I. М., 1994. С. 6.
12. Синицын А. Ю. Самурайские мечи в коллекции МАЭ: проблемы атрибуции, учета и хранения // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1996. Вып. 4–5.
13. Oakeshott R. E. The Sword in the Age of Chivalry. London, 1962.

Именной указатель

- А.В.П. 2
А.К. 199
А.С. 68
Абросимов А.И. 272, 273
Август (Октавиан Август) 158, 159
Аверин М. 70
Авзоний (Децим Магн Авзоний или Авсоний) 162
Авит 162
Аврелиан (Луций Домиций Аврелиан) 167
Аврелий (Марк Аврелий Антонин) 160
Авриль Филипп 9, 10, 132
Агафонов А. С. 9, 131
Адоратский Николай (Адорацкий) см. Николай, иеромонах
Александр II 21, 27, 38, 140, 265
Александр III 22, 27, 255, 274, 279
Александр Македонский 159, 167
В.к. Александр Михайлович 71
Александра Федоровна (принцесса Алиса Гессенская) 256, 257, 259, 261
Александров 272
Александров Б.А. 280
Александров Б.Г. 80, 281
Александров В.А. 125, 127
Алексей, цесаревич, сп. ил.
В.к. Алексей Александрович 61
Алексеев 67
Алексеев Е.И. 61, 180, 188, 194, 195, 196, 200
Алексеев В.М. 106, 107, 113, 118, 155, 157
Алексеева Н.Ю. 128
Алтабаев 78
Аммиан Марцеллин 161, 168
Амфилохий, иеромонах (Шипунов) 72, 278
О. Анатолий, архимандрит 70
Андреев А. Ив. 5, 6, 19, 32, 33, 34, 36, 73, 289
Андреев А. Игн. 126, 127
Анвиль (Анвиль Жан-Батист Бургильон, де) 124, 125
Анин Алексей 211
Анна Иоанновна 116, 126
Анний Плокам 160
Аполлоний 163
Апостолиди Е.К. 256
Аракава Синтаро 86, 93
Ардашев П.Н. 260, 26, 263
Аренский А.С. 271
Арескин Р.К. 98
Аристотель 164, 169
Аркон 168
Артемонов 183
Артур Коннаутский (Артур Фредерик Патрик Альберт) 264
Асланбегов А.Б. (также Асланбеков) 60, 66, 254
Асмолов К.В. 284, 288
Афонина Е.Н. 111, 112
Б.Т.Т. 221
Бабкин 67
Багров Л.С. 119, 125, 127
Бадмажапов Цогто (Цокто) Гармаевич 81, 91
Бай Бинь 84, 88, 92
Байер Т.З. 9, 96, 131, 132
Байков Ф.И. 129, 132, 175, 176
Бакалюк В.В. 117
Бакст Л.С. 266, 271
Балуев Федор 13
Бантыш-Каменский Н.Н. 125
Баранов А. 70
Барбье Р.И. 223
Барни 134
Баскаков Дмитрий 126
Басханов М.К. 32
Баталин А.Ф. 36
Баталин В.Н. 253, 271
Башкина Н. 108

- Бедряга Я.В. 36, 50, 56, 57
 Бейкер Самюэль 37
 Бейль Пьер 94, 95
 Белл Джон Антермони 13, 16, 18, 130
 Белов Е.А. 6
 Белова Л.Б. 117
 Бель Яган см. Белл Джон
 Бельченко А.Т. 77, 222
 Беляев О.П. 97, 116
 Бенедикт Поляк 164
 Бенкендорф П.К. 261, 270
 Берг Л.С. 54
 Бердан Х. 23, 56
 Березовский М.М. 26
 Бержерон Пьер 19
 Бернхарди А. 92
 Бернштейн И.А. 201
 Бескровный Л.Г. 125
 Бианки В.Л. 36, 50, 56
 Бисмарк Отто, фон 180, 186
 Бичурин Н.Я. см. о. Иакинф,
 архимандрит
 Бихнер Е. А. (Бюхнер) 36, 50, 54, 56
 Блюхер В. К. 77
 Боброва Е.И. 127
 Бойль А. 60
 Большаков С.Ф. 68
 Бомпар М. 258
 Бон Г.И. 18
 Св. Бонифаций (Винфрид) 162
 В.к. Борис Владимирович 265
 Боровко Г.И. (Боровка) 28, 31
 Бородин М.М. (Грузенберг) 77
 Бородич В.Ф. 5, 6, 10, 248, 289
 Боэций (Боэтий) 162
 Брандт Ф. Ф. 38, 55, 58
 Бриллиант В.А. 127
 Бродянский Л. Г. 68
 Брокгауз Ф.-А. 133, 156
 Брун-Хоффмейер [А.] (Хоффмейер) 286
 Брусилов 195
 Брюмер Ф.Я. 254
 Брюс Я.В. 16, 18, 98
 Бубнов Н.Ю. 117
 Будда Майтрея 266
 Будда Шакьямуни 266
 Булатов С.С. 117, 174, сп. ил.
 Буссе И.Ф. 97
 Бутина В. 80
 Бутузов 219
 Бушинский В.П. 280
 Бэр К. М. (К. Э.) 102, 116
 Бюхнер Е.И. (Бихнер Е.И.) 36, 50,
 54, 56
 Ваганова Т.А. 117
 Вакх 162
 Валдерзее 196, 197
 Ван Цзин-жу 83, 84, 87
 Ван Ци 105
 Ван Чао 251, 252
 Ванновский П.С. 21, 24, 26, 32
 Варягин 184
 Васильев В.П. 70, 133, 134, 135, 141, 1
 51, 153, 154, 156, 157
 Васильев Л.С. 245, 247
 Вахович А.С. 68, 72, 73, 74
 Вачиравуд, см. Рама VI
 Великанов Вадим В. 253
 Вельгус В.А. 107
 Венцель А.Н. 223
 Венюков М.И. 35, 40, 79
 Вергилий (Публий Вергилий Марон)
 158
 Верещагина 78
 Верховский 185
 Вершинин 75
 Веселиил 163
 Веспассиан (старший) 169
 Виктор, митрополит (Святин Л. В.)
 76
 Виктор Эммануил III 263, 271
 Виллиброрд, св. 163
 Виллинбахов В.Б. 118
 Вильгельм, магистр (зд. Гильом Буше)
 166
 Вильямс 68
 Вильямс В.И. 275, 280
 Виниус А.А. 98
 Виноградова Т.И. 4, 7, 106, 112, 113,
 116, 118, сп. ил.
 Витсен Н. 120, 121, 127
 Витте С. Ю. 180, 193, 277, 278
 Владиславич-Рагузинский С. Л.
 94, 115, 120, 126
 Влангали А.Е. 22
 Вознесенский А.Н. 76
 Воейков А.И. 56, 57
 Волховский 208
 Вольнский Артемий 13, 98
 Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) 12

- Воробьев Н.И. 266
 Воронцов-Дашков А.И. (также Воронцов) 260, 270
 Вортман Альбрехт Христиан 17
 Высоцкие 77
 Вэнь И 104
- Гавриленко М.В. 44
 Гавриленков В.М. 56, 57
 Гамильтон 96
 Гелиодор 169
 Гельвий Пертинакс (Пертинакс Публий Гельвий) 168
 Генри Джордж 212
 Георгиевский С.М. 133, 134, 135
 Герд Г. 68
 Геркулес 159
 Геродот 160, 168
 Герценштейн С.М. 36, 50, 56
 Гильом Буше (см. также Вильгельм магистр) 169
 Гильом Рубрук 9, 164, 165, 166
 Гиппократ 164
 Гирс М.Н. 74, 181, 182, 187, 189, 190, 191, 193, 197, 199, 200, 201
 Глазунов Иван, 13
 Гнучева В.Ф., 115, 121, 123, 126, 127, 128
 Го Цзиньлун 111
 Гоголь Н.В. 152
 Годфруа Людовик 129
 Голенищев-Кутузов И.Н. 167
 Голицын Д.М. 98
 Головин Ф.А. 94, 119
 Головки Г.В. 115
 Голстунский К.Ф. 153
 Гондатти Н.Л. 275, 280
 Гонорий (Флавий Гонорий Август) 162
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 158
 Горбачева З.И. 92
 Горбунов Н.П. 28, 29, 31
 Горелов Н.С. 5, 6, 9, 112, 118, 289, сп. ил.
 Горенштейнов 75
 Горчаков А.М. 269
 Горький М. 117
 Грейг С.А. 21
 Григерманы 78
 Григорьев 197
- Гринстед Эрик 85, 86
 Гродеков М.И. 182 188
 Громбчевский Б.Л. 22, 26 188
 Громковская Л.Л. 92
 Грум-Гржимайло Г.Е. 20, 26, 33, 34, 36, 66
 Грушетский Василий 13
 Грюнберг К. 70
 Грюнведель А. 266
 Грязев Андрей 13
 Гу Хунмин 208
 Губкин А. 74, 75
 Гуйк, хан 164
 Гун Хуан-чэн 82, 90
 Гусни-паша 258
- Да-цзо-лин 140
 Давыдова 78
 Дагаев 78
 Дамронг 255
 Даннел Рут 86, 93
 Дацышен В.Г. 5, 6, 67, 198, 289, сп. ил.
 Дебюсси К. 271
 Девавонг 256, 270
 Делиль И.Н. (Ж. Н.) 122, 127
 Делькассэ Т. 258, 270
 Делянов И.Д. 152
 Демидова Н.Ф. 115, 132, 176
 Демидовы 96, 115
 Дервиз С.Н. 27
 Дерябина Н.И. 107
 Десницкая Е.И. 263, 264, 265, 270
 Десницкий И. И. 264
 Джан-джа-дун 61
 Джонсон У. 234
 Дзержинский Ф.Э. 28
 Дивов Алексей 13
 Диллан 200
 Дионисий 162
 Дмитриев С.В. 5, 6, 9, 10, 133, 289
 Дмитриевский П.А. 68, 70, 72, 73, 80
 В.к. Дмитрий Павлович 260, 270
 Добровольский К.Р. 182, 199
 Доброловский И.А. 224
 Добросмыслов А.И. 126
 Докучаев В.В. 275, 280
 Долгоруков 65
 Домбровский Б.С. 31
 Донских В.В. сп. ил.
 Доронин Б.Г. 103, 107, 108, сп. ил.

- Дотремэр 73
 Драгунов А.В. 3
 Драконций, Блоссий Эмилий 162
 Дранков А.О. 253, 264, 271
 Дрейер О.К. 87
 Ду Фу 105, 174
 Ду Цянь-лу 92
 Дуань 189, 190, 195
 Дубасов Ф.В. 60, 61, 66, 74
 Дубровин Н.Ф. 32, 34, 54, 55, 56, 57, 58, сп. ил.
 Дукельский 65
 Думан Л.И. 176
 Дун 114
 Дун Фусян 190
 Дун Чжэцзюнь 73
 Дюбайл (Дюбайль) 73
 Дэ-го 144
 Дюгальд и Дю Гальд (Гальд Ж.Б., дю) 124, 125
 Дягилев С.П. 266, 271
 Дядько 200
- Е.М. 208
 Евреинов Б.Н. 202
 Евреинов Иван 121, 127
 Евтропий 168
 Егер Г.Ф. 75
 Егунов А. 169
 Екатерина I 94 120
 Екатерина II 131
 Елачич Франц (Лука) 95, 97
 Елизавета Петровна 17, 95
 Ермаков Н.А. 69
 Есаков В.А. 35
 Ефимов А.В. 125
 Ефимов Г.В. 66
 Ефрон 133, 156
 Жарту 124
 Жамцарано Ц. 31
 Жамьян 31
 Жиганов В. 111, 118
 Жюльен С[танислас Эньян] 98
 Жуковский 152
 Жуковский П.В. 278
 Заграмозо (Сакрамозо) 96
 Заленский В.В. 36, 50, 57
 Засекин Александр 13
 Захаров И.И. 133, 154
 Зубарев Яков 13
 Зубов А. Ф. 126
- О. Иакинф, архимандрит (Бичурин Н.Я.) 101
- Иваненко С. 252
 Иванов 173, сп. ил.
 Иванов А.И. 81, 82, 91, 92
 Иванов Н.А. 67, 68
 Иванов С.М. 270, 271
 Ивановский А.О. 9, 130
 Игнатъев А.В. 270
 Игнатъев Михайло 13
 Идес Избрант Эверет (Эверт, Елизарий) 98, 120, 121
 Св. Иероним 163
 Избрант см. Идес Избрант Эверет
 Извольский А.П. 76
 Измайлов Л.В. 12, 13, 14, 16, 120, 130, сп. ил.
 Иисус Христос 164
 Иловайский С.И. 79
 Ин Нян 190
 Иннокентий, иеромонах (Ольховский) 72
 Иннокентий, епископ (Фигуровский И. А.) 75
 Иностранцев А.А. 36
 Иосиф Флавий 169
 Иринчинов Дондок 42
 Иролтуев Чайнзин 266
 Исидор Сельвийский (Севильский) 161, 168
 Исихама Дзюнтаро 83, 85, 86
 Иснар 127
 Истопников Федор 12
- Казанин М.И. 77, 80
 Каллироя 168 169
 Калигула (Гай Юлий Цезарь Германник) 159
 Калиянц А.С. 117
 Калмынин 46, 47
 Калюжная Н.М. 197, 198
 Каменев Л.Б. (Розенфельд) 28
 Каменский П. см. Петр, архимандрит
 Кан Ювэй 223
 Кандынский Х. 272, 273
 Канси (также Кан-си, Камхи, Кам-хи) 9, 121, 123, 124, 127
 Капелевич Ю.Х. 127
 Карпини Иоанн де Плано 164, 166
 Карпов В.П. 169

- Карамзин Н.М. 152
 Каретников П.А. 37
 Касаткин И.Д. см. Николай, епископ
 Кассини А.П. 71, 73
 Каульбарс А. В. 188
 Квантен Лук 87
 Кебке И.Ф. 28, 33
 Кепинг К.Б. 85, 86, 92
 Керберг П.Г. 68
 Кесслер К.Ф. 39, 40, 44, 54, 55
 Киндер 196
 Кирилов И.К. 9, 17, 18,
 10, 121, 122, 123, 125, 126, 127
 Кирпичников А.Н. 284
 Киселев М. 70
 Киселева Г.Б. 112, 118
 Клавдий (Тиберий Клавдий Цезарь
 Август Германик) 160
 Клавдий Клавдиан 162
 Клапрот Ю. 98
 Клейменов К.В. 72
 Клеменц Д.А. 278, 280
 Клеопатра 159
 Клинген П.П. 68
 Кобзев А.И. 118
 Козлов П.К. 5, 6, 20, 21, 22, 24, 25, 26,
 27, 28, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 48, 81,
 82, 85, 86, 87, 89, 90, 91, сп. ил.
 Козлова Е.А. 31
 Колоколов В. С. 85, 86, 92
 Коломийцев Андрей 45
 Колпакова Н.В. 4, 7, сп. ил.
 Колпаковский Г.А. 27, 55
 Комаров В.Л. 33
 Коммод (Луций Элий Аврелий
 Коммод) 168
 Конжер 197
 Копанев А.И. 117
 Кондратьев С.П. 168, 169
 Конрад Н.И. 84
 В.к. Константин Николаевич 21, 22, 60
 Константин Ольденбургский 261
 Конфуций (в тексте XVIII в. Кондсид-
 сягюй и Конфюдси) 97, 102, 227
 Корнилов В.А. 60
 Коростовец И. Я. 72, 74, 76, 80, 197,
 204
 Корсак А. 79
 Корф И.А. 95, 122
 Костыгов Василий 115, 116
 Костюченко Н. (Нажингова Фу) 5, 6,
 11, 108, 109, 171, 172, 174, 175,
 176, сп. ил.
 Костюченко С.А. сп. ил.
 Котов 67
 Кочеткова Н.Д. 128
 Кочетова С.М. 107
 Красникова О.А. 5, 6, 9, 102, 118, 119,
 289
 Краснов А.Н. 71, 79, 281
 Кременевский Иван 13
 Кременцов Н. 28
 Крен Чарл(ь)з 27
 Крил Х. Г. 225
 Кроль Ю.Л. 245, 246, 247
 Кротков Н.Н. 218
 Кроун Н. 61
 Круглов К. 70
 Крупенников И.А. 281
 Крупенников Л.А. 281
 Крыжановский В.И. 30
 Крылова Е.А. 108, 109, 118, сп. ил.
 Крымов А.Г. 66
 Ку Хунмин см. Гу Хунмин
 Кудрин В.И. 107
 Кузнецов А. 74, 75
 Кузнецов Василий 128
 Кукушкина М. В. 117
 Кулаковский Ю.А. 168
 Кулик Н.А. 31
 Куликова А.М. 115
 Кулябко Е.С. 132
 Кунцевич И.А. 80
 Куплетский Б.М. 31
 Куренков М.П. 75
 Кычанов Е.И. 5, 6, 81, 85, 86, 87, 88,
 90, 91, 92, 93, 104, 117, 118, 245,
 247, 289, сп. ил.
 Кювье Ж. 49
 Кюннер Н.В. 101, 128
 Кян-Лун (Цянь-Лун) 131
 Ладыгин В.Ф. 25, 32, 35
 Ладыженский Н.Ф. 68
 Ламздорф В.Н. 80, 182, 187, 190, 193,
 195, 198, 199, 201
 Ланг Иоганн Лоренц (Лаврентий) 13,
 15, 18, 94, 95, 115, 130, 132
 Ланге см. Ланг
 Ланкастер Чарлз Уильям 46, 56
 Ланцова 78

- Лань И 190
 Лао-цзы 97
 Лауфер Б. 82, 91
 Лебедев В.Р. 75
 Лебедев Н.Н. 31
 Лебедев-Лентовский Д.И. 78
 Лебедева З.А. 31
 Лебедева И.Н. 117
 Лебединская Т.Н. 112
 Левитов И. С. 184
 Лек см. Чакрабон
 Ленин В.И. 76, 212, 218, 223, 224
 Леонов В.П. 4, 7, 102, 103, 115, 117,
 118, сп. ил.
 Леонтьев А. Л. (Леонтиев) 9, 96, 97,
 131, сп. ил.
 Лепехин М.П. 122, 128
 Лермонтов М.Ю. 271
 Лесовский В.И. 31
 Лессар П.М. 193, 194, 202
 Ли 63, 64
 Ли Бо 174
 Ли Вэй 92
 Ли Даньхуэй 104
 Ли Сингэн 249, 251, 252
 Ли Фань-вэнь 87, 91, 92 сп. ил.
 Ли Хунчжан 5, 6,
 10, 111, 177, 180, 183, 186, 189,
 191, 192, 193, 194, 195,
 196, 197, 199, 200, 201, 202, сп. ил.
 Ли Цзяо 216
 Ли-Ю-фан (Ли-Ю-Фанг) 61
 Ли Юаньхун 76, 220, 224
 Ли Юйчжэнь сп. ил.
 Ливрон А., де 60
 Линевиц Н.П. 183, 184, 187, 188, 197
 Линь Ин-цзинь 90
 Линь Люй-чжи 92
 Липовцов С. В. 98, 116
 Литвинов С.В. 69, 70, 75
 Литке Ф.П. 38, 55
 Лиу-кунь-и 61
 Лиу-Чжан-Чжэн 258
 Лихачев Д.С. 117
 Лихачев И.Ф. 59, 60, 66
 Лихачева О.П. 117
 Ло Фу-чан (чэн) 82
 Ло Чжэнь-юй 82, 84
 Лодыженский М.С. 176
 Лозан Стефан 185
 Ломоносов М.В. 17
 Лопатинский Ф. 98
 Лорис-Меликов И.Г. 257, 267
 Луань Цзинхэ 117
 Лубэ Эмиль 263, 271
 Луганец-Орельский (Бовкун-
 Луганец) И.Т. 78
 Лукан (Лукан Марк Анней) 159, 168
 Луппов С.П. 114, 116
 Лужин И. 121
 Лужин Петр 127
 Лукан (Лукан Марк Анней) 159, 168
 Лукьянов А.Е. 118
 Лун Дапэн 251, 252
 Луначарский А.В. 84
 Лунь Вэй 92
 Луций Ампеллий 167
 Лэнь-шань 140
 Лю Куйлинь 173
 Лю Сяоянь 251, 252
 Лю Цзайци 79
 Лютова К.В. 117
 Лян Цичао 180, 198, 223
 Лясковский Н.Е. 275
 Маврикий 169
 Майтрейя 92
 Макаров А.В. 15, 19
 Макаров С.О. 65
 Маки 24
 Максим 24
 Максимова Г.П. 112
 Максимович К.И. 36, 39, 50, 56, 57
 Малевинская М.Е. 5, 6, 10, 58, 59,
 Малыгин 73
 Мао Цзэ-дун (Мао Цзэдун) 84, 102, 173
 Маретин Ю.В. 117
 Маржери 224
 Мари 260, 270
 Мария Федоровна 22, 200, 256, 261,
 264
 Марк Аврелий Антонин 160
 Марко Поло 9, 167, 169, 170
 Марков С. 128
 Марс 162
 Марциан Капелла 161
 Марьин 69
 Масиброда В.Е. 128
 Матусевич 195
 Мациевский Л.Н. 44
 Медведев Д.А. 250, 251
 Меллер 17

Мельников И. 252
 Мельниченко Б.Н. 253, 255, 270, 271
 Мендрин В.М. 192, 202
 Меньшиков Л.Н. 87
 Меньшиков М.О. 207
 Меркурий 161
 Мессершмидт Даниил Готлиб 18
 Миклухо-Маклай Н.Н. 280
 Миллер Ф.И. (Герард Фридрих) 13, 18, 95, 122, 127, 175, 176
 Милон 163
 Милуков П.Н. 211, 212, 223
 Милютин 70
 Минаев И.П. 134, 169
 Мичурин И.Ф. 17, 18
 В.к. Михаил Александрович 256, 271
 В.к. Михаил 262
 Михаил Федорович (Романов) 129
 Михайлов 78
 Михеев Михаил 17
 Мичико Икута 92
 Могибал-Бориракс (Фиа-Магибал Бориракс) 258, 259
 Могилянский Н.М. 279
 Молотков, 69, 70, 74
 Молчанов 69, 70, 72, 74, 75, сп. ил.
 Молчанов М.Н. 77, 78
 Молчановы 77, 81
 Молчунов 77
 Монтескье Ш.Л. 223
 Моравиц А.Ф. 39, 40, 50, 51
 Морис М.Г. 82
 Морозовы 57
 Моррисон 221
 Москалев А. 70, 79
 Му-гусай-до 140
 Мулань 111
 Мумм фон Шванцерберг 195, 197
 Муравьев М.Н. 198, 256, 259, 260, 270
 Мурзаев Э.М. 32, 35, 36, 41, 43, 54, 55, 57
 Мурзанова М.Н. 127
 Мушкетов И.В. 36
 Мэнгу хан 166
 Мэн-цзы 92
 Мэн Цихай 106
 Мясищев С. Е. 6, 10, 289
 Мясников В.С. 103, 115, 125, 132, 176

 Н.Я. 200
 Наган (братья) 24

 Надаров 73, 74, 75
 Назаров В.И. 73, 75
 Назимов П.Н. 60
 Най Пум Сакара 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265
 Наквасин 75
 Нартов А.К. 96
 Не Хун-инь 88
 Невиль, де ла 130
 Невский Н.А. 82, 83, 84, 85, 92
 Нейбург М.Ф. 31
 Нектанеб (Нахтхорхеб) 167
 Непомнин О.Е. 198
 Нерон (Нерон Клавдий Цезарь Август Германик) 159
 Неру Джавахарлал 86
 Нестеров Лукоян 13
 Неустроев Ю.С. 31
 Нижинский В.Ф. 266, 271
 Ниида Набору (仁井田陸, Niida Noboru) 246, 247
 Никитина К. 201
 Никитюк Е.В. 169
 Николай, иеромонах (Адоратский, Адорацкий П.С.) 72
 Николай, епископ (Касаткин И.Д.) 70, 72, 79, 80
 Николай I 269
 Николай II (цесаревич Николай Александрович, наследник Николай) 22, 27, 50, 72, 180, 182, 192, 255, 256, 257, 259, 260, 261, 264, 266, 267, 270, сп. ил.
 В.к. Николай Михайлович 22, 27
 Николаев С.И. 128
 Никольский А.М. 36
 Нил 168
 Нисида Тацуо 82, 84, 86, 89, 93
 Нобель Л. 24
 Новакович Стоян 258
 Новлянская М.Г. 126, 127
 Новиков Н.И. 131
 Норзунов О.М. 32, 34
 Нок Юнг 259
 Норман А. 284
 Носилов К.Д. 200
 Ободрин 68
 Обручев В.А. 21, 26, 27, 32, 33, 35
 Овидий (Публий Овидий Назон) 158
 Овсянников П.Б. 265

- Окадзаки Сэйро 84, 92
 Окулов 68, 273
 Оларовский А.Е. 257
 Олешев Е.И. 141
 Олибрий (Олибрий Аниций) 162
 В.к. Ольга Александровна 256
 Ольденбург С. Ф. 82, 83, 133, 134, 156, 266
 Д'Орнеллас 258
 Остерман А.И. (Остерман Генрих Иоганн Фридрих) 94, 98
 Остроумов Л.Е. 168
 Ошанин И.М. 245
 Оукшотт Р.И. 284, 287, 288
- Павинский Егор 122, 128
 Павлов М. 130
 Павлов Николай (Николо Христизин, Крисниц) 13
 Павлов Н.В. 31
 Павлович М.П. (Вельтман, Волонтер) 213, 214, 224
 Павловская Л.И. 108
 Павсаний 164 169
 Паин Э. А. 252
 Палладий, архимандрит (Кафаров П.И.) 101, 132, 133, 141, 150
 Памфила 163
 Пан Ин 114
 Пан Т.А. 115
 Панов Я.К. 70, 75
 Панова 78
 Панцов А. 92
 Панченко А.М. 128
 Пань-ган 226, 245
 Парышев Алексей 98
 Паустовский К.Г. 265
 Пашке Г. 98
 Певцов М.В. 20, 22, 26, 36
 Пекарский П.П. 116, 132
 Перельмутер Н.А. 132
 Пертинакс Публий Гельвий 168
 Перчес Сэмюэль 129
 Петерсен Я. 284, 287
 Петлин И. 129, 130, 132, 176
 Петр I 9, 12, 13, 15, 17, 96, 98, 101, 116, 117, 120, 121, 123, 125, 127
 Петр, архимандрит (Каменский П. И.) 98, 116
 Петров В.В. 110
- Петров К.Г. 265
 Петроний 158
 Петросян Ю.А. 87
 Печатнов 70, 74, 75, сп. ил.
 Печатновы 77
 Пещуров Д.А. 135, 150, 151
 Питкейрн 98
 Плаксин А.П. 255
 Плансон Г.А. (Плансон-Ростков) 257, 266
 Платей 163
 Плеске Ф.Д. 36, 56
 Плиний Старший 164, 164
 Плиний Младший 160
 Плотин 162
 Плотников А.Ю. 125
 Позднеев Д.М. 74, 133, 135, 150, 151, 152, 155, 177, 178, 17, 193, 198, 204, 211, 217, 218
 Покотилов Д.Д. 177, 198
 Покровская В.Ф. 127
 Покровский М.Н. 28
 Покровский П.А. (П. По-ский) 219
 Полевой Б.П. 119, 125, 127
 Полетаев А.В. сп. ил.
 Поливанов Е.Д. (псевд.: Бо Цши-шэн) 101
 Полотовская И.Л. 118
 Польшин Б.Б. 30, 31
 Поляков И.С. 36, 44, 55
 Полякова В. 108
 Помпоний Мела 160
 Пономарев П.А. 68, 70
 Пономарева Н.В. 78
 Попенко В.Н. 284
 Попов А.Ф. 69, 79
 Попов К.А. 272, 273, 274
 Попов К.С. 5,6,10, 74, 75, 272, 274, 27, 5, 276, 277, 278, 280, 281
 Попов П.С. 198, 204, 211, 217, 218
 Попов С. 74, 75, 272
 Попова И.Ф. 88, 116, сп. ил.
 Попова К.А. 247
 Поповы 77, 273
 Попович Н.И. 114
 Порнсан Ватанангура 253, 270
 Порфирион (Помпоний Порфирион) 168
 Потанин Г.Н. 20, 24, 25, 26, 27, 32, 35, 36, 45, 71, 153
 Потанина А.В. 71

- Пржевальский Н.М. 5, 6, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, сп. ил.
 Присциан 162
 Пробин (Петроний Пробин) 162
 Прокопий Кесарийский 158, 168
 Проперций (Секст Аврелий Проперций) 158
 Протасьев И.П. 68
 Протопов Михаил 49
 Протопопов А.Д. 27
 Прохоров А. 125
 Пу И 171, 172
 Пузырев Н.З. 118
 Пумпян Г.З. 5, 6, 9, 94, 117, 118, 171, 289, сп. ил.
 Путилов Григорий 126
 Путин В.В. 249, 250, 251, 252
 Путята 141, 143, 157
 Пушкин А.И. 80 152
 Пхитсанулак см. Чакрабон
 Пхра Висан Ботчанакан 258
 Пылева А.И. 5, 6, 10, 253, 289
 Пыльцов А.М. 22, 41
 Пья Махибан Борирарк 260
 Пья Сидхамасан 258, 262
 Пья Сурия Нуват 258, 260
 Пятков 69, 74

 Рагузинский см. Владиславич-Рагузинский С.Л.
 Радлов В.В. 266
 Радовский М.И. 116
 Рама IV Монгкут 254, 270
 Рама V Чуллонгкорн, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 262, 264, 265, 270, сп. ил.
 Рама VI (Вачиравуд) 260, 261, 262, 265, 266, 267
 Рамузио Дж. Б. 169
 Распутин Г.[Е.] (Новых) 270
 Рассохин Л.[И.]К. 9, 95, 96, 97, 122, 123, 125, 128
 Рафиков А.Х. 107, 116, 117
 Раху Вира (Вира Раху) 86
 Рачковский И.П. 31
 Режи 124
 Рем 162
 Ремезов С.У. 120

 Рерих Н.К. 266, 271
 Рерих Ю.Н. 71
 Рерих С.Н. 271
 Ресин А.А. 141, 157
 Рифтин Б.Л. 106, 113, 118
 Рихтер Э.О. 25
 Рицумэйкан 86
 Роборовский В.И. 20, 22, 26, 36, 45, 48, 49, сп. ил.
 Рогожников М. 251
 Родионов А.А. 113
 Родионов 68
 Родкевич 197
 Рождественская Н.П. 118
 Рождественский П. 73
 Розанов В.В. 266, 267
 Романовский Б.В. 246
 Романовы, русская династия 259, 266, 268
 Ромул 162
 Ропс Виктор 75
 Ротгольз 78
 Рудаков А.В. 177, 179, 197
 Рудановский П.К. 189, 200, 201
 Руденко Д.В. 111, 112, 118, сп. ил.
 Русинова Э.С. 5, 6, 129, 289
 Руссо 223
 Руссов В.Ф. 36
 Рустичиано (из Пизы) 167, 170
 Руф Феет Авиен 162
 Рыбаков В.М. 5, 6, 10, 225, 245, 247, 289
 Рыбаченок И.С. 270
 Рыбников 67
 Рымша 183, 184
 Рябушинский 205

 Са 63
 Сабанеев А.П. 275
 Сабашкин В.Н. 272
 Сазонов С.Д. 224
 Салтыков-Щедрин М.Е. 117
 Самойлов 189
 Самойлов Н.А. 4, 103
 Самсонова И.В. сп. ил.
 Санин Г.А. 270
 Саовапха 255, 256, 270
 Сапожников 28
 Сахаров А.М. 75
 Светоний (Светоний Гай Транквилл) 159

- Свешников С. 70, 79
Свистунов Иван 126
Святин Л.В. см. Виктор, митрополит
Се Фуцзи 73
Се Цзили 106
Северцов Н.А. 37, 39, 45, 51
Секст Амарций 163
Сеймур 182 195
Семанов Ю. 117
Семенов А.П. 36
Семенов-Тяньшанский П.П. (до
1906 г. Семенов) 22, 27, 32, 33, 35,
50, 52, 81
Сенека (Сенека Люций Анней) 158,
159
Сенковский О.И. 112
Сергеев Н.Н. 62, 63, 64, 66, сп. ил.
Сибиряков И.М. 27
Сидоний Аполлинарий 162
Сидоров А.А. 116
Силий Италик 159
Синицын А.Ю. 287, 288
Сиротин В.А. 272, 273
Ситха 262
Скасси А.И. 24
Скачков П.Е. 116, 128, 129, 132, 155,
157
Скобельцын Петр 126
Скориков А.С. 54
Скот Чарлз Стюарт 258
Скрыдлов Н.И. 61
Смолин Г.Я. 99, 103, 107, 116
Смыкалов Г.Ф. 107
Снайдер 46
Снесарев, 199
Собенников 81
Соковнин М.А. 192
Соколов А. К. 117
Соколовский 132
Солин (Гай Юлий Солин) 161
Соловцов А.И. 277
Соловьев 173, сп. ил.
Солонин Ю.К. 89
Сопленков С.В. 269, 271
Сонни А.И. 168
Сорокин 275
Сосновский Ю.А. 25, 70, 79
Софоклов Г.А. 75, 76
Софронов М.В. 86, 92
Спафарий Н.Г. (Спафарий-Милеску) 101,
17, 119, 121, 125, 130, 132, сп. ил.
Спешнев Н.А. 77, 107, 113
Старк О.В. 61
Старостин Б.А. 169
Стаций 159
Стейн Аурель 90
Степанов 128
Степанов Онуфрий 176
Стравинский И.Ф. 271
Стратановский Г.А. 168
Сукачев М.П. 26
Сунь Линци 249, 251, 252
Сурков В. 250
Сунь Ятсен (Сунь Ят-сен или Сунь
Исянь) 66, 206, 207, 208, 209, 211,
212, 213, 215, 219, 222
Сушкин П.П. 30
Сырку П.А. 130
Съромятников С.Н. 204, 207, 208
Сюань Цзиньшань 252
Сюе Сяньтянь 104, 105, 117
Сюй Ипэн 249, 250, 252
Сюй Панлин 221
Сюй Хуйци 103, 105, 117
Сюй Шичан 77
Ся В.С. 75
Ся Юань-хао 84
Тагановский В.К. 39
Такшина, 202
Тан Сяо-фан 88, 93
Тан Шаои 217, 220
Тао Цзюнь сп. ил.
Тарас Бульба 140
Тарасова Н.А. 108
Тарыданов 184
Тачановский В.К. 39
Телешов П. 48, 52
Теодорий 162
Теофрид 163
Теплоухов С.А. 30
Терентьев-Катанский А.П. 85, 92
Терещенко 189
Тиберий (Тиберий I, Клавдий Нерон)
159
Тиль Уленшпигель 271
Тимченко-Острроверхов А.Н. 75, 76,
204, 214
Тит 169
Титаренко М.Л. 118
Тифун-гай
Тихвинский С. 125

- Тихвинский С.Л. 176
 Тихомиров В.А. 274, 275, 281
 Тихонов А.К. 44
 Тойберг А.Ж. (Жукова) 111
 Токмаков 68, 69, 72, 74, 75, 77
 Токмаковы 77
 Толстой Д.И. 279, 280
 Толстой И.И. 169
 Толстой Л.Н. 21, 174, 208
 Третьяков В.Т. 250
 Трубников Б.Г. 285, 288
 Тугаринов А.Я. 31
 Тулишен 126
 Тутов И.И. 107
 Тыртов С.П. 71
- У Тинфан 215, 217, 224
 У Тянь-чи 85, 92
 У Фэн-юн 92
 Уанг-ча-тан 62
 Уваров С.С. 97, 116
 Уиланд Дж. 288
 Унженин С.В. 77
 Унковский И. 120, 126
 Унферцагт Г.И. 5, 6, 12, 13, 14, 15, 16,
 17, сп. ил.
 Унферцагт Христфор 17
 Унферцагт Юлиус 17
 Ухтомский Э.Э. 207, 255, 266
- Фавст 75
 Фан Нин 249, 251
 Фань Фучао 180
 Фань Цзяньчжун 249, 250, 252
 Феб 159
 Федра 159
 Федотова Е.Б. 111, 112
 Федченко А.П. 51
 Фельде 193
 Фельтен Ю.М. 17
 Феофилакт Симоккат 169
 Фердинанд I Кобургский 263, 271
 Фиа-Магибал-Бориракс (Могибал
 Бориракс) 258, 259
 Фиа-Сридга-Масасан 259
 Филиппова Т.Ф. 5, 6, 12, 117, 289,
 сп. ил.
 Фирсов 95
 Фиц(ц)ер Вильгельм 129
 Фишман О.Л. 167
 Флавий Вописк 160, 167
- Флеров 78
 Флор (Луций (или Юлий) Анней Фло-
 рус) 159
 Флоринский В.М. 136
 Фокин М. 271
 Фомичева Е.А. 271
 Формозов А.Н. 31
 Фредерик IV 12
 Фредерикс В.Б. 259, 270
 Фу Нажингова см. Костюченко На-
 жина
- Хаис 75
 Хантер Эйлин 265, 270
 Хаминов 68
 Харитон [Афродисийский, афродиси-
 ец] 168
 Хартц Андреас 16
 Хвостов В. 125
 Херей 168 169
 Хинец 217
 Холмовская Т.Н. 108, 109, 110, 117,
 118, сп. ил.
 Хорошев 78
 Хохлов А. Н. 5, 6, 10, 79, 80, 203, 209,
 211, 213, 217, 219, 223, 289
 Храповицкая 261, 263
 Хросвита Гандерсгеймская 163
 Хрулев А. 260
 Хрущов А.Ф. 9
 Хрущов Н.С. 84
 Ху Бинь 180, 199
 Хуан Чжэнь-хуа 84, 92
 Хун Син 223
- Цах Э., фон 92
 Церпицкий К.В. 183, 184, 185, 187
 Цин И Куан 189 191 192 193 197 201
 Цзян Гуйши 252
 Цзян Шилунь 114
 Циперович И.Э. 111, 113, 118
 Цыбиков Г. 32, 34
 Цыси 179, 180, 182, 184, 187, 193
 Цюй 74
 Цэван-Рабтан хун-тайчжи 126
- Чадов А. 126
 Чакрабон, принц Сиама 259, 260, 261,
 262, 263, 264, 265, 267, 269, 270,
 271
 Чакрабон Нариса 265

- Чан Кайши 78
 Чан Сергей 75
 Чандра Локеш 86
 Чебаев Панфил 42
 Чередов И. 120
 Черепанов 69
 Чжан Инмао 196
 Чжан Фуин 102
 Чжан Хайпэн 103, 105, 117, сп. ил.
 Чжан Чжидун 72, 74, 80
 Чжан Шухуа 249, 252
 Чжан Юкунь 285, 288
 Чжан Яцин 114
 Чжао Гоци, 106
 Чжао Лунгэн 252
 Чжао Чжучжао 190
 Чжоу Вэй 288
 Чжоу Синьминь 102, 105, 117
 Чжоу Эньлай 173
 Чжуан, князь 190
 Чжун Куан 92
 Чжэбзунь дамба хутухты 153
 Чингис-хан 164
 Чирков 75
 Чичагов Н.М. 184 199
 Чичерин Г.В. 28, 33
 Чихачев 71
 Чотирави Карина 253
 Чубайс А. Б. 252
 Чугуевский Л.И. 87
 Чула, принц 264
 Чулалонгкорн см. Рама V Чуллонг-корн
 Чун, князь, 184, 196
 Чухнин Г.П. 60
 Чэнь Бин-ин 84
 Чэнь Шу-Пэн 128
 Чэнь Ю-нин 88, 93
- Шакрабонгза см. Чакрабон
 Шакьямуни 156
 Шастин Н.П. 72
 Шатравка А.В. 118
 Шатурский В.П. 75
 Шафиров П.П. 98
 Шафрановская Т.К. 14,16, 114,115, 116, 132
 Шафрановский К.И. 114, 115, 116, 132
 Шварц 95
 Шевелев М.Г. 69, 71, 79
 Шеллер 275
- Шервинский С. В. 158
 Шетиллов Василий 126
 Ши Цзинь-бо 84, 87, 88, 90, 91, 92
 Ширкунов Л. 70
 Шишкин В.Е. 110,111, 116, 117, сп. ил.
 Шлепаков 78
 Шмидт Иоганн Христиан 13, 14, 16
 Шренк Л.И. 38, 55, 58
 Штейн В.М. 107
 Штраус Р. 271
 Штраух А.А. 36, 38, 39, 43, 44, 49, 50, 51, 54, 55, 56, 57
 Штюбе Р.А. 82, 91
 Шуйский Н.А. 68
 Шумахер Иоганн Даниель 95, 96
 Шумов 61
 Шэнь-цзун 129
- Щацилло К.Ф. 270
 Щекин М.С. 224
- Эклон Ф.Л. 44, 45, 47
 Эллигер Оттомар 17
 Эн. Эм. 205
 Эннодий 162
 Энь 144
- Юань Шикай 206, 207, 209, 213, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 224
 Юваджита Пачи 253
 Юдахина О.Г. 4, 11
 Юй Дунлинь 102
 Юлий Валерий 167
 Юлий Гонорий 167
 Юлий Капитолин 168
 Юрьев К.Б. 56
 Юрьев П.Ф. 60
 Юрьевский, кн. 261
 Юрьевская, кн. 261
 Юстиниан 167
 Юсупова Т.И. 33, 34, 35
- Ягужинский П.И. 16
 Яковсон Г. 54
 Яковлев Л.Г. 257
 Яковлев М.И. 173, 176, сп. ил.
 Якушев 78
 Ян Ю 191
 Ян Юэмин 285, 288
 Янчевецкий Д.Г. 185, 200, 204

Andreyev A.I. 6
Backmeister J. 116
Bayer Theophilus Sigefridus 131
Borodich V. F. 6
Busse J. 116
Chakrabongse N. 271
Creel H.G. 247
Dazishen V.G. 6
Delisle J.-N 127
Dmitriyev S.V. 6
Gorelov N.S. 6
Dragunov A.A. 92
Dunnell R. 93
Hunter E. 271
Ivanov A. 92
Isbrants Ides E. 125
Isnar A. 127
Jevreinov Jos. 127
Khokhlov A.N. 6
Krasnikova O.A. 6
Laufer B. 92
Li Teng-hsin 251
Luc Kwanten 93
Ludchin Fedor 127
Kanichi 127, 127
Krementsov Nikolai 33
Kychanov 6
Malevinskaya M.Ye. 6
Miroshnikov L.I. 32
Myasishev S.Ye. 6
Norman A. 288
Niida Noboru см. Ниида Нобору
Oakeshott R.E. 288
Philippova T.Th. 6
Plano Carpini 164
Poumpian G.Z. 6
Pylyova A.D. 6
Roussinova A.S. 6
Rybakov V.M. 6
Samoylov N. A. 4
Schmidt J. Ch. 13
Stube R. 92
Nevsky N.A. 92
Wang Jing-ju 92
Vitsen Nikolas 127
Vinogradova T. I. 4
Vitsen N. 127

Авторы

- Андреев Александр Иванович – д.и.н., директор Мемориального музея-квартиры П.К. Козлова при РАН
Бородич Владимир Федорович – д.ю.н., вед. науч.сотр. ИДВ РАН (Москва)
Горелов Николай Сергеевич – д.и.н., н.с. ОЛСАА БАН и преп. Вост. ин-та (в 1995–2007)
Дацышен Владимир Григорьевич – д. и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск)
Дмитриев Сергей Владимирович – к.и.н., ст. науч. сотр. РЭМ
Красникова Ольга Алексеевна – к.и.н., зав. сектором картографии ОФО БАН
Кычанов Евгений Иванович – д.и.н., глав. науч. сотр. ИВР РАН
Мясищев Сергей Евгеньевич – к.и.н., асс. Восточного факультета СПбГУ
Пумпян Галина Захаровна – к.ф.н., ст. науч. сотр. ОЛСАА БАН
Пылева Анастасия Игоревна – аспирантка Восточного факультета СПбГУ
Русинова Элеонора Сергеевна – к.ф.н., науч. сотр. Отдела БАН при ИВР РАН
Рыбаков Вячеслав Михайлович – д.и.н., вед. науч. сотр. ИВР РАН, член СП СССР и СП СПб.
Филиппова Татьяна Федоровна – глав. библиотекарь НИОРК БАН
Хохлов Александр Николаевич – к.и.н., науч. сотр. ИВАН (Москва)

Список сокращений

- АВИВР – Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург)
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва)
Архив Народного Правительства города Ухань. 9. 609/31. (Ухань, КНР)
Архив СПб Ф АРАН – Архив Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук (СПб)
Архив РГО – Архив Российского географического общества (Санкт-Петербург)
Архив Президента РФ (Москва)
Архив РЭМ – Архив Российского этнографического музея (РЭМ) (Санкт-Петербург)
Архивы РНБ (СПб)
БАН – Библиотека Российской академии наук
ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГАЧО – Государственный архив Читинской области (Чита)
ГАИО – Государственный архив Иркутской области (Иркутск)
ГЭ – Гос. Эрмитаж
ИАН – Императорская академия наук
ИВР РАН – Институт восточных рукописей РАН
ИОВ – Императорское общество востоковедов
ИРГО – Императорское российское географическое общество
Красноярский краевой краеведческий музей. Вспомогательный фонд (в/ф) 9463/8. С. 8. (Красноярск)
ЛВИ – Ленинградский восточный ин-т

ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков
 МИАН – Материалы для истории Императорской академии наук. В 10 т. Спб., 1885–1900. Т. 1–10.
 НАМЗП – Науч. архив Музея-заповедника Петергоф
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 НИОР (БАН) – Научно-исследовательский отдел рукописей БАН
 НИОРК (БАН) – Научно-исследовательский отдел редкой книги БАН
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников государственного исторического музея Москвы (Москва)
 ПАН – Петербургская академия наук
 ПГУ – Петроградский государственный университет
 ПИЖВЯ – Петроградский институт живых восточных языков
 ПИУ – Петербургский (Петроградский) императорский университет
 ПФА РАН (или СПб ФА РАН) – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
 РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 РГИА – Российский государственный исторический архив (Москва)
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
 РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
 РГО – Российское географическое общество
 РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов (г. Красногорск)
 РДМ – Российская духовная миссия в Китае
 РНБ ОР – Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей (Санкт-Петербург)
 СП – Союз писателей
 ТОГУ – Тихоокеанский гос. ун-т (Хабаровск)
 ТОШВЯ – Ташкентская офицерская школа восточных языков
 ФВЯ – Факультет восточных языков ПИУ
 ЦГА СПб. – Центральный государственный архив (Санкт-Петербург)
 ЦИЖВЯ – Центральный институт живых восточных языков
 RASL – Russian Academy of Sciences Library

Список иллюстраций

I. Ранние художественные изображения Китая, выполненные во время посещения Китая русской миссией Л.В. Измайлова в 1719–1722 гг. находившимся в ее составе Г. И. Унферцагтом (впоследствии гравер Петербургской академии наук) (см. статью Т.Ф. Филипповой).

1. Разворот тит. л. книги Унферцагта о посещении Китая русской миссией Г.И. Измайлова. Изображение маньчжура и монгола, их жилища.
2. План г. Пекина.
3. Портреты мужчины и женщины в китайских костюмах на фоне пагоды.
4. Китайские комедианты.

II. Русские экспедиции в Центральной Азии

5. Участники 4-й экспедиции Н.М. Пржевальского (1883–1885). В первом ряду сидят (слева направо): П.К. Козлов, Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский. Архив Музея-квартиры П.К. Козлова.
6. Караван Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова (1907–1909). Переход через Цайдам.
7. Походные жилища путешественников. Рис. В.И. Роборовского из книги о 3-м путешествии Н.М. Пржевальского (Н.М. Пржевальский. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883).
8. Вьючный багаж экспедиции.
9. Походные принадлежности кухни.
10. Верблюд с коллекциями.
11. Экспедиционный ящик для перевозки грузов и чайник Н.М. Пржевальского. Музей-квартира П.К. Козлова.

III. Зоологические коллекции из экспедиций Н.М. Пржевальского по Центральной Азии и рисунки животных В.И. Роборовского из книги о 3-м путешествии Н.М. Пржевальского

12. Н.М. Пржевальский на охоте с сеттером (из кн.: Дубровин Н.Ф. Н.М. Пржевальский. СПб., 1890).
13. Штуцер Ланкастера, принадлежавший Н.М. Пржевальскому. Из фондов РГО.
14. Дикая лошадь Н.М. Пржевальского.
15. Дикий верблюд.
16. Дикий як.
17. Медведь тибетский.
18. Животная жизнь в Северном Тибете.
19. Выставка зоологической коллекции Н.М. Пржевальского в здании Императорской Академии Наук в 1887 г. (там же).

IV. Приложение к рапорту капитана 2 ранга Сергеева в 1911 г. из Российского главного архива Военно-Морского Флота. Учанское восстание (в преддверии Синьхайской революции). (Ф. 418. Оп 1. Д. 3887. Л. 49)

20. Карта.
21. Один доллар, выпущенный революционным правительством.

22. Дети-революционеры участвуют в войсках, при входе в концессии ружья отбирались стоящими на улицах десантами.
23. Разрушенная часть китайского города в Ханькоу после обстрела империалистами и пожара.
24. Форт в Нанкине, перешедший к революционерам.
25. Палатки революционеров.

V. Приложение к рапорту капитана 2 ранга Сергеева в 1911 г. из Российского главного архива Военно-морского флота. Учанское восстание (в преддверии Синьхайской революции). (Ф. 418. Оп 1. Д. 3887. Л. 49)

26. Орудие Круппа (полевая артиллерия) у империалистов.
27. Артиллерийская запряжка.
28. Пожар вокзала Да-Джи-Лынь.
29. Революционные войска на отдыхе.

VI. Государственные деятели Китая и исследование китайской средневековой бюрократии (по фондам ИВР РАН)

30. Китайский государственный деятель и дипломат Ли Хунчжан (из кн.: Всемир. ил. 1883. № 759. С. 69).
31. Китайский уголовный кодекс VII в.
32. Божки в одежде китайских чиновников в даосском храме в Шанхае (из фотоархива В.Е. Шишкина).

VII. Русское присутствие в Китае в конце XIX в. (по материалам журнала «Всемирная иллюстрация»). Ханькоу в 1891 г. (ил. были подгот. в связи с путешествием наследника цесаревича Николая на фрегате «Память Азова» и посещением им в Китае г. Ханькоу); русская чаепромышленность в Китае

33. Православная церковь в городе Ханькоу.
34. Дом Молчанова, Печатнова и Ко в городе Ханькоу в день приезда Его Высочества.
35. Триумфальная арка, воздвигнутая китайцами в Ханькоу.
36. Первая чайная русская фабрика, в окрестностях Тун-жана.
37. Возделывание, приготовление и отправка чая в Китае. Вид города Ян-лоу-дуна, одного из главных мест русских чайных плантаций.
38. Базар в Урге и прибытие каравана с чаем.

VIII. Современные виды г. Ханькоу, КНР (из фотоархива проф. В.Г. Дацышена, 2010)

39. Мемориальная доска с надписью (пер. В.Е. Шишкина): «Бывшее здание полицейского участка Русской концессии (построено в 1902 г.), являлся местным полицейским отделением Ведомства работ (кадров), отправлял функции по наведению правопорядка, ведению информационной (разведывательной) деятельности и правосудия (до 1900 г. в общей сложности было задержано и привлечено к ответственности 30 человек, как иностранных, так и китайских подданных). Здание национализировано в 1924 г.»
- 40–41 Бывшее здание русского консульства в Ханькоу (рядом со зданием – проф. В.Г. Дацышен). Надпись на мемориальной табличке (пер. В.Е. Шишкина): «Замечательное в архитектурном отношении историческое здание Русского консульства. Построено в 1902 г. в стиле классической русской архитектуры, из армированного бетона. Четырехэтажный фасад с симметрично расположенными колоннами подчеркивает статус его владельца. Главный вход в виде портика с плоской крышей находится в центре, по обеим сторонам при входе имеются пандусы. Россия открыла консульство в 1869 г. в Ханьяне,

в 1891 г. оно было переведено в Ханькоу. 21 июня 1896 г. правительства России и Цинской империи подписали договор об определении границ участка земли для постройки здания консульства. В 1902 г. консульство переехало в новое здание, с 1909 г. стало генеральным консульством. В 20-х годах XX в. настоящее здание некоторое время служило штабом гарнизонного командующего Тао Цзюнь. 28 марта 1993 г. Народное правительство города Ухань».

IX. Изучение тангутских коллекций П.К. Козлова из Харо-Хото

42. Ленинград, 1987 г. Исследователи тангутских коллекций фонда П.К. Козлова в ИВР РАН из Харо-Хото – директор ЛО ИВАН Е.И. Кычанов и китайский ученый Ли Фань-вэнь в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.
43. Проф. Е.И. Кычанов (ИВР РАН, Санкт-Петербург) в городе Харо-Хото 2008 г.,
44. г. Лючэн (КНР), 2010 г., июнь. Российские и китайские специалисты у развалин г. Лючэн в пустыне Гоби под Хара-Хото (уезд Линъюань провинции Жэхэ), видны остатки жерновов для помола зерна. На снимке (слева направо): дир. ИВР РАН И.Ф. Попова, проф. Е.И. Кычанов и сотрудница Архива г. Шечуань (КНР).

X. Из коллекций рукописей и книг Библиотеки РАН (фонды на китайском языке, российское китаеведение)

45. Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург.
46. Рукопись путешествия Николая Спафария (1636–1708) во главе русского посольства в Китай в 1675–1678 гг. (список послед. четверти XVII в., исп. в изданиях «Путешествия Спафария»).
47. Книги из Энциклопедии эры правления Юнлэ (Юнлэ дадянь).
48. Труды одного из первых российских китаеведов А.Л. Леонтьева.

XI. Востоковеды, научная жизнь и международное сотрудничество БАН с Китаем

49. Ленинград, 1955 г. Востоковеды – сотрудники Отдела литературы стран Азии и Африки и Отдела иностранного комплектования БАН, слева направо: зав. ОЛСАА С.С. Булатов (японевед), китаисты Е.А. Крылова и Б.Г. Доронин. (Впоследствии Е.А. Крылова (1929–2005) была одним из ведущих китаеведов-каталогизаторов в БАН, Б.Г. Доронин в настоящее время проф. Восточного факультета СПбГУ, С.С. Булатов (1931–2003) был начальником Протокольного отдела мэрии Санкт-Петербурга в 90-е гг. XX в.).
50. Ленинград, 1951 г. Студентка кафедры китайской филологии Восточного факультета ЛГУ Т.Н. Холмовская со своим супругом, студентом Московского горного института А.В. Полетаевым. (В 1975–1987 гг. Т.Н. Холмовская была зав. Отделом литературы стран Азии и Африки БАН, А.В. Полетаев работал в странах Азии в качестве горного инженера).
51. Пекин, 1955 г. Нажингова Фу (Нажина Костюченко) – выпускница Пекинского института иностранных языков, в 1958–1992 гг. – сотрудница ОЛСАА БАН.
52. Пекин, май 1991 г. Посещение Института новой истории Академии общественных наук КНР делегацией БАН и обсуждение работы по подготовке каталога по истории русско-китайских и советско-китайских связей. Слева направо: директор Ин-та новой истории АОН КНР проф. Чхан Хайпэн, научная сотрудница Ин-та новой истории АОН КНР проф. Ли Юйчжэнь,

директор БАН проф. В.П. Леонов, сотрудник ОЛСАА БАН, китаевед В.Е. Шишкин.

53. Санкт-Петербург, 1999 г., конференц-зал БАН. После завершения работы секции «Россия и Китай» в БАН в рамках городской конференции, посвященной 50-летию образования КНР. Справа налево: сотрудники ОЛСАА, участники и организаторы работы секции, в нижнем ряду – китаеведы Т.Н. Холмовская, Е.А. Крылова, зав. ОЛСАА (в 1987–2007 гг.) Г.З. Пумпян, китаевед Н. Костюченко; в верхнем ряду китаевед Д.В. Руденко, специалист по истории изучения Востока в европейской средневековой традиции Н.С. Горелов и китаевед В.Е. Шишкин. (На снимке также сотрудники отдела В.В. Донских и И.В. Самсонова).
54. Санкт-Петербург, сентябрь 2003 г. Открытие книжной выставки ЦДИ АОН КНР в Библиотеке РАН. Зам. директора БАН по научной работе Н.В. Колпакова приветствует китайскую делегацию.
55. Тяньцзинь (КНР), 2009 г. Международная конференция «Литература – мост, связывающий души китайского и русского народов». На фотографии в центре – участница конференции, зав. Отделом литературы стран Азии и Африки БАН Т.И. Виноградова.
56. Бао-Тоу (КНР). Бывшее здание Общества китайско-советской дружбы.
57. Бао-Тоу (КНР), 1989. У входа в бывшее здание Общества китайско-советской дружбы – Нажина Костюченко (Нажингова Фу), в 50-е гг. переводчик о-ва, и С.А. Костюченко, советский специалист в Бао-Тоу в 50-е гг.
58. Пекин, конец 50-х гг. XX в. Агентство «Синьхуа», русская секция в редакции информации для зарубежных стран. В первом ряду сидят – советские журналисты из ТАСС Соловьев, Иванов и Яковлев (автор книги «Семнадцать лет в Китае»), во втором ряду стоит 3-я справа Нажингова Фу.

XII. Из истории связей России со странами АТР (Таиланд).

59. Санкт-Петербург, 1897 г. На набережной Невы у Академии Генерального штаба король Чулалонгкорн обходит почётный караул. (Альбом 75. Снимок 2. РГАКФД).
60. 1914 г. Император Николай II и цесаревич Алексей со слоном, подаренным королём Чулалонгкорном императорской семье. (Альбом 653. Снимок 28. РГАКФД).
61. Король Чулалонгкорн на яхте императора Николая II «Штандарт». Санкт-Петербург, 1897 год. Альбом 75. Снимок 3. РГАКФД.
62. Король Чулалонгкорн обходит почётный караул. Санкт-Петербург, 1897 год. Альбом 75. Снимок 2. РГАКФД.
63. Беседка, украшенная в восточном стиле в честь приезда короля Чулалонгкорна. Царское Село, 1897 год. Альбом 75. Снимок 9. РГАКФД.

Россия и Китай

Научные и культурные связи
(по материалам архивных, рукописных,
книжных и музейных фондов)

Вып. 2

Редактор О. Г. Юдахина

Корректор М. В. Томшина

Подписано к печати 13.12.2012.

Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 19,7

Тираж 100 экз. Заказ № 149

Отпечатано в ОПБ Библиотеки РАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)